ЗАКОН и ВЛАСТЬ

№3
2026

Учредитель: **ООО «Русайнс»**

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN **2587-831X**
Подписной индекс Роспечати **65001**

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru
Сайт: http://zakonivlast.ru/

Журнал входит в ***Перечень ВАК*** *ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Конышев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурышев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:
Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии
ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Подписано в печать: 30.03.2026 *Цена свободная* *Тираж* 300 экз. Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Содержание

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Факторы политической стабильности в контексте внутренней политики Красноярского края. Хубаев Г.С. ... 6

Специфика формирования и рекрутирования политических элит в закрытых административно-территориальных образованиях (на примере структуры ГК «Росатом» ЗАТО «Саров»). Большаков А.О. ... 10

Определяющие принципы и цели трансформации российской федеративной системы. Волох О.В., Марухина А.Д. ... 13

Социальное восприятие межнациональных отношений в Москве: между толерантностью и запросом на ограничения. Громова Д.А., Лаба Л.Я. ... 16

Русофобия как политическая технология на примере стран Прибалтики. Скворцов Д.Е.22

Использование социальных сетей в политической коммуникации: вызовы для безопасности и возможности повышения гражданского доверия. Яковлева О.А. ... 27

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Исламский экстремизм в Центральной Азии: трансформация угроз в условиях глобализации и цифровизации. Айдарбекова А. ... 32

Вопросы миростроительства в конфликте ДРК-Руанды: от теоретического подхода к практической реализации. Де Сейта Лима Далмейда Арагау Ожвалду ... 37

Публичная дипломатия США как фактор трансформации внешнеполитических ориентаций Казахстана и Узбекистана. Толстых А.И. ... 42

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

Проблема коррупции в африканских государствах на примере Гвинеи-Бисау. Дабо Салиу ... 46

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Искусственный интеллект в избирательном процессе России и зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ. Гогурчунов Б.И., Амирасулов М.А.51

Конституционно-правовой статус Центрального банка Российской Федерации как субъекта государственного финансового контроля. Тельян М.А.54

Конституционная модель президентской власти в Российской Федерации. Хабаров В.С. ... 57

О нормативно-правовом регулировании обеспечения общественной безопасности на региональном и местном уровнях. Шеншин В.М., Гусаим И.В. ... 62

Национальное и наднациональное регулирование административно-правового статуса национального антимонопольного органа. Беляков А.В. ... 66

Институт гражданства как правовая и социальная связь между личностью и государством. Горбачева О.В. ... 72

Контрольно-надзорная деятельность налоговых органов в решениях высших судов. Григорьева Н.В. ... 77

Эволюция принципов государственного регулирования деятельности Русской православной церкви в 2010-2020-х гг. Закроец М.Н. ... 81

Искусственный интеллект и наследственные правоотношения: цифровые активы, данные и пределы посмертного распоряжения. Кравченко О.В. ... 86

Значение и роль искусственного интеллекта в развитии системы правосудия. Москалёв ЮМ. ... 90

Конституционно-правовая регламентация установления и изменения границ между субъектами Российской Федерации: пробелы и пути совершенствования. Сангаджиев Э.Б. ... 96

Эволюция и современное значение конституционного контроля в системе защиты прав и свобод. Сомов Д.С. ... 100

Трансформация правового статуса муниципальных образований в условиях централизации власти: российский и африканский векторы. Туболев С.М. ... 105

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Правовая природа договора ОСАГО в системе гражданско-правовых договоров. Галиев Э.Ф. ... 108

Банкротство физических лиц: изменения механизма и его особенности. Глухова О.Ю.113

Гражданско-правовое регулирование оптового рынка электрической энергии и мощности. Калинина А.Р., Букалерова Л.А. ... 116

Объективность компенсации репутационного вреда юридического лица в гражданском судопроизводстве. Криони М.В., Воронин Д.Б. ... 122

Правовые коллизии при определении момента прекращения режима совместной собственности супругов в условиях фактического распада семьи. Мазка Е.Ю., Рязанцева Е.А. ... 128

Перспективы публично-правового регулирования цифровой информации. Азамов В.А. ... 134

Трансформационные процессы в управлении в закрытых административно-территориальных образованиях (ЗАТО) (на примере структуры ГК «Росатом»). Большаков А.О. ... 137

Честь, достоинство и деловая репутация в цифровой среде: квалификация распространяемых сведений и выбор способа гражданско-правовой защиты. Кузнецов Н.А. ... 143

Налоговый мониторинг: перспективы развития в контексте вовлечения в его контур большего числа крупных налогоплательщиков. Кузнецов А.А. ... 147

К вопросу о классификации видов и форм потребительского экстремизма. Орлов А.Д. ... 150

Особенности гражданско-правовой ответственности нотариуса при совершении электронных нотариальных действий: сравнительно-правовой аспект. Рогов А.А. ... 154

Правовое регулирование логистических услуг: соотношение договорных форм и отраслевой специфики. Рунова Е.И. ... 157

Проблемы обеспечения баланса частных и публичных интересов при реализации инвестиционных проектов в сфере жилищного строительства. Сафин В.Н. ... 161

Признание обязательств супругов общими в деле о банкротстве: влияние дисбаланса презумпций общности активов и раздельности пассивов супругов на права кредиторов. Сергеев Г.О. ... 168

Роль принципов правового регулирования в деятельности органов конституционного контроля Китайской Народной Республики. Сорокина Е.В., Шабашев К.А. ... 172

Правовой режим объектов авторского и патентного права, созданных искусственным интеллектом. Ткач М.Ю. ... 177

О вопросах оспаривания сделок должника (физического лица) в процедуре несостоятельности (банкротства): проблемы теории и правоприменения. Филиппова А.И., Егоров Н.Д. ... 184

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Особенности действий правоохранительных органов России в зоне специальной военной операции. Пантелеев В.А., Пантелеев Д.В. ... 188

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Проблема определения правовой природы демереджа, экономические аспекты демереджа. Ермолин В.К. ... 192

Международно-правовые стандарты охраны авторских прав в условиях глобальной цифровизации. Смольников Д.А. ... 195

Особенности правового регулирования статуса руководителей территориальных органов федеральной власти в Соединенных Штатах Америки. Фирсов М.В. ... 199

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Институт условно-досрочного освобождения: теория и практика реализации. Синицина М.В. ... 204

Цифровая трансформация правоприменения: вызовы для уголовно-правовой практики в условиях электронного государства. Горлова Д.М., Денисов С.И. ... 210

Проблемы квалификации легализации преступных доходов по ст. 174 и 174.1 УК РФ. Катников И.И. 216
Процессуальные и организационные проблемы обеспечения явки трудовых мигрантов при расследовании преступлений. Мустаев Т.И. 220
Факторы увеличения сроков предварительного расследования преступлений с участием иностранных граждан. Мустаев Т.И. 224
Сравнение модели криминализации деяний, связанных с государственной изменой в уголовном законодательстве Франции и России. Никушкин Р.А. 228
Проблемы реализации положений, предусмотренных п. 2 ч. 2 ст. 27 УПК РФ. Романов Э.А. 232
Организация профилактической работы с осужденными за преступления террористического характера и экстремистской направленности в учреждениях, исполняющих наказания, не связанные с изоляцией от общества. Таптыков А.В. 236

Contents

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, AND TECHNOLOGIES

Factors of Political Stability in the Context of Domestic Politics in Krasnoyarsk Krai. Khubaev, G.S. 6

The Specifics of Formation and Recruitment of Political Elites in Closed Administrative-Territorial Entities (Based on the Structure of the Rosatom State Corporation, Closed Administrative-Territorial Entity, Sarov). Bolshakov, A.O. 10

The Defining Principles and Goals of Transforming the Russian Federal System. Volokh, O.V., Marukhina, A.D. 13

Social Perception of Interethnic Relations in Moscow: Between Tolerance and the Demand for Restrictions. Gromova, D.A., Laba, L.Ya. 16

Russophobia as a Political Technology: The Case of the Baltic States. Skvortsov, D.E. 22

The Use of Social Media in Political Communication: Challenges to Security and Opportunities for Improving Civic Trust. Yakovleva, O.A. 27

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

Islamic Extremism in Central Asia: The Transformation of Threats in the Context of Globalization and Digitalization. A. Aidarbekova 32

Peacebuilding Issues in the DRC-Rwanda Conflict: From Theoretical Approach to Practical Implementation. De Seita Lima Dalmeida Aragão Ojwaldo 37

US Public Diplomacy as a Factor in the Transformation of the Foreign Policy Orientations of Kazakhstan and Uzbekistan. A.I. Tolstykh 42

POLITICAL REGIONALISTICS. ETHNOPOLITICS

The Problem of Corruption in African States: The Case of Guinea-Bissau Dabo Saliu 46

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORICAL RESEARCH

Artificial Intelligence in the Electoral Process in Russia and Foreign Countries: A Comparative Legal Analysis. Gogurchunov B.I., Amirasulov M.A. 51

Constitutional and Legal Status of the Central Bank of the Russian Federation as a Subject of State Financial Control. Tel'yan M.A. 54

Constitutional Model of Presidential Power in the Russian Federation. Khabarov V.S. 57

On the Normative and Legal Regulation of Public Security at the Regional and Local Levels. Shenshin V.M., Gusaim I.V. 62

National and Supranational Regulation of the Administrative and Legal Status of the National Antimonopoly Authority. Belyakov A.V. 66

The Institute of Citizenship as a Legal and Social Link between the Individual and the State. Gorbacheva O.V. 72

Tax Authorities' Supervisory and Regulatory Activities in Higher Court Decisions. N.V. Grigorieva. 77

The Evolution of the Principles of State Regulation of the Russian Orthodox Church in the 2010s-2020s. M.N. Zakroets. 81

Artificial Intelligence and Inheritance Relations: Digital Assets, Data, and the Limits of Posthumous Disposition. O.V. Kravchenko. 86

The Significance and Role of Artificial Intelligence in the Development of the Justice System. Yu.M. Moskalov.... 90

Constitutional and Legal Regulation of the Establishment and Change of Boundaries between Subjects of the Russian Federation: Gaps and Paths for Improvement. E.B. Sangadzhiev. 96

The Evolution and Current Significance of Constitutional Review in the System of Protecting Rights and Freedoms. D.S. Somov. 100

Transformation of the Legal Status of Municipalities in the Context of Centralized Power: Russian and African Vectors. Tubolev S.M. 105

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES

The Legal Nature of the Compulsory Motor Liability Insurance Agreement in the System of Civil Contracts. Galiev E.F. 108

Bankruptcy of Individuals: Changes in the Mechanism and Its Features. Glukhova O.Yu. 113

Civil Regulation of the Wholesale Electricity and Capacity Market. Kalinina A.R., Bukalerova L.A. 116

Objectivity of Compensation for Reputational Damage to a Legal Entity in Civil Proceedings. Krioni M.V., Voronin D.B. 122

Legal Conflicts in Determining the Moment of Termination of the Joint Property Regime of Spouses in the Context of De facto Family Dissolution. Mazka E.Yu., Ryazantseva E.A. 128

Prospects for Public Law Regulation of Digital Information. Azamov, V.A. 134

Transformation Processes in Management in Closed Administrative-Territorial Entities (ZATOs) (Based on the Structure of Rosatom State Corporation). Bolshakov, A.O. 137

Honor, Dignity, and Business Reputation in the Digital Environment: Qualification of Disseminated Information and the Choice of Civil Protection. Kuznetsov, N.A. 143

Tax Monitoring: Development Prospects in the Context of Involving More Large Taxpayers. Kuznetsov, A.A. 147

On the Classification of Types and Forms of Consumer Extremism. Orlov, A.D. 150

Characteristics of Notary Civil Liability in Electronic Notarial Acts: A Comparative Legal Aspect. Rogov, A.A. 150

Legal Regulation of Logistics Services: The Relationship between Contractual Forms and Industry Specifics. Runova, E.I. 157

Problems of Ensuring a Balance between Private and Public Interests in the Implementation of Investment Projects in Housing Construction. Safin V.N. 161

Recognizing Spouses' Obligations as Common in Bankruptcy Cases: The Impact of the Imbalance between the Presumptions of Community Assets and Separate Liabilities of Spouses on Creditors' Rights. Sergeev G.O. 168

The Role of Legal Regulation Principles in the Activities of Constitutional Review Bodies People's Republic of China. Sorokina E.V., Shabashev K.A. 172

Legal regime for copyright and patent objects created by artificial intelligence. Tkach M.Yu. 177

On the issues of challenging a debtor's (individual's) transactions in insolvency (bankruptcy) proceedings: issues of theory and law enforcement. Filippova A.I., Egorov N.D. 184

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Characteristics of the actions of Russian law enforcement agencies in the special military operation zone. Panteleev V.A., Panteleev D.V. 188

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

The problem of determining the legal nature of demurrage, economic aspects of demurrage. Ermoolin V.K. 192

International legal standards for copyright protection in the context of global digitalization. Smolnikov D.A. 195

Specifics of Legal Regulation of the Status of Heads of Territorial Federal Authorities in the United States of America. Firsov M.V. 199

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

The Institute of Parole: Theory and Implementation Practice. Sinitsina M.V. 204

Digital Transformation of Law Enforcement: Challenges for Criminal Law Practice in the Context of an E-Government. Gorlova D.M., Denisov S.I. 210

Problems of Qualifying Money Laundering under Articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Katnikov I.I. 216

Procedural and Organizational Challenges in Ensuring the Appearance of Migrant Laborers during Crime Investigations. Mustaev T.I. 220

Factors Increasing the Duration of Preliminary Investigations of Crimes Involving Foreign Citizens. Mustaev, T.I. 224

Comparison of the Criminalization Models for Treason-Related Acts in the Criminal Legislation of France and Russia. Nikushkin, R.A. 228

Problems of Implementing the Provisions of Clause 2, Part 2, Article 27 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Romanov, E.A.....232

Organization of Preventive Work with Convicts for Terrorist and Extremist Crimes in Institutions Serving Punishments Not Involving Isolation from Society. Taptykov, A.V. 236

Факторы политической стабильности в контексте внутренней политики Красноярского края

Хубаев Георгий Сергеевич
Аспирант кафедры политического анализа и социально-психологических процессов высшей школы социально-гуманитарных наук РЭУ им. Г.В. Плеханова, xybaev8@yandex.ru

В статье рассматриваются факторы политической стабильности в региональном измерении на примере Красноярского края. Опираясь на теоретические подходы к пониманию политической стабильности и результаты эмпирического анализа, автор выявляет ключевые детерминанты устойчивости региональной политической системы, включая социально-экономические, этнодемографические и институциональные параметры. Особое внимание уделяется влиянию пространственных диспропорций развития, миграционных процессов и качества взаимодействия власти и гражданского общества на уровень политической стабильности. На основе проведённого исследования формулируются практические рекомендации по укреплению устойчивости внутренней политики региона.

Ключевые слова: политическая стабильность, региональная политика, Красноярский край, социально-экономические факторы, миграция, гражданское общество, институциональные механизмы.

Исследование политической стабильности в современных условиях приобретает особую значимость на фоне нарастающей турбулентности в глобальной и национальной политике. Последствия экономических кризисов, пандемий и рост внутриполитических рисков делают региональный уровень одним из ключевых контуров поддержания управляемости и предотвращения социальных конфликтов. В федеративных государствах именно регионы часто становятся пространством, где пересекаются интересы федерального центра, местных элит и различных социальных групп, что усиливает значение анализа факторов стабильности в территориальном разрезе.

Красноярский край представляет собой сложный и многокомпонентный регион с выраженными территориальными, социально-экономическими и этнокультурными особенностями. Значительная площадь, поляризация между индустриальными северными территориями и аграрно-урбанизированным югом, а также высокая концентрация сырьевых отраслей формируют специфический контекст для изучения политической стабильности. В этих условиях внутренняя политика региональных властей вынуждена учитывать разнонаправленные запросы населения и бизнеса, управлять миграционными потоками и сглаживать пространственные дисбалансы развития.

Цель статьи заключается в выявлении и анализе факторов, определяющих политическую стабильность Красноярского края в контексте внутренней политики региона, а также в формулировании практико-ориентированных рекомендаций по укреплению устойчивости региональной политической системы. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: во-первых, рассматриваются основные теоретические подходы к трактовке политической стабильности и её факторов; во-вторых, анализируются ключевые социально-экономические, этнодемографические и институциональные характеристики Красноярского края, влияющие на устойчивость; в-третьих, предлагаются направления корректировки внутренней политики, способствующие снижению рисков дестабилизации.

Эмпирическую основу статьи составляют статистические данные о социально-экономическом развитии Красноярского края, материалы региональных нормативно-правовых актов, программных документов, а также результаты ранее проведённых исследований по проблематике политической стабильности и региональной политики. Методологически работа опирается на сочетание институционального, социокультурного и экономического анализа, а также на элементы кейс-стади, что позволяет одновременно учитывать специфику Красноярского края и соотносить полученные выводы с более широким контекстом региональных исследований.

Политическая стабильность: концептуальные основания и факторный анализ. В политологической литературе политическая стабильность трактуется как способность политической системы сохранять устойчивость институтов и воспроизводить основные параметры порядка при наличии внутренних и внешних вызовов, не переходя к неконтролируемой деструкции. В центре внимания оказываются такие элементы, как предсказуемость смены элит, уровень легитимности власти, интенсивность конфликтов и механизмы их урегулирования. При этом ис-

следователи подчёркивают, что стабильность не тождественна статичности: адаптация институтов и политических практик к меняющимся условиям рассматривается как необходимое условие долгосрочной устойчивости.

Среди подходов к анализу политической стабильности традиционно выделяют институциональный, поведенческий и системный ракурсы. Институциональный подход акцентирует внимание на структуре и качестве функционирования органов власти, правовых норм и механизмов вертикального и горизонтального распределения полномочий. С точки зрения данного подхода, устойчивость обеспечивается сочетанием легитимных процедур формирования власти, эффективностью правоприменения и наличием работающих механизмов сдержек и противовесов.

Поведенческий подход фокусируется на характеристиках политического участия и политической культуры населения: уровне доверия к институтам, готовности к протестным формам активности, доминирующих ориентациях массового сознания. В этой логике политическая стабильность рассматривается как производная от согласия основных социальных групп с правилами взаимодействия и от готовности разрешать конфликты в рамках институционализированных процедур.

Системный подход подчёркивает взаимосвязанность политической, экономической и социальной подсистем общества. Политическая стабильность в таком ракурсе выступает результатом баланса между требованиями, поступающими в адрес системы, и её способностью на них реагировать. Любые изменения в сфере экономики, социальной структуры или демографии встраиваются в анализ в качестве факторов, потенциально влияющих на устойчивость политического режима на национальном и субнациональном уровнях.

Современные исследования региональной политики дополняют эти общетеоретические подходы многоуровневой факторной моделью. На макроуровне выделяются общенациональные параметры: характер федерализма, модель центр-регионы, тип политического режима, общая экономическая конъюнктура. На мезоуровне анализируются собственно региональные особенности: структура экономики, уровень социального неравенства, состояние инфраструктуры, политический ландшафт субъекта федерации. Наконец, на микроуровне учитываются практики локальных элит, деятельность политических и общественных акторов, а также конфигурация интересов в отдельных муниципалитетах.

Для целей настоящего исследования политическая стабильность в регионе понимается как состояние устойчивой управляемости, при котором сохраняется институциональная целостность, обеспечивается относительное согласие ключевых акторов по базовым правилам взаимодействия и отсутствуют затяжные кризисы легитимности, угрожающие территориальной целостности и нормальному функционированию власти. Такое определение позволяет перейти к анализу конкретных факторов в контексте Красноярского края.

Социально-экономические условия и политическая устойчивость Красноярского края. **Структура экономики и пространственные диспропорции**. Экономическое развитие Красноярского края исторически опирается на сырьевой сектор и энергоёмкие производства, что делает регион одним из доноров федерального бюджета. Добыча полезных ископаемых, металлургия и энергетика формируют основную часть валового регионального продукта и экспортной выручки, но одновременно усиливают зависимость от конъюнктуры мировых рынков. Такая ресурсная модель ограничивает возможности диверсификации и повышает чувствительность к внешним экономическим шокам, что способно транслироваться в рост социальной напряжённости при ухудшении ситуации.

Внутрирегиональное развитие отличается выраженной неравномерностью. Крупные промышленные центры и краевая столица аккумулируют значительную часть инфраструктуры, инвестиций и рабочих мест, тогда как периферийные территории демонстрируют устойчивое отставание по уровню доходов и доступности социальных услуг. Пространственная асимметрия усиливает внутреннюю миграцию в сторону крупных городов и индустриальных зон, что, с одной стороны, частично решает проблемы занятости, а с другой — обостряет нагрузку на городскую инфраструктуру и углубляет депопуляцию сельских территорий.

С точки зрения политической стабильности такая ситуация создаёт несколько рисковых зон. Во-первых, в депрессивных районах накапливается ощущение периферийности и несправедливого распределения ресурсов, что способно трансформироваться в протестные настроения. Во-вторых, зависимость бюджетов муниципалитетов от трансфертов и крупных налогоплательщиков усиливает управленческую уязвимость: любые изменения в работе градообразующих предприятий немедленно сказываются на социальном самочувствии населения.

Доходы, занятость и протестный потенциал Уровень и динамика реальных доходов населения традиционно считаются одним из ключевых индикаторов поддержки действующей власти и доверия к институциональной системе в целом. В Красноярском крае разрыв в доходах между промышленными муниципалитетами и территориями с ограниченной экономической базой сохраняется на протяжении длительного периода, формируя устойчивую многополярность внутри региона.

Моногорода с высокой концентрацией рабочих мест в отдельных отраслях демонстрируют особую чувствительность к колебаниям рынка труда. Рост безработицы или сокращение занятости на градообразующих предприятиях сопровождается увеличением числа коллективных обращений, протестных акций и ростом критического отношения к региональным и местным органам власти. В ситуации отсутствия действенных программ переобучения и создания альтернативных рабочих мест социально-экономические проблемы могут перерастать в политизированные формы недовольства.

В то же время наличие точечных социальных программ и механизмов оперативного реагирования позволяет региональной власти смягчать последствия экономических спадов, локализуя недовольство и переводя его в канал переговоров. Такая практика поддерживает краткосрочную стабильность, но не решает структурных причин неравенства и уязвимости рынка труда.

Этнические и миграционные процессы как элементы устойчивости Этнодемографическая структура Красноярского края в целом характеризуется высокой долей русского населения и сравнительно низкой долей титульных этнических групп в отдельных северных и восточных районах. Подобная конфигурация снижает вероятность крупных этнополитических конфликтов и возникновения массовых сепаратистских движений, что отличает край от ряда полиэтничных субъектов Федерации. Этнический фактор в большинстве случаев не становится центральной линией политической мобилизации, а межнациональные противоречия проявляются преимущественно в социально-бытовой сфере.

Миграционные потоки в регион формируются за счёт как внутренних перемещений из соседних субъектов, так

и внешней трудовой миграции. Основные точки притяжения — промышленные центры и крупные города, где сосредоточены рабочие места в промышленности, строительстве и сервисной сфере. Увеличение численности мигрантов усиливает нагрузку на социальную инфраструктуру, но при этом не приводит к формированию устойчивых этнически замкнутых анклавов в крупных масштабах.

С точки зрения политической стабильности важным моментом является относительно низкий уровень политической активности мигрантских сообществ и тенденция к их постепенной интеграции в принимающее общество. Региональные власти ориентируются прежде всего на управление социально-экономическими последствиями миграции, тогда как этнополитическая повестка остаётся ограниченной. Вместе с тем в условиях усиления конкуренции за ресурсы и рабочие места, а также на фоне информационных кампаний, апеллирующих к миграционной теме, данный фактор может приобрести более значимое место в структуре рисков.

Взаимодействие власти и гражданского общества Институциональные механизмы взаимодействия органов власти и гражданского общества в Красноярском крае представлены общественными советами, консультативными площадками, формами публичных слушаний и различными форматами участия некоммерческих организаций в реализации социальных программ. Эти каналы призваны обеспечивать обратную связь и вовлечение граждан в обсуждение региональной повестки.

Практика их функционирования показывает, что многие из таких структур выполняют в основном консультативные функции и в ограниченной степени влияют на принятие стратегических решений. Это создаёт разрыв между декларируемыми целями привлечения граждан к управлению и реальными возможностями влияния, что со временем может подрывать доверие наиболее активных групп населения к формальным институтам участия.

Наряду с официальными механизмами значимую роль играет некоммерческий сектор, выполняющий компенсаторные функции в сфере социальных услуг и поддержке уязвимых групп населения. В условиях, когда государственные институты не всегда способны оперативно реагировать на изменения социального самочувствия, деятельность НКО снижает риски резких всплесков напряжённости, выступая своеобразным стабилизирующим буфером.

Для долгосрочной политической стабильности критичным представляется не только наличие формальных каналов взаимодействия, но и степень их содержательной наполненности. Там, где мнения общественных структур хотя бы частично учитываются при корректировке программ развития или социальных мер, отмечается более высокий уровень доверия к региональной власти и меньшая склонность к протестному поведению.

Направления укрепления политической стабильности внутренней политикой региона Укрепление политической стабильности в Красноярском крае в значительной степени связано с коррекцией социально-экономической политики и развитием механизмов участия. В качестве приоритетных направлений можно выделить несколько блоков.

Во-первых, диверсификация региональной экономики и снижение зависимости от сырьевого сектора. Развитие перерабатывающих отраслей, высокотехнологичных производств и сферы услуг способно уменьшить чувствительность к колебаниям мировых цен на сырьё и сформировать более устойчивую структуру занятости. Для Красноярского края это предполагает поддержку отраслевых кластеров, развитие научно-образовательной базы и стимулирование малого и среднего бизнеса, в том числе в неперерабатывающих секторах.

Во-вторых, сокращение пространственных диспропорций через инфраструктурное развитие и целевые программы поддержки депрессивных территорий. Расширение транспортной доступности, модернизация социальной инфраструктуры и цифровизация удалённых районов создают предпосылки для выравнивания качества жизни и снижения внутренней миграции, связанной исключительно с поиском базовых социальных благ.

В-третьих, совершенствование политики в отношении рынка труда и моногородов. Необходима комбинация программ опережающего переобучения, поддержки занятости и создания альтернативных рабочих мест в муниципалитетах, зависимых от одного-двух крупных работодателей. Это позволяет предотвращать перерастание экономических кризисов в устойчивые очаги политического недовольства.

В-четвёртых, развитие механизмов общественного участия и общественного контроля. Расширение практик публичных слушаний по ключевым вопросам региональной повестки, институционализация временных координационных структур с участием НКО и экспертного сообщества, а также внедрение регулярной публичной отчётности органов власти повышают прозрачность и подотчётность управления. Это, в свою очередь, снижает риск накопления латентного недовольства, связанного с дефицитом информации и недоверием к решениям власти.

Наконец, в сфере управления миграционными и этнокультурными процессами целесообразно усиливать интеграционные программы, ориентированные на снижение социальной дистанции между постоянным населением и мигрантами, а также на профилактику локальных конфликтов. Речь может идти о поддержке межкультурных проектов, развитии институтов медиации и совершенствовании цифровых инструментов учёта и сопровождения мигрантов.

Заключение. Проведённый анализ показал, что политическая стабильность Красноярского края формируется под влиянием совокупности социально-экономических, этнодемографических и институциональных факторов, действие которых опосредуется особенностями внутренней политики региона. Сырьевая структура экономики, пространственные диспропорции развития и уязвимость моногородов создают потенциальные зоны риска, тогда как относительная этническая гомогенность и функционирование некоммерческого сектора выступают важными стабилизирующими элементами.

Устойчивость региональной политической системы во многом зависит от способности властей не только компенсировать последствия кризисов точечными мерами, но и проводить структурные изменения, направленные на выравнивание условий развития территорий и расширение каналов участия граждан. Предложенные в статье направления корректировки внутренней политики — диверсификация экономики, поддержка депрессивных районов, развитие институтов участия и интеграционных программ — представляют собой взаимосвязанный комплекс мер, нацеленных на снижение долгосрочных рисков дестабилизации.

Полученные выводы могут быть использованы как в дальнейшем научном осмыслении региональной политической стабильности, так и при разработке практических рекомендаций для органов власти Красноярского края и других сопоставимых по характеристикам субъектов Российской Федерации.

Литература

1. Билюга С. Э. Политическая стабильность: основные подходы к анализу устойчивости политических систем // Век глобализации. 2018. № 2. С. 46–56.
2. Блонин В. А., Ивашиненко Н. Н., Стрелков Д. Г. Проблемы и перспективы развития гражданского общества в Нижегородской области: интеграция НКО // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 2. С. 250–258.
3. Бондаренко В. Ф., Ефанова Е. В. Политическая стабильность в современной России: факторы, уровни, противоречия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4. С. 37–40.
4. Гришин О. Е. Политическая стабильность: понятие, факторы, инновации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 6. С. 51–54.
5. Зерчанинова Т. Е. Исследование социально-экономических и политических процессов: учеб. пособие. М.: Логос, 2011. 304 с.
6. Зубаревич Н. В. Отношения центр – регионы: что изменилось за четыре года кризиса? // Контрапункт. 2018. № 11. С. 1–5.
7. Лексин В. Н. Региональная политика в контексте угроз и рисков стабильного функционирования государства // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2013. № 5. С. 89–93.
8. Миронова М. Н. Управление региональным развитием России: основные направления современной региональной политики // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2011. № 5. С. 185–189.
9. Румянцев А. С. Региональная дифференциация социально-экономических показателей на примере Сибирского федерального округа и Новосибирской области // Вестник НГУЭУ. 2019. № 1. С. 231–235.
10. Сакаев В. Т. Миграции в Российской Федерации в XXI веке: социально-политические риски // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 214–218.
11. Устьянцев В. Б. Риски в пространстве власти: концепты и проекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. 2011. № 2. С. 106–110.
12. Уханова Ю. В. Взаимодействие общества и власти в вопросах городского развития: кейс крупных городов Северо-Западного федерального округа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. № 3. С. 663–676.

Factors of political stability in the context of the internal policy of the krasnoyarsk territory

Khubaev G.S.

Plekhanov Russian University of Economics

The article examines the factors of political stability at the regional level using the example of the Krasnoyarsk Territory. Based on theoretical approaches to political stability and the results of empirical analysis, the author identifies the key factors determining the stability of the regional political system, including socio-economic, ethnodemographic and institutional parameters. Particular attention is paid to the impact of differences in spatial development, migration processes, and the quality of interaction between government authorities and civil society on the level of political stability. Based on the conducted research, recommendations aimed at improving the effectiveness of the internal policy of the region are formulated.

Keywords: political stability, regional policy, Krasnoyarsk Territory, socio-economic factors, migration, civil society, institutional mechanisms.

References

1. Bilyuga S. E. Political stability: basic approaches to the analysis of the stability of political systems // The age of globalization. 2018. No. 2. pp. 46-56.
2. Blonin V. A., Ivashinenko N. N., Strelkov D. G. Problems and prospects of civil society development in the Nizhny Novgorod region: integration of NGOs // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. 2008. No. 2. pp. 250-258.
3. Bondarenko V. F., Efanova E. V. Political stability in modern Russia: factors, levels, contradictions // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. 2012. No. 4. pp. 37-40.
4. Grishin O. E. Political stability: concept, factors, innovations // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. 2015. No. 6. pp. 51-54.
5. Zerchaninova T. E. Research of socio-economic and political processes: textbook. manual. Moscow: Logos, 2011. 304 p.
6. Zubarevich N. V. Center–regions relations: What has changed during the four years of the crisis? // Counterpoint. 2018. No. 11. pp. 1-5.
7. Leksin V. N. Regional policy in the context of threats and risks of stable functioning of the state // Problematic analysis and public management design. 2013. No. 5. pp. 89-93.
8. Mironova M. N. Management of Russia's regional development: the main directions of modern regional policy // Bulletin of the RUDN University. Series: Economics. 2011. No. 5. pp. 185-189.
9. Rumyantsev A. S. Regional differentiation of socio-economic indicators on the example of the Siberian Federal District and the Novosibirsk region // Bulletin of the NGUEA. 2019. No. 1. pp. 231-235.
10. Sakaev V. T. Migration in the Russian Federation in the 21st century: socio-political risks // Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities. 2013. No. 1. pp. 214-218.
11. Ustyantsev V. B. Risks in the space of power: concepts and projects // Bulletin of the Volgograd State University. Episode 7: Philosophy. 2011. No. 2. pp. 106-110.
12. Ukhanova Yu. V. Interaction of society and government in urban development: a case study of large cities in the North-Western Federal District // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2023. No. 3. pp. 663-676.

Специфика формирования и рекрутирования политических элит в закрытых административно-территориальных образованиях (на примере структуры ГК «Росатом» ЗАТО «Саров»)

Большаков Андрей Олегович
аспирант кафедры политологии Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

В данный момент мы наблюдаем глобальные процессы изменения расстановки политических сил во всем мире, что проявляется в изменении устоявшейся порядка 30-40 лет системы международных отношений, которая берет свое начало еще с послевоенного периода. Помимо глобальных международных процессов, которые мы все наблюдаем, а последствия которых ощутим в перспективе скорее 5 лет, подобные процессы происходят и внутри даже стабильных государств. Поэтому сейчас вопросы формирования и рекрутирования политических элит актуальны и для России, поскольку сейчас мы видим, тенденцию на обновление политических элит и в целом на расстановку политических сил внутри страны, что отвечает, как глобальным, так и локальным процессам. В связи с этим в рамках данной статьи мы рассмотрим конкретный кейс наиболее стабильных к изменениям политических элит в рамках закрытых административно-территориальных образований, входящих в структуру ГК «Росатом», на примере, ЗАТО Саров. Данный кейс интересен в первую очередь опытом участия крупной государственной корпорации в муниципальной политике, формируя и скорее даже модерируя политическую повестку внутри таких важных стратегических объектов. Данный опыт может быть интересен для выстраивания подобных моделей в рамках моногородов, что потенциально может привести к повышению качества жизни населения за счет большего участия крупных экономических компаний в жизни муниципалитета.

Ключевые слова: ЗАТО, закрытый город, управление ЗАТО, политические элиты, ЗАТО, входящие в структуру ГК «Росатом», население ЗАТО, атомные города, формирование политических элит.

Для понимания проблематики формирования и рекрутирования политических элит в ЗАТО, входящих в структуру ГК «Росатом», сперва необходимо разобраться с тем, чем являются ЗАТО атомного профиля и в чем заключается их специфика, чтобы в дальнейшем было проще проследить особенности в формировании политических элит данных особых территорий. Начнем с понимания самого явления ЗАТО. Аббревиатура ЗАТО расшифровывается как закрытое административное территориальное образование. В Законе РФ от 14.07.1992 № 3297-1 (ред. от 15.04.2022) «О закрытом административно-территориальном образовании» приводится следующее определение данных территорий: Закрытым административно-территориальным образованием признается имеющее органы местного самоуправления административно-территориальное образование в целях обеспечения безопасного функционирования находящихся на его территории организаций, осуществляющих разработку, изготовление, хранение и утилизацию оружия массового поражения, переработку радиоактивных и других представляющих повышенную опасность техногенного характера материалов, военных и иных объектов, для которых в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства устанавливается особый режим безопасного функционирования и охраны государственной тайны, включающий специальные условия проживания граждан. Упрощая данную конструкцию можно сказать, что ЗАТО (Закрытое административное территориальное образование), представляет собой закрытый населенный пункт (в основном город), на территории которого расположены те или иные стратегические объекты, имеющие определенный уровень секретности. Помимо официального названия данные территории также именуют закрытыми городами.

Для закрытых городов атомного профиля характерна более сложная и многоуровневая система управления. В частности, на территории РФ ЗАТО входят в состав субъектов федерации и следовательно, подчиняются и подотчетны региональному центру по целому ряду вопросов. Также ЗАТО подотчетны градообразующим организациям, кроме того, ввиду закрытого статуса объекта такие территории подотчетны министерству обороны и федеральной службе безопасности, которые обеспечивают особый закрытый режим в таких муниципалитетах, и естественно, данные территории управляются федеральными властями, которые в основном и принимают какие-либо глобальные решения по данным территориям.

Исходя из приведенной выше информации, можно выделить ряд характерных для ЗАТО атомного профиля особенностей:

1) Физическую закрытость, наличие охраняемого периметра и особые требования по физической и информационной безопасности;

2) Модель управления при которой на функционирование территорий влияет целый ряд государственных и негосударственных структур. В частности, в принятии решений активно участвуют органы исполнительной власти практически на всех уровнях, федеральная служба безопасности, а также ГК «Росатом», которая влияет на принятие решений также на всех уровнях;

3) Специфическая экономическая модель, поскольку данные территории по структуре схожи с моногородами, следовательно, большая часть населения и экономики муниципалитета связана или напрямую зависит от деятельности градообразующего предприятия;

4) Специфический социально-демографический состав населения, сформировавшийся исходя из потребностей градообразующего предприятия и сложившегося в более ранние годы социума.

Теперь ознакомимся с вводными данными касательно ЗАТО Саров. Площадь ЗАТО Саров насчитывает 249 кв. км. Саров расположен в Нижегородской области, и является наиболее близким к Москве ЗАТО в структуре ГК Росатом. Градообразующим предприятием является Российский федеральный ядерный центр Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (РФЯЦ-ВНИИЭФ) деятельность которого связанна с атомной промышленностью, энергетикой, высокими технологиями и военными проектами в данном русле. Кроме того, Саров является одним из центров духовной жизни страны, что в совокупности дает специфическую картину сосуществования сильного религиозного и научного центра в одном месте, которые при этом стремительно развиваются, не препятствуя друг-другу, а в чем-то даже содействуя. Также город является Территорией опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), большинство промышленных площадок которого на данный момент уже заняты дочерними структурами ГК «Росатом», а также несколькими производствами обрабатывающей и пищевой промышленности. Численность населения ЗАТО Саров на 01.01.2025 составляет 93,5 тысяч человек (по данным отчета главы города Сарова о результатах своей деятельности и деятельности администрации города Сарова за 2024 год), Теперь ознакомимся с вводными данными касательно состава населения ЗАТО Саров. Город Саров относится к категории городов, где экономическое развитие определяется деятельностью основного градообразующего предприятия – ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЭФ». Около 70% экономического оборота, более 40% занятого в экономике населения приходится на долю данного предприятия.

Чтобы понять структуру местных политических элит мы обратимся к информации о главах администрации и составе депутатского корпуса муниципалитета. Если мы ознакомимся с информацией о главах администрации, ЗАТО Саров, то увидим, что текущий глава ЗАТО и последние два его предшественника – представители градообразующего предприятия. Также можно отметить, что предыдущие двое глав администрации муницпалитета, также являлись депутатами городской Думы ЗАТО Саров. Если же обратится к составу депутатского корпуса городской Думы ЗАТО Саров VIII созыва, мы можем увидеть следующую ситуацию. В городской Думе ЗАТО Саров после местных выборов 2025 года приступил к работе VIII созыв в рамках которого количество депутатов выросло с 32 до 34. Подавляющее большинство представлено членами партии «Единая Россия», которые в рамках последних выборов получили 30 мандатов. Остальные 4 мандата поровну разделены между представителями партии ЛДПР и КПРФ. Сравнивая текущий состав депутатского корпуса с прошлым созывом можно также отметить усиление позиции правящей партии и парламентской оппозиции, в том числе за счет ранее беспартийных депутатов. Кроме того, в ходе избирательной компании 2025 года мы также видим отсев оппозиции. Состав Думы обновился на 37,5%, а именно на 12 человек. Подавляющее большинство депутатов заняты в структурах градообразующего предприятия. Также стоит подчеркнуть, что аналогичную картину с главами администраций можно наблюдать и при рассмотрении персоналий, занимающих пост председателя местного парламента.

Исходя из данной информации, мы можем сделать вывод о том, что градообразующее предприятие в рамках данного ЗАТО вовлечено в местную политику и является ключевым политическим актором локального уровня, что логично при таком уровне экономического участия. Также мы видим тенденцию на усиление позиций данного актора, с учетом использования партийного ресурса, что можно проследить в рамках сокращения количества беспартийных и оппозиционных депутатов, которые в большинстве случаев являлись общественниками и представителями бизнес сообщества, не связанных со структурами градообразующего предприятия. Следовательно, говоря о процессе формирования и рекрутирования политических элит в рамках ЗАТО Саров, мы можем говорить о том, что политическую элиту в рамках данного закрытого города представляют выходцы из градообразующего предприятия или структур аффилированных с ним, которые при этом являются представителями партии «Единая Россия», что объясняется как связью ГК «Росатом» с правительственными структурами, так и в целом правящей позицией данной политической партии. Это подкрепляется и процессами похожими на давление на условно оппозиционные интернет издания и их вывод из политического русла, поскольку они использовались и используются как площадки для продвижения оппозиционных кандидатов, а также критики администрации, которая тесно связанна с градообразующим предприятием. В связи с этим тот процент по обновлению депутатского корпуса в целом не говорит о тенденции к ослаблению действующей политической элиты, поскольку здесь скорее мы видим ротацию в рамках представителей самой политической элиты и некое обновление или омоложение состава.

Потенциально единая и сильная политическая элита в виде представителей градообразующего предприятия в рамках ЗАТО атомного профиля и подкрепляемая запросом на «ренессанс» элитарного статуса данной территории за счет важности расквартированных объектов и «атомной» идентичности населения дает интересную картину, при которой есть тенденция к консолидации элит и большей части населения. С одной стороны, это может снизить действительную вовлеченность населения в местные общественно-политические процессы, что частично зафиксировано в рамках опроса населения ЗАТО Саров в 2023 году. По итогам опроса многие жители города в целом считали популярным участие в политике (56%), при этом для большинства опрошенных (72%) данная сфера в целом не интересна. Более половины респондентов (61%) участвовали в выборах, из них все участвовали в выборах федерального уровня и 63% в региональных и муниципальных выборах, все опрошенные принимали участие в качестве избирателей. Из всех избирателей 31% участвовали во всех выборах, а 43% участвовали в более чем 3 избирательных компаниях. Большинство респондентов не состоят в каких-либо политических и общественных организациях и порядка 3% респондентов являются членами партии «Единая Россия». Порядка 87% респондентов не участвовали в каких-либо иных формах волеизъявления, почти 9,7% опрошенных участвовали в митингах и общественных слушаниях, а 6,5% участвовали в общественных инициативах, проектах и политических акциях. С другой стороны, это может привести наоборот к большей вовлеченности в важные общественные процессы с учетом активного участия представителей власти в процессе привлечения населения, что с учетом консолидации может снизить социальную напряженность, а также дать значительный толчок к модернизации города, привлечению активной молодежи и развитию локальных инициатив.

Для открытых моногородов и сопоставимых небольших городов данный кейс может быть интересен в части формирования и рекрутирования политических элит по подобному принципу из числа местных представителей крупных предприятий. Но в данном случае необходимо выстраивать структуру взаимодействия с населением по принципу открытости и большей вовлеченности, что повысит качество жизни и снизит социальную напряженность. Для крупных игроков рынка данный кейс, по сути, дает возможность реализации социально ответственного направления бизнеса к чему активно призывают федеральные власти, но также при реализации данного подхода упростится процесс рекрутирования кадров, а также значительно улучшиться имидж компании. Для местных властей при реализации данного подхода, конечно есть риск смены всей управляющей команды, но при этом при таком сильном политическом игроке удастся решить ряд муниципальных проблем без привлечения дополнительных средств из региональных и государственных бюджетов, а также повысить имидж территории.

Литература

1. Закон РФ от 14.07.1992 № 3297-1 (ред. от 15.04.2022) "О закрытом административно-территориальном образовании" [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_734/51a4172d67bb0dd16ac30805dcbfda8b22baf893/.
2. Федеральный закон от 22.11.2011 № 333-ФЗ (последняя редакция) "О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О закрытом административно-территориальном образовании" и статью 1 Федерального закона "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О закрытом административно-территориальном образовании" [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122004/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100012.
3. Большаков А.О. Специфика политического участия в закрытых административно территориальных образованиях (ЗАТО) на примере города Саров: дисс. маг. полит. наук. Н.Новгород, 2023. 66 с.
4. Борисов И.В. Некоторые аспекты властных отношений в городах ЗАТО (на примере г. Снежинска) // Бизнес. Общество. Власть: Издательство Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». 2011, №7. — С. 127-144.
5. Карачков С.М. Корпоративная модель социального управления закрытым «атомным» городом: дисс. … канд. социол. наук. Екатеринбург, 2014. 238 с.
6. Мельникова Н.В. «Атомная» идентичность жителей закрытых атомных городов России // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. №3 (84).
7. Мельникова Н.В. «Такая организация соответствует требованиям секретности...». предыстория появления органов советской власти в закрытых «атомных» поселениях СССР // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2022. №3.
8. Официальный сайт городской Думы города Сарова [Электронный ресурс]. URL: http://duma-sarov.ru/.
9. Официальный сайт администрации ЗАТО Саров [Электронный ресурс]. URL: https://adm-sarov.nobl.ru/.

The Specifics of Forming and Recruiting Political Elites in Closed Administrative-Territorial Entities (Based on the Structure of the Rosatom State Corporation, Closed Administrative-Territorial Entity, Sarov)

Bolshakov A.O.

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

We are currently witnessing global shifts in the balance of political power worldwide, manifested in changes to the 30-40-year-old system of international relations, which dates back to the post-war period. In addition to the global international processes we are all witnessing, the consequences of which will be felt within the next five years, similar processes are also occurring within even stable states. Therefore, the issues of forming and recruiting political elites are also relevant for Russia, as we are currently seeing a trend toward renewal of political elites and a broader shift in the balance of political power within the country, which reflects both global and local processes. Therefore, in this article, we will examine a specific case of the most change-resistant political elites within the closed administrative-territorial association within the structure of the Rosatom State Corporation, using the example of the CATA Sarov. This case is interesting primarily because of the experience of a large state corporation in municipal politics, shaping and even moderating the political agenda within such important strategic entities. This experience may be of interest for developing similar models within single-industry towns, which could potentially lead to an improvement in the quality of life of the population due to greater participation of large economic companies in the life of the municipality.

Keywords: CATA, closed city, management of CATA, political elites, CATA included in the Rosatom State Corporation, population of CATA, nuclear cities, formation of political elites.

References

1. Law of the Russian Federation of July 14, 1992 No. 3297-1 (as amended on April 15, 2022) "On Closed Administrative-Territorial Entities" [Electronic resource] – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_734/51a4172d67bb0dd16ac30805dcbfda8b22baf893/.
2. Federal Law of 22.11.2011 No. 333-FZ (latest revision) "On Amendments to the Law of the Russian Federation "On Closed Administrative-Territorial Entities" and Article 1 of the Federal Law "On Amendments and Additions to the Law of the Russian Federation "On Closed Administrative-Territorial Entities" [Electronic resource] - Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122004/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100012.
3. Bolshakov A.O. Specifics of Political Participation in Closed Administrative-Territorial Entities (ZATOs) Using the City of Sarov as an Example: Diss. Master's Degree in Political Science. Nizhny Novgorod, 2023. 66 p.
4. Borisov I.V. Some aspects of power relations in closed cities (using Snezhinsk as an example) // Business. Society. Power: Publishing House of the National Research University Higher School of Economics. 2011, no. 7. pp. 127-144.
5. Karachkov S.M. Corporate model of social management of a closed "atomic" city: diss. Cand. of Sociological Sciences. Ekaterinburg, 2014. 238 p.
6. Melnikova N.V. "Atomic" identity of residents of closed atomic cities of Russia // Scientific notes of OSU. Series: Humanities and social sciences. 2019. no. 3 (84).
7. Melnikova N.V. "Such an organization meets the requirements of secrecy...". The prehistory of the emergence of Soviet government bodies in closed "atomic" settlements of the USSR // Bulletin of SUSU. Series: Social Sciences and Humanities. 2022. No. 3.
8. Official website of the Sarov City Duma [Electronic resource]. URL: http://duma-sarov.ru/.
9. Official website of the ZATO Sarov administration [Electronic resource]. URL: https://adm-sarov.nobl.ru/.

Определяющие принципы и цели трансформации российской федеративной системы

Волох Олег Владимирович
кандидат юридических наук, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления персоналом, Омская гуманитарная академия, voloh.corpar@mail.ru

Марухина Анна Дмитриевна
аспирант, кафедра политологии, социально-гуманитарных дисциплин и иностранных языков, Омская гуманитарная академия, ecotrud@omga.su

Анализ системных проблем и противоречий современного российского федерализма, осуществленный в данной работе, обусловливает необходимость перехода от диагностического этапа исследования к прогностически-проектному. Предмет исследования направлен на выявленные дисфункции существующей модели федеративных отношений, проявляющиеся в снижении ее экономической эффективности и нарушении принципов социального равенства, актуализируют задачу разработки целостной концепции ее реформирования. Решение данной задачи составляет предмет настоящего исследования, который является центральным разделом научной работы, осуществляющим синтез его теоретических положений и прикладных разработок. В статье формулируются концептуальные основы, механизмы и целевые установки трансформации федеративных отношений в России, а также исследуются сопряженные процессы адаптации политической системы к современным вызовам. Цель статьи заключается в формулировании и научном обосновании комплексной модели совершенствования федеративного устройства, направленной как на преодоление сложившихся структурных диспропорций, так и на повышение интеграционной устойчивости государства на основе сбалансированного распределения полномочий и ресурсов. Предлагаемая трансформация в контексте актуальных внутренних и внешних вызовов. Аргументируется, что сохранение ригидной централизованной модели выступает лимитирующим фактором экономического роста, снижает адаптивный потенциал государства в условиях глобальной конкуренции и способствует кумуляции социально-политической напряженности. Обосновывается необходимость трансформации политико-административной системы из фактора, консервирующего стагнацию, в институт, стимулирующий национальное развитие. Выводы данного исследования представляют собой последовательное изложение авторской идеи: от ее теоретико-методологических оснований, через анализ контекстуальной обусловленности и описание механизмов реализации, к определению ее стратегического результата. В совокупности это позволяет представить целостный и всесторонне обоснованный проект модернизации федеративного устройства России в соответствии с требованиями устойчивого государственного развития.

Ключевые слова: федерализм; государство; субъект федерации; региональный уровень; публичная власть; преобразования; модель; единство системы.

Рассматривая предлагаемые преобразования федеративного устройства России можно выделить основную стратегическую цель - это формирование нового качества политической интеграции. Выдвигается и обосновывается тезис о том, что научно обоснованная децентрализация создает предпосылки для формирования более устойчивой модели государственного единства. Предполагается, что такая модель интеграции будет основана не столько на административно-властной субординации, сколько на разветвленной сети горизонтальных экономических и социальных связей, общности интересов субъектов и высоком уровне гражданской и региональной идентичности.

Предметом исследования трансформации российской федеративной системы выступает изменения модели взаимоотношений центра и регионов. Существующая модель государственного управления, характеризующаяся высокой степенью централизации, может приводить к возникновению ряда системных вызовов, которые сдерживают потенциал регионального развития. Анализ этих аспектов позволяет выделить ключевые механизмы данного влияния.

Во-первых, можно отметить ослабление экономических стимулов на субфедеральном уровне. Значительная концентрация налоговых поступлений в федеральном бюджете с их последующим перераспределением через трансферты, принципы, формирования которых не всегда полностью прозрачны, может снижать заинтересованность региональных властей в развитии собственной налоговой базы. В таких условиях более рациональной стратегией для региональных администраций может становиться смещение фокуса с развития собственной экономической базы на лоббирование интересов в федеральных центрах принятия решений. Этот фискальный дисбаланс усугубляется фактором информационной асимметрии: федеральные органы власти объективно ограничены в возможности детального учета локальной специфики, что может вести к не вполне оптимальному распределению ресурсов и реализации унифицированных программ. Как следствие, это способно влиять на качество государственных инвестиций.

Кроме того, финансовая и административная централизация выступает одним из факторов концентрации человеческого капитала в столичной агломерации за счет оттока квалифицированных кадров из регионов, что ведет к ослаблению их кадрового потенциала. Преодоление технологического отставания регионов требует не только макроэкономической стабильности, но и инструментов для стимулирования инвестиций и создания высокопроизводительных рабочих мест, что предполагает выработку системных решений на федеральном уровне, включая стимулирование НИОКР и обновление основных фондов [1].

Во-вторых, можно наблюдать тенденцию к ослаблению горизонтальных межрегиональных связей. В условиях, когда акцент смещен на вертикальную модель управления и конкуренцию за ресурсы федерального центра, кооперационные формы взаимодействия между регионами могут не получать достаточного развития. Это способствует формированию среды, в которой субъекты федерации могут воспринимать друг друга в большей степени как конкурентов, нежели как партнеров. Подобная ситуация может находить отражение в возникновении отдельных неформальных административных барьеров,

например, в сфере государственных закупок, а также в недостаточной координации усилий по стратегическому планированию даже между соседними регионами с близкой экономической специализацией. Между тем, как отмечают отдельные исследователи, межрегиональное взаимодействие представляет собой ключевой инструмент для сглаживания пространственных диспропорций и укрепления целостности национального экономического пространства [2]. В качестве примера системного подхода к стимулированию такой кооперации можно привести опыт Европейского Союза, где программа Interreg на протяжении десятилетий является действенным механизмом поддержки приграничного, транснационального и межрегионального сотрудничества [3].

В-третьих, наблюдается эрозия многоаспектной ответственности на субфедеральном уровне. Существующая система смещает вектор ответственности региональных руководителей с горизонтального (перед населением) на вертикальный (перед федеральным центром).

Политическая ответственность в условиях, когда электоральные процедуры характеризуются сниженным уровнем конкуренции, классическая подотчетность избирателям может дополняться или уступать место подотчетности перед вышестоящими инстанциями, участвующими в согласовании и утверждении кандидатур [4].

Экономическая ответственность ослабляется феноменом «мягких бюджетных ограничений». Возможность покрытия дефицита бюджета за счет федеральных трансфертов создает проблему «морального риска» (moral hazard), снижая стимулы к проведению взвешенной финансовой политики и провоцируя принятие рискованных или популистских решений.

Стратегическая ответственность нивелируется краткосрочным горизонтом планирования. В условиях высокой политической неопределенности и волатильности «правил игры» разработка долгосрочных стратегий развития становится иррациональной, а региональное управление сводится к решению текущих тактических задач.

В этом контексте релевантным для анализа является опыт Китая, где экономическая и фискальная децентрализация, начатая Дэн Сяопином, породила жесткую межрегиональную конкуренцию, ставшую одним из драйверов роста [5]. Однако данная модель демонстрирует дихотомию между экономической децентрализацией и абсолютной политической централизацией со стороны Коммунистической партии Китая. Такой подход, при всех его экономических успехах, генерирует и масштабные проблемы: усиление регионального неравенства, системную коррупцию и отсутствие механизмов обратной связи для разрешения социальных конфликтов [6].

Таким образом, вышеизложенное указывает на прагматическую целесообразность рассмотрения обновленных подходов к региональному управлению. Существующая модель несет в себе риски консервации структурных диспропорций, усиления зависимости от центра и ослабления реальной ответственности на региональном уровне.

Методы исследования трансформации российской федеративной системы базируется на анализе принципов (единство власти, равноправие субъектов, разграничение полномочий), механизмов (централизация, бюджетный федерализм, договорные отношения) и целей (укрепление целостности, повышение эффективности управления). Это позволяет диагностировать смену модели от децентрализации к жесткой вертикали, учитывая асимметрию, «матрешечный» принцип и взаимное делегирование полномочий. Эти методы помогают выявить, что трансформация направлена на создание единого правового и экономического пространства, одновременно сталкиваясь с необходимостью учета региональной специфики.

Представляется, что сбалансированная децентрализация, стимулирование горизонтальной кооперации и укрепление многоаспектной ответственности субъектов могут создать необходимые условия для активизации процессов модернизации и обеспечения устойчивого развития регионов России. Актуальность критического анализа действующей модели российского федерализма обусловлена не столько теоретическими построениями, сколько эмпирически верифицируемыми дисфункциями, снижающими эффективность государственного управления. Сохранение инерционного тренда сопряжено с рисками накопления системных противоречий, что актуализирует научный поиск альтернативных подходов. Необходимость трансформации существующей модели детерминирована тремя взаимосвязанными проблемными областями: недостаточной эффективностью политики гиперцентрализации как стимула к развитию, ослаблением горизонтальных межрегиональных связей и эрозией механизмов ответственности на субфедеральном уровне.

В данном контексте сбалансированная децентрализация рассматривается как системный инструмент, предполагающий передачу полномочий и ресурсов на тот уровень управления, где соответствующие задачи могут быть решены с большей эффективностью. Апологетика централизованного управления часто апеллирует к тезису о необходимости мобилизации ресурсов для решения общенациональных задач. Однако анализ социально-экономической динамики последних десятилетий показывает, что высокая степень концентрации финансовых и административных ресурсов в федеральном центре не привела к ожидаемому экономическому росту или качественному повышению уровня жизни в большинстве субъектов федерации. Этот тезис находит подтверждение в результатах эмпирических исследований. Так, согласно анализу индекса социального благосостояния (ИСБ) по 87 регионам РФ, три четверти субъектов были отнесены к категории с низким уровнем ИСБ, что указывает на необходимость совершенствования политики регионального развития.

Вместе с тем, как отмечается в исследовании А. Г. Бурды, С. Н. Косникова и И. В. Коробань, несмотря на определенные успехи в сфере обеспечения социального благосостояния, сохраняется ряд аспектов, требующих дополнительного внимания. Трудности, связанные с распределением ресурсов и качеством регионального управления, рассматриваются как потенциальные точки роста и дальнейшего совершенствования государственной политики [7]. В то же время в экспертной литературе высказываются опасения, что в условиях значительной территориальной протяженности и гетерогенности страны чрезмерная централизация может нести в себе долгосрочные риски для устойчивости государственной системы [8]. Преодоление сложившегося цикла зависимости связывается с созданием условий, при которых регионы получают большую фискальную и административную автономию.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать соответствующие выводы, реформирование федеративных отношений преследует комплекс взаимосвязанных стратегических целей, направленных на повышение общей эффективности системы государственного управления:

Во-первых, это повышение эффективности государственного управления и качества публичных услуг. Децентрализация и приближение центров принятия решений к гражданам позволяют более точно идентифицировать и удовлетворять их потребности в таких ключевых сферах, как здравоохранение, образование, социальное обеспечение и жилищно-коммунальное хозяйство.

Во-вторых, стимулирование устойчивого экономического развития регионов. Создание у региональных властей реальных фискальных стимулов к наращиванию

налоговой базы, привлечению инвестиций и формированию конкурентной среды является ключевым фактором для диверсификации экономики страны.

В-третьих, сокращение межрегионального социально-экономического неравенства. Цель состоит не в достижении полной унификации уровня благосостояния, что объективно невозможно, а в сокращении разрыва в качестве жизни и обеспечении во всех субъектах федерации достойного минимального стандарта публичных услуг через прозрачную и справедливую систему горизонтального бюджетного выравнивания. Как отмечает Л. Батракова, проблему регионального неравенства можно смягчить, в том числе через стимулирование агломерационных процессов, привлекающих население возможностями трудоустройства и более высоким качеством жизни [9].

В-четвертых, укрепление единства и целостности страны. Гармонизация межнациональных и межрегиональных отношений через институциональное признание многообразия России является надежным способом предотвращения роста сепаратистских настроений, которые часто возникают как реакция на политику унификации.

В-пятых, повышение адаптивности и устойчивости государственной системы. Децентрализованная система обладает большей гибкостью и способностью абсорбировать локальные экономические и социальные шоки, снижая нагрузку на федеральный центр и предотвращая риск системных сбоев [10].

Таким образом, трансформация федерализма рассматривается не как угроза государственности, а как путь к ее укреплению на более прочной и справедливой основе. Именно на этой основе будет формироваться система современных публичных отношений, и развиваться конституционно измененная модель государственного единства страны.

Литература

1. Магомадов Х. У. Финансовые проблемы Российских регионов в современных экономических условиях // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. - 2021. - № 3. - С.273–287.
2. Цюй С. Российский опыт управления межрегиональным сотрудничеством // Финансы и управление. - 2024. - №4. - С.43–59.
3. Interreg: European territorial Cooperation // European commission [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/policy/cooperation/european-territorial_en (дата обращения: 08.02.2026).
4. Мамедов А. Э. Прямые выборы глав субъектов Российской Федерации как наболевшая проблема российского федерализма // КВ. - 2021. - № 6 (24). - С.273–287.
5. Мозиас П. М. Региональные рынки в Китае: интеграция или фрагментация? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. - 2023. - № 3. - С.121–155.
6. Гордон А. В. Китай при Си Цзиньпине: проблемы и перспективы // РСМ. - 2016. - № 3 (92). - С.182–197.
7. Бурда А. Г., Косников С. Н., Коробань И. В. Оценка уровня социально-экономического благосостояния жителей регионов Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. - 2023. - № 11. - С.103–110.
8. Макеева Н. В., Гуляков А. Д. Федерализм как инструмент устойчивого развития государственности: теоретический анализ // Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право. - 2016. - № 3 (7). - С.19–27.
9. Батракова Л. Г. Социально-экономическое неравенство регионов России // Теоретическая экономика. - 2021. - № 10. - С.125–128.
10. Тамбовцев В., Валитова. Л. Ресурсная обеспеченность страны и ее политико-экономические последствия // Экономическая политика. - 2007.- № 3. – С.18 –19.

Defining Principles and Goals of Transforming the Russian Federal System

Volokh O.V., Marukhina A.D.

Omsk Humanitarian Academy

The analysis of the systemic problems and contradictions of contemporary Russian federalism, conducted in this paper, necessitates a transition from the diagnostic stage of the study to a prognostic and projective one. The research focuses on the identified dysfunctions of the existing federal relations model, manifested in its declining economic efficiency and violation of the principles of social equality, which necessitate the development of a comprehensive concept for its reform. Addressing this issue is the focus of this study, which is the central section of the research paper, synthesizing its theoretical propositions and applied developments. This article formulates the conceptual foundations, mechanisms, and targets for transforming federal relations in Russia, and examines the associated processes of adapting the political system to contemporary challenges. The article aims to formulate and provide a scientific justification for a comprehensive model for improving the federal structure, aimed at both overcoming existing structural imbalances and enhancing the state's integration resilience through a balanced distribution of powers and resources. The proposed transformation is placed in the context of current internal and external challenges. It is argued that maintaining a rigid centralized model is a limiting factor in economic growth, reduces the state's adaptive potential in the face of global competition, and contributes to the accumulation of socio-political tensions. The article substantiates the need to transform the political and administrative system from a factor perpetuating stagnation into an institution stimulating national development. The conclusions of this study represent a consistent presentation of the author's idea: from its theoretical and methodological foundations, through an analysis of contextual determinacy and a description of implementation mechanisms, to the determination of its strategic outcome. Taken together, this allows us to present a comprehensive and well-founded project for modernizing Russia's federal structure in accordance with the requirements of sustainable state development.

Keywords: federalism; state; federal subject; regional level; public authority; transformation; model; systemic unity.

References

1. Magomadov H. U. Financial Problems of Russian Regions in Current Economic Conditions // Public and Municipal Management. Scientific Notes. - 2021. - No. 3. - Pp. 273–287. (in Russian).
2. Qu S. Russian Experience of Managing Interregional Cooperation // Finance and Management. - 2024. - No. 4. - Pp. 43–59. (in Russian).
3. Interreg: European Territorial Cooperation // European Commission [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/policy/cooperation/european-territorial_en.
4. Mamedov A. E. Direct Elections of Heads of Subjects of the Russian Federation as a Sore Problem of Russian Federalism // KV. - 2021. - No. 6 (24). - Pp. 273–287. (in Russian.)
5. Mozias P. M. Regional Markets in China: Integration or Fragmentation? // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 9, Oriental and African Studies: Abstract Journal. - 2023. - No. 3. - Pp. 121-155. (in Russian).
6. Gordon A. V. China under Xi Jinping: Problems and Prospects // RSM. - 2016. - No. 3 (92). - Pp. 182-197. (in Russian).
7. Burda A. G., Kosnikov S. N., Koroban I. V. Assessment of the Level of Socioeconomic Well-Being of Residents of the Regions of the Russian Federation // Society: Politics, Economics, Law. - 2023. - No. 11. - Pp. 103-110. (in Russian).
8. Makeeva N. V., Gulyakov A. D. Federalism as an Instrument of Sustainable Development of Statehood: A Theoretical Analysis // Bulletin of Tambov University. Series: Political Sciences and Law. - 2016. - No. 3 (7). - P. 19-27. (in Russian).
9. Batrakova L. G. Socio-economic Inequality of Russian Regions // Theoretical Economics. - 2021. - No. 10. - P. 125-128. (in Russian).
10. Tambovtsev V., Valitova. L. Resource Endowment of the Country and Its Political and Economic Consequences // Economic Policy. - 2007.- No. 3. - P. 18-19. (in Russian).

Социальное восприятие межнациональных отношений в Москве: между толерантностью и запросом на ограничения

Громова Дарья Алексеевна
старший научный сотрудник отдела стратегических исследований, Научно-исследовательский институт социальных систем, i@dgromova.ru

Лаба Любляна Ярославовна
кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела изучения государственных институтов, Научно-исследовательский институт социальных систем, laba78@internet.ru

В статье анализируется структурная амбивалентность общественного мнения москвичей в отношении межнациональных отношений и трудовой миграции. Показано, что Москва представляет собой аномалию относительно европейского «столичного правила» толерантности, что обусловлено концентрацией миграционной нагрузки и спецификой медийного фреймирования. Особое внимание уделено влиянию теракта в «Крокус Сити Холле» (март 2024 г.) на динамику ксенофобских настроений и законодательную волну 2024–2025 гг.
Ключевые слова: межнациональные отношения, Москва, толерантность, ксенофобия, миграция, амбивалентность установок, контактная гипотеза, социальная идентичность, миграционная политика, Крокус Сити Холл.

Москва как столичный мегаполис концентрирует 52% иностранных работников России, что делает её ключевой площадкой для изучения амбивалентности межнациональных установок. Парадокс: 74% москвичей не испытывают неприязни к мигрантам, но 63% поддерживают ограничения въезда [табл. 5]. Этот паттерн усилен после теракта в «Крокус Сити Холле» (март 2024) и законодательной волны 2024–2025 гг. (21 закон Госдумы) [1; 5].

Западные концепции толерантности и межгрупповых отношений

В работе М. Уолцера («On Toleration», 1997) пять режимов толерантности, среди которых для России релевантны имперская модель (терпимость к автономным группам, а не индивидам) и иммигрантское общество (фокус на персональном выборе) [6]. Ключевой тезис: толерантность делает различия возможными, а различия — её необходимой. Континуум установок тянется от смирения ради мира через безразличие и признание прав к одобрению различий. Постсоветский транзит усиливает напряжение между имперской и ассимиляционной моделями. Конституционный патриотизм Ю. Хабермаса близок идее «гражданской нации» В.А. Тишкова. [7]. Типология У. Кимлики («Multicultural Citizenship», 1995), разграничивающая национальные меньшинства (право на самоуправление, релевантно для Татарстана или Чечни) и полиэтнические группы (право на культурные аккомодации, релевантно для трудовых мигрантов), принципиально важна для понимания дифференциации правовых статусов и запросов групп в РФ [8].

Теории ксенофобии и предубеждений

Г. Олпорт («The Nature of Prejudice», 1954) сформулировал контактную гипотезу: предубеждение снижается при контакте равного статуса между группами большинства и меньшинства при общих целях, кооперации и институциональной поддержке. Четыре условия: равный статус, суперординатные цели, сотрудничество без конкуренции, поддержка властей. Г. Олпорт описал шкалу предубеждений: от антилокуции через избегание, дискриминацию к нападению и экстерминации. [9].

Метаанализ Петтигрю и Тропп (2006; 515 исследований, >250 тыс. участников) подтвердил эффект ($r=-0.215$; в экспериментах $r=-0.336$): 94% выборок показали обратную связь. Условия Г. Олпорта — облегчающие, но не обязательные [10]. Для Москвы это означает, что конкурентный контакт (на рынках) усиливает неприязнь, тогда как кооперативный (в профессиональной среде) — способствует интеграции.

Дополняет анализ теория реалистического группового конфликта М. Шерифа, объясняющая враждебность конкуренцией за ресурсы [11]. Л. Куиллиан (1995) подтвердил: предубеждения растут при высокой миграции и спаде. В Москве мигранты (до 50% в строительстве/ЖКХ) обостряют низкоквалифицированные сектора [2].

Теория социальной идентичности А. Тэджфела и Дж. Тёрнера порождает ингрупповой фаворизм через категоризацию, идентификацию и сравнение (даже произвольно). Суперординатная «российская идентичность» снижает предрассудки [12].

Российская этносоциология: ключевые концепции

Л.М. Дробижева обосновала, что сильная гражданская (российская) идентичность ослабляет этнический негати-

визм, подразумевая отождествление с гражданами, государством и территорией [13; 14]. По её данным, она выросла до 75–84% россиян, став доминирующей на основе государственности; совместима с этнической при негиперболизации. Её мониторинг выявляет ресурсы согласия и риски от миграции. В.А. Тишков развил концепцию «российской нации» как полиэтнической гражданской общности («нация наций»), отметив переход от советской ностальгии к общероссийской солидарности [15; 16]. Э.А. Паин описал волновую (циклическую) ксенофобию, связанную с кризисами модернизации, и «имперский синдром». С С.Ю. Федюниным он обосновал интеркультурализм (общие гражданские интересы против мультикультурализма и гетто) [17; 18]. В.И. Мукомель разграничил этнофобии и мигрантофобии, а также выявил типологию групп по уровню толерантности. Его вывод о том, что ядро интолерантности составляют лица с низким человеческим и социальным капиталом, а «колеблющиеся» (около 78%) формируют основную динамику отношений, критически важно для анализа общественного мнения [19; 20]. В.С. Малахов критикует нациоцентризм, приоритизируя классовые категории над этническими; границы конституируют сообщества [21].

Концепция амбивалентности. М.Э. Рябова связывает её с русской бинарностью (Ахиезер); латентный анализ выявил «сильных амбивалентов». Э. Линдстам и др. (2021) показали структурную амбивалентность (36–42% немцев): этнокультурные и гражданские нормы конфликтуют, усиливая чувствительность к фреймингу [23]. Для России, где доля «колеблющихся» максимальна (78,4%, по Мукомелю), этот подход объясняет, как риторика СМИ и политиков актуализирует либо ксенофобные, либо толерантные установки, определяя траекторию межнациональных отношений.

Эмпирическая база: динамика межнациональных установок 2015–2025

Общероссийские данные: ВЦИОМ, Левада-Центр, ФОМ

По данным телефонного опроса ВЦИОМ от июля 2024 г. (N=1600), 60% россиян считают многонациональность России преимуществом, 79% оценивают межнациональные отношения в месте проживания позитивно (30% «дружественно», 49% «спокойно, бесконфликтно»), 81% не испытывают тревоги или страха по отношению к людям другой национальности [24]. Эти данные корреспондируют с результатами ФОМ: 58% россиян считают многонациональный состав полезным, 73% выступают за равные права всех национальностей [25]. Однако Москва и Санкт-Петербург представляют зону максимального скептицизма: 36% жителей мегаполисов дают негативные оценки межнациональным отношениям (против 17% по стране в целом).

Левада-Центр (признан иноагентом на территории России) ведёт лонгитюдный мониторинг ксенофобии с 2002 г. По данным апрельского опроса 2024 г. (N=1603), 62% россиян называют хотя бы одну этническую группу, чьё проживание хотели бы ограничить — снижение с 71% в 2019 г. и вблизи исторического минимума 55% в 2017 г. При этом 34% заявили об отсутствии необходимости каких-либо ограничений — максимум за всю историю наблюдений с 2004 г. Доля тех, кто «редко или никогда» испытывает враждебность, достигла 89% — минимальный уровень враждебности с 2002 г. [3]. Вместе с тем апрельский опрос 2025 г. (N=1617) зафиксировал усиление негативных установок: 66% полагают, что мигранты повышают преступность; 56% считают, что мигранты отнимают рабочие места; 52% согласны с тем, что мигранты «разрушают» русскую культуру (рост на 13 п.п. с 2016 г.); 70% требуют от государства ограничить приток приезжих; 68% выступают за выдворение нелегальных мигрантов [4].

Налицо парадокс: снижение декларируемой личной враждебности сопровождается ростом поддержки рестриктивных мер.

Московский кейс: результаты исследования

Особый интерес представляют результаты мониторингового социологического исследования межнациональных отношений непосредственно в Москве, позволяющие верифицировать общероссийские данные на столичном уровне. Социологическое исследование проводилось Научно-исследовательским институтом социальных систем при финансовой поддержке Департамента СМИ и рекламы города Москвы (грант № 10-ДС/25 от 23.12.2024). В период с 2022 по 2025 год опрос проводился ежегодно дважды в год. Каждая волна включала телефонный опрос 5000 москвичей в возрасте 18 лет и старше, постоянно проживающих в городе и репрезентативно представляющих население Москвы по полу, возрасту и административному округу проживания. Статистическая погрешность составляет ±1,4% при выборке n=5000 и доверительном интервале 95%. Результаты исследования представлены в таблицах 1–7.

Оценка межнациональных отношений в городе и районе проживания

Большинство москвичей (57%) оценило состояние межнациональных отношений в Москве в целом положительно. При этом 37% характеризуют ситуацию отрицательно. На уровне района проживания оценки заметно позитивнее: 65% оценили ситуацию положительно, 29% — отрицательно. Разница в 8 п.п. отражает эффект «терпимости к ближнему кругу», когда личный опыт оценивается выше абстрактной общей ситуации – это соответствует классическому разрыву между персональными и коллективными оценками в политической психологии (табл. 1).

Динамика показывает ухудшение: с 2022 по 2025 г. доля позитивных оценок Москвы в целом снизилась с 71% до 57% на фоне роста отрицательных с 24% до 37%. В районах тренд аналогичен: позитивные с 78% до 65%, отрицательные с 17% до 29%. Это может отражать накопительный эффект миграционного давления и медийного фрейминга, усиливающий общую тревожность при сохранении локальной терпимости.

Таблица 1

Динамика оценки состояния межнациональных отношений в Москве в целом и в районе проживания (тренд), %

Год	Москва (положит./отриц.)	Район (положит./отриц.)
2025	57/37	65/29
2024	60/35	68/26
2023	67/28	74/21
2022	71/24	78/17

Личный опыт конфликтов и оценка их вероятности

Две трети москвичей (68%) за последний год не наблюдали лично межнациональных конфликтов в районе проживания, 31% — наблюдали (таблица 2). Оценки вероятности масштабных конфликтов разделились: 51% считают их маловероятными, 42% — средне/высоко вероятными, включая 16% («точно будут») (табл. 3). Контраст между низким личным опытом и высоким уровнем тревожности подтверждает расхождение воспринимаемого и реального уровня напряжённости.

Анализ динамики фиксирует рост тревожности (+9 п.п. суммарно по пессимистическим оценкам) при стабильном личном опыте указывает на доминирование медийного и событийного фрейминга (теракт в «Крокусе», 2024; ужесточение риторики) над реальной конфликтностью в восприятии горожан.

Таблица 2
Динамика личного опыта наблюдения межнациональных конфликтов в районе проживания, %

Год	Доводилось за последний год в районе наблюдать межнациональные конфликты (да/нет)
2025	31/68
2024	31/68
2023	23/76
2022	22/77

Таблица 3
Динамика оценки вероятности масштабных конфликтов на национальной/религиозной почве в Москве,%

Год	Точно не будет/ маловероятны	Вполне вероятны	Точно будут	З/О
2025	51	26	16	7
2024	46	35	13	6
2023	55	30	9	6
2022	62	24	8	6

Оценка дискриминации и отношение к иностранным гражданам

Подавляющее большинство москвичей (84%) за последний год не испытывали лично неприязни из-за своей национальности; 15% имели такой опыт (табл. 4). Неприязнь к иностранным гражданам испытывают 20%, не испытывают — 74%. Однако 63% выступают за ограничение въезда (23% — из всех стран, 40% — из некоторых), против — 30% (табл. 5). Контраст между личным опытом и ограничительными настроениями отражает когнитивный диссонанс между отсутствием дискриминации и восприятием миграции как угрозы.

Динамика: рост неприязни к иностранцам (+7 п.п.) и беспрецедентный рост рестрикционизма (+15–24 п.п. суммарно по разным позициям) происходят на фоне стабильного личного опыта дискриминации (10–16%). Это указывает на доминирование символической угрозы над реальным негативным опытом взаимодействия: общественные настроения формируются под влиянием медийного дискурса и резонансных событий, а не ухудшения непосредственных межличностных контактов.

Таблица 4
Динамика оценки дискриминации и отношения к иностранным гражданам, %

Год	Испытывал лично по отношению к себе (да/нет)	Испытывал лично неприязнь к представителям какой-либо национальности (да/нет)	Испытывает неприязнь по отношению к иностранным гражданам, которые приехали жить и работать в Москву (да/нет)
2025	15/84	22/76	20/74
2024	16/84	20/77	20/76
2023	11/89	14/84	12/84
2022	10/90	15/84	13/84

Таблица 5
Динамика мнения москвичей об ограничении въезда иностранных граждан, %

Год	ограничить въезд из ВСЕХ стран	ограничить въезд из НЕКОТОРЫХ стран	Не следует ограничивать въезд	З/О
2025	23	40	30	7
2024	26	42	27	5
2023	14	40	40	6
2022	16	39	38	7

Оценка деятельности городских властей

Дифференциация оценок работы властей по направлениям показывает приоритет «силовых» мер: борьба с экстремизмом (65%) и профилактика конфликтов (50%) получают более высокие оценки, чем интеграционные. Адаптация мигрантов (языковое обучение, правила поведения) — единственное направление с преобладанием критики (45% отрицательных оценок vs 39% положительных), что отражает неудовлетворённый запрос на интеграционную инфраструктуру помимо репрессивных мер (табл. 6).

Динамика: зафиксировано системное снижение удовлетворенности работой властей по всем направлениям национальной политики. Наибольший дефицит доверия фиксируется в сфере адаптации мигрантов (разрыв между положительными и отрицательными оценками минимален, а в 2024 г. негатив даже превышал позитив). Это подтверждает тезис о том, что именно интеграционная повестка (а не силовое сдерживание) является «узким местом» городской политики и требует первоочередного внимания.

Таблица 6
Динамика оценка работы городских властей по отдельным направлениям, %

	Борьба с экстремизмом и терроризмом, профилактика их предпосылок (пол./отриц.)	Предотвращение и профилактика конфликтов на национальной/ религиозной почве (пол./отриц.)	Адаптация мигрантов (пол./отриц.)	Предотвращение и профилактика дискриминации на национальной/ религиозной почве (пол./отриц.)
2025	65/25	50/36	39/45	51/32
2024	62/30	56/33	40/49	56/30
2023	73/16	57/28	44/36	59/25
2022	77/11	61/21	43/36	62/21

Социально-политический анализ: факторы амбивалентности

Парадокс позитивной оценки и запроса на рестрикции

Центральное противоречие московских данных: 74% не испытывают неприязни к мигрантам, но 63% (40%+23%) поддерживают ограничения въезда. Параллельное движение толерантности и рестрикционизма объясняется тремя механизмами:

1. Амбивалентные установки (Lavine, 2001): конкурирующие когниции (позитивный опыт vs медийный фрейм) активируются контекстом.

2. Социальная желательность. Образование и урбанизация стимулируют декларируемую толерантность. Григорьева и Эндрюшко (2021) выявили дискриминацию мигрантов при аренде жилья: внешность и происхождение — ключевые барьеры [26].

3. Личное vs групповое восприятие. Район оценивается позитивнее (65%) Москвы в целом (57%) — эффект относительной депривации. По RUSSET (1995–2023; Воронина), негативные установки преобладают у 66+ лет (↓контакты), низкого доверия; позитивные — у образованных и чувствующих безопасность. При этом прослеживается закономерность: чем меньше доверия к людям, тем негативнее межэтнические установки [27].

Таким образом, парадокс отражает контекстуальную амбивалентность: личная толерантность сосуществует с групповой тревогой и символической угрозой миграции.

Москва как аномалия: нарушение «столичного правила»

Данные ESS демонстрируют повышенную толерантность столиц: Париж +20 п.п. к среднему по Франции, Берлин +11–14 п.п. к немецкому [28]. Москва — исключение: негативные оценки межнациональных отношений (37% по мониторингу, 36% по ВЦИОМ) вдвое выше среднего по России (17%).

Факторы аномалии, требующие учёта: а) концентрация мигрантов: 52% иностранных работников в столичном регионе; б) ресурсная конкуренция (теория Шерифа); в) интенсивное медийное фреймирование миграции как

угрозы; г) «парадокс осведомлённости»: информированность усиливает критицизм.

По индексу принятия мигрантов Gallup Россия набрала 2,60 из 9,0, по MIPEX — 31 из 100 («иммиграция без интеграции») [28].

Событийная волатильность: от «эффекта Крыма» к «эффекту Крокуса»

Согласно волновой модели Э.А. Паина, динамика ксенофобских настроений в Москве 2013–2025 гг. демонстрирует чередование фаз подъёма и спада под влиянием политических, экономических и культурных факторов. Основные циклы: пик этнофобии (2013 г.); спад («эффект Крыма», 2014–2017 гг.); рост (2018 г., удвоение поддержки «Россия для русских» на фоне пенсионной реформы); ралли-эффект (2022–2023 гг., начало СВО, улучшение отношения к чеченцам). [18].

«Эффект Крокуса» (март 2024): теракт в «Крокус Сити Холле» (145 погибших, >550 раненых) резко изменил настроения. По московскому мониторингу: доля негативных оценок межнациональных отношений выросла с 28% (июнь 2023) до 37% (июнь 2025) (табл. 1); поддержка ограничений въезда: с 54% до 63% («все страны» +9 п.п.) (табл. 5); вероятность конфликтов «точно будут»: с 9% до 16% (табл. 3).

Вместе с тем экспертная оценка Re:Russia указывает, что антимигрантская кампания послужила инструментом консервативной мобилизации, компенсирующей провал системы безопасности, а не ответом на массовый общественный запрос.

Законодательная реакция 2024–2025 гг.

Институциональный ответ на обострение миграционной проблематики оказался беспрецедентным по масштабу: Государственная Дума приняла 21 закон по ужесточению миграционного регулирования [5].

Ключевые меры: а) сокращение срока безвизового пребывания с 180 до 90 дней (с 01.01.2025); б) введение «режима высылки» (с 05.02.2025 г.); в) незаконная миграция — особо тяжкое преступление (до 15 лет); г) запрет зачисления в школы детей мигрантов, не владеющих русским языком; д) обязательный «ruID» с биометрией (с 30.06.2025) [5].

На региональном уровне к концу 2024 г. треть регионов ввела секторальные запреты на работу мигрантов, квота на РВП сокращена вдвое [1]. Концепция миграционной политики на 2026–2030 гг. принципиально отказалась от «замещающей миграции», перенеся приоритет на национальную безопасность.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд выводов, значимых для понимания природы межнациональных отношений в московском мегаполисе.

1. Амбивалентность как устойчивый паттерн. Общественное мнение москвичей характеризуется структурной амбивалентностью: высокие показатели межличностной толерантности (74% не испытывают личной неприязни к мигрантам, 84% не сталкивались с дискриминацией по национальному признаку) сочетаются с массовой поддержкой рестриктивных мер (63% выступают за ограничение въезда). Воспроизводя европейскую модель амбивалентности [23], московский случай усилен тремя специфическими факторами: сверхконцентрацией мигрантов (более 52% иностранных работников страны), интенсивностью медийного фрейминга и событийной волатильностью — от «эффекта Крыма» (2014) до трагедии в «Крокус Сити Холле» (2024). Это подтверждает тезис В.И. Мукомеля о том, что ксенофобия не исчезает, но принимает латентные формы, фиксируемые преимущественно в виртуальном пространстве [19].

2. Аномалия московского кейса. Москва демонстрирует отклонение от европейского «столичного правила» толерантности: уровень негативных оценок межнациональных отношений здесь (37%) вдвое превышает среднероссийский (17%). Данная аномалия объясняется комплексом факторов: миграционной нагрузкой, конкурентным характером межгруппового контакта (рынки труда и жилья), дефицитом интеграционной инфраструктуры и медийным контекстом.

3. Ограничения классических теорий и необходимость интегративной модели. Контактная гипотеза Г. Олпорта в московских условиях не работает в своем классическом виде: при высокой концентрации мигрантов скептицизм максимален именно в районах с интенсивным контактом (57% против 65% в зависимости от района). Причина — конкурентный характер взаимодействия, не удовлетворяющий условиям равного статуса и кооперации [9; 10]. Теория реалистического конфликта М. Шерифа объясняет конкуренцию за ресурсы, но недооценивает роль медиатизации [11]. В этой связи эвристически продуктивной представляется интегративная модель, объединяющая: качество контакта (Олпорт), конкуренцию (Шериф), механизмы социальной идентичности (Тэджфел), циклическую динамику (Э.А. Паин) и различение этно-/мигрантофобий (Мукомель). Отсутствие неустранимых препятствий для межнационального единства, на которое указывает Паин [17], реализуется только при изменении институциональных условий контакта.

4. Политико-медийный фрейминг и законодательная динамика. Беспрецедентная законодательная активность 2024–2025 гг. отражает не столько низовой запрос (63% рестрикционизма сосуществуют с 74% личной толерантности), сколько верхнеуровневую стратегию консервативной мобилизации после резонансных событий. Как показала Л.М. Дробижева, российская идентичность формируется и государством, и обществом [13]; именно ее содержательное наполнение определяет потенциал в ослаблении этнического негативизма. Данные о том, что главной «болевой точкой» выступает адаптация мигрантов (45% отрицательных оценок), а не «силовые» направления, фиксируют неудовлетворенный запрос на интеграционную инфраструктуру, что корреспондирует с крайне низким индексом интеграционной политики России (MIPEX = 31/100) [28].

Практическая значимость исследования состоит в том, что эффективная политика гармонизации межнациональных отношений в Москве должна быть направлена на развитие интеграционной инфраструктуры, создание условий для кооперативного (а не конкурентного) межгруппового контакта, укрепление надэтнической гражданской идентичности и повышение медийной грамотности населения. Эти рекомендации согласуются с выводом В.А. Тишкова о том, что признанное разнообразие культур и есть подлинное единство [16], а также с тезисом Паина и С.Ю. Федюнина о том, что гражданская культура развивается не вместо национальных культур, а вместе с ними [17].

Литература

1. Human Rights Watch. Living in Fear and Humiliation: Rising Xenophobic Harassment and Violence Towards Central Asian Migrants in Russia. 2025. URL: https://24-kg.com/english/323152_HRW_releases_report_on_xenophobia_in_Russia_against_migrants_from_Central_Asia__/ (дата обращения: 11.02.2026).

2. В НИУ ВШЭ назвали ниши занятости мигрантов в Москве. URL: https://www.forbes.ru/finansy/528813-v-niu-vse-nazvali-nisi-zanatosti-migrantov-v-moskve (дата обращения: 11.02.2026).

3. Левада-Центр. Уровень ксенофобии и этнической напряжённости. 2024. URL: https://www.levada.ru/2024/05/14/uroven-ksenofobii-i-mezhnatsionalnoj-napryazhennosti-otnoshenie-k-priezzhim/ (дата обращения: 11.02.2026).

4. Левада-Центр. Уровень ксенофобии и межнациональной напряжённости (апрель 2025). URL: https://www.levada.ru/2025/05/16/uroven-ksenofobii-i-mezhnatsionalnoj-napryazhennosti-otnoshenie-k-priezzhim-vozmozhnost-stolknovenij-na-natsionalnoj-pochve-aprel-2025/ (дата обращения: 11.02.2026).

5. Володин: в России создана система противодействия нелегальной миграции. URL: https://tass.ru/obschestvo/24816953 (Дата обращения: 11.02.2026).

6. Walzer M. On Toleration. New Haven: Yale University Press, 1997. URL: https://archive.org/details/ontoleration00walz_0 (дата обращения: 11.02.2026).

7. Habermas J. Struggles for Recognition in the Democratic Constitutional State // Multiculturalism / Ed. by A. Gutmann. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 107–148.

8. Kymlicka W. Multicultural Citizenship. Oxford: Oxford University Press, 1995.

9. Allport G.W. The Nature of Prejudice. Cambridge, MA: Addison-Wesley, 1954.

10. Pettigrew T.F., Tropp L.R. A Meta-Analytic Test of Intergroup Contact Theory // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 90. No. 5. P. 751–783.

11. Sherif M. et al. Intergroup Conflict and Cooperation: The Robbers Cave Experiment. Norman: University of Oklahoma Press, 1961.

12. Tajfel H., Turner J.C. An Integrative Theory of Intergroup Conflict // The Social Psychology of Intergroup Relations. Monterey: Brooks/Cole, 1979. P. 33–47.

13. Дробижева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. №8. С. 37–50.

14. Дробижева Л.М. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. 2015. №11. С. 80–90.

15. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 650 с.

16. Тишков В.А. Нация наций: о подходах к пониманию России. М.: ИЭА РАН, 2022. 69 с.

17. Паин Э. А., Федюнин С. Ю. Политика интеркультурализма и возможности ее применения в России. – Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 114-134.

18. Паин, Э. А. Динамика ксенофобии в эпоху популизма:опыт макросоциального анализа / Э. А. Паин // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2018. – № 3-4(127). – С. 17-32.

19. Мукомель В.И. Ксенофобы и их антиподы // Мир России. 2017. №1. С. 32–57.

20. Мукомель В.И. Ксенофобия и мигрантофобии в контексте культуры доверия // Мир России. 2014. №1. С. 137–166.

21. Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: НЛО, 2014. 227 с.

22. Рябова, М. Э. Развитие представлений об амбивалентности в философии на рубеже XX-XXI веков / М. Э. Рябова // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. – 2014. – Т. 17, № 4. – С. 753-758.

23. Lindstam E., Mader M., Schoen H. Conceptions of National Identity and Ambivalence towards Immigration. British Journal of Political Science. 2019. No. 51. P. 1-22.

24. ВЦИОМ. Межнациональные отношения и проблема иммиграции. 2024.

25. Межнациональные отношения: мониторинг URL: https://fom.ru/TSennosti/11876 (Дата обращения: 11.02.2026).

26. Григорьева К.С., Эндрюшко А.А. Доступ мигрантов к жилью в России // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. №4. С. 29–41.

27. Воронина Н.С. Динамика межэтнических установок россиян // Социологические исследования. 2024. №1. С. 51–62.

28. MIPEX. Migrant Integration Policy Index: Key Findings. URL: https://www.mipex.eu/key-findings (Дата обращения: 11.02.2026)

29. Левада-Центр. Представления о проблемах российского общества (март 2024). URL: https://www.levada.ru/2024/04/09/massovye-predstavleniya-o-problemah-rossijskogo-obshhestva-mart-2024-goda/ (Дата обращения: 11.02.2026).

Social perception of interethnic relations in Moscow: between tolerance and demand for restrictions

Gromova D.A., Laba L.Ya.,
Research Institute of Social Systems Russia

The article examines the structural ambivalence of Moscow residents' public opinion regarding interethnic relations and labor migration. It is demonstrated that Moscow constitutes an anomaly relative to the European 'capital city rule' of tolerance. Particular attention is paid to the impact of the Crocus City Hall terrorist attack (March 2024) on xenophobic attitudes and the unprecedented legislative wave of 2024–2025.

Keywords: interethnic relations, Moscow, tolerance, xenophobia, migration, ambivalent attitudes, contact hypothesis, social identity, migration policy, Crocus City Hall.

References

1. Human Rights Watch. Living in Fear and Humiliation: Rising Xenophobic Harassment and Violence Towards Central Asian Migrants in Russia. 2025. URL: https://24-kg.com/english/323152_HRW_releases_report_on_xenophobia_in_Russia_against_migrants_from_Central_Asia__/ (Accessed: 11.02.2026).
2. HSE University Named Employment Niches for Migrants in Moscow [Electronic resource] // Access: https://www.forbes.ru/finansy/528813-v-niu-vse-nazvali-nisi-zanatosti-migrantov-v-moskve (Accessed: 11.02.2026).
3. Levada Center. Level of xenophobia and ethnic tension. 2024. URL: https://www.levada.ru/2024/05/14/uroven-ksenofobii-i-mezhnatsionalnoj-napryazhennosti-otnoshenie-k-priezzhim/ (Accessed: 11.02.2026).
4. Levada Center. The level of xenophobia and interethnic tension (April 2025). URL: https://www.levada.ru/2025/05/16/uroven-ksenofobii-i-mezhnatsionalnoj-napryazhennosti-otnoshenie-k-priezzhim-vozmozhnost-stolknovenij-na-natsionalnoj-pochve-aprel-2025/ (Accessed: 11.02.2026).
5. Volodin: a system to combat illegal migration has been created in Russia. URL: https://tass.ru/obschestvo/24816953 (Accessed: 11.02.2026).
6. Walzer M. On Toleration. New Haven: Yale University Press, 1997. URL: https://archive.org/details/ontoleration00walz_0 (Access date: 02/11/2026).
7. Habermas J. Struggles for Recognition in the Democratic Constitutional State // Multiculturalism / Ed. by A. Gutmann. Princeton: Princeton University Press, 1994, pp. 107–148.
8. Kymlicka W. Multicultural Citizenship. Oxford: Oxford University Press, 1995.
9. Allport G.W. The Nature of Prejudice. Cambridge, MA: Addison-Wesley, 1954.
10. Pettigrew T.F., Tropp L.R. A Meta-Analytic Test of Intergroup Contact Theory // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 90.No. 5. P. 751–783.
11. Sherif M. et al. Intergroup Conflict and Cooperation: The Robbers Cave Experiment. Norman: University of Oklahoma Press, 1961.
12. Tajfel H., Turner J.C. An Integrative Theory of Intergroup Conflict // The Social Psychology of Intergroup Relations. Monterey: Brooks/Cole, 1979. P. 33–47.
13. Drobizheva L.M. Russian Identity: The Search for Definition and Dynamics of Spread // Sociological Studies. 2020. No. 8. P. 37–50.
14. Drobizheva L.M. The Potential of Interethnic Harmony: Understanding the Concept and Social Practice in Moscow // Sociological Studies. 2015. No. 11. P. 80–90.
15. Tishkov V.A. The Russian People: History and Meaning of National Identity. Moscow: Nauka, 2013. 650 p.
16. Tishkov, V. A. Nation of Nations: On Approaches to Understanding Russia. Moscow: IEA RAS, 2022. 69 p.
17. Pain, E. A., Fedyunin, S. Yu. The Policy of Interculturalism and the Possibilities of Its Application in Russia. Polis. Political Studies. 2020. No. 1. pp. 114-134. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.09.
18. Pain, E. A. Dynamics of Xenophobia in the Era of Populism: An Experience of Macrosocial Analysis / E. A. Pain // Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions. – 2018. – No. 3-4(127). – P. 17-32.

19. Mukomel V.I. Xenophobes and Their Antipodes // Mir Rossii. 2017. No. 1. P. 32–57.
20. Mukomel V.I. Xenophobia and Migrant-Phobias in the Context of the Culture of Trust // Mir Rossii. 2014. No. 1. P. 137–166.
21. Malakhov V.S. Cultural Differences and Political Boundaries in the Era of Global Migration. Moscow: NLO, 2014. 227 p.
22. Ryabova, M.E. Development of Concepts of Ambivalence in Philosophy at the Turn of the 20th–21st Centuries / M.E. Ryabova // Bulletin of Moscow State Technical University. Transactions of Murmansk State Technical University. – 2014. – Vol. 17, No. 4. – P. 753-758.
23. Lindstam E., Mader M., Schoen H. Conceptions of National Identity and Ambivalence towards Immigration. British Journal of Political Science. 2019. No. 51. P. 1-22.
24. VTsIOM. Interethnic Relations and the Problem of Immigration. 2024.
25. Interethnic Relations: Monitoring. URL: https://fom.ru/TSennosti/11876 (Accessed: 11.02.2026).
26. Grigorieva K.S., Andreushko A.A. Migrants' Access to Housing in Russia // Bulletin of the Institute of Sociology. 2021. Vol. 12. No. 4. Pp. 29–41.
27. Voronina N.S. Dynamics of Interethnic Attitudes of Russians." Sociological Research. 2024. No. 1. Pp. 51–62.
28. MIPEX. Migrant Integration Policy Index: Key Findings. URL: https://www.mipex.eu/key-findings (Accessed: 11.02.2026)
29. Levada Center. Perceptions of the Problems of Russian Society (March 2024). URL: https://www.levada.ru/2024/04/09/massovye-predstavleniya-o-problemah-rossijskogo-obshhestva-mart-2024-goda/ (Accessed: 11.02.2026).

Русофобия как политическая технология на примере стран Прибалтики

Скворцов Даниил Евгеньевич
Аспирант кафедры Б6 «Стратегическое управление высокотехнологичными предприятиями», Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова, skvortsov_de@voenmeh.ru

Тот факт, что в странах Прибалтики (Эстония, Латвия, Литва) активно процветает русофобия, не является чем-то новым. Русофобские нарративы и враждебные действия по отношению к России характерны для стран Прибалтики со временем распада СССР. Русофобия как форма антагонизма и ненависти к России, ее гражданам, русской культуре и истории культивируются на уровне официальной государственной политики, политических элит и лидеров мнений как внутри государств, так и в международном политико-публичном поле. Целью настоящего исследования является рационализация комплексной и последовательной антироссийской политики стран Прибалтики в контексте политических и стратегических выгод, формы социальной и политической консолидации, а также формирования облика и образа будущего государства с точки зрения политических акторов данных стран. Русофобия в странах Прибалтики рассматривается автором статьи не как форма иррациональной ненависти и ксенофобии (хотя одно не исключает другого), а как политическая технология, направленная на решение конкретных политических вопросов и геополитических задач. В ходе исследования были решены следующие задачи: проанализированы конкретные формы и проявления русофобии и ожидаемая политическая выгода, выявлен политический контекст проявлений русофобии в рамках внутренней и внешней политики, установлена взаимосвязь между жесткой антироссийской политикой и формированием образа на международной арене. В ходе исследования были применены такие методы, как: контент-анализ, кейс-стади, сравнительный анализ, дискурс-анализ. В результате исследования, с опорой на количественные и качественные показатели было выявлено, что русофобская политика стран Прибалтики носит осознанный характер и является частью глобальной политической стратегии данных стран, а также то, что такая политика наносит странам Прибалтики ощутимый экономический ущерб и создает стратегические и геополитические риски.

Ключевые слова: русофобия, страны Прибалтики, политическая технология, политические выгоды, политические риски, целенаправленная политика.

Введение

Русофобия как органический и структурный элемент внешней и внутренней политики стран Прибалтики берет свое начало от распада СССР в 1991 году. В контексте внутренней политики с 1991 года в Латвии и Эстонии был введен институт «неграждан» (официально закрепленный в 1991 и 1993 годах соответственно), поражающий в политических правах (в частности в праве голосовать на выборах) и трудовых правах преимущественно этнически русских, также дискриминации подвергся русский язык (закрытие «русских» школ, запрет на использование русского языка в официальном делопроизводстве, запрет на публичное использование наименований на русском языке и т.д.), отмена русской культуры, восприятие русской истории исключительно в негативном ключе и «демонизация» советского наследия, спроецированного на современную Россию, в том числе снос памятников воинам-освободителям. В контексте внешней политики страны Прибалтики с момента обретения статуса независимых государств стремились к максимальному «отчуждению» и дистанцированию от России. Об этом свидетельствует поэтапное переориентирование финансово-экономической системы, системы государственного управления, торговых и энергетических связей, военно-технической сферы на интеграцию со странами коллективного запада, завершившееся вступлением Литвы, Латвии и Эстонии в Евросоюз и НАТО в 2004 году и практически полное прекращение политических и экономических связей в настоящее время.

Важно отметить, что внутреннюю политику стран Балтии нельзя списать на ту или иную форму или степень национализма или самоопределения, поскольку данные явления в том или ином виде присутствовали во всех бывших советских республиках, но не одна из них не проявляла сопоставимой по масштабам русофобии, а внешнюю политику нельзя объяснить только стратегией интеграции в Западную Европу, поскольку ряд государств, образовавшихся после распада СССР (в частности: Грузия, Армения, Молдова, Азербайджан) также стремятся стать частью западного политического контура, но ярко выраженных русофобских интенций, особенно на уровне государственной политики, в них не наблюдается. Ненависть к России и русским в странах Прибалтики можно объяснить отношением в данных странах к советскому периоду, который воспринимается политическими акторами как «период оккупации», а процесс «десоветизации» и, как следствие, «дерусификации» является одной из основополагающих национальных идей, основ национальной идентичности.

Данное объяснение абсолютно обосновано, но русофобия в странах Прибалтики является не только результатом рефлексии о советском прошлом (с точки зрения их позиции по данному вопросу), не только идеологией, имеющей ментально-культурный базис и лежащей в психологической плоскости, не только парадигмой восприятия и построения новой реальности, а политической технологией, направленной на решение конкретных прикладных задач в рамках внутренней и внешней политики; инструментом, используемым для достижения политических целей.

Теоретические основы исследования

Проблемное поле исследования феномена русофобии как комплексной политологической модели гибрид-

ного противостояния с Россией неоднократно освещалась в научных труда отечественных ученых. В частности, как справедливо отмечает А.Н. Ильин «высшие чиновники Латвии, Литвы и Эстонии уже давно активно дискредитируют Россию, используя самую примитивную русофобскую риторику» [4, С. 27]. С точки зрения П.И. Пашковского и др. «в настоящее время русофобия стала оружием гибридной войны и воспроизводится с применением современных технологий» [10. С. 40]. По мнению А.В. Туркулец и С.Е. Туркулец «русофобия представляет собой идеологию, технологию, инструмент, механизм решения собственных проблем Запада» [15. С. 246]. С точки зрения М.Д. Напсо «… русофобия преследует скорее геополитические цели, нежели сугубо этнические» [8, С. 65]. Также по мнению А.Н. Ильина «русофобия выступает одним из видов борьбы против геополитического противника» [5, С. 19]. Как справедливо отмечает Л.А. Журавлева и др. «… русофобия стала идеологией Запада и его оружием в гибридной войне против нашей страны» [6, С. 146]. Также с позиции М.Д. Напсо «русофобия выступает в качестве инструмента достижения западными странами экономических и геополитических целей» [9, С. 58].

Результаты и обсуждение

Военный и геополитический контекст.

С момента обретения независимости страны Прибалтики стремились к вступлению в НАТО. В 1991 году Литва, Латвия и Эстония вступили в Совет североатлантического сотрудничества, в 1993 году президенты данных государств официально заявили о намерении вступить в НАТО [7]. Ожидаемые политические выгоды от вступления в Североатлантический альянс рационализировались следующим образом: обеспечение и укрепление обороноспособности (в том числе в военно-технической сфере), защита государственного суверенитета и интеграция в европейскую архитектуру безопасности. Инструментом для достижения данных целей стала русофобия. Политическим элитам Прибалтики необходимо было обосновать вступление в НАТО как для своих граждан, так и для НАТО. Внутри государств культивировалось мнение о потенциальной российской угрозе, об угрозе суверенитету и безопасности от «Восточного соседа». Президент Латвии Вайра Вике-Фрейберги в 2002 году заявила, что вступление в НАТО означает для Латвии «начало новой эры и снижение риска, связанного с безопасностью» [11]. Премьер-министр Эстонии Юхан Партс В 2004 году сделал заявление о том, что «присоединение к НАТО дает стране такие гарантии безопасности, которых Эстония не имела за всю историю своего существования» [20]. В заявлениях политиков стран Балтии прямо не указано, что безопасность им необходима именно от России, но этот нарратив, с учетом внешней и внутренней политики, направленной на разрыв любых взаимоотношений с Россией, явственно прослеживается.

Для НАТО был приведён тот же набор аргументов (российская агрессия, угроза суверенитету), а также готовность стать форпостом НАТО на северо-востоке. С точки зрения НАТО принятие в состав альянса стран Прибалтики означало создание рубежа непосредственно на границе с Россией, размещение на близлежащих с Россией территориях стратегических вооружений, а также расширение представления своих геополитических интересов в Балтийском море, что привело к вступлению стран Прибалтики в НАТО в 2004 году.

Важно подчеркнуть, что Россия не высказывала никаких угроз в сторону стран Прибалтики и не проводила в их отношении агрессивную политику, признала их суверенитет в 1991 году, что было документально закреплено, и вплоть до настоящего времени никак на него не посягала, что свидетельствует о том, что заявления прибалтийских политиков не отражают реальной картины мира и являются политическим мифотворчеством.

Осуществление странами Прибалтики своих целей в военной и геополитической сфере, инструментом достижения которых была русофобия, является весьма спорным. В контексте укрепления и защиты суверенитета, на который и так никто не посягал, размещение на территории стран вооружения и армии иностранных государств, даже в рамках союзного блока, не способствует политической самостоятельности. С точки зрения защиты своих территорий страны Балтии не получили никаких потенциальных выгод, поскольку, если допустить вооруженную конфронтацию между НАТО и Россией, эти страны будут являться плацдармом для нанесения ударов по территории России и станут приоритетной военной целью. Наивно было бы полагать, что НАТО принял в свой состав страны Прибалтики, в экономическом и военном плане не сопоставимые с другими члена альянса (на 2004 год), а также географически удаленные от них с целью защиты, а не в контексте своих интересов. В рамках обеспечения коллективной безопасности и интеграции в евроатлантическое пространство, а также в рамках глобальной геополитики страны Прибалтики, по описанным выше причинам не могут наравне участвовать с остальными членами альянса, и, как следствие, не могут претендовать за содержательную часть политических и геополитических выгод. Также вступление стран Балтии в НАТО обострило отношения с Россией, в том числе экономические и дипломатические, что заключает в себе определенные стратегические издержки и риски.

Экономический и политический контекст.

Помимо вступления в НАТО, страны Прибалтики так же стремились стать члена Евросоюза, в состав которого они вошли в том же 2004 году. Решение вступить в ЕС шло рука об руку с решением вступить в НАТО и преследовало схожие цели: обеспечение суверенитета, безопасности (с экономической точки зрения), приобретение политических выгод и определение пути развития стран Балтии. Стремление стать частью западного мира, экономически и политически интегрироваться в Европу было обусловлено не только выбором пути развития с ориентацией на западный контур, но и желанием окончательно «отмежеваться» от России, стать частью другой политической силы и получить защиту от предполагаемой угрозы со стороны России [17], что также является использованием русофобского нарратива для достижения своих политических целей. Как справедливо отмечает В.А. Смирнов «безопасность трактуется властными группами Латвии, Литвы и Эстонии в широком смысле: Россия связывается с угрозой в военной, политической, экономической, гуманитарной сферах» [13, С. 118].

Именно политический контекст, активно подогреваемый русофобией прибалтийских политиков, сделал возможным вступление стран Балтии в Евросоюз. По уровню развития своей экономики, энергетической и стратегической инфраструктуры Литва, Латвия и Эстония не могли полноценно исполнять обязательства членов ЕС, что, с учетом размера территорий и диспропорции в их экономическом развитии (в отличии от ситуации с Кипром и Мальтой) требовало серьезных финансовых вливаний с неопределенной перспективой, а отсутствие сухопутных границ (за исключением Польши, принятой в том же 2004 году) значительно осложняло торгово-логические связи. Страны Прибалтики не соответствовали критериям, соблюдение которых необходимо для вступления в ЕС, в частности, критерию соблюдения прав человека в Латвии и Эстонии (институт «неграждан», дискриминация русского языка), о чем открыто говорил Министр иностранных

дел Российской Федерации С.В. Лавров [12], критерию институционального развития в Латвии, на что указывало проведенное академическое исследование [24], а также политическому критерию в Литве по причине коррупции в высших эшелонах власти, что следует из доклада депутата Европарламента Эльмара Брока, уполномоченного по делам расширения [25]. Все эти причины не помешали стран Прибалтики стать членами ЕС, и, хотя их присоединение было частью политики ЕС по расширению, а также в рамках «воссоединения с Европой», геополитическое противостояние с Россией и русофобские нарративы в Прибалтике сыграло в нем ключевую роль. По мнению Ю. Баранчика «так как степень получаемой прибалтийскими странами и Польшей финансовой «поддержки» с Запада критично зависит от уровня публичной русофобии, то внешняя и внутренняя политика государств Прибалтики останется такой же воинственно антироссийской» [1, С. 37].

Вступление стран Балтии в ЕС, безусловно, принесло определенные экономические и политические выгоды. Интеграция в европейскую экономику, тарифную и валютную систему значительно стимулировало развитие данных стран. Согласно данным статистической службы Европейского союза, за период с 2004 по 2024 годы ВВП на душу населения вырос на 505 % в Литве, на 436 % в Латвии и на 405 % в Эстонии с учетом того, что средний рост по ЕС за тот же период составил 188 %. По паритету покупательной способности Литва поднялась с 50 % до 88 % от среднего уровня ЕС, Латвия – с 45 % до 71 %, а Эстония – с 56 % до 79 % [18]. Согласно открытым источникам, за обозначенный период Латвия получила от Евросоюза финансовую помощь на 17 миллиардов евро [18]. Логично предположить, что остальным странам Прибалтики были выделены сопоставимые суммы. Вместе с тем, в последнее время в странах Прибалтики складывается сложная экономическая ситуация. Несмотря на рост ВВП, в странах Прибалтики одни из самых низких зарплат в ЕС, с учетом стоимости продуктов и бытовых услуг в среднем выше, чем по ЕС. На конец 2025 года в странах Прибалтики наблюдается стабильно высокая инфляция (3,7 % в Литве, 3,6-3,7% в Латвии и 4,8 % в Эстонии) и высокий уровень безработицы (8 % в Литве, 6,9 % в Латвии и 7,4 % в Эстонии) [22], также эксперты отмечают большой размер государственного долга, сложную демографическую ситуацию и финансовую зависимость региона от Евросоюза (страны Прибалтики входят в 10 самых государств с самым высоким финансированием от ЕС) [16]. Причины сложившейся ситуации кроются в русофобской политике, которая стала для стран Прибалтики палкой о двух концах. С одной стороны, они стали членами ЕС, получали финансовую помощь и экономическую поддержку, но с другой стороны из-за практически полного прекращения экономических и дипломатических отношений с Россией, в том числе по причине поддержанных ими санкций, понесли серьезные убытки, в том числе из-за потери транзитных и экспортных доходов, перехода на закупку более дорогих энергоносителей, потери туристических доходов, перестройки логистических цепочек и прекращения прямого товарооборота. Тот факт, что Евросоюз не может компенсировать эти потери вследствие больших затрат на финансирование Украины, а также то, что напряженная геополитическая ситуация в регионе, спровоцированная агрессивной антироссийской политикой, делает страны Балтии малопривлекательными для инвестиций, привело к тяжелой экономической ситуации для Литвы, Латвии и Эстонии.

Позиционирование на международной арене.

Страны Балтии активно используют жесткую антироссийскую риторику как ключевой инструмент для укрепления своих позиций на международной арене. Это не просто эмоциональная риторика, это комплексная и последовательная политическая технология.

Политики и чиновники высшего эшелона стран Балтии на регулярной основе делают самые агрессивные заявления в отношении России, по уровню русофобии превосходящие все остальные страны в мире. Премьер-министр Эстонии, а в последствие верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности Кая Каллас регулярно утверждает, что Россия является террористическим государством. В частности, в 2025 году она заявила, что «Россия проводит гибридные атаки на территории стран ЕС и занимается «государственным терроризмом» [6]. В том же году Министр иностранных дел Латвии Эдгар Ринкевич заявил, что «чем больше я наблюдаю за современной Россией, тем чаще я прихожу к заключению, что она закончит, как Германский рейх после I и II мировых войн, и будет уже поздно» [2]. Такого рода высказываниями, а также враждебными действиями по отношению к России (в рамках своих возможностей), такими как закрытие границ, призывом к санкциям, дискриминацией русскоязычного населения на своих территориях, блокировкой транзита и логистики и так далее страны Прибалтики преследуют следующие политические выгоды:

Имитация политической значимости. Страны Балтии не являются экономически и технологически развитыми державами, не имеют собственных сильных армий и политического авторитета, а также географически удалены от Европы. Для придания политической веса, они активно привлекают к себе внимание агрессивной антироссийской риторикой, тем самым как бы находясь в авангарде противостояния России и Запада. Выступления в качестве «экспертов по российской угрозе» с апелляцией к своему «историческому опыту», а также статус «форпоста Европы на Востоке» и регулярные провокационные заявления в адрес России, происходящие в рамках общего политического контекста стран Западной Европы, является основным источником формирования их политического капитала.

Обоснование присутствия НАТО и финансирование. Русофобская риторика в контексте «российской угрозы и агрессии» является основным инструментом обеспечения безопасности стран Прибалтики. Позиционирование себя как «линии фронта» и «последнего рубежа обороны», который необходимо защищать от угроз, используется как основание для регулярного присутствия на своей территории войск НАТО, в том числе сил передового базирования и патрулирования воздушного пространства, а также наращивание такого присутствия. С 2025 года НАТО на постоянной основе осуществляет воздушное, морское и подводное патрулирование акватории Балтийского моря в рамках миссии Baltic Sentry (Балтийский страж), а также воздушное патрулирование у границ с Россией и Беларусью в рамках миссии Eastern Sentry (Восточный страж) [21]. Также благодаря риторике о постоянной угрозе со стороны России, в том числе в экономическом контексте, в частности об «энергетическом шантаже», страны Балтии получают дополнительное финансирование от ЕС на развитие объектов критической инфраструктуры и экономики, а также финансирование от НАТО для обеспечения безопасности. Например, в 2024 году в рамках создания в странах Прибалтики объектов энергетической инфраструктуры для обеспечения «энергетической независимости» от России Евросоюзом было выделено 1, 394 миллиарда евро [19]. В 2026 году США (по линии НАТО) выделили 200 миллионов долларов в рамках «инициативы по обеспечению безопасности стран Балтии» [14].

Влияние на систему международного права. Страны Балтии активно используют русофобские нарративы как инструмент воздействия на международную правовую систему, тем самым повышая свой политический вес.

Эстония, Латвия и Литва, апеллируя к необходимости «привлечения России к ответственности», инициировали создание Международного центра по преследованию за преступление агрессии против Украины, а также Реестр ущерба для Украины. В 2025 году страны Балтии выступили с инициативой о внесении изменений в систему международного морского права, запрещающих свободное судоходство без государственного флага, с целью борьбы с российским «теневым флотом» (данный термин не закреплен нормами международного права) [23]. Также важно упомянуть активное участие стран Прибалтики в формировании санкционной политики в отношении России и ее участие в разработке правовых механизмов системы международной изоляции. Все эти действия можно классифицировать как проявления русофобии в политическом контексте, поскольку весь нормотворческий процесс, в том числе создание международных институтов, направлен исключительно на противодействие России (и не реализуется в ином ключе), критику ее действий и повышение собственного политического и экспертного статуса.

Для стран Прибалтики русофобия является активным и едва ли не единственным политическим инструментов для решения своих задач на международной арене, в том числе в военном, экономическом, дипломатическом и геополитическом аспектах. Вместе с тем они не играют существенную роль в международной политике и являются куда в большей степени «громкоговорителями» (причем самостоятельность их русофобии в современном политико-публичном поле является как минимум дискуссионным вопросом), чем политическими акторами.

Выводы

В заключение важно подчеркнуть, что русофобия в странах Прибалтики является не только идеологией, политической парадигмой видения России, основанной на психологическом аспекте восприятия и интерпретации своего культурно-исторического опыта, но и политической технологией, совокупностью форм, методов и средств достижения целей в рамках внутренней и внешней политики. Нельзя не отметить тот факт, что для достижения целей обеспечения безопасности и устойчивого развития, в том числе посредством интеграции в западный политический контур и обретения определенной позиции в международном сообществе, страны Прибалтики могли избрать другую концептуальную политологическую модель, поскольку ненависть к России не является обязательным условием для достижения вышеперечисленных целей, но они выбрали русофобию в качестве инструмента для решения политических задач, тем самым получив определенные выгоды, но вместе с тем значительно превышающий комплекс политических и геополитических рисков, в том числе с точки зрения исторической и стратегической перспективы.

Литература

1. Баранчик Ю. Страны Прибалтики в контексте сценария возможного распада Евросоюза / Ю. Баранчик // Постсоветский материк. 2019. № 2. С. 23-40.
2. Глава МИД Латвии предрек России судьбу Германского Рейха // информационное агентство «Блокнот.ру» URL: https://bloknot.ru/v-mire/glava-mid-latvii-predrek-rossii-sud-bu-germanskogo-rejha-202219.html?ysclid=mlvbi0715t277780033 (дата обращения: 19.02.2026).
3. Журавлева Л. А. Современная русофобия: ментальные истоки / Л. А. Журавлева, Е. В. Зарубина, А. В. Ручкин, Н. Н. Симачкова, И. П. Чупина // Образование и право. 2022. № 8. С. 146-153.
4. Ильин А. Н. Русофобия в Прибалтике / А. Н. Ильин // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 5. С. 14-46.
5. Ильин А.Н. Русофобия Запада: сущность и причины / А. Н. Ильин // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2021. № 2. С. 19-33.
6. Каллас выступила с резким заявлением в адрес России // общественно-политическое интернет-издание «Газета.Ru» URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/11/19/27216416.shtml?ysclid=mlvak22ubi557803575 (дата обращения: 19.02.2026).
7. Милитаризация по-литовски // информационно-аналитический портал «Сонар-2050» URL: https://www.sonar2050.org/publications/militarizaciya-po-litovski/ (дата обращения: 19.02.2026).
8. Напсо М. Д. Русофобский нарратив как инструмент политического влияния (часть II) / М. Д. Напсо // Вестник Забайкальского государственного университета. 2022. № 8. С. 63-69.
9. Напсо М.Д. Некоторые аспекты проблематики русофобии (часть I) / М. Д. Напсо // Вестник Забайкальского государственного университета. 2022. № 8. С. 57-62.
10. Пашковский П. И. Русофобия как компонент современного геополитического противоборства: глобальное и региональное измерения / П.И. Пашковский, Е.В. Крыжко, Л.А. Крыжко // Регионология. 2025. № 1. С. 33-47.
11. Реакция новых кандидатов на приглашение в НАТО // Radio Prague International URL: https://ruski.radio.cz/reakciya-novyh-kandidatov-na-priglashenie-v-nato-8068186 (дата обращения: 19.02.2026).
12. С.Лавров: Латвия и Эстония не соответствуют Копенгагенским критериям ЕС // Информационное агентство REGNUM URL: https://regnum.ru/news/383012 (дата обращения: 19.02.2026).
13. Смирнов В. А. Политические элиты Латвии, Литвы и Эстонии в 1990-2019 гг.: основные итоги трансформации / В. А. Смирнов // Современная Европа. 2020. № 5. С. 111-120.
14. США выделят почти 170 миллионов евро на оборону стран Балтии // информационное агентство "Sputnik Литва" URL: https://lt.sputniknews.ru/20260205/ssha-vydelyat-pochti-170-millionov-evro-na-oboronu-stran-baltii-40489667.html (дата обращения: 19.02.2026).
15. Туркулец А. В. Феномен русофобии в современном дискурсе / А. В. Туркулец, С. Е. Туркулец // Право и практика. 2025. № 2. С. 245-256.
16. Часовые НАТО: чем угрожают инициативы на Балтике и в Польше // медийно-сервисный интернет-портал «Рамблер» URL: https://news.rambler.ru/army/55341423-chasovye-nato-chem-ugrozhayut-initsiativy-na-baltike-i-v-polshe/ (дата обращения: 19.02.2026).
17. Baltic politics. All change // European Sources Online URL: https://www.europeansources.info/record/baltic-politics-all-change/ (дата обращения: 19.02.2026).
18. Bulgaria’s GDP Skyrockets 600% Over 20 Years, Outpacing EU Average // novinitegroup URL: https://www.novinite.com/articles/235275/Bulgaria%E2%80%99s+GDP+Skyrockets+600+Over+20+Years%2C+Outpacing+EU+Average (дата обращения: 19.02.2026).
19. EU funds boost Rail Baltica project with €1.4 billion investment // Global Railway Review URL: https://www.globalrailwayreview.com/news/179704/eu-funds-boost-rail-baltica-project-with-e1-4-billion-investment/#comments (дата обращения: 19.02.2026).

20. Prime Minister meets Supreme Allied Commander, Europe // Republic of Estonia Government URL: https://valitsus.ee/en/news/prime-minister-meets-supreme-allied-commander-europe86 (дата обращения: 19.02.2026).
21. Republic of Lithuania: Staff Concluding Statement of the 2025 Article IV Mission // International Monetary Fund URL: https://www.imf.org/en/news/articles/2025/06/06/mcs662025-lithuania-staff-concluding-statement-2025-article-iv-mission (дата обращения: 19.02.2026).
22. Robertson praises Lithuanian progress // The Baltic Times URL: https://cpw.baltictimes.com/news/articles/6068/ (дата обращения: 19.02.2026).
23. The Baltic Politics of Post-War Accountability for Russia // Verfassungsblog URL: https://verfassungsblog.de/the-baltic-politics-of-post-war-accountability-for-russia/ (дата обращения: 19.02.2026).
24. Three 'Fail EU Accession Test' // novinitegroup URL: https://www.novinite.com/articles/17659/Three+%27Fail+EU+Accession+Test%27 (дата обращения: 19.02.2026).
25. Verbatim report of proceedings // European Parliament URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/CRE-5-2004-03-10-INT-3-166_EN.html?redirect (дата обращения: 19.02.2026).

Russophobia as a political technology: a case study of the Baltic states

Skvortsov D.E.
Baltic state technical university «VOENMEH» named after D. F. Ustinov

The prevalence of Russophobia in the Baltic states (Estonia, Latvia, Lithuania) is not a new phenomenon. Anti-Russian narratives and hostile policies toward Russia have been characteristic of these states since the dissolution of the USSR. Russophobia — as a form of antagonism and hostility toward Russia, its citizens, Russian culture and history — is cultivated at the level of official state policy, political elites, and opinion leaders both domestically and within the international political and public sphere. The aim of this study is to rationalize the comprehensive and consistent anti-Russian policy of the Baltic states in the context of political and strategic gains, forms of social and political consolidation, and the shaping of the future state image as envisioned by political actors in these countries. The author of the article approaches Russophobia in the Baltic states not as a form of irrational hatred and xenophobia (though the two are not mutually exclusive), but rather as a political technology aimed at addressing specific political issues and geopolitical objectives. The study addresses the following tasks: analysis of specific forms and manifestations of Russophobia and the expected political benefits; identification of the political context of Russophobia within domestic and foreign policy; and examination of the relationship between harsh anti-Russian policies and the shaping of the state's image in the international arena. Research methods include content analysis, case study, comparative analysis, and discourse analysis. Based on quantitative and qualitative indicators, the study concludes that the Russophobic policies of the Baltic states are deliberate and constitute part of their global political strategy. It also finds that such policies cause significant economic damage to these states and generate strategic and geopolitical risks.

Keywords: russophobia, Baltic States, political technology, political benefits, political risks, targeted policy.

References

1. Baranchik Yu. The Baltic States in the Context of a Possible Scenario of the Disintegration of the European Union / Yu. Baranchik // Post-Soviet Continent. 2019. No. 2. pp. 23-40.
2. The Head of the Latvian Ministry of Foreign Affairs Predicted the Fate of the German Reich for Russia // Information Agency "Bloknot.ru" URL: https://bloknot.ru/v-mire/glava-mid-latvii-predrek-rossii-sud-bu-germanskogo-rejha-202219.html?ysclid=mlvbi0715t277780033 (date of access: 19.02.2026).
3. Zhuravleva, L. A. Modern Russophobia: Mental Origins /
L. A. Zhuravleva, E. V. Zarubina, A. V. Ruchkin, N. N. Simachkova, I. P. Chupina // Education and Law. 2022. No. 8. pp. 146-153.
4. Ilyin, A. N. Russophobia in the Baltics / A. N. Ilyin // Horizons of Humanitarian Knowledge. 2019. No. 5. pp. 14-46.
5. Ilyin, A. N. Russophobia in the West: Essence and Causes / A. N. Ilyin // News of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics. 2021. No. 2. pp. 19-33.
6. Kallas made a harsh statement against Russia // socio-political online publication "Gazeta.Ru" URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/11/19/27216416.shtml?ysclid=mlvak22ubi557803575 (date of access: 19.02.2026).
7. Militarization, Lithuanian style // information and analytical portal "Sonar-2050" URL: https://www.sonar2050.org/publications/militarizaciya-po-litovski/ (date of access: 19.02.2026).
8. Napso M. D. Russophobic narrative as an instrument of political influence (part II) / M. D. Napso // Bulletin of the Transbaikal State University. 2022. No. 8. Pp. 63-69.
9. Napso M.D. Some Aspects of the Problem of Russophobia (Part I) / M.D. Napso // Bulletin of the Transbaikal State University. 2022. No. 8. Pp. 57-62.
10. Pashkovsky P.I. Russophobia as a Component of Modern Geopolitical Confrontation: Global and Regional Dimensions / P.I. Pashkovsky, E.V. Kryzhko, L.A. Kryzhko // Regionalology. 2025. No. 1. Pp. 33-47. 11. Reaction of new candidates to the invitation to NATO // Radio Prague International URL: https://ruski.radio.cz/reakciya-novyh-kandidatov-na-priglashenie-v-nato-8068186 (date of access: 19.02.2026).
12. S. Lavrov: Latvia and Estonia do not meet the EU Copenhagen criteria // Information agency REGNUM URL: https://regnum.ru/news/383012 (date of access: 19.02.2026).
13. Smirnov V. A. Political elites of Latvia, Lithuania and Estonia in 1990-2019: main results of transformation / V. A. Smirnov // Modern Europe. 2020. No. 5. pp. 111-120.
14. The United States will allocate almost 170 million euros for the defense of the Baltic states // Sputnik Lithuania news agency URL: https://lt.sputniknews.ru/20260205/ssha-vydelyat-pochti-170-millionov-evro-na-oboronu-stran-baltii-40489667.html (accessed: 19.02.2026).
15. Turkulets A. V. The Phenomenon of Russophobia in Modern Discourse / A. V. Turkulets, S. E. Turkulets // Law and Practice. 2025. No. 2. pp. 245-256.
16. NATO Sentinels: What are the threats posed by initiatives in the Baltics and Poland // Rambler media and service internet portal URL: https://news.rambler.ru/army/55341423-chasovye-nato-chem-ugrozhayut-initsiativy-na-baltike-i-v-polshe/ (accessed: 19.02.2026).
17. Baltic politics. All change // European Sources Online URL: https://www.europeansources.info/record/baltic-politics-all-change/ (accessed: 19.02.2026).
18. Bulgaria's GDP Skyrockets 600% Over 20 Years, Outpacing EU Average // novinitegroup URL: https://www.novinite.com/articles/235275/Bulgaria%E2%80%99s+GDP+Skyrockets+600+Over+20+Years%2C+Outpacing+EU+Average (accessed: 19.02.2026).
19. EU funds boost Rail Baltica project with €1.4 billion investment // Global Railway Review URL: https://www.globalrailwayreview.com/news/179704/eu-funds-boost-rail-baltica-project-with-e1-4-billion-investment/#comments (accessed: 19.02.2026). 20. Prime Minister meets Supreme Allied Commander, Europe // Republic of Estonia Government URL: https://valitsus.ee/en/news/prime-minister-meets-supreme-allied-commander-europe86 (date of access: 19.02.2026).
21. Republic of Lithuania: Staff Concluding Statement of the 2025 Article IV Mission // International Monetary Fund URL: https://www.imf.org/en/news/articles/2025/06/06/mcs662025-lithuania-staff-concluding-statement-2025-article-iv-mission (date of access: 19.02.2026).
22. Robertson praises Lithuanian progress // The Baltic Times URL: https://cpw.baltictimes.com/news/articles/6068/ (date of access: 19.02.2026).
23. The Baltic Politics of Post-War Accountability for Russia // Verfassungsblog URL: https://verfassungsblog.de/the-baltic-politics-of-post-war-accountability-for-russia/ (date of access: 19.02.2026).
24. Three 'Fail EU Accession Test' // novinitegroup URL: https://www.novinite.com/articles/17659/Three+%27Fail+EU+Accession+Test%27 (date of access: 19.02.2026).
25. Verbatim report of proceedings // European Parliament URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/CRE-5-2004-03-10-INT-3-166_EN.html?redirect (accessed: 19.02.2026).

Использование социальных сетей в политической коммуникации: вызовы для безопасности и возможности повышения гражданского доверия

Яковлева Ольга Андреевна
Аспирант БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова, кафедра Р1 «Менеджмент организации», ведущий специалист управления молодёжной политики СПбГАСУ, Lelya.yakovleva00@mail.ru

В современном цифровом обществе социальные сети превратились в ключевой инструмент политической коммуникации, оказывая глубокое влияние на формирование общественного мнения, государственную безопасность и уровень доверия граждан к институтам власти. Обладая двойственной природой, они выступают как мощным катализатором демократических процессов, обеспечивая прозрачность и вовлеченность, так и рискованным полем для распространения дезинформации и кибератак.
Данное исследование направлено на анализ этой двойственной роли: с одной стороны, оценивается потенциал платформ для повышения открытости и укрепления гражданского доверия, а с другой — выявляются сопутствующие угрозы, включая целенаправленное манипулирование общественным сознанием и подрыв национальной безопасности.
Методологическую основу работы составляет комплексный дискурс-анализ, включающий изучение научной литературы, экспертных отчетов и практических кейсов, а также сравнительный анализ различных моделей регулирования и этических аспектов использования социальных сетей в политической сфере.
Результаты исследования демонстрируют, что, несмотря на очевидные преимущества в области оперативного взаимодействия, социальные сети создают значительные вызовы. В качестве противодействия предлагается реализация комплекса мер: внедрение передовых технологий (блокчейн, искусственный интеллект), развитие цифровой грамотности населения, усиление нормативного регулирования и обеспечение максимальной прозрачности коммуникации. Основной вывод заключается в необходимости поиска сбалансированного подхода, который позволит совместить технологические инновации с надежной защитой общественных интересов для обеспечения устойчивого развития цифрового доверия.
Ключевые слова: социальные сети, политическая коммуникация, национальная безопасность, доверие граждан, дезинформация, блокчейн, искусственный интеллект.

Введение

Актуальность темы данной работы обусловлена тем, что социальные сети сегодня являются не только инструментом информирования и мобилизации, но и ареной борьбы за общественное мнение, где сталкиваются интересы различных акторов – от политических партий до транснациональных корпораций и киберпреступников.

В современную эпоху социальные сети (такие как Telegram, Instagram, Facebook, X (бывший Twitter), MAX и другие) перестали быть исключительно платформами для личного общения и превратились в мощные инструменты публичной дискуссии, политического влияния и формирования общественного мнения. Сегодня эти цифровые пространства играют ключевую роль в информационном обеспечении избирательных кампаний, мобилизации граждан на протестные акции, продвижении государственной повестки и взаимодействии власти с населением.

Кроме того, цифровая среда способствует поляризации общества, формированию «информационных пузырей» и эхо-камер, что снижает уровень конструктивного диалога и усиливает социальное напряжение. При этом участники политической коммуникации становятся всё более разнообразными: помимо традиционных акторов — политических партий, государственных структур и СМИ — активное влияние начинают оказывать неправительственные организации, блогеры, так называемые «инфлюенсеры», а также транснациональные корпорации и киберпреступные группировки, использующие социальные сети для достижения своих целей.

В этих условиях возникает настоятельная необходимость в системном анализе роли социальных сетей в политической сфере – как с точки зрения их потенциала для укрепления демократических процессов, повышения гражданской активности и доверия к власти, так и с учётом вызовов, связанных с информационной безопасностью, защитой персональных данных и суверенитетом государства в цифровом пространстве. Поэтому данная работа направлена на комплексное осмысление роли социальных сетей в политике, что позволит лучше понять их потенциал и минимизировать связанные с ними риски.

Научная исследованность проблемы. Основополагающие работы в области политической коммуникации и медиавлияния связаны с именами как зарубежных, так и отечественных учёных. Среди иностранных исследователей особое значение имеют труды И. Гофмана [4], чья концепция фрейминга (рамочного представления информации) легла в основу понимания того, как медиа формируют восприятие политических событий; М. МакКомбса и Д. Шоу [13], разработавших теорию агенды-сеттинга, объясняющую, как СМИ определяют, какие темы считаются важными для общества.

Цель исследования – рассмотреть роль социальных сетей в современной политической коммуникации, выявить основные угрозы для безопасности и предложить пути повышения гражданского доверия через более эффективное и ответственное использование цифровых технологий.

Для достижения этой цели необходимо решить ряд задач:

- рассмотреть процесс эволюции политической коммуникации в цифровую эпоху;

- выявить основные функции социальных сетей в политике и преимущества их использования;

- проанализировать существующие вызовы для безопасности в контексте использования социальных сетей;

- выявить возможности повышения гражданского доверия через социальные сети.

Объектом исследования является роль социальных сетей в политической коммуникации.

Предметом исследования являются вызовы для безопасности, возникающие в процессе использования социальных сетей в политической коммуникации и возможности повышения гражданского доверия, а рамках этого процесса.

Методологической основой исследования послужил комплексный подход, сочетающий теоретический анализ, эмпирическое изучение и сравнительный метод. В рамках работы был осуществлён систематический обзор научной литературы по проблематике цифровой политики, медиакоммуникаций, информационной безопасности и гражданского доверия, включая труды как отечественных, так и зарубежных авторов. Важной частью методологии стал анализ конкретных кейсов, демонстрирующих как позитивные, так и негативные аспекты применения социальных сетей в политической коммуникации.

Применялся сравнительно-исторический метод для выявления изменений в характере политического общения до и после массового распространения социальных сетей. Также использовался контент-анализ отдельных политических кампаний, включая вербальные и визуальные стратегии, применяемые политиками и институтами власти в различных странах. Это позволило выявить общие паттерны поведения, эффективные практики коммуникации и типичные риски.

Теоретическая значимость исследования заключается в исследовании роли социальных сетей в политической коммуникации, а также в анализе вызовов и возможностей, которые они создают для общества.

Эволюция политической коммуникации в цифровую эпоху

Исторически политическая коммуникация строилась на использовании традиционных средств массовой информации: газет, радио и телевидения. Эти каналы были односторонними: информация распространялась «сверху вниз», а аудитория оставалась пассивным потребителем. Политики и правительственные структуры контролировали повестку дня, определяя, что, когда и каким образом будет доведено до граждан.

С появлением интернета ситуация изменилась. Цифровые технологии позволили создать децентрализованные системы коммуникации, где каждый пользователь может выступать как потребитель, так и производитель контента. Это привело к демократизации информационного пространства: граждане получили возможность не только получать информацию, но и обсуждать ее, делиться своим мнением и влиять на повестку дня.

Появление социальных сетей (Facebook, Twitter, Instagram, TikTok и др.) стало важным этапом в эволюции политической коммуникации. Эти платформы предоставили такие новые возможности для взаимодействия власти и граждан, как доступность (политики могут напрямую общаться с избирателями, минуя посредников в виде журналистов или экспертов), оперативность (информация распространяется мгновенно, что позволяет реагировать на события в режиме реального времени), персонализация (лидеры могут создавать более «человечный» образ, используя неформальные форматы (например, сториз, прямые эфиры, мемы) и, обратная связь (граждане могут выражать свое мнение через лайки, комментарии и репосты, формируя обратную связь для политиков).

Берта Гарсия-Ороса из Университета Сантьяго де Компостела выделяет четыре этапа в периодизации цифровой политической коммуникации (см. Таблицу 1) [11].

Б. Гарсия-Ороса подчеркивает, что период с 2016 года ознаменован крайне высоким ростом влияние цифровых платформ на мировую политику за счет оказания воздействия на общественное мнение в том числе с помощью астротурфинга – ботов и троллей, которые маскируются под общественную поддержку определенных инициатив.

Таблица 1

Доминирующие характеристики и инструменты цифровой политической коммуникации относительно периода

Период	**Доминирующий тренд**
1990-е гг.	Асимметричная односторонняя подача информации
Появление веб-сайтов	Электронная почта как основная форма взаимодействия
2004-2007 гг.	Резкий рост популярности и роли социальных сетей в общении
2008-2015 гг.	Социальные сети как определяющая форма взаимодействия Микросегментация «Большие данные» Геймификация Трансмедийное повествование
2016 г. - н.вр.	Искусственный интеллект Астротурфинг138 Цифровые платформы и алгоритмы как политические акторы Медиа-эффекты

Источник: составлено автором на основе [11]

Искусственный интеллект, по мнению автора, лишь усиливает тенденцию на распространение дезинформации, а также помогает фреймировать сознание пользователей [11].

Примером успешного использования социальных сетей является кампания Барака Обамы в 2008 году, когда его команда активно применяла Facebook и Twitter для привлечения молодых избирателей. Это стало первым масштабным случаем использования цифровых платформ для достижения политических целей.

Цифровая эпоха изменила роли всех участников политической коммуникации, власть больше не является единственным источником информации. Политики вынуждены адаптироваться к новым условиям, становясь более открытыми и доступными. Роль классических медиа уменьшилась, поскольку граждане все чаще получают информацию из социальных сетей. Однако СМИ остаются важными интерпретаторами событий. Активное участие в политической жизни стало доступнее. Люди могут организовывать протесты создавать петиции или продвигать свои идеи через хештеги (например, в 2018 году пользователи социальной сети ВКонтакте активно использовали платформу для продвижения своей инициативы через хештеги и петиции. Речь идет о ситуации с парком «Зарядье» в Москве, когда активное участи граждан с использованием сети ВКонтакте позволило в значительной мере сохранить для горожан бесплатный доступ в парк «Зарядье» [8].

Цифровизация породила такие новые форматы взаимодействия власти и общества, как прямые эфиры, мемы и визуальный контент, краудфандинг, а также активизм в сети.

Политические события последних лет, в первую очередь гибридная информационная война [1], способствуют физическому (инфраструктура) и содержательному размежеванию интернет-пространства. Сильное воздействие на этот тренд оказывают концепции «цифрового суверенитета» [3] или в другой терминологии «киберсуверенитета» [10], которые призваны в том числе ограничить распространение недостоверной или вредящей интересам государств информации и защитить граждан. Если на

заре XXI века ученые подчеркивали роль интернета в продвижении процессов глобализации [12], то в 2020-х гг. на фоне усиления информационного противоборства, продолжающегося кризиса международной безопасности и формирования государственных цифровых границ, научный мир все чаще говорит о фрагментации сети, ее сущностной трансформации [6], при одновременном сохранении ее в качестве глобального инструмента информирования и влияния.

Можно утверждать, что социальные сети дали новые возможности для диалога власти и общества и для участия граждан в политической жизни, но также создали значительные вызовы. Для эффективного использования данных инструментов следует сочетать инновации с мерами по обеспечению безопасности и повышению доверия.

Вызовы для безопасности в контексте использования социальных сетей

Несмотря на многочисленные преимущества, использование социальных сетей в политической коммуникации сопряжено с рядом серьезных вызовов, которые могут угрожать как внутренней безопасности государства, так и стабильности общества в целом. Эти риски связаны с особенностями цифровых платформ, которые позволяют быстро распространять информацию, но также создают условия для манипуляций, злоупотреблений и конфликтов. К основным вызовам относятся: распространение дезинформации и фейковых новостей, киберугрозы и атаки на цифровую инфраструктуру, поляризация общества, манипуляции через боты и автоматизированные системы, подрыв доверия к демократическим институтам, этические и правовые вопросы, угрозы для психического здоровья и информационной перегрузки [7]. Рассмотрим их подробнее.

Одним из главных вызовов по мнению автора является массовое распространение ложной информации, а именно манипуляция общественным мнением (дезинформация может использоваться для дискредитации политиков, партий или государственных институтов. Например, можно указать на программы, финансируемые американскими организациями, такими как USAID или Национальный фонд демократии (NED), которые поддерживают оппозиционные движения в других странах). К вызовам также относятся и информационные войны (враждебные государства или группы могут организовывать кампании по распространению фейковых новостей для дестабилизации ситуации в стране). И последний вызов, это, эмоциональное воздействие (фейковые новости часто создаются с целью вызвать страх, гнев или недоверие, усиливая поляризацию общества).

Прямой вопрос о том, где опрошенные чаще всего за последний год сталкивались в выдуманными, фейковыми новостями, показывает, что основным каналом их распространения являются социальные сети (58 %) (таблица 2).

Таблица 2

Рейтинг источников получения информации с наибольшим количеством выдуманных, фейковых новостей

Источники информации	%	Позиция в рейтинге
Социальные сети	58	1
Интернет-издания	33	2
Телевидение	27	3
Телеграм-каналы	21	4
Друзья, знакомые, родственники	10	5
Печатные газеты	7	6
Радио	2	7–8
Печатные журналы	2	7–8

Источник: составлено автором на основе [16];

Далее с большим отставанием располагаются интернет-издания (33 %), телевидение (27 %) и телеграм-каналы (21 %).

Социальные сети становятся частью киберпространства, что делает их уязвимыми для различных видов угроз и атак, таких как:

- утечки данных (информация о пользователях может быть украдена и использована для шантажа, мошенничества или манипуляций. Например, в 2017 году база данных пользователей Facebook была взломана, что привело к утечке персональных данных миллионов людей);

- хакерские атаки (политические аккаунты и страницы часто становятся мишенью для хакеров, которые могут взломать их и публиковать ложную информацию от имени владельцев). Так, по оценке BI.ZONE, в 2024 году количество хакерских группировок увеличилось более чем на 20% по отношению к 2023 году. Подавляющее большинство объединений (76%) имеет финансовую мотивацию, и лишь небольшая часть связана с политическими движениями (9%) и шпионажем (15%). Однако часть групп, состоящая из «хактивистов» (добровольных участников кибератак), теперь преследует не только политические, но и финансовые цели. В 2023 году, отмечают в Ideco, количество группировок выросло на 33% к 2022 году. В 2024 году уже выявлено как минимум три новых крупных объединения: Lazy Koala, Muliaka и M0r0k. В F.A.C.C.T. (бывшая Group IB) подтверждают тренд на увеличение числа хакерских группировок, но оценивают его в 25% за весь 2023 год. По данным компании, за большинством DDoS-атак (атака на сервер по модели «отказ в обслуживании») и публикацией украденных баз российских структур в 2023 году стояли «проукраинские «хактивисты». В целом, по данным F.A.C.C.T., в 2023 году РФ и страны СНГ атаковали 14 «прогосударственных хакерских групп», целями стали госучреждения, организации критической информационной инфраструктуры (КИИ) и предприятия ОПК [2];

- вмешательство в выборы (кибератаки могут быть направлены на подрыв доверия к электронным системам голосования или результатам выборов).

Нельзя не отметить, что использование социальных сетей в политике порождает множество этических и юридических проблем и вопросов:

- границы допустимого вмешательства – как определить, когда политическая реклама становится манипуляцией?

- ответственность платформ – кто должен нести ответственность за распространение дезинформации – сами пользователи, платформы или регулирующие органы?

- цифровое неравенство – не все граждане имеют равный доступ к интернету, что создает неравные условия для участия в политической жизни.

Помимо прочего, социальные сети могут оказывать негативное влияние на психическое здоровье пользователей, что также затрагивает политическую сферу. Эмоциональное выгорание (постоянные потоки негативных новостей и конфликтов могут привести к усталости и отстранению от политики) или информационная перегрузка (избыток информации затрудняет фильтрацию достоверных данных, что снижает качество принятия решений), а также токсичность дискуссий (агрессивные комментарии и травля могут отпугивать граждан от участия в онлайн-дискуссиях) [15].

Можно сделать вывод, что использование социальных сетей в политике (политической коммуникации) позволяет формировать платформы для публичного дискурса, политической агитации и манипуляции общественным мнением. Социальные сети трансформируют традиционные модели коммуникации, обеспечивая прямое взаимодействие между политическими акторами и аудиторией, ми-

нуя институциональные медиа. Таким образом, они выступают как арена политической борьбы, инструмент легитимации власти и средство усиления вовлеченности политиков и общества в целом в политическую жизнь.

Возможности повышения гражданского доверия через социальные сети

Социальные сети, невзирая на наличие определенных негативных моментов, создают уникальные возможности для упрочения доверия между гражданами и властью. Основными направлениями, через которые можно повысить гражданское доверие, являются: прозрачность и открытость власти, борьба с дезинформацией, укрепление цифровой грамотности населения, развитие диалоговых площадок, технологические решения для повышения доверия, персонализированное взаимодействие, поддержка гражданских инициатив, повышение ответственности через аналитику. Рассмотрим эти возможности влияния социальных сетей на уровень гражданского доверия.

Одним из ключевых факторов доверия является доступность информации о деятельности власти (прозрачность и открытость власти). Реализуется это следующими способами:

- опубликование отчетов (политики и чиновники могут публиковать регулярные отчеты о своей работе, используя социальные сети как канал коммуникации);

- проведение прямых эфиров (онлайн-трансляции позволяют гражданам наблюдать за заседаниями, пресс-конференциями и другими важными событиями в режиме реального времени);

- объяснение решений (органы власти могут разъяснять причины принятия тех или иных решений, чтобы избежать недопонимания и слухов. Например, уже несколько лет губернаторы различных российских регионов проводят прямые эфиры в социальных сетях [5]).

Развитие критического мышления и понимания работы цифровых платформ помогает гражданам лучше ориентироваться в информационном пространстве. Этому способствуют образовательные программы (организация курсов и семинаров по распознаванию манипуляций и фейковых новостей). А также информационные материалы (создание простых и доступных руководств о том, как проверять источники информации) и включение темы цифровой грамотности в учебные программы для молодежи. Например, Министерство просвещения России и АНО «Диалог» в рамках ПМЭФ договорились о реализации совместного образовательного проекта по цифровой грамотности для учителей и учеников старших классов [9].

Социальные сети могут стать пространством для конструктивного диалога между властью и гражданами через открытые обсуждения (политики могут создавать группы или тематические хештеги для обсуждения актуальных вопросов), краудсорсинг идей (граждане могут предлагать свои решения проблем, а власть – рассматривать их и реализовывать лучшие из них) или же платформы для обратной связи (Использование социальных сетей для сбора жалоб, предложений и отзывов о работе государственных служб. Например, в Индии правительство запустило платформу MyGov, которая позволяет гражданам участвовать в обсуждении государственных инициатив через социальные сети [14]).

Персонализированное взаимодействие, то есть создание более «человечного» образа власти способствует установлению доверительных отношений. Это осуществляется с помощью различных приёмов: неформальных форматов, ответов на вопросы и эмоциональный контент.

Социальные сети могут стать площадкой для поддержки и продвижения

Анализ данных, поступающих из социальных сетей, способствует росту ответственности власти за счёт систематического отслеживания общественных настроений, что позволяет адаптировать политические стратегии в соответствии с запросами аудитории. Оценка откликов в цифровой среде — в форме взаимодействий, обсуждений и распространения контента — предоставляет инструменты для измерения эффективности реализуемых инициатив. Публикация результатов государственной деятельности в онлайн-пространстве усиливает подотчётность и способствует формированию диалога между гражданами и институтами власти.

Как видим, социальные сети выступают важным ресурсом укрепления гражданского доверия через повышение прозрачности, открытости и вовлечённости. Вместе с тем реализация их потенциала требует не только технологической оснащённости, но и развития цифровой грамотности, а также соблюдения этических норм в обработке данных. Устойчивое доверие в цифровую эпоху возможно лишь при условии сбалансированного и комплексного подхода, объединяющего инновации, образование и ответственное управление.

Заключение

Проведенное в данной работе исследование позволяет утверждать, что социальные сети в современной политической коммуникации выполняют функцию ключевой платформы для публичного дискурса, политической агитации и манипуляции общественным мнением. Они трансформируют традиционные модели коммуникации, обеспечивая прямое взаимодействие между политическими акторами и аудиторией, минуя институциональные медиа. Благодаря алгоритмической персонализации контента социальные сети способствуют формированию «пузырей фильтров» и поляризации, одновременно создавая условия для мобилизации протестных движений и усиления цифровой пропаганды. Таким образом, они выступают как арена политической борьбы, инструмент легитимации власти и средство усиления вовлеченности политиков и общества в целом в политическую жизнь.

Однако активное использование социальных сетей, несмотря на преимущества такого использования, сопровождается определенными рисками и вызывает серьезные проблемы, связанные с дезинформацией, безопасностью и поляризацией общества.

Для успешного применения социальных сетей в политике необходимо сочетать их потенциал с ответственным подходом к управлению информационными процессами. Повышение гражданского доверия через эффективное и ответственное использование цифровых технологий возможно посредством транспарентности цифровых процессов, обеспечения подотчётности государственных институтов в онлайн-среде, внедрения механизмов цифрового участия с обратной связью, а также защиты персональных данных и предотвращения дезинформации, что в совокупности укрепляет легитимность власти и формирует устойчивые формы цифрового гражданского взаимодействия.

В будущем политическая коммуникация продолжит развиваться под влиянием новых технологий. Искусственный интеллект, блокчейн и метавселенные могут стать следующими этапами трансформации. Однако ключевым вопросом останется баланс между свободой информации и необходимостью регулирования для защиты общественных интересов.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» от 31.03.2023 г. № 229 // Официальный сайт Президента России. – URL:

http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090 (дата обращения: 24.06.2025).

2. В киберполку прибыло: хакеры научились зарабатывать на политической позиции // Коммерсантъ. 11.04.2024. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6636143 (дата обращения: 20.08.2025).

3. Володенков С.В. Феномен цифрового суверенитета современного государства в условиях глобальных технологических трансформаций: содержание и особенности // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. №4. С. 3-11.

4. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. / Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. статья Г.С. Батыгина – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.

5. Губернаторы онлайн: зачем главам регионов прямые эфиры в соцсетях? // Regcomment. 30.05.2019. URL: https://regcomment.ru/regions/rossiya/gubernatory-onlajn-zachem-glavam-regionov-pryamye-efiry-v-sotssetyah/ (дата обращения: 27.06.2025)

6. Зиновьева Е. С. Формирование цифровых границ и информационная глобализация: анализ с позиций критической географии // Полис. Политические исследования. – 2022. – №. 2. – С. 8-21.

7. Обдалова О. А., Левашкина З. Н. Понятие «нарратив» как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности // Язык и культура. – 2019. – №. 48. – С. 332-348.

8. Собянин рассказал, когда он сам пишет в своих соцсетях // Новости НТВ. 16.10.2024. URL: https://www.ntv.ru/novosti/2854735/ (дата обращения: 24.06.2025).

9. Старшеклассников научат распознавать фейки // Официальный сайт Минпросвещения России. 16.06.2022. URL: https://edu.gov.ru/press/5339/starsheklassnikov-nauchat-raspoznavat-feyki/ (дата обращения: 29.06.2025).

10. Creemers R. China's conception of cyber sovereignty // Governing cyberspace: Behavior, power and diplomacy. – 2020. – P. 107-145.

11. García-Orosa B. Digital political communication: Hybrid intelligence, algorithms, automation and disinformation in the fourth wave // Digital Political Communication Strategies: Multidisciplinary Reflections. – 2021. – P. 3-23.

12. Leaffer M. Domain names, globalization, and Internet governance // Ind. J. Global Legal Stud. – 1998. – Т. 6. – P. 139.

13. McCombs M. E., Shaw D. L. The agenda-setting function of mass media // Public opinion quarterly. – 1972. – Т. 36. – №. 2. – P. 176-187.

14. MyGov.in / MyGov: A Platform for Citizen Engagement. URL: https://www.mygov.in/

15. Wardle C., Derakhshan H. Information disorder: Toward an interdisciplinary framework for research and policymaking. – Strasbourg: Council of Europe, 2017. – Т. 27. – P. 1-107.

16. Ушкин С.Г. Не только социальные сети: каналы распространения фейковых новостей в представлениях населения // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2024. –№ 2. С. 162-176.

The use of social media in political communication: challenges to security and opportunities to increase civic trust

Yakovleva O.A.

BSTU "VOENMEH" named after D.F. Ustinova, St. Petersburg State University of Civil Engineering

In today's digital society, social networks have become a key tool for political communication, exerting a profound influence on the formation of public opinion, state security, and the level of public confidence in government institutions. Having a dual nature, they act as a powerful catalyst for democratic processes, providing transparency and engagement, as well as a risky field for spreading disinformation and cyber-attacks.

This study aims to analyze this dual role: on the one hand, it assesses the potential of platforms to increase openness and strengthen civic trust, and on the other hand, it identifies related threats, including targeted manipulation of public consciousness and undermining national security.

The methodological basis of the work is a comprehensive discourse analysis, including the study of scientific literature, expert reports and practical cases, as well as a comparative analysis of various regulatory models and ethical aspects of the use of social networks in the political sphere.

The results of the study demonstrate that, despite the obvious advantages in the field of operational interaction, social networks pose significant challenges. As a counteraction, it is proposed to implement a set of measures: the introduction of advanced technologies (blockchain, artificial intelligence), the development of digital literacy of the population, strengthening regulatory regulation and ensuring maximum transparency of communication. The main conclusion is that it is necessary to find a balanced approach that will combine technological innovations with reliable protection of public interests to ensure the sustainable development of digital trust.

Keywords: social networks, political communication, national security, public trust, disinformation, blockchain, artificial intelligence.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation "On Approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation" dated March 31, 2023, No. 229 // Official website of the President of Russia. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090 (date accessed: June 24, 2025).
2. The cyber regiment has grown: hackers have learned to make money from a political position // Kommersant. April 11, 2024. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6636143 (date accessed: August 20, 2025).
3. Volodenkov S.V. The phenomenon of digital sovereignty of a modern state in the context of global technological transformations: content and features // Journal of Political Studies. 2020. Vol. 4. No. 4. pp. 3-11.
4. Goffman, I. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Everyday Experience: Translated from English / Ed. by G.S. Batygin and L.A. Kozlova; introduction by G.S. Batygin. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2003, 752 p.
5. Governors Online: Why Do Regional Heads Need Live Broadcasts on Social Media? // Regcomment. May 30, 2019. URL: https://regcomment.ru/regions/rossiya/gubernatory-onlajn-zachem-glavam-regionov-pryamye-efiry-v-sotssetyah/ (Accessed June 27, 2025)
6. Zinovieva, E.S. Formation of Digital Borders and Information Globalization: An Analysis from the Standpoint of Critical Geography // Polis. Political Studies. – 2022. – No. 2. – P. 8-21.
7. Obdalova O. A., Levashkina Z. N. The concept of "narrative" as a cultural phenomenon and an object of discursive activity // Language and Culture. – 2019. – No. 48. – P. 332-348.
8. Sobyanin spoke about when he writes on his social media // NTV News. 16.10.2024. URL: https://www.ntv.ru/novosti/2854735/ (date of access: 24.06.2025).
9. High school students will be taught to recognize fakes // Official website of the Ministry of Education of the Russian Federation. 16.06.2022. URL: https://edu.gov.ru/press/5339/starsheklassnikov-nauchat-raspoznavat-feyki/ (access date: 06/29/2025).
10. Creemers R. China's conception of cyber sovereignty // Governing cyberspace: Behavior, power and diplomacy. – 2020. – P. 107-145.
11. García-Orosa B. Digital political communication: Hybrid intelligence, algorithms, automation and disinformation in the fourth wave // Digital Political Communication Strategies: Multidisciplinary Reflections. – 2021. – P. 3-23.
12. Leaffer M. Domain names, globalization, and Internet governance // Ind. J. Global Legal Stud. – 1998. – Vol. 6. – P. 139.
13. McCombs M. E., Shaw D. L. The agenda-setting function of mass media // Public opinion quarterly. – 1972. – Vol. 36. – No. 2. – P. 176-187.
14. MyGov.in / MyGov: A Platform for Citizen Engagement. URL: https://www.mygov.in/
15. Wardle C., Derakhshan H. Information disorder: Toward an interdisciplinary framework for research and policymaking. – Strasbourg: Council of Europe, 2017. – Vol. 27. – P. 1-107.
16. Ushkin S. G. Not only social networks: channels of dissemination of fake news in the opinions of the population // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2024. – No. 2. P. 162-176.

Исламский экстремизм в Центральной Азии: трансформация угроз в условиях глобализации и цифровизации

Айдарбекова Алия
аспирант, кафедра сравнительной политологии, РУДН им. П. Лумумбы, aydarbekova-a@rudn.ru

Центральная Азия на протяжении последних десятилетий стоит перед лицом постоянно меняющихся вызовов, связанных с исламским экстремизмом. Угроза исламского экстремизма претерпевает весьма глубокую трансформацию под влиянием стремительного развития цифровых технологий и процессов глобализации. Данные процессы, с одной стороны, создают новые возможности для развития и интеграции, а с другой - создают благоприятную почву для распространения экстремистских идей и радикализации.

Данная статья посвящена комплексному анализу эволюции угроз исламского экстремизма в Центральной Азии в контексте процессов глобализации и цифровизации. В статье рассматривается как эти явления трансформируют природу экстремистских организаций, их деятельность и методы, каналы вербовки, а также анализируется какое влияние они оказывают на региональную и глобальную безопасность. Цель исследования – выявление основных тенденций, закономерностей и особенностей трансформации угроз, а также определение направлений для их эффективного противодействия.

Актуальность темы статьи обусловлена не только сохраняющейся нестабильностью и активностью международных террористических организаций, но и растущим влиянием цифровых платформ на общественно-политические процессы. Понимание динамики угроз и адаптивных стратегий экстремистов имеет ключевое значение для разработки адекватных мер по обеспечению безопасности и стабильности в данном регионе.

Ключевые слова: Центральная Азия, экстремизм, глобализация, безопасность, цифровизация, трансформация угроз.

Глобализация как катализатор трансформации угроз. Глобализация, понимаемая как углубление взаимосвязей и взаимозависимостей между государствами и обществами в экономической, политической, культурной и информационной сферах, оказала глубокое воздействие на природу исламского экстремизма в Центральной Азии. Процесс глобализации в некотором смысле “облегчил” распространение радикальных исламистских идеологий.

Данные идеологии, зачастую апеллирующие к универсальным исламским ценностям, но сильно искажающие их, нашли отклик у части населения, испытывающего социальную неудовлетворенность, политическое отчуждение или же чувство идентичности. В свою очередь, транснациональные сети получили возможность более эмобилизовывать финансовые ресурсы, привлекать население из других стран и обеспечивать их обучение и переброску. Дезориентированные граждане стран Центральной Азии, находящиеся вдали от родины, стали объектом вербовки со стороны исламистских группировок.

К примеру, миграционные потоки из Центральной Азии в Россию, Европу и другие регионы мира привели к формированию диаспор, которые, с одной стороны, служат инструментом интеграции и адаптации, с другой - становятся средой для распространения радикальных идей и вербовочной деятельности. Также наиболее ярким примером является массовое участие выходцев из стран Центральной Азии в вооруженном конфликте в Сирии на стороне ИГ [1].

В свою очередь, в условиях глобальной экономики и ослабления государственных институтов в некоторых регионах, исламистские экстремистские группы начали демонстрировать способность к симбиозу с криминальными сетями, транснациональными наркокартелями и контрабандистами. Это своевременно позволяет им обеспечивать себя необходимыми финансовыми ресурсами и логистическими возможностями. Опасения возвращения боевиков и угроза распространения их идеологии подрывают национальную безопасность и требуют скоординированных усилий как внутри региона, так и на международном уровне.

Глобализация, таким образом, стала одной из ключевых причин трансформации исламского экстремизма из почти преимущественно внутреннего регионального феномена в глобальную угрозу, способную использовать преимущества открытого мира для достижения своих деструктивных целей.

Цифровизация: новое поле битвы и трансформация тактики. Цифровизация, т.е. проникновение цифровых технологий во все сферы жизни, стала, пожалуй, самым существенным фактором трансформации исламского экстремизма на территории Центральной Азии в последние годы. Интернет и социальные сети предоставили экстремистам новые, невиданные ранее возможности. Большую роль играют и социальные сети: платформы, такие как Telegram, WhatsApp, Facebook, Instagram, YouTube, стали одними из основных инструментов для распространения экстремистской пропаганды, вербовки новых сторонников и координации их действий. Анонимность, возможность создания приватных закрытых групп, широкая аудитория и вирусный эффект делают их благоприятной средой для развития радикализации. Экстремисты используют цепляющие нарративы, манипулируют

информацией, создают впечатляющие медиа-продукты (видео, аудио, фото), а также используют мемы и другой контент, понятный более молодой аудитории [6].

Для ряда некоторых операций и координации между лидерами используются методы, которые обеспечивают повышенный уровень конфиденциальности, такие как Tor-браузеры и зашифрованные мессенджеры (Signal, Wickr) [23].

Также современные цифровые технологии позволяют проводить более целенаправленную вербовку, при этом анализируя онлайн-активность потенциальных жертв, интересы, социальные связи и уязвимости. Одним из широко распространившихся практик является создание экстремистами онлайн-платформ, которые предлагают "обучение" основам ислама с радикальным уклоном, интерпретации религиозных текстов, а также инструкции по совершению терактов и самоподрывных актов. Также особый оборот приобретают различные организации, которые под видом коммерческой деятельности ведут экстремистскую работу среди населения. Одним из наиболее ярких примеров является ситуация, сложившаяся в Кыргызстане в конце января 2026 года. По данным спецслужб, под видом обучения кройке и шитью коммерческая организация приглашала девушек, при этом в процессе занятий в ненавязчивой форме внедряли идеологию запрещенной экстремистской организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». Лидеры активно вели закрытые Telegram-каналы, распространяли запрещенную литературу и обсуждали установление халифата на территории Кыргызской Республики. В ходе оперативных дел изъяли большое количество экстремистских материалов, компьютеры, мобильные телефоны и электронные носители [30].

Ровно таким счетом они хотели поспособствовать распространению унифицированного глобального джихадистского нарратива, который стирает региональные различия и объединяет боевиков под флагом одной экстремистской идеи. Одним из инструментов распространения экстремистских идей с приходом цифровизации является криптовалюта [9].

Группировки используют криптовалюты (Bitcoin и др.) для анонимного финансирования экстремистской деятельности, получения пожертвований и перевода средств.

Казахстан и криптовалюты: поток средств экстремизма через цифровые активы. Немаловажен тот факт, что с развитием индустрии криптовалют страны Центральной Азии начали разрабатывать нормы регулирования рынка для обеспечения безопасности. В ряде государств Центральной Азии пытаются создать правовое поле для легализации, а некоторые следуют по другому пути, запрещая использование биткоина в качестве платежного средства и ввели штрафы за майнинг, на примере Республики Казахстан [14].

Государство вводит регулируемые подходы к криптовалютам, проводя борьбу с финансированием терроризма. Национальная банковская регуляторика ведет работу по идентификации клиентов и надзор за различными цифровыми активами и операторами, действующими в рамках разрешений и лицензий.

Кыргызстан и криптовалюта: как террористические сети обходят финансовый контроль. В Кыргызстане же регулирование криптовалют введено только в части налогообложения майнинга и пока данный рынок остается уязвимым, что делает его все еще доступным для большинства экстремистских групп [15].

Публично зафиксированными направлениями являются мониторинг транзакций и обменов, сотрудничество с национальными и международными органами в целях противодействия финансированию терроризма, а также развитие механизмов регулирования для повышения прозрачности и управления рисками в сфере цифровых активов. Одним из перспективных направлений против экстремистов, занимающихся крипторынком, явилось бы создание в Кыргызской Республике специализированного центра, который сочетал бы в себе работу IT-сообщества, сотрудников в сфере финансов и государственных органов. Данное сообщество могло бы заняться не только расследованием преступлений, но и прогнозированием угроз, которые могут создаваться экстремистами [9].

К примеру, в Кыргызстане сильно развит фишинг [11].

Чаще всего фишинг в руках экстремистов - это сбор денег, вербовка, распространение пропаганды, кибершантаж и распространение большой дезинформации.

Узбекистан и биткоин: противодействие криптовалютным схемам финансирования терроризма. Еще в 2018 году президент Узбекистана подписал документ, согласно которому предусматривается внедрение блокчейна в государственное управление, что затрагивает регулирование криптовалют. Национальное агентство проектного управления при президенте Узбекистана (НАПУ), которое является регулятором в сфере оборота криптоактивов в стране утвердило порядок лицензирования. Согласно принятому документу, деятельность на рынке криптовалют подлежит обязательному лицензированию со стороны НАПУ [16].

Т.е. иными словами, данный документ регулируя деятельность крипторынка, регулирует и предотвращает некоторые финансовые процессы экстремистских групп.

Туркменистан и Таджикистан, что говорят аналитики. О законодательных инициативах касательно регулирования криптовалютного рынка в Туркменистане и Таджикистане известно не много. Согласно отчету аналитиков Chainalysis, оба государства оказались среди стран с очень низкой криптовалютной активностью [31].

Одно из последних заявлений Нацбанка Таджикистана относительно крипторынка было сделано еще в 2018 году. Тогда регулятор связал использование криптоактивов с отмыванием средств и использование их для финансирования терроризма, а также подчеркнул, что они не являются законным средством обмена и сбережения или расчетной единицей.

Таким образом, пока в некоторых государствах Центральной Азии прописывают нормативно-правовое регулирование для криптовалютного рынка и проводятся кампании, чтобы привлечь через майнинг миллионы долларов, в других криптовалюты еще даже не получили определения и четкой терминологии, выступая в качестве некоего инструмента в руках мошенников и террористов.

Также важным фактором является появление “одиноких волков” с развитием цифровизации на территории Центральной Азии. Сама цифровизация облегчает саморадикализацию и создание так называемых "одиноких волков" - исполнителей, вдохновленных экстремистской идеологией и действующих индивидуально, автономно, без какой - либо прямой координации с организованными группами. Это затрудняет их выявление и предотвращение терактов.

Экстремистские лидеры, находясь вдали от поля боя, могут дистанционно планировать и инструктировать исполнителей, при этом используя зашифрованные каналы связи.

Информационные войны. Цифровые продукты все чаще используются экстремистами для проведения информационных войн, направленных на дискредитацию правительств различных государств, не исключение и

страны Центральной Азии. Идет тотальное создание паники, хаоса и разжигание этнической, культурной и религиозной розни. К примеру, вследствие воздействия информационной войны на молодое поколение, можно наблюдать рост радикализации среди них. Активное использование цифровых платформ экстремистами для пропаганды и вербовки приводит к повышению уровня радикализации среди слоев населения, которые часто испытывают социальную неудовлетворенность, ищут свою некую идентичность и подвержены влиянию онлайн-контента. Это создает весьма долгосрочную угрозу для социальной стабильности.

Влияние на геополитический баланс. Угроза исламского экстремизма в странах Центральной Азии имеет прямое влияние на интересы крупных держав, включая Россию, Китай, европейские страны и США, которые обеспокоены ситуацией в регионе. Т.е. необходимо усилить сотрудничество в области безопасности, постепенно избавляясь от напряженности и конкуренции. Борьба с экстремизмом требует весьма значительные финансовые ресурсы, отвлекая страны Центральной Азии от экономического развития. В целом, экстремизм подрывает инвестиционный климат, способствует оттоку капитала и замедляет некоторые социальные прогрессы. Трансформация угроз исламского экстремизма на территории Центральной Азии, обусловленная глобализацией и цифровизацией, делает этот феномен более сложным, опасным и многоаспектным, требуя от государств и международных акторов совсем новых, комплексных подходов к его нейтрализации.

Таблица 1
Трансформация угроз исламского экстремизма в условиях цифровизации в странах Центральной Азии (2016–2026)

Показатель	2016	2020	2025	2026 и далее (прогноз)	Источники и комментарии
Общий уровень угрозы экстремизма	Умеренный; локальные группы, исходящие из бедности и коррупции	Усиление активности группировок, переход к киберпространству	Высокий; рост числа террористических актов, кибератак и вербовки онлайн	Возможный рост из-за появления все более новых технологий и каналов, повышены риски кибервойн и радикализации	UNDP 2023, Central Asian Counterterrorism Centers Reports, Eurasian Expert Reports
Онлайн-активность и пропаганда	Использование форумов, слабая защита платформ	Массовое использование Telegram и закрытых сообществ	Активные каналы в Telegram, TikTok, YouTube; мемы, видео.	Развитие автоматизированных ИИ-ботов, глубокие фейки, расширение платформ - нейросети для пропаганды	FATF 2023, отчет EAS (Eurasian Analytical Service), анализ спецслужб стран Центральной Азии (пресс релизы)
Процент группировок, связанных с ИГ/Аль-Каидой	15–20%	30% +	40–45%; расширение влияния через онлайн-обучение и участие в киберлокальных ячейках	Могут появиться новые микроячейки или дублирующие структуры, использующие AI для координации	RAND Corporation, OSCE Reports, официальные ведомства государств Центральной Азии
Используемые платформы	Форумы, сайты, чат-боты	Telegram, WhatsApp, закрытые группы	Telegram - главная платформа, TikTok, YouTube, DailyMotion; также Discord и Signal	Все более вероятно увеличение использования платформ с исчезающими сообщениями, нейросетевые боты, дроны с камерой для обхода разведки	Официальные ведомства государств Центральной Азии

Стратегии противодействия в условиях новой реальности. В целях эффективного противодействия исламскому экстремизму в Центральной Азии в условиях глобализации и цифровизации требуется адаптивный, многоуровневый и своего рода комплексный подход, выходящий за рамки исключительно силовых методов. Необходимо адаптировать национальные законодательства стран для эффективного противодействия киберпреступности, включая законы и проекты, касающиеся онлайн-пропаганды, финансирования терроризма через криптовалюты и иные цифровые инструменты. Необходимо вести работу по повышению уровня медиаграмотности населения, для развития критического мышления и способности распознавать манипулятивные и пропагандистские материалы, ведущим к экстремистской деятельности. Очень важно укреплять линии сотрудничества между странами Центральной Азии, а также с Россией, Китаем и другими партнерами в области обмена разведывательной информацией, координации оперативных мероприятий и совместных антитеррористических операций. Необходимо обеспечивать активное участие в международных инициативах по борьбе с экстремизмом в онлайн-пространстве, вести сотрудничество с IT-компаниями для блокировки экстремистского контента и выявления вербовочных сетей.

Странам Центральной Азии необходимо создавать все больше возможностей для трудоустройства, повышения уровня жизни, образования и социальной интеграции, особенно для некоторых уязвимых слоев населения, устраняя социально-экономические предпосылки, которые могут способствовать радикализации. С другой стороны, важна поддержка традиционных, умеренных форм ислама, шаги по развитию диалога между религиозными лидерами и государством, противодействие искаженному толкованию религиозных текстов. Не стоит недооценивать работу по разработке и внедрению программ дерадикализации и реабилитации для лиц, вернувшихся из зон конфликтов или находящихся под влиянием экстремистских идеологий, что включает в себя, в первую очередь, психологическую помощь, трудоустройство и социальную адаптацию к жизни. В частности необходимо начать с развития систем мониторинга, использовать передовые технологии для мониторинга онлайн-пространства, стараясь вовремя обнаружить и пресечь экстремистский контент. Тем не менее, немаловажным является тот факт, что необходим постоянный научный анализ трансформации угроз, изучения недавно появившихся тенденций, выявления уязвимостей и сильных сторон экстремистских организаций. Это поможет разработке механизмов прогнозирования потенциальных угроз на основе анализа данных и тенденций. Таким образом, ведение комплексного подхода, который будет включать в себя как силовые, так и мягкие методы, как национальные, так и международные усилия, является ключом к противодействию эволюционирующим угрозам исламского экстремизма в странах Центральной Азии.

Заключение.

Исламский экстремизм в государствах Центральной Азии претерпел значительную трансформацию под воздействием процессов глобализации и цифровизации. Из преимущественно локализованного явления, связанного с определенными идеологическими течениями и организованными группами, он трансформировался в более распределенную, технологически подкованную и транснациональную угрозу. Процессы глобализации обеспечили идеологическую и ресурсную подпитку, способствуя распространению радикальных идей из-за различных миграционных потоков и транснациональных сетей. С другой стороны, процессы цифровизации предоставили экстремистским группам сильные инструменты для пропаганды, вербовки, финансирования и координации, где интернет выступает в качестве основного поля битвы. Феномен "одиноких волков", использование крипторынка и самарадикализация - это лишь некоторые из совершенно новых аспектов этой трансформации.

Последствия для стран Центральной Азии и глобальной безопасности очень серьезны: дестабилизация в соседних государствах, угроза возвращения боевиков из опасных зон конфликта, рост радикализации среди уязвимого слоя населения и усложнение противодействия в борьбе с ними.

Эффективное противодействие в целях нераспространения экстремизма требует отказа от давно устаревших подходов и перехода к новой комплексной, адаптивной стратегии.

Научное изучение данных процессов все более позволяет выявить сложные механизмы формирования и распространения радикальных идей в цифровом пространстве, а также выявить наиболее опасные точки вмешательства. В рамках некоторых сравнительных исследований можно увидеть, что успешные практики включают создание региональных платформ обмена информацией между странами и постепенное внедрение технологий искусственного интеллекта для автоматического мониторинга экстремистского содержания. Например, Казахстан и Узбекистан, последний в феврале этого года, выносили на обсуждение программы по автоматизированному анализу соцсетей с целью выявления потенциальных радикальных настроений [32].

Дальнейшие исследования будут направлены на выявление эффективных методов профилактики, которые будут ориентированы на психологические и социологические аспекты радикализации. Также необходимо все более совершенствовать стратегии информационной работы, в целях вовремя дать отпор в информационной войне.

Таким образом, внедрение современных технологий, например, систем анализа больших данных и нейросети, позволит своевременно выявлять источники пропаганды экстремистских групп и предотвращать их распространение. Только долгосрочная стратегия может обеспечить устойчивую безопасность в странах Центральной Азии в условиях глобальных перемен и быстрых технологических преобразований.

Литература

1. Асадова З.А. Состояние и стратегии обеспечения информационной безопасности в странах Центральной Азии на примере республики Казахстан // Вестник МГИМО. 2016. №6 (51). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-i-strategii-obespecheniya-informatsionnoy-bezopasnosti-v-stranah-tsentralnoy-azii-na-primere-respubliki-kazahstan.
2. Бурнашев Р. Р. Концепт "Радикализация" в странах Центральной Азии (на примере Казахстана) // Журнал центрально-азиатских и евразийских исследований. 2021. №1. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: : https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-radikalizatsiya-v-stranah-tsentralnoy-azii-na-primere-kazahstana
3. Галицына А.Э. Кембель О.В., Потапова Д.Д. Региональное сотрудничество стран Центральной Азии в борьбе с кибертерроризмом // Постсоветские исследования. 2023. №6. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnoe-sotrudnichestvo-stran-tsentralnoy-azii-v-borbe-s-kiberterrorizmom
4. Жильцов С.С. Центральная Азия: потенциал региона и новые вызовы для центральноазиатских государств // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2024. №1. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/tsentralnaya-aziya-potentsial-regiona-i-novye-vyzovy-dlya-tsentralnoaziatskih-gosudarstv
5. Иманалиев Муратбек, Абдылдаев Эрлан Вызовы глобализации в Центральной Азии и некоторые аспекты политики КНР в регионе // Центральная Азия и Кавказ. 2007. №3 (51). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/vyzovy-globalizatsii-v-tsentralnoy-azii-i-nekotorye-aspekty-politiki-knr-v-regione
6. Канашина С. В. Что такое интернет-мем? // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2017. №28 (277). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-internet-mem
7. Кудратов Н.А., Акилова М.М. Цифровой экстремизм: угроза национальной безопасности и способы противодействия // Вестник ТГУПБП. 2025. №2. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-ekstremizm-ugroza-natsionalnoy-bezopasnosti-i-sposoby-protivodeystviya
8. Д. А. Осмонова, А. Д. Молдобаева. Религиозный экстремизм и терроризм в Центральной Азии как стратегическая проблема // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. №7-1 (106). [Электронный ресурс]. - Режим доступа:https://cyberleninka.ru/article/n/religioznyy-ekstremizm-i-terrorizm-v-tsentralnoy-azii-kak-strategicheskaya-problema
9. Тургунбаев, А. М., Айтбаева, Ж. С. (2025). Криптовалютные мошенничества в Кыргызской Республике: современные вызовы и правовые меры противодействия. Вестник науки, №8(89). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kriptovalyutnye-moshennichestva-v-kyrgyzskoy-respublike-sovremennye-vyzovy-i-pravovye-mery-protivodeystviya
10. Третьяков Н. А. Трансформация механизмов общественного контроля в цифровую эпоху // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки . 2025. №2. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-mehanizmov-obschestvennogo-kontrolya-v-tsifrovuyu-epohu
11. Умерова Д.А. Глобализация и распространение экстремистов и террористических угроз посредством современных каналов коммуникаций// Вестник ИКИАТ. 2025. №51. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-rasprostranenie-ekstremistskih-i-terroristicheskih-ugroz-posredstvom-sovremennyh-kanalov-kommunikatsiy
12. Mansur, A., Singh, R., & Talih, Y. (2017). The New Threat: ISIS's Financial Networks and the Challenge of Cryptocurrency. CTC Sentinel, 10(10), 1-9. (Примечание: доклад от CTC Combating Terrorism Center)
13. Nader, A., & Radl, C. (2017). The Returnees: Foreign Fighters and the Islamic State. RAND Corporation.
14. Закон Республики Казахстан от 6 февраля 2023 года № 193-VII «О цифровых активах в Республике Казахстан». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://api-dev.aequitas.kz/uploads/230807

15. Закон Республики Кыргызстан об обороте криптовалют. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.nbkr.kg/contout.jsp?item=56&lang=RUS&material=101407.
16. Постановление президента Узбекистана Шавката Мирзиёева «О мерах по дальнейшему развитию сферы финансовых технологий в Узбекистане» от 27 ноября 2025 года.
17. Официальный сайт ФСБ Российской Федерации. Режим доступа: http://www.fsb.ru/
18. Официальный сайт ГКНБ Кыргызской Республики. Режим доступа: https://gknb.gov.kg/
19. Официальный сайт КНБ Республики Казахстан. Режим доступа: https://www.gov.kz/memleket/entities/knb
20. Правительственный сайт Республики Узбекистан. Режим доступа: https://gov.uz/ru
21. Официальный сайт МИД Таджикистана. Режим доступа: https://sarhad.tj/ru/glavnaya/
22. Официальный сайт МИД Туркменистана. Режим доступа: https://www.mfa.gov.tm/
23. https://www.kaspersky.ru/resource-center/preemptive-safety/messaging-app-security
24. Вечерний Бишкек. Режим доступа: https://www.vb.kg/
25. Известия. Режим доступа: https://iz.ru/
26. Интернет-издание «Kazakhstan Today». Режим доступа: https://www.kt.kz/
27. Интерфакс. Режим доступа: https://www.interfax.ru/
28. Информационное агентство «Regnum». Режим доступа: https://regnum.ru/
29. Информационное агентство «КАБАР» Режим доступа: https://ru.kabar.kg
30. Информационное агентство «АКИpress». Режим доступа:https://akipress.org/
31. «Росбизнесконсалтинг» Режим доступа: https://www.rbc.ru/search/
32. Информационное агенство «Podrobno.uz». Режим доступа: podrobno.uz/cat/obchestvo/v-oliy-mazhlise-obsuzhdayut-vnedrenie-ii-sistem-dlya-analiza-sotssetey/

Islamic extremism in Central Asia: transformation of threats in the context of globalization and digitalization

Aidarbekova A.
RUDN University named after P. Lumumba

Central Asia has confronted continually shifting challenges linked to Islamic extremism over the past decades. The threat of Islamic extremism is undergoing a profound transformation under the rapid development of digital technologies and globalization. These processes, on the one hand, create new opportunities for development and integration, and on the other, furnish fertile ground for the spread of extremist ideas and radicalization.

This article undertakes a comprehensive analysis of the evolution of Islamic extremism threats in Central Asia within the framework of globalization and digitization. It examines how these phenomena transform the nature of extremist organizations, their activities and methods, recruitment channels, and assesses the impact on regional and global security. The objective of the study is to identify the principal trends, patterns, and characteristics of threat transformation, as well as to define strategic directions for effective countermeasures.

The topic's relevance stems not only from persistent instability and activity of international terrorist organizations but also from the growing influence of digital platforms on socio-political processes. Understanding the dynamics of threats and the adaptive strategies of extremists is crucial for developing adequate measures to ensure security and stability in the region.

Keywords**:** Central Asia, extremism, globalization, security, digitalization, threat transformation.

References

1. Asadova Z.A. The State and Strategies of Information Security in Central Asian Countries: The Case of the Republic of Kazakhstan // MGIMO Bulletin. 2016. No. 6 (51). [Electronic resource]. - Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-i-strategii-obespecheniya-informatsionnoy-bezopasnosti-v-stranah-tsentralnoy-azii-na-primere-respubliki-kazahstan.
2. Burnashev R.R. The Concept of "Radicalization" in Central Asian Countries (using Kazakhstan as an example) // Journal of Central Asian and Eurasian Studies. 2021. No. 1. [Electronic resource]. - Access mode: : https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-radikalizatsiya-v-stranah-tsentralnoy-azii-na-primere-kazahstana
3. Galitsyna A.E., Kembel O.V., Potapova D.D. Regional cooperation of Central Asian countries in the fight against cyberterrorism // Post-Soviet studies. 2023. No. 6. [Electronic resource]. - Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnoe-sotrudnichestvo-stran-tsentralnoy-azii-v-borbe-s-kiberterrorizmom
4. Zhiltsov S.S. Central Asia: the region's potential and new challenges for the Central Asian states // Bulletin of RUDN University. Series: Political Science. 2024. No. 1. [Electronic resource]. - Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/tsentralnaya-aziya-potentsial-regiona-i-novye-vyzovy-dlya-tsentralnoaziatskih-gosudarstv
5. Imanaliev Muratbek, Abdyldaev Erlan Challenges of globalization in Central Asia and some aspects of China's policy in the region // Central Asia and the Caucasus. 2007. No. 3 (51). [Electronic resource]. - Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/vyzovy-globalizatsii-v-tsentralnoy-azii-i-nekotorye-aspekty-politiki-knr-v-regione
6. Kanashina S. V. What is an internet meme? // Issues of journalism, pedagogy, linguistics. 2017. No. 28 (277). [Electronic resource]. - Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-internet-mem
7. Kudratov N.A., Akilova M.M. Digital extremism: a threat to national security and ways to counter it // Bulletin of TGUPBP. 2025. No. 2. [Electronic resource]. - Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-ekstremizm-ugroza-natsionalnoy-bezopasnosti-i-sposoby-protivodeystviya
8. D. A. Osmonova, A. D. Moldobaeva. Religious extremism and terrorism in Central Asia as a strategic problem // International journal of humanities and natural sciences. 2025. No. 7-1 (106). [Electronic resource]. - Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/religioznyy-ekstremizm-i-terrorizm-v-tsentralnoy-azii-kak-strategicheskaya-problema
9. Turgunbaev, A. M., Aitbaeva, Zh. S. (2025). Cryptocurrency fraud in the Kyrgyz Republic: modern challenges and legal countermeasures. Science Bulletin, No. 8 (89). [Electronic resource]. - Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/kriptovalyutnye-moshennichestva-v-kyrgyzskoy-respublike-sovremennye-vyzovy-i-pravovye-mery-protivodeystviya
10. Tretyakov, N. A. Transformation of public control mechanisms in the digital era // State and municipal administration. Scientific Notes. 2025. No. 2. [Electronic resource]. - Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-mehanizmov-obschestvennogo-kontrolya-v-tsifrovuyu-epohu
11. Umerova, D.A. Globalization and spread of extremists and terrorist threats through modern communication channels// IKIAT Bulletin. 2025. No. 51. [Electronic resource]. - Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-rasprostranenie-ekstremistskih-i-terroristicheskih-ugroz-posredstvom-sovremennyh-kanalov-kommunikatsiy
12. Mansur, A., Singh, R., & Talih, Y. (2017). The New Threat: ISIS's Financial Networks and the Challenge of Cryptocurrency. CTC Sentinel, 10(10), 1-9. (Note: Report from CTC Combating Terrorism Center)
13. Nader, A., & Radl, C. (2017). The Returnees: Foreign Fighters and the Islamic State. RAND Corporation.
14. Law of the Republic of Kazakhstan dated February 6, 2023, No. 193-VII "On Digital Assets in the Republic of Kazakhstan." [Electronic resource]. - Access mode: https://api-dev.aequitas.kz/uploads/230807
15. Law of the Republic of Kyrgyzstan on the Circulation of Cryptocurrency. [Electronic resource]. - Access mode: https://www.nbkr.kg/contout.jsp?item=56&lang=RUS&material=101407.
16. Resolution of the President of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev "On measures for the further development of the financial technology sector in Uzbekistan" dated November 27, 2025.
17. Official website of the FSB of the Russian Federation. Access mode: http://www.fsb.ru/
18. Official website of the State Committee for National Security of the Kyrgyz Republic. Access mode: https://gknb.gov.kg/
19. Official website of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan. Access mode: https://www.gov.kz/memleket/entities/knb
20. Government website of the Republic of Uzbekistan. Access mode: https://gov.uz/ru
21. Official website of the Ministry of Foreign Affairs of Tajikistan. Access mode: https://sarhad.tj/ru/glavnaya/
22. Official website of the Ministry of Foreign Affairs of Turkmenistan. Access mode: https://www.mfa.gov.tm/
23. https://www.kaspersky.ru/resource-center/preemptive-safety/messaging-app-security
24. Vecherniy Bishkek. Access mode: https://www.vb.kg/
25. Izvestia. Reg. Access mode: https://iz.ru/
26. Online publication "Kazakhstan Today". Access mode: https://www.kt.kz/
27. Interfax. Access mode: https://www.interfax.ru/
28. Information agency "Regnum". Access mode: https://regnum.ru/
29. Information agency "KABAR". Access mode: https://ru.kabar.kg
30. Information agency "AKIpress". Access mode: https://akipress.org/
31. "Rosbusinessconsulting". Access mode: https://www.rbc.ru/search/
32. Information agency "Podrobno.uz". Access mode: podrobno.uz/cat/obchestvo/v-oliy-mazhlise-obsuzhdayut-vnedrenie-ii-sistem-dlya-analiza-sotssetey/

Вопросы миростроительства в конфликте ДРК-Руанды: от теоретического подхода к практической реализации

Де Сейта Лима Далмейда Арагау Ожвалду
аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1042235296@rudn.ru

Статья посвящена анализу конфликта между Демократической Республикой Конго (ДРК) и Руандой через призму структурного подхода Анцупова-Шипилова. Исследование выявляет ключевые структурные элементы, обеспечивающие перманентность конфликта: слабость государственных институтов ДРК, доминирование неформальной экономики и сращивание интересов внутренних и внешних акторов. В статье утверждается, что традиционные миротворческие подходы терпят неудачу, поскольку не затрагивают эти глубинные экономические и институциональные основы насилия. Основной целью работы является разработка комплексных мер миростроительства, направленных на структурную трансформацию конфликта. Предлагаемая стратегия включает: (1) стратегические инвестиции в физическую инфраструктуру для создания материальной основы легальной экономики; (2) создание легальных и высокодоходных альтернатив для ключевых стейкхолдеров, включая местную молодёжь и региональные элиты; (3) формирование прозрачных механизмов распределения ресурсной ренты на местное развитие; (4) увязку программ разоружения с гарантированным трудоустройством; (5) ведение прямых переговоров с Руандой при обеспечении подотчётности для совершивших преступления. Вывод работы заключается в том, что только такая комплексная трансформация системы стимулов способна перевести конфликтную систему из состояния самоподдерживающейся войны в состояние самоподдерживающегося мира.
Ключевые слова: ДРК, Руанда, миростроительство, структурный анализ конфликта, экономика войны, ресурсный конфликт, M23.

Введение

Конфликт в восточных регионах Демократической Республики Конго (ДРК) представляет собой один из самых затяжных и деструктивных кризисов в современной истории. Несмотря на многочисленные международные усилия по его урегулированию, конфронтация между ДРК и Руандой, опосредованная деятельностью вооруженных групп, продолжает усугублять гуманитарную катастрофу и нестабильность в регионе Великих озер. Устойчивость этого противостояния свидетельствует о том, что традиционные миротворческие подходы, не учитывающие его глубинной структурной природы, оказываются неэффективными.

Главная цель данной статьи — применение структурного анализа конфликта по модели Анцупова-Шипилова для выявления системных основ его устойчивости и разработки на этой основе практических мер миростроительства.

Методология и историография. Теоретической основой является модель Анцупова-Шипилова для анализа сущности, структуры и динамики конфликта. Применены структурно-функциональный подход для оценки провалов государственности ДРК и роли негосударственных акторов, и неоинституциональный — для анализа доминирования неформальных институтов (нелегальная торговля ресурсами) над формальными, что объясняет институционализацию и устойчивость конфликта. Использованы методы исследования: историко-системный для анализа неэффективности миротворчества, структурно-акторный для анализа взаимодействия структур и акторов.

Исследования опирается на широкий круг источников. Фундаментальные работы российских авторов, таких как С.А. Бокерия, Т.С. Денисова и С.В. Костелянец, предоставляют глубокий анализ роли Руанды и внутренней политической динамики в ДРК. Международная исследовательская перспектива отражена в трудах Ф. Ле Бийона, исследующего связь между ресурсами и конфликтом, и П. Коллиера, разработавшего теорию «вовлечения» элит в легальную экономику.

История конфликта ДРК-Руанды

Исторический контекст конфликта между Демократической Республикой Конго (ДРК) и Руандой уходит корнями в последствия геноцида 1994 года в Руанде и характеризуется тремя основными фазами: Первой (1996-1997) и Второй (1998-2003) конголезскими войнами, а также современной фазой конфронтации (2022 – по настоящее время).

Первая конголезская война (1996-1997) стала прямым следствием геноцида в Руанде. После прихода к власти в Руанде коалиции во главе с тутси, в восточные регионы Заира (ныне ДРК) бежали тысячи хуту, включая экстремистов «Интерахамве», создавших там базы и продолжавших угрожать новому правительству Руанды. Слабость государства Заир, десятилетиями управлявшегося диктатором Мобуту Сесе Секо, а также дискриминация местных тутси (баньямуленге) создали взрывоопасную обстановку. Руанда и Уганда оказали военную и логистическую поддержку повстанческому Альянсу демократических сил за освобождение Конго (AFDL) во главе с Лоран-Дезире Кабилой. Целями интервенции были ликвидация лагерей

хуту-экстремистов и смена враждебного режима в Киншасе. Война завершилась быстрым свержением Мобуту и приходом к власти Кабилы.[1]

Вторая конголезская война (1998-2003) вспыхнула, когда новый президент Кабила попытался дистанцироваться от своих прежних союзников, Руанды и Уганды, видя в их присутствии угрозу суверенитету. В ответ Руанда и Уганда инициировали новое масштабное вторжение, поддержав уже другие повстанческие группировки. Конфликт быстро интернационализировался, разделив регион на два лагеря: правительство Кабилы поддержали Ангола, Зимбабве и Намибия, в то время как повстанцев – Руанда, Уганда и Бурунди.[2] Эта война, одна из самых кровопролитных со времен Второй мировой войны, была мотивирована не только соображениями безопасности, но и борьбой за контроль над богатейшими минеральными ресурсами восточного Конго (колтан, олово, золото, кобальт). Она закрепила модель, при которой соседние государства используют прокси-группы для достижения своих целей на территории ДРК.

Современный этап (2022 – по н.в.) является продолжением этой модели. Основным инструментом Руанды выступает повстанческое «Движение 23 марта» (M23). Киншаса обвиняет Кигали в прямой военной и логистической поддержке M23 с целью ослабления центральной власти и контроля над ресурсами восточных провинций. Руанда, в свою очередь, оправдывает свои действия необходимостью защиты конголезских тутси и борьбы с руандийскими хуту-экстремистами из группировки «Демократические силы за освобождение Руанды» (ДСОР), базирующимися в ДРК.[3] Стратегия Руанды эволюционировала в сторону гибридных методов, позволяя ей отрицать прямое участие, минимизируя политические издержки. Конфликт остается тупиковым, поскольку ДРК отказывается от прямых переговоров с M23, а Руанда продолжает свою поддержку, что приводит к постоянной эскалации и гуманитарной катастрофе в регионе.

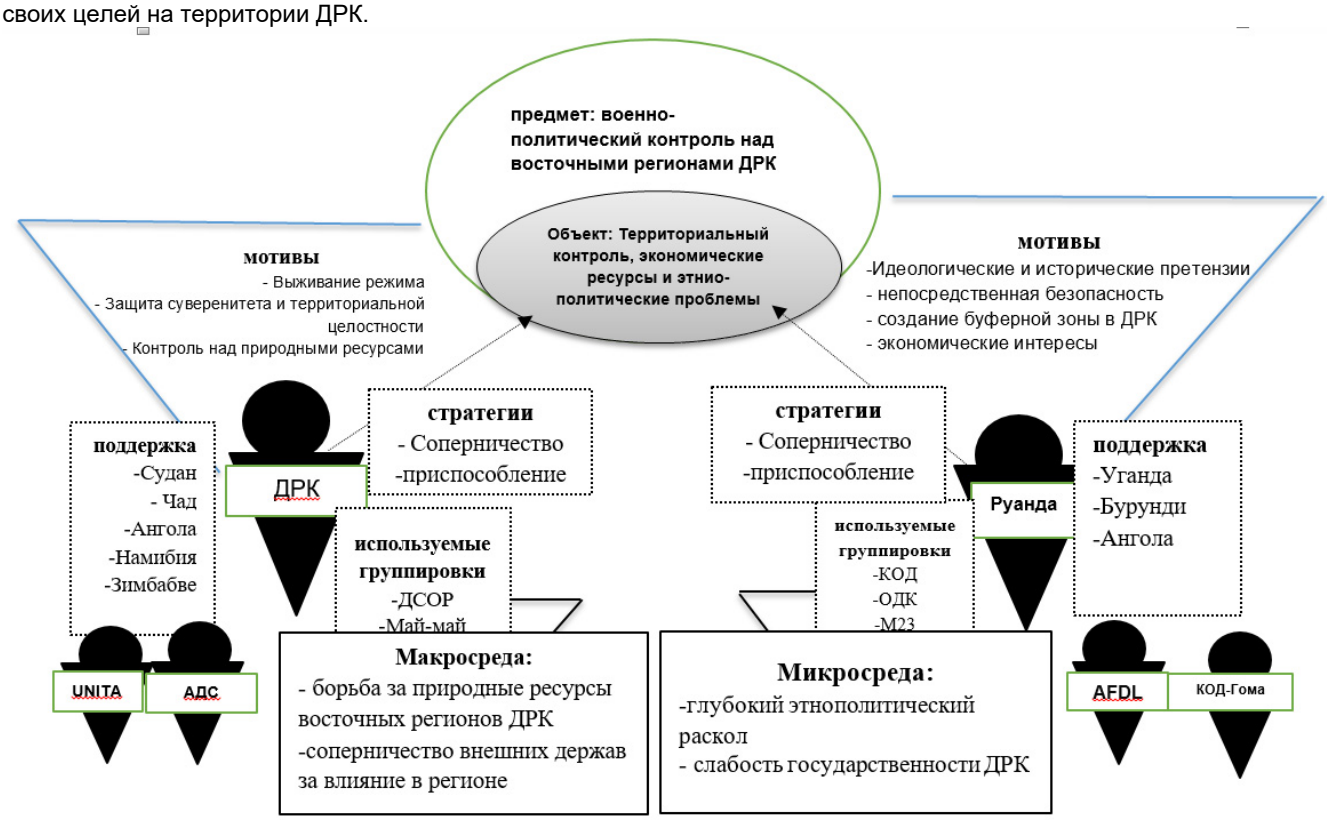

Рис.1. ***Структура конголезско-руандийского конфликта по модели Анцупова-Шипилова***

Восточные регионы Демократической Республики Конго (ДРК) являются ареной сложного военно-политического противостояния где осноыными оппонентами являются ДРК и Руанда. Центральное правительство ДРК, движимое мотивами выживания режима и защиты суверенитета, стремится установить контроль над территориями и природными ресурсами. Для этого оно использует стратегии соперничества и приспособления, опираясь на поддержку таких стран, как Ангола и Зимбабве, и сотрудничая с местными группировками. Руанда использует различные вооруженные группировки, такие как КОД (Конголезское объединение за демократию / RCD), ОДК (Освободительное движение Конго / MLC) M23, и преследует собственные интересы. Ее мотивы включают исторические претензии, обеспечение непосредственной безопасности и создание буферных зон. Она поддерживает эти группы вместе с соседними государствам, (Уганда и Бурунди) что усугубляет конфликт и делает его перманентным.[4]

[1] Бокерия С. А., Махапа М., Киамба А. Стратегии миротворчества и роль Руанды в конфликте в Демократической Республике Конго // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 4. С. 606–615. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-606-615

[2] Денисова Т. С., Костелянец С. В. Демократическая Республика Конго: политическая нестабильность и фактор Руанды // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 1. С. 37–47. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-37-47

[3] Бокерия С. А., Махапа М., Киамба А. Стратегии миротворчества и роль Руанды в конфликте в Демократической Республике Конго // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 4. С. 606–615. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-606-615

[4] Бокерия С. А., Махапа М., Киамба А. Стратегии миротворчества и роль Руанды в конфликте в Демократической Республике Конго // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 4. С. 606–615.

Предметом конфликта является военно-политический контроль над восточными регионами ДРК. Макросреда конфликта характеризуется острой борьбой за природные ресурсы и соперничеством внешних держав за влияние в регионе. На микроуровне ситуацию усугубляют глубокий этнополитический раскол внутри конголезского общества и системная слабость государственных институтов ДРК, что делает регион крайне нестабильным и уязвимым для длительных конфликтов.

Основные проблемы миростроительства в конфликте ДРК-Руанды выражаются в его самоподдерживающейся характере[1], донорской зависимости, институциональной инерции и неповоротливости международных организаций, отсутствии единой стратегии и конкуренции между внешними игроками.

Структурные меры по трансформации конфликта и построению мира

Основная проблема конфликта кроется в том, что ресурсы конфликта финансируют сам конфликт. нестабильность питает незаконную эксплуатацию ресурсов, а доходы от неё, в свою очередь, финансируют насилие и усугубляют нестабильность.

Как отмечает Филипп Ле Бийон, ключевой, война — это прежде всего экономическая система. Её суть звключается в использовании насилия для контроля над ресурсами и монетизации этого контроля. В условиях институционального вакуума или слабости государства эта система формализуется, Вооружённые группы и коррумпированные элиты превращают конфликт в перманентный и прибыльный бизнес.[2] Таким образом, конфликт обретает собственную внутреннюю экономическую логику, которая делает его устойчивым и самовоспроизводящимся.

Именно поэтому путь к урегулированию данного конфликта кроется в трансформации действующей в самоподдерживающейся экономики конфликта в самоподдерживающейся экономики мира (self-sustaining peace economy). Для достижения данной амбициозной политики миростроительства необходимо применять определенные меры:

1. Инвестировать в экономическую инфраструктуру мира. Конфликт в ДРК трансформировался в саморегулирующуюся экономическую систему, основанную на насилии и грабеже. Как отмечают Global Witness и эксперт Филипп Ле Бийон, война стала для вооружённых групп (например, M23) и коррумпированных элит устойчивой бизнес-моделью.[3] Контроль над нелегальной добычей полезных ископаемых приносит огромную прибыль, которая оказывается привлекательнее, чем построение прозрачной легальной экономики, создавая порочный круг насилия.

Для решения, существующая гуманитарная помощь, которая борется с симптомами а не с коренными причинами конфликта, должна сопровождаться стратегическими инвестициями в инфраструктуру мира: дороги, связывающие фермеров с рынками, электросети и водоснабжение. Таким образом можно создать альтернативу экономике войны.

2. Создать легальные и высокодоходные альтернативы для ключевых акторов конфликта. Для ключевых акторов конфликта необходимы легальные альтернативы. Местной молодежи — гарантии трудоустройства через промышленные парки. Региональным элитам и генералам, как отмечает Пол Коллиер, — вовлечение в прозрачные международные консорциумы.[4] Тогда их доход будет зависеть от стабильности, а не от хаоса, что коренным образом меняет экономические стимулы.

3. Направить полученные доходы в развитие региона. Исследовательский институт внешней политики (FPRI) подчеркивает, что для прочного мира необходимо комплексное решение, выходящее за рамки одного соглашения, и устранение коренных причин конфликта, что включает экономическое развитие.[5] Международная группа по кризисам (International Crisis Group) Отмечает, что любое экономическое сотрудничество по минералам будет успешным только при условии политического урегулирования, прекращения поддержки вооруженных групп и вовлечения всех сторон, включая местные общины.[6]

Для создания легальной экономики оптимальным решением будет создание специального фонда развития Восточного Конго, финансируемый процентными отчислениями от продажи ресурсов и управляемый при участии местных общин. Средства направляются на инфраструктуру и социальные проекты, чтобы население видело выгоду от мира. Одновременно международные корпорации должны инвестировать в регион, строя перерабатывающие производства, что создаст квалифицированные рабочие места и диверсифицирует экономику.

4.Создавать экономические альтернативы для боевиков негосударственных вооруженных группировок населения. Эксперты Atlantic Council (Франни Леотье) и Международная группа по кризисам(МГК) подчёркивают, что создание экономических альтернатив для боевиков в ДРК зависит от политического контекста. Ф. Леотье видит потенциал в увязке доступа к минералам с надлежащим управлением.[7] МГК прямо указывает, что без политического урегулирования, прекращения внешней поддержки вооружённых групп и включения местных общин любые

---

https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-606-615; 1. Денисова Т. С., Костелянец С. В. Демократическая Республика Конго: политическая нестабильность и фактор Руанды // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 1. С. 37–47. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-37-47

[1] Samset, I. Conflict of Interests or Interests in Conflict? Diamonds & War in the DRC // Review of African Political Economy. — 2002. — №. Vol. 29, No. 93/94,. — С. 463-480.

[2] Le Billon, P. (2012). Wars of Plunder: Conflicts, Profits and the Politics of Resources. Hurst & Company.

[2] Bos, Jean-Michel. Congo's M23 rebels on the trail of mineral resources // DW. — 2024.URL: https://www.dw.com/en/congos-m23-rebels-on-the-trail-of-mineral-resources/a-70715387;

[3] Global Witness Reports. "Weaponised Commerce", "Face à un fusil, que peut-on faire?". URL: https://cdn2.globalwitness.org/archive/files/pdfs/report_fr_final_0.pdf; Le Billon, F. (2012). Wars of Plunder: Conflicts, Profits and the Politics of Resources. Hurst & Company.

[4] Collier, P. (2007). The Bottom Billion: Why the Poorest Countries Are Failing and What Can Be Done About It. Oxford University Press. 111pp. URL: https://treasury.gov.au/sites/default/files/2019-03/05_The_bottom_billion.pdf

[5] Ray Charles A. Conflict in the Democratic Republic of the Congo: The Peace that Never Was // FPRI. — 2025. URL: https://www.fpri.org/article/2025/08/conflict-in-the-democratic-republic-of-the-congo-the-peace-that-never-was/.

[6] Moncrieff R. The DR Congo-Rwanda Deal: Now Comes the Hard Part // nternational Crisis Group. — 2025. URL: https://www.crisisgroup.org/africa/democratic-republic-congo/dr-congo-rwanda-deal-now-comes-hard-part.

[7] Léautier F. Experts react: The DRC and Rwanda agreed to a US-backed peace deal. Can critical minerals help end this conflict? // Atlantic Council's Africa Center. — 2025. — С. URL: https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/experts-react-the-drc-and-rwanda-agreed-to-a-us-backed-peace-deal-can-critical-minerals-help-end-this-conflict/.

программы разоружения и экономического сотрудничества обречены на провал.[1]

Программы разоружения для боевиков М23 должны быть неразрывно связаны с гарантированным трудоустройством. Это означает создание в восточных провинциях ДРК реальных рабочих мест в приоритетных секторах: строительстве инфраструктуры, сельском хозяйстве и перерабатывающей промышленности.

5. Вести переговоры с ностоящей стороной конфликта (Руандой). Позиция премьер-министра ДРК о ведении переговоров только с Руандой, а не с группировкой М23, находит поддержку в экспертных оценках. Институт ИМЭМО РАН и Amnesty International, документируя массовые преступления М23, подчёркивают необходимость ликвидации «разрыва в безнаказанности» и привлечения командиров к международному правосудию.[2] В силу масовые преступдений, совершенных М23, переговоры следует вести с реальным спонсором (Руандой) и должны сопровождаться механизмами правосудия, чтобы мир не стал сделкой с безнаказанностью. Командиры М23, совершившие военные преступления, должны быть переданы международному правосудию.

Заключение

Проведенный структурный анализ конфликта между ДРК и Руандой по модели Анцупова-Шипилова демонстрирует его трансформацию в самоподдерживающуюся систему, где насилие стало устойчивой экономической моделью. Ключевыми структурными элементами, обеспечивающими перманентность конфликта, являются слабость государственных институтов ДРК, доминирование неформальных экономических институтов и взаимосвязанные интересы внутренних и внешних акторов, извлекающих выгоду из нестабильности.

Предложенные меры урегулирования направлены на трансформацию самой структуры конфликта через создание альтернативной экономической системы.

Ключевым условием устойчивого урегулирования конфликта является комплексная трансформация его экономической основы. Это требует стратегических инвестиций в инфраструктуру мира — создание дорог, энергосетей и водоснабжения, которые образуют материальный фундамент для легальной экономики, альтернативной войне. Параллельно необходимо создавать легальные и высокодоходные альтернативы для ключевых акторов: вовлечение региональных элит в прозрачные международные консорциумы меняет их стимулы, делая доход зависимым от стабильности, а не хаоса, а для местной молодежи и боевиков гарантированное трудоустройство в рамках программ реинтеграции становится прямым путем к легальному заработку.

Справедливое распределение доходов через специальный фонд развития, финансируемый отчислениями от продажи ресурсов и управляемый при участии местных общин, обеспечивает направление ресурсной ренты на социальные и инфраструктурные проекты, чтобы население видело реальные выгоды от мира. Условность международных инвестиций, обязывающая корпорации строить перерабатывающие производства в обмен на доступ к ресурсам, создает добавленную стоимость и квалифицированные рабочие места, диверсифицируя экономику. Наконец, прямым переговорам с Руандой как основным актором конфликта должна сопутствовать неизбежность правосудия для командиров, совершивших военные преступления, что обеспечивает баланс между политическим урегулированием и ответственностью.

Реализация данного комплекса мер требует последовательных усилий международного сообщества и политической воли сторон конфликта. Только разрушив экономические основы войны и создав жизнеспособные альтернативы, можно разорвать порочный круг насилия и перейти к устойчивому миру в регионе Великих озер.

Литература

1. Анцупов А.Я. Проблема общей понятийной схемы описания конфликтов // Конфликтология. — 2020. . — №. Т. 15. № 2. . — С. 13-37.
2. Бокерия С. А., Махапа М., Киамба А. Стратегии миротворчества и роль Руанды в конфликте в Демократической Республике Конго // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 4. С. 606–615. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-606-615
3. Денисова Т. С., Костелянец С. В. Демократическая Республика Конго: политическая нестабильность и фактор Руанды // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 1. С. 37–47. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-37-47
4. Карамаев С.Г. Конфликт на востоке Демократической Республики Конго: новая реальность // ИМЭМО РАН. — 2025. URL: https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/konflikt-na-vostoke-demokraticheskoy-respubliki-kongo-novaya-realynosty;
5. Amnesty International обвиняет М23 в военных преступлениях в ДР Конго // EuroNews. URL: https://ru.euronews.com/2025/05/27/m23-rebels-committed-possible-war-crimes-in-eastern-dr-congo-amnesty-international-says (дата обращения: 11.12.2024).
6. Bos, Jean-Michel. Congo's M23 rebels on the trail of mineral resources // DW. — 2024.URL: https://www.dw.com/en/congos-m23-rebels-on-the-trail-of-mineral-resources/a-70715387;
7. Collier, P. (2007). The Bottom Billion: Why the Poorest Countries Are Failing and What Can Be Done About It. Oxford University Press. 111pp. URL: https://treasury.gov.au/sites/default/files/2019-03/05_The_bottom_billion.pdf
8. Counter N. DR Congo, M23 rebels to hold peace talks in Angola // DW. — 2025. — С. URL: https://www.dw.com/en/dr-congo-m23-rebels-to-hold-peace-talks-in-angola/a-71904502.;
9. Global Witness Reports. "Weaponised Commerce", "Face à un fusil, que peut-on faire?". URL: https://cdn2.globalwitness.org/archive/files/pdfs/report_fr_final_0.pdf;
10. Le Billon, F. (2012). Wars of Plunder: Conflicts, Profits and the Politics of Resources. Hurst & Company.
11. Le Billon, P. (2012). Wars of Plunder: Conflicts, Profits and the Politics of Resources. Hurst & Company.

[1] Moncrieff R. The DR Congo-Rwanda Deal: Now Comes the Hard Part // nternational Crisis Group. — 2025. URL: https://www.crisisgroup.org/africa/democratic-republic-congo/dr-congo-rwanda-deal-now-comes-hard-part.

[2] Vignoli M. E. International Criminal Court Takes Important Step in DR Congo // Human Right Watch. — 2024. URL: https://www.hrw.org/news/2024/10/16/international-criminal-court-takes-important-step-dr-congo.; Карамаев С.Г. Конфликт на востоке Демократической Республики Конго: новая реальность // ИМЭМО РАН. — 2025. URL: https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/konflikt-na-vostoke-demokraticheskoy-respubliki-kongo-novaya-realynosty; Counter N. DR Congo, M23 rebels to hold peace talks in Angola // DW. — 2025. — С. URL: https://www.dw.com/en/dr-congo-m23-rebels-to-hold-peace-talks-in-angola/a-71904502.; Amnesty International обвиняет М23 в военных преступлениях в ДР Конго // EuroNews. URL: https://ru.euronews.com/2025/05/27/m23-rebels-committed-possible-war-crimes-in-eastern-dr-congo-amnesty-international-says (дата обращения: 11.12.2024).

12. Léautier F. Experts react: The DRC and Rwanda agreed to a US-backed peace deal. Can critical minerals help end this conflict? // Atlantic Council's Africa Center. — 2025. — С. URL: https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/experts-react-the-drc-and-rwanda-agreed-to-a-us-backed-peace-deal-can-critical-minerals-help-end-this-conflict/.

13. Moncrieff R. The DR Congo-Rwanda Deal: Now Comes the Hard Part // nternational Crisis Group. — 2025. URL: https://www.crisisgroup.org/africa/democratic-republic-congo/dr-congo-rwanda-deal-now-comes-hard-part.

14. Müller-Crepon C., Hunziker P., Cederman L.-E. Roads to Rule, Roads to Rebel: Relational State Capacity and Conflict in Africa // Journal of Conflict Resolution. 2021. Vol. 65, no. 2–3. P. 563–590. https://doi.org/10.1177/0022002720963674

15. Ntanyoma R. D., Hintjens H. Expressive Violence and the Slow Genocide of the Banyamulenge of South Kivu // Ethnicities. 2022. Vol. 22, no. 3. P. 374–403. https://doi.org/10.1177/14687968211009895

16. Ray Charles A. Conflict in the Democratic Republic of the Congo: The Peace that Never Was // FPRI. — 2025. URL: https://www.fpri.org/article/2025/08/conflict-in-the-democratic-republic-of-the-congo-the-peace-that-never-was/.

17. Samset, I. Conflict of Interests or Interests in Conflict? Diamonds & War in the DRC // Review of African Political Economy. — 2002. — №. Vol. 29, No. 93/94,. — С. 463-480.

18. Vignoli M. E. International Criminal Court Takes Important Step in DR Congo // Human Right Watch. — 2024. URL: https://www.hrw.org/news/2024/10/16/international-criminal-court-takes-important-step-dr-congo.;

Peace-building issues in the DRC-Rwanda conflict: from a theoretical approach to practical implementation

De Seita Lima Dalmeida Aragau Ojvaldo

Peoples' Friendship University of Russia. Patrice Lumumba

The article analyses the conflict between the Democratic Republic of the Congo (DRC) and Rwanda through the prism of the Antsupov-Shipilov structural approach. The study identifies key structural elements that ensure the permanence of conflict: the weakness of the DRC's state institutions, the dominance of the informal economy, and the merging of interests of internal and external actors. The article argues that traditional peacemaking approaches fail because they do not address these underlying economic and institutional foundations of violence. The main objective of the work is to develop comprehensive peace-building measures aimed at structural transformation of the conflict. The proposed strategy includes: (1) strategic investments in physical infrastructure to create the material basis of a legal economy; (2) creation of legal and highly profitable alternatives for key stakeholders, including local youth and regional elites; (3) formation of transparent mechanisms for allocating resource rents for local development; (4) Linking disarmament programs with guaranteed employment; (5) Conducting direct negotiations with Rwanda while ensuring accountability for the perpetrators of crimes. The conclusion of the work is that only such a complex transformation of the incentive system is capable of transferring a conflict system from a state of self-sustaining war to a state of self-sustaining peace.

Keywords: DRC, Rwanda, peace-building, structural analysis of conflict, economics of war, resource conflict, M23.

References

1. Antsupov A. Ya. The Problem of a General Conceptual Scheme for Describing Conflicts // Conflictology. — 2020. . — No.. Vol. 15. No. 2. . — P. 13-37.
2. Bokeria S. A., Mahapa M., Kiamba A. Peacekeeping Strategies and the Role of Rwanda in the Conflict in the Democratic Republic of the Congo // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2024. Vol. 24, No. 4. P. 606–615. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-606-615
3. Denisova T. S., Kostelyanets S. V. The Democratic Republic of the Congo: Political Instability and the Rwanda Factor // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2023. Vol. 23, No. 1. Pp. 37–47. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-37-47
4. Karamaev S.G. Conflict in the East of the Democratic Republic of the Congo: New Reality // IMEMO RAS. — 2025. URL: https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/konflikt-na-vostoke-demokraticheskoy-respubliki-kongo-novaya-realynosty;
5. Amnesty International accuses M23 of war crimes in the DR Congo // EuroNews. URL: https://ru.euronews.com/2025/05/27/m23-rebels-committed-possible-war-crimes-in-eastern-dr-congo-amnesty-international-says (access date: 12/11/2024).
6. Bos, Jean-Michel. Congo's M23 rebels on the trail of mineral resources // DW. - 2024.URL: https://www.dw.com/en/congos-m23-rebels-on-the-trail-of-mineral-resources/a-70715387;
7. Collier, P. (2007). The Bottom Billion: Why the Poorest Countries Are Failing and What Can Be Done About It. Oxford University Press. 111pp. URL: https://treasury.gov.au/sites/default/files/2019-03/05_The_bottom_billion.pdf
8. Counter N. DR Congo, M23 rebels to hold peace talks in Angola // DW. - 2025. - S. URL: https://www.dw.com/en/dr-congo-m23-rebels-to-hold-peace-talks-in-angola/a-71904502.;
9. Global Witness Reports. "Weaponised Commerce", "Face à un fusil, que peut-on faire?". URL: https://cdn2.globalwitness.org/archive/files/pdfs/report_fr_final_0.pdf;
10. Le Billon, F. (2012). Wars of Plunder: Conflicts, Profits and the Politics of Resources. Hurst & Company.
11. Le Billon, P. (2012). Wars of Plunder: Conflicts, Profits and the Politics of Resources. Hurst & Company.
12. Léautier F. Experts react: The DRC and Rwanda agreed to a US-backed peace deal. Can critical minerals help end this conflict? // Atlantic Council's Africa Center. - 2025. - P. URL: https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/experts-react-the-drc-and-rwanda-agreed-to-a-us-backed-peace-deal-can-critical-minerals-help-end-this-conflict/.
13. Moncrieff R. The DR Congo-Rwanda Deal: Now Comes the Hard Part // nternational Crisis Group. - 2025. URL: https://www.crisisgroup.org/africa/democratic-republic-congo/dr-congo-rwanda-deal-now-comes-hard-part.
14. Müller-Crepon C., Hunziker P., Cederman L.-E. Roads to Rule, Roads to Rebel: Relational State Capacity and Conflict in Africa // Journal of Conflict Resolution. 2021. Vol. 65, no. 2–3. P. 563–590. https://doi.org/10.1177/0022002720963674
15. Ntanyoma R. D., Hintjens H. Expressive Violence and the Slow Genocide of the Banyamulenge of South Kivu // Ethnicities. 2022. Vol. 22, no. 3. P. 374–403. https://doi.org/10.1177/14687968211009895
16. Ray Charles A. Conflict in the Democratic Republic of the Congo: The Peace that Never Was // FPRI. - 2025. URL: https://www.fpri.org/article/2025/08/conflict-in-the-democratic-republic-of-the-congo-the-peace-that-never-was/.
17. Samset, I. Conflict of Interests or Interests in Conflict? Diamonds & War in the DRC // Review of African Political Economy. - 2002. - No. Vol. 29, No. 93/94. - pp. 463-480.
18. Vignoli M. E. International Criminal Court Takes an Important Step in DR Congo // Human Right Watch. - 2024. URL: https://www.hrw.org/news/2024/10/16/international-criminal-court-takes-important-step-dr-congo.;

Публичная дипломатия США как фактор трансформации внешнеполитических ориентаций Казахстана и Узбекистана

Толстых Ангелина Игоревна
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург, 5557090@mail.ru

Публичная дипломатия США в Центральной Азии на протяжении трёх десятилетий выступала одним из факторов трансформации внешнеполитических ориентаций Казахстана и Узбекистана. При этом в научной литературе преобладает описание инструментов «мягкой силы», тогда как механизмы институциональной социализации и их долгосрочные эффекты остаются недостаточно разработанными. В данной статье проводится анализ американской публичной дипломатии как системы формирования нормативной и кадровой инфраструктуры, влияющей на параметры внешнеполитического выбора государств региона. Целью исследования является выявление того, каким образом правовые рамки, грантовые и образовательные программы, медийные и экспертные сети способствовали изменению управленческого дискурса и моделей стратегического планирования в Казахстане и Узбекистане. Рассматриваются законодательные основы политики США в регионе, программы USAID, образовательные инициативы, форматы С5+1 и инфраструктура общественного дискурса. Отдельное внимание уделяется реформе USAID 2025 года как структурному перелому в модели американского присутствия и возможным обратным эффектам ранее осуществлённой институциональной социализации. В результате автор обосновывает тезис о переходе от распределённой грантовой модели публичной дипломатии к более централизованной и селективной геополитической конфигурации, а также формулирует вывод о латентной устойчивости нормативного влияния, сформированного в предшествующий период.
Ключевые слова: публичная дипломатия, США, Центральная Азия, Казахстан, Узбекистан, мягкая сила.

Публичная дипломатия США в отношении Казахстана и Узбекистана в постсоветский период не исчерпывается совокупностью культурно-гуманитарных инициатив, ведь она формировалась как длительный процесс институциональной социализации, в ходе которого создавалась инфраструктура, способная изменять параметры внешнеполитического самоопределения республик.

Первые элементы этой конструкции закреплялись уже в начале 1990-х годов. Принятие в США Freedom Support Act в 1992 г. задало правовую рамку, в пределах которой поддержка постсоветских государств связывалась с проведением рыночных реформ, демократизацией и соблюдением прав человека. Silk Road Strategy Act 1999 г., а затем его обновление в 2006 г., дополнили эту рамку геоэкономическим измерением: Центральная Азия рассматривалась как пространство транспортной и энергетической переориентации, где диверсификация маршрутов должна была снижать зависимость от России и Ирана. Как указывает С. Адайкызы, «процесс оформления концептуальных основ взаимоотношений шел поступательно и за 30 лет сотрудничества была создана прочная многоаспектная политико-правовая база, способствующая укреплению казахстанско-американского стратегического партнерства по широкому спектру отношений» [2, с. 330].

Для Казахстана, обладающего крупными запасами углеводородов, это означало институциональное закрепление участия в проектах, ориентированных на западные рынки, включая сотрудничество с американскими энергетическими корпорациями и финансовыми институтами. Для Узбекистана, чья география связывала регион с Афганистаном и Южной Азией, подобные документы формировали предпосылки включения в транзитные и инфраструктурные схемы, поддерживаемые Вашингтоном.

Институционализация продолжалась и в последующие десятилетия.

Стратегия США по Центральной Азии 2019–2025 гг. закрепила приоритеты суверенитета, экономической устойчивости, реформ государственного управления и региональной кооперации. В ней акцентировались такие категории, как accountability, transparency, rule of law, regional connectivity [3, с. 23]. Эти понятия постепенно переходили из внешнеполитических документов США в тексты национальных программ реформ Казахстана и Узбекистана. В Казахстане дискурс модернизации государственного управления сопровождался расширением антикоррупционных инициатив, реформированием судебной системы, цифровизацией административных процедур. В Узбекистане после 2017 г. были приняты решения о реформировании МИД, обновлении законодательства о международных договорах, запуске программ либерализации экономики [4].

При всей автономности этих процессов их понятийный аппарат демонстрирует сопряжённость с американскими управленческими моделями. Кадровая социализация стала вторым измерением этой динамики.

В Казахстане программа «Болашак», запущенная в 1993 г., обеспечила подготовку более десяти тысяч специалистов в зарубежных университетах, значительная часть которых обучалась в США и странах Западной Европы [7]. Возник слой управленцев и экспертов, для которых английский язык и западные методики анализа стали

профессиональной нормой. Эта прослойка заняла позиции в государственных структурах, квазигосударственном секторе и аналитических центрах.

В Узбекистане, где подобные программы в 1990-е годы носили ограниченный характер, интенсивность образовательных контактов возросла после смены руководства в 2016 г. и активизации сотрудничества с американскими университетами и фондами [5].

Параллельно действовали грантовые и обменные программы США. FLEX обеспечивал ежегодное обучение школьников в американских семьях и школах, формируя раннюю культурную адаптацию к американской образовательной среде. Community Solutions Program ориентировалась на профессионалов среднего уровня, вовлекая их в стажировки по вопросам местного управления и развития сообществ. USAID и NED финансировали проекты в сфере good governance, поддержки СМИ, развития гражданского общества. Военные программы IMET создавали каналы подготовки офицерского состава, знакомого с американскими стандартами планирования и взаимодействия. Как указывает М. С. Саттарова, «США проводят свою политику «мягкой силы» в Казахстане в рамках культурно-образовательных проектов, основываясь на распространении либеральных ценностей, продвижении английского языка, торгово-экономического сотрудничества, сферы здравоохранения» [8, с. 105].

Эти механизмы не ограничивались передачей навыков.

Они способствовали формированию нового когнитивного кода, в рамках которого категории риска, безопасности и региональной кооперации оценивались через призму трансатлантических концепций.

Университетские филиалы усилили этот эффект. Открытие в 2022 г. филиала University of Arizona на базе Северо-Казахстанского университета им. Козыбаева с возможностью получения двойного диплома стало институциональным закреплением американского образовательного присутствия. Подобные проекты интегрируют местные вузы в западные академические сети. Как отмечают В. Л. Тихонова и О. И. Закутнов, «в связи с этим увеличивается количество прозападных НКО и разного рода американских организаций на территории Казахстана» [9, с. 174].

Инфраструктура общественного дискурса дополняет кадровую трансформацию. American Spaces, функционирующие в Казахстане с 2003 г., представляют собой площадки, где образовательные и культурные мероприятия сочетаются с продвижением предпринимательских и научно-технических инициатив. Десять таких центров в различных городах страны формируют устойчивую сеть локальных сообществ, ориентированных на англоязычное взаимодействие. Медиаплатформы, включая RFE/RL («Азаттык»), грантовую поддержку журналистских проектов и активность посольств в социальных сетях, создают альтернативное поле интерпретации региональной политики. Как подчеркивает Г. И. Юлдашева, «текущее углубление и расширение американо-узбекских отношений указывает на то, что идёт подготовка почвы для нового этапа двусторонних взаимоотношений» [10, с. 57].

Афганский фактор, отношения с Россией и Китаем, вопросы энергетической безопасности обсуждаются в терминах, которые коррелируют с американской стратегической повесткой.

Сравнение Казахстана и Узбекистана позволяет выявить различие траекторий. Казахстан демонстрировал постепенную нормативную интеграцию при сохранении многовекторной риторики. Подписание более семидесяти двусторонних соглашений с США, участие в программах военного сотрудничества после 2001 г., объём прямых американских инвестиций, превышающий несколько десятков миллиардов долларов, создавали плотную сеть связей, не отменяя партнёрства с Россией и Китаем[1].

Узбекистан же до 2016 г. придерживался более осторожной линии, однако после реформ 2017 г. наблюдается ускоренное сближение с США в рамках формата С5+1, активизация сотрудничества по афганской повестке и расширение образовательных контактов. Реформирование внешнеполитического ведомства и обновление законодательной базы сопровождались включением в дискурс тех же категорий governance и connectivity, которые ранее закреплялись в американских стратегиях [1].

Реформа USAID в 2025 г. выводит анализ публичной дипломатии США в Центральной Азии из привычной парадигмы экспансии в плоскость институционального разрыва. На протяжении трёх десятилетий агентство функционировало как распределённый механизм внешнеполитического присутствия, соединявший грантовые программы, поддержку государственного управления, образовательные инициативы, проекты в сфере здравоохранения и развитие медиасреды. Замораживание зарубежной помощи на 90 дней в январе 2025 г., последующее сокращение 5800 долгосрочных контрактов на 92% (54 млрд долл.), увольнение 1600 сотрудников в США и отправка большинства остальных в вынужденный отпуск изменили не столько объём ресурсов, сколько саму архитектуру принятия решений[2].

Передача функций Госдепартаменту, фактическое подчинение USAID внешнеполитическому ведомству и закрытие штаб-квартиры в Вашингтоне обозначили переход от сети относительно автономных грантовых операторов к централизованной модели, где распределение помощи становится частью прямой дипломатической и геополитической логики.

Эта бюрократическая трансформация имеет несколько измерений. Прежняя модель опиралась на множественность каналов: региональные офисы, партнёрские НКО, консалтинговые структуры, университетские центры. Финансирование распределялось через долгосрочные контракты, обеспечивая институциональную устойчивость получателей. Сокращение контрактной базы фактически размывает эту сеть.

Централизация в рамках Госдепартамента означает, что международная помощь перестаёт быть преимущественно инструментом развития и встраивается в систему оперативных внешнеполитических приоритетов. Это усиливает политизацию проектов и сокращает пространство для долгосрочных программ, ориентированных на постепенную институциональную трансформацию.

Для Казахстана и Узбекистана последствия подобной перестройки неоднозначны. В краткосрочной перспективе сокращение финансирования может ослабить грантовую инфраструктуру НКО, действовавших в сфере прав человека, медиа и местного самоуправления. Проекты по поддержке журналистских расследований, образовательные обмены и программы повышения квалификации управленцев, ранее опиравшиеся на стабильные гранты, сталкиваются с неопределённостью.

В Узбекистане, где после 2017 г. наблюдалось расширение сотрудничества по линии реформ государственного управления и афганской повестки, приостановка от-

[1] Что такое USAID и чем занимается Агентство США по международному развитию. https://www.rbc.ru/base/10/02/2025/67a9c7e09a7947217927691c

[2] В США заявили о начале процедуры закрытия USAID. https://realnoevremya.ru/news/353069-v-ssha-zayavili-o-nachale-procedury-zakrytiya-usaid

дельных инициатив способна замедлить институциональные контакты. В Казахстане, где действовали American Spaces и реализовывались программы STEM и предпринимательского наставничества, снижение ресурсной базы может привести к сокращению активности в регионах [6].

Однако одностороннее ожидание ослабления американского влияния было бы упрощением. В регионе уже сформированы сети акторов, получивших образование и профессиональный опыт в рамках предыдущих программ. Часть из них интегрирована в государственные структуры, аналитические центры и частный сектор. Их управленческий язык, способы оценки рисков и представления о региональной безопасности не зависят от текущего объёма грантов. Таким образом, кризис USAID не обязательно означает исчезновение нормативного присутствия США. Он может перевести его в латентную фазу, где воспроизводство западных стандартов осуществляется через локальные институты без прямого финансирования. Институциональная социализация, начатая в 1990-е годы, создаёт эффект инерции.

Параллельно возникает пространство для перераспределения влияния. Сокращение американских программ открывает возможности для активизации других центров силы. Китай продолжает расширять инфраструктурные проекты в рамках инициативы «Пояс и путь», Турция усиливает культурно-образовательное присутствие через университетские и религиозные фонды, Европейский союз предлагает программы технической помощи и цифровой трансформации.

Россия сохраняет гуманитарные и образовательные каналы, включая филиалы вузов и работу Россотрудничества. В этих условиях внешнеполитическая ориентация республик может приобретать более гибкий характер, основанный на диверсификации партнёров.

Одновременно реформа USAID стимулирует переосмысление американской стратегии. Если в 1990–2024 гг. публичная дипломатия строилась на сочетании материальных стимулов и образовательной социализации, то после 2025 г. вероятен переход к более селективной модели.

Сокращение долгосрочных программ развития может сопровождаться усилением направлений, связанных с безопасностью, контролем энергетических маршрутов и ограничением китайского присутствия. Централизация в рамках Госдепартамента облегчает интеграцию помощи в стратегические пакеты, адресованные конкретным геополитическим задачам. В Центральной Азии это может означать усиление внимания к вопросам пограничной безопасности, транзита через Афганистан и диверсификации экспортных маршрутов углеводородов.

Таким образом, публичная дипломатия США в 1991–2024 гг. выступала механизмом институциональной социализации, формирующей ориентиры и кадровую инфраструктуру, способную воспроизводить определённый тип внешнеполитической рациональности. Институциональный кризис USAID сегодня не сводится к сокращению бюджета. Он трансформирует характер американского присутствия: от распределённой модели нормативного встраивания к централизованной системе, тесно связанной с оперативными внешнеполитическими целями. Для Казахстана и Узбекистана это создаёт ситуацию двойственной адаптации. С одной стороны, уменьшается ресурсная подпитка гражданского сектора, ранее вовлечённого в грантовые сети. С другой — уже сформированная кадровая и нормативная база продолжает функционировать, сохраняя элементы прежней ориентации. Внешнеполитическая рациональность республик в этих условиях определяется не столько объёмом текущего финансирования, сколько накопленным институциональным опытом и способностью перераспределять внешние связи в пользу наиболее выгодных партнёров.

Литература

1. Аватков В. А., Рожкова З. П. Концептуальные основы внешней политики Республики Узбекистан на современном этапе // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. № 8. С. 825-834.
2. Адайкызы С. Концептуальные основы развития отношений Казахстана и США // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. № 3. С. 330-340.
3. Александров С. Н. Конгресс США и американское содействие экономическому развитию Казахстана в 1990-е гг // История и современное мировоззрение. 2021. Т. 3. № 4. С. 23-34. DOI: 10.33693/2658-4654-2021-3-4-23-34.
4. Гегелашвили Н. А., Модникова И. В. Узбекистан и Казахстан - фокусные государства Центральной Азии в политике Вашингтона // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. Т. 51. № 5. С. 51-68. DOI: 10.31857/S268667300014782-0.
5. Карпович О. Г., Шангараев Р. Н. Центральная Азия в контексте современной геополитики на евразийском пространстве // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 6. С. 65-72. DOI: 10.33693/2223-0092-2021-11-6-65-72.
6. Козлов Г. В. Прикладной анализ влияния на Казахстан политики «мягкой силы» США, РФ и КНР // Постсоветский материк. 2020. № 1(25). С. 33-74.
7. Крыжко Е. В., Пашковский П. И. Особенности внешнеполитического курса США в отношении государств Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. 2021. Т. 8. № 1. С. 65-81. DOI: 10.24975/2313-8920-2021-8-1-65-81.
8. Саттарова М. С. Особенности политики «мягкой силы» США в Республике Казахстан // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2023. № 3(37). С. 105-116.
9. Тихонова В. Л., Закутнов О. И. Деятельность США и России по связи с общественностью в Казахстане как фактор распространения идеологического влияния в регионе // Вестник Калмыцкого университета. 2023. № 3(59). С. 174-186. DOI: 10.53315/1995-0713-2023-59-3-174-186.
10. Юлдашева Г. И. Узбекистан - США: новый этап стратегического партнёрства // США и Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 2. С. 57-72. DOI: 10.31857/S2686673022020043.

US public diplomacy as a factor in the transformation of the foreign policy orientations of Kazakhstan and Uzbekistan

Tolstykh A.I.
Saint Petersburg State University

For three decades, US public diplomacy in Central Asia has been one of the factors in the transformation of the foreign policy orientations of Kazakhstan and Uzbekistan. At the same time, the scientific literature is dominated by the description of "soft power" tools, while the mechanisms of institutional socialization and their long-term effects remain insufficiently developed. This article analyzes American public diplomacy as a system for the formation of a regulatory and personnel infrastructure that influences the parameters of the foreign policy choice of the states of the region. The purpose of the study is to identify how the legal framework, grant and educational programs, media and expert networks have contributed to changing managerial discourse and strategic planning models in Kazakhstan and Uzbekistan. The article examines the legislative foundations of US policy in the region, USAID programs, educational initiatives, C5+1 formats, and the infrastructure of public discourse. Special attention is paid to the USAID reform in 2025 as a structural change in the model of the American presence and possible reverse effects of previously implemented institutional socialization. As a result, the author substantiates the thesis of the transition from a distributed grant model of public diplomacy to a more centralized and selective geopolitical configuration, and also formulates a conclusion about the latent stability of the regulatory influence formed in the previous period.

Keywords: public diplomacy, USA, Central Asia, Kazakhstan, Uzbekistan, soft power.

References

1. Avatkov V. A., Rozhkova Z. P. Conceptual foundations of the foreign policy of the Republic of Uzbekistan at the present stage // Post-Soviet studies. 2022. Vol. 5. No. 8. pp. 825-834.
2. Adaikizy S. Conceptual foundations of the development of relations between Kazakhstan and the USA // Post-Soviet studies. 2022. Vol. 5. No. 3. pp. 330-340.
3. Alexandrov S. N. The U.S. Congress and American assistance to the economic development of Kazakhstan in the 1990s // History and modern worldview. 2021. Vol. 3. No. 4. pp. 23-34. DOI: 10.33693/2658-4654-2021-3-4-23-34.
4. Gegelashvili N. A., Modnikova I. V. Uzbekistan and Kazakhstan - the focal states of Central Asia in Washington's policy // USA and Canada: economics, politics, culture. 2021. Vol. 51. No. 5. pp. 51-68. DOI: 10.31857/S268667300014782-0.
5. Karpovich O. G., Shangaraev R. N. Central Asia in the context of modern geopolitics in the Eurasian space // Socio-political Sciences. 2021. Vol. 11. No. 6. pp. 65-72. DOI: 10.33693/2223-0092-2021-11-6-65-72.
6. Kozlov G. V. Applied analysis of the influence of the "soft power" policy of the USA, Russia and China on Kazakhstan // Post-Soviet continent. 2020. No. 1(25). pp. 33-74.
7. Kryzhko E. V., Pashkovsky P. I. Features of the US foreign policy towards the Central Asian states // Problems of the post-Soviet space. 2021. Vol. 8. No. 1. pp. 65-81. DOI: 10.24975/2313-8920-2021-8-1-65-81.
8. Sattarova M. S. Features of the US "soft power" policy in the Republic of Kazakhstan // Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the World. 2023. No. 3(37). pp. 105-116.
9. Tikhonova V. L., Zakutnov O. I. Public relations activities of the USA and Russia in Kazakhstan as a factor of spreading ideological influence in the region // Bulletin of the Kalmyk University. 2023. No. 3(59). pp. 174-186. DOI: 10.53315/1995-0713-2023-59-3-174-186.
10. Yuldasheva G. I. Uzbekistan - USA: a new stage of strategic partnership // USA and Canada: economics, politics, culture. 2022. No. 2. pp. 57-72. DOI: 10.31857/S2686673022020043.

Проблема коррупции в африканских государствах на примере Гвинеи-Бисау

Дабо Салиу
аспирант, РУДН им. Патриса Лумумбы, dabosaliu@gmail.com

Статья посвящена анализу глобального коррупционного феномена в Гвинее-Бисау, рассматриваются её проявления, исторические предпосылки и причины, а также последствия для развития страны. Используя тематический анализ и изучение вторичных источников, мы стремимся понять корни и влияние проблемы, чтобы внести вклад в исследования научных размышлений и предложений по борьбе с коррупцией. Результаты показывают сложность политического и социального контекста, укрепляя вопрос необходимости конкретных мер в сфере управления и гражданского общества.
Ключевые слова: коррупция, Гвинея-Бисау, качественный анализ, управление, развитие.

Цель данного исследования - проанализировать проявления коррупции в Гвинее-Бисау, её исторические причины и последствия, используя качественный подход. Основная проблема заключается в понимании того, как коррупционные практики укоренились в обществе и государстве Гвинеи-Бисау, а также в оценке их воздействия на поиск устойчивого развития.

Данная работа способствует расширению критического понимания ситуации и стремится предложить варианты для будущих действий по борьбе с коррупцией в регионе.

Коррупция - это глобальный феномен, который ухудшает социальное, политическое и экономическое развитие любой страны, особенно тех, у которых слабые институты. Гвинея-Бисау, в Западной Африке, сталкивается с серьезными проблемами управления на протяжении десятилетий в условиях политической нестабильности, безнаказанностью и хищением государственных ресурсов.

Коррупция и её воздействие на общество: понятие и виды коррупции.

Исследование и изучение важных для построения развивающегося общества понятий, проявлений, видов и форм коррупций коррупции способствует получить наиболее развернутое представление о данном феномене. Классификация может помочь созданию необходимой теоретической базы для формирования и осуществления антикоррупционных мер. Стоит понимать, что коррупцию как феномен часто разделяют на множество видов и подвидов, поскольку в исследовании данного явления принимает участие множество сфер, областей и ученых, которые занимаются деятельностью направленной на развитие общества, такие как, например: политологи, социологи, экологи и другие специалисты. Предметом их исследования являются официальные и научные трактовки феномена коррупции.

Коррупция - это глобальный и очень важный феномен нашего времени, затрагивающий современные государства на разных этапах развития, причем проявления и последствия могут видоизменяться в в зависимости от экономической, политической или социальной ситуации в стране. Согласно данным Transparency International, коррупция — это злоупотребление имеющейся властью для личных и групповых выгод, которые могут повлиять на различные настроения в обществе, а также к нелегальному получению данной нематериальной и материальной выгоды.[3]

Коррупция в современном обществе является острой социальной проблемой мирового масштаба и с ней нужно бороться. К сожалению, такое масштабное явление проникло даже в малые и в том числе детские организации, такие школы, детские сады, вузы, малый бизнес, сфера здравоохранения и т.д.[4]

Воздействие коррупции охватывает много областей: оно тормозит экономический рост и развитие, выводит из строя государственные институты, сокращает степень доверия к правительственным структурам и сохраняет социальное неравенство в обществе. В экономически бедных

[3] Transparência Internacional. (2022) https://transparency.org.au/wp-content/uploads/2022/01/CPI2021_Report_EN-web.pdf
[4] Пимкина Дарья Олеговна КОРРУПЦИЯ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ // Россия в глобальном мире. 2021. №19 (42). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/korruptsiya-ponyatie-i-vidy (дата обращения: 24.12.2025). стр 27-28

странах коррупция намного быстрее распространяется, затрагивая как небольшие транзакции, так и более крупные схемы кражи государственных средств, что значительно подрывает экономический и социальный прогресс.

Большое количество исследований показывают, что высокий уровень коррупции тесно связан с медленным ростом экономики, институциональной слабостью, неграмотным распределением ресурсов и высоким уровнем бедности.[5]

Одним из первых ученых, который сумел сформировать определение данного феномена был политолог Кей Валдимер. По его мнению, коррупция – это умышленные или негативные действия власти и государственных ресурсов, ориентир которых направлен на возможность использования незаконных средств для личных или партийных интересов. Такие интересы могут быть представлены в виде определенной власти или иных способов управления или контроля в пределах политической организации или поддержки с внешней стороны . [KEY, 1936. стр. 5-6][6]

Коррупция - это практика, которая не воспринимает и не исполняет данные обязательства во благо государственных интересов, и использует свои полномочия в личных интересах. [NYE, 1967, стр. 419][7]

Заффарони объясняет коррупцию так: это незаконная связь между людьми, где один человек, обладающий полномочиями в структуре власти (в том числе и государственной структуре) своими действиями или бездействиями приращивает капитал как для себя, так и для второго лица, что работает вне этой власти. [Заффарони-Эухенио-Рауль][8]

Исторический контекст Гвинеи-Бисау: **колонизация и независимость.**

До 14 века, когда Гвинея-Бисау была обнаружена во время экспедиции под руководством Н. Триштана, Гвинея-Бисау входила в составы ранних государственных образований Ганы и Мали. Обнаружив новый участок земли, Триштан назвал новые открытые земли Гвинеей. С 17 века в стране начали строиться европейские форты, которые в последующем стали крупным центром работорговли.

В 1951 г., несмотря на долгую государственную зависимость страны, при получении статуса заморской провинции Португалии, в самом португальском парламенте ей было выделено всего 1 место. И на тот момент, лишь малая часть ассимилированных гвинейцев могли быть полноправными гражданами метрополии.[9]

В 24 сентября 1973 года Народная ассамблея провозгласила независимость Республики Гвинея-Бисау. Первым Председателем Государственного совета был избран Луиш Кабрал – сводный брат Амилкара Кабрала. Данное событие провозгласили завершением десятилетней кровопролитной войны против господства португальского колониального режима. Однако, лишь в 1974 году 10 сентября Португалия смогла официально признать независимость Гвинеи-Бисау как государства, после «революции гвоздик». Первые страны, установившие дипломатические отношение с Гвинеей-Бисау после провозглашения независимости стали Гвинея, а потом Советский Союз.

По настоящее время, несмотря на обретение независимости, Гвинея-Бисау продолжает сталкиваться с различными проблемами на пути своего развития как государства, причиной тому служит постколониальная особенность страны, и колониальное прошлое в целом.[10]

Один из примеров - политический конфликт в 1998 г. между Ж. Б. Виейрой и начальником генштаба вооружённых сил Гвинеи-Бисау А. Мане. Сенегал и Гвинея, бывшие французские колонии, отправили свои войска в Гвинею-Бисау под лозунгом защиты президента, который был законно избран. На стороне Мане была большая часть армии, также повстанцы-сепаратисты из Казаманс, что была сенегальской провинцией, граничащей с Гвинеей-Бисау. Постоколониальную армию на тот момент в открытую поддержала Нигерия, а скрытно – Великобритания, Португалия США. Из-за вооруженных конфликтов погибло большое количество человек, а каждый пятый гвинеец, к сожалению, стал беженцем. В ноябре 1998 г. подписали соглашение о перемирии. В мае 1999 г. во время военного переворота свергли Виейру; временным исполняющим обязанности президента назначили парламентского спикера М. Б. Санью. В 2000 г., по итогам президентских выборов побеждает К. Ялла - лидер партии социального обновления. Он выступал за достаточно жёсткую политику касательно оппозиции, провёл своего рода «чистки» среди госслужащих и армии, закрыл негосударственные газеты.

С 2000 года в Гвинее-Бисау продолжают происходить различные политические кризисы, бунты и митинги, перевороты, в том числе попытки демократических переходов. В 2009 году 2 марта в результате военного переворота убивают Ж. Б. Виейру, который на тот момент был избранным президентом с 2000 года. С того момента президенты менялись слишком часто, из-за постоянных вспышек общественного недовольства, следующими президентами были: М.Б. Санья, Перейра, К.Г. Жуниор, Ж.М. Ваш, которые то и дело сменяли друг друга в зависимости от одной ситуации к другой, в том числе иза-за смерти или убийств, причиной всего этого институциональная слабость государства, а также не так давно приобретенная независимость.

По итогам парламентских выборов 13 апреля 2014 г. побеждает ПАИГК (57 из 102 мест), президентом тогда стал президент Ж.М. Ваш. После него в 2019 году избрали У.С. Эмбало, который был на посту до конца 2025 года, далее при последних президентских выборах произошел вновь военный переворот, Эмбало сбежал из страны и скрылся в Сенегале, а после в Марокко, дальнейшее его передвижение пока остается неизвестным.[11]

---

[5] *Rose-Ackerman, S. (1999). Коррупция и управление: причины, последствия и реформы. Кембридж: Издательство Кембриджского университета. https://archive.org/details/corruptiongovern0000rose*

[6] Key, Valdimer O., Jr. The University of Chicago ProQuest Dissertations & Theses, стр. 5-6).
https://www.proquest.com/openview/3dd9603ac96e88c1358daee134966f0f/1?pq-origsite=gscholar&cbl=18750&diss=y

[7] Най Дж. С. Коррупция и политическое развитие: анализ затрат и выгод. American Political Science Review. 1967;61(2):417-427. стр. 419
https://www.cambridge.org/core/journals/american-political-science-review/article/abs/corruption-and-political-development-a-costbenefit-analysis/D5E8F481DE22E6F77FCCB924D502BB9F

[8] Заффарони-Эухенио-Рауль «Уголовное право» 14 марта 2023 г. Стр 18-19 https://archive.org/details/zaffaroni-eugenio-raul-derecho-penal-par

[9] Виноградова Н. В., Коврижкина М. С., Чернова М. А., Копа-Овдиенко Н. В., Попов В. А., Прокопенко Л. Я., Андрианов П. И., Ряузова Е. А., Алпатова А. С., Гришина Н. В. https://bigenc.ru/c/gvineia-bisau-aeaf68

[10] **Олег Анфайлов, Рождение свободы: Как Советский Союз помогал Гвинее-Бисау бороться за независимость, 10.09.2024, https://afrinz.ru/2024/09/rozhdenie-cvobody-kak-sovetskij-soyuz-pomogal-gvinee-bisau-borotsya-za-nezavisimost/**

[11] Виноградова Н. В., Коврижкина М. С., Чернова М. А., Копа-Овдиенко Н. В., Попов В. А., Прокопенко Л. Я., Андрианов П. И., Ряузова Е. А., Алпатова А. С., Гришина Н. В. -

С президентских выборов 2019 года коррупция в стране усилилась, интересами которой являлись наркоторговля, финансовые махинации, неконтролируемое распределение природных ресурсов и их незаконная торговля. Данная ситуация еще больше ослабила государственные институты, тем самым препятствуя проведению новых реформ, что приводит к циклу нестабильности для государства на пути своего развития.[12]

Вовлеченность коррупции и скрытых интересов в Гвинее-Бисау.

Дальнейшие расследования определили, что коррупция в Гвинее-Бисау стала глобальным феноменом по всей стране, вовлекающим многие субъекты: гражданских, политиков, а также внешние контакты, которые отслеживали незаконные маршруты торговли наркотиками и природными ресурсами. Если обращаться к отчётам ООН, Гвинея-Бисау стала одним из основных транзитных маршрутов для наркоторговли, что усилило степень роста нелегальной экономики, которая взаимосвязана с государственными структурами власти. Управленческий кризис в то время в значительной мере усиливался из-за отмывания и хищения государственных денежных средств, различных манипуляций с прочими государственными ресурсами, которые должны были предназначаться на развитие и благо государства.[13]

Кризис в стране приостановил поток международной помощи, страна обособилась, из-за чего крупная часть государственного сектора стала контролироваться коррумпированными связями, так как была дезорганизована, в связи с чем цикл незаконной безнаказанной деятельности продолжался. Несмотря на то, что правительство обещало народу стабильность и развитие, реальность, к сожалению, оказалась совсем другой: разрослась нищета, а незаконная торговля природными ресурсами и наркотиками продолжала расцветать. Была выявлена четкая взаимосвязь между политической институциональной нестабильностью и коррупцией, которая также сопровождалась прочей преступной деятельностью. Данная взаимосвязь значительно замедляет рост эффективности государственной политики.

Коррупции в Гвинее-Бисау: причины и последствия.

В современном обществе, где Гвинея-Бисау старается двигаться в сторону построения и укрепления правового государства, проблема коррумпированных госслужащих является:

- В первую очередь - основным предметом глобальных споров среди разных слоев населения;
- во-вторых, общество ее воспринимает как препятствие для надежной связи между населением и государственным правительством, которое может помочь стране выйти на путь развития и благополучия.

Также стоит учесть, что большой акцент среди населения делается на том, что очень важно, чтобы у госслужащих была чистота помыслов и действий, проводимых в рамках правительственной деятельности, а также в судебных учреждениях и полиции.[14]

По моему мнению, факторы, которые способствуют высокому уровню коррупции в Гвинее-Бисау, следующие:

- низкая заработная плата для сотрудников исправительных учреждений и правоохранительных органов - усугубляет положение и становится более восприимчивой и гибкой для незаконных схем и предложений;
- отсутствие или недостаток высококвалифицированных и честных экспертов, отсутствие независимости судебной системы: общество не может полагаться на государственную судебную систему, так как это всегда влечет за собой большие траты на поиск справедливого правосудия;
- отсутствие институтов или законов, которые будут напрямую направлены на борьбу с коррупцией; например, как минимум, отсутствие этических правил, а также недостаток вспомогательных аудиторов для контроля качества государственной деятельности.

Коррупция в республике Гвинея-Бисау распространяется в различных формах, включая незаконное использование и кражу государственных ресурсов, наркоторговлю и участие в различных преступных организациях. Как отмечается в докладе от Международной кризисной группы (2013), обнаруживаются свидетели, которые смогли распознать, что политические и военные структуры, а также местные бизнесмены были участниками нелегальных манипуляций, которые связаны с торговлей наркотиками. Между тем, наркоторговля в Гвинее-Бисау стала практически институционализированной.[15]

К наиболее распространенным преступным механизмам коррупции относятся:

- Фаворитизм и кумовство: распределение государственных должностей среди необходимых политических союзников и родственников, что способствует расширению закрытой элиты.
- Незаконное присвоение или использование государственных средств: применение поддельных манипуляций, которые включают в себя параллельные скрытые счета для отмывания денег или для сокрытия иной незаконной деятельности;
- Контроль и подчинение незаконных маршрутов для международного наркотрафика;

Коррупция как система ослабевает государственные институты, разрушает устойчивость законов и формирует цикл постоянной государственной нестабильности, где преобладает преступная деятельность, насилие и институциональная слабость перед кризисами.

Коррупция развивает преступную вседозволенность, дает возможность преступным группировкам контролировать стратегические важные регионы страны, и препятствует возможности государства в полной мере работать на благо общества и экономическому росту. Помимо этого, прочная связь между преступной деятельность и коррупцией усиливает гуманитарные, социальные и гражданские конфликты, тем самым увеличивая масштаб бедности внутри страны и невозможность получения нужной продовольственной безопасности, что уже может говорить о нарушениях права человека. От преступной деятельности и отсутствия любой защиты в первую очередь всегда страдают самые уязвимые группы населения, которые проживают в менее развитых региона страны.

Коррупция, активно используя государственные ресурсы, предназначенные для его же развития, убивают экономику страны. Как подчеркивает UNDP (2019), ис-

[12] Achim Steiner 2019 https://annualreport.undp.org/2019/

[13]ООН 28.02.2014 https://news.un.org/ru/story/2014/02/1238501

[14]М. Кассама, С. Ю. Чимаров Отдельные аспекты проблемного поля борьбы с коррупцией среди государственных служащих Республики Гвинея-Бисау // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024 стр 48. https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-aspekty-problemnogo-polya-borby-s-korruptsiey-sredi-gosudarstvennyh-sluzhaschih-respubliki-gvineya-bisau

[15] ICG. (2013). Гвинея-Бисау: угроза государственного переворота и нестабильности. Международная кризисная группа. https://archive.org/details/international-crisis-group-annual-report-2013/page/n3/mode/2up

пользование государственных ресурсов в незаконных непредназначенных целях ведете к понижению социального и экономического, тем самым еще больше развивая неравенство и бедность внутри страны. Помимо этого, коррупция снижает способность страны диверсифицировать экономику, что плачевно сказывается на правильном экологичном управлении и долгосрочной устойчивости.[16]

Перспективы борьбы с коррупцией в Гвинее-Бисау.

Для борьбы с коррупцией в Гвинее-Бисау стоит внедрить такой метод, который будет охватывать все слои общества и их взаимосвязь с правительством, а именно:

- Укреплять государственные институты, чтобы они могли самостоятельно бороться с коррупцией, не прибегая к внешней помощи;
- Создавать и укреплять независимые органы управления, такие как судебная система и антикоррупционные агентства;
- Обеспечить автономию и достаточное количество ресурсов, для защиты сотрудников, работающих в государственных органах системах;
- Реформа административной и политической системы: содействие прозрачности и отчетности в государственном управлении;
- Строгое применение необходимых законов против коррупции, кумовства и отмывания денег;
- Совершенствование законодательства: обновление и пересмотрение антикоррупционных законов;
- Распространение информации в открытой и доступной для всех форме;
- Образование и осведомленность населения страны: внедрение и проведение просветительских и образовательных мероприятий по борьбе с коррупцией, активное продвижение антикоррупционной этики в школах;
- Сокращение нищеты, которая часто становится основной целью для коррупционной деятельности, путем обеспечения достаточным количеством рабочих мест;
- Сотрудничество и налаживание прочных связей с международными организациями для улучшения качества борьбы против коррупции;
- Принятие международных конвенций и соглашений, такие как Конвенция ООН против коррупции.

Согласно данным Всемирного банка (2020), необходимые реформы для борьбы с коррупцией в себя включают: • Усиление и улучшение качества независимости судебной системы, повышение квалификации судей, а также активная борьба с безнаказанностью. • Создание различных механизмов и методов независимого подконтрольного аудита с отдельной автономией для тщательного расследования нарушений ресурсов. •Поддержание строгого антикоррупционного законодательства и его безусловное применение. •Поощрение участия гражданского населения в контроле за правительственной деятельностью государства.

Применение в данной практике современных цифровых платформ для повышения качества и прозрачности управления государственными ресурсами услугами также является важной составляющей, которая уже показала хорошие результаты в борьбе с коррупцией в других странах.[17]

Заключение

Коррупция – разрушительный для государства феномен, который затрагивает все важные сферы для развития и функционирования государства. Низкий уровень качества жизни в стране привлекает всевозможные незаконные махинации, которые стремительно ведут страну в упадок и к разрастанию коррупции еще быстрее.

Это цикличный круг, который требует тщательно подготовленной стратегии и терпения.

Борьба с коррупцией это долгий процесс, который требует политической воли, активного участия государственных институтов и общества страны в целом. Очень важно разработать точную и качественную стратегию, которая повлечет за собой ответственность, прозрачность и гражданское участие для изменения ситуации в Гвинее-Бисау. Такая стратегия должна полностью учитывать особенности региона и страны.

Мировой опыт доказывает, что эффективные и долгосрочные изменения возможны только при активной вовлеченности общества, укреплении институтов и эффективном международном сотрудничестве.

Успешная реализация приведенных методов и мер поможет улучшить институт управления, что также скажется на политической, социальной и экономической сфере, а также повысить уровень доверия между населением и правительством государства.

Литература

1. Виноградова Н. В., Коврижкина М. С., Чернова М. А., Копа-Овдиенко Н. В., Попов В. А., Прокопенко Л. Я., Андрианов П. И., Ряузова Е. А., Алпатова А. С., Гришина Н. В. https://bigenc.ru/c/gvineia-bisau-aeaf68
2. Заффарони-Эухенио-Рауль-уголовное право 14 марта 2023 г. Стр 18-19 https://archive.org/details/zaffaroni-eugenio-raul-derecho-penal-par
3. - М. Кассама, С. Ю. Чимаров 2024 стр 48. Отдельные аспекты проблемного поля борьбы с коррупцией среди государственных служащих Республики Гвинея-Бисау // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-aspekty-problemnogo-polya-borby-s-korruptsiey-sredi-gosudarstvennyh-sluzhaschih-respubliki-gvineya-bisau
4. Най Дж. С. Коррупция и политическое развитие: анализ затрат и выгод. American Political Science Review. 1967;61(2):417-427. стр. 419 https://www.cambridge.org/core/journals/american-political-science-review/article/abs/corruption-and-political-development-a-costbenefit-analysis/D5E8F481DE22E6F77FCCB924D502BB9F
5. Олег Анфайлов 10.09.2024, https://afrinz.ru/2024/09/rozhdenie-cvobody-kak-sovetskij-soyuz-pomogal-gvinee-bisau-borotsya-za-nezavisimost/
6. ООН 28.02.2014 https://news.un.org/ru/story/2014/02/1238501
7. Пимкина Дарья Олеговна КОРРУПЦИЯ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ // Россия в глобальном мире. 2021. №19 (42). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/korruptsiya-ponyatie-i-vidy (дата обращения: 24.12.2025). стр 27-28
8. Africa Focus: осень 2020 — Всемирный банк и Африканский банк развития увеличивают финансирование и усиливают борьбу с коррупцией https://www.jdsupra.com/legalnews/africa-focus-autumn-2020-world-bank-and-87099/
9. Achim Steiner 2019 https://annualreport.undp.org/2019/

[16] UNDP. (2019).Доклад о развитии человеческого потенциала Гвинеи-Бисау. Программа развития Организации Объединенных Наций.https://info.undp.org/docs/pdc/Documents/GNB/4978_LDCF_Guinea%20Bissau_PRODOC_April%202019.pdf

[17] Africa Focus: осень 2020 — Всемирный банк и Африканский банк развития увеличивают финансирование и усиливают борьбу с коррупцией https://www.jdsupra.com/legalnews/africa-focus-autumn-2020-world-bank-and-87099/

10. ICG. (2013). Гвинея-Бисау: угроза государственного переворота и нестабильности. Международная кризисная группа. https://archive.org/details/international-crisis-group-annual-report-2013/page/n3/mode/2up
11. Key, Valdimer O., Jr. The University of Chicago ProQuest Dissertations & Theses, стр. 5-6). https://www.proquest.com/openview/3dd9603ac96e88c1358daee134966f0f/1?pq- origsite=gscholar&cbl=18750&diss=y
12. -Rose-Ackerman, S. (1999). Коррупция и управление: причины, последствия и реформы. Кембридж: Издательство Кембриджского университета. https://archive.org/details/corruptiongovern0000rose
13. Transparência Internacional. (2022) https://transparency.org.au/wp-content/uploads/2022/01/CPI2021_Report_EN-web.pdf
14. UNDP. (2019).Доклад о развитии человеческого потенциала Гвинеи-Бисау. Программа развития Организации Объединенных Наций. https://info.undp.org/docs/pdc/Documents/GNB/4978_LDCF_Guinea%20Bissau_PRODOC_April%202019.pdf

The problem of corruption in African countries: the example of Guinea-Bissau

Saliu Dabo
RUDN University

The article is dedicated to the analysis of the corruption phenomenon in Guinea-Bissau, examining its manifestations, historical causes, and consequences for the country's development. Using a qualitative approach, thematic analysis, and study of secondary sources, we aim to understand the roots and impact of the problem to contribute to reflections and proposals for combating corruption. The results reveal the complexity of the political and social context, reinforcing the need for specific measures in management and civil society.

Keywords: corruption, Guinea-Bissau, qualitative analysis, governance, development.

References

1. Vinogradova N. V., Kovrizhkina M. S., Chernova M. A., Kopa-Ovdienko N. V., Popov V. A., Prokopenko L. Ya., Andrianov P. I., Ryauzova E. A., Alpatova A. S., Grishina N. V. https://bigenc.ru/c/gvineia-bisau-aeaf68
2. Zaffaroni-Eugenio-Raul-ugolnoe pravo 14 March 2023 g. pp. 18-19 https://archive.org/details/zaffaroni-eugenio-raul-derecho-penal-par
3. - M. Kassama, S. Yu. Chimarov 2024 p. 48. Certain aspects of the problematic field of the fight against corruption among civil servants of the Republic of Guinea-Bissau // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-aspekty-problemnogo-polya-borby-s-korruptsiey-sredi-gosudarstvennyh-sluzhaschih-respubliki-gvineya-bisau
4. Nye J. S. Corruption and political development: A cost-benefit analysis. American Political Science Review. 1967;61(2):417-427. p. 419 https://www.cambridge.org/core/journals/american-political-science-review/article/abs/corruption-and-political-development-a-costbenefit-analysis/D5E8F481DE22E6F77FCCB924D502BB9F
5. Oleg Anfaylov 09/10/2024, https://afrinz.ru/2024/09/rozhdenie-cvobody-kak-sovetskij-soyuz-pomogal-gvinee-bisau-borotsya-za-nezavisimost/
6. UN 02/28/2014 https://news.un.org/ru/story/2014/02/1238501
7. Pimkina Daria Olegovna CORRUPTION: CONCEPT AND TYPES // Russia in the Global World. 2021. No. 19 (42). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/korruptsiya-ponyatie-i-vidy (date of access: 24.12.2025). pp. 27-28
8. Africa Focus: Autumn 2020 — The World Bank and the African Development Bank Increase Funding and Strengthen the Fight against Corruption https://www.jdsupra.com/legalnews/africa-focus-autumn-2020-world-bank-and-87099/
9. Achim Steiner 2019 https://annualreport.undp.org/2019/
10. ICG. (2013). Guinea-Bissau: Threat of Coup and Instability. International Crisis Group. https://archive.org/details/international-crisis-group-annual-report-2013/page/n3/mode/2up
11. Key, Valdimer O., Jr. The University of Chicago ProQuest Dissertations & Theses, pp. 5-6). https://www.proquest.com/openview/3dd9603ac96e88c1358daee134966f0f/1?pq-origsite=gscholar&cbl=18750&diss=y
12. -Rose-Ackerman, S. (1999). Corruption and Governance: Causes, Consequences, and Reforms. Cambridge: Cambridge University Press. https://archive.org/details/corruptiongovern0000rose
13. Transparência Internacional. (2022) https://transparency.org.au/wp-content/uploads/2022/01/CPI2021_Report_EN-web.pdf
14. UNDP. (2019). Guinea-Bissau Human Development Report. United Nations Development Programme. https://info.undp.org/docs/pdc/Documents/GNB/4978_LDCF_Guinea%20Bissau_PRODOC_April%202019.pdf

Искусственный интеллект в избирательном процессе России и зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ

Гогурчунов Багавутдин Изавович
кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Юридического института Дагестанского государственного университета, kafedraconst@mail.ru

Амирасулов Магомед Ашаханович
магистрант кафедры конституционного и муниципального права Юридического института Дагестанского государственного университета, mararezerv@mail.ru

Статья посвящена сравнению роли и степени применения искусственного интеллекта (ИИ) в избирательном процессе Российской Федерации и ряда зарубежных стран. Автором проведен анализ текущего состояния регулирования использования искусственного интеллекта в политических кампаниях, агитации и голосовании. Приведен обзор зарубежного опыта применения искусственного интеллекта в избирательных кампаниях, оцениваются преимущества и риски широкого использования искусственного интеллекта в политической жизни общества.
Ключевые слова: избирательный процесс, выборы, искусственный интеллект, цифровизация, дистанционное электронное голосование, агитационные материалы, предвыборная кампания.

Модернизация организационно-правовой основы проведения выборов была отмечена Президентом Российской Федерации в Послании Федеральному Собранию как приоритетная задача. Информатизация охватила на сегодняшний день все сферы общества, и избирательный процесс в том числе. Российская Федерация постепенно осваивает потенциал цифровых технологий в избирательной сфере. Одной из важных инноваций стало использование биометрической идентификации избирателей, основанной на распознавании лиц и отпечатков пальцев. Эти системы позволяют минимизировать риски ошибок при идентификации, обеспечивая точность учета участников голосования. Однако внедрение новых технологий вызывает дискуссии среди общественности относительно вопросов конфиденциальности и защиты персональных данных.

Применение искусственного интеллекта в избирательном процессе подразумевает использование интеллектуальных компьютерных систем и алгоритмов для выполнения широкого спектра задач, связанных с организацией, проведением и обеспечением прозрачности выборов. Цель такого применения - повышение эффективности, снижение затрат и обеспечение большей доступности и удобства для избирателей [1, с. 78].

Цифровизация политической системы Российской Федерации началась относительно недавно. Опыт дистанционного электронного голосования (ДЭГ) в России накапливался постепенно, начиная с первых экспериментов в отдельных регионах. Первый крупный опыт был получен в 2020 году, когда электронное голосование использовалось на выборах в Москве и Нижегородской области. В последующие годы практика ДЭГ продолжала развиваться, расширяя географию и масштаб применения. Одним из ключевых достижений стало внедрение специальной системы дистанционного голосования, которая обеспечила высокую степень прозрачности и контролируемости выборов. Например, граждане могли голосовать через интернет, не выходя из дома, что оказалось особенно актуально в условиях пандемии COVID-19. Однако дистанционное голосование столкнулось с рядом вызовов и проблем: опасения по поводу кибербезопасности, сохранности персональных данных и риска фальсификации результатов заставляли задуматься о надежности и безопасности системы. Наблюдались сложности с подключением к системе и обучением избирателей правилам электронного голосования.

Кроме того, цифровизация коснулась и других аспектов избирательного процесса. Например, появились удобные онлайн-сервисы для регистрации избирателей, информирования о ходе выборов и контроля за их результатами. Использование цифровых технологий позволило повысить открытость и прозрачность выборов, сократив риск манипуляций и фальсификаций [2, с. 54].

В августе **2024 года** в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект – межфракционная инициатива, направленная на регулирование использования технологий искусственного интеллекта в ходе предвыборных кампаний [3]. Данный документ предполагает введение понятий, связанных с созданием агитационных материалов с использованием искусственного интеллекта, и определённые требования к оформлению таких материалов. Основной целью проекта является снижение риска злоупотреблений и недопущение искажения

действительности, создаваемой с помощью генерируемых ИИ изображений и видеороликов. Ключевые моменты нового законопроекта касаются трёх важнейших аспектов:

1. Законопроект устанавливает четкую дефиницию понятия «искусственный интеллект» применительно к предвыборной агитации, а также смежных терминов, необходимых для толкования и реализации положений закона.

2. Регламентация процесса производства и распространения агитационных материалов, выполненных с использованием технологий искусственного интеллекта. Предлагается введение обязательной отметки о том, что материал создан с помощью искусственного интеллекта.

3. Создание системы контроля и наделение Центральной избирательной комиссии надзорными функциями, позволяющими своевременно выявлять и пресекать случаи некорректного использования ИИ в агитационном процессе.

Распространение цифровых технологий и искусственного интеллекта получило свое развитие и на международном уровне. В марте 2024 года Европейский Союз принял Закон об искусственном интеллекте (EU AI Act), устанавливающий общие требования и гарантии в отношении систем ИИ, включая те, что используются в избирательных процессах, которые отнесены к категории высокого риска [4]. Микротаргетирование электората и создание агитационных материалов с использованием генеративных моделей активно применяются в Индии, где алгоритмы обрабатывают информацию из социальных сетей, данные о потреблении и демографии для создания психографических профилей избирателей [5, с. 195].

В 2022 году на филиппинских выборах исследователи создали уникальную модель на основе искусственного интеллекта, способную прогнозировать итоги голосования, опираясь на социологические опросы и сопутствующие факторы. Прогнозы модели впоследствии подтвердились на практике. Подобные технологии предоставляют политическим штабам возможность корректировать предвыборные стратегии и отслеживать ключевые тенденции в обществе [6, с. 612].

В американском избирательном процессе искусственный интеллект начал играть значительную роль, изменяя традиционные подходы к предвыборной кампании и анализу предпочтений избирателей. Используя технологии машинного обучения, политические команды могут с высокой точностью сегментировать аудиторию и подбирать персонализированные сообщения. После выборов 2020 года, а также в преддверии голосования 2024 года, отдельные штаты ввели новые законодательные инициативы, охватывающие применение технологий искусственного интеллекта в предвыборных кампаниях, в частности, требование маркировки дипфейков [7].

Несмотря на очевидные выгоды, технологии ИИ вызывают тревогу в связи с этическими вопросами и риском распространения дезинформации. 31 декабря 2023 года на платформе X распространился дипфейк, созданный с применением технологий искусственного интеллекта, в котором лидер французского движения «Национальное объединение» Марин Ле Пен демонстрировала искаженный голос, говоривший на русском языке. 15 января 2024 года появился дипфейк с участием Франса Тиммерманса, члена голландской партии зеленых. 26 апреля 2024 года датский премьер-министр Метте Фредериксен также стала объектом фальшивого видеоролика [8]. Данные инциденты подтверждают актуальность проблемы международного уровня.

В современных реалиях международные организации продолжают работу по созданию условий регулирования использования технологий искусственного интеллекта, в том числе при проведении выборов. Среди рисков, которые исходят от искусственного интеллекта в электоральном процессе, чаще всего отмечают производство дезинформации, дипфейков, таргетированной политической рекламы, создание поддельных видео и аудиозаписей.

Использование искусственного интеллекта в избирательном процессе в России сталкивается с рядом проблем и вызовов, среди которых:

- **Отсутствие комплексной нормативной базы.** В Российской Федерации пока не существует завершенной законодательной базы, регулирующей применение ИИ в избирательном процессе. Хотя сам по себе искусственный интеллект активно внедряется в государственное управление, избирательное законодательство содержит лишь косвенные нормы. Прямого определения ИИ ни в Конституции РФ, ни в Федеральном законе № 67-ФЗ не предусмотрено. Вопрос остается дискуссионным, а внесенный законопроект пока не принят.
- **Риски утечки данных.** ИИ-технологии требуют обработки больших объемов данных, что создает риски нарушения конфиденциальности и злоупотреблений.
- **Проблема "черного ящика".** Алгоритмы ИИ часто непрозрачны и трудно контролируемы, что может порождать сомнения в объективности и справедливости выборов в случае технических сбоев.

В то же время возможности ИИ могут быть востребованы в работе избирательных комиссий для создания чатботов, готовых отвечать на поступающие вопросы в режиме 24/7, анализа регистрации избирателей, выявления ошибок в регистрационных данных, применения биометрической верификации, распределения ресурсов и анализа результатов выборов при использовании методов статистического моделирования [9, с. 192].

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что Россия и зарубежные страны сталкиваются с аналогичными вызовами при внедрении искусственного интеллекта в избирательный процесс. Ключевыми аспектами являются обеспечение прозрачности выборов, защита персональных данных и предотвращение манипуляций. Российская Федерация находится на пути формирования специализированного регулирования: внесенный в 2024 году законопроект о маркировке ИИ-контента в агитации является важным первым шагом. Дальнейшее развитие технологий требует учета зарубежного опыта, в частности, риск-ориентированного подхода ЕС, для обеспечения баланса между инновациями и защитой прав граждан.

Литература

1. Фролова, Т.Ю. Реализация избирательных прав с использованием искусственного интеллекта в РФ / Т.Ю. Фролова // Наука. Образование. Современность. – 2023. – №2. – С. 77-80.

2. Дудченко, О.С. Цифровизация в избирательном праве: зарубежный опыт / О.С. Дудченко // Экономика и право в новых реалиях: вызовы современности. – 2024. – №1. – С. 52-65.

3. Законопроект № 682706-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части регулирования использования искусственного интеллекта в предвыборной агитации) // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/682706-8 (дата обращения: 19.02.2026).

4. European Union. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. – 2024. – L 1689. – [Европейский Союз. Регламент

(ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 года, устанавливающий гармонизированные правила в области искусственного интеллекта (Закон об искусственном интеллекте) // Официальный журнал Европейского Союза. – 2024. – L 1689].

5. Кудряшова, Е.В. Применение технологий искусственного интеллекта в политической сфере стран Азии: возможности, риски и геополитический контекст / Е.В. Кудряшова // Вопросы элитологии. – 2025. – №6. – С. 190-207.

6. Баранов, Н.А. Искусственный интеллект в избирательном процессе: возможности и новации / Н.А. Баранов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2025. – №3. – С. 606-621.

7. National Conference of State Legislatures (NCSL). Artificial Intelligence and Elections: State Legislation Overview // NCSL Official Website. – 2025. – URL: https://www.ncsl.org/elections-and-campaigns/artificial-intelligence-and-elections (дата обращения: 19.02.2026). – [Национальная конференция законодателей штатов (NCSL). Искусственный интеллект и выборы: обзор законодательства штатов // Официальный сайт NCSL. – 2025. – URL: https://www.ncsl.org/elections-and-campaigns/artificial-intelligence-and-elections (дата обращения: 19.02.2026)].

8. Reporters Without Borders (RSF). Deepfakes: A New Frontier for Electoral Interference // RSF Reports. – Paris, 2024. – 32 p. – [Репортеры без границ (RSF). Дипфейки: новый рубеж вмешательства в выборы // Доклады RSF. – Париж, 2024. – 32 с.].

9. Ивашкевич, Е.Ф. Современные тенденции развития избирательного законодательства и модификации избирательных технологий (на примере скандинавских стран) / Е.Ф. Ивашкевич // Право. Экономика. Психология. – 2024. – №2(34). – С. 3-8.

Artificial intelligence in the electoral process of russia and foreign countries: comparative legal analysis

Gogurchunov B.I., Amirasulov M.A.
Dagestan State University

The article is devoted to comparing the role and degree of application of artificial intelligence (AI) in the electoral process of the Russian Federation and a number of foreign countries. The author analyzes the current state of regulation of the use of artificial intelligence in political campaigns, campaigning and voting. An overview of foreign experience in the use of artificial intelligence in election campaigns is given, and the advantages and risks of widespread use of artificial intelligence in the political life of society are assessed.

Keywords: electoral process, elections, artificial intelligence, digitalization, remote electronic voting, campaign materials, election campaign.

References

1. Frolova, T. Yu. Implementation of Electoral Rights Using Artificial Intelligence in the Russian Federation / T. Yu. Frolova // Science. Education. Modernity. - 2023. - No. 2. - P. 77-80.
2. Dudchenko, O. S. Digitalization in Electoral Law: Foreign Experience / O. S. Dudchenko // Economy and Law in the New Realities: Challenges of Our Time. - 2024. - No. 1. - P. 52-65.
3. Bill No. 682706-8 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (regarding the regulation of the use of artificial intelligence in election campaigning) // System for supporting legislative activity of the State Automated System "Lawmaking". – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/682706-8 (date accessed: 19.02.2026).
4. European Union. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonized rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. – 2024. – L 1689. – [European Union. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonized rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. – 2024. – L 1689].
5. Kudryashova, E.V. Application of Artificial Intelligence Technologies in the Political Sphere of Asian Countries: Opportunities, Risks, and Geopolitical Context / E.V. Kudryashova // Voprosy elitologii. – 2025. – No. 6. – Pp. 190-207.
6. Baranov, N.A. Artificial Intelligence in the Electoral Process: Opportunities and Innovations / N.A. Baranov // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. – 2025. – No. 3. – Pp. 606-621.
7. National Conference of State Legislatures (NCSL). Artificial Intelligence and Elections: State Legislation Overview // NCSL Official Website. – 2025. – URL: https://www.ncsl.org/elections-and-campaigns/artificial-intelligence-and-elections (accessed: 19.02.2026). – [National Conference of State Legislators (NCSL). Artificial Intelligence and Elections: A Review of State Legislation // Official Website of NCSL. – 2025. – URL: https://www.ncsl.org/elections-and-campaigns/artificial-intelligence-and-elections (date of access: 19.02.2026)].
8. Reporters Without Borders (RSF). Deepfakes: A New Frontier for Electoral Interference // RSF Reports. – Paris, 2024. – 32 p. – [Reporters Without Borders (RSF). Deepfakes: A New Frontier for Electoral Interference // RSF Reports. – Paris, 2024. – 32 p.].
9. Ivashkevich, E.F. Modern Trends in the Development of Electoral Legislation and Modifications of Electoral Technologies (using the Example of Scandinavian Countries) / E.F. Ivashkevich // Law. Economy. Psychology. – 2024. – No. 2(34). – P. 3-8.

Конституционно-правовой статус Центрального банка Российской Федерации как субъекта государственного финансового контроля

Тельян Мишель Алиевна
аспирант ОЧУВО «Международный инновационный университет», mishel.c.s@mail.ru

Статья посвящена комплексному анализу конституционно-правового статуса Центрального банка Российской Федерации (ЦБ РФ) в системе государственного финансового контроля. На основе системного изучения норм Конституции РФ, Бюджетного кодекса, Федерального закона ЦБ РФ и законодательства о контрольной деятельности выявляется уникальная двойственная позиция ЦБ РФ как органа, независимого в своей основной деятельности, но интегрированного в публичную финансовую систему через контрольные и надзорные функции. Исследуется соотношение его статуса с полномочиями Счетной палаты РФ и других контрольных органов. Автор аргументирует, что конституционная модель, закрепляя особый статус ЦБ РФ, не исключает, а предполагает интегрирование ЦБ РФ в специализированную ветвь в системе государственного финансового контроля.
Ключевые слова: ЦБ РФ, конституционно-правовой статус, независимость, банковский надзор, Счетная палата РФ, публичные финансы, государственный (муниципальный) контроль, субъекты и объекты контроля, категории

Эффективное функционирование финансовой системы государства является одной из фундаментальных задач публичной власти. Государственный (муниципальный) финансовый контроль, как инструмент обеспечения законности, целевого и эффективного использования средств, реализуется комплексом органов, обладающих различными полномочиями и статусом. Центральный банк Российской Федерации (ЦБ РФ), наделенный конституционным статусом, занимает особое место в этой системе. Его роль не ограничивается традиционными денежно-кредитными функциями, но активно включает контрольные и надзорные механизмы в финансовой сфере.

Вопрос о статусе ЦБ РФ — это фундаментальная проблема конституционного строя и экономической политики, а не узкая административная задача. Многие авторитетные исследователи (например, С.А. Авакьян, Г.А. Гаджиев, М.В. Баглай) и практики в области финансового и конституционного права подчеркивают этот аспект в научных и практических дискуссиях.

Конституционно-правовая основа вопроса связана с толкованием статьи 10 (принцип разделения властей) и статьи 75 Конституции Российской Федерации. Часть 2 статьи 75 закрепляет принцип независимости ЦБ РФ, являющийся ключевым элементом современной системы публичных финансов и защиты национальной валюты [1].

В настоящей работе автор на основе действующего нормативного массива проводит анализ конституционно-правового статуса ЦБ РФ и определяет его место и специфику как субъекта государственного финансового контроля, а также анализирует взаимодействие его контрольных полномочий с функциями других органов финансового контроля, таких как Счетная палата РФ.

В фундаментальном учебнике «Конституционное право зарубежных стран» и других работах, где рассматривается и российская модель, М.В. Баглай подчеркивает принципиальную новизну и особое место ЦБ РФ в системе государственных органов [2, Ст. 211-213.]. Ученый рассматривает независимость центрального банка как международный стандарт и ключевой элемент современной демократии, направленный на защиту денежной системы от политической конъюнктуры. ЦБ РФ в этой логике — это государственный орган особого рода, функционально выведенный за рамки традиционной триады (законодательная, исполнительная, судебная) для выполнения специфической задачи обеспечения финансовой стабильности.

Суммируя позицию крупнейшего специалиста по конституционному праву России, С.А. Авакьяна, можно отметить, что он предоставляет детальную и строго догматическую правовую квалификацию статуса ЦБ РФ [3, Ст. 412.]. Согласно его анализу, Банк России формирует особую, самостоятельную власть — денежно-кредитную, или представляет собой орган государственной власти со специальным, уникальным статусом.

Г.А. Гаджиев, судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, рассматривает статус ЦБ РФ через призму концепции экономической конституции и баланса конституционных ценностей. Его анализ выходит за рамки сугубо организационных вопросов, поднимая их до уровня защиты фундаментальных благ. Суть его позиции заключается в том,

что нормы Конституции РФ, в частности статья 75, закрепляют не просто юридический статус финансового органа, а высочайшую конституционную ценность — стабильность национальной валюты [4, Ст. 67-68.].. В этой системе Центральный банк выступает не обычным государственным учреждением, а институциональным гарантом (хранителем) данной ценности. Следовательно, предоставленная ему независимость трактуется не как привилегия или обособленность от государства, а как необходимый функциональный способ, инструмент для надежного выполнения этой гарантийной миссии. Это институционально-правовое условие, обеспечивающее эффективность его деятельности.

Статья 75 Конституции РФ закрепляет исключительное право ЦБ РФ на денежную эмиссию, основную функцию защиты устойчивости рубля и принцип независимости от других органов государственной власти. Эта независимость, детализированная в Федеральном законе № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (Глава I.), обеспечивает необходимую автономию для объективного и неполитизированного осуществления контрольных функций [5].

Как специализированный субъект государственного финансового контроля, ЦБ РФ реализует широкий спектр надзорных полномочий в финансовом секторе. В соответствии со статьями 56 и 57 ФЗ № 86-ФЗ, он осуществляет банковский надзор и регулирование, контролируя соблюдение кредитными организациями законодательства, их финансовую устойчивость, достаточность капитала, управление рисками и отчетность. Проводимая им контрольная деятельность также распространяется на микрофинансовые организации и страховые компании, а также на соблюдение законодательства о национальной платежной системе (статья 34 ФЗ № 86-ФЗ).

В своей работе ЦБ РФ применяет риск-ориентированный подход, что соответствует современным стандартам контрольно-надзорной деятельности [6]. Специфика полномочий заключается в объектной специализации (контроль частных финансовых организаций), профессиональном характере, основанном на анализе финансовых показателей и моделей рисков, а также в непрерывности и превентивной направленности надзора.

Контрольные функции ЦБ РФ четко дифференцируются от полномочий Счетной палаты Российской Федерации, высшего органа внешнего государственного финансового контроля (ФЗ № 41-ФЗ) [7].

Счетная палата осуществляет аудит эффективности использования федеральных бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов, ее объект — государственные органы и учреждения. ЦБ РФ при этом контролирует частные финансовые организации. Разделение объектов контроля минимизирует прямое пересечение полномочий. Однако точки взаимодействия существуют: Счетная палата РФ, проверяя казначейское исполнение бюджета, может взаимодействовать с ЦБ РФ для получения экспертной информации о банковской системе. Кроме того, согласно статье 14 ФЗ № 41-ФЗ, Счетная палата РФ имеет право проводить проверки финансово-хозяйственной деятельности ЦБ РФ в части использования им собственных средств и имущества, не затрагивая его независимость в вопросах денежно-кредитной политики.

В области бюджетного контроля ЦБ РФ важную роль, обеспечивая стабильность платежной системы и банковского сектора, создавая технические и системные условия для эффективного осуществления бюджетного контроля Федеральным казначейством РФ и Счетной палатой РФ в рамках казначейского исполнения бюджета, регламентированного Бюджетным кодексом РФ [8].

Правовые формы взаимодействия ЦБ РФ с системой государственного финансового контроля включают представление информации и отчетов Государственной Думе и Президенту РФ (статья 5 ФЗ № 86-ФЗ), экспертное участие в проверках Счетной палаты РФ, касающихся финансового сектора, и координацию с другими регуляторами для защиты публичных и частных финансовых интересов.

Таким образом, ЦБ РФ представляет собой косвенный, но одновременно важный субъект особой, рыночно ориентированной ветви государственного финансового контроля. Его роль заключается не в классическом аудите бюджетных средств, а в осуществлении специализированного, непрерывного надзора за финансовым сектором.

Цель этой деятельности — обеспечение законности, устойчивости и надежности функционирования кредитных, микрофинансовых, страховых организаций и платежных систем, что в конечном итоге защищает интересы граждан и государства. Конституционная независимость ЦБ РФ является гарантом объективности его контрольной деятельности. При взаимодействии с универсальными органами финансового контроля, такими как Счетная палата РФ и Федеральное казначейство РФ, осуществляется в установленных законом границах, формируя единую, многоуровневую систему обеспечения финансовой законности и стабильности в Российской Федерации.

Нынешний статус ЦБ РФ, предполагающий его подотчётность Государственной Думе РФ при независимости от Правительства, создаёт особый баланс в системе сдержек и противовесов. Данный баланс позволяет частично вывести денежно-кредитную политику из-под прямого контроля текущего политического большинства в исполнительной власти.

Экономико-политическое измерение проблемы касается суверенитета в денежно-кредитной сфере. Исторический опыт, включая период СССР и практику многих развивающихся стран, демонстрирует, что подчинение центрального банка правительству часто приводит к его использованию для монетизации бюджетного дефицита [9, Ст. 47-48]. Это является прямой причиной высокой инфляции и обесценения сбережений граждан. Независимый статус ЦБ РФ служит институциональным барьером против подобных действий. Правительство, ориентированное на краткосрочные политические циклы, может быть склонно к популистским решениям, противоречащим долгосрочной стабильности. Независимый ЦБ РФ призван обеспечивать макроэкономическую стабильность как публичное благо долгосрочного характера. Кроме того, независимость ЦБ РФ является ключевым индикатором для международных инвесторов и рейтинговых агентств. Изменение его статуса могло бы быть воспринято как отход от стандартов финансовой ответственности, что негативно сказалось бы на стоимости заимствований государства и притоке капитала.

Сравнительно-правовой анализ мирового опыта указывает на устойчивую тенденцию последних десятилетий к укреплению операционной и институциональной независимости центральных банков (Европейский центральный банк, Федеральная резервная система США, Банк Англии и другие). Этот тренд базируется на эмпирических исследованиях, подтверждающих связь между независимостью центрального банка и низким уровнем инфляции [10]. Идея включения Банка России в систему федеральных органов исполнительной власти противоречит данной глобальной тенденции, однако не означает, что в дальнейшем вопрос не будет повторно рассмотрен.

Правоприменительные и системные риски потенциального изменения статуса включают в себя возможность конфликта юрисдикций и нормотворчества. Если ЦБ РФ станет органом исполнительной власти, его нормативные

акты (указания, положения) приобретут статус подзаконных актов правительственного уровня, что создало бы коллизии в иерархии источников права. Это также могло подорвать существующие механизмы судебного контроля, поскольку споры с ЦБ РФ сегодня рассматриваются в контексте его особой правосубъектности. Смена статуса предполагает также изменения основания и практику судебного обжалования его решений. Кроме того, надзор за коммерческими банками, осуществляемый органом, входящим в состав правительства, может стать более подверженным политическому лоббизму и необъективному отношению к проблемам системообразующих или близких к власти финансовых структур.

По состоянию действующего законодательства на 2026 год такая реформа представляется маловероятной и противоречащей действующей конституционной модели. Однако аргументы «за» могли бы исходить из определенного политико-экономического контекста.

Дискуссия о включении ЦБ РФ в систему федеральных органов исполнительной власти является стратегическим выбором модели конституционного и экономического развития России, а не техническим вопросом реорганизации. Она затрагивает глубинные принципы Конституции Российской Федерации (реализацию статьи 75, границы разделения властей), основы экономического суверенитета и финансовой стабильности, а также место России в глобальной финансовой системе и её соответствие международным стандартам надлежащего управления. Поэтому любое рассмотрение возможности изменения статуса ЦБ РФ требует широкой публичной конституционно-экономической дискуссии, возможно, с последующим решением на уровне конституционного законодательства или даже пересмотра базовых конституционных положений, что подтверждает исключительную фундаментальность данного вопроса.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.
2. Баглай, М. В. Конституционное право зарубежных стран : учебник / под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2025. — 864 с.
3. Авакьян, С.А. Конституционное право России. Учебное пособие в двух томах; издание седьмое, перераб. и доп.).- М.: Норма: ИНФРА-М, 2021, 864 с.
4. Гаджиев, Н. Г. Экономическая безопасность России на современном этапе социально-экономического развития общества : монография / Н. Г. Гаджиев, С. А. Коноваленко, О. В. Киселева [и др.]; редактор Н. Г. Гаджиев; рецензент: В. В. Курченков, Л. И. Хоружий. — Москва : Инфра-М, 2023. — 233 с.
5. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2025) // Парламентская газета, № 131-132, 13.07.2002. [Электронный ресурс] https://www.consultant.ru (дата обращения: 01.04.2026).
6. Внедрение риск-ориентированного подхода // Официальный сайт ЦБ РФ, 2026г. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.cbr.ru/insurance/solvency_II/ (дата обращения: 06.03.2026).
7. Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О Счетной палате Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 08.04.2013.
8. Добрынин, Н. М. Конституционное (государственное) право Российской Федерации. Современная версия новейшей истории государства : учебное пособие / Н. М. Добрынин. — 5-е изд. — Тюмень : ТюмГУ, 2017. — 807 с.
9. По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 4 / Центр. банк РФ; Сост. и науч. ред. д.э.н. Ю.И. Кашин. — М., 2007. — 120 с.
10. Трунин, П.В., Князев, Д.А., Сатдаров, А.М. Анализ независимости центральных банков РФ, стран СНГ и Восточной Европы // Научные труды Фонда «Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара». 2010. №133. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-nezavisimosti-tsentralnyh-bankov-rf-stran-sng-i-vostochnoy-evropy (дата обращения: 03.04.2026).

Constitutional and legal status of the Central Bank of the Russian Federation as a subject of state financial control

Telyan M.A.

International Innovation University

The article is devoted to a comprehensive analysis of the constitutional and legal status of the Central Bank of the Russian Federation (CBR) in the system of state financial control. Based on a systematic study of the norms of the Constitution of the Russian Federation, the Budget Code, the Federal Law of the Central Bank of the Russian Federation and the legislation on control activities, the unique dual position of the Central Bank of the Russian Federation as an independent body in its core activities, but integrated into the public financial system through control and supervisory functions, is revealed. The correlation of its status with the powers of the Accounts Chamber of the Russian Federation and other control bodies is being investigated. The author argues that the constitutional model, while consolidating the special status of the Central Bank of the Russian Federation, does not exclude, but assumes the integration of the Central Bank of the Russian Federation into a specialized branch in the system of state financial control.

Keywords**:** Central Bank of the Russian Federation, constitutional and legal status, independence, banking supervision, Accounting Chamber of the Russian Federation, public finance, state (municipal) control, subjects and objects of control, categories

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet Portal of Legal Information http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.
2. Baglai, M. V. Constitutional Law of Foreign Countries: textbook / edited by M. V. Baglai, Yu. I. Leibo, L. M. Entin. — 5th ed., revised and enlarged. — Moscow: Norma: INFRA-M, 2025. — 864 p.
3. Avakyan, S. A. Constitutional Law of Russia. Textbook in two volumes; seventh edition, revised. and add.). - M.: Norma: INFRA-M, 2021, 864 p.
4. Gadzhiev, N. G. Economic security of Russia at the current stage of socio-economic development of society: monograph / N. G. Gadzhiev, S. A. Konovalenko, O. V. Kiseleva [et al.]; editor N. G. Gadzhiev; reviewer: V. V. Kurchenkov, L. I. Khoruzhy. - Moscow: Infra-M, 2023. - 233 p.
5. Federal Law of 10.07.2002 No. 86-FZ (as amended on 31.07.2025) "On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)" (as amended and supplemented, effective from 01.10.2025) // Parliamentary Newspaper, No. 131-132, 13.07.2002. [Electronic resource] https://www.consultant.ru (accessed: 01.04.2026).
6. Implementation of a Risk-Based Approach // Official website of the Central Bank of the Russian Federation, 2026. [Electronic resource] Access mode: https://www.cbr.ru/insurance/solvency_II/ (accessed: 06.03.2026).
7. Federal Law of 05.04.2013 No. 41-FZ (as amended on 10.07.2023) "On the Accounts Chamber of the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information http://www.pravo.gov.ru, 08.04.2013.
8. Dobrynin, N. M. Constitutional (State) Law of the Russian Federation. A Modern Version of the Contemporary History of the State: A Textbook / N. M. Dobrynin. - 5th ed. - Tyumen: Tyumen State University, 2017. - 807 p.
9. Based on the Archival Collections of the Central Bank of the Russian Federation. Issue 4 / Central Bank of the Russian Federation; Comp. and Scientific Editor: Doctor of Economics Yu. I. Kashin. - Moscow, 2007. - 120 p.
10. Trunin, P.V., Knyazev, D.A., Satdarov, A.M. Analysis of the independence of central banks of the Russian Federation, the CIS countries and Eastern Europe // Scientific works of the Foundation "E.T. Gaidar Institute for Economic Policy". 2010. No. 133. [Electronic resource] Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-nezavisimosti-tsentralnyh-bankov-rf-stran-sng-i-vostochnoy-evropy (date of access: 03.04.2026).

Конституционная модель президентской власти в Российской Федерации

Хабаров Виктор Сергеевич
аспирант Волгоградского государственного университета

В статье исследуется конституционно-правовой статус Президента Российской Федерации как главы государства и ключевого элемента механизма согласованного функционирования публичной власти. Целью является выявление системных характеристик президентских полномочий и их пределов в модели разделения властей и федерализма. Использованы формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы, а также анализ правовых позиций Конституционного Суда РФ. Показано, что особое конституционное положение Президента обусловливает его участие во всех ключевых направлениях государственного управления – нормотворчестве, кадровой политике, обеспечении безопасности и федеративной координации.
Ключевые слова: Президент РФ, глава государства, разделение властей, публичная власть, указы, парламентский контроль, федерализм, импичмент, иммунитет.

Институт президентства в России был конституционно и юридически сформирован как средство обеспечения единства государственного управления в период политических и правовых преобразований. В действующей модели Президент рассматривается как глава государства, гарант основ конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, а также как субъект, наделённый полномочием обеспечивать согласованное функционирование и взаимодействие органов публичной власти [6]. Вопрос о месте Президента РФ в системе органов государственной власти нередко рассматривается через типологию форм правления и связан с оценкой того, сохраняет ли российская модель черты смешанной республики либо после поправок 2020 г. и расширения конституционной категории «единой системы публичной власти» всё более усиливает президентское начало в организации государственной власти [1, с. 17].

Конституционная реформа 2020 г. имела значимое значение, в том числе потому, что сопровождалась усложнением процедуры внесения поправок и введением дополнительных этапов публичного волеизъявления. Это, в свою очередь, вызвало дискуссию о том, насколько такие стадии были достаточно обоснованы нормативно и как сама «процедурная архитектура» повлияла на легитимность новых конституционных решений [2, с. 3]. Вместе с тем исследование статуса Президента не может ограничиваться простым перечислением его полномочий, поскольку конституционный текст закрепляет не только объём компетенции, но и систему институциональных ролей. По этой причине президентскую компетенцию следует рассматривать во взаимосвязи с механизмами парламентского контроля, судебного конституционного контроля и федеративной координации.

Основные элементы статуса Президента закреплены в Конституции РФ, а поправки 2020 г., уточнившие вопросы организации и функционирования публичной власти, усилили интеграционный характер президентских полномочий и придали нормативное оформление ряду координационных механизмов в рамках единой системы публичной власти [5].

Юридическая значимость координационной функции проявляется в том, что Президент уполномочен не подменять собой органы иных ветвей власти, а обеспечивать их согласованную работу, и в научной литературе это описывается как институциональная роль «арбитра» в конфликтах ветвей власти и уровней публичного управления при сохранении самостоятельности каждого органа в пределах компетенции [4, с. 33].

Полноценное осуществление Президентом функции по обеспечению и защите прав и свобод в социальном государстве предполагает сочетание конституционных полномочий с обязанностью поддерживать их реальную действенность, поскольку одного лишь формального соблюдения процедур недостаточно для достижения конституционного стандарта защиты человека. В доктрине подчёркивается, что значение данного института определяется прежде всего его практическим воздействием на правовое положение личности [3, с. 47].

Правовые позиции Конституционного Суда РФ подтверждают, что конституционные процедуры формирования Правительства и взаимодействия Президента с парламентом должны рассматриваться как взаимно обуслов-

ленные элементы конституционного механизма, где юридическое значение имеет не только итоговое решение, но и последовательность стадий, обеспечивающих баланс политической ответственности и устойчивости управления [8].

Президентское нормотворчество в форме указов и распоряжений является важным инструментом реализации конституционных полномочий и придаёт статусу главы государства выраженную управленческую динамику, однако правовая природа указов предполагает их подзаконность и обязательную корреляцию с Конституцией РФ и федеральными законами, что исключает возможность подмены парламентского регулирования устойчивыми подзаконными конструкциями.

Конституционный Суд РФ, рассматривая пределы президентского регулирования в области организации федеральной исполнительной власти, выработал подход, в соответствии с которым Президент вправе обеспечивать функционирование системы исполнительных органов в рамках установленной Конституцией модели. Вместе с тем недопустимо принятие таких нормативных решений, которые фактически подменяют федеральный закон в тех случаях, когда законодательное регулирование относится к конституционной компетенции парламента [9].

Законодательные полномочия Президента проявляются в праве законодательной инициативы, участии в прохождении федеральных законов и праве отлагательного вето, а также в возможности использовать обращение к Конституционному Суду как механизм конституционной проверки, что формирует для парламента одновременно стимул к согласованию законодательной политики и пределы произвольного нормотворчества.

Кадровые полномочия Президента по формированию Правительства и высших органов исполнительной власти образуют центральный источник влияния на государственное управление, при этом конституционная логика построена на сочетании президентского лидерства с элементами парламентского участия, что позволяет распределять политическую ответственность между Президентом и парламентом в зависимости от конфигурации конкретных процедур [13].

С учётом расширения категории «единая система публичной власти» усилился запрос на институциональную координацию между федеральным уровнем и субъектами Федерации, и в научной литературе подчёркивается, что нормативное наполнение этой категории способно работать как на укрепление связанности управления, так и на дальнейшую централизацию полномочий в федеральном центре [15, с. 21].

Внешнеполитические и оборонные полномочия Президента проявляются в стратегическом руководстве внешней политикой, статусе Верховного Главнокомандующего и праве вводить специальные правовые режимы, что юридически опосредуется институтом военного положения и сопряжёнными парламентскими процедурами контроля [14].

Механизмы сдержек и противовесов в отношениях Президента и Федерального Собрания включают как «жёсткие» юридические инструменты (вето, преодоление вето, предусмотренные Конституцией случаи роспуска Государственной Думы, процедура отрешения от должности), так и «мягкие» политико-правовые механизмы, возникающие в ходе переговоров и согласительных процедур.

В доктрине обращается внимание на то, что признаки республиканской формы правления в современной России после поправок 2020 г. трансформируются прежде всего на уровне механизмов формирования и контроля Правительства [10, с. 27].

Институт отрешения Президента от должности по обвинению в государственной измене или ином тяжком преступлении является юридически возможным, но процедурно крайне сложным, и потому в практическом плане функционирует скорее как конституционная гарантия от произвольного смещения, чем как реально применяемый инструмент текущего политического контроля.

Президент реализует полномочия по обеспечению согласованного функционирования публичной власти посредством согласительных процедур и иных инструментов координации, при этом Конституционный Суд РФ указывал, что президентские решения в сфере взаимодействия с региональными органами должны обеспечивать единство публичной власти при сохранении конституционной автономии субъектов Федерации [14].

Правовой инструмент приостановления актов исполнительных органов субъектов Федерации используется как средство предотвращения угроз конституционному единству и правам граждан до разрешения спора компетентным судом, и потому процессуальная прозрачность и судебная проверяемость такого вмешательства выступают критерием допустимости президентского «федеративного арбитража».

Законодательное развитие института гарантий бывшему Президенту РФ усиливает стабильность и преемственность власти, однако одновременно ставит вопрос о достаточности процедур правовой ответственности и о том, не трансформируется ли иммунитет из функциональной защиты в персональную привилегию [12].

Сравнительно-правовой анализ поправок 2008 и 2020 гг. демонстрирует, что институциональная «настройка» президентской власти нередко осуществляется через расширение конституционных конструкций и стадий политико-правового процесса, и это усиливает требования к юридической определённости и общественной легитимации таких решений [11, с. 3].

Конституция РФ устанавливает Президента как главу государства, не входящего в систему органов исполнительной власти, но возглавляющего её. Так, глава 4 Конституции РФ предусматривает, что исполнительная власть осуществляется Правительством под общим руководством Президента. Президент влияет на исполнительную власть на всех уровнях: он назначает региональных полпредов (своих представителей в федеральных округах), имеющих полномочия координировать федеральные интересы на местах. В отношении субъектов Федерации Президент может применять ст. 85 – приостановление актов региональных властей, противоречащих Конституции или законам РФ, и проведение согласительных процедур для решения споров с регионами. Взаимодействие с Правительством выражается в регулярных консультациях и сессиях: согласно 2020 г. поправкам (ФКЗ «О Правительстве»), Президент получает право председательствовать на заседаниях Правительства и его Президиума (раньше он мог участвовать, но не вести заседания). Таким образом, Правительство, формально подотчётное Премьеру, фактически действует под контролем Президента: Председатель Правительства несёт перед ним персональную ответственность за деятельность Правительства.

Во взаимоотношениях с Федеральным Собранием Президент выступает главным внешним арбитром и инициатором. Он может перенаправлять палаты друг к другу, инициировать кризисы (распуск Думы) или, наоборот, стабилизировать работу (посредством ежегодных посланий и созыва внеочередных сессий). Конституция РФ предполагает «разделение и уравновешивание властей» (ст. 10), однако на практике Президент активно взаимодействует с обеими палатами: он представляет кандидатуры на треть Сената (из числа назначаемых Советом Федерации мест),

обращается с законодательными инициативами, получает в ответ решения парламента. Судебная власть формально независима, но Президент участвует в назначении высших судей и прокуроров, что создаёт ещё один канал влияния.

Президент занимает центральное положение в системе власти: формально он не главнее правительства или парламента (ст. 10 Конституции), однако на практике обладает широким объёмом ключевых полномочий. Взаимодействие различных институтов выстроено таким образом: парламент дает (и при необходимости снимает) легитимность правительству и судебной власти через утверждения, а президент обеспечивает единство исполнительной вертикали и задаёт стратегический курс. Президентский институт (в отличие от чисто президентских систем) предполагает ответственность перед народом через избрание, но имеет механизмы контроля со стороны парламента лишь в исключительных случаях (как процедура импичмента).

Конституционный Суд РФ давал разъяснения по ряду спорных вопросов, связанных с президентской властью. Так, в Постановлении № 10-П (1999) по толкованию ст. 92 отмечено, что цели импичмента (досрочного прекращения полномочий Президента) и обеспечение преемственности власти определяются статусом Президента как главы государства, наделённого «соответствующими полномочиями» [7].

Суд подчеркнул, что Президент обеспечивает «стабильность конституционного строя, согласованное функционирование и взаимодействие органов власти». Это решение констатировало отсутствие лакуны в процедуре временного исполнения обязанностей (заместитель Премьер-министра исполняет обязанности и не имеет прав на роспуск Думы и т.п.) и подтвердило, что любые неупомянутые Конституцией РФ обстоятельства могут оцениваться с точки зрения необходимости поддержания правопорядка. В действующем законодательстве имели место случаи проверок конституционности указов Президента, но они касались конкретных норм (не расширения полномочий как такового). Верховный Суд РФ в обзорной практике чаще анализирует случаи использования указов в системе законодательства, однако прямых прецедентов о нарушении президентских полномочий из его стороны нет.

Вместе с тем позиции отдельных судов указывают на неоднозначность некоторых положений. Например, Конституционный Суд ранее признавал, что нынешняя модель баланса (импичмент с контролем через Верховный Суд, высокие кворумы и особый состав Государственной Думы) делает судебное отрешение Президента практически невозможным. Тем не менее формальных ограничений по вмешательству в законодательный процесс у Президента немного: его вето может быть преодолено лишь квалифицированным большинством. Собственно судебных разбирательств между органами по поводу объёма президентских полномочий известно мало, что свидетельствует скорее о консенсусе.

Несмотря на широкий спектр обязанностей, связанные с институтом президентства риски сконцентрированы в нескольких областях:

1. Так, система широких полномочий на практике создаёт риск излишней централизации. Президент имеет влияние практически на все ветви. Дополнительные механизмы 2020 г. (госсовет, пожизненный иммунитет экспрезидентов) ещё более расширили поле его деятельности. В литературе отмечается, что эти реформы лишь усилили «концентрацию высшей государственной власти в одних руках» [16, с. 50].

2. Во-вторых, Президент обладает безусловной неприкосновенностью во время полномочий (ст. 91) и расширенной неприкосновенностью по завершении сроков (новая ст. 92.1). Практический механизм привлечения к ответственности – лишь процедура отрешения по статье 93 – чрезвычайно сложен и никогда не применялся. Поэтому критики указывают на недостаточную выраженность механизмов привлечения главы государства к ответственности: даже в случае доказанной государственной измены требуется одобрение политически зависимого Совета Федерации и квалифицированное большинство в обеих палатах парламента.

3. Формально система сдержек функционирует через Госдуму и Совет Федерации. Однако механизм парламентского контроля ограничен. Представление Правительства и министров осуществляется по инициативе Президента, бюджет готовит Правительство и лишь утверждает Думой, а резолютивная роль парламента сводится к утверждению или (в частном порядке) отклонению инициатив Президента. Президент может просто не выдвигать кандидатуру на рассмотрение (например, если Думе не нравится кандидат, Конституция не предписывает ему пересмотреть представление – кроме как трижды, после чего распустить Думу).

4. Наконец, назначения судей, прокуроров и многих чиновников происходят с минимальным общественным контролем: Президент лишь консультируется с Советом Федерации. В связи с чем существует риск, что это порождает коррупционные практики. Отсутствие обнародованной отчётности (например, Президент отчитывается перед народом только через послания) также усиливает закрытость власти.

В целом, основные проблемные моменты касаются это не столько явного нарушения Конституции РФ (хотя в литературе указывают на несовершенство формулировок), сколько свидетельствуют о концентрации полномочий и отсутствии эффективных ограничений. Например, Конституционный Суд отмечал, что полномочия Президента в ряде областей практически безальтернативны.

Для иллюстрации можно привести сравнение с некоторыми зарубежными моделями. Так, во Франции (полупрезидентская республика) Президент также обладает значительными полномочиями: назначает премьер-министра (после согласования с парламентом), председательствует на Совете министров, имеет право распустить Национальное собрание и назначить референдум. Вместе с тем французский президентский мандат фиксирован (5 лет) и до недавнего времени была возможность служить два подряд. В России же, несмотря на семилетний срок (с 2012 г.) и «обнуление» в 2020 г., по закону Президент также ограничен двумя сроками после обнуления предыдущих. Французский президент участвует в формировании правительства только косвенно (назначает премьер-министра, но депутаты чаще поддерживают его выбор, и премьер не обязан быть из той же партии, если коалиция другая). Российский президент, напротив, сам активно подбирает всю структуру правительства совместно с Госдумой.

Президент США – глава государства и правительства. В отличие от РФ, в США нет института премьер-министра и партийного правительства в конституционном смысле. Президент США имеет право законодательной инициативы только в форме рекомендаций (через ежегодное послание Конгрессу), но не обладает правом вето в абсолютном смысле: вето может быть преодолено простым большинством двух третей в каждой палате, а в РФ переутверждение требует 2/3. Президент США назначает министров и судей (с согласия Сената), но не может распустить Конгресс и не имеет прямого отношения к военному положению (в США такие полномочия предусмотрены

другой процедурой через Конгресс). В сравнении с США российский президент более интегрирован с парламентом (в частности, имеет право роспуска) и реже подотчётен Конгрессу.

Таким образом, российский институт президентства сочетает черты полупрезидентской (французской) системы и характерных особенностей «горизонтальной» власти (как в США). Из примера Франции видно, что механизмы «сдержек» (парламентский контроль, периодические выборы) в разных моделях устроены по-разному, но комбинация сильного президента и сложной процедуры импичмента характерна скорее для гибридных режимов.

Для повышения эффективности системы сдержек и противовесов считаем целесообразным предложить следующие меры:

1. Ввести более реалистичный механизм отрешения (например, снизить кворум голосов при импичменте или предусмотреть самороспуск при утрате доверия); установить более чёткие критерии ответственности и подотчётности Президента через парламентский аудит (особенно финансовой отчётности Администрации).

2. Ограничить область неприкосновенности, а именно: пересмотреть ст. 92.1, установив конечный срок иммунитета после ухода с поста, либо предусмотреть специальный надзор (например, ограничить действие неприкосновенности преступлениями коррупционного характера).

3. Усилить парламентский контроль. Предусмотреть обязательный отчёт Правительства перед Госдумой по основным направлениям деятельности и возможность вынесения парламентских запросов под санкцией (угрозой вотума недоверия). Расширить роль сенаторов при назначениях (прежде чем утвердить кандидата в Генпрокуроры и судьи, проводить слушания в комитетах, где бы они разбирали кандидатуры).

4. Разграничить полномочия, сделав акцент внутри конституционных норм на том, что, что Президент не может издавать указы, расширяющие круг его полномочий (например, внешнеполитических или судебных), без соответствующего закона.

5. Обеспечить повышение транспарентности деятельности Администрации Президента посредством расширения практик обнародования информации о принимаемых решениях и установления механизмов парламентского и судебного контроля, включая возможность оспаривания и пересмотра отдельных указов. В частности, целесообразно рассмотреть введение обязательной процедуры конституционного контроля указов Президента наряду с законами.

В совокупности проведённый анализ позволяет констатировать, что при формальном разграничении ветвей власти и конституционных гарантиях самостоятельности Правительства, Федерального Собрания и судебной системы, в действующей модели Президент обладает определяющими полномочиями в сфере стратегического целеполагания, кадрового формирования высших органов и контроля за исполнительной вертикалью, что в значительной степени предопределяет практическую конфигурацию сдержек и противовесов. Вместе с тем выявленные проблемные аспекты связаны прежде всего с рисками чрезмерной централизации полномочий, ограниченностью действенных механизмов парламентского контроля и высокой сложностью процедур привлечения главы государства к ответственности. Преодоление указанных рисков предполагает дальнейшее совершенствование процедурной регламентации президентских полномочий, развитие институциональных гарантий баланса, обеспечивающих предсказуемость и правовую определённость взаимодействия публичных органов власти.

Литература

1. Авдеев Д.А. Почему Россия не президентская и даже не суперпрезидентская республика? // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 11. – С. 17–20.
2. Баринов Э.Э. Конституционная реформа-2020: особенности процедуры, правовые последствия // Закон и право. – 2020. – № 8. – С. 3–8.
3. Берсенев Э.Э. Глава государства, гарант Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина в социальном государстве // Государственная власть и местное самоуправление. – 2024. – № 6. – С. 47–50. – DOI: 10.18572/1813-1247-2024-6-47-50.
4. Дзидзоев Р.М. Конституционный статус Президента РФ в свете конституционной реформы в России // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 10. – С. 33–36.
5. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 12.02.2026).
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. (с посл. изм. и доп. от 04 октября 2022 г., № 8-ФКЗ)) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 12.02.2026).
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.07.1999 № 10-П «По делу о толковании положений статьи 92 (частей 2 и 3) Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 29. – Ст. 3773.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.1998 № 28-П «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 52. – Ст. 6447.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.1999 № 2-П «По делу о толковании положений пункта «г» статьи 71, части 1 статьи 76 и части 1 статьи 112 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 6. – Ст. 866.
10. Стародубцева И.А. Трансформация признаков республиканской формы правления после внесения поправок в Конституцию Российской Федерации 2020 г. // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 12. – С. 27–29. – DOI: 10.18572/1812-3767-2023-12-27-29.
11. Тресков А.П. Конституционные поправки 2008 и 2020 годов: сравнительно-правовой анализ // Государственная власть и местное самоуправление. – 2024. – № 11. – С. 3–7. – DOI: 10.18572/1813-1247-2024-11-3-7.
12. Федеральный закон от 12.02.2001 № 12-ФЗ «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 12.01.2026).
13. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 12.01.2026).
14. Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 12.01.2026).

15. Чепунов О.И. К вопросу о «единой системе публичной власти» в Российской Федерации (Часть II) // Юридический мир. – 2025. – № 8. – С. 21–24. – DOI: 10.18572/1811-1475-2025-8-21-24.

16. Шульженко Ю.Л. Поправки 2020 г. к Конституции Российской Федерации и парламентаризм // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – № 2. – С. 48–54.

The constitutional model of presidential power in the Russian Federation

Khabarov V.S.
Volgograd state university

The article examines the constitutional and legal status of the President of the Russian Federation as the head of state and a key element in the mechanism ensuring the coordinated functioning of public authority. Its purpose is to identify the systemic characteristics of presidential powers and their limits within the framework of the separation of powers and federalism. The study employs formal-legal, systemic, and comparative legal methods, as well as an analysis of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. It is shown that the President's special constitutional position determines his involvement in all key areas of public administration, including lawmaking, personnel policy, security, and federal coordination.

Keywords: President of the Russian Federation, head of state, separation of powers, public authority, decrees, parliamentary oversight, federalism, impeachment, immunity.

References

1. Avdeev D.A. Why is Russia not a presidential or even a super-presidential republic? // Constitutional and municipal law. - 2023. - No. 11. - Pp. 17-20.
2. Barinov E.E. Constitutional reform-2020: features of the procedure, legal consequences // Law and right. - 2020. - No. 8. - Pp. 3-8.
3. Bersenev E.E. Head of state, guarantor of the Constitution of the Russian Federation, the rights and freedoms of man and citizen in the welfare state // State power and local self-government. - 2024. - No. 6. - Pp. 47-50. - DOI: 10.18572/1813-1247-2024-6-47-50.
4. Dzidzoev R.M. The Constitutional Status of the President of the Russian Federation in Light of Constitutional Reform in Russia // Constitutional and Municipal Law. – 2020. – No. 10. – pp. 33–36.
5. Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authority" // Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. – URL: http://pravo.gov.ru/ (date of access: February 12, 2026).
6. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 (with the latest amendments and additions of October 4, 2022, No. 8-FKZ)) // Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. - URL: http://pravo.gov.ru/ (date of access: February 12, 2026).
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 6, 1999 No. 10-P "On the case of the interpretation of the provisions of Article 92 (parts 2 and 3) of the Constitution of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1999. - No. 29. - Art. 3773.
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11.12.1998 No. 28-P "On the Case Concerning the Interpretation of the Provisions of Part 4 of Article 111 of the Constitution of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1998. - No. 52. - Item 6447.
9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27.01.1999 No. 2-P "On the Case Concerning the Interpretation of the Provisions of Subparagraph "g" of Article 71, Part 1 of Article 76 and Part 1 of Article 112 of the Constitution of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1999. - No. 6. - Item 866.
10. Starodubtseva I.A. Transformation of the Features of the Republican Form of Government After the Amendments to the Constitution of the Russian Federation of 2020 // Constitutional and Municipal Law. – 2023. – No. 12. – P. 27–29. – DOI: 10.18572/1812-3767-2023-12-27-29.
11. Treskov A.P. Constitutional Amendments of 2008 and 2020: A Comparative Legal Analysis // State Power and Local Self-Government. – 2024. – No. 11. – P. 3–7. – DOI: 10.18572/1813-1247-2024-11-3-7.
12. Federal Law of 12.02.2001 No. 12-FZ "On Guarantees to the President of the Russian Federation Who Has Ceased to Execute His Powers and to Members of His Family" // Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. – URL: http://pravo.gov.ru/ (date of access: 12.01.2026).
13. Federal Constitutional Law of 06.11.2020 No. 4-FKZ "On the Government of the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. – URL: http://pravo.gov.ru/ (date of access: 12.01.2026).
14. Federal Constitutional Law of 30.01.2002 No. 1-FKZ "On Martial Law" // Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. – URL: http://pravo.gov.ru/ (date of access: 12.01.2026).
15. Chepunov O.I. On the Issue of a "Unified System of Public Authority" in the Russian Federation (Part II) // Legal World. – 2025. – No. 8. – P. 21–24. – DOI: 10.18572/1811-1475-2025-8-21-24.
16. Shulzhenko Yu.L. 2020 Amendments to the Constitution of the Russian Federation and Parliamentarism // Gaps in Russian Legislation. – 2023. – No. 2. – P. 48–54.

О нормативно-правовом регулировании обеспечения общественной безопасности на региональном и местном уровнях

Шеншин Виктор Михайлович
кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук (ЦИПБ РАН); доцент кафедры экологии и обеспечения безопасности жизнедеятельности Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева

Гусаим Иван Вячеславович
научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук (ЦИПБ РАН)

Проблема нормативно-правового регулирования общественной безопасности на региональном и местном уровнях приобрела сегодня характер системного противоречия. Федеральный центр не выработал единого стратегического документа, который охватывал бы все аспекты этой сферы, – и это обстоятельство объективно повышает нагрузку на субфедеральные уровни управления, одновременно лишая их концептуального ориентира. Регионы и муниципалитеты вынуждены действовать в условиях нормативной неопределённости, восполняя федеральный пробел собственными средствами – с разной степенью успеха. Трудности при этом носят двоякий характер: с одной стороны, концептуальная база устарела и не отражает реальных угроз, с другой – отдельные угрозы вышли за рамки механизмов, предусмотренных действующим законодательством, и продолжают оставаться без адекватного правового ответа.

Ключевые слова: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, стратегическое планирование, общественная безопасность, стратегические национальные приоритеты, угрозы безопасности, гражданское общество.

Государственная и общественная безопасность приобрели особый политический вес в нынешних условиях. В мае 2025 г. Секретарь Совета Безопасности Российской Федерации публично обозначил приоритетность этих направлений – применительно к тому, что российская сторона квалифицирует как гибридную войну, развязанную Западом против России, проведя при этом историческую параллель с уроками Великой Отечественной войны [3]. Подобные заявления на столь высоком уровне – не риторика. Они фиксируют реальный сдвиг в государственных приоритетах и задают тон всей последующей нормотворческой работе.

Взаимозависимость национальной и общественной безопасности давно вышла за рамки теоретических построений. Россия, последовательно отстаивающая статус одного из полюсов многополярного мироустройства, испытывает нарастающее давление по обоим контурам – внутреннему и внешнему. Деградация общественной обстановки в этих условиях перестаёт быть локальной проблемой отдельных территорий и превращается в фактор, непосредственно влияющий на состояние национальной безопасности страны в целом. Беспокойство здесь – не только общественное, но и сугубо государственное. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, утверждённая Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685, создавалась под конкретный стратегический горизонт – до 2020 г. Этот горизонт пройден. Угрозы, которые документ призван был нейтрализовать, трансформировались. Сама концептуальная рамка, определявшая логику действий органов власти на протяжении почти десяти лет, перестала соответствовать реальности. Переосмысление должно начинаться с конституционных норм – именно они формируют фундамент, на котором выстраивается вся система обеспечения общественной безопасности.

Конституция Российской Федерации распределяет полномочия в сфере безопасности по двум регистрам. Первый – исключительное федеральное ведение: безопасность как родовая категория закреплена за центром, норма лаконична и детализации намеренно избегает. Второй регистр устроен иначе: общественная безопасность выведена в самостоятельную категорию и передана в совместное ведение федерации и регионов. Разница принципиальная. Региональное участие здесь – не делегированное полномочие, отзываемое по усмотрению центра, а конституционно закреплённая обязанность, уклониться от которой невозможно.

Закон о стратегическом планировании воспроизводит эту логику последовательно, распространяя её на муниципальный уровень. Субъекты федерации включены в процесс стратегического планирования как самостоятельные участники. Муниципальные образования – тоже, в случаях, определённых собственными нормативными актами. Три уровня публичной власти оказываются, таким образом, совместными субъектами стратегического планирования в сфере общественной безопасности. Субфедеральное нормотворчество при таком прочтении – не дополнение к федеральной системе, а её конститутивная часть.

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания «Комплексное исследование проблем общественной безопасности, как стратегического приоритета национальной безопасности Российской Федерации (FFFZ-2025-0001).

Вместе с тем конституционный механизм разграничения компетенций содержит существенный нюанс. По вопросам, не вошедшим ни в федеральное, ни в совместное ведение, субъекты вправе осуществлять самостоятельное правовое регулирование – причём при коллизии с федеральным актом приоритет сохраняется за региональным. Противоречия между уровнями в данном случае не возникает. Возникает другое – нормативная пустота, образовавшаяся после того, как Концепция 2013 г. исчерпала плановые сроки реализации, а замещающий документ так и не появился. Субъекты федерации и муниципалитеты лишены ориентира не потому, что право не предоставило им инструментов, а потому что федеральный центр не воспользовался собственными полномочиями в полном объёме. Из этого вытекает не рекомендация, а прямое требование: региональные и муниципальные органы власти обязаны восполнять образовавшийся пробел собственными нормотворческими усилиями, не дожидаясь федерального импульса.

Федеральный закон о безопасности, принятый в конце 2010 г., охватывает деятельность по обеспечению общественной безопасности в числе прочих направлений – это прямо следует из предмета его регулирования. Принцип системности и комплексности, закреплённый в законе, обязывает региональные органы государственной власти и органы местного самоуправления задействовать весь доступный арсенал мер – политических, организационных, социально-экономических, информационных и правовых – не избирательно, а в их совокупности. Разрозненное применение отдельных инструментов при этом прямо противоречит духу закона.

Содержание деятельности по обеспечению безопасности структурировано в законе по нескольким направлениям. Стратегическое планирование, правовое регулирование и межуровневая координация – между федеральными органами, региональными структурами и муниципалитетами – названы самостоятельными составляющими единого процесса. Государственная политика в данной сфере реализуется на основе Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и иных концептуальных документов, утверждаемых Президентом по представлению Совета Безопасности. Региональные и муниципальные нормативные акты, принятые в пределах соответствующей компетенции, образуют правовую основу обеспечения общественной безопасности на местах – не дополняя федеральное регулирование, а составляя его неотъемлемую часть.

Функции субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере безопасности не исчерпываются исполнением федерального законодательства – хотя именно это названо в законе первоочередной обязанностью. Закон о стратегическом планировании уточняет: применительно к сферам общественной безопасности его положения действуют с учётом специального отраслевого регулирования. Региональные законы, подзаконные акты субъектов и муниципальные правовые акты входят в правовую основу стратегического планирования наравне с федеральными источниками – и это принципиально меняет оптику: субфедеральный уровень перестаёт быть исполнителем и становится полноправным субъектом нормотворчества в данной сфере.

Комплексного действующего документа, регулирующего все стороны обеспечения общественной безопасности, на сегодняшний день не существует. Концепция 2013 г. фактически прекратила действие – хотя из текста самого документа это прямо не следует. Реализация планировалась поэтапно: первый этап охватывал 2013-2016 гг., второй – 2017-2020 гг. Оба срока истекли. Правовой статус документа при этом официально не определён – он не отменён, но и не применяется. Подобная неопределённость сама по себе представляет проблему: органы власти лишены чёткого сигнала о том, какими концептуальными ориентирами руководствоваться.

Между тем направления деятельности, определённые Концепцией, своей актуальности не утратили. Противодействие терроризму и экстремизму, борьба с преступными посягательствами, коррупцией и незаконной миграцией, защита населения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, развитие международного сотрудничества в правоохранительной сфере – всё это остаётся в повестке вне зависимости от судьбы конкретного документа. Именно в этих областях органы государственной власти и местного самоуправления осуществляли стратегическое планирование. Нормативный ориентир исчез – практические задачи остались в полном объёме.

Сложившаяся ситуация фактически перекладывает инициативу на субфедеральный уровень. Регионы и муниципалитеты вынуждены самостоятельно восполнять концептуальный пробел – без единой рамки, без общих стандартов и без механизма горизонтальной координации между субъектами. Действующее федеральное законодательство лишь частично затрагивает правовое регулирование общественной безопасности и в недостаточной мере раскрывает её отдельные аспекты. Пробел носит не технический, а системный характер.

Среди профильных федеральных актов заслуживают внимания два. Закон о войсках национальной гвардии Российской Федерации от 03.07.2016 № 226-ФЗ прямо называет обеспечение государственной и общественной безопасности одной из задач войск – тем самым институционально закрепляя силовую составляющую в архитектуре безопасности. Закон от 13 июня 2023 г. № 207-ФЗ, регулирующий оборот оружия и охранную деятельность на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей, наделяет высших должностных лиц отдельных субъектов Российской Федерации полномочиями по усилению охраны общественного порядка и обеспечению общественной безопасности – в том числе с применением боевого ручного стрелкового оружия. Оба акта фрагментарны – они решают конкретные задачи, не претендуя на системное регулирование всей сферы.

Региональная практика в сфере обеспечения общественной безопасности складывается неравномерно – одни субъекты выстраивают развёрнутую нормативную базу, другие ограничиваются минимальным набором актов. Челябинская область относится к первой группе. Региональное правительство в конце 2019 г. утвердило государственную программу обеспечения общественной безопасности, охватывающую комплекс мер по преодолению негативных последствий в данной сфере. Программный подход здесь принципиален: он предполагает не разрозненные ведомственные усилия, а скоординированную деятельность с определёнными целями, сроками и показателями результативности.

Муниципальный уровень нормативного регулирования общественной безопасности располагает примером, заслуживающим детального рассмотрения. Городские власти Красноярска в 2022 г. пошли по пути, который федеральный центр так и не избрал – приняли собственный концептуальный документ, рассчитанный на период до 2030 г. и охватывающий весь спектр вопросов городской безопасности. По существу, муниципалитет взял на себя функцию, которую в норме должен выполнять более высокий уровень власти.

Документ выстроен по логике, которая отсутствует на федеральном уровне. Угрозы идентифицированы и ран-

жированы. Цели и задачи сформулированы применительно к конкретной городской среде, а не абстрактному государственному пространству. Принципы работы закреплены с учётом местной специфики – состава населения, инфраструктуры, исторически сложившихся рисков. Круг участников обеспечения безопасности очерчен предметно: органы местного самоуправления, профильные организации, структуры гражданского общества, население города во всём его многообразии. Ожидаемые результаты зафиксированы отдельно и поддаются проверке.

Показательно само по себе то обстоятельство, что подобный документ появился на муниципальном уровне. Красноярск решил задачу концептуального оформления политики безопасности – задачу, с которой федеральный уровень не справился ни в установленные сроки действия Концепции 2013 г., ни после их истечения. Разрыв между низовой нормотворческой активностью отдельных муниципалитетов и концептуальным бездействием центра – не частный казус, а симптом системного сбоя. Единой нормативной рамки нет. Горизонтальная координация между субъектами не выстроена. Каждый муниципалитет действует по собственной модели – кто-то формирует развёрнутую концептуальную базу, кто-то ограничивается разрозненными подзаконными актами, не связанными общей логикой. Проект новой федеральной Концепции не разработан – и пока эта ситуация сохраняется, фрагментарность останется структурной чертой всей системы.

Органы местного самоуправления несут непосредственную ответственность за состояние общественной безопасности на муниципальном уровне – и эта ответственность носит не декларативный, а вполне конкретный характер. Организация контроля за правопорядком, профилактическая работа в населённых пунктах, взаимодействие с правоохранительными органами, поддержка добровольных дружин, образовательных и волонтёрских инициатив составляют реальное содержание их повседневной деятельности наряду с разработкой и внедрением локальных программ безопасности [2]. Муниципалитет в этой системе – не передаточное звено, а самостоятельный субъект, работающий в прямом контакте с населением и первым воспринимающий сигналы нарастающей напряжённости.

Нереализованность отдельных положений Концепции 2013 г. даёт дополнительные основания для разработки нового документа. На первом этапе реализации, охватывавшем 2013-2016 гг., предусматривалось создание единой межведомственной многоуровневой автоматизированной информационной системы наблюдения за состоянием общественной безопасности. Система в установленные сроки создана не была. Этот факт примечателен не сам по себе – он свидетельствует о структурной неспособности действовавшего механизма реализовывать собственные целевые установки.

Практические проблемы проявляются по нескольким направлениям одновременно. Действующие правовые акты нередко лишены чётких механизмов межведомственного взаимодействия – отсюда дублирование функций, правовые коллизии и взаимные претензии ведомств при возникновении нештатных ситуаций. Ограниченная информационная открытость государственных структур отрезает общественные организации от актуальных данных о состоянии безопасности, делая объективную оценку рисков и полноценное участие в профилактических проектах практически недостижимыми. Механизм, задуманный как скоординированный, на деле функционирует фрагментарно – каждый участник действует в рамках собственной компетенции, не имея полноценного представления об общей картине.

Цифровая среда сформировала угрозы, которых Концепция 2013 г. в полной мере не предвидела и которые с тех пор приобрели системный характер. Распространение экстремистских и террористических идей, деструктивных субкультур и противоправной активности в молодёжной среде через социальные сети превратилось в устойчивую тенденцию, требующую специализированных инструментов противодействия. Институты гражданского общества располагают реальными возможностями для мониторинга сетевого пространства, выявления потенциальных угроз и своевременного информирования государственных структур – возможностями, которые пока задействуются явно недостаточно [1].

Гражданское общество в системе обеспечения общественной безопасности занимает позицию, которую государственные структуры в одиночку занять не могут. Речь не о декоративном участии в совещательных органах – речь о функциях, органически недоступных бюрократическому аппарату: горизонтальном мониторинге социальной среды, раннем обнаружении напряжённости в локальных сообществах, неформальном влиянии на поведение групп риска. Административный ресурс здесь работает с задержкой и потерями. Гражданские институты – нет.

Между тем потенциал этого взаимодействия реализуется в ничтожной доле от возможного. Общественные организации, способные вести мониторинг сетевого пространства и выявлять признаки радикализации задолго до того, как угроза приобретёт оперативный характер, лишены систематического доступа к государственным данным о состоянии безопасности. Инициативные группы, готовые участвовать в профилактической работе, сталкиваются с отсутствием устойчивых институциональных каналов для такого участия. Доверие населения к государственным структурам остаётся низким – и это само по себе сужает пространство для совместных действий, независимо от наличия формальных механизмов.

Преодоление накопившихся проблем требует работы одновременно в нескольких плоскостях. Нормативная плоскость – разработка актов, регулирующих не общие принципы взаимодействия государства и гражданского общества, а конкретные процедуры: кто, в каком формате, с каким доступом к информации и с какой ответственностью участвует в обеспечении безопасности на каждом уровне. Организационная плоскость – грантовая поддержка, включение представителей общественных организаций в коллегиальные органы принятия решений, формирование долгосрочных партнёрств вместо ситуативных контактов. Технологическая плоскость – цифровые платформы совместного мониторинга, открытые базы данных о состоянии безопасности, инструменты оперативного обмена информацией. Нереализованное положение Концепции 2013 г. об автоматизированной информационной системе наблюдения за состоянием общественной безопасности здесь прямо актуально – задача, поставленная более десяти лет назад, не исчезла, а обрела новое технологическое измерение и новую практическую срочность.

Накопленные проблемы в своей совокупности указывают в одном направлении. Отсутствие актуальной Концепции общественной безопасности – не технический пробел в нормативной базе, устраняемый точечными поправками в отраслевые законы. Пробел концептуальный: без общего документа, задающего цели, приоритеты и критерии оценки, координация между органами власти остаётся ситуативной, а эффективность реализуемых мер – непроверяемой. Концепция 2013 г. обнаружила собственные изъяны ещё в период действия: ряд плановых мероприятий остался нереализованным, понятийный аппарат оказался размытым, механизм контроля за исполнением фактически не работал. Новый документ должен

учесть этот опыт – и прежде всего предусмотреть то, чего в предыдущем не было: многоуровневый контроль за собственным исполнением с чёткими сроками, поимённой ответственностью и публичной отчётностью. Без этого любая концепция рискует разделить судьбу предыдущей.

Литература

1. Литвиненко, Р. В. Разработка комплексных мер по усилению взаимодействия государственных структур и гражданского общества в вопросах общественной безопасности / Р. В. Литвиненко, В. В. Шведов // Гуманитарный научный журнал. – 2025. – № 3-1. – С. 71-77. – EDN YXPMNJ.

2. Рощупкина Д.С. Роль органов местного самоуправления в обеспечении общественного порядка // Молодой ученый. – 2024. – № 2 (501).

3. Шойгу – О значении уроков Великой Отечественной войны для нацбезопасности // URL: https://rg.ru/2025/05/06/eto-nasha-pobeda.html (дата обращения: 20.09.2025).

On the legal regulation of public safety at the regional and local levels

Shenshin V.M., Gusaim I.V.

Center for Research on Security Issues Russian Academy of Sciences (CRIS RAS); Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia Named after Hero of the Russian Federation General of the Army E.N. Zinichev

The problem of legal regulation of public safety at the regional and local levels has now become a systemic contradiction. The federal center has not developed a single strategic document that covers all aspects of this area, which objectively increases the burden on sub-federal levels of government while simultaneously depriving them of a conceptual framework. Regions and municipalities are forced to operate in a state of regulatory uncertainty, filling the federal gap with their own resources, with varying degrees of success. The difficulties are of a twofold nature: on the one hand, the conceptual framework is outdated and does not reflect the real threats, and on the other hand, certain threats have gone beyond the mechanisms provided for in the current legislation and continue to remain without an adequate legal response.

Keywords: National security strategy of the Russian Federation, strategic planning, public security, strategic national priorities, security threats, civil society.

References

1. Litvinenko, R. V. Development of Comprehensive Measures to Strengthen Cooperation between Government Agencies and Civil Society in Matters of Public Safety / R. V. Litvinenko, V. V. Shvedov // Humanitarian Scientific Journal. – 2025. – No. 3-1. – Pp. 71-77. – EDN YXPMNJ.

2. Roshchupkina D.S. The Role of Local Self-Government Bodies in Ensuring Public Order // Young Scientist. – 2024. – No. 2 (501).

3. Shoigu – On the Importance of the Lessons of the Great Patriotic War for National Security // URL: https://rg.ru/2025/05/06/eto-nasha-pobeda.html (accessed: 20.09.2025).

Национальное и наднациональное регулирование административно-правового статуса национального антимонопольного органа

Беляков Антон Владимирович
аспирант отдела административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, bieliakov_anton@mail.ru

Трансграничный характер современных рынков требует переосмысления административно-правового статуса антимонопольных органов, функционирующих в условиях взаимодействия разноуровневых правовых систем. Национальные регуляторы вынуждены адаптироваться к наднациональным нормам, что порождает необходимость поиска баланса между суверенитетом государств и интеграционными императивами. Данная динамика особенно заметна в условиях формирования единых экономических пространств, где согласованность антимонопольной политики становится ключевым фактором эффективности.
Ключевой проблемой современного этапа развития конкурентного права выступает институциональная асимметрия, проявляющаяся в дублировании компетенций и коллизиях юрисдикций при расследовании трансграничных нарушений. Разрозненность правовых режимов снижает эффективность правоприменительной практики, создавая возможности для ухода от ответственности. Особую остроту эта проблема приобретает в условиях цифровизации экономики, где традиционные территориальные границы юрисдикции теряют свою актуальность. Несогласованность между национальными и наднациональными регуляторами приводит к фрагментации конкурентной среды и увеличению транзакционных издержек для бизнеса.
Целью настоящего исследования выступает комплексный анализ особенностей правового регулирования статуса антимонопольных органов на национальном и наднациональном уровнях. Особое внимание уделяется выявлению системных противоречий между различными правовыми режимами и разработке научно обоснованных рекомендаций по их гармонизации. Исследование направлено на поиск оптимальных механизмов взаимодействия регуляторов, способных повысить эффективность борьбы с ограничениями конкуренции. Предлагаемый подход учитывает как правовые, так и экономические аспекты функционирования антимонопольных систем.
Первая задача исследования заключается в проведении ретроспективного анализа эволюции национальных моделей регулирования административно-правового статуса антимонопольных органов. Вторая задача направлена на исследование наднациональных механизмов регулирования через призму институционального дизайна антимонопольных органов ЕС и ЕАЭС. Третья задача предполагает проведение сравнительно-правового анализа выявленных моделей с разработкой концептуальных предложений по устранению нормативных коллизий. Вывод: взаимодействие национальных органов и Евразийской экономической комиссии является системообразующим элементом защиты конкуренции на трансграничных рынках, позволяющий эффективно предотвращать монополистическую деятельность, защищая целостность общего рынка.

Ключевые слова: антимонопольный орган, антимонопольное регулирование, антимонопольное законодательство, административно-правовой статус, товарный рынок, трансграничные рынки.

Формирование административно-правового статуса антимонопольных органов в России началось с создания Государственного комитета по антимонопольной политике (ГКАП) в 1990 году. Этот этап ознаменовал переход от плановой экономики к рыночным отношениям, потребовавший новых механизмов регулирования. Принятие Закона РСФСР № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» заложило правовые основы деятельности органа. Первоначальные полномочия ГКАП включали контроль за соблюдением антимонопольного законодательства и пресечение недобросовестной конкуренции. Трансформация ГКАП в Федеральную антимонопольную службу (ФАС России) в 2004 году отразила потребность в усилении регулирующих функций. Реорганизация сопровождалась расширением компетенции ведомства и созданием системы территориальных управлений. Введение новых административных регламентов позволило систематизировать процедуры контроля за экономической концентрацией. Эти изменения обозначили переход от фрагментарного надзора к комплексному регулированию конкурентной среды.

Административные реформы 2000-х годов существенно повлияли на структуру и полномочия ФАС России. Перераспределение функций между федеральными органами исполнительной власти в 2004 году закрепило за службой контроль за соблюдением законодательства о госзакупках. Расширение предмета ведения включило регулирование естественных монополий и рекламной деятельности. Данные изменения отразили тенденцию к централизации антимонопольного регулирования. Последующие законодательные инициативы продолжили модернизацию административно-правового статуса ФАС России. Принятие Федерального закона № 135-ФЗ «О защите конкуренции» в 2006 году унифицировало правовые основания деятельности службы. Введение института предупреждения нарушений повысило профилактическую направленность работы ведомства. Развитие цифровых платформ для рассмотрения дел ускорило процедуры административного производства.

Современный административно-правовой статус ФАС России базируется на принципах организационной независимости и коллегиальности принятия решений. Формирование Совета по конкуренции как консультативно-совещательного органа обеспечило баланс интересов государства и бизнеса. Законодательное закрепление экспертных функций способствовало повышению качества административных актов. Эти механизмы направлены на обеспечение объективности при осуществлении контрольно-надзорной деятельности. Межведомственное взаимодействие остается ключевым элементом реализации полномочий антимонопольного органа. Координация с Центральным банком, Федеральной службой по тарифам и судебными органами позволяет комплексно решать задачи защиты конкуренции. Закрепление за Минэкономразвития функций по выработке государственной политики создает систему сдержек и противовесов. Такая модель обеспечивает согласованность применения антимонопольных норм в различных секторах экономики.

В США антимонопольное регулирование основано на дуалистической системе, где полномочия распределены между Федеральной торговой комиссией (FTC) и Антимонопольным подразделением Министерства юстиции

(DOJ). FTC функционирует как независимый административный орган, обладающий квазисудебными полномочиями и правом разработки правил торговли. DOJ осуществляет правоприменение через судебные иски, фокусируясь на уголовном преследовании картельных соглашений. Такое разделение обеспечивает специализацию и комплексный охват различных аспектов конкурентного права. Разграничение компетенций между FTC и DOJ исторически сложилось через систему «сопутствующих юрисдикций», позволяющую обоим органам расследовать нарушения. FTC преимущественно занимается гражданскими делами в сфере недобросовестной конкуренции и потребительского права, тогда как DOJ концентрируется на уголовных делах о картелях и слияниях. Несмотря на параллельные полномочия, координация действий минимизирует дублирование функций через регулярные консультации и соглашения о разделе ответственности.

В Европейском союзе доминирует централизованная модель, где Европейская комиссия выступает основным регулятором в применении статей 101 и 102 Договора о функционировании ЕС. Комиссия обладает исключительными полномочиями по расследованию трансграничных нарушений, наложению штрафов и утверждению исключений из запрета на ограничивающие соглашения. Её директивные акты и решения имеют прямое действие на территории всех государств-членов, обеспечивая единообразие правоприменения. Национальные антимонопольные органы (НАО) стран ЕС действуют в рамках системы децентрализации, реализуя европейское и национальное право при поддержке Европейской сети конкурентного права (ECN). Комиссия координирует деятельность НАО через механизмы обмена информацией и согласования решений. Однако ключевые полномочия по контролю за крупнейшими транснациональными слияниями и картелями остаются за Комиссией, что подчеркивает её наднациональный статус.

Институциональная структура антимонопольных органов Европейского союза базируется на ключевой роли Европейской комиссии. «Институциональная структура антимонопольных органов ЕС включает Европейскую комиссию как ключевой регулятор, обладающий исключительной компетенцией в применении антимонопольного законодательства на наднациональном уровне» [4, с.63]. Данный статус закреплен в учредительных договорах ЕС, что обеспечивает единообразие правоприменения на территории всего Союза. Комиссия выступает центральным органом, координирующим конкурентную политику в рамках единого рынка. В рамках Европейской комиссии функции антимонопольного регулирования сосредоточены в Генеральном директорате по конкуренции. Этот специализированный орган обладает необходимыми ресурсами и экспертизой для реализации конкурентной политики. Институциональная модель предполагает независимость Комиссии при принятии решений в области контроля за соблюдением антимонопольных норм. Такая конструкция обеспечивает эффективное функционирование наднационального регулятора в условиях разнообразия национальных правовых систем.

Компетенция Европейской комиссии включает расследование нарушений в виде антиконкурентных соглашений и злоупотреблений доминирующим положением. Правовой основой для этого служат статьи 101 и 102 Договора о функционировании Европейского союза. Комиссия уполномочена проводить проверки, запрашивать информацию и накладывать временные меры для предотвращения нарушений. Данные полномочия позволяют оперативно реагировать на угрозы конкурентной среде. Контроль за корпоративными слияниями составляет важное направление деятельности антимонопольных органов ЕС. Комиссия оценивает сделки на предмет их соответствия критериям концентрации, установленным Регламентом ЕС № 139/2004. Пороговые значения оборота компаний определяют юрисдикцию наднационального регулятора в таких случаях. Предварительное одобрение сделки является обязательным условием для ее реализации на территории Союза. В арсенале принудительных мер Европейской комиссии присутствуют штрафные санкции, достигающие 10% от мирового оборота компании. Решения о наложении штрафов принимаются после тщательного анализа продолжительности и тяжести нарушения. Помимо финансовых мер, Комиссия вправе требовать структурных изменений в бизнес-моделях компаний. Эти инструменты обеспечивают действенность антимонопольной политики на наднациональном уровне.

Взаимодействие между наднациональными и национальными антимонопольными органами в ЕС строится на принципах субсидиарности и пропорциональности. «Обсуждение результатов указывает на необходимость более глубокого изучения принципов субсидиарности, адаптации судебной практики и совершенствования механизмов правоприменения» [3, с.127]. Европейская комиссия сохраняет исключительную компетенцию по делам, затрагивающим интересы единого рынка, тогда как национальные регуляторы рассматривают локальные случаи. Механизм делегирования полномочий позволяет Европейской комиссии передавать расследование отдельных дел компетентным органам государств-членов. Такая практика закреплена в Регламенте ЕС № 1/2003, предусматривающем тесное сотрудничество в рамках Европейской сети конкурентного права. Национальные органы обязаны информировать Комиссию о возбуждении дел, имеющих общеевропейское значение. Это обеспечивает согласованность правоприменительной деятельности на разных уровнях. Единство правоприменения достигается через гармонизацию процедурных норм и обмен лучшими практиками. Европейская комиссия разрабатывает руководящие указания по применению антимонопольного законодательства для национальных регуляторов. Совместные расследования сложных трансграничных дел стали регулярной практикой. Такая модель взаимодействия демонстрирует эффективность многоуровневой системы управления конкурентной политикой.

Правовая основа антимонопольного регулирования в Евразийском экономическом союзе закреплена в Договоре о ЕАЭС от 2014 года. Данный документ определяет базовые принципы обеспечения конкуренции на транснациональных рынках государств-членов. Евразийская экономическая комиссия разрабатывает и принимает обязательные решения, детализирующие эти положения. Таким образом формируется двухуровневая система регулирования, сочетающая договорные нормы и подзаконные акты. «Договор о ЕАЭС устанавливает компетенцию Комиссии, наделяя ее полномочиями по контролю за соблюдением хозяйствующими субъектами государств – членов ЕАЭС общих правил конкуренции на трансграничных рынках» [5, с.179]. Это позволяет обеспечивать единообразное применение правил конкуренции в рамках Союза. Комиссия утверждает методические рекомендации по выявлению картелей и злоупотреблений доминирующим положением. Созданная система направлена на предотвращение нарушений, затрагивающих интересы нескольких государств-участников.

Евразийская экономическая комиссия осуществляет контроль за соблюдением общих правил конкуренции на трансграничных рынках. В ее компетенцию входит рассмотрение дел о нарушениях, оказывающих воздействие на конкуренцию более чем в одном государстве-члене. Комиссия уполномочена проводить внеплановые проверки и запрашивать информацию у хозяйствующих субъектов. Эти меры обеспечивают эффективный надзор за

соблюдением наднациональных норм. При выявлении нарушений Комиссия применяет меры административного воздействия, включая предписания и штрафные санкции. Решения принимаются Коллегией ЕЭК с участием представителей всех государств-членов. Национальные антимонопольные органы обязаны оказывать содействие в проведении расследований. Такая модель взаимодействия позволяет сочетать наднациональный контроль с учетом национальных особенностей.

Функционирование антимонопольной системы ЕАЭС требует последовательной гармонизации законодательств государств-участников. Процесс предполагает сближение национальных норм с едиными стандартами Союза. Особое внимание уделяется унификации понятийного аппарата и критериев оценки конкуренции. Это создает основу для формирования общего конкурентного пространства. Гармонизация осуществляется через имплементацию решений ЕЭК в национальные правовые системы. Государства-члены принимают соответствующие поправки в законодательство и административные регламенты. Однако различия в сроках и качестве реализации создают дополнительные сложности. Неполная адаптация норм может приводить к коллизиям в правоприменительной практике.

Ключевым вызовом для наднационального регулирования ЕАЭС остается экономическая асимметрия государств-членов. Различия в уровнях развития рынков и отраслевой структуре экономик осложняют выработку единых подходов. Нормы, адекватные для одной страны, могут оказаться неэффективными для другой. Это требует гибких механизмов учета национальных особенностей при сохранении общих принципов. Дополнительные сложности связаны с различиями в административных практиках национальных антимонопольных органов. Несовпадение процедур расследования и санкционных режимов затрудняет координацию действий. Отсутствие единых стандартов подготовки кадров влияет на качество правоприменения. Преодоление этих различий требует углубления интеграции в сфере обмена опытом и гармонизации процессуальных норм.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) разработала комплекс рекомендаций, устанавливающих международные стандарты административно-правового статуса антимонопольных органов. Эти рекомендации акцентируют необходимость обеспечения институциональной независимости регуляторов от политического влияния и хозяйствующих субъектов. Особое внимание уделяется прозрачности процедур принятия решений и методологиям оценки состояния конкурентной среды. Данные принципы формируют основу для создания эффективных национальных систем антимонопольного регулирования. Ключевым аспектом рекомендаций ОЭСР выступает требование объективности и подотчётности антимонопольных органов. Международные стандарты предписывают чёткое нормативное закрепление полномочий и ответственности регуляторов. Важное значение придаётся унификации подходов к анализу рыночной концентрации и антиконкурентных практик. Реализация этих принципов способствует повышению доверия к решениям антимонопольных ведомств на международном уровне.

Всемирная торговая организация (ВТО) оказывает влияние на формирование административно-правового статуса антимонопольных органов через систему многосторонних соглашений. Соглашение по техническим барьерам в торговле и Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам устанавливают рамки для гармонизации национальных регуляторных практик. Эти документы ограничивают использование антиконкурентных мер, способных создавать необоснованные препятствия международной торговле. Нормы ВТО косвенно воздействуют на компетенцию национальных антимонопольных органов, требуя соответствия их решений принципам недискриминации и пропорциональности. Регуляторы обязаны учитывать международные обязательства государств при применении мер антимонопольного реагирования. Это приводит к постепенной конвергенции административно-правовых статусов антимонопольных ведомств в разных юрисдикциях, облегчая межгосударственное сотрудничество в сфере защиты конкуренции.

Системный анализ нормативных пробелов выявляет отсутствие унифицированных стандартов определения рыночных границ. Различия в методологии расчета доли рынка и идентификации географических границ товарных рынков создают условия для регуляторного арбитража. Этот пробел особенно заметен при рассмотрении трансграничных сделок, где антимонопольные органы разных юрисдикций приходят к противоположным выводам на основе одних и тех же экономических показателей. Существенным пробелом является недостаточная регламентация обмена конфиденциальной информацией между национальными и наднациональными органами. Отсутствие четких процедур передачи данных ограничивает возможности координации расследований. Эта проблема актуализируется в условиях цифровой экономики, где требуется оперативный доступ к кросс-граничным потокам информации для анализа конкурентной среды на транснациональных рынках. Третья категория пробелов связана с неопределённостью в разграничении компетенции между уровнями регулирования. Отсутствие чётких критериев отнесения дел к юрисдикции национальных или наднациональных органов приводит к параллельным расследованиям либо правовому вакууму. Особенно остро эта проблема проявляется в ЕАЭС, где продолжается процесс гармонизации антимонопольного законодательства государств-членов.

Юридические последствия выявленных противоречий проявляются в снижении предсказуемости правоприменительной практики. Разногласия в квалификации антиконкурентных практик создают риски двойного наказания за одно нарушение либо, наоборот, ухода от ответственности. Это подрывает единство экономического пространства интеграционных объединений и снижает инвестиционную привлекательность регионов с нескоординированным антимонопольным регулированием. Для преодоления правовых коллизий разрабатываются специальные механизмы взаимодействия. «Механизм взаимодействия на основе «отказа от конфиденциальности» позволяет рассматривать ходатайства при отсутствии соглашений об обмене информацией между ведомствами. Этот подход обеспечивает возможность принятия согласованных решений конкурентными органами разных стран, способствуя экономии их ресурсов» [2, с.12]. Подобные инструменты смягчают последствия нормативных пробелов, поддерживая целостность конкурентной среды.»

Европейский союз и Евразийский экономический союз демонстрируют различные институциональные подходы к гармонизации антимонопольного законодательства. В ЕС преобладает директивный метод, предполагающий обязательную трансформацию наднациональных норм в национальные правовые системы. Основой гармонизации служат учредительные договоры, создающие единое конкурентное право для всех государств-членов. Данный подход обеспечивает высокую степень унификации, но требует сложных механизмов имплементации. Директивный подход ЕС реализуется через систему вторичного права, включая регламенты и директивы конкурентной политики. Например, Регламент 1/2003 закрепил децентрализованное применение статей 101 и 102 ДФЕС, усилив

роль национальных антимонопольных органов. Этот механизм позволяет сочетать единообразие правоприменения с учётом национальных особенностей экономик. Однако он требует постоянного контроля со стороны Европейской комиссии за соблюдением принципа верховенства права ЕС. В отличие от ЕС, ЕАЭС использует договорно-интеграционный метод гармонизации, основанный на международных соглашениях государств-членов. Договор о ЕАЭС 2014 года установил общие принципы конкурентной политики, но оставил значительную свободу в их национальной имплементации. Такая модель учитывает разнородность экономик участников, но создаёт риски фрагментации правового пространства. Отсутствие наднационального органа с юрисдикцией, аналогичной Европейской комиссии, ограничивает возможности единообразного толкования норм.

Правовые инструменты гармонизации в ЕС демонстрируют различную эффективность в зависимости от их юридической природы. Регламенты как акты прямого действия (например, Регламент 139/2004 о контроле слияний) обеспечивают максимальную унификацию, не требуя национальной имплементации. Их применение позволяет оперативно реагировать на трансграничные нарушения, минимизируя коллизии юрисдикций. Однако жёсткость регламентов может ограничивать гибкость при адаптации к специфическим рыночным условиям. Директивы ЕС (такие как Директива 2014/104/EU о возмещении ущерба от картелей) устанавливают рамочные требования, оставляя государствам-членам выбор форм и методов реализации. Этот инструмент обеспечивает баланс между гармонизацией и учётом национальных правовых традиций. Тем не менее, различия в сроках и качестве трансформации директив создают асимметрию в правоприменительной практике, что особенно заметно в новых государствах-членах. Решения наднациональных органов (Европейской комиссии в ЕС, Коллегии ЕЭК в ЕАЭС) играют ключевую роль в конкретизации общих норм. В ЕС прецедентные решения формируют единую судебную практику через взаимодействие с Судом ЕС. В ЕАЭС решения Коллегии ЕЭК по согласованной конкурентной политике (ст. 76 Договора) носят рекомендательный характер, что снижает их эффективность. Это различие отражает разный уровень интеграции в двух объединениях.

Опыт Германии иллюстрирует успешную имплементацию европейских антимонопольных стандартов в национальное законодательство. Реформа Закона против ограничений конкуренции (GWB) в 2005 году обеспечила полное соответствие нормам Регламента 1/2003, усиливая полномочия Федерального картельного ведомства. Адаптация включала внедрение европейских подходов к оценке доминирующего положения и картельных соглашений. Этот пример демонстрирует возможность эффективной гармонизации при наличии политической воли и развитых институтов. В ЕАЭС показательным кейсом выступает имплементация единых правил конкуренции в законодательство Республики Беларусь. Закон «О противодействии монополистической деятельности» 2021 года инкорпорировал нормы Договора о ЕАЭС, установив новые стандарты оценки антиконкурентных соглашений. Синхронизация национального законодательства с наднациональными требованиями позволила сократить количество трансграничных нарушений. Однако отсутствие обязательной юрисдикции ЕЭК ограничивает унификацию правоприменения.

Главная проблема гармонизации в ЕАЭС связана с разнородностью национальных правовых систем государств-членов. Различия в традициях правового регулирования (континентальное право России и Беларуси против исламских правовых принципов Казахстана) осложняют унификацию процессуальных норм. Несовпадение экономических интересов приводит к асимметричной имплементации общих стандартов, особенно в сфере государственного контроля над естественными монополиями. Это создаёт риски фрагментации единого экономического пространства. Как отмечают исследователи, «Сложность задачи состоит в том, что международные нормы не существуют в вакууме: они отражают распределение сил и интересов различных государств, а также интересы крупных экономических игроков [3, с.128]». Данный тезис подтверждается различиями в скорости имплементации решений ЕЭК: если Россия оперативно вносит изменения в законодательство, то Армения и Кыргызстан сталкиваются с институциональными ограничениями. Эти диспропорции требуют разработки дифференцированных механизмов гармонизации.

Концепция модернизации административно-правового статуса национальных антимонопольных органов должна базироваться на принципе субсидиарности. Данный принцип предполагает распределение компетенций между национальными и наднациональными уровнями регулирования в зависимости от эффективности решения задач. Его применение позволит четко разграничить полномочия при сохранении суверенитета государств-участников. Внедрение субсидиарного подхода требует адаптации национальных законодательств к международным стандартам. Принцип субсидиарности способствует оптимизации взаимодействия между различными уровнями антимонопольного регулирования. Национальные органы сохраняют первичную ответственность за дела, не имеющие существенного трансграничного эффекта. Наднациональные структуры активизируются при возникновении вопросов, затрагивающих интересы нескольких юрисдикций. Такой подход минимизирует дублирование функций и повышает эффективность правоприменения. Реализация принципа субсидиарности предполагает разработку четких критериев отнесения дел к компетенции наднациональных органов. Необходимо законодательно закрепить пороговые значения трансграничного воздействия антиконкурентных практик. Параллельно следует создать механизмы передачи дел между юрисдикциями на основе взаимного признания решений. Это обеспечит гибкость системы при сохранении процессуальных гарантий.

Оптимизация координации между национальными и наднациональными антимонопольными органами требует институциональных преобразований. Существующие механизмы взаимодействия часто характеризуются фрагментарностью и недостаточной правовой определенностью. Особую сложность представляют случаи параллельного расследования трансграничных нарушений. Для преодоления этих проблем необходимо создание постоянно действующих консультативных платформ. Важным шагом станет формирование межведомственных рабочих групп и прозрачных механизмов мониторинга исполнения государственных программ. «Усиление координации между органами власти позволит повысить согласованность действий на федеральном и региональном уровнях и сократить бюрократические барьеры» [6, с.338]. Такие структуры должны разрабатывать единые методики оценки антиконкурентных практик и согласовывать правоприменительную практику. Дополнительным инструментом координации может стать создание цифровых платформ для обмена информацией между юрисдикциями. Автоматизация процессов уведомления о возбуждении дел снизит риски конфликта компетенций. Совместные расследования следует проводить на основе заранее согласованных протоколов взаимодействия. Это повысит эффективность выявления транснациональных картелей и злоупотреблений доминирующим положением.

Институционализация медиационных процедур необходима для преодоления юрисдикционных конфликтов. Параллельное расследование дел в нескольких юрисдикциях создает риски противоречивых решений и двойных наказаний. Медиационные механизмы позволяют достичь консенсуса между национальными органами на ранних стадиях расследования. Их правовое закрепление должно включать четкие временные рамки и критерии приемлемости. Разработка модельных медиационных процедур может базироваться на опыте Европейской сети конкурентных органов (ECN). Ключевыми элементами станут независимость медиаторов, конфиденциальность процесса и обязательность исполнения достигнутых соглашений. Внедрение досудебного урегулирования споров сократит нагрузку на судебные системы. Это повысит эффективность защиты конкуренции в условиях глобализации рынков.

Сравнительный анализ опыта ЕС и ЕАЭС выявил, что успешная гармонизация достигается через сочетание принципа субсидиарности с развитием наднациональных контрольных инструментов. Европейская практика демонстрирует эффективность делегирования отдельных компетенций на уровень Еврокомиссии при сохранении автономии национальных органов в вопросах, не требующих единообразного регулирования. Подобный подход позволяет минимизировать конфликты юрисдикций без ущемления суверенных прав государств-членов. В ЕАЭС формирование наднационального антимонопольного регулирования происходит с учётом специфики евразийской интеграции, где баланс между национальными и наднациональными элементами достигается через поэтапное расширение полномочий Евразийской экономической комиссии. Исследование подтвердило, что данный опыт, несмотря на различия с европейской моделью, обеспечивает необходимую гибкость для адаптации к меняющимся экономическим реалиям при сохранении единых стандартов конкурентного права.

Для устранения выявленных пробелов предложена многоуровневая модель взаимодействия антимонопольных органов, основанная на синхронизации процедур расследования и унификации критериев оценки ограничительных практик. Ключевым элементом модели выступает создание транснациональных платформ, обеспечивающих оперативный обмен информацией и прецедентным опытом. Это позволит сократить сроки рассмотрения дел с трансграничной составляющей и повысить предсказуемость правоприменения. Реализация предложенной модели предполагает разработку единых методических рекомендаций по квалификации нарушений и согласованных механизмов исполнения решений. Особое значение приобретает гармонизация санкционных режимов, предотвращающая возможность уклонения от ответственности путём использования различий в национальных законодательствах. Такие меры обеспечат системность в противодействии монополистическим практикам на интеграционном пространстве.

Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом адаптации административно-правового статуса антимонопольных органов к вызовам цифровой экономики, где динамика технологических изменений требует разработки гибких моделей межюрисдикционного сотрудничества. Ускорение цифровой трансформации рынков актуализирует поиск баланса между инновационным развитием и необходимостью предотвращения новых форм ограничения конкуренции.

Литература

1. Беляев С.Г., Капитонов И.А. Цены на бензин в России — осознанное движение вверх? // Российское конкурентное право и экономика. — 2019. — №3. — С. 68–72.

2. Давыдова Л.Е. Международное сотрудничество ФАС России в области конкурентной политики // Конференция «Общее правовое пространство России и ЕС». — Москва, 2012. — С. 1–5.

3. Коровяковский Д.Г., Романова М.Е., Дмитриева О.А. Влияние глобализации на интеграцию правовых норм и вызовы национального законодательства // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: экономика и право. — 2025. — №6. — С. 127–131.

4. Меньшикова А.М. Перспективы развития торгово-экономических отношений США с ЕС при администрации Джо Байдена // США & Канада: экономика, политика, культура. — 2021. — №8. — С. 52–68.

5. Мешкова Т.А., Изотов В.С., Демидкина О.В. Возможности использования стандартов и лучших практик ОЭСР в евразийской экономической интеграции // Вестник международных организаций. — 2019. — №4. — С. 172–186.

6. Смирнов А.В. Государственное регулирование национального рынка в российской федерации: институциональный анализ и перспективы развития // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2024. — №10. — С. 332–340.

7. Чжан Тиншо, Крапухин Г.А. Экономические отношения России со странами Центральной и Восточной Европы: проблемы и сценарии развития // Прогрессивная экономика. — 2022. — №10. — С. 46–58.

National and supranational regulation of the administrative and legal status of the national antimonopoly authority

Belyakov A.V.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

The cross-border nature of modern markets requires a rethink of the administrative and legal status of antimonopoly authorities operating in the context of interaction of multi-level legal systems. National regulators are forced to adapt to supranational norms, which creates the need to find a balance between the sovereignty of states and integration imperatives. This dynamic is especially noticeable in the context of the formation of common economic spaces, where the consistency of antimonopoly policy is becoming a key factor in efficiency.

The key problem of the current stage of development of competition law is the institutional asymmetry, manifested in the duplication of competencies and conflicts of jurisdiction in the investigation of cross-border violations. The fragmentation of legal regimes reduces the effectiveness of law enforcement practice, creating opportunities for evading responsibility. This problem is becoming particularly acute in the context of the digitalization of the economy, where the traditional territorial boundaries of jurisdiction are losing their relevance. The inconsistency between national and supranational regulators leads to fragmentation of the competitive environment and increased transaction costs for businesses.

The purpose of this study is a comprehensive analysis of the specifics of the legal regulation of the status of antimonopoly authorities at the national and supranational levels. Special attention is paid to identifying systemic contradictions between different legal regimes and developing scientifically sound recommendations for their harmonization. The research is aimed at finding optimal mechanisms for interaction between regulators that can increase the effectiveness of combating competition restrictions. The proposed approach takes into account both legal and economic aspects of the functioning of antimonopoly systems.

The first objective of the study is to conduct a retrospective analysis of the evolution of national models for regulating the administrative and legal status of antimonopoly authorities. The second task is aimed at studying supranational regulatory mechanisms through the prism of the institutional design of the antimonopoly authorities of the EU and the EAEU. The third task involves conducting a comparative legal analysis of the identified models with the development of conceptual proposals to eliminate regulatory conflicts. Conclusion: the interaction of national authorities and the Eurasian Economic Commission is a system-building element of competition protection in cross-border markets, which makes it possible to effectively prevent monopolistic activities while protecting the integrity of the common market.

Keywords: antimonopoly authority, antimonopoly regulation, antimonopoly legislation, administrative and legal status, commodity market, cross-border markets.

References

1. S. Belyaeva, G. N., Kapitonov, I. N. A. Are gasoline prices in Russia a conscious upward movement? // Russian Competition Law and Economics. — 2019. — No. 3. - I. 68-72.

2. L. Davydova.International cooperation of the FAS of Russia in the field of competition policy // Conference "Common Legal space of Russia and the EU". - Moscow, 2012. - I. 1-5.

3. D. Korovyakovsky, PhD, Romanova M. N. E., Dmitrieva O. N. A. The impact of globalization on the integration of legal norms and challenges of national legislation // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law. — 2025. — No. 6. - I. 127-131.
4. A. Menshikova,M. N. Prospects for the development of trade and economic relations between the United States and the EU under the administration of Joe Biden // USA & Canada: economics, Politics, culture. — 2021. — No. 8. - I. 52-68.
5. Meshkova T. N.A. N., Izotov V. N.Sv., Demidkina O. N.V. N. Possibilities of using OECD standards and best practices in the Eurasian economic integration // Bulletin of International Organizations. — 2019. — No. 4. - I. 172-186.
6. A. Smirnov.V. N. State regulation of the national market in the Russian Federation: institutional analysis and development prospects // Economics: yesterday, today, tomorrow. — 2024. — No. 10. - I. 332-340.
7. Zhang Tingshuo, G. Krapukhin, A. N. Economic relations of Russia with the countries of Central and Eastern Europe: problems and scenarios of development // Progressive Economics. — 2022. — No. 10. - I. 46-58.

Институт гражданства как правовая и социальная связь между личностью и государством

Горбачева Ольга Вячеславовна
старший преподаватель, кафедра государственно-правовых дисциплин, Юридический институт, Луганский государственный университет имени Владимира Даля, gorbachova.olga@mail.ru

В статье исследуется взаимосвязь между личностью и государством, выражаемая через призму гражданства. В рамках данной темы проанализированы правовые особенности основополагающих принципов российского гражданства, проведен анализ конституционных норм, определяющих основные права и свободы граждан, обоснована прямая связь гражданства с суверенитетом, являющимся одним из важнейших признаков государства, рассмотрена судебная практика Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам реализации права на гражданство, как основного принципа гражданственности.
Ключевые слова: гражданство, суверенитет, государство, принципы гражданства, конституционные права и свободы граждан.

С момента возникновения государства как специфической формы организации общества проблема взаимоотношений граждан и государства становится предметом исследования многих ученых и политиков. Различные точки зрения на данную проблему в принципе сводились к двум основным. Первая из них характеризуется противопоставлением государства как чуждого личности общественного явления. В рамках второй концепции государство рассматривается как институт, обеспечивающий поддержание правопорядка и политической стабильности, а также создающий условия для нормального функционирования общества и жизнедеятельности его членов. В различных интерпретациях данная позиция сохраняет актуальность и находит отражение в современных научных дискуссиях.

Необходимо акцентировать внимание на том, что в процессе подготовки и экспертной апробации проектов Основного закона страны (далее — Конституция РФ) ключевое значение приобрела доктрина государственности, сфокусированная на правовых и социальных ценностных ориентирах. В рамках этой теоретической модели государственные институты позиционировались не просто как инструментарий административного менеджмента, но прежде всего как гарант всесторонней самореализации индивида, инструмент обеспечения и практического воплощения комплекса прав и свобод, а также катализатор выстраивания общественных взаимодействий на строго легальной платформе. Прямым следствием нормативной фиксации данного вектора стало появление конституционной нормы, провозглашающей человека, его фундаментальные права и свободы высшим приоритетным благом [1, ст. 2]. Параллельно с этим в указанном положении была детерминирована и главная государственная функция, состоящая в императивной обязанности органов власти по признанию, соблюдению и эффективной защите правового статуса человека и гражданина.

Научное осмысление баланса интересов государства и отдельной личности представляется недостижимым, если не принимать во внимание более масштабную архитектуру социальных взаимодействий. Здесь важно учитывать, что принадлежность человека к общественной среде как к первичной социальной системе является базисной, тогда как его последующая связь с государством носит вторичный характер и получает свое воплощение в юридически оформленных конструкциях. Опираясь на данный тезис, при анализе личностного статуса в плоскости государственно-правовых отношений следует принимать во внимание не только лиц, обладающих гражданством Российской Федерации, но и иностранных подданных, а также апатридов, находящихся в пределах ее юрисдикции. Вместе с тем юридическая категория граждан охватывает исключительно тот круг лиц, который находится в перманентной и устойчивой правовой связи с государственным институтом. Именно по этой причине теоретическое рассмотрение векторов взаимодействия личности и государства методологически верно начинать с исследования института гражданства, выступающего фундаментом указанной связи.

Основные положения Конституции постулируют принцип единства гражданства, одновременно устанавливая, что регламентация условий его получения или утраты относится к сфере ведения федерального законодательства [1, ст. 6]. В развитие этого постулата Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» (2023 г.)

детально описывает сущностное наполнение данной категории, интерпретируя ее как стабильную правовую корреляцию лица с РФ, которая находит свое выражение в неразрывном единстве взаимных полномочий и юридических обязанностей [2, ч. 1 п. 3 ст. 4].

Правовое положение граждан РФ характеризуется тем, что они наделены правом на государственную защиту и покровительство вне зависимости от их текущей локации — как внутри страны, так и в зарубежном пространстве, — обременяясь при этом установленным законом кругом обязанностей. В противоположность им, правовой статус лиц без гражданства и иностранных подданных, как правило, ограничивается более узким спектром полномочий, что прямо обусловлено отсутствием у них устойчивой политико-правовой аффилиации с государством.

Принимая во внимание вышеизложенные факторы, феномен гражданства целесообразно анализировать через систему нескольких сопряженных аспектов. Во-первых, оно функционирует как специфическая форма стабильной юридической связи между человеком и государственным аппаратом. Во-вторых, его следует понимать как законное право субъекта на принадлежность к определенной державе и получение ее защиты. В-третьих, через гражданство реализуется суверенная прерогатива государства по самостоятельному формированию своего населения и установлению процедурных правил получения данного статуса. В-четвертых, оно выступает одним из сущностных идентификаторов государственности и внешним проявлением государственного суверенитета. Наконец, в-пятых, гражданство квалифицируется как конституционно-правовой институт, обладающий фундаментальной значимостью для функционирования всей национальной правовой системы.

Формирование института гражданства в РФ базируется на основополагающих принципах, как международного права, так и внутринациональных. Данные императивы получили свое закрепление в тексте Конституции РФ и нашли дальнейшую конкретизацию в действующем Законе о гражданстве Российской Федерации. К фундаментальным принципам мирового регулирования в этой области относится признание за каждым человеком неотъемлемого права на гражданство. Данный постулат зафиксирован в ряде универсальных международно-правовых документов, среди которых Всеобщая декларация прав человека (1948 г.) [3, ст. 15], а также Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1966 г.) [4, ч. d п. 3 ст. 5], которые были официально ратифицированы нашим государством.

В специализированных научных трудах сущность указанного начала традиционно интерпретируется через призму запрета на любые формы дискриминации при разрешении вопросов, детерминированных принадлежностью лица к гражданству. В частности, Н. Н. Таран акцентирует внимание на том, что фундаментальная миссия данного принципа заключается в пресечении возможности необоснованно дифференцированного подхода в процессе приобретения гражданства [5, с. 32]. Аналогичный вектор рассуждений прослеживается у С. М. Шахрая, который указывает на императивную необходимость элиминации любых барьеров и ограничений, инспирированных социальным статусом, расовой идентичностью, языковыми особенностями, этническим происхождением или конфессиональной принадлежностью субъекта [6, с. 35]. Таким образом, право на гражданство выступает в качестве универсального инструментария обеспечения равенства и справедливости, получившего признание в правовых архитектурах множества современных государств.

В рамках отечественного правового поля эксплицитное закрепление указанного правомочия впервые нашло отражение в Законе «О гражданстве Российской Федерации» от 28 ноября 1991 года [7, ч. 1 ст. 1]. Исследователь Е. А. Дрогавцева отмечает, что на этапе формирования данного закона ключевой акцент ставился на имплементации общемировых стандартов в национальное поле регулирования, что коренным образом повлияло на концептуальное наполнение итогового текста [8, с. 98].

Дальнейшие Законы о гражданстве от 2002 и 2023 годов — характеризуются преемственностью в отношении базовых международных стандартов, однако прямое вербальное упоминание права каждого на гражданство было нивелировано. С точки зрения Е. А. Дрогавцевой, подобная трансформация была вызвана пересмотром вектора государственной стратегии, нацеленной на актуализацию суверенных начал регулирования и более детальную формализацию процедур вступления в гражданство, что повлекло за собой сокращение возможностей для использования упрощенных механизмов [8, с. 100].

Важно подчеркнуть, что непосредственная фиксация права на гражданство отсутствует и в тексте второй главы Конституции РФ. Тем не менее, юридическое существование данного права следует из общего содержания конституционно-правовых норм о гражданстве. Оно также детерминируется нормами действующего законодательства и аргументированными позициями Конституционного Суда РФ. Подобный подход позволяет рассматривать право на гражданство как неотъемлемый компонент прав и свобод человека, даже при отсутствии его прямого упоминания в тексте Основного закона.

Указанная теоретическая позиция находит свое воплощение и в сфере правоприменения. Так, Конституционный Суд РФ сформулировал правовую позицию о том, что в любых правоотношениях (включая связанные с гражданством) личность должна квалифицироваться не как пассивный объект государственной деятельности, а как полноправный и инициативный субъект. Соответственно, на государство возлагается безусловная обязанность по обеспечению уважения достоинства человека при реализации любых процедур, затрагивающих сферу гражданства [9].

Право человека на гражданство находит подтверждение и в иных актах высшего органа конституционной юстиции. Оно было сформулировано в ходе разбирательств, охватывающих многогранные аспекты личностного статуса: от защиты интересов лиц, признанных недееспособными [10], до уточнения правового положения Героев СССР, находящихся за рубежом и обладающих бипатризмом [11]. Также это касается обеспечения пенсионных гарантий бывших кадровых военнослужащих в условиях отсутствия постоянной регистрации [12] и специфики приобретения гражданства иностранцами, фактически проживающими в России без регистрации по месту жительства [13]. Конгломерат данных позиций доказывает, что право на гражданство динамично развивается не только в доктринальном поле, но и в судебной практике, где происходит уточнение его границ и механизмов правовой защиты.

При этом, несмотря на фрагментарное присутствие элементов данного права в нормативной и судебной плоскостях, законодательная власть сохраняет за собой существенный объем дискреционных полномочий в сфере регламентации вопросов гражданства. В этой связи представляется логичным и обоснованным дальнейшее совершенствование текста Основного закона. В частности, целесообразно интегрировать во вторую главу Конституции РФ норму следующего содержания: «Каждому гарантируется право на гражданство в порядке, установленном федеральным законом».

Фундаментальное значение в иерархии базовых начал занимает принцип равенства гражданства. Его содержательный базис сводится к тому, что совокупность прав,

свобод и легитимных интересов субъектов не может зависеть от фактического основания получения ими гражданства — будь то филиация (по рождению), натурализация (прием), восстановление или иные легальные способы.

В данном контексте заслуживают детального осмысления поправки, внесенные в Конституцию страны в 2020 году. Речь идет о части 2 статьи 81, где зафиксированы повышенные требования к претенденту на пост главы государства, включая императивный запрет на замещение этой должности лицом, которое когда-либо в прошлом имело иностранное подданство. Подобные нововведения свидетельствуют о векторе на ужесточение критериев для лиц, наделяемых публично-властными полномочиями, и акцентируют внимание на особой роли гражданства в архитектуре государственной организации.

Логичным представляется тезис о том, что упомянутая конституционная рестрикция в полной мере корреспондирует приоритетам поддержания государственного суверенитета и обеспечения национальной безопасности. Данная мера не вступает в диссонанс с фундаментальным принципом равенства гражданства, поскольку обладает специфическим, адресным характером и затрагивает исключительно лиц, претендующих на замещение высшей государственной должности в стране. В то же время для нивелирования вероятных правовых коллизий и укрепления внутренней согласованности системы регулирования представляется целесообразным внести уточняющие правки в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации». В частности, положения части 1 статьи 5 указанного акта могли бы быть изложены в следующей редакции: «Гражданство Российской Федерации носит единый и равный характер вне зависимости от юридических оснований его получения. Отступления от принципа равного гражданства допустимы исключительно в целях охраны государственных интересов Российской Федерации и могут применяться лишь в отношении субъектов, претендующих на пост Президента Российской Федерации».

Фундаментальное значение в структуре принципов гражданства занимают также доктринальные конструкции «права крови» и «права почвы», регламентирующие механизмы приобретения гражданства по факту рождения (филиацию). Данное основание выделяется автоматизмом установления юридической связи, не зависит от направленного волеизъявления индивида и не требует совершения им каких-либо формальных юридических действий. В рассматриваемом случае вступление в гражданство происходит непосредственно в силу закона и базируется на синтезе двух критериев: кровной связи с родителями-гражданами («право крови») и территориального фактора места рождения («право почвы»).

Неотъемлемым компонентом института гражданства выступает декларация гарантированной защиты граждан РФ за пределами национальных границ. Опираясь на нормы Основного закона и предписания действующего законодательства, государство берет на себя обязательство осуществлять покровительство и обеспечивать безопасность своих граждан при их пребывании в иностранной юрисдикции [1, ч. 2 ст. 61], [2, ч. 1 ст. 6]. Практическая имплементация данной функции делегирована дипломатическим представительствам и консульским учреждениям РФ, функционирующим на территории иных государств.

С указанным принципом тесно сопряжено положение о недопустимости экстрадиции гражданина РФ иностранному государству. Суть данной гарантии сводится к обязанности государства исключать передачу своих граждан зарубежным властям для целей уголовного преследования или исполнения судебных вердиктов. Под экстрадицией в данном правовом контексте понимается официальная выдача лица компетентным структурам иностранного государства для привлечения к юридической ответственности либо приведения в действие судебного решения.

В соответствии с ч. 1 ст. 61 Конституции РФ и ч. 4 ст. 5 Закона «О гражданстве Российской Федерации», российский гражданин не может быть выдан иному государству. Данная норма подчеркивает автономность национального статуса от зарубежной юрисдикции в аспектах уголовной юстиции и нацелена на всестороннюю правовую охрану россиян. В ситуациях, связанных с совершением деликтов за пределами страны, такие лица, как правило, привлекаются к ответственности в рамках предписаний отечественного уголовного законодательства.

К числу базисных начал рассматриваемого института относится и принцип единства гражданства. Согласно Конституции РФ, гражданство страны характеризуется как единое [1, ч. 1 ст. 6]. Данный императив предопределен федеративным устройством государства и четким разграничением полномочий между уровнями публичного управления. В частности, регулирование вопросов гражданства находится в сфере исключительного ведения Российской Федерации [1, п. «в» ст. 71], что де-юре исключает возможность законотворчества в этой области на уровне субъектов Федерации.

Эта позиция находит широкое подтверждение в академических кругах. Так, Р. В. Андриченко и В. А. Виноградов аргументированно доказывают недопустимость установления субъектами РФ собственного гражданства, поскольку подобная практика подорвала бы принцип их равноправия и создала бы прямые угрозы территориальной целостности страны [14, с. 211]. Аналогичной точки зрения придерживался В. А. Ржевский, подчеркивавший отсутствие у региональных образований признака суверенитета, который является необходимой прерогативой для учреждения самостоятельного гражданства [15, с. 70]. Следовательно, концепция единства гражданства предполагает наличие унифицированного правового статуса, распространяющегося на всех лиц под юрисдикцией РФ, что выступает залогом равенства их прав и свобод на всей территории государства.

Систему взаимодействия личности и государства методологически верно интерпретировать как совокупность взаимных прав и обязанностей. В этой структуре, с одной стороны, сосредоточены субъективные права, свободы и юридические обязанности граждан, а с другой — функциональные задачи и ответственность государственного аппарата. При этом доминирующее значение в данной взаимосвязи отводится именно правам и свободам человека как базовому элементу его правового положения.

Основной закон РФ фиксирует масштабный комплекс правомочий, принадлежащих человеку как носителю правового статуса и гражданину как активному участнику публичных отношений. Данные права обладают наивысшей юридической силой и являются безальтернативным условием как для полноценного развития индивида, так и для стабильного функционирования государства. Конституционные права представляют собой санкционированные и гарантированные властью возможности определенного типа поведения. Их сущностное наполнение детерминировано историческим контекстом, уровнем социально-экономического прогресса и спецификой национальной правовой системы. Реализация этих возможностей зависит исключительно от волевого решения самого субъекта, который вправе как воспользоваться ими, так и воздержаться от реализации. В современных демократических системах прослеживается расширение спектра прав и

свобод, что неизбежно ведет к детерминированному ограничению пределов вмешательства государства в частную жизнь.

Тем не менее, права и свободы не обладают абсолютным характером. Их практическое осуществление лимитировано необходимостью соблюдения легитимных интересов и прав окружающих. Так, в силу ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, использование прав и свобод не должно приводить к ущемлению аналогичных прав иных субъектов.

Взаимодействие между гражданином и государством охватывает разнообразные сферы — от политической и экономической до социальной и культурной. В каждой из них кристаллизуется специфический объем взаимных прав и обязанностей сторон. При этом фундамент правового статуса образуют личные (гражданские) права, неразрывно связанные с физической природой человека. К ним, в частности, относятся право на жизнь [1, ст. 20], на свободу и личную неприкосновенность [1, ст. 22], а также на защиту достоинства личности [1, ст. 21].

Особое место занимают политические права и свободы, ключевое отличие которых состоит в их принадлежности строго гражданам Российской Федерации. Они служат инструментом вовлечения населения в процессы государственного и общественного управления, а также в определение векторов национальной политики. Конституция наделяет граждан правом участвовать в управлении государственными делами [1, ст. 32] как в прямой форме (выборы, референдумы), так и через механизмы представительства. Кроме того, гарантируются право на объединение [1, ст. 30], свобода мирных собраний и манифестаций [1, ст. 31], а также право на обращение в органы власти всех уровней [1, ст. 33].

Несмотря на формальную принадлежность ряда прав исключительно гражданам, ч. 3 ст. 62 Конституции допускает их осуществление иностранцами и апатридами, если иное не закреплено в законе или международном договоре. Например, право на обращение де-факто признается и за этими категориями лиц, что подтверждается нормами ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [16, ч. 3 ст. 1]. Наряду с этим, Основной закон гарантирует политические свободы: мысли, слова, выражения мнений, а также поиска и распространения информации [1, ст. 29]. Важно учитывать, что их реализация может быть ограничена федеральным законом в целях защиты конституционного строя, общественной нравственности, здоровья граждан, а также обеспечения обороны и безопасности страны [1, ч. 3 ст. 55].

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что именно политические права и свободы в максимально репрезентативной форме отражают специфику правовых отношений между личностью и государством. Данная связь базируется на фундаментальном принципе народовластия, в соответствии с которым народ выступает в качестве единственного и легитимного источника государственной власти. При этом функционирование государственного аппарата и его должностных лиц подвергается строгой правовой регламентации: субъекты публичной власти правомочны осуществлять исключительно те действия, которые получили прямое санкционирование в соответствующих нормативных актах. В этом проявляется принципиальное отличие от правового статуса частных лиц, чья деятельность руководствуется общедозволительным принципом «разрешено все, что не запрещено законом», в то время как публичные институты ограничены рамками строго установленной компетенции.

Не менее значимую роль во взаимодействии граждан и государства играют экономические, социальные и культурные правомочия. Их основная миссия заключается в обеспечении экономической свободы субъекта и создании необходимых условий для всестороннего и свободного развития человеческого потенциала. Согласно Основному закону, Российская Федерация позиционируется как социальное государство, вектор политики которого направлен на формирование условий, гарантирующих достойное существование и возможность самореализации личности [1, ст. 7]. К числу приоритетных прав в этой плоскости относятся право частной собственности [1, ст. 35], свобода различных форм творчества [1, ст. 44], право на реализацию предпринимательских инициатив [1, ст. 34], право на труд в условиях безопасности и гарантированный отдых [1, ст. 37], право на получение образования [1, ст. 43], а также право на охрану здоровья и квалифицированную медицинскую помощь [1, ст. 41].

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо акцентировать внимание на том, что институт гражданства выступает центральным, осевым элементом правового положения личности, детерминирующим её место в глобальной системе государственно-правовых связей. Исключительная значимость данного института предопределяет потребность в создании последовательного, логически выверенного и лишенного внутренних противоречий нормативного регулирования.

Вместе с тем актуальное состояние рассматриваемого института характеризуется наличием ряда дискуссионных векторов. В частности, в научной среде продолжаются споры относительно отсутствия эксплицитного закрепления права на гражданство в тексте второй главы Конституции Российской Федерации. В связи с этим представляется теоретически оправданным и практически целесообразным предложение по дополнению Основного закона нормой, непосредственно постулирующей указанное правомочие.

Кроме того, поправки, введенные в Конституцию РФ в 2020 году и устанавливающие запрет на замещение поста Президента РФ лицами, имевшими в прошлом иностранное подданство, нуждаются в дополнительной гармонизации с принципом равенства гражданства. С целью нивелирования потенциальных правовых конфликтов представляется разумным уточнить положения закона о гражданстве, зафиксировав допустимость рестрикций данного принципа исключительно в отношении узкого круга лиц, претендующих на занятие высшей государственной должности. Практическая реализация данных инициатив позволит существенно повысить системность и внутреннюю консистентность правового регулирования, устранить амбивалентность в толковании норм и обеспечить долгосрочную стабильность развития института гражданства в Российской Федерации.

Литература

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://consultant.ru - Сайт «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 28.04.2023г. №138-ФЗ [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://consultant.ru - Сайт «КонсультантПлюс».

3. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948г.)[Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://consultant.ru - Сайт «КонсультантПлюс».

4. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 07 марта 1966 года[Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://consultant.ru - Сайт «КонсультантПлюс».

5. Таран, Н.Н. Конституционно-правовые принципы института российского гражданства / Н.Н. Таран // Образование и право. Журнал. – М.: Изд-во «Юркомпани». – 2020. - №5. – С. 31-36.

6. Шахрай, С.М. Конституционное право Российской Федерации: учебник для академ. бакалавриата и магистратуры / С.М. Шахрай // Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. - 4-е изд., изм. и доп. - М.: Статут, 2017. - 625 с.

7. Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 28 ноября 1991г. № 1948-1 (утратил силу) // Российская газета. 1992. № 30. – 10 с.

8. Дрогавцева, Е.А. Право на гражданство: конституционные гарантии и проблемы реализации: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.2. / Е.А. Дрогавцева. – СПб., 2023. – 273 с.

9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 мая 1996 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта «г» статьи 18 Закона Российской Федерации «О гражданстве Российской Федерации» в связи с жалобой А. Б. Смирнова» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 21. – Ст. 2579.

10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2009 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и части четвертой статьи 28 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» в связи с жалобами граждан Ю.К. Гудковой, П.В.Штукатурова и М.А. Яшиной» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 11. – Ст. 1367.

11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2009 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 10 Закона Российской Федерации «О статусе Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы» в связи с жалобой гражданина С.Н. Борозенца» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 30. – Ст. 3920.

12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июня 2011г. № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 56 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» в связи с жалобой гражданина В.Т. Казанцева» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 24. – Ст. 3526.

13. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 октября 2016 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 4 Федерального конституционного закона «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» в связи с жалобой А.Г. Оленева» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 41. – Ст. 5888.

14. Виноградов, В.А., Андриченко, Р.В. Конституционное право России. Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012 г. – 552 с.

15. Ржевский, В.А. Гражданство и федерализм / В.А. Ржевский // Материалы научно-практической конференции по проблеме гражданства. - М.:Статут. – 1995. – С. 66-75.

16. Федеральный закон от 02.05.2006г. №59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»[Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://consultant.ru - Сайт «КонсультантПлюс».

The institute of citizenship as a legal and social connection between the individual and the state

Gorbacheva O.V.
Lugansk State University named after Vladimir Dal

The article examines the relationship between personality and the state, expressed through the prism of citizenship. Within the framework of this topic, the legal features of the fundamental principles of Russian citizenship are analyzed, the constitutional norms defining the basic rights and freedoms of citizens are analyzed, the direct connection of citizenship with sovereignty, which is one of the most important features of the state, is substantiated, the judicial practice of the Constitutional Court of the Russian Federation on the implementation of the right to citizenship, as the basic principle of citizenship, is considered.

Keywords: citizenship, sovereignty, state, principles of citizenship, constitutional rights and freedoms of citizens.

References

1. Constitution of the Russian Federation of 12.12.1993 [Electronic resource]. - Access mode: https://consultant.ru - ConsultantPlus website.
2. Federal Law "On Citizenship of the Russian Federation" of 28.04.2023 No. 138-FZ [Electronic resource]. - Access mode: https://consultant.ru - ConsultantPlus website.
3. Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on 10.12.1948) [Electronic resource]. - Access mode: https://consultant.ru - ConsultantPlus website.
4. International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination of March 7, 1966 [Electronic resource]. - Access mode: https://consultant.ru - ConsultantPlus website.
5. Taran, N.N. Constitutional and legal principles of the institution of Russian citizenship / N.N. Taran // Education and Law. Journal. - M.: Publishing house "Yurkompani". - 2020. - No. 5. - Pp. 31-36.
6. Shakhrai, S.M. Constitutional law of the Russian Federation: textbook for academic bachelor's and master's degrees / S.M. Shakhrai // Lomonosov Moscow State University. - 4th ed., amended. and supplemented. - M .: Statut, 2017. - 625 p.
7. Federal Law "On Citizenship of the Russian Federation" dated November 28, 1991. No. 1948-1 (no longer in force) // Rossiyskaya Gazeta. 1992. No. 30. - 10 p.
8. Drogavtseva, E.A. The Right to Citizenship: Constitutional Guarantees and Problems of Implementation: Dis. … Cand. of Law: 5.1.2. / E.A. Drogavtseva. - St. Petersburg, 2023. - 273 p.
9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 16, 1996 No. 12-P "On the case of verifying the constitutionality of paragraph "g" of Article 18 of the Law of the Russian Federation "On Citizenship of the Russian Federation" in connection with the complaint of A.B. Smirnov" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1996. - No. 21. - Art. 2579.
10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 27, 2009 No. 4-P "On the case of verifying the constitutionality of a number of provisions of Articles 37, 52, 135, 222, 284, 286 and 379.1 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and Part Four of Article 28 of the Law of the Russian Federation "On Psychiatric Care and Guarantees of Citizens' Rights in Its Provision" in connection with the complaints of citizens Yu.K. Gudkova, P.V. Shtukaturov and M.A. Yashina" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2009. - No. 11. - Art. 1367.
11. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 9, 2009, No. 12-P "On the Case Concerning the Review of the Constitutionality of Clause 1 of Article 10 of the Law of the Russian Federation "On the Status of Heroes of the Soviet Union, Heroes of the Russian Federation, and Full Cavaliers of the Order of Glory" in Connection with the Complaint of Citizen S.N. Borozents" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2009. - No. 30. - Article 3920.
12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 2, 2011. No. 11-P "On the Case Concerning the Review of the Constitutionality of Article 56 of the Law of the Russian Federation "On Pension Provision for Persons Who Served in the Military, in the Internal Affairs Bodies, in the State Fire Service, in Narcotic Drug and Psychotropic Substance Control Bodies, in Institutions and Bodies of the Penal System, and Their Families" in Connection with the Complaint of Citizen V.T. Kazantsev" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2011. - No. 24. - Art. 3526.
13. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 4, 2016 No. 18-P "On the Case Concerning the Review of the Constitutionality of Part 1 of Article 4 of the Federal Constitutional Law "On the Admission to the Russian Federation of the Republic of Crimea and the Formation within the Russian Federation of New Subjects - the Republic of Crimea and the Federal City of Sevastopol" in Connection with the Complaint of A.G. Olenev" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2016. – No. 41. – Art. 5888.
14. Vinogradov, V.A., Andrichenko, R.V. Constitutional Law of Russia. Textbook for university students studying in the specialty "Jurisprudence". – Moscow: UNITY-DANA, 2012. – 552 p.
15. Rzhevsky, V.A. Citizenship and Federalism / V.A. Rzhevsky // Materials of the scientific and practical conference on the problem of citizenship. - Moscow: Statut. – 1995. – Pp. 66-75.
16. Federal Law of 02.05.2006 No. 59-FZ "On the Procedure for Considering Appeals of Citizens of the Russian Federation" [Electronic resource]. - Access mode: https://consultant.ru - ConsultantPlus website.

Контрольно-надзорная деятельность налоговых органов в решениях высших судов

Григорьева Наталья Владимировна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и публичного права, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, navalagri@mail.ru

В статье рассматривается налоговый контроль в условиях цифровизации и риск-ориентированного подхода, реализованного законодательством о контроле с учетом правовых позиций, изложенных в судебной практике. Особое внимание уделено толкованию контрольных полномочий налоговых органов высшими судами, включая анализ коллизий в статьях 82–89 Налогового кодекса Российской Федерации. На основе сравнительно-правового и формально-юридического методов выявлены пробелы в регулировании предписаний, уведомлений. Подтвержден вывод о том, что предписания налогового органа об устранении нарушений норм законодательства о применении контрольно-кассовой техники могут быть оспорены в судебном порядке исключительно при условии соблюдения заявителем досудебного порядка разрешения спора. Предложены меры по гармонизации норм налогового законодательства для баланса интересов государства и налогоплательщиков, включая уточнение сроков проверок контролируемых сделок и расширение контрольной (надзорной) деятельности в налоговой сфере.

Ключевые слова: налоговый контроль, налоговый орган, судебная практика, Закон о контроле, контролируемые сделки.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

Результативность и эффективность деятельности контрольных (надзорных) органов являются ключевыми показателями успешного функционирования системы государственного контроля в Российской Федерации. Результативность контрольно-надзорной деятельности налоговых органов напрямую влияет на наполнение бюджета и снижение теневой экономики.

По данным ФНС России, только за девять месяцев 2025 года сумма доначислений по результатам налоговых проверок выросла в полтора раза, достигнув 443 млрд рублей, что является максимальным показателем с 2022 года [2]. В целом за 2024 год этот показатель составил 466,1 млрд рублей [12]. Статистика свидетельствует о том, что, несмотря на ужесточение контроля, остается множество вариантов ухода от налогообложения, что требует постоянного совершенствования правовых механизмов повышения результативности и эффективности деятельности налоговых органов.

Вопрос о сущности налогового контроля, определении его содержания как вида контрольной (надзорной) деятельности государства довольно многогранно рассматривается специалистами. Вместе с тем, на современном этапе развития российского права особое значение приобретает анализ практики высших судебных органов, которые вырабатывают правовые стандарты и механизмы, направленные на оптимизацию контрольно-надзорной деятельности.

Согласно пункту 1 части 5 статьи 2 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» нормы данного закона не распространяются на организацию и реализацию налогового контроля, который тем не менее квалифицируется как самостоятельный вид государственного контроля (надзора). В указанном положении проявляется правовой механизм эволюционного перехода к формированию и функционированию единой системы контрольных (надзорных) органов, который обусловлен признанием деятельности налоговых органов в рамках налогового контроля государственным контролем.

Нормы законодательства о государственном контроле (надзоре), исключающие из своей сферы регулирования отношения, связанные с осуществлением налоговыми органами налогового контроля, отражают императив части 3 статьи 30 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ). Эта норма обязывает налоговые органы действовать строго в рамках своей компетенции и в соответствии с налоговым законодательством страны.

При системной дифференциации в законодательстве о государственном контроле (надзоре) процедур специального (ведомственного) контроля, с одной стороны, и деятельности налоговых органов – с другой, такое регулирование нельзя трактовать как лишение налоговых органов статуса законных субъектов государственной контрольно-надзорной функции. Налоговые органы, опираясь на собственную нормативную основу и применяя установленные для них процедуры, в том числе реализуют меры по предупреждению, выявлению и пресечению нарушений обязательных требований.

Таким образом ограничительное толкование государственного контроля (надзора), исключающее из сферы своего действия деятельность ФНС России, является несостоятельным.

Система действующего правового регулирования позволяет ФНС России инициировать проверку правильности исчисления и уплаты налогов по сделкам между взаимозависимыми лицами в отношении конкретной сделки в течение двух лет с момента получения уточненного уведомления по контролируемым сделкам.

При этом уточненное уведомление может содержать уточняющие данные о сделках из первичного уведомления, которые не имеют существенного значения для вынесения налоговым органом решения о проверке этих или связанных с ними сделок. Например, это корректировки технических ошибок или неточностей первоначального документа, не влияющие на идентификацию соответствующих сделок.

Налоговые органы обязаны избегать формального подхода к решению вопроса о назначении и проведении проверок, включая проверку полноты исчисления и уплаты налогов в связи с совершением сделок между взаимозависимыми лицами. Законодательство о налогах и сборах должно предусматривать четкие критерии для определения исходной точки отсчета двухлетнего срока, в течение которого возможно принятие решения о проверке контролируемой сделки, обеспечивая таким образом равновесие между интересами налогоплательщика и государства.

При этом выбор отсчета срока с даты получения уточненного уведомления требует мотивировки в решении налогового органа, кроме ситуаций, когда сведения о сделке впервые появились именно в таком уведомлении – здесь новизна информации для органа очевидна. Эти критерии дополнительно должны быть закреплены в статье 105.17 НК РФ как гарантия прав налогоплательщика и одновременно пределы допустимых ограничений.

Следовательно, исчисление двухлетнего срока для принятия решения о проведении проверки контролируемой сделки во всех случаях со дня получения уточненного уведомления налогоплательщика – независимо от объема, содержания и характера уточняемых сведений, времени получения первоначального и уточненного уведомления налогоплательщика – не допустимо [9].

Правоприменитель, принимая решение о проведении проверки контролируемой сделки со дня получения уточненного уведомления в том случае, когда в первоначальном уведомлении были приведены сведения об этой сделке, должен обосновать, что новые содержащиеся в уточненном уведомлении сведения об этой или иных сделках являются значимыми для целей принятия соответствующего решения.

Правовой механизм цифровой трансформации деятельности контрольных (надзорных) органов, в том числе налоговых, а также предложения по внедрению инновационных правовых решений для повышения эффективности органов власти изложены в решении Конституционного Суда Российской Федерации [4], в котором даны соответствующие разъяснения, что предписания налогового органа об устранении нарушений норм законодательства Российской Федерации о применении контрольно-кассовой техники могут быть оспорены в судебном порядке исключительно при условии соблюдения заявителем досудебного порядка разрешения спора. Жалоба при этом подается только в электронной форме через Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций), либо заявитель обязан подтвердить наличие технических препятствий для такой подачи (например, обращением в службу поддержки портала). Другими словами, правоприменителю определена правомерность непринятия письменных жалоб.

Временные сбои в функционировании Единого портала государственных и муниципальных услуг не признаются непреодолимым препятствием для соблюдения установленного порядка подачи жалобы. При этом законодательство предусматривает возможность восстановления пропущенного срока на подачу жалобы по уважительным причинам, к которым может относиться подтвержденная неисправность указанного электронного ресурса в конкретный период времени.

Эта позиция подкрепляется судебной практикой Верховного Суда Российской Федерации [3], указавшего, что технические сбои со считыванием QR-кода и доступом к ЕРКНМ не ставят под сомнение размещение данных о проверке в реестре на моменте ее начала; права проверяемого не нарушаются. Рекомендуется заранее запросить у оператора выписку истории изменений паспорта проверки для подтверждения своевременного размещения сведений в соответствии с Законом № 248-ФЗ.

Для предотвращения признания проверки незаконной из-за несвоевременной доставки уведомления контролируемому лицу [6] целесообразно направлять юридически значимые уведомления в условиях ограниченных сроков не только традиционным почтовым способом, но и дополнительными каналами – через портал Госуслуг, известные электронные адреса, телеграмма, приложения, мессенджеры [10]. При этом риск неполучения подобного уведомления, направленного заблаговременно, как правило, лежит на самом контролируемом лице [11].

В документах, составляемых по итогам контрольного (надзорного) мероприятия, необходимо указывать способ уведомления контролируемого лица о предстоящем мероприятии или проведенном контрольном действии (электронная почта, телеграмма, почтовое отправление с уведомлением и описью) [1].

При использовании для информирования Единого портала государственных и муниципальных услуг суды в спорах поддержат позицию контрольного органа, если у лица имеется подтвержденная учетная запись и доступ к личному кабинету через систему идентификации, а данные о размещении уведомления о внеплановой выездной проверке зафиксированы в системе заблаговременно [5].

При осуществлении налогового контроля возникает значительная пробельность в урегулировании вопроса об изменении цены длящегося договора (или о его расторжении) в связи с изменениями налогового законодательства, произошедшими после заключения договора. В силу таких изменений у поставщика возникает обязанность по уплате налога на добавленную стоимость (НДС), что допускает взыскание с покупателя дополнительного вознаграждения для компенсации соответствующих потерь. При этом покупатель лишен возможности принять указанные суммы НДС к вычету, что усугубляет дисбаланс интересов сторон и порождает риски налоговых споров. Данная проблематика подчеркивает необходимость совершенствования правовых механизмов, обеспечивающих предсказуемость и справедливость в условиях динамики налогового регулирования [8].

Пропуск налоговым органом пятидневного срока вручения налогоплательщику акта налоговой проверки со дня его составления (абз. 1 п. 5 ст. 100 НК РФ) не квалифицируется как существенное нарушение процедуры рассмотрения материалов проверки. Данное нарушение не влечет для налогоплательщика дополнительных обязательств сверх налогового законодательства, не ограничивает его предпринимательскую или иную экономическую деятельность и не является само по себе безусловным основанием для признания решения налогового органа недействительным [7].

В соответствии со статьей 75 НК РФ начисление пени строго привязано к дате возникновения налоговой недоимки и ее погашения, без учета действий (бездействия) должностных лиц налоговых органов при оформлении ре-

зультатов проверки. Если налогоплательщик не воспользовался возможностью своевременной уплаты недоимки для прекращения начисления пени, то их начисление за весь период со дня возникновения недоимки до исполнения обязанности по налогу остается правомерным, даже при нарушении срока вручения акта проверки.

Вместе с тем длительное невручение акта выездной налоговой проверки, приводящее к утрате налоговым органом права на принудительное взыскание задолженности – как в бесспорном, так и в судебном порядке, – указывает на чрезмерную продолжительность контрольных мероприятий и существенность такого нарушения. Вывод об утрате права на взыскание недоимки и пени может быть сделан в рамках судебного оспаривания налогоплательщиком действий (бездействия) налогового органа и решений, принятых по итогам выездной проверки. В этом случае отпадает необходимость в отдельном производстве по признанию налоговой задолженности безнадежной к взысканию в связи с истечением срока взыскания (подп. 4 п. 1 ст. 59 НК РФ).

Данная позиция подчеркивает пробельность правового регулирования в части отсутствия единых критериев оценки «существенности» процессуальных нарушений, что создает риски произвольного толкования и дисбаланса интересов, требуя дальнейшего законодательного уточнения для повышения предсказуемости налогового контроля.

Дополнительно отметим дальнейший вектор исследования положений главы 14 НК РФ, обусловленный преимущественно противоречиями и неясностью норм, регулирующих налоговый контроль и административные процедуры налогового администрирования:

- неопределенность понятия «налоговая проверка», которое упоминается в статье 82 НК РФ, однако четкое определение отсутствует, вызывает трудности в правоприменительной практике и порождает судебные споры;

- в статье 88 НК РФ определены виды и характер документов, пояснений, сведений и информации, которые могут быть истребованы у налогоплательщика при проведении камеральной налоговой проверки. При этом не указано, сколько запросов может сделать налоговый орган, можно ли требовать документы, относящиеся не только к одной, но и к нескольким конкретным сделкам;

- в пункте 8 статьи 89 НК РФ закреплен порядок исчисления срока проведения выездной налоговой проверки. Однако в статье нет указания на срок вручения решения о проведении выездной проверки налогоплательщику, что допускает возможность налоговым органам проводить проверки без ведома налогоплательщика.

В этой связи предлагается рассмотреть вопрос о внесении в статью 89 НК РФ четкого срока вручения решения (например, 3–5-7 рабочих дней с момента вынесения), привязав начало проверки к дате предъявления налогоплательщику;

- дублирование и конкуренция норм КоАП РФ и НК РФ, при котором за одно нарушение (например, непредставление налоговой декларации) возможно применение одновременно статьи 15.5 КоАП РФ и статьи 119 НК РФ, порождает правовую неопределенность. Учитывая различия в природе санкций, это может привести к необоснованной двойной ответственности. Разумно разграничить ответственность, предусмотрев применение КоАП РФ только за процедурные нарушения, а налоговые обязательства оставить в сфере НК РФ;

- различия между нормами налогового права, предусматривающими трехлетний срок давности привлечения к ответственности, и административным правом, устанавливающим общий срок в один год (а иногда даже сокращенный до трех месяцев), способны привести к ситуации, при которой одни и те же правонарушения могут перестать подпадать под административную ответственность, оставаясь одновременно в пределах налоговых санкций.

Для устранения этих проблем необходима детальная законодательная работа и разработка разъяснений высших судебных инстанций.

В заключении отметим, что федеральный законодатель, определяя конкретные виды государственного контроля (надзора), основания, формы, методы, процедуры и сроки его проведения, а также меры принуждения по итогам проверок, обладает широким усмотрением, но обязан руководствоваться конституционными принципами организации государственной власти. Правовое регулирование должно учитывать характер общественных отношений в области контроля (надзора), а правоограничения предпринимательской деятельности – быть обоснованными и целесообразными, не создавая препятствий экономической самостоятельности и деловой активности.

Литература

1. Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 22.12.2021 по делу № 66а-1523/2021 (УИД 38OS0000-01-2021-000290-33) // СПС КонсультантПлюс.

2. Налоговые доначисления бизнесу выросли в 1,5 раза: почему ФНС усиливает контроль / Контур. URL: https://kontur.ru/articles/2910 (дата обращения: 23.02.2026).

3. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12.10.2022 № 307-ЭС22-18584 по делу № А66-12225/2021 // СПС КонсультантПлюс.

4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.11.2024 № 3250-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Интернэшнл Ресторант Брэндс» на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 40 Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

5. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 12.12.2024 № 67-АД24-9-К8 (УИД 54MS0075-01-2023-003689-92) // СПС КонсультантПлюс.

6. Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 14.11.2024 № 21АП-7304/2024 по делу № А83-1857/2024 // СПС КонсультантПлюс.

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.05.2025 № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 и абзаца первого пункта 3 статьи 75, абзаца первого пункта 1, абзаца первого пункта 2, пункта 3 и абзаца первого пункта 5 статьи 100, пунктов 1 и 7, абзаца первого пункта 8 и пункта 14 статьи 101 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой акционерного общества «Научно-производственное предприятие КлАСС» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 21. ст. 2753.

8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.11.2025 № 41-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 424 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 1 статьи 168 Налогового кодекса Российской Федерации, подпункта "а" пункта 1 статьи 1 Федерального закона от 31 июля 2020 года № 265-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой публичного акционерного общества «Банк ВТБ» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 48 (Часть IV). ст. 7476.

9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.2023 № 41-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 2 статьи 10517

Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой публичного акционерного общества «ВымпелКоммуникации» // СПС КонсультантПлюс.

10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (п. 63-65) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. - № 8.

11. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 31.01.2022 по делу № А33-26100/2021 // СПС КонсультантПлюс.

12. Сумма среднего налогового доначисления бизнесу выросла на 9% в 2024 г. – исследование / Financial One. URL: https://fomag.ru/news-streem/summa-srednego-nalogovogo-donachisleniya-biznesu-vyrosla-na-9-v-2024-g-issledovanie/ (дата обращения: 23.02.2026).

Control and supervisory activities of tax authorities in decisions of higher courts

Grigoreva N.V.
Financial University under the Government of Russian Federation

This article examines tax control in the context of digitalization and the risk-based approach implemented by tax control legislation, taking into account the legal position set forth in judicial practice. Particular attention is paid to the interpretation of tax authorities' supervisory powers by the highest courts, including an analysis of conflicts in Articles 82–89 of the Tax Code of the Russian Federation. Using comparative legal and formal legal methods, gaps in the regulation of orders and notifications are identified. It confirms the conclusion that tax authority orders to eliminate violations of legal provisions on the use of cash register equipment may be challenged in court only if the applicant complies with the pre-trial dispute resolution procedure. Measures are proposed to harmonize tax legislation to balance the interests of the state and taxpayers, including clarifying the timeframes for audits of controlled transactions and expanding control (supervisory) activities in the tax sphere.

Keywords: tax control, tax authority, judicial practice, Law on Control, controlled transactions.

References

1. Appellate ruling of the Fifth Court of Appeal of General Jurisdiction dated December 22, 2021, in case No. 66a-1523/2021 (UID 38OS0000-01-2021-000290-33) // SPS ConsultantPlus.
2. Additional tax assessments for businesses have increased by 1.5 times: why the Federal Tax Service is strengthening its controls / Kontur. URL: https://kontur.ru/articles/2910 (accessed: February 23, 2026).
3. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 12, 2022, No. 307-ES22-18584 in case No. A66-12225/2021 // SPS ConsultantPlus.
4. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 29, 2024 No. 3250-O "On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of International Restaurant Brands Limited Liability Company Regarding the Violation of Its Constitutional Rights by Part 1 of Article 40 of the Federal Law "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus.
5. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 12, 2024 No. 67-AD24-9-K8 (UID 54MS0075-01-2023-003689-92) // SPS ConsultantPlus.
6. Resolution of the Twenty-first Arbitration Court of Appeal dated November 14, 2024 No. 21AP-7304/2024 in case No. A83-1857/2024 // SPS ConsultantPlus.
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 13, 2025 No. 20-P "In the case of verifying the constitutionality of clause 1 and paragraph one of clause 3 of Article 75, paragraph one of clause 1, paragraph one of clause 2, clause 3 and paragraph one of clause 5 of Article 100, clauses 1 and 7, paragraph one of clause 8 and clause 14 of Article 101 of the Tax Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the joint-stock company Scientific and Production Enterprise KLASS" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2025. No. 21. Art. 2753.
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 25, 2025 No. 41-P "On the case of verifying the constitutionality of paragraphs 1 and 2 of Article 424 of the Civil Code of the Russian Federation, paragraph 1 of Article 168 of the Tax Code of the Russian Federation, subparagraph "a" of paragraph 1 of Article 1 of Federal Law No. 265-FZ of July 31, 2020 "On Amendments to Part Two of the Tax Code of the Russian Federation" in connection with the complaint of VTB Bank Public Joint-Stock Company" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2025. No. 48 (Part IV). Art. 7476.
9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 14, 2023 No. 41-P "On the Case Concerning the Verification of the Constitutionality of the First Paragraph of Clause 2 of Article 10517 of the Tax Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of VimpelCommunications Public Joint-Stock Company" // SPS ConsultantPlus.
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" (paragraphs 63-65) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. - 2015. - No. 8.
11. Resolution of the Third Arbitration Court of Appeal of January 31, 2022 in Case No. A33-26100/2021 // SPS ConsultantPlus.
12. The average additional tax assessment for businesses increased by 9% in 2024 – study / Financial One. URL: https://fomag.ru/news-streem/summa-srednego-nalogovogo-donachisleniya-biznesu-vyrosla-na-9-v-2024-g-issledovanie/ (accessed: 23.02.2026).

Эволюция принципов государственного регулирования деятельности Русской православной церкви в 2010-2020-х гг.

Закроец Михаил Николаевич
магистрант кафедры государственного и муниципального управления, ФУП МГИМО МИД России, Mihailzakroets@yandex.ru

В статье исследуется эволюция принципов государственного регулирования деятельности Русской Православной Церкви в 2010–2020-х гг. Рассматриваются положения «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви» как базового документа, определяющего позицию Церкви по вопросам государственно-церковного взаимодействия. Основное внимание уделяется образовательному направлению: анализируются внутрицерковные стандарты православного компонента общего образования, нормативное регулирование деятельности воскресных школ, система подготовки церковных специалистов. Показано, что в исследуемый период достигнута высокая степень стандартизации системы религиозного образования РПЦ при сохранении конституционного принципа светского характера государства.
Ключевые слова: Русская Православная Церковь, государственно-церковные отношения, государственное регулирование, религиозное образование, православный компонент образования, духовно-нравственное воспитание, светское государство, Основы социальной концепции.

Введение

Русская Православная Церковь (далее также – РПЦ) имеет богатый опыт взаимодействия с государственными и общественными структурами. При этом в синодальный период государственно-церковные отношения отнюдь не были гармоничными: Церковь была лишена самостоятельности, государство вмешивалось в ее внутреннюю жизнь, делегировало ей часть своих функций, закрепляя их в качестве обязанностей духовенства в гражданском законодательстве. Однако в дореволюционный период был накоплен огромный опыт деятельности церковных структур в сферах образования и просвещения, благотворительности и призрения, здравоохранения, причем работа эта осуществлялась не изолированно от светских структур, общественных организаций с соответствующими функциями.

После октябрьской революции 1917 г. традиция широкого и разнообразного участия Русской Православной Церкви в различных сферах общественной жизни постепенно была подорвана. И лишь в конце 1980-х гг. начали складываться условия для возобновления церковно-государственного сотрудничества. Одновременно с этим отмечалось постепенное повышение интереса к специфике государственного регулирования Русской Православной Церкви.

Изучение и осмысление традиций государственного регулирования деятельности Церкви, а также примеров обращения к ним в современных условиях представляет научную и практическую значимость. Накопленный опыт служит основой для выработки официальной позиции светских властей и РПЦ по различным актуальным общественным проблемам и вопросам государственно-церковного диалога, для разработки социальных программ, осуществляемых как под эгидой Церкви, так и в рамках церковно-общественного партнерства, для построения оптимальных моделей развития церковно-государственного и церковно-общественного взаимодействия, а также исследования возможностей и перспектив такого взаимодействия в российских условиях. Поэтому тематика исследования представляется актуальной как в социальном, так и в научном отношении.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2000 г. по 2010-е гг.

Основная часть

Рассмотрим специфику правового регулирования деятельности РПЦ с позиции церковного законодательства в рассматриваемый исторический период.

Следует отметить, что использование социального влияния религиозных общин остается постоянным элементом политической жизни, особенно в тех странах бывшей сферы влияния Союза Советских Социалистических республик (СССР). Отношение государственных властных структур Российской Федерации (РФ) с РПЦ является проявлением двухаспектного механизма формирования отношений между представителями политической власти и религиозной общиной.

Специфика формы взаимоотношений государства и духовенства проявляется в использовании церковных институтов и доктринальных элементов в процессе укрепления светской власти, что вытекает из укоренившейся в российском обществе традиции связи политического сообщества с религиозным.

Рассматривая историческую основу современного положения РПЦ в обществе, нельзя не отметить, что как для Русской православной церкви, так и для русских православных христиан двадцатое столетие явилось тяжелейшим испытанием за всю многовековую историю русского государства, начиная от крещения Руси святым князем Владимиром Святославичем в конце X в. и заканчивая полноценным установлением советской власти после Октябрьской революции 1917 г. Приход к власти атеистически настроенных большевиков означал совершенно новый, драматичный и противоречивый для Русской православной церкви исторический этап. Под вопросом стало не только полноправное функционирование, но и существование православной веры на территории новообразованного государства. Деятельность Русской православной церкви в советские времена всячески контролировалась и ограничивалась государственными органами.

Властями разворачивались официальные антирелигиозные кампании против Русской церкви. Разной формы гонения как на саму Церковь, так и на верующих происходили воинствующим и непримиримым образом, включая закрытия и разрушения храмов, аресты священнослужителей, изъятия церковных ценностей, вскрытия и изъятия мощей святых, разнообразную атеистическую пропаганду по дискредитации христианства и Церкви, а также прочие кощунственные меры, призванные ликвидировать религиозность населения. Популяризация атеизма в полном соответствии с господствующей коммунистической идеологией насаждалась практически повсеместно.

В самом разгаре антирелигиозной кампании под началом первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева Русская православная церковь, как ни странно, вступает в международную негосударственную организацию экуменического толка под названием «Всемирный совет церквей» (ВСЦ). Присоединение Русской церкви к ВСЦ означало выход ее на международный уровень, что значительно (в политическом смысле) повышало ее престиж и обеспечивало даже некую «официальность» и «самостоятельность» внутри своего государства, демонстрируя, что со свободой вероисповедания в социалистическом и авторитарном Союзе в целом не все так плохо, ведь Русская православная церковь стала негласным представителем своей страны в данной организации и смогла говорить от лица СССР, а советское государство, в свою очередь, стало неким «распорядителем» во внутренних церковно-государственных отношениях.

Основополагающий внутрицерковный документ, раскрывающий отношение Церкви к важнейшим проблемам современного общества и ее позицию по вопросам церковно-государственных и церковнообщественных отношений, был утвержден на Архиерейском Соборе 2000 г. и получил название «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» [1]. Характер отношений Церкви со светскими учреждениями и организациями раскрывается в нем через категории «соработничество», «сотрудничество», «взаимодействие», «диалог». Согласно указанному документу, Церковь осуществляет миссию спасения рода человеческого не только посредством проповеди, но и через «благие дела, направленные на улучшение духовно-нравственного и материального состояния окружающего мира». Для этого она взаимодействует с государством, общественными ассоциациями, отдельными людьми, независимо от того, идентифицируют ли они себя с христианской верой или нет.

Одно из ключевых положений официальной доктрины Русской Православной Церкви, касающихся государственно-церковных отношений, состоит в том, что Церковь не должна брать на себя решение задач, входящих в сферу ответственности государственных структур, но может на добровольных началах оказывать помощь государству в реализации этих задач в тех случаях, когда такое содействие необходимо, полезно и не встречает канонических или иных препятствий. На сегодняшний день официальная позиция Церкви относительно государственно-церковного диалога предполагает выстраивание партнерских, равноправных, соработнических отношений, исключающих сращивание Церкви и государственного аппарата.

Сотрудничество Церкви и государства возможно в следующих сферах: миротворчество, содействие взаимопониманию и сотрудничеству на международном, межэтническом и гражданском уровнях; забота о нравственном состоянии общества; образование и воспитание; благотворительность, реализация социальных программ; поддержка института семьи, материнства и детства; наука, культура, творческая деятельность; охрана, восстановление и развитие культурно-исторического наследия; попечение о воинстве, сотрудниках правоохранительных учреждений; профилактика правонарушений, тюремное служение; здравоохранение; сохранение окружающей среды; совершенствование законодательства по вопросам, значимым для Церкви и общества, информирование органов государственной власти о нуждах народа, «печалование» перед государственной властью о правах и заботах отдельных граждан и общественных групп; деятельность средств массовой информации (церковных и светских); экономическая деятельность, направленная на пользу Церкви, государства и общества; противодействие псевдорелигиозным структурам, представляющим опасность для личности и общества [2].

В то же время деятельность Церкви не может разворачиваться в сфере политической борьбы; священнослужители и канонические церковные структуры не могут оказывать помощь государству в ведении гражданской или агрессивной внешней войны, участвовать в разведывательной, а также в любой другой деятельности, требующей сохранения тайны даже на исповеди и при докладе Священноначалию.

Конституционный принцип светскости государства означает отделение религиозных объединений от государства, взаимное невмешательство в дела друг друга, но не препятствует их взаимодействию в области образования, просвещения, благотворительности; кроме того, в Конституции Российской Федерации в ст. 14 закреплено признание идеологического многообразия российского общества [3].

Особое место в деятельности РПЦ занимает образовательная направленность. Согласно закону РФ «Об образовании» от 10 июля 1992 г. государственная политика в области образования должна строиться в соответствии с принципами светского характера образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, с одной стороны, и защиты и развития системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства, свободы и плюрализма в образовании, с другой стороны (ст. 2) [4]. Поэтому религиозная часть общества имеет право на реализацию своих образовательных потребностей в государственных и муниципальных образовательных учреждениях (при соблюдении законных интересов и прав нерелигиозной части общества и общегосударственных интересов), а возможность изучения основ религиозных культур является практическим воплощением вышеназванных принципов [5].

Развитие духовного просвещения и религиозного образования – одно из ключевых направлений деятельности Русской Православной Церкви и ее взаимодействия с государством и обществом. Согласно своей официальной доктрине Русская Православная Церковь не оспаривает

светский характер Российского государства. Подобный подход, однако, не лишает ее возможности осуществлять образовательную деятельность, поскольку светское государство не есть атеистическое, а верующие имеют право на реализацию своих образовательных потребностей. В этой связи 9 образовательная деятельность РПЦ является объектом как государственного, так и внутрицерковного регулирования. Кроме того, Русская Православная Церковь на официальном уровне признает правильным партнерский характер взаимоотношений с государством, предполагающий «соработничество» в различных сферах (в том числе и в образовательной), но исключающий вмешательство во внутренние дела друг друга.

Уже на Архиерейском Соборе 1994 г. была поставлена задача организовать в каждой епархии системы религиозного образования. В инструктивном письме Патриарха Алексия II от 9 декабря 1999 г. № 5925 всем епархиальным преосвященным рекомендовалось обратить особое внимание на православное просвещение детей и организовывать преподавание основ православной культуры в государственных (муниципальных) школах вверенных епархий, используя возможности, предоставленные законодательством [6].

Таким образом, в 1990-е гг. была начата работа по формированию системы традиционного религиозного и этнокультурного образования и духовно-нравственного воспитания на основе имеющихся традиций и опыта, включающая два основных направления: к первому относится воссоздание системы духовно-нравственного воспитания с опорой на ценности традиционных религий в светских образовательных учреждениях различных уровней; ко второму – восстановление и развитие системы непрерывного религиозного (православного) образования.

27 июля 2011 г. Священный Синод Русской Православной Церкви утвердил «Стандарт православного компонента начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования для учебных заведений Российской Федерации», обязательный для православных общеобразовательных учреждений (православный компонент общего образования – это учебные курсы, дисциплины, предметы, содержание которых соответствует вероучению, нравственным принципам, историческим и культурным традициям Русской Православной Церкви.

Таким образом, православная школа обязана реализовывать Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) и Стандарт православного компонента общего образования. Отделом религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви подготовлены приложения к стандарту, содержащие программы по обязательным предметам православного компонента.

28 ноября 2011 г. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл утвердил «Положение о выдаче конфессионального представления Русской Православной Церкви образовательным организациям, реализующим программы общего образования, начального и среднего профессионального образования», в котором дано определение православной образовательной организации (п. 2.3). Это образовательная организация с религиозным (православным) компонентом, успешно прошедшая конфессиональную аттестацию, имеющая действующее конфессиональное представление и включенная в реестр православных образовательных организаций (реестр доступен на официальном сайте Синодального отдела религиозного образования и катехизации). Собственно конфессиональное представление дает образовательной организации право реализации программ православного компонента образования (п. 2.5) [8].

25 декабря 2012 г. Священный Синод утвердил ряд документов, регламентирующих деятельность воскресных школ: «Положение о деятельности воскресных школ Русской Православной Церкви на территории Российской Федерации»; «Типовой устав частного образовательного учреждения дополнительного образования детей “Центр духовно-нравственного воспитания местной религиозной организации православного прихода храма Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)”»; «Стандарт учебно-воспитательной деятельности, реализуемой в воскресных школах (для детей) Русской Православной Церкви на территории Российской Федерации». Стандарт предполагает три типа воскресных школ: воскресная учебно-воспитательная группа, воскресная школа (это структурные подразделения религиозной организации Русской Православной Церкви – прихода, монастыря, Патриаршего или архиерейского подворья, – не имеющие статуса юридического лица), а также центр духовно-нравственного воспитания, имеющий статус юридического лица. При этом особенностью деятельности Центра духовно-нравственного воспитания является обязательное прохождение процедуры государственного лицензирования в качестве образовательного учреждения дополнительного образования. В таких школах помимо занятий религиозной и духовно-нравственной направленности, должны быть доступны дополнительные занятия, направленные на воспитание активной и многогранной личности христианина [8].

Указанные документы также разработаны с учетом современных федеральных государственных образовательных стандартов. При разработке данных документов главной целью являлась систематизация и повышение качественного уровня религиозного образования в конфессиональных общеобразовательных школах.

Существующая нормативно-правовая база позволяет осуществлять духовно-нравственное воспитание детей в дошкольных организациях: федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования, утвержденный Министерством образования и науки Российской Федерации 17 октября 2013 г., позволяет государственным и муниципальным дошкольным образовательным учреждениям реализовывать духовно-нравственный компонент, включая предмет «Основы православной культуры» в часть основной образовательной программы. В дополнение к «Стандарту православного компонента начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования для учебных заведений Российской Федерации» и с учетом федеральных государственных требований разработан общецерковный нормативный документ «Православный компонент к структуре основной общеобразовательной программы дошкольного образования (для православного дошкольного образовательного учреждения на территории Российской Федерации)».

В рамках работы по созданию системы образования для помощников благочинных и настоятелей в различных областях социального служения в 2013 г. была создана Межведомственная рабочая группа для координации работы по открытию образовательных центров по подготовке специалистов в области катехизической, миссионерской, молодежной и социальной деятельности. Рабочая группа разработала документы о подготовке и аттестации миссионеров, молодежных и социальных работников, включая церковные образовательные стандарты подготовки специалистов, примерные программы по каждому направлению для краткосрочных и среднесрочных курсов.

На заседании Священного Синода от 2 октября 2013 г. (журнал № 102) утверждено «Положение о порядке реализации программ по подготовке специалистов в области катехизической, миссионерской, молодежной и социальной деятельности». Положением предусмотрено, что

епархии готовят специалистов в области религиозного образования и катехизации, миссионерского служения, молодежной и социальной работы по программам начального (краткосрочные курсы) или среднего (среднесрочные курсы – полубакалавриат) профессионального церковного образования [10].

На епархиальном уровне подготовка упомянутых специалистов может осуществляться на различных площадках (епархиальная семинария, духовное училище, специально созданный центр и иные). Предусматривается возможность прохождения специалистами обучения в образовательных учреждениях других епархий, а также посредством дистанционного обучения. Согласно вышеназванному положению, подготовка специалистов по направлениям церковного служения организуется на базе духовных образовательных организаций (академий, семинарий, училищ), образовательных организаций высшего образования (Российский православный университет, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет) и иных образовательных организаций, учредителями которых являются централизованные религиозные организации Русской Православной Церкви. Такая подготовка реализуется в следующих формах: специализированные отделения, создаваемые при духовных образовательных организациях; совместные образовательные программы образовательными организациями высшего образования на основе двусторонних договоров; центры подготовки в епархиальной образовательной системе; иные формы дистанционного обучения (пп. 4.3, 4.4) [11,12].

Разработан и принят также ряд документов, регламентирующих механизмы контроля Русской Православной Церкви за деятельностью субъектов системы православного образования. Так, 19 июля 2014 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл на основании постановления Высшего Церковного Совета от 17 июня 2014 г. утвердил «Положение о церковной аккредитации образовательных программ подготовки церковных специалистов в области катехизической, миссионерской, молодежной и социальной деятельности и выдаче образовательным организациям представления Русской Православной Церкви на право их реализации».

Что касается внутрицерковной регламентации образовательной сферы, то в исследуемый период с учетом государственных стандартов утверждены общецерковные документы, устанавливающие стандарты православного компонента дошкольного, начального, основного и среднего общего образования, а также стандарт учебно-воспитательной деятельности, реализуемой в воскресных школах. В рамках создания системы подготовки помощников благочинных и настоятелей (в области религиозного образования и катехизации, миссионерской, молодежной и социальной работы) приняты церковные образовательные стандарты и примерные образовательные программы по подготовке специалистов для каждого из вышеназванных направлений церковного служения. Это позволяет говорить о достижении высокой степени стандартизации в системе религиозного образования Русской Православной Церкви.

Рассматривая другие сферы деятельности РПЦ, следует акцентировать внимание на том, что взаимодействие между представителями светской власти и священнослужителями Православной Церкви было заметно в публичном пространстве уже на рубеже XX и XXI веков и в первом десятилетии XXI века [13,14], в литературе указывается, что процесс явного и однозначного отхода от системы разделения начался именно с избрания президентом РФ Владимира Путина в 2012 г. Как на этапе избирательной кампании 2012 года, так и после победы на выборах лидер России во время выступлений неоднократно обращался прямо к значимости православной религии для формирования и стабилизации российской идентичности, к значимости консервативных ценностей, которые она несет в функционировании нации, и необходимости участия государства в защите этих ценностей.

Последовательность базовых представлений – защита веры, семьи и традиционного образа жизни была обусловлена тем, что популярность РПЦ в российском обществе исторически связана с консервативным мировоззрением самих россиян и негативной оценкой развития западных демократий, в которой на первый план выходила критика деградации моральных и этических ценностей.

Таким образом, каждая страна в первую очередь стремится к общей организации жизни, к тому, чтобы разные народы в этой группе могли управлять собой, а также к ценностям, которые они поддерживают и продвигают. Христианское мировоззрение охватывает всю жизнь народа, и со времен прихода Христа люди верили, что на этих принципах можно построить целое государство. В традиционном государстве вера стояла выше всех остальных ценностей, а спасение было в центре общественной и личной жизни. В современной России идет активная творческая работа по выстраиванию правового поля, определяющего взаимоотношения Церкви и государства. Статус Русской Православной Церкви стараются учесть не только в политической и культурной жизни страны, но и найти его отражение в федеральных законах.

Воссоздание системы взаимодействия государства и церкви с опорой на ценности традиционных религий – одно из важнейших направлений деятельности Русской Православной Церкви в рамках работы по формированию системы традиционного религиозного и этнокультурного образования и духовно-нравственного воспитания на основе имеющихся традиций и опыта.

Выводы

Проведенный анализ позволяет выделить несколько характерных тенденций в эволюции принципов государственного регулирования деятельности Русской Православной Церкви в 2010–2020-х гг.

Принятие «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви» в 2000 г. заложило доктринальный фундамент для выстраивания партнерской модели государственно-церковных отношений, основанной на категориях «соработничества» и взаимного невмешательства. В последующие два десятилетия эта модель получила детальное нормативное наполнение, прежде всего в образовательной сфере. Был принят комплекс внутрицерковных документов: стандарты православного компонента общего образования, положения о деятельности воскресных школ, регламенты подготовки и аттестации церковных специалистов в области катехизации, миссионерского, молодежного и социального служения. Разработка этих документов велась с учетом федеральных государственных образовательных стандартов, что свидетельствует о стремлении Церкви согласовывать свою образовательную деятельность с требованиями светского законодательства.

Параллельно с нормативной систематизацией усилилось присутствие религиозной тематики в публичном политическом дискурсе. Начиная с 2012 г. обращение к православным ценностям как основе национальной идентичности стало заметным элементом официальной риторики, что отражает более широкую тенденцию к сближению государственных и церковных позиций по ряду общественно значимых вопросов.

Таким образом, исследуемый период характеризуется двумя взаимосвязанными процессами: с одной стороны,

последовательной стандартизацией церковной образовательной деятельности в рамках конституционного принципа светского государства, с другой – расширением пространства государственно-церковного взаимодействия за пределы сугубо образовательной сферы.

Литература

1. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви (Документ, принят Освященным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 13–16 августа 2000 г.) [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/ (Дата обращения: 12.01.2026).
2. Дорская А.А. Государственно-конфессиональные отношения: проблема субъектного состава // Правовая инициатива. 2014. № 2. С. 16-22.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Дата обращения: 12.01.2026).
4. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция 01.01.2026) «Об образовании в Российской Федерации» // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Дата обращения: 12.01.2026).
5. Федотов А.А. Русская Православная Церковь в 1943–2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом. Иваново, 2009. 402 с.
6. Письмо Патриарха Алексия II от 9 декабря 1999 г. № 5925 всем епархиальным преосвященным // Режим доступа: http://www.r-komitet.ru/vera/54.htm (Дата обращения: 12.01.2026).
7. Концепция включения в новое поколение государственных стандартов общего среднего образования учебного предмета «Православная культура» в составе новой образовательной области учебного плана «Духовно-нравственная культура» / прот. Б. Даниленко, И. В. Метлик, Т. И. Петракова [и др.] // Государственные образовательные стандарты нового поколения в контексте формирования нравственных и духовных ценностей обучающихся: материалы Всерос. конф. (Калуга, 20–21 дек. 2007 г.). М., 2007. С. 105–123.
8. Положение о выдаче конфессионального представления Русской Православной Церкви и конфессиональной аттестации образовательных организаций (Утверждено 28 ноября 2010 г. Патриархом Московским и всея Руси Кириллом) (С изменениями и дополнениями, утвержденными приказом № 79 от 7 июля 2015 года Председателя Синодального отдела религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви). [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://pravobraz.ru/polozhenie-o-vydache-konfessionalnogopredstavleniya-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi-i-konfessionalnoj-attestacii-obrazovatelnyxorganizacij/ (Дата обращения: 11.12.2025).
9. Алексеев А., свящ., Мекрюков А., свящ. Комментарии к «Стандарту учебно-воспитательной деятельности, реализуемой в воскресных школах (для детей) Русской Православной Церкви на территории Российской Федерации». 29 марта 2013 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.patriarchia.ru/db/text/2877661.html (Дата обращения: 12.01.2026).
10. Положение о порядке реализации программ по подготовке специалистов в области катехизической, миссионерской, молодежной и социальной деятельности (Принято на заседании Священного Синода от 2 октября 2013 года (журнал № 102)). [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.patriarchia.ru/db/text/3277268.html (Дата обращения: 12.01.2026).
11. Положение о выдаче конфессионального представления Русской Православной Церкви и конфессиональной аттестации образовательных организаций (Утверждено Патриархом Московским и всея Руси Кириллом 28 ноября 2010 г.; с изменениями и дополнениями, утвержденными приказом № 79 от 7 июля 2015 г. председателя Синодального отдела религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви) [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://pravobraz.ru/polozhenie-ovydache-konfessionalnogo-predstavleniya-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi-i-konfessionalnojattestacii-obrazovatelnyx-organizacij/ (Дата обращения: 12.01.2026)
12. Положение о церковной аккредитации образовательных программ подготовки церковных специалистов в области катехизической, миссионерской, молодежной и социальной деятельности и выдаче образовательным организациям представления Русской Православной Церкви на право их реализации (утверждено Патриархом Московским и всея Руси Кириллом 19 июля 2014 г.) [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.patriarchia.ru/db/text/3697422.html (Дата обращения: 12.01.2026)
13. Nun Nectaria (McLees), Igumen Phillip (Ryabykh). The Orthodox Church and Society: Church-State Relations in Contemporary Russia. Part II. October, 21 2011. [Электронный ресурс] // 21 октября 2011 г. Режим доступа: https://pravoslavie.ru/49391.html (Дата обращения: 12.01.2026).
14. Син А. Л. Русская православная церковь, государство и гражданское общество: социально-политический аспект взаимодействия // Право и политика. 2025. № 8. С. 104-114.

The evolution of the principles of state regulation of the Russian Orthodox Church in the 2010s and 2020s.

Zakroets M.N.

MGIMO University

The article examines the evolution of the principles of state regulation of the Russian Orthodox Church in the 2010s and 2020s. It analyzes the provisions of the «Fundamentals of the Social Concept of the Russian Orthodox Church» as the foundational document defining the Church's position on church-state interaction. The study focuses primarily on the educational dimension: the internal church standards of the Orthodox component of general education, the regulatory framework governing Sunday schools, and the system of training church specialists. The study demonstrates that during the period under review, a high degree of standardization in the religious education system of the Russian Orthodox Church was achieved while maintaining the constitutional principle of the secular character of the state.

Keywords: Russian Orthodox Church, church-state relations, state regulation, religious education, Orthodox component of education, spiritual and moral upbringing, secular state, Bases of the Social Concept.

References

1. Fundamentals of the Social Concept of the Russian Orthodox Church (Document adopted by the Jubilee Bishops' Council of the Russian Orthodox Church, August 13–16, 2000) [Online]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/ (Accessed: 12.01.2026).
2. Dorskaya A.A. State-Confessional Relations: The Problem of Subject Composition // Pravovaya Initsiativa [Legal Initiative]. 2014. No. 2. Pp. 16–22.
3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) [Online]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Accessed: 12.01.2026).
4. Federal Law No. 273-FZ of 29.12.2012 (latest edition 01.01.2026) "On Education in the Russian Federation" [Online]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Accessed: 12.01.2026).
5. Fedotov A.A. The Russian Orthodox Church in 1943–2000: Internal Church Life, Relations with the State and Society. Ivanovo, 2009. 402 p.
6. Letter of Patriarch Alexy II of December 9, 1999, No. 5925 to all diocesan bishops [Online]. Available at: http://www.r-komitet.ru/vera/54.htm (Accessed: 12.01.2026).
7. The Concept of Including the Subject "Orthodox Culture" as Part of the New Educational Area "Spiritual and Moral Culture" in the New Generation of

State Standards of General Secondary Education / Archpriest B. Danilenko, I.V. Metlik, T.I. Petrakova [et al.] // State Educational Standards of the New Generation in the Context of the Formation of Moral and Spiritual Values of Students: Proceedings of the All-Russian Conference (Kaluga, December 20–21, 2007). Moscow, 2007. Pp. 105–123.
8. Regulations on the Issuance of Confessional Endorsement by the Russian Orthodox Church and Confessional Attestation of Educational Organizations (Approved on November 28, 2010 by Patriarch Kirill of Moscow and All Russia; with amendments approved by Order No. 79 of July 7, 2015 of the Chairman of the Synodal Department for Religious Education and Catechesis of the Russian Orthodox Church) [Online]. Available at: https://pravobraz.ru/polozhenie-o-vydache-konfessionalnogopredstavleniya-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi-i-konfessionalnoj-attestacii-obrazovatelnyxorganizacij/ (Accessed: 11.12.2025).
9. Alekseev A., priest, Mekryukov A., priest. Commentary on the "Standard of Educational Activity Implemented in Sunday Schools (for Children) of the Russian Orthodox Church on the Territory of the Russian Federation." March 29, 2013 [Online]. Available at: http://www.patriarchia.ru/db/text/2877661.html (Accessed: 12.01.2026).
10. Regulations on the Procedure for the Implementation of Programs for Training Specialists in the Field of Catechetical, Missionary, Youth and Social Activities (Adopted at the session of the Holy Synod on October 2, 2013 (Journal No. 102)) [Online]. Available at: http://www.patriarchia.ru/db/text/3277268.html (Accessed: 12.01.2026).
11. Regulations on the Issuance of Confessional Endorsement by the Russian Orthodox Church and Confessional Attestation of Educational Organizations (Approved by Patriarch Kirill of Moscow and All Russia on November 28, 2010; with amendments approved by Order No. 79 of July 7, 2015 of the Chairman of the Synodal Department for Religious Education and Catechesis of the Russian Orthodox Church) [Online]. Available at: https://pravobraz.ru/polozhenie-ovydache-konfessionalnogo-predstavleniya-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi-i-konfessionalnojattestacii-obrazovatelnyx-organizacij/ (Accessed: 12.01.2026).
12. Regulations on the Church Accreditation of Educational Programs for Training Church Specialists in the Field of Catechetical, Missionary, Youth and Social Activities and the Issuance of the Russian Orthodox Church's Endorsement to Educational Organizations for the Right to Implement Them (Approved by Patriarch Kirill of Moscow and All Russia on July 19, 2014) [Online]. Available at: http://www.patriarchia.ru/db/text/3697422.html (Accessed: 12.01.2026).
13. Nun Nectaria (McLees), Igumen Phillip (Ryabykh). The Orthodox Church and Society: Church-State Relations in Contemporary Russia. Part II. October 21, 2011 [Online]. Available at: https://pravoslavie.ru/49391.html (Accessed: 12.01.2026).
14. Sin A.L. The Russian Orthodox Church, the State and Civil Society: The Socio-Political Aspect of Interaction // Pravo i Politika [Law and Politics]. 2025. No. 8. Pp. 104–114.

Искусственный интеллект и наследственные правоотношения: цифровые активы, данные и пределы посмертного распоряжения

Кравченко Олег Владимирович
Аспирант, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, ok3907@mail.ru

Статья посвящена гражданско-правовым вопросам, возникающим при наследовании цифровых активов, данных и иных имущественно значимых элементов цифровой среды в условиях распространения технологий искусственного интеллекта. Рассматриваются состав цифрового наследства, пределы перехода аккаунтов и цифровых прав, а также правовые последствия посмертного использования данных умершего для работы интеллектуальных систем. Обосновывается необходимость более точного разграничения имущественных и личных компонентов цифровой среды и выработки специальных правил для доступа наследников к цифровым сервисам и данным.
Ключевые слова: искусственный интеллект, наследственное право, цифровые активы, цифровые права, аккаунт, криптоактивы, цифровая идентичность, посмертная эмуляция, гражданское право.

Введение

Цифровизация оборота изменила само представление о составе наследственной массы. Сегодня после смерти лица остаются не только вещи, деньги на счетах и традиционные имущественные права, но и аккаунты, цифровые активы, криптовалюта, доменные имена, облачные хранилища, подписки, электронные кабинеты на платформах и массивы данных, связанные с конкретным пользователем. На практике именно эти элементы все чаще вызывают споры, поскольку они обладают экономической ценностью, но существуют в иной правовой и технической среде, чем классические объекты наследования.

Развитие технологий искусственного интеллекта дополнительно усложняет эту картину. Интеллектуальные системы участвуют в управлении цифровыми сервисами, в обработке пользовательских данных, в персонализации контента и в формировании цифрового профиля человека. По этой причине наследственные отношения все чаще затрагивают не только вопрос о переходе имущественных прав, но и вопрос о последующем использовании данных умершего, в том числе для обучения, настройки и функционирования алгоритмических систем.

Цель статьи состоит в выявлении гражданско-правовых критериев, которые позволяют определить состав цифрового наследства, границы перехода цифровых активов и данных к наследникам, а также пределы использования технологий искусственного интеллекта в сфере посмертного распоряжения цифровой средой человека.

Цифровые активы и данные как объекты наследственного правопреемства

Российское наследственное право исходит из того, что в состав наследства входят вещи, иное имущество, имущественные права и обязанности, принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства. Однако при обращении к цифровой среде эта формула требует более внимательного применения. За единым обозначением «цифровой актив» скрываются разные по своей природе объекты: цифровые права, обязательственные требования к платформе, исключительные права, криптоактивы, доменные имена, денежные остатки на электронных сервисах, а также данные, которые сами по себе могут иметь существенную имущественную ценность.

В этой связи важна не столько техническая форма существования соответствующего актива, сколько его гражданско-правовая характеристика. Если за цифровым объектом стоит имущественное право, пригодное к переходу в порядке универсального правопреемства, такой объект может входить в наследственную массу. Если же речь идет о личных параметрах пользования сервисом, персонализированных настройках, переписке или ином содержании, тесно связанном с личностью пользователя, решение уже не может быть автоматическим и требует отдельной квалификации.

Отдельного внимания заслуживают криптоактивы и иные цифровые ценности, существующие в распределенных реестрах. С практической точки зрения здесь решающее значение имеет возможность фактического доступа к ключам, кошелькам и учетным данным. Без нее даже признание имущественной ценности соответствующего ак-

тива не гарантирует его реального включения в наследственную массу. Поэтому правовая оценка цифрового наследства неизбежно должна учитывать не только титул, но и технические условия распоряжения объектом.

Сходные трудности возникают и в отношении прав требования, возникающих из договоров с цифровыми платформами. Электронные кошельки, брокерские приложения, маркетплейс-кабинеты, подписочные сервисы и облачные хранилища объединяет то, что за удобной пользовательской оболочкой скрывается сложная сеть договорных связей. Для наследственного права это означает необходимость разбирать не «аккаунт вообще», а тот имущественный комплекс, который за ним стоит: право на денежный остаток, доступ к приобретенному цифровому контенту, право требовать передачи данных или получения дохода.

Пределы наследования аккаунтов, цифровых прав и доступа к информации

Наиболее спорным объектом в этой сфере остаются аккаунты и цифровые профили. Интерес наследников обычно связан с доступом к средствам, контенту, деловой переписке, подпискам, архивам и иным полезным компонентам аккаунта. Однако сам по себе пользовательский профиль не образует однородного объекта гражданских прав. В его составе могут соединяться имущественные элементы, персональные данные, сообщения, сведения о третьих лицах, история поведения пользователя и результаты работы алгоритмов персонализации.

По этой причине вопрос о наследовании аккаунта нельзя решать по модели механического перехода всего цифрового профиля к наследнику. Такой подход затрагивает интересы иных лиц и легко вступает в конфликт с режимом персональных данных, тайной связи и условиями договора с платформой. Гораздо точнее рассматривать аккаунт как точку доступа к различным по правовой природе элементам цифровой среды, часть которых может переходить по наследству, а часть требует специального режима или вовсе не подлежит передаче.

Практическое значение имеет и различие между переходом имущественного содержания цифровой среды и предоставлением фактического доступа к ней. Наследник может иметь право на денежный остаток, на определенный цифровой актив или на исключительное право, но это еще не означает безусловного права получить логин, пароль и полный доступ ко всей информационной оболочке аккаунта. В такой сфере необходимы более точные законодательные ориентиры, которые позволят сочетать интерес наследников с охраной частной жизни, конфиденциальности и персональных данных.

Искусственный интеллект и проблема посмертной цифровой идентичности

Использование искусственного интеллекта придает этой проблематике дополнительную глубину. Современные алгоритмические системы не ограничиваются хранением цифрового следа пользователя. Они анализируют переписку, поведенческие паттерны, голос, изображения, стиль речи и на этой основе могут воспроизводить элементы цифровой идентичности человека. В результате после смерти пользователя сохраняется не только набор данных, но и возможность их последующей активной обработки, моделирования и коммерческого использования.

Для гражданского права это означает появление новой группы вопросов, которые сложно уложить в традиционные категории наследования. Цифровой образ умершего может участвовать в обороте, приносить доход, использоваться в коммуникации с третьими лицами и при этом затрагивать нематериальные блага, память о личности, интересы семьи и право на частную жизнь. Такая ситуация требует осторожного подхода: имущественные интересы наследников здесь пересекаются с пределами допустимого обращения с данными умершего и с риском создания искусственной посмертной идентичности, не совпадающей с реальной волей лица.

Особенно чувствительна эта проблема для сервисов, использующих биометрию и инструменты аутентификации. Синтезированный голос, цифровая модель поведения или визуальный аватар могут применяться в сценариях, где требуется подтверждение личности либо создается впечатление ее продолжающегося участия в юридически и фактически значимых отношениях. Без ясных правил такое использование повышает риск злоупотреблений и ставит под сомнение границы допустимого распоряжения данными умершего.

Основные направления совершенствования регулирования

Развитие правового регулирования в этой сфере целесообразно связывать с несколькими направлениями. Прежде всего важно последовательно разграничить имущественные права, цифровые активы, данные и элементы личной цифровой идентичности. Такое разграничение необходимо как для нотариальной практики, так и для платформ, которые после смерти пользователя должны понимать, какие компоненты цифровой среды могут быть переданы наследникам, а какие требуют ограничения доступа.

Не менее важен вопрос о посмертном использовании данных умершего для обучения и функционирования систем искусственного интеллекта. Сам факт смерти не должен рассматриваться как свободное основание для дальнейшей алгоритмической обработки накопленного цифрового следа. Законодательству требуется более точная модель согласия, распоряжения и контроля в отношении подобных сценариев, особенно когда речь идет о создании цифровых копий личности, синтезе голоса, генерации изображений и иных формах воспроизведения индивидуальных характеристик человека.

Платформам и операторам цифровых сервисов, со своей стороны, необходимо в более ясной форме раскрывать пользователям правила на случай смерти владельца аккаунта: порядок обращения наследников, перечень передаваемых имущественных компонентов, ограничения доступа к личной информации, сроки хранения данных и возможность удаления либо сохранения отдельных элементов цифрового профиля. Такая прозрачность снижает конфликтность и позволяет заранее определить судьбу цифрового имущества.

Заключение

Искусственный интеллект не меняет базовые основы наследственного права, однако заметно усложняет определение состава цифрового наследства и порядок обращения с данными умершего. Чем активнее цифровая среда включает алгоритмическую обработку и персонализацию, тем острее становится потребность в правилах, которые учитывают одновременно имущественную ценность цифровых активов, договорную природу доступа к сервисам и личный характер значительной части цифрового следа человека.

По этой причине дальнейшее развитие регулирования должно быть связано с более точным разграничением наследуемых имущественных компонентов, непередаваемых личных элементов цифровой среды и условий посмертного использования данных в интересах сервисов и систем искусственного интеллекта. Для гражданского

права ключевым остается поиск баланса между интересами наследников, требованиями цифровой экономики и уважением к личности умершего.

Литература

1. Амбарцумов Р.А. Аккаунты социальных сетей как объекты наследственных правоотношений // Legal Concept. 2019. Т. 18. № 4. С. 121–126.
2. Ахмадуллина А.Ф. Гражданско-правовое значение аккаунтов в социальных сетях // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 3. С. 66–92.
3. Вавилин Е.В. Наследование цифровых прав в России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 46. С. 180–192.
4. Королёв В.В. Цифровое наследство: состояние вопроса, правовые и технологические практики // Наследственное право. 2024. № 4. С. 23–28.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании».
7. Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: 4 Принт, 2020. 208 с.
8. Харитонова Ю.С., Савина В.С. Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 49. С. 524–550.
9. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.
10. Данченко Г.М. Правовое регулирование аккаунта в социальных сетях // Право и экономика. 2021. № 9. С. 18–24.
11. Костина О.В. Наследование аккаунтов в социальных сетях как средство обеспечения баланса интересов граждан и предпринимателей // Юрист. 2022. № 12. С. 52–57.
12. Куемжиева Е.Г. К вопросу о наследовании аккаунтов в социальных сетях // Наследственное право. 2023. № 2. С. 26–30.
13. Саченко А.Л. О некоторых аспектах наследования интеллектуальных прав и социальных аккаунтов // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 11. С. 75–82.
14. Осадчая Г.В., Голикова А.В. Проблемы определения состава цифрового наследства в современном гражданском праве // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8. С. 258–260.
15. Федоров А.М. Понятие и правовая природа аккаунта в социальной сети // Право и цифровая экономика. 2023. № 4. С. 42–48.
16. Zhang Y. A Historical Interaction between Artificial Intelligence and Philosophy // arXiv preprint arXiv:2208.04148. 2022. 9 p.
17. Ward F.R. Towards a Theory of AI Personhood // arXiv preprint arXiv:2501.13533. 2025. 12 p.
18. Лешкевич Т.Г. Искусственный интеллект в контексте философского осмысления // Вопросы философии. 2023. № 5. С. 50–60.
19. ГОСТ Р 59276-2020. Системы искусственного интеллекта. Способы обеспечения доверия. Общие положения. М.: Стандартинформ, 2020.
20. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 // Российская газета. 1993. 13 марта.

Artificial intelligence and inheritance legal relations: digital assets, data and the limits of posthumous disposition

Kravchenko O.V.
Immanuel Kant Baltic Federal University

The article examines civil-law issues arising in the inheritance of digital assets, data and other economically significant components of the digital environment in the context of the spread of artificial intelligence technologies. It addresses the composition of digital inheritance, the limits of succession to accounts and digital rights, and the legal consequences of posthumous use of a deceased person's data for the operation of intelligent systems. The article substantiates the need for a clearer distinction between proprietary and personal components of the digital environment and for special rules governing heirs' access to digital services and data.

Keywords: artificial intelligence, inheritance law, digital assets, digital rights, account, crypto-assets, digital identity, posthumous emulation, civil law.

References

1. Ambartsumov R.A. Social Media Accounts as Objects of Inheritance Legal Relations // Legal Concept. 2019. Vol. 18. No. 4. pp. 121–126.
2. Akhmadullina A.F. Civil Law Significance of Social Media Accounts // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. No. 3. pp. 66–92.
3. Vavilin E.V. Inheritance of Digital Rights in Russia // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2022. No. 46. pp. 180–192.
4. Korolev V.V. Digital Inheritance: State of the Art, Legal and Technological Practices // Inheritance Law. 2024. No. 4. pp. 23–28. 5. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Article 3301.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 29, 2012, No. 9 "On Judicial Practice in Inheritance Cases."
7. Sannikova, L.V., Kharitonova, Yu.S. Digital Assets: Legal Analysis: Monograph. Moscow: 4 Print, 2020. 208 p.
8. Kharitonova, Yu.S., Savina, V.S. Artificial Intelligence Technology and Law: Modern Challenges // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2020. Issue 49. pp. 524–550. 9. Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I). Art. 5018.
10. Danchenko G.M. Legal Regulation of Social Media Accounts // Law and Economics. 2021. No. 9. pp. 18–24.
11. Kostina O.V. Inheritance of Social Media Accounts as a Means of Ensuring a Balance of Interests between Citizens and Entrepreneurs // Jurist. 2022. No. 12. pp. 52–57.
12. Kuemzhieva E.G. On the Issue of Inheritance of Social Media Accounts // Inheritance Law. 2023. No. 2. pp. 26–30.
13. Sachenko A.L. On Some Aspects of Inheritance of Intellectual Property Rights and Social Accounts // Property Relations in the Russian Federation. 2022. No. 11. pp. 75–82.
14. Osadchaya G.V., Golikova A.V. Problems of Determining the Composition of Digital Inheritance in Modern Civil Law // Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 8. pp. 258–260.
15. Fedorov A.M. The Concept and Legal Nature of a Social Network Account // Law and Digital Economy. 2023. No. 4. pp. 42–48.
16. Zhang Y. A Historical Interaction between Artificial Intelligence and Philosophy // arXiv preprint arXiv:2208.04148. 2022. 9 p.
17. Ward F.R. Towards a Theory of AI Personhood // arXiv preprint arXiv:2501.13533. 2025. 12 p.
18. Leshkevich T.G. Artificial Intelligence in the Context of Philosophical Understanding // Voprosy Filosofii. 2023. No. 5. pp. 50–60.
19. GOST R 59276-2020. Artificial Intelligence Systems. Methods of Ensuring Trust. General Provisions. Moscow: Standartinform, 2020.
20. Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries Public of February 11, 1993, No. 4462-1 // Rossiyskaya Gazeta. March 13, 1993.

Значение и роль искусственного интеллекта в развитии системы правосудия

Москалёв Юрий Михайлович
аспирант кафедры Теории государства и права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), moskaleff.iura@gmail.com

В условиях стремительной цифровизации общественных отношений и активного внедрения информационных технологий в деятельность государственных органов, сегодня возникает необходимость рассмотрения актуальных возможностей и перспектив по использованию искусственного интеллекта в рамках правоприменительной деятельности, а также потребность теоретического обоснования его использования.
Актуальность темы исследования обусловлена активным развитием технологий искусственного интеллекта и их постепенным внедрением в различные сферы государственной деятельности, включая систему правосудия. Цифровизация судебной системы, рост объёма судебных дел и увеличение количества преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, обуславливают необходимость поиска новых технологических решений, направленных на повышение эффективности правоприменительной деятельности.
В статье анализируются основные направления использования искусственного интеллекта в системе правосудия, а также его значение для совершенствования судебной деятельности. Рассматриваются современные формы внедрения цифровых технологий в гражданском и арбитражном судопроизводстве Российской Федерации, включая функционирование электронных судебных сервисов и правовых информационных систем. Особое внимание уделяется перспективам применения технологий искусственного интеллекта при рассмотрении дел приказного производства, характеризующихся высокой степенью формализации.
Отдельно исследуются возможности использования искусственного интеллекта в уголовно-правовой сфере при предотвращении и раскрытии преступлений, а также роль интеллектуальных систем в криминалистике и судебной экспертизе. В работе выявляются основные правовые проблемы внедрения искусственного интеллекта в систему правосудия, включая вопросы ответственности за алгоритмические ошибки, прозрачности алгоритмов и соблюдения фундаментальных принципов правосудия.
Сделан вывод о том, что на современном этапе искусственный интеллект может рассматриваться преимущественно как вспомогательный инструмент правоприменительной деятельности, способствующий повышению эффективности судебной системы, при сохранении ключевой роли человека в принятии юридически значимых решений.
Ключевые слова: искусственный интеллект, правосудие, цифровизация судебной системы, правоприменение, электронное правосудие, судебная деятельность, киберпреступность, алгоритмические системы.

Введение

В условиях стремительной цифровизации общественных отношений и активного внедрения информационных технологий в деятельность государственных органов, сегодня возникает необходимость рассмотрения актуальных возможностей и перспектив по использованию искусственного интеллекта в рамках правоприменительной деятельности, а также потребность теоретического обоснования его использования.

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. На сегодняшний день современная судебная система Российской Федерации сталкивается с возрастающей нагрузкой судей, большого объема документооборота, что как следствие приводит к нарушению процессуальных сроков [1]. Во-вторых, развитие информационных технологий создают новые возможности для оптимизации правоприменительных процессов, включая использование алгоритмических систем для анализа правовой информации. В-третьих, развитие технологий искусственного интеллекта сопровождается появлением новых форм преступности, прежде всего в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, что требует использования современных аналитических инструментов для предупреждения и раскрытия преступлений.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе использования технологий искусственного интеллекта в системе правосудия и правоприменительной деятельности.

Целью настоящего исследования является анализ значения и роли искусственного интеллекта в развитии системы правосудия, а также определение перспектив и пределов его использования в правоприменительной деятельности.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи:

1. Исследовать современные формы применения технологий искусственного интеллекта в гражданском и арбитражном судопроизводстве.
2. Рассмотреть возможности использования искусственного интеллекта в уголовно-правовой сфере при предотвращении и раскрытии преступлений.
3. Определить место ИИ в системе правоприменительной деятельности.
4. Выявить основные правовые проблемы и риски, возникающие при внедрении технологий искусственного интеллекта в систему правосудия.
5. Определить перспективы дальнейшего использования технологий искусственного интеллекта в правосудии.

Использование искусственного интеллекта и цифровых технологий в системе гражданского и арбитражного судопроизводства

Существует множество подходов к определению понятия Искусственного интеллекта, отличающихся в формулировках и его признаках, но практически все из них в своей основе сводятся к единому понятию искусственного интеллекта как технологии, имитирующие человеческие когнитивные способности, включая хранение, поиск, обработку, анализ, информации, а также обучение, направленное на поиск решений.

Понятие искусственного интеллекта в Российской Федерации впервые официально было закреплено в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации, в соответствии с которым искусственный интеллект - комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [2].

На сегодняшний день в научной и правовой доктрине выделяют три модели ИИ: слабый (узкий), сильный и суперинтеллект. Под слабым интеллектом принято понимать программно-аппаратные комплексы, способные решать лишь узкоспециализированные задачи и предназначен для выполнения конкретных задач. Сильный (универсальный, общий) ИИ- Программно-аппаратные комплексы, способные решать множество разнородных задач одновременно. Предполагает, что искусственная система может приобрести способность мыслить и осознавать себя как отдельную личность. Суперсильный ИИ- Гипотетический комплекс, превосходящий интеллектуальные способности человека, способный самостоятельно мыслить, рассуждать, обучаться и воспроизводить сложные эмоции.

Анализ современного состояния развития технологий свидетельствует о том, что все применяемые системы относятся к категории слабого ИИ [3], который функционирует в рамках заранее заданных алгоритмов и не обладает самостоятельной правосубъектностью. Для выполнения более сложных функций правосудия требуется больше интеллектуальных ресурсов [4], которых у слабого ИИ нет.

Последние два вида- «сильный» и «суперсильный» ИИ носят только гипотетический характер, однако однозначно предполагается, что они будут созданы в будущем, в связи с чем перспективы по их использованию рассматриваются многими учеными уже сегодня [5]

Отдельно следует отметить, что в настоящее время уже длительное время функционируют цифровые системы, обеспечивающие электронное взаимодействие участников судебного процесса с судами. К числу таких систем относятся государственная автоматизированная система ГАС «Правосудие», а также информационная система арбитражных судов Картотека арбитражных дел «Мой Арбитр» [6]. Данные цифровые платформы позволяют дистанционно подавать и получать процессуальные документы, отслеживать движение дел, знакомиться с материалами судебных дел, а также участвовать в судебных заседаниях в формате видеоконференц-связи или вебконференции. Фактически речь идет о формировании элементов электронного правосудия, при котором значительная часть процессуальных действий может осуществляться без личного присутствия участников в здании суда.

Важным этапом дальнейшего развития цифровизации судебной системы является реализация проекта Суперсервис «Правосудие онлайн», который в настоящее время функционирует в тестовом режиме в ряде субъектов Российской Федерации. В рамках данного проекта планируется проведение масштабной модернизации программного обеспечения судебного делопроизводства ГАС «Правосудие», включая перевод системы на новую технологическую платформу и последующую эксплуатацию в рамках единой распределённой базы данных. Предполагается, что подобная модернизация позволит существенно повысить уровень автоматизации судебных процедур, обеспечить более эффективную обработку процессуальной информации и ускорить взаимодействие между судами и участниками процесса.

Наряду с государственными цифровыми системами значительную роль в формировании технологической инфраструктуры современного правосудия играют специализированные правовые сервисы, предназначенные для использования профессиональным юридическим сообществом [7]. Одним из таких решений является система «Сутяжник», разработанная в рамках справочно-правовой системы Гарант. Данная программа представляет собой автоматизированного помощника юриста, функциональные возможности которого включают подготовку процессуальных документов (в частности, исковых заявлений и отзывов на них), аналитическую обработку правовой ситуации, составляющей предмет судебного спора, выявление применимых норм права и релевантной судебной практики, а также прогнозирование вероятного исхода судебного разбирательства на основе анализа ранее рассмотренных аналогичных дел.

Подобные цифровые решения ориентированы прежде всего на профессиональное юридическое сообщество и направлены на повышение эффективности оказания юридической помощи, снижение трудоёмкости рутинных операций и оптимизацию деятельности юридических подразделений. К числу широко используемых в Российской Федерации инструментов данного типа относятся, в частности, сервис «Конструктор договоров» справочно-правовой системы КонсультантПлюс, а также модуль «Экспресс-проверка», функционирующий в системе Гарант.

Анализ функционирования указанных цифровых инструментов позволяет сделать вывод о том, что российская судебная система находится на начальном этапе внедрения технологий искусственного интеллекта и связанных с ним цифровых решений. Речь идет не только о переводе судебных процедур в электронный формат, но и о постепенном изменении самого процесса осуществления судебной деятельности. Использование подобных технологий позволяет существенно упростить и в определенной степени автоматизировать судопроизводство, особенно в части обработки процессуальной информации, подготовки документов и анализа судебной практики. Вместе с тем наличие развитых цифровых систем и инструментов, основанных на технологиях слабого искусственного интеллекта, не снимает одной из ключевых проблем современной судебной системы — высокой нагрузки на судей и значительного количества рассматриваемых дел. Существенную долю судебной нагрузки составляют дела приказного производства, которые по своей правовой природе характеризуются высокой степенью формализации и отсутствием как такового спора о праве между сторонами. В подобных категориях дел деятельность суда фактически сводится к проверке соответствия представленных документов установленным законом требованиям, подтверждению наличия бесспорной задолженности и соблюдения процессуальных условий для вынесения судебного приказа. Соответственно, анализ обстоятельств дела носит преимущественно формальный характер и не требует сложной юридической оценки или установления спорных фактических обстоятельств. В связи с этим одним из перспективных направлений развития цифрового правосудия может стать использование технологий искусственного интеллекта в качестве вспомогательного инструмента при рассмотрении дел приказного производства, что уже внедрятся в мировых судах

[8]. Учены уже давно обращали внимание на возможность заимствования автоматического приказного производства стран Европейского союза, которое можно реализовать через вынесение электронного судебного приказа роботом-судьей. Современный уровень развития цифровых технологий позволяет создать алгоритмы, способные автоматически проверять представленные документы на соответствие установленным требованиям, анализировать данные о задолженности и формировать проект судебного приказа. При отсутствии спора о праве и при наличии стандартных юридических конструкций участие человека в лице судьи в подобных процедурах может быть сведено к функции контроля и окончательного утверждения решения.

Интересный опыт внедрения подобных технологий демонстрирует практика зарубежных государств, в частности Китайской Народной Республики. В Китае активно развивается система так называемых «умных судов», функционирующих на основе интеграции цифровых платформ и технологий искусственного интеллекта [9]. В рамках данной модели ИИ используется не только для обработки судебной информации, но и для анализа правовых позиций сторон и подготовки проектов судебных решений.

Более того, в ряде случаев технологии искусственного интеллекта используются в Китае в качестве обязательного вспомогательного инструмента при вынесении судебного решения. Судья, рассматривающий дело, параллельно использует систему искусственного интеллекта, которая на основе анализа нормативных актов и судебной практики формирует собственный вариант правового решения. В случае если позиция судьи расходится с предложенным алгоритмом результатом, судья обязан дополнительно обосновать причины принятия иного решения. Подобная практика демонстрирует возможность интеграции искусственного интеллекта в процесс осуществления правосудия в качестве аналитического и вспомогательного инструмента, повышающего уровень обоснованности судебных решений и способствующего обеспечению единообразия судебной практики.

Вместе с тем очевидно, что даже при дальнейшей цифровизации судебной деятельности искусственный интеллект не может рассматриваться как полноценная замена судьи. Его роль заключается прежде всего в оптимизации процедурных процессов, обработке больших массивов информации и автоматизации типовых юридических операций, что позволяет существенно повысить эффективность функционирования судебной системы.

Использование искусственного интеллекта в уголовно-правовой сфере

Применение технологий искусственного интеллекта в уголовно-правовой сфере имеет особое значение, поскольку именно здесь цифровые инструменты способны существенно повысить эффективность предупреждения и раскрытия преступлений. В условиях стремительной цифровизации общества правоохранительные органы сталкиваются с новыми формами преступности, значительная часть которых связана с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В этой связи внедрение интеллектуальных цифровых систем становится не просто желательным, а объективно необходимым условием обеспечения общественной безопасности.

Следует отметить, что искусственный интеллект сегодня используется не только государственными структурами, но и преступным сообществом. Современные технологии позволяют преступникам использовать алгоритмы машинного обучения для совершения различных преступлений, прежде всего в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Речь идет о создании и модификации вредоносного программного обеспечения, автоматизации фишинговых атак, генерации поддельных цифровых изображений и голосов, а также сокрытии следов противоправной деятельности с помощью ИИ [10]. Так, с использованием технологий искусственного интеллекта вредоносные программы могут маскироваться путем изменения переменных, внедрения так называемого «мертвого кода», а также применения различных методов шифрования, что значительно затрудняет их обнаружение без использования современных технологий.

Масштабы киберпреступности в Российской Федерации наглядно демонстрируют необходимость активного использования технологий искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов. Согласно статистическим данным, с января по декабрь 2024 года в России было зарегистрировано около 765,4 тыс. преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что на 13,1 % больше по сравнению с аналогичным периодом 2023 года. В 2025 году наблюдалось определённое снижение данного показателя — количество подобных преступлений уменьшилось на 10,8 % по сравнению с 2024 годом. Однако общий уровень киберпреступности по-прежнему остаётся крайне высоким. Для сравнения, за последние двенадцать лет число киберпреступлений увеличилось почти в 70 раз — с примерно 11 тысяч в 2013 году до более чем 765 тысяч в 2024 году. При этом доля преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, достигла около 40 % от общего числа зарегистрированных преступлений.

В этих условиях использование технологий искусственного интеллекта становится важным инструментом противодействия преступности. Одним из направлений такого использования является внедрение искусственного интеллекта в системы видеонаблюдения [11], запускаемые по всему миру. Подобные системы позволяют автоматически анализировать и распознавать лица, после чего оперативно передавать информацию правоохранительным органам. С одной стороны, такие технологии выполняют превентивную функцию, поскольку само наличие интеллектуальных систем наблюдения способно снижать вероятность совершения преступлений. С другой стороны, они существенно повышают эффективность расследования уже совершённых правонарушений, позволяя быстро идентифицировать подозреваемых и восстанавливать хронологию событий.

В Российской Федерации развитие подобных технологий носит пока преимущественно фрагментарный характер. В качестве примера можно привести регулирование отдельных цифровых проектов на региональном уровне, в частности положения Федеральный закон № 123-ФЗ от 24 апреля 2020 года, предусматривающего эксперимент по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в городе Москве. В рамках данного эксперимента активно используются системы видеонаблюдения, объединенные в одну систему по всему городу, с функцией распознавания лиц, что позволяет существенно повысить эффективность выявления и раскрытия преступлений. Кроме того, технологии искусственного интеллекта на протяжении многих лет применяются в сфере судебной экспертизы. В настоящее время используются различные системы, применяемые в судебной экспертизе, такие как «ЭВРИКА», «Кортик», «Балэкс» и «Наркоэкс» [12]. С их помощью эксперт осуществляет исследование и оценку вещественных доказательств, анализирует полученные данные и формирует проект экспертного заключения. Вместе с тем данные системы не подменяют деятельность специалиста. В случае возникновения сомнений или получения неоднозначных

рекомендаций эксперт принимает окончательное решение на основе собственных профессиональных знаний, опыта и внутреннего убеждения.

Интересный опыт экспериментального использования алгоритмических систем в сфере обеспечения общественной безопасности демонстрирует зарубежная практика. Показательным примером является проект Palantir, реализованный в городе Новый Орлеан (США) в период с 2012 по 2018 годы [13]. В рамках данной инициативы осуществлялся сбор и агрегирование различных сведений о жителях города, включая данные об их социальных связях, трудовой деятельности, перемещениях, а также цифровой активности в социальных сетях. Несмотря на то, что алгоритмы, по имеющимся данным, корректно идентифицировали до 80 % лиц, впоследствии использовавших огнестрельное оружие, ни одно из предполагаемых преступлений предотвращено не было. Это поставило под сомнение прикладную ценность подобного прогнозирования в условиях правовой неопределённости и отсутствия четких процедур реагирования на полученные алгоритмические прогнозы.

Схожие проблемы возникли и при использовании системы оценки риска рецидива COMPAS, применявшейся в судебной практике ряда штатов США [5]. В процессе её использования было установлено, что при разработке алгоритма были использованы некорректные исходные данные, основанные на стереотипах разработчиков, вследствие чего система демонстрировала значительные искажения в оценке вероятности повторного совершения преступлений. Ситуация осложнялась тем, что компания-разработчик отказалась раскрывать алгоритмическую архитектуру системы, что исключало возможность её независимой проверки экспертным сообществом.

В результате проведённых исследований было установлено, что алгоритм фактически воспроизводит социальные предубеждения, существующие в обществе, вместо того чтобы нивелировать их. Верховный суд штата Висконсин разъяснил, что алгоритмическая оценка риска не может рассматриваться в качестве решающего основания при вынесении судебного решения. Впоследствии использование данной системы было официально приостановлено.

Приведённые примеры наглядно демонстрируют, что внедрение технологий искусственного интеллекта в уголовно-правовую сферу требует не только технического совершенствования алгоритмов, но и тщательной правовой, этической регламентации их применения [14]. Только при соблюдении этих условий использование интеллектуальных систем может способствовать повышению эффективности правоохранительной деятельности и одновременно обеспечивать соблюдение фундаментальных принципов правосудия.

Проблемы и правовые риски использования искусственного интеллекта в системе правосудия

Несмотря на очевидные преимущества внедрения технологий искусственного интеллекта в сферу правосудия, их использование неизбежно связано с рядом правовых, организационных и этических проблем. Развитие цифровых инструментов в судебной системе требует не только технологических решений, но и выработки комплексного правового регулирования, способного обеспечить баланс между эффективностью правоприменения и соблюдением фундаментальных принципов правосудия.

В связи быстрым развитием технологий ИИ, его внедрение в качестве субъекта правоприменения, рассматривающего судебные дела, в ближайшем будущем станет реальностью во многих государствах [15]. Соответственно, одной из наиболее дискуссионных проблем внедрения технологий искусственного интеллекта в сферу правосудия является проблема ответственности за ошибки, совершенные ИИ. В традиционной модели правоприменения вопрос субъектности ответственности не вызывает существенных затруднений: судебное решение принимается судьёй как носителем публичной власти, и именно он несёт ответственность за его законность, обоснованность и соответствие требованиям права. Однако в случае использования ИИ в качестве субъекта правоприменения существенно усложняет данную конструкцию.

В условиях использования интеллектуальных технологий формируется целый ряд субъектов, кто может нести ответственность за решения, принимаемые ИИ. К ним могут относиться как сам ИИ, так и разработчики программного обеспечения, специалисты, а также судьи, использующие технологии при принятии решения. При возникновении ошибки, допущенной ИИ, возникает принципиальный вопрос: может ли такая ошибка быть отнесена к юридически значимому поведению какого-либо из указанных субъектов.

С точки зрения принципа презумпции невиновности, закреплённого в уголовном праве, лицо может быть признано виновным лишь при наличии доказанной вины, выраженной в форме умысла либо неосторожности. В этой связи нередко высказывается предположение о возможности возложения ответственности за ошибки искусственного интеллекта на разработчиков соответствующей программы [16]. Однако подобный подход представляется оправданным лишь в том случае, если будет установлено, что система функционировала на основе заведомо некорректных данных, либо в алгоритмы её работы изначально были заложены технические решения, способные повлечь искажение результатов сбора, обработки и анализа данных.

В большинстве же случаев современные системы искусственного интеллекта представляют собой сложные математические модели, функционирующие на основе обработки больших массивов данных и вероятностных алгоритмов. Их деятельность не носит характер самостоятельного юридически значимого поведения, а возникающие ошибки могут быть обусловлены статистическими отклонениями, ограничениями обучающих выборок либо особенностями функционирования самой модели. При отсутствии умышленного создания системы, направленной на предоставление ИИ некорректных решений, квалификация подобных ситуаций как преступной неосторожности или халатности со стороны разработчиков представляется юридически необоснованной.

Фактически признание любой алгоритмической ошибки основанием для привлечения разработчика к юридической ответственности означало бы установление своеобразной «объективной ответственности» за результат функционирования сложных технических систем, что противоречило бы базовым принципам современного права, предполагающим необходимость установления вины субъекта.

В этой связи представляется, что на современном этапе технологического развития вопрос о наделении искусственного интеллекта самостоятельной правовой субъектностью либо о его использовании в качестве полностью автономного субъекта правоприменения (в том числе в роли условного «цифрового судьи» или независимого эксперта) не имеет достаточных теоретических и практических оснований. Искусственный интеллект может выступать исключительно в качестве вспомогательного аналитического инструмента, способствующего повышению эффективности обработки правовой информации, тогда как окончательное решение и связанная с ним юридическая ответственность должны сохраняться за человеком как носителем публичной власти и субъектом правоприменительной деятельности.

Однако даже использование искусственного интеллекта в качестве вспомогательного инструмента в правоприменительной деятельности порождает ряд правовых вопросов и проблем, требующих нормативного урегулирования и теоретического осмысления.

В первую очередь, это проблема «чёрного ящика» [17]. Современные системы искусственного интеллекта, особенно основанные на технологиях машинного обучения, зачастую функционируют по принципу сложных математических моделей, логика которых не всегда может быть в полной мере объяснена даже разработчиками системы. В условиях судебного разбирательства подобная непрозрачность алгоритмов может вступать в противоречие с принципом мотивированности судебного решения. Участники процесса должны иметь возможность понимать, на каких основаниях принимается то или иное решение, а также оспаривать выводы, положенные в его основу. Если же часть аналитической работы выполняется алгоритмом, логика которого недоступна для проверки, возникает риск снижения доверия к судебной системе.

Отдельного внимания заслуживает проблема прослеживаемости оснований, логики действий алгоритма и алгоритмической предвзятости [18]. Как показывает международная практика, алгоритмы искусственного интеллекта могут воспроизводить и даже усиливать существующие в обществе социальные и статистические искажения. Это связано с тем, что системы машинного обучения обучаются на исторических массивах данных, которые могут содержать определённые предубеждения или дисбалансы. В результате алгоритм, предназначенный для анализа рисков или прогнозирования поведения, может фактически закреплять уже существующие социальные стереотипы. Подобная ситуация представляет серьёзную угрозу принципу равенства всех перед законом и судом.

Как уже было указано ранее, в Китае использование ИИ при вынесении решения является обязательным. С развитием технологий и учетом зарубежного опыта, использование ИИ для принятия решений может стать общепринятым во многих юрисдикциях.

Это поднимает вопрос сохранения независимости судьи при применении технологий искусственного интеллекта в правосудии. В Российской Федерации в основе судебной деятельности лежит принцип независимости (ст. 8 ГПК И УПК РФ, ст. 5.1. АПК РФ), внутреннего убеждения судьи, который формируется на основе всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. В ситуации, когда алгоритмические системы начинают играть значительную роль в формировании правовой позиции, возникает риск того, что судья может фактически оказаться под влиянием рекомендаций цифровых систем. В будущем особенно актуально это может быть в тех случаях, когда алгоритм предлагает статистически наиболее вероятное решение на основе анализа судебной практики.

Соответственно, на наш взгляд, в случае использования ИИ в качестве инструмента для принятия судебных решений, ИИ не должен иметь существенное значение, а может быть использован исключительно как дополнительный источник, которое, может лечь в основу решения, выносимого судьей.

Заключение

Таким образом, внедрение технологий искусственного интеллекта в систему правосудия является важным и необходимым процессом, однако требует осторожного и взвешенного подхода. На сегодняшний день ИИ в правосудии является незаменимой технологией, которая улучшает качество и скорость судопроизводства, повышает уровень защиты общественных интересов. При этом перспективы использования ИИ, исходя из анализа особенностей его работы, не должны выходить за пределы использования ИИ в качестве вспомогательного инструмента. Дальнейшее расширение возможностей ИИ и его внедрение в систему правосудия в качестве субъекта правоприменения наравне с человеком сопряжено с целым рядом вопросов, на которые предстоит ответить. На сегодняшний день, только при условии сохранения ключевой роли человека в данной области и обеспечения прозрачности цифровых систем возможно гармоничное сочетание технологических инноваций и фундаментальных принципов правосудия.

Литература

1. Тримайлов А.Д. Нагрузка на судебную систему: проблемы и решения // Matters of Russian and International Law. 2025, Vol. 15, Is. 7A // DOI: 10.34670/AR.2025.38.48.079.
2. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Утв. Указом Президента Российской Федерации от 10.10 2019 г. // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
3. Мохат П.М. К вопросу о правосубъектности "электронного лица" // Юридические исследования. 2018. N 4. С. 6.
4. Афанасьев С.В., Кружалова А.В. // Искусственный интеллект в приказном производстве // Вектор юридической науки 2/2025.
5. Балалаева Ю. С. Теоретические проблемы правового регулирования использования искусственного интеллекта в юридической сфере: дис. … канд. .юрид. наук 40.04.01 / Балалаева Ю. С. – Нижний Новгород., 2024. с. 29.
6. Губайдуллина Э.Х., Барабошкина А.А. Искусственный интеллект в судебной деятельности // юридическая наука № 2 2024 [ЮН].
7. Туркаева Л. В., Астамирова Х. Х., Хадуева Я. А. Роль современных информационных технологий в юридической деятельности // Правопорядок. история, теория, практика №2(25)/2020.
8. Волков К.А., Певцова И.Е., Тулиглович М.А. Искусственный интеллект в правосудии: на пересечении права и технологий // Российский судья. 2025. N 9. С. 58 - 61.
9. Драгилев Е.В., Драгилева Л.Л., Дровалева Л.С., Паламарчук С.А. // Информатизация судебной системы Китая // Юридическая наука №8 2022 [ЮН].
10. Осипенко А.Л. Технологии искусственного интеллекта в преступной деятельности: новые угрозы и вызовы // ОБЩЕСТВО И ПРАВО 2023 № 4 (86).
11. Андрюшенков Д.Г., Хади Н.М., Ушкова Н.Н., Болотин К.В., Влияние искусственного интеллекта в видеонаблюдении на современную безопасность // Информатика, вычислительная техника и управление // Серия: Естественные и технические науки № 8 август 2023 г.
12. Н.И. Долженко, В.А. Смирных // Современные возможности использования компьютерных технологий в криминалистической экспертизе //International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 12-1 (87), 2023 // DOI:10.24412/2500-1000-2023-12-1-204-206.
13. Саблинская И. Предсказать преступление: искусственный интеллект учится разыскивать бандитов // Pravo.ru. URL: https://pravo.ru/news/200927 (дата обращения: 21.02.2026 г.) .
14. Кумехова М.Б. Искусственный интеллект в уголовном законе, процессе и праве, его правосубъектность // Право и управление № 10 2024 // DOI: 10.24412/2224-9133-2024-10-324-327.
15. Шундиков К.В. Искусственный интеллект в российском правосудии: состояние и перспективы // образование

и право № 8 2023 // DOI: 10.24412/2076-1503-2023-8-315-321.

16. Е. В. Соломонов Юридическая ответственность искусственного интеллекта // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2025. Т. 22, № 2. С. 62–71. // DOI 10.24147/1990-5173.2025.22(2).62-71.

17. Головин К.С. Необходимость правового регулирования «Черного ящика» искусственного интеллекта // Вестник КГУ № 3, 2024 DOI: https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-290-297.

18. Денис Николаевич Бирюков, Андрей Сергеевич Дудкин. Объяснимость и интерпретируемость — важные аспекты безопасности решений, принимаемых интеллектуальными системами (обзорная статья) // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики, 2025, том 25, № 3. doi: 10.17586/2226-1494-2025-25-3-373-386.

The importance and role of artificial intelligence in the development of the justice system

Moskalov Yu.M.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The relevance of the research topic is обусловлена the rapid development of artificial intelligence technologies and their gradual integration into various spheres of public administration, including the justice system. The digital transformation of the judiciary, the increasing workload of courts, and the growing number of crimes committed using information and telecommunication technologies necessitate the search for new technological solutions aimed at improving the efficiency of law enforcement activities.

The article examines the significance and role of artificial intelligence in the development of the modern justice system. Particular attention is paid to the use of digital technologies in civil and arbitration proceedings in the Russian Federation, including electronic judicial services and legal information systems that facilitate the automation of certain procedural activities. The study also analyzes the prospects for the application of artificial intelligence in order proceedings, which are characterized by a high degree of formalization.

In addition, the paper explores the possibilities of using artificial intelligence in the criminal law sphere, particularly in the prevention and detection of crimes, as well as the role of intelligent systems in forensic activities and judicial expertise. The research identifies the main legal challenges associated with the implementation of artificial intelligence in the justice system, including issues of liability for algorithmic errors, transparency of algorithms, and compliance with fundamental principles of justice.

The study concludes that, at the current stage of technological development, artificial intelligence should primarily be considered as an auxiliary tool aimed at increasing the efficiency of judicial activity, while the final responsibility for legally significant decisions must remain with human actors exercising public authority.

Keywords: artificial intelligence, justice system, digitalization of the judiciary, law enforcement, e-justice, judicial activity, cybercrime, algorithmic systems.

References

1. Trimailov A.D. The Burden on the Judicial System: Problems and Solutions // Matters of Russian and International Law. 2025, Vol. 15, Issue 7A // DOI: 10.34670/AR.2025.38.48.079.
2. National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030. Approved. by Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 41. Article 5700.
3. Morkhat P.M. On the Issue of the Legal Capacity of an "Electronic Person" // Legal Research. 2018. No. 4. P. 6.
4. Afanasyev S.V., Kruzhalova A.V. // Artificial Intelligence in Writ Proceedings // Vector of Legal Science 2/2025.
5. Balalaeva Yu. S. Theoretical problems of legal regulation of the use of artificial intelligence in the legal sphere: dis. ...cand. .legal Sciences 40.04.01 / Balalaeva Yu. S. – Nizhny Novgorod., 2024. p. 29.
6. Gubaidullina E.Kh., Baraboshkina A.A. Artificial intelligence in judicial activities // legal science No. 2 2024 [YUN].
7. Turkaeva L. V., Astamirova Kh. Kh., Khadueva Ya. A. The role of modern information technologies in legal activities // Law and order. history, theory, practice No. 2(25)/2020.
8. Volkov K.A., Pevtsova I.E., Tuliglovich M.A. Artificial Intelligence in Justice: At the Intersection of Law and Technology // Russian Judge. 2025. No. 9. pp. 58-61.
9. Dragilev E.V., Dragileva L.L., Drovaleva L.S., Palamarchuk S.A. // Informatization of the Chinese Judicial System // Legal Science No. 8 2022 [UN].
10. Osipenko A.L. Artificial Intelligence Technologies in Criminal Activity: New Threats and Challenges // SOCIETY AND LAW 2023 No. 4 (86).
11. Andryushenkov D.G., Khadi N.M., Ushkova N.N., Bolotin K.V., The Impact of Artificial Intelligence in Video Surveillance on Modern Security // Computer Science, Computing and Control // Series: Natural and Technical Sciences No. 8, August 2023
12. N.I. Dolzhenko, V.A. Smirnykh // Modern Possibilities of Using Computer Technologies in Forensic Examination // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 12-1 (87), 2023 // DOI: 10.24412/2500-1000-2023-12-1-204-206.
13. Sablinskaya I. Predicting Crime: Artificial Intelligence Learns to Spot Bandits // Pravo.ru. URL: https://pravo.ru/news/200927 (date of access: 21.02.2026).
14. Kumekhova M.B. Artificial Intelligence in Criminal Law, Procedure and Law, Its Legal Capacity // Law and Management No. 10 2024 // DOI: 10.24412/2224-9133-2024-10-324-327.
15. Shundikov K.V. Artificial Intelligence in Russian Justice: Status and Prospects // Education and Law No. 8 2023 // DOI: 10.24412/2076-1503-2023-8-315-321.
16. E.V. Solomonov Legal Liability of Artificial Intelligence // Bulletin of Omsk University. Law Series. 2025. Vol. 22, No. 2. Pp. 62–71. // DOI 10.24147/1990-5173.2025.22(2).62-71.
17. Golovin, K.S. The Need for Legal Regulation of the “Black Box” of Artificial Intelligence // KSU Bulletin, No. 3, 2024. DOI: https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-290-297.
18. Denis Nikolaevich Biryukov, Andrey Sergeevich Dudkin. Explainability and interpretability are important aspects of the security of decisions made by intelligent systems (review article) // Scientific and Technical Bulletin of Information Technologies, Mechanics and Optics, 2025, Vol. 25, No. 3. doi: 10.17586/2226-1494-2025-25-3-373-386.

Конституционно-правовая регламентация установления и изменения границ между субъектами Российской Федерации: пробелы и пути совершенствования

Сангаджиев Эрдни Бадмаевич
ассистент кафедры уголовного права и процесса факультета управления и права, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова

Исследование посвящено анализу конституционно-правовых основ процедуры установления и изменения границ между субъектами Российской Федерации.
Выявлены существенные пробелы и коллизии в действующем законодательстве, в частности отсутствие федерального закона, комплексно регулирующего данные процедуры, и неопределенность понятия «граница субъекта РФ».
Обоснована необходимость устранения данных недостатков для обеспечения стабильности федеративных отношений, предотвращения территориальных споров и успешной интеграции новых субъектов РФ – Луганской Народной Республики, Донецкой Народной Республики, Херсонской и Запорожской областей.
Предложен механизм разрешения спорных вопросов через создание специальных комиссий с последующей законодательной инициативой.
Ключевые слова: Российская Федерация; федерализм; территориальное устройство; субъект Российской Федерации; граница субъекта; установление границы; изменение границы; правовые пробелы; законодательное регулирование; новые субъекты РФ; интеграция.

Введение

Вопросы территориального устройства и четкого разграничения пространственных пределов публичной власти остаются фундаментальными для любого государства, особенно федеративного.

Они напрямую влияют на стабильность социально-экономического развития, обеспечение национальной безопасности и эффективность распределения полномочий между центром и регионами [6, с. 15].

Принцип территориальной целостности, закрепленный в международном праве (п. 4 ст. 2 Устава ООН [8], Декларация об укреплении международной безопасности 1970 г. [9]) и национальном законодательстве (ч. 3 ст. 4 Конституции РФ [10]), является краеугольным камнем российской государственности.

Актуальность исследования обусловлена текущими процессами реформирования системы публичной власти в России (Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ [11]), интеграцией новых субъектов Федерации (ЛНР, ДНР, Херсонская, Запорожская области) и выявленными пробелами в правовом регулировании установления и изменения межсубъектных границ, что создает риски возникновения территориальных споров и затрудняет процессы интеграции.

Российская Федерация, как установлено ст. 1 и ст. 5 Конституции РФ [10], является федеративным государством, состоящим из равноправных субъектов (республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов).

Согласно п. 1 ст. 67 Конституции РФ [10], территория РФ включает территории ее субъектов, внутренние воды, территориальное море и воздушное пространство над ними. Однако ключевая проблема, на которую справедливо указывает И.А. Старостина, заключается в том, что действующее законодательство РФ не содержит легального определения понятия «граница субъекта Российской Федерации» [6, с. 78].

Эта терминологическая неопределенность порождает практические трудности при разрешении вопросов разграничения территорий, особенно в условиях отсутствия исторически сложившихся или документально четко зафиксированных линий раздела между некоторыми субъектами.

Пункт 3 ст. 67 Конституции РФ устанавливает основной принцип: изменение границ между субъектами Федерации возможно только по их взаимному согласию. Утверждение такого изменения отнесено к ведению Совета Федерации Федерального Собрания РФ (п. 1(а) ст. 102 Конституции РФ). Процедура утверждения детализирована в Регламенте Совета Федерации (ст. 144-147 Постановления СФ от 30.01.2002 № 33-СФ [15]).

В истории нашей страны имеются несколько случаев утверждения Советом Федерации изменения границ между субъектами Центрального и Дальневосточного федеральных округов, а также границ города федерального значения Санкт-Петербурга (напр., Постановления СФ: от 03.02.1994 № 38-1 СФ [16], от 25.10.1994 № 236-1 СФ [17], от 02.02.2007 № 30-СФ [18], от 13.07.2011 № 347-СФ [19], от 25.12.2014 № 730-СФ [20], от 11.02.2022 № 16-СФ [21], от 23.06.2021 № 426-СФ [22]).

В тоже время возникает правовая коллизия. Согласно пп. 6 п. 3 ст. 8 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской

Федерации» (№ 414-ФЗ) [11], соглашение об изменении границ утверждается постановлением законодательного органа государственной власти субъекта РФ. Ч. 4 ст. 49 того же закона прямо запрещает возлагать на федеральные органы власти полномочия субъектов по изменению межсубъектных границ.

Это ставит под сомнение юридическую природу постановлений Совета Федерации, утверждающих изменения границ.

Как отмечает М.Ю. Дитятковский, подобные коллизии требуют системного разрешения на уровне федерального конституционного законодательства, обеспечивающего иерархию правовых актов и непротиворечивость процедур [2, с. 45].

Вследствие этого возникает вопрос: являются ли постановления СФ самостоятельным актом утверждения или лишь формой санкционирования (дополнительного утверждения) решения, уже принятого органами субъектов? Действующее регулирование не дает однозначного ответа.

Если регулирование изменения границ, несмотря на коллизии, все же представлено в законодательстве (хотя и фрагментарно), то процедура первоначального установления границ между субъектами РФ на федеральном уровне вообще не регламентирована. Этот существенный пробел отмечается в юридической литературе [7, с. 32].

Отдельные упоминания о границах субъектов содержатся в:

П. 3 ст. 16 Федерального закона «О геодезии, картографии и пространственных данных» (№ 431-ФЗ) [12]: границы «отображаются на государственных топографических картах...».

Ст. 10 и ст. 32 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» (№ 218-ФЗ) [13]: реестр границ содержит реквизиты актов об утверждении изменения границ; акты об установлении/изменении границ являются основанием для внесения сведений в ЕГРН.

Пп. 42 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» (№ 99-ФЗ) [14]: геодезическая и картографическая деятельность, включая работы по установлению/изменению границ субъектов РФ, подлежит лицензированию.

Однако эти нормы носят бланкетный или технический характер и не устанавливают саму процедуру инициирования, согласования и юридического оформления факта установления новой границы между субъектами. Отсутствие четкой процедуры особенно критично в период формирования системы органов государственной новых субъектов РФ.

Ярким примером сложности процедуры и возникновения споров выступает установление границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой. Закон Республики Ингушетия «Об утверждении Соглашения...» и само Соглашение, несмотря на возникшие после их принятия споры, были признаны соответствующими Конституции РФ Постановлением Конституционного Суда РФ от 06.12.2018 № 44-П [23]. Этот пример подчеркивает важность четких правовых механизмов для предотвращения конфликтов.

Выявленные пробелы и коллизии в законодательстве приобретают особую остроту в свете вхождения в состав Российской Федерации новых субъектов – Луганской Народной Республики, Донецкой Народной Республики, Херсонской и Запорожской областей. Процесс их интеграции требует решения множества территориально-правовых вопросов:

1. Уточнение и документальное установление границ между новыми субъектами, а также между ними и существующими субъектами РФ (например, с Ростовской областью, Краснодарским краем). Отсутствие федерального закона об установлении границ создает правовую неопределенность на этом направлении.

2. Разрешение потенциальных спорных вопросов относительно территориальной принадлежности отдельных населенных пунктов или участков. Нынешняя фрагментарность регулирования не предоставляет эффективных досудебных механизмов урегулирования.

3. Обеспечение легитимности и стабильности административно-территориального деления новых регионов. Четкие правовые процедуры – залог устойчивого развития и предотвращения внутренних конфликтов.

4. Формирование единого правового поля в сфере земельных отношений, регистрации недвижимости, осуществления полномочий органами власти, что напрямую зависит от установленных и юридически бесспорных границ.

Как подчеркивает С.А. Авакьян, устойчивость федерации напрямую зависит от четкости и стабильности ее территориального устройства, а любые неопределенности в этом вопросе являются источником рисков для государственной целостности [1, с. 102].

Устранение выявленных законодательных пробелов является неотложной задачей для обеспечения успешной и бесконфликтной интеграции новых территорий в правовое и экономическое пространство России.

Для преодоления выявленных недостатков и в целях предотвращения территориальных споров (как между «старыми» субъектами, так и в контексте интеграции новых регионов) предлагается:

1. Принятие специального федерального закона «Об установлении и изменении границ между субъектами Российской Федерации». Данный нормативный правовой акт должен:

Дать легальное определение понятий «территория субъекта РФ», «граница субъекта РФ».

Детально регламентировать процедуры инициирования, согласования и принятия решений как об установлении (в т.ч. первоначальном), так и об изменении границ.

Четко определить роль и полномочия органов государственной власти РФ (Президент РФ, Правительство РФ, Совет Федерации) и органов государственной власти заинтересованных субъектов РФ на каждом этапе процедур.

Устранить выявленные коллизии, закрепив, что постановление Совета Федерации является необходимым итоговым актом федерального уровня, утверждающим решение, принятое законодательными органами субъектов-участников на основе их взаимного согласия.

Установить требования к документальному оформлению границ (картографические материалы, описания).

Предусмотреть порядок разрешения споров, включая досудебные процедуры.

2. Создание постоянно действующих или временных комиссий для подготовки предложений по урегулированию сложных или спорных вопросов установления/изменения границ, особенно актуальных для новых субъектов РФ.

В состав таких комиссий должны входить:

1) Представители высших органов государственной власти заинтересованных субъектов РФ.

2)Члены Общественных палат субъектов РФ (для учета общественного мнения).

3)Представители федеральных органов государственной власти (Минюст России, Росреестр, аппарат Полномочного представителя Президента РФ в соответствующем федеральном округе).

4)Эксперты (юристы, картографы, историки). Основная задача комиссии – выработка согласованных предло-

жений, которые затем могут быть оформлены в виде законодательной инициативы для внесения в Государственную Думу Федерального Собрания РФ.

Проведенный анализ конституционно-правовых основ и текущего законодательства Российской Федерации в сфере установления и изменения границ между субъектами выявил существенные системные пробелы и коллизии.

Ключевыми проблемами являются отсутствие легального определения границы субъекта РФ, фрагментарность и коллизионность регулирования процедуры изменения границ и практически полное отсутствие федеральной регламентации процедуры их установления.

Эти недостатки создают риски возникновения территориальных споров, затрудняют административно-территориальное управление и представляют особую угрозу в контексте интеграции новых субъектов Российской Федерации – ЛНР, ДНР, Херсонской и Запорожской областей, где вопросы делимитации границ стоят особенно остро.

Устранение выявленных пробелов требует комплексного подхода, основой которого должно стать принятие специализированного федерального закона, детально регулирующего все аспекты данных процедур.

Предложенный механизм создания согласительных комиссий с участием представителей субъектов и федерального центра может стать эффективным инструментом для подготовки законодательных решений по сложным вопросам, особенно в отношении новых территорий.

Совершенствование законодательства в данной сфере является необходимым условием для укрепления федеративных отношений, обеспечения территориальной целостности России, стабильного социально-экономического развития ее регионов и успешной интеграции новых субъектов в единое правовое и экономическое пространство страны.

Литература

1. Авакьян С.А.Конституционное право России: Учебный курс: В 2 т. Т. 1. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2020. 864 с.
2. Дитятковский М.Ю. Современные проблемы российского федерализма: конституционно-правовое исследование. М.: Норма, 2018. 256 с.
3. Мисроков Т.З. Границы между субъектами Российской Федерации: вопросы конституционно-правовой идентичности // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 8. С. 8–11.
4. Нарутто С.В.Территория в публичном праве. М.: Норма, Инфра-М, 2013. 240 с.
5. Старостина И.А. К вопросу о понятии и признаках административно-территориальной единицы // Административное и муниципальное право. 2017. № 5. С. 76–83.
6. Старостина И.А. Проблемы правового регулирования административно-территориального устройства субъектов Российской Федерации: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 192 с.
7. Чертков А.Н.Правовое регулирование установления и изменения границ субъектов Российской Федерации как пространственного предела их территорий // Журнал российского права. 2009. № 9. С. 30–38.
8. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 14 – 47.
9. Декларация об укреплении международной безопасности (Принята 16.12.1970 Резолюцией 2734 (XXV) на 1932-ом пленарном заседании 25-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Документ ООН A/RES/2734(XXV).
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
11. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 53 (ч. I). Ст. 8990.
12. Федеральный закон от 30.12.2015 № 431-ФЗ «О геодезии, картографии и пространственных данных и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 51.
13. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344.
14. Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.
15. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 30.01.2002 № 33-СФ «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 7. Ст. 635.
16. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 03.02.1994 № 38-1 СФ «Об утверждении изменения границы между Ивановской и Нижегородской областями» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1994. № 7. Ст. 509.
17. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 25.10.1994 № 236-1 СФ «Об утверждении изменения границы между Костромской и Вологодской областями» // Вестник Совета Федерации. 1994. № 1. Ст. 17.
18. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 02.02.2007 № 30-СФ «Об утверждении изменения границы между Еврейской автономной областью и Амурской областью» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 903.
19. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 13.07.2011 № 347-СФ «Об утверждении изменения границы между городом федерального значения Москвой и Московской областью» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 29. Ст. 4470.
20. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 25.12.2014 № 730-СФ «Об утверждении изменения границы между субъектами Российской Федерации Калужской областью и Смоленской областью» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 52 (ч. VII). Ст. 7773.
21. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 11.02.2022 № 16-СФ «Об утверждении изменения границы между субъектами Российской Федерации Калужской областью и Брянской областью» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 7. Ст. 1031.
22. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 23.06.2021 № 426-СФ «Об утверждении изменения границы города федерального значения Санкт-Петербурга» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 26 (ч. II). Ст. 5174.
23. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2018 № 44-П «По делу о проверке конституционности Закона Республики Ингушетия «Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой» и Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой в связи с запросом Главы Республики Ингушетия» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 50. Ст. 7885.

Constitutional and legal regulation of establishing and changing borders between the subjects of the Russian Federation: gaps and ways to improve

Sangadzhiev E.B.
B.B. Gorodovikov Kalmyk State University

This study analyzes the constitutional and legal foundations of the procedure for establishing and changing borders between constituent entities of the Russian Federation.

Significant gaps and collisions in the current legislation are identified, particularly the absence of a federal law comprehensively regulating these procedures and the lack of a clear definition of the "border of a constituent entity of the RF".

The necessity of eliminating these shortcomings is substantiated to ensure the stability of federal relations, prevent territorial disputes, and successfully integrate new subjects of the RF – the Lugansk People's Republic, the Donetsk People's Republic, Kherson and Zaporizhzhia regions.

A mechanism for resolving contentious issues through the creation of special commissions followed by legislative initiative is proposed.

Keywords: Russian Federation; federalism; territorial structure; constituent entity of the Russian Federation; entity border; border establishment; border alteration; legal gaps; legislative regulation; new RF entities; integration.

References

1. Avakyan S.A. Constitutional Law of Russia: A Study Course: In 2 Volumes. Vol. 1. 6th ed., revised and enlarged. Moscow: Norma, 2020. 864 p.
2. Dityatkovsky M.Yu. Modern Problems of Russian Federalism: A Constitutional and Legal Study. Moscow: Norma, 2018. 256 p.
3. Misrokov T.Z. Borders between Subjects of the Russian Federation: Issues of Constitutional and Legal Identity // State Power and Local Self-Government. 2019. No. 8. pp. 8–11.
4. Naruto S.V. Territory in Public Law. Moscow: Norma, Infra-M, 2013. 240 p.
5. Starostina I.A. On the Concept and Features of an Administrative-Territorial Unit // Administrative and Municipal Law. 2017. No. 5. pp. 76–83.
6. Starostina, I.A. Problems of Legal Regulation of the Administrative-Territorial Structure of Subjects of the Russian Federation: Monograph. Moscow: Yurlitinform, 2018. 192 p.
7. Chertkov, A.N. Legal Regulation of the Establishment and Change of Borders of Subjects of the Russian Federation as the Spatial Limit of Their Territories // Journal of Russian Law. 2009. No. 9. pp. 30–38.
8. Charter of the United Nations (Adopted in San Francisco on June 26, 1945) // Collection of Current Treaties, Agreements, and Conventions Concluded by the USSR with Foreign States. Issue XII. M., 1956. Pp. 14–47.
9. Declaration on the Strengthening of International Security (Adopted on 16.12.1970 by Resolution 2734 (XXV) at the 1932nd plenary meeting of the 25th session of the UN General Assembly) // UN Document A/RES/2734(XXV).
10. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 11. Art. 1416.
11. Federal Law of 21.12.2021 No. 414-FZ "On the General Principles of Organization of Public Authority in the Constituent Entities of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 53 (Part I). Art. 8990.
12. Federal Law of 30.12.2015 No. 431-FZ "On Geodesy, Cartography, and Spatial Data and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 1 (Part I). Art. 51.
13. Federal Law of 13.07.2015 No. 218-FZ "On State Registration of Real Estate" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 29 (Part I). Art. 4344.
14. Federal Law of 04.05.2011 No. 99-FZ "On Licensing of Certain Types of Activities" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 19. Art. 2716.
15. Resolution of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation of 30.01.2002 No. 33-SF "On the Rules of Procedure of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 7. Art. 635.
16. Resolution of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation of 03.02.1994 No. 38-1 SF "On Approval of the Change of the Border between the Ivanovo and Nizhny Novgorod Oblasts" // Collected Acts of the President and Government of the Russian Federation. 1994. No. 7. Art. 509.
17. Resolution of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation of 25.10.1994 No. 236-1 SF "On Approval of the Change of the Border between the Kostroma and Vologda Oblasts" // Bulletin of the Federation Council. 1994. No. 1. Art. 17.
18. Resolution of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation of 02.02.2007 No. 30-SF "On Approval of the Change of the Border between the Jewish Autonomous Region and Amur Oblast" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 7. Art. 903.
19. Resolution of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation of 13.07.2011 No. 347-SF "On Approval of the Change of the Border between the Federal City of Moscow and Moscow Oblast" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 29. Art. 4470.
20. Resolution of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation of 25.12.2014 No. 730-SF "On Approval of the Change of the Border between the Subjects of the Russian Federation Kaluga Oblast and Smolensk Oblast" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 52 (Part VII). Art. 7773.
21. Resolution of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation of 11.02.2022 No. 16-SF "On Approval of the Change of the Border between the Subjects of the Russian Federation Kaluga Oblast and Bryansk Oblast" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 7. Art. 1031.
22. Resolution of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation of June 23, 2021 No. 426-SF "On Approving the Change to the Boundary of the Federal City of St. Petersburg" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 26 (Part II). Art. 5174.
23. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 6, 2018 No. 44-P "On the Case Concerning the Review of the Constitutionalism of the Law of the Republic of Ingushetia "On Approval of the Agreement on Establishing the Border between the Republic of Ingushetia and the Chechen Republic" and the Agreement on Establishing the Border between the Republic of Ingushetia and the Chechen Republic in Connection with the Request of the Head of the Republic of Ingushetia" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 50. Art. 7885.

Эволюция и современное значение конституционного контроля в системе защиты прав и свобод

Сомов Денис Сергеевич
аспирант, кафедра конституционного и муниципального права, Волгоградского государственного университета.
denis.sergeeivch.somov@mail.ru

В данной статье автор осуществляет сравнительно-правовой анализ германской, американской и французской моделей конституционного контроля, раскрывая их роли в системе защиты прав и свобод человека. Рассматриваются институциональные особенности соответствующих органов конституционной юстиции, механизмы доступа к ним и характер правовых последствий их решений. Внимание уделяется различиям в способах и моментах проверки конституционности нормативных актов, процессуальных фильтрах обращения и масштабе общеобязательного действия решений. На основе сопоставления практики Федерального конституционного суда Германии, Верховного суда США и Конституционного совета Франции раскрывается эволюция правозащитной функции конституционного контроля и его значение в системе сдержек и противовесов. Делается вывод о том, что эффективность данного института определяется совокупностью процедурных механизмов доступа к правосудию и материально-правовых гарантий защиты основных прав.
Ключевые слова: конституционный контроль, конституционное правосудие, Верховный суд США, конституционная жалоба, судебный прецедент, абстрактный и конкретный нормоконтроль, судебный активизм.

Конституционный контроль давно признан ключевым механизмом обеспечения верховенства конституции и защиты прав и свобод граждан. После Второй мировой войны во многих государствах были созданы специализированные органы конституционного надзора, призванные предотвращать принятие законов, противоречащих конституционным нормам и фундаментальным правам [1, с. 15].

В мировой практике сформировалось несколько моделей конституционного контроля. Отправной точкой считается решение Верховного суда США по делу Marbury v. Madison (1803), закрепившее принцип судебного контроля за конституционностью законов [26]. В странах англосаксонской системы действует децентрализованная модель, при которой проверку конституционности осуществляют все суды [8, с. 60]. В Европе получила распространение централизованная модель, разработанная Г. Кельзеном и предполагающая существование специализированного органа конституционной юстиции – «негативного законодателя» [22, с. 185]. Она была реализована в Австрии и Чехословакии и впоследствии распространена в других европейских государствах [2, с. 53]. Наряду с ними существуют смешанные системы.

Одним из наиболее развитых примеров европейской централизованной модели является система конституционного правосудия Германии. Она сформировалась после Второй мировой войны с учетом опыта Веймарской республики и периода нацистского режима. Основной Закон ФРГ 1949 года предусмотрел систему конституционного контроля, а в 1951 году начал работу Федеральный конституционный суд Германии (Bundesverfassungsgericht) [18, с. 14]. При его создании использовался опыт австрийской модели Кельзена и практики судебного контроля в США. Суд получил широкие полномочия и гарантии независимости, значительно превышающие возможности государственного суда Веймарского периода [23, с. 121].

Федеральный конституционный суд Германии состоит из двух сенатов по восемь судей. Судьи назначаются поровну Бундестагом и Бундесратом большинством в две трети голосов, срок их полномочий составляет 12 лет без права повторного назначения [21, с. 51; 7, с. 245]. Немецкая модель относится к типично европейскому (континентальному) варианту конституционного контроля: это централизованный специализированный суд, который единственный вправе официально объявлять акты неконституционными. Хотя все суды Германии обязаны применять Конституцию как закон прямого действия, лишь Федеральный конституционный суд может окончательно отменить закон, противоречащий Основному Закону [13]. Конституционные суды земель существуют, но действуют в пределах субъектов федерации.

Федеральный конституционный суд Германии проверяет соответствие законов Основному Закону как по обращениям государственных органов, так и по запросам судов, рассматривающих конкретные дела. С требованием о проверке закона могут обратиться федеральное правительство, правительства земель и не менее одной трети депутатов Бундестага [21, с. 151]. Суд также разрешает споры о компетенции между федеральными органами и землями, рассматривает вопросы импичмента высших

должностных лиц и может запретить политическую партию, деятельность которой направлена против демократического конституционного строя.

Важнейшим инструментом защиты прав является конституционная жалоба (Verfassungsbeschwerde), позволяющая любому лицу после исчерпания обычных средств судебной защиты обратиться в Конституционный суд, если оно считает, что государственные органы нарушили его основные права [15]. Ежегодно поступают тысячи таких жалоб, однако к рассмотрению принимается лишь небольшая их часть. Большинство из них отклоняется без рассмотрения по существу (принимается к производству менее 3% жалоб), однако даже оставшаяся доля приводит к вынесению сотен постановлений суда ежегодно. По нагрузке немецкий Конституционный суд значительно превосходит, например, Верховный суд США [24].

Практика Федерального конституционного суда сыграла значительную роль в развитии защиты прав в Германии. В решении по делу Lüth суд сформулировал доктрину «объективного ценностного содержания» основных прав, признав их влияние на весь правопорядок [6]. В дальнейшем была сформирована обширная судебная практика, укрепившая стандарты защиты человеческого достоинства, личной свободы, равенства и свободы выражения мнения.

Так, в ряде случаев суд отменял положения законов, ограничивавшие основные права, что вызывало обвинения в судебном активизме и чрезмерном вмешательстве суда в сферу политических решений, особенно при рассмотрении политически чувствительных вопросов [34, с. 42]. Тем не менее высокий авторитет суда обеспечил ему центральное место в системе сдержек и противовесов, и сегодня он считается одним из наиболее эффективных институтов конституционного контроля.

Соединенные Штаты стали первой страной, где судебная власть получила полномочие объявлять недействительными акты, противоречащие Конституции. Хотя Конституция США прямо не закрепляет судебный контроль, он был установлен решением Верховного суда по делу *Marbury v. Madison* (1803) под председательством Джона Маршалла [26]. Суд сформулировал принцип, согласно которому закон, противоречащий Конституции, является недействительным.

Решение в деле Marbury фактически заложило основу доктрины судебного конституционного надзора [19]. В первой половине XIX века Верховный суд использовал эту прерогативу крайне редко – после дела Marbury вплоть до Гражданской войны был отменён лишь один федеральный закон (в деле Dred Scott v. Sandford, 1857) [12]. Тем самым решение Маршалла сформировало прецедентную основу судебного конституционного контроля в США.

Американская модель является децентрализованной: функцию конституционного контроля осуществляют все суды общей юрисдикции, а окончательное слово принадлежит Верховному суду США [20].

Таким образом, конституционный контроль в США осуществляется в рамках рассмотрения конкретных судебных споров, инициированных сторонами процесса. Конституция не допускает вынесения судами абстрактных заключений, что значительно ограничивает круг конституционных вопросов, доходящих до Верховного суда. К тому же, Верховный суд сам устанавливает строгие критерии отбора дел к рассмотрению. В результате Верховный суд США рассматривает сравнительно немного дел – за год обычно выносится порядка 70–80 решений по существу, что неизмеримо меньше объёма работы Конституционного суда Германии [30].

Несмотря на ограниченное число дел, Верховный суд США оказал и продолжает оказывать колоссальное влияние на развитие прав и свобод, выступая в конечном счёте гарантом Билля о правах (первых десяти поправок к Конституции) и последующих конституционных поправок. Активность суда в разные исторические периоды заметно менялась [14]. Так, в XIX веке, кроме прецедента Marbury и крайне спорного решения Dred Scott, Верховный суд чаще поддерживал законодательную и исполнительную власть, лишь изредка признавая их акты неконституционными. Например, с 1789 по 1864 гг. Верховный суд отменил лишь два федеральных закона [33]. Однако в XX веке, особенно после 1940-х годов, Суд значительно расширил применение судебного контроля для защиты прав. С началом эпохи председателя Эрла Уоррена (1953–1969) наблюдается всплеск судебного активизма в области гражданских прав: решения Brown v. Board of Education (1954, запрет сегрегации в школах) и ряд последующих вердиктов отменили законодательные основания расовой дискриминации, укрепили гарантии надлежащей правовой процедуры, свободы слова, прав обвиняемых и т.п.

Только с 1953 по 1998 год Верховным судом были признаны неконституционными 76 федеральных законов США. За те же послевоенные десятилетия Суд отменил также свыше 370 законов штатов как противоречащих Конституции [35]. На наш взгляд, такая статистика свидетельствует о возросшей роли судебной власти в контроле над законодателем.

Верховный суд США традиционно рассматривается как верховный гарант индивидуальных прав, закреплённых Конституцией, хотя его решения не всегда были последовательно либеральными или консервативными и во многом зависели от состава суда и господствующей юридической доктрины. В период «Уорреновского суда» (1950–60-е годы) были заложены основы современной доктрины прав человека. Суд ликвидировал правовые основания расовой сегрегации, расширил применение положения о «равной защите законов» (14-я поправка), укрепил принцип «один человек – один голос» в избирательном праве и признал недопустимыми молитвы в государственных школах (дело *Engel v. Vitale*, 1962) как нарушение свободы совести. Затем в 1970-е годы под председательством Уоррена Бёргера было принято решение *Roe v. Wade* (1973), признавшее право женщины на прерывание беременности частью права на приватность. В дальнейшем позиция Суда изменялась: в деле *Planned Parenthood v. Casey* (1992) доктрина была частично скорректирована, а в 2022 г. решение *Roe* было отменено в деле *Dobbs v. Jackson* [32].

Тем не менее, в конечном счёте именно Верховный суд принимает окончательное решение по спорным вопросам, связанным с конституционными правами. Благодаря принципу прецедента, его интерпретации Билля о правах обязательны для всех судов и фактически определяют стандарты соблюдения прав человека на всей территории США. Например, решения Суда о недопустимости смертной казни для умственно отсталых (2002, Atkins v. Virginia) и несовершеннолетних преступников (2005, Roper v. Simmons) существенно сузили применение высшей меры наказания [4; 28]. Хотя федерального запрета смертной казни нет (и некоторые штаты её сохраняют), судебная власть тем самым формирует единые конституционные ограничения для всех штатов [9, с. 639]. Подобным же образом судебные вердикты устанавливали стандарты свободы слова, свободы религии, права на справедливое судебное разбирательство (требуя назначения адвоката малоимущим подсудимым – дело Gideon v. Wainwright, 1963, и пр.). Во многих таких случаях именно Суд брал на себя роль защитника меньшинств или политически уязвимых групп, чьи права не всегда эффективно обеспечивались через избирательный процесс.

Американская модель конституционного контроля предъявляет высокие требования к независимости и авторитету судебной власти. Судьи федеральных судов, в том числе Верховного суда, назначаются президентом с согласия Сената и имеют пожизненный срок полномочий, что позволяет им принимать решения, не оглядываясь на политическую конъюнктуру. С одной стороны, это гарантирует институту значительную самостоятельность, но с другой – делает процесс назначения судей предметом политической борьбы, так как каждый новый судья может повлиять на вектор судебной практики на десятилетия вперёд. Тем не менее, в общественном сознании США Верховный суд традиционно признаётся хранителем конституции: его слово может отменить акт Конгресса или штата, если тот нарушает права, закреплённые в Основном Законе. Как отмечают исследователи, судейский корпус, несмотря на все споры, остаётся одним из главных достижений американской правовой системы в деле защиты прав граждан [3, с. 221].

Французская модель долгое время отличалась от американской и германской. После Французской революции утвердилась идея парламентского суверенитета и запрет судам вмешиваться в законодательный процесс (Loi des 16–24 août 1790). Поэтому до середины XX века судебного контроля конституционности законов во Франции не существовало. Административные суды (Совет Государства) могли отменять нормативные акты правительства, противоречащие законам или общим принципам права, но сами законы Парламента считались выражением высшей воли нации и не подлежали оспариванию в судах [27].

Лишь Конституция Пятой Республики 1958 года создала орган конституционного надзора – Конституционный совет (Conseil constitutionnel). Первоначально он задумывался как политико-юридический орган, контролирующий соблюдение парламентом границ законодательной компетенции и предотвращающий злоупотребления парламентского суверенитета [11]. Совет не являлся судом в строгом смысле и не входил ни в судебную, ни в административную иерархию [17]. Его первоначальная компетенция охватывала: обязательную проверку конституционности органических законов и регламентов палат парламента; а также факультативную предварительную проверку обычных законов до их промульгации – по запросу Президента, Премьер-министра или председателя одной из палат парламента (с 1958 г.), а с 1974 года – и по запросу 60 депутатов или 60 сенаторов [29]. Граждане не имели доступа в Конституционный совет, а проверка законов происходила только до их вступления в силу, что резко отличало французскую систему от германской, и тем более от американской.

Поворотным моментом стало решение № 71-44 DC (1971) по делу о свободе ассоциаций. Совет признал преамбулу Конституции и Декларацию прав человека 1789 г. источниками конституционных прав, тем самым превратившись из органа институционального контроля в гаранта фундаментальных свобод [31]. В последующие десятилетия эта функция закрепилась. В 1970–80-е годы Совет все чаще по инициативе парламентской оппозиции проверял законы на предмет соблюдения личных и гражданских прав (после конституционной реформы 1974 г. оппозиционные 60 депутатов или сенаторов регулярно направляли важнейшие законы на проверку) [5]. В результате к 1990-м годам Конституционный совет Франции выработал обширный корпус прецедентов, защищающих свободу коммуникаций, право собственности, принцип равенства, социальные права и т.д., опираясь на Декларацию 1789 г. и другие тексты, упомянутые в преамбуле конституции.

Тем не менее, вплоть до недавнего времени граждане напрямую не могли оспаривать действующие законы во Франции. Это отличало Францию от Германии и России, где институт индивидуальной конституционной жалобы функционировал. Конституционная реформа 2008 года ввела процедуру «приоритетного вопроса о конституционности» (QPC), позволяющую сторонам судебного процесса оспаривать конституционность применимого закона. После предварительной фильтрации высшими судами вопрос может быть передан в Конституционный совет, который вправе признать закон неконституционным с общеобязательными последствиями [10; 25]. Фактически, Франция приблизилась к моделям конституционной жалобы, существующим в Германии и ряде других стран, однако высшие суды по-прежнему играют существенную роль в отборе дел, передаваемых в Конституционный совет.

Конституционный совет Франции по своей природе остается несколько отличным от классического конституционного суда. Он не является частью судебной системы. Конституционный совет состоит из девяти членов, назначаемых на девятилетний срок Президентом Республики, председателями Национального собрания и Сената. В его состав также могут входить бывшие президенты республики. Статус членов Совета ближе скорее к статусу «сенаторов по назначению», чем к судейскому корпусу: среди них нередко политические деятели, отставные министры, парламентарии. В своей деятельности при рассмотрении дел Совет действует как коллегиальный судебный орган – проводит разбирательство, заслушивает доводы сторон, и выносит решения, имеющие обязательную силу для всех органов власти [16].

Компетенция Совета до реформы 2008 г. значительно отличалась. Предварительный контроль позволял предотвращать введение в действие неконституционных норм. Так, Совет заблокировал целый ряд законопроектов, вызывавших сомнения с точки зрения прав человека (например, законы о расширении полицейских полномочий, о средствах слежения, об иммиграции и др.). Однако серьезным ограничением было то, что пропущенный на стадии промульгации закон уже не мог быть оспорен. После введения процедуры QPC Конституционный совет ежегодно рассматривает десятки дел, отменяя нормы, нарушающие право на частную жизнь, свободу коммуникаций и принцип равенства. В современной системе защиты прав во Франции важную роль также играют суды общей юрисдикции и административные суды, применяющие нормы международного и европейского права. В современных условиях французская модель во многом сближается с другими демократическими системами защиты прав, сохраняя при этом свои институциональные и исторические особенности.

Итак, сопоставление германской, американской и французской моделей показывает, что при различии институциональных форм конституционный контроль выполняет общую функцию – обеспечение верховенства конституции и защиту основных прав. Эффективность этого института в значительной степени определяется доступностью механизмов обращения и обязательной силой решений органов конституционного контроля.

Литература

1. Касаткина Н. М. Конституционный контроль в зарубежных государствах: тенденции развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 5. С. 13-20.

2. Садурский В. Конституционный контроль в Европе и США: влияние, парадоксы и сближение // СКО. 2013. № 4 (95). С. 49-67.

3. Amar A. R. America's Constitution: A Biography. New York: Random House, 2005. 672 p.

4. Atkins v. Virginia, 536 U.S. 304 (2002) // Legal Information Institute, Cornell Law School [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/536/304 (дата обращения: 29.01.2026).

5. Bell J. French Constitutional Law. Oxford: Clarendon Press, 1992 // Oxford Academic [Электронный ресурс]. URL: https://academic.oup.com/book/5675 (дата обращения: 29.01.2026).

6. Bundesverfassungsgericht. Urteil des Ersten Senats vom 15.01.1958 – 1 BvR 400/51 (Lüth) // Bundesverfassungsgericht [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/1958/01/rs19580115_1bvr040051.html (дата обращения: 29.01.2026).

7. Bundesverfassungsgerichtsgesetz (BVerfGG) vom 12. März 1951 // Bundesgesetzblatt. 1951. Teil I. S. 243-254.

8. Burnham W. Introduction to the Law and Legal System of the United States. 6th ed. St. Paul: West Academic Publishing, 2011. 993 p.

9. Chemerinsky E. Constitutional Law: Principles and Policies. 6th ed. New York: Wolters Kluwer, 2019. 1439 p.

10. Conseil constitutionnel. Décision n° 2010-39 QPC du 6 octobre 2010 // Conseil constitutionnel [Электронный ресурс]. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2010/201039QPC.htm (дата обращения: 29.01.2026).

11. de Gaulle Ch. Discours et messages. Vol. 3. Paris: Plon, 1970 // Gallica, Bibliothèque nationale de France [Электронный ресурс]. URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k3333914z (дата обращения: 29.01.2026).

12. Dred Scott v. Sandford, 60 U.S. 393 (1857) // Legal Information Institute, Cornell Law School [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/60/393 (дата обращения: 29.01.2026).

13. Encyclopaedia Britannica. Federal Constitutional Court of Germany // Encyclopaedia Britannica Online [Электронный ресурс]. URL: https://www.britannica.com (дата обращения: 29.01.2026).

14. Epstein L., Walker T. G. Constitutional Law for a Changing America: Rights, Liberties, and Justice. 10th ed. Thousand Oaks: CQ Press, 2017. 792 p.

15. European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). Administrative assistance work of the German Federal Constitutional Court (CDL-JU(2004)026). Strasbourg, 2004. P. 1–2 [Электронный ресурс]. URL: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-JU%282004%29026-e (дата обращения: 29.01.2026).

16. Favoreu L. Le Conseil constitutionnel. 6e éd. Paris: Dalloz, 2014 // Dalloz Bibliothèque [Электронный ресурс]. URL: https://www.dalloz-bibliotheque.fr/ouvrage/le-conseil-constitutionnel (дата обращения: 29.01.2026).

17. Favoreu L., Philip L. Les grandes décisions du Conseil constitutionnel. 18e éd. Paris: Dalloz, 2019 // Dalloz Bibliothèque [Электронный ресурс]. URL: https://www.dalloz-bibliotheque.fr/ouvrage/les-grandes-decisions-du-conseil-constitutionnel (дата обращения: 29.01.2026).

18. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland vom 23. Mai 1949 // Bundesgesetzblatt. 1949. Teil I. P. 1-20.

19. Hamilton A. The Federalist № 78 // The Avalon Project, Yale Law School, Lillian Goldman Law Library [Электронный ресурс]. URL: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/fed78.asp (дата обращения: 29.01.2026).

20. Hutto v. Davis, 454 U.S. 370 (1982) // Legal Information Institute, Cornell Law School [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/454/370 (дата обращения: 29.01.2026).

21. Ipsen J. Staatsrecht II. Grundrechte. 21. Aufl. München: C. H. Beck, 2018. 300 p.

22. Kelsen H. Judicial Review of Legislation: A Comparative Study of the Austrian and the American Constitution // Journal of Politics. 1942. Vol. 4. № 2. P. 183-200.

23. Kommers D. P., Miller R. A. The Constitutional Jurisprudence of the Federal Republic of Germany. 3rd ed. Durham: Duke University Press, 2012. 904 p.

24. Leclercq S., Zimmermann F. W. BVerfG-Jahresstatistik 2021: Nur 1,23 % haben Erfolg // Legal Tribune Online. 23.02.2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.lto.de/recht/justiz/j/bverfg-2021-begruendungen-nichtannahmen-jahrestatistik-2021 (дата обращения: 29.01.2026).

25. Loi constitutionnelle n° 2008-724 du 23 juillet 2008 de modernisation des institutions de la Ve République // Légifrance [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000019237256 (дата обращения: 29.01.2026).

26. Marbury v. Madison, 5 U.S. 137 (1803) // Legal Information Institute, Cornell Law School [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/5/137 (дата обращения: 29.01.2026).

27. Rivero J., Waline J. Droit administratif. 22e éd. Paris: Dalloz, 2019 // Dalloz Bibliothèque [Электронный ресурс]. URL: https://www.dalloz-bibliotheque.fr/ouvrage/droit-administratif (дата обращения: 29.01.2026).

28. Roper v. Simmons, 543 U.S. 551 (2005) // Legal Information Institute, Cornell Law School [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/543/551 (дата обращения: 29.01.2026).

29. Rousseau D. Droit du contentieux constitutionnel. 11e éd. Paris: LGDJ, 2016 // LGDJ [Электронный ресурс]. URL: https://www.lgdj.fr/droit-du-contentieux-constitutionnel-9782275046862.html (дата обращения: 29.01.2026).

30. Rules of the Supreme Court of the United States. Effective January 1, 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.supremecourt.gov/ctrules/2023RulesoftheCourt.pdf (дата обращения: 29.01.2026).

31. Stone A. The Birth of Judicial Politics in France. Oxford: Oxford University Press, 1992 // Oxford Academic [Электронный ресурс]. URL: https://academic.oup.com/book/3499 (дата обращения: 29.01.2026).

32. Sunstein C. R. Radicals in Robes: Why Extreme Right-Wing Courts Are Wrong for America. New York: Basic Books, 2005. 304 p.

33. Thomas J. R., Wirthlin J. S. Supreme Court Decisions Overruling Acts of Congress. Congressional Research Service Report RL30864. Washington, D.C., 2014. 54 p.

34. Vanberg G. The Politics of Constitutional Review in Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 208 p.

35. Whittington K. E. Judicial Review of Congress before the New Deal // Georgetown Law Journal. 2008. Vol. 97. P. 1257-1325.

The evolution and contemporary significance of constitutional review in the system of protection of rights and freedoms

Somov D.S.
Volgograd state university

This article presents a comparative legal analysis of the German, American, and French models of constitutional review, examining their roles within the

system of protection of human rights and freedoms. The study considers the institutional features of the respective bodies of constitutional justice, the mechanisms of access to them, and the legal consequences of their decisions. Particular attention is given to differences in the methods and timing of constitutional review of normative acts, procedural filters for bringing cases, and the scope of the binding effect of decisions. Based on a comparison of the practice of the Federal Constitutional Court of Germany, the Supreme Court of the United States, and the Constitutional Council of France, the article traces the evolution of the rights-protecting function of constitutional review and its significance within the system of checks and balances. It concludes that the effectiveness of this institution is determined by the combination of procedural mechanisms of access to justice and substantive legal guarantees for the protection of fundamental rights.

Keywords: constitutional review, constitutional justice, US Supreme Court, constitutional complaint, judicial precedent, abstract and concrete normative review, judicial activism.

References

1. Kasatkina N. M. Konstitutsionnyi kontrol' v zarubezhnykh gosudarstvakh: tendentsii razvitiya // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2012. № 5. S. 13-20.
2. Sadurskii V. Konstitutsionnyi kontrol' v Evrope i SShA: vliyanie, paradoksy i sblizhenie // SKO. 2013. № 4 (95). S. 49-67.
3. Amar A. R. America's Constitution: A Biography. New York: Random House, 2005. 672 p.
4. Atkins v. Virginia, 536 U.S. 304 (2002) // Legal Information Institute, Cornell Law School [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/536/304 (дата обращения: 29.01.2026).
5. Bell J. French Constitutional Law. Oxford: Clarendon Press, 1992 // Oxford Academic [Электронный ресурс]. URL: https://academic.oup.com/book/5675 (дата обращения: 29.01.2026).
6. Bundesverfassungsgericht. Urteil des Ersten Senats vom 15.01.1958 – 1 BvR 400/51 (Lüth) // Bundesverfassungsgericht [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/1958/01/rs19580115_1bvr040051.html (дата обращения: 29.01.2026).
7. Bundesverfassungsgerichtsgesetz (BVerfGG) vom 12. März 1951 // Bundesgesetzblatt. 1951. Teil I. S. 243-254.
8. Burnham W. Introduction to the Law and Legal System of the United States. 6th ed. St. Paul: West Academic Publishing, 2011. 993 p.
9. Chemerinsky E. Constitutional Law: Principles and Policies. 6th ed. New York: Wolters Kluwer, 2019. 1439 p.
10. Conseil constitutionnel. Décision n° 2010-39 QPC du 6 octobre 2010 // Conseil constitutionnel [Электронный ресурс]. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2010/201039QPC.htm (дата обращения: 29.01.2026).
11. de Gaulle Ch. Discours et messages. Vol. 3. Paris: Plon, 1970 // Gallica, Bibliothèque nationale de France [Электронный ресурс]. URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k3333914z (дата обращения: 29.01.2026).
12. Dred Scott v. Sandford, 60 U.S. 393 (1857) // Legal Information Institute, Cornell Law School [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/60/393 (дата обращения: 29.01.2026).
13. Encyclopaedia Britannica. Federal Constitutional Court of Germany // Encyclopaedia Britannica Online [Электронный ресурс]. URL: https://www.britannica.com (дата обращения: 29.01.2026).
14. Epstein L., Walker T. G. Constitutional Law for a Changing America: Rights, Liberties, and Justice. 10th ed. Thousand Oaks: CQ Press, 2017. 792 p.
15. European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). Administrative assistance work of the German Federal Constitutional Court (CDL-JU(2004)026). Strasbourg, 2004. P. 1–2 [Электронный ресурс]. URL: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-JU%282004%29026-e (дата обращения: 29.01.2026).
16. Favoreu L. Le Conseil constitutionnel. 6e éd. Paris: Dalloz, 2014 // Dalloz Bibliothèque [Электронный ресурс]. URL: https://www.dalloz-bibliotheque.fr/ouvrage/le-conseil-constitutionnel (дата обращения: 29.01.2026).
17. Favoreu L., Philip L. Les grandes décisions du Conseil constitutionnel. 18e éd. Paris: Dalloz, 2019 // Dalloz Bibliothèque [Электронный ресурс]. URL: https://www.dalloz-bibliotheque.fr/ouvrage/les-grandes-decisions-du-conseil-constitutionnel (дата обращения: 29.01.2026).
18. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland vom 23. Mai 1949 // Bundesgesetzblatt. 1949. Teil I. P. 1-20.
19. Hamilton A. The Federalist № 78 // The Avalon Project, Yale Law School, Lillian Goldman Law Library [Электронный ресурс]. URL: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/fed78.asp (дата обращения: 29.01.2026).
20. Hutto v. Davis, 454 U.S. 370 (1982) // Legal Information Institute, Cornell Law School [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/454/370 (дата обращения: 29.01.2026).
21. Ipsen J. Staatsrecht II. Grundrechte. 21. Aufl. München: C. H. Beck, 2018. 300 p.
22. Kelsen H. Judicial Review of Legislation: A Comparative Study of the Austrian and the American Constitution // Journal of Politics. 1942. Vol. 4. № 2. P. 183-200.
23. Kommers D. P., Miller R. A. The Constitutional Jurisprudence of the Federal Republic of Germany. 3rd ed. Durham: Duke University Press, 2012. 904 p.
24. Leclercq S., Zimmermann F. W. BVerfG-Jahresstatistik 2021: Nur 1,23 % haben Erfolg // Legal Tribune Online. 23.02.2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.lto.de/recht/justiz/j/bverfg-2021-begruendungen-nichtannahmen-jahrestatistik-2021 (дата обращения: 29.01.2026).
25. Loi constitutionnelle n° 2008-724 du 23 juillet 2008 de modernisation des institutions de la Ve République // Légifrance [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000019237256 (дата обращения: 29.01.2026).
26. Marbury v. Madison, 5 U.S. (1 Cranch) 137 (1803) // Supreme Court of the United States. United States Reports. Vol. 5. Washington, D.C.: U.S. Government Publishing Office, 1803. [Электронный ресурс]. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/5/137/ (дата обращения: 29.01.2026).
27. Rivero J., Waline J. Droit administratif. 22e éd. Paris: Dalloz, 2019 // Dalloz Bibliothèque [Электронный ресурс]. URL: https://www.dalloz-bibliotheque.fr/ouvrage/droit-administratif (дата обращения: 29.01.2026).
28. Roper v. Simmons, 543 U.S. 551 (2005) // Legal Information Institute, Cornell Law School [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/543/551 (дата обращения: 29.01.2026).
29. Rousseau D. Droit du contentieux constitutionnel. 11e éd. Paris: LGDJ, 2016 // LGDJ [Электронный ресурс]. URL: https://www.lgdj.fr/droit-du-contentieux-constitutionnel-9782275046862.html (дата обращения: 29.01.2026).
30. Rules of the Supreme Court of the United States. Effective January 1, 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.supremecourt.gov/ctrules/2023RulesoftheCourt.pdf (дата обращения: 29.01.2026).
31. Stone A. The Birth of Judicial Politics in France. Oxford: Oxford University Press, 1992 // Oxford Academic [Электронный ресурс]. URL: https://academic.oup.com/book/3499 (дата обращения: 29.01.2026).
32. Sunstein C. R. Radicals in Robes: Why Extreme Right-Wing Courts Are Wrong for America. New York: Basic Books, 2005. 304 p.
33. Thomas J. R., Wirthlin J. S. Supreme Court Decisions Overruling Acts of Congress. Congressional Research Service Report RL30864. Washington, D.C., 2014. 54 p.
34. Vanberg G. The Politics of Constitutional Review in Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 208 p.
35. Whittington K. E. Judicial Review of Congress before the New Deal // Georgetown Law Journal. 2008. Vol. 97. P. 1257-1325.

Трансформация правового статуса муниципальных образований в условиях централизации власти: российский и африканский векторы

Туболев Сергей Максимович
независимый исследователь, sergeytubolev1998@mail.ru

Глобальные макроэкономические вызовы и дефицит управленческих ресурсов закономерно провоцируют пересмотр классических моделей территориального администрирования. По сути, сегодня наблюдается отчетливый «ренессанс» централизаторских тенденций, когда государства ради бюджетной экономии и повышения управляемости форсированно встраивают муниципалитеты в жесткую государственную вертикаль. Примечательно, что данный процесс одинаково рельефно проявляется как в рамках российской концепции единой системы публичной власти (включая переход к одноуровневой муниципальной модели), так и в транзитных правовых системах Африканского континента. Вместе с тем, фундаментальное научное противоречие кроется в явном диссонансе между сохраняющимися конституционными декларациями о широкой локальной автономии и суровой эмпирической реальностью, где местные органы тотально зависимы от межбюджетных трансфертов, надзорных инстанций. Стремясь разрешить указанную коллизию, автор ставит перед собой цель провести комплексный компаративный анализ трансформации правового статуса муниципалитетов на фоне усиливающейся государственной централизации, сопоставив отечественный вектор реформ с административным опытом африканских стран. Обосновывается вывод о том, что институциональное поглощение низового уровня управления является объективной защитной реакцией государства на нехватку финансовых средств на местах. Впрочем, директивная централизация без создания компенсирующих правовых механизмов неизбежно ведет к стагнации гражданских инициатив, росту социальной дистанции. Специфика авторского вклада заключается в преодолении традиционной европоцентричности отечественной правовой компаративистики путем привлечения малоизученного опыта стран Глобального Юга. Изложенный материал будет полезен исследователям в области конституционного права, теоретикам государственного управления, практикующим нормотворцам и аналитикам, которые проектируют современные модели пространственного развития территорий.

Ключевые слова: африканский вектор, единая система публичной власти, местное самоуправление, муниципальное право, одноуровневая система, правовой статус, сравнительное правоведение, транзитные экономики, централизация власти

Введение

В современном публичном праве все заметнее проявляется тенденция к пересмотру места муниципальных образований в системе территориального управления. По существу, местное самоуправление, которое привычно рассматривалось как самостоятельная форма публичной самоорганизации населения, в течение последних лет все чаще включается в более жесткие механизмы государственной координации. Это обусловлено как политико-административными причинами, так и финансовыми ограничениями, ростом объема передаваемых полномочий, необходимостью выстраивания более управляемой модели принятия решений.

Для российской правовой системы описываемая проблема приобрела особую значимость после конституционной реформы 2020 года, когда в нормативный оборот была введена категория единой системы публичной власти. Последующее развитие законодательства фактически закрепило курс на более тесную интеграцию муниципального уровня в общую вертикаль, включая возможность перехода к одноуровневой организации местного самоуправления.

В результате меняется не только организационная структура муниципальной власти, но и сам юридический смысл статуса: от относительно самостоятельного уровня к элементу координируемой государством системы.

Сравнительный анализ особенно продуктивен в сопоставлении российского опыта с африканскими государствами, где процессы децентрализации и централизации также развиваются противоречиво. Невзирая на провозглашение ценностей локальной демократии на уровне Африканского союза, в ряде стран данного материка местные органы остаются существенно зависимыми от центрального правительства в финансовом, кадровом отношении. Особенно показателен опыт Южно-Африканской Республики и Танзании. Так, в первом случае конституционно закреплена высокая автономия местного уровня, во втором преобладает административно-контрольная логика управления. Между тем, в обеих моделях центр сохраняет значительные рычаги влияния на муниципальные институты.

Материалы и методы

В современных источниках динамика правового статуса муниципальных образований в условиях централизации власти осмысляется через совокупность конституционно-правового, сравнительно-правового, историко-институционального подходов. Так, Н.В. Бровченко, С.В. Букалова, К.Г. Меркулова, Е.А. Василькова анализируют российскую муниципальную реформу как процесс перераспределения публичной власти. Авторы указывают на тенденцию к усилению централизации и изменению местного самоуправления из формы народовластия в механизм административной самоорганизации [2-4]. А.А. Петроградская и А.И. Соколова акцентируют внимание на территориально-правовых аспектах и адаптации муниципальных образований к новым реалиям госуправления [8, 9]. О.Л. Казанцева и М.Х. Ногайлиева рассматривают институциональные и процедурные особенности участия населения и функционирования органов местного само-

управления. Исследователи выявляют ограничения их автономии [5, 7]. В свою очередь, В.В. Корольков, А.С. Балезин, А.А. Шаймарданов, P. Mudau формируют сравнительно-правовой и исторический ракурс, сопоставляя российские процессы с африканскими моделями, в том числе, влияние традиционных институтов, цифровизации, наднациональных правовых стандартов на локальное управление [1, 6, 10, 11].

Выбор перечисленных публикаций объясняется их способностью отразить как внутреннюю эволюцию российского муниципального права, так и внешние (африканские) практики, которые позволяют зафиксировать универсальные и специфические закономерности централизации. Однако в литературе наблюдаются пробелы, которые касаются недостаточной эмпирической оценки последствий реформ для реальной автономии муниципалитетов и слабой проработки механизмов поддержания равновесия между централизацией и децентрализацией.

При подготовке статьи использованы методы формально-юридического анализа, сравнительно-правового сопоставления, историко-институционального подхода. Это сочетание аргументируется необходимостью исследования эволюции правового статуса муниципальных образований и сравнения различных моделей их функционирования в условиях централизации власти.

Результаты и обсуждение

В юридической науке правовой статус муниципального образования традиционно раскрывается через совокупность его самостоятельности:

- территориальной;
- организационной;
- компетенционной;
- финансовой [2-4, 7].

Вместе с тем, на практике именно финансовая зависимость и механизм перераспределения полномочий чаще всего определяют реальный объем муниципальной автономии, а не формальные конституционные формулы. Поэтому централизация проявляется как в прямом подчинении, так и в косвенных формах: через укрупнение территорий, усиление надзора, передачу государственных функций на местный уровень, ограничение собственной доходной базы муниципалитетов.

В описываемом смысле трансформация муниципального статуса представляет собой не разовое законодательное изменение, а длительный институциональный процесс. Чем сильнее зависимость местных органов от межбюджетных трансфертов, региональной администрации, тем заметнее смещается их положение от автономного субъекта публичного права к исполнителю решений вышестоящего уровня.

Так, в России переломным моментом стали конституционные поправки 2020 года, которые закрепили включение органов местного самоуправления в единую систему публичной власти. Последующее развитие данного подхода было сопряжено с реформированием законодательства об организации местного самоуправления и с расширением возможностей перехода к одноуровневой модели, при которой основным типом муниципальной организации становятся округа. Характеризуемая схема ориентирована на укрупнение территорий, концентрацию ресурсов, снижение управленческой фрагментации (таблица 1).

Таблица 1
Эволюция организационной модели местного самоуправления в России (составлено на основе [5, 7-9])

Критерий	Двухуровневая схема	Одноуровневая модель
Территориальная организация	Муниципальные районы и поселения	Муниципальные и городские округа
Логика правового статуса	Относительная организационная обособленность	Более тесное включение в единую систему публичной власти
Финансовая база	Высокая фрагментация доходов, дотационность низового уровня	Консолидация ресурсов на уровне округа
Управленческий эффект	Территориальная близость к населению	Снижение издержек, упрощение администрирования
Основной риск	Ограниченность ресурсов, кадров	Ослабление локального представительства

Африканский опыт показывает, что даже при формальном провозглашении децентрализации местный уровень нередко остается встроенным в систему централизованного политико-административного контроля. Африканская хартия ценностей и принципов децентрализации закрепила ориентиры локальной демократии [11]. Однако реальное положение муниципалитетов в разных странах зависит, в первую очередь, от финансовой «архитектуры» государства и степени административного вмешательства центра.

ЮАР представляет собой один из наиболее интересных примеров. Конституция этой страны признает местное самоуправление самостоятельной сферой управления. А муниципалитеты обладают собственным набором полномочий и сравнительно более развитой доходной базой (особенно в крупных городах). Но даже при такой модели национальные власти регулярно усиливают контроль там, где местные органы не справляются с инфраструктурными и социальными задачами. В Танзании, напротив, зависимость местного уровня от центра выражена значительно сильнее. Там сохраняется доминирование административной деконцентрации над подлинной муниципальной автономией, особенно в вопросах кадров и финансирования (см. таблицу 2).

Таблица 2
Сравнение правового статуса местного уровня в России и отдельных странах Африки (составлено на основе [1, 6, 10])

Параметр	Россия	ЮАР	Танзания
Конституционная модель	Местный уровень включен в единую систему публичной власти	Местное самоуправление признано самостоятельной управленческой сферой	Местный уровень действует в условиях сильного административного контроля центра
Вектор институциональных изменений	Укрупнение и одноуровневая организация	Формальная автономия при усиливающемся надзоре	Декларируемая децентрализация при сохранении зависимости
Финансовая самостоятельность	Ограниченная, высокая роль трансфертов	Более выражена в развитых муниципалитетах	Низкая, сильная зависимость от центра
Основная цель централизации	Повышение управляемости и бюджетной эффективности	Стабилизация качества управления и услуг	Поддержание политической, территориальной целостности

Проведенное сопоставление дает возможность сделать вывод о том, что централизация сама по себе не устраняет кризис муниципального управления, а лишь меняет его институциональную форму.

Заключение

В России, как и в ряде африканских стран, реальная устойчивость местного уровня зависит не столько от деклараций о самостоятельности, сколько от того, обеспечены ли муниципалитеты достаточными ресурсами, понятным объемом компетенции, предсказуемыми механизмами взаимодействия с вышестоящей властью. Иными словами, проблема состоит как в объеме автономии, так и в качестве правовой конструкции, в рамках которой эта автономия реализуется.

В данной связи представляется обоснованным предложить три направления усовершенствования российского законодательства. Во-первых, целесообразно развивать модель асимметричного муниципального статуса, при которой объем полномочий и организационных форм будет зависеть от демографических, экономических, территориальных особенностей конкретного МО. Во-вторых, необходимы более четкие публично-правовые механизмы договорного разграничения ответственности между субъектом РФ и муниципалитетом, чтобы передача задач сопровождалась устойчивым финансовым обеспечением. В-третьих, следует расширять внутренние инструменты муниципального комплаенса и правового аудита, чтобы уменьшить зависимость эффективности местной власти исключительно от внешнего надзора.

Таким образом, российский и африканский векторы демонстрируют общую закономерность: на фоне дефицита ресурсов и усложнения госуправления местный уровень все чаще утрачивает признаки прежней институциональной автономии и включается в более централизованную конструкцию публичной власти. Между тем, из этого не следует, что муниципальное начало утрачивает значение. Напротив, чем сильнее централизуется власть, тем важнее сохранить такие юридические механизмы, которые позволят МО оставаться не только административными единицами, но и реальными носителями локального публичного интереса.

Литература

1. Балезин А.С. Местное управление и традиционные власти в резерватах Юго-Западной Африки в середине XX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 3 (113).
2. Бровченко Н.В. Местное самоуправление в контексте муниципальной реформы 2022: от формы народовластия к форме самоорганизации // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2022. № 2 (52). С. 5-8.
3. Букалова С.В., Меркулова К.Г. Особенности нового этапа реформирования местного самоуправления в Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17. № 2. С. 54-70.
4. Василькова Е.А. Муниципальная реформа в России: интеграция, модернизация, эффективность // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 279-281.
5. Казанцева О.Л. Проблемы и перспективы участия граждан в местном самоуправлении в условиях меняющегося законодательства // Российско-азиатский правовой журнал. 2025. № 2. С. 42-46.
6. Корольков В.В. Местный уровень власти в многоэтнических централизованных федеративных системах: опыт Азии и Африки для российской реформы местного самоуправления // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2025. № 4. С. 25-30.
7. Ногайлиева М.Х. Механизмы формирование деятельности представительного органа местного самоуправления в системе местного муниципальной власти // Chronos. 2021. Т. 6. № 11 (61). С. 15-17.
8. Петроградская А.А. Актуальные проблемы преобразования муниципальных образований на современном этапе // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2024. № 1-2. С. 654-657.
9. Соколова А.И. Отражение современных тенденций территориального развития муниципальных образований в нормах отечественного права // Современный российский конституционализм: к 85-летию со дня рождения академика О.Е. Кутафина. Москва: 2023. С. 577-584.
10. Шаймарданов А.А. Цифровизация муниципального управления в Африке: современный вектор субрегиональной интеграции // Материалы Афанасьевских чтений. 2024. № 2 (49). С. 59-63.
11. Mudau P. The role of the African Charter on values and principles of public service and administration in promoting good Governance // Law, Democracy and Development. 2022. Vol. 26. Pp. 1-20.

Transformation of the Legal Status of Municipalities under Conditions of Power Centralization: Russian and African Vectors

Tubolev S.M.

Global macroeconomic challenges and the scarcity of administrative resources are naturally prompting a reconsideration of classical models of territorial governance. In essence, a clear “renaissance” of centralization tendencies is currently observable, as states, in pursuit of fiscal efficiency and enhanced governability, increasingly integrate municipalities into a rigid vertical of state power. Notably, this process is equally evident both within the Russian concept of a unified system of public authority (including the transition to a single-tier municipal model) and in the transitional legal systems of African countries. At the same time, a fundamental scholarly contradiction lies in the evident dissonance between constitutional declarations of broad local autonomy and the harsh empirical reality in which local authorities are heavily dependent on intergovernmental transfers and supervisory bodies. In addressing this tension, the author aims to conduct a comprehensive comparative analysis of the transformation of the legal status of municipalities in the context of increasing state centralization, juxtaposing the domestic reform trajectory with administrative practices in African states. The study substantiates the conclusion that the institutional absorption of the local level of governance represents an objective defensive response by the state to the shortage of financial resources at the local level. However, directive centralization, in the absence of compensatory legal mechanisms, inevitably leads to the stagnation of civic initiatives and an increase in social distance. The author’s contribution lies in overcoming the traditional Eurocentric bias of domestic comparative legal studies by incorporating the underexplored experience of countries of the Global South. The findings are of value to researchers in constitutional law, scholars of public administration, legislative practitioners, and analysts engaged in designing contemporary models of spatial territorial development.

Keywords: African vector; centralization of power; comparative law; legal status; local self-government; municipal law; single-tier system; transitional economies; unified system of public authority

References

1. Balezin A.S. Local Governance and Traditional Authorities in the Reserves of South-West Africa in the Mid-20th Century. Electronic Scientific and Educational Journal “History”. 2022. Vol. 13. No. 3 (113).
2. Brovchenko N.V. Local Self-Government in the Context of the 2022 Municipal Reform: From a Form of Popular Power to a Form of Self-Organization. Proceedings of the Orenburg Institute (Branch) of the Moscow State Law Academy. 2022. No. 2 (52). Pp. 5–8.
3. Bukalova S.V., Merkulova K.G. Features of the New Stage of Reforming Local Self-Government in the Russian Federation. Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2022. Vol. 17. No. 2. Pp. 54–70.
4. Vasilkova E.A. Municipal Reform in Russia: Integration, Modernization, and Efficiency. Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 5. Pp. 279–281.
5. Kazantseva O.L. Problems and Prospects of Citizen Participation in Local Self-Government under Changing Legislation. Russian-Asian Law Journal. 2025. No. 2. Pp. 42–46.
6. Korolkov V.V. The Local Level of Government in Multiethnic Centralized Federal Systems: The Experience of Asia and Africa for Russian Local Government Reform. Municipal Property: Economics, Law, Management. 2025. No. 4. Pp. 25–30.
7. Nogailieva M.Kh. Mechanisms for the Formation and Functioning of a Representative Body of Local Self-Government within the System of Municipal Authority. Chronos. 2021. Vol. 6. No. 11 (61). Pp. 15–17.
8. Petrogradskaya A.A. Current Issues of Transformation of Municipal Entities at the Present Stage. Science of the 21st Century: Current Directions of Development. 2024. No. 1–2. Pp. 654–657.
9. Sokolova A.I. Reflection of Modern Trends in the Territorial Development of Municipal Entities in Domestic Legal Norms. In: Modern Russian Constitutionalism: To the 85th Anniversary of Academician O.E. Kutafin. Moscow, 2023. Pp. 577–584.
10. Shaimardanov A.A. Digitalization of Municipal Governance in Africa: A Modern Vector of Subregional Integration. Proceedings of the Afanasyev Readings. 2024. No. 2 (49). Pp. 59–63.
11. Mudau P. The Role of the African Charter on Values and Principles of Public Service and Administration in Promoting Good Governance. Law, Democracy and Development. 2022. Vol. 26. Pp. 1–20.

Правовая природа договора ОСАГО в системе гражданско-правовых договоров

Галиев Эльнар Фанзилович
аспирант, Московский университет «СИНЕРГИЯ», alnar@inbox.ru

В статье проводится комплексный анализ правовой природы договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО) в системе гражданско-правовых договоров Российской Федерации. Исследуются классификационные признаки данного договора: возмездность, двусторонне обязывающий характер, публичность, свойства договора присоединения и договора в пользу третьего лица. Особое внимание уделяется доктринальной дискуссии о реальности или консенсуальности договора страхования, соотношению частноправовых и публично-правовых элементов в конструкции ОСАГО. Рассматриваются существенные условия договора, субъектный состав и роль Российского союза автостраховщиков. Исследуются позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Анализируются реформы 2017–2025 годов. Сделан вывод о том, что договор ОСАГО представляет собой уникальную правовую конструкцию, сочетающую свойства частноправового договора и инструмента реализации публичной функции государства по защите потерпевших.
Ключевые слова: ОСАГО, договор страхования, гражданско-правовой договор, обязательное страхование, публичный договор, страхование ответственности, страховое возмещение, правовая природа, потерпевший, страховщик.

Договор обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (далее – ОСАГО) занимает уникальное положение в системе российского гражданского права: он одновременно представляет собой частноправовой договор и инструмент реализации публичной функции государства по защите потерпевших. Ежегодно в России заключается свыше 37 млн договоров ОСАГО, а объём рынка в 2024 году составил 331,9 млрд рублей, что делает его крупнейшим видом обязательного страхования. Правовая природа данного договора остаётся предметом научных дискуссий: доктрина не выработала единой позиции по вопросам его реальности или консенсуальности, соотношения частноправовых и публично-правовых элементов, определения защищаемого интереса. Между тем квалификация договора ОСАГО имеет не только теоретическое, но и практическое значение, влияя на применимый режим правового регулирования и пределы судебной защиты.

Нормативной базой регулирования отношений в сфере ОСАГО служат положения главы 48 ГК РФ, посвящённой страхованию, а также специальный Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ, закрепляющий обязательность страхования гражданской ответственности лиц, эксплуатирующих транспортные средства (далее – Закон об ОСАГО) и подзаконные акты Банка России, в первую очередь Положение от 01.04.2024 № 837-П. Как отмечает С.М. Ковалевский, правовое регулирование ОСАГО представляет собой многоуровневую систему, в которой нормы ГК, специального закона и подзаконных актов образуют сложную иерархию [7, с. 45].

Понятие и место договора ОСАГО в системе страховых обязательств

Легальная дефиниция ОСАГО, содержащаяся в ст. 1 одноимённого Закона, характеризует его как страховое обязательство, в рамках которого страховая организация за уплаченную страхователем премию принимает на себя обязанность компенсировать ущерб, нанесённый жизни, здоровью либо имуществу пострадавших лиц, в границах установленной страховой суммы. Определяя систему координат данного обязательства, следует указать, что в соответствии с п. 2 ст. 929 ГК РФ страхование деликтной ответственности относится к категории имущественного страхования, а нормы ст. 931 ГК РФ детализируют данную модель. Следовательно, договор ОСАГО включается в систему имущественного страхования в качестве обязательной разновидности страхования ответственности за причинение вреда.

В ряде работ обосновывается многоуровневая классификационная принадлежность рассматриваемого договора: на первом уровне он входит в родовую категорию имущественного страхования (ст. 929 ГК РФ), на втором – в видовую группу страхования гражданской ответственности, на третьем – конкретизируется как договор, направленный на покрытие деликтной ответственности (ст. 931 ГК РФ), что принципиально отграничивает его от конструкции страхования договорной ответственности (ст. 932 ГК РФ). подчеркивается, что данный договор представляет собой правовую форму, опосредующую перераспределение неблагоприятных имущественных последствий дорожно-транспортных происшествий между участниками дорожного движения.

Классификационные признаки договора ОСАГО

Анализ классификационных признаков позволяет выявить многогранную правовую природу договора ОСАГО. По критерию распределения обязанностей он представляет собой двусторонне обязывающий (синаллагматический) договор: страховщик принимает обязательство по осуществлению страхового возмещения, а страхователь – по уплате страховой премии. По критерию возмездности ОСАГО безусловно является возмездным договором (ст. 8, 9 Закона об ОСАГО).

Одним из наиболее дискутируемых вопросов цивилистической доктрины применительно к страхованию остаётся проблема отнесения договора страхования к реальным либо консенсуальным конструкциям. Норма п. 1 ст. 957 ГК РФ связывает начало действия страхового договора с моментом внесения страхового взноса, допуская при этом возможность иного регулирования по соглашению контрагентов. Опираясь на данное положение, М.И. Брагинский аргументировал в пользу реальной модели страхового договора [4, с. 73], полагая, что привязка начала действия к уплате премии свидетельствует о конститутивном значении передачи денежных средств. Договор ОСАГО является реальным и для него отсутствует выбор между моделями.

Вместе с тем Ю.Б. Фогельсон убедительно обосновывает консенсуальную природу договора страхования [8]. Его ключевой аргумент: диспозитивная формулировка оговорка о допустимости иного порядка по воле сторон указывает на диспозитивность правила о начале действия, что концептуально несовместимо с природой реального договора, где передача вещи является обязательным элементом юридического состава. По мнению Ю.Б. Фогельсона, необходимо чётко разделять два юридических факта: заключение договора, происходящее по консенсуальной модели в порядке ст. 432–433 ГК РФ, и вступление его в силу, приуроченное к внесению премии. Концепция развития положений части второй ГК РФ о договоре страхования 2020 года также склоняется к консенсуальной природе.

Представляется, что позиция Ю.Б. Фогельсона является более убедительной. Диспозитивный характер нормы п. 1 ст. 957 ГК РФ, допускающей иное регулирование по соглашению сторон, действительно несовместим с квалификацией договора как реального, поскольку в реальном договоре передача имущества составляет необходимый элемент юридического состава, который не может быть исключён волей контрагентов. Применительно к ОСАГО данный вывод подкрепляется практикой электронного страхования, где временно́й разрыв между волеизъявлением сторон и фактическим списанием страховой премии наглядно демонстрирует самостоятельность момента заключения договора и момента его вступления в силу. Кроме того, признание консенсуальной модели позволяет более последовательно объяснить правовую природу обязанности страхователя по уплате премии именно как договорного обязательства, а не как условия возникновения договорного правоотношения.

Принципиально важной характеристикой является квалификация ОСАГО как публичного договора (абз. 8 ст. 1 Закона об ОСАГО). Как следствие, к нему применяются правила ст. 426 ГК РФ: страховщик не вправе отказать в заключении договора; условия одинаковы для всех страхователей одной категории; цена устанавливается нормативно. Пленум ВС РФ в п. 4 Постановления от 08.11.2022 № 31 подтвердил публичный характер данного договора. Однако ОСАГО имеет существенную особенность: обязанность заключения возложена не только на страховщика, но и на страхователя (п. 1 ст. 4 Закона). Это нетипичный публичный договор с двусторонней обязанностью его заключения – конструкция, не встречающаяся в иных публичных договорах по ст. 426 ГК РФ.

Договор ОСАГО обладает свойствами договора присоединения (ст. 428 ГК РФ). Его условия полностью определены нормативно – Законом и Правилами ОСАГО, утверждёнными Банком России. указывается, что специфика данного договора как договора присоединения состоит в том, что его условия формулируются не одной из сторон, а государством. В доктрине доминирует квалификация ОСАГО как договора в пользу третьего лица (ст. 430 ГК РФ). Потерпевший, не являясь стороной, приобретает самостоятельное право требования к страховщику (п. 4 ст. 931 ГК РФ). А.И. Худяков подчёркивал, что эта конструкция применительно к ОСАГО приобретает специфическое содержание, поскольку круг третьих лиц не определён в момент заключения договора [11, с. 312].

На наш взгляд, именно совокупность указанных классификационных характеристик – публичность, присоединение и направленность в пользу третьего лица – формирует уникальный правовой профиль договора ОСАГО, не сводимый ни к одной из данных категорий в отдельности. Двусторонняя обязанность заключения публичного договора существенно отличает ОСАГО от классической модели ст. 426 ГК РФ и, по нашему мнению, свидетельствует о необходимости выделения в доктрине самостоятельной подкатегории «публично-обязательного договора», в котором публичная обязанность возложена на обе стороны. Квалификация ОСАГО как договора в пользу третьего лица также требует уточнения: неопределённость круга выгодоприобретателей в момент заключения договора принципиально отличает его от конструкции ст. 430 ГК РФ, предполагающей конкретизацию третьего лица. Полагаем, что здесь более точным было бы говорить о договоре в пользу потенциально неопределённого круга третьих лиц – конструкции, заслуживающей самостоятельного доктринального осмысления.

Соотношение ОСАГО с иными страховыми договорами

Принципиальное отличие ОСАГО от добровольного страхования (КАСКО) состоит в объекте страхования: при КАСКО страхуется интерес владельца в сохранности самого ТС, тогда как при ОСАГО объектом являются интересы, связанные с риском гражданской ответственности перед третьими лицами (ст. 6 Закона об ОСАГО). Различается и механизм возмещения: при КАСКО действует суброгация (ст. 965 ГК РФ), при ОСАГО – право регресса к причинителю вреда в строго определённых случаях (ст. 14 Закона). ОСАГО охватывает 85–90% автовладельцев, тогда как КАСКО оформляет лишь каждый пятый, что свидетельствует о различной социальной функции данных институтов. Стоит обратить внимание на принципиальное различие между имущественным и личным страхованием по характеру страхового интереса. При ОСАГО интерес носит имущественный характер и связан с риском деликтного обязательства. А.И. Худяков подчёркивал, что обязательное страхование представляет собой форму ограничения свободы договора в публичных интересах [10, с. 195]. ОСАГО отличается от иных видов обязательного страхования массовостью охвата, степенью нормативной детализации условий и особым институциональным обеспечением. Л.Б. Дешалыт указывала, что данный договор выделяется среди обязательных видов страхования степенью государственного участия в формировании условий [6, с. 24].

Считаем необходимым подчеркнуть, что сопоставление ОСАГО с КАСКО обнаруживает не просто различие в объектах страхования, но принципиально разные функциональные модели: если КАСКО защищает индивидуаль-

ный имущественный интерес собственника, то ОСАГО выполняет социально-компенсаторную функцию, направленную на защиту потенциально неограниченного круга потерпевших. Именно эта социальная направленность, на наш взгляд, обосновывает допустимость и необходимость значительного ограничения свободы договора в данной сфере. При этом низкий уровень проникновения КАСКО (около 20%) по сравнению с ОСАГО наглядно подтверждает, что рыночные механизмы недостаточны для обеспечения всеобъемлющей защиты участников дорожного движения, что дополнительно легитимирует публично-правовой характер обязательного страхования.

Содержание договора и состав его участников

В качестве объекта страховой защиты по договору ОСАГО выступает имущественный интерес владельца транспортного средства, обусловленный возможностью наступления его деликтной ответственности (ст. 6 Закона). Законодатель установил предельные размеры страхового покрытия: применительно к вреду, причинённому жизни и здоровью, – 500 тыс. руб., применительно к имущественному ущербу – 400 тыс. руб. на каждого пострадавшего (ст. 7). Указанные предельные суммы, зафиксированные Федеральным законом от 21.07.2014 № 223-ФЗ, оставались неизменными на протяжении десятилетия, невзирая на значительное удорожание комплектующих для ремонта автомобилей. Что касается временных параметров договора, стандартный период его действия составляет один год, однако законодательные изменения, вступившие в силу со 2 марта 2024 года (ФЗ от 04.08.2023 № 455-ФЗ), обеспечили возможность приобретения полисов с укороченным сроком действия – от одних суток до трёх месяцев (за 2024 год было оформлено порядка 1,1 млн таких полисов). Страховая премия рассчитывается по тарифам Банка России в форме тарифного коридора с применением коэффициентов (КТ, КБМ, КВС, КО, КМ и др.). С декабря 2025 года границы для легковых автомобилей физических лиц составляют 1 399–8 655 рублей.

Субъектный состав отличается сложностью. Страховщиком выступает организация с лицензией и обязательным членством в РСА. С.В. Дедиков указывает, что требование обязательного членства в профессиональном объединении является дополнительным барьером входа на рынок, обеспечивающим финансовую устойчивость системы [5, с. 31]. Страхователь – лицо, заключившее договор, при этом понятие «владелец» не тождественно «собственнику» (Постановление КС РФ от 13.12.2022 № 54-П). Потерпевший, не будучи стороной, наделяется правом требования к страховщику (п. 4 ст. 931 ГК РФ). Определение круга лиц, покрываемых полисом ОСАГО, является одной из наиболее сложных проблем данного института [5, с. 35].

Особую роль играет РСА: ведение АИС ОСАГО, организация прямого возмещения убытков (ст. 26.1), актуализация справочников стоимости запасных частей. Ключевая функция – осуществление компенсационных выплат при банкротстве или отзыве лицензии страховщика (ст. 27), что обеспечивает гарантийную защиту прав потерпевших. К отношениям потерпевших с РСА законодательство о защите прав потребителей не применяется (п. 6 ст. 19 Закона; п. 2 Постановления Пленума ВС РФ от 08.11.2022 № 31).

Публично-правовые элементы в частноправовой конструкции

Договор ОСАГО – наиболее яркий пример проникновения публично-правовых начал в частноправовой договор. М.И. Брагинский характеризовал это как проявление «социализации» гражданского права [4, с. 12]. Публично-правовые элементы проявляются в нескольких аспектах. Во-первых, обязательность заключения обеспечена мерами административной ответственности (ст. 12.37 КоАП РФ: штраф 800 руб., с 2025 г. за повторное нарушение – 3 000–5 000 руб.). КС РФ в Постановлении от 31.05.2005 № 6-П признал конституционность обязательного страхования, указав на общезначимые (публичные) цели ОСАГО и приоритетность охраны жизни, здоровья и имущества потерпевших.

Во-вторых, условия договора определяются императивно – нормативными актами, а не соглашением сторон. Закон устанавливает страховую сумму, основания выплаты, перечень исключений; Правила ОСАГО детализируют формы полиса и процедуры; тарифы устанавливаются Банком России. КС РФ в Постановлении от 31.05.2005 № 6-П указал, что унификация тарифов обусловлена публичной целью и направлена на обеспечение конституционного принципа равенства (ст. 19 Конституции РФ). В-третьих, государственный контроль осуществляет Банк России как мегарегулятор.

При всей значимости публично-правовых элементов договор ОСАГО остаётся гражданско-правовым: он порождает обязательства между частными субъектами, заключается в добровольно-обязательной форме (страхователь обязан заключить, но свободен в выборе страховщика) и подлежит судебной защите в порядке гражданского судопроизводства. Пленум ВС РФ в п. 2 Постановления от 08.11.2022 № 31 указал, что к отношениям по ОСАГО применяется Закон о защите прав потребителей – в части, не урегулированной специальными законами.

На наш взгляд, характеристика договора ОСАГО как «добровольно-обязательного» наиболее точно отражает его дуалистическую природу. Сохранение свободы выбора страховщика при императивности самого факта заключения договора позволяет говорить о том, что законодатель нашёл оптимальный баланс между публичным интересом в защите потерпевших и частноправовым принципом автономии воли. Вместе с тем нельзя не отметить, что степень императивного регулирования условий ОСАГО столь значительна, что автономия воли сторон фактически сводится к минимуму, ограничиваясь выбором контрагента и определением базовой ставки в пределах тарифного коридора. Это обстоятельство, по нашему мнению, обосновывает необходимость квалификации ОСАГО как правового явления, находящегося на стыке частного и публичного права, что требует применения комплексного метода правового регулирования.

Доктринальные дискуссии о правовой квалификации

Центральной является дискуссия о защищаемом интересе. Ю.Б. Фогельсон обосновывает позицию, что при ОСАГО страхуется интерес страхователя, связанный с возможной обязанностью возместить вред [9, с. 315]. Противоположная точка зрения, поддержанная законодателем, состоит в приоритетности защиты потерпевших (ст. 3 Закона об ОСАГО). КС РФ в Постановлении от 31.05.2005 № 6-П указал, что потерпевший является наименее защищённым участником. Ю.Б. Фогельсон и В.В. Рассохин исследовали эту проблему в совместной работе [9, с. 8]. Данная дискуссия влияет на вопрос о применимости Закона о защите прав потребителей к требованиям потерпевшего, не являющегося стороной договора.

Полагаем, что противопоставление интересов страхователя и потерпевшего является в определённой степени искусственным. Договор ОСАГО объективно выполняет двуединую функцию: он одновременно освобождает страхователя от бремени непосредственного возмещения причинённого вреда и обеспечивает потерпевшему гаран-

тированный источник компенсации. Вместе с тем приоритет защиты потерпевших, закреплённый в ст. 3 Закона об ОСАГО и подтверждённый практикой КС РФ, представляется обоснованным, поскольку именно потерпевший находится в наиболее уязвимом положении, не имея возможности повлиять на условия договора и не располагая альтернативными инструментами получения гарантированного возмещения.

Второй дискуссионный аспект – квалификация ОСАГО как договора в пользу третьего лица. Т.Н. Вязовская квалифицирует ОСАГО именно так [4, с. 87], однако данная квалификация имеет оговорки: круг потерпевших не определён при заключении, а сами они не влияют на условия договора, что создаёт проблему асимметрии прав. Третье направление связано с соотношением ОСАГО и деликтного обязательства. КС РФ в Постановлении от 10.03.2017 № 6-П подчеркнул, что обязательное страхование не может подменять институт деликтных обязательств (глава 59 ГК РФ). Потерпевший вправе взыскать с причинителя вреда разницу между фактическим ущербом и страховым возмещением без учёта износа деталей. Это решение сформировало концепцию «двухуровневого» возмещения: страховое по ОСАГО в пределах лимитов и довзыскание с причинителя в рамках деликтного обязательства. Можно прийти к выводу о комплементарном характере этих институтов [10, с. 201].

Разделяя вывод о комплементарном характере страхового и деликтного обязательств, считаем необходимым подчеркнуть, что сформированная КС РФ концепция «двухуровневого» возмещения является значимым достижением отечественной правоприменительной практики. Она позволяет преодолеть ограниченность страхового покрытия и обеспечить потерпевшему полную компенсацию причинённого вреда. Вместе с тем, по нашему мнению, данная модель порождает и определённые проблемы: необходимость для потерпевшего вести два параллельных спора (со страховщиком и с причинителем вреда) создаёт дополнительные процессуальные издержки. Целесообразным представляется законодательное закрепление механизма, позволяющего потерпевшему предъявить единое требование в рамках одного судебного процесса, что упростило бы реализацию его права на полное возмещение.

Реформы последних лет и позиции высших судов

Институт ОСАГО находится в состоянии перманентного реформирования. Введение натуральной формы возмещения (ФЗ от 28.03.2017 № 49-ФЗ) установило приоритет восстановительного ремонта на СТОА над денежной выплатой для физических лиц. Срок ремонта ограничен 30 рабочими днями, износ комплектующих не учитывается. Пленум ВС РФ в пп. 37–56 Постановления от 08.11.2022 № 31 детально разъяснил порядок применения натуральной формы. Индивидуализация тарифов (ФЗ от 25.05.2020 № 161-ФЗ) представляет фундаментальную реформу: страховщики определяют базовую ставку для каждого страхователя индивидуально с учётом нарушений ПДД и стиля вождения.

Электронное ОСАГО достигло доли 73,5% полисов в 2025 году. С 1 января 2025 года запущено электронное урегулирование убытков. Ключевым актом судебной практики является Постановление Пленума ВС РФ от 08.11.2022 № 31, содержащее 139 пунктов разъяснений по всем аспектам ОСАГО. Среди позиций КС РФ особо следует выделить Постановление от 31.05.2005 № 6-П (конституционность системы ОСАГО) и Постановление от 10.03.2017 № 6-П (право потерпевшего на полное возмещение вреда сверх страхового возмещения).

Проблемы и перспективы развития

Ключевой проблемой является нарастающая убыточность: средняя выплата выросла до 116 408 рублей за 11 месяцев 2025 года (+16,3%), тогда как средняя премия снизилась до 7 274 рублей (–4,8%). Причины – рост стоимости запасных частей и конкуренция страховщиков. Проблема мошенничества остаётся значимой: деятельность недобросовестных автоюристов и подставные ДТП генерируют убытки. Вопрос повышения лимитов выплат приобретает остроту: законопроект № 821112-8 о повышении на 30% был отклонён Думой в 2025 году, хотя лимит по европротоколу с разногласиями увеличен с 100 до 200 тыс. рублей.

Перспективным направлением является полная либерализация тарифов. Банк России последовательно расширяет тарифный коридор, стимулируя конкуренцию. Цифровизация переходит на качественно новый уровень: с марта 2025 года запущен эксперимент по контролю наличия полисов с помощью дорожных камер (полномасштабный запуск – ноябрь 2025 года), что должно увеличить проникновение ОСАГО до 95%. Выход России из системы «Зелёная карта» в 2023 году и переход на «Синюю карту» с 1 июля 2024 года свидетельствуют о формировании собственной модели трансграничного страхования.

По нашему мнению, ключевым вызовом для дальнейшего развития института ОСАГО является необходимость сбалансировать две разнонаправленные тенденции: либерализацию тарифов, стимулирующую конкуренцию, и сохранение социальной доступности страхования для всех категорий автовладельцев. Нарастающая убыточность, обусловленная ростом стоимости запасных частей при сдерживании тарифов, создаёт системный риск для финансовой устойчивости страховщиков. Полагаем, что назревшей мерой является пересмотр лимитов страхового возмещения, не менявшихся с 2014 года, с учётом накопленной инфляции и реального удорожания автомобильных комплектующих. Отклонение соответствующего законопроекта в 2025 году представляется недальновидным решением, откладывающим неизбежную корректировку. Кроме того, контроль наличия полисов с помощью дорожных камер способен существенно повысить проникновение ОСАГО, однако его эффективность будет зависеть от технической надёжности системы и адекватности административных санкций.

Самостоятельного рассмотрения требует проблема надлежащего оформления договора ОСАГО в эпоху цифровой трансформации. Гражданское законодательство (ст. 940 ГК РФ) предъявляет к страховому договору требование обязательной письменной формы, нарушение которого влечёт признание сделки недействительной. Исторически сложившейся практикой являлось заключение договора ОСАГО посредством выдачи страхового полиса на бумажном носителе. Вместе с тем распространение дистанционных способов оформления страховки обусловило потребность в легитимации электронного формата заключения договора. Ответом законодателя стали соответствующие поправки в Закон об ОСАГО, закрепившие допустимость составления договора в форме электронного документа (ст. 15 Закона). При этом электронный полис обладает той же юридической силой, что и бумажный, что соответствует общей тенденции цифровизации гражданского оборота.

Важной правовой проблемой остаётся вопрос о соотношении ОСАГО и институтов защиты прав потребителей. Пленум ВС РФ в п. 2 Постановления от 08.11.2022 № 31 разграничил статус субъектов: к отношениям по ОСАГО применяется Закон о защите прав потребителей в части, не урегулированной специальными законами, однако это касается только тех случаев, когда страхователь является физическим лицом, заключившим договор для личных нужд. Данное разграничение порождает неоднозначную судебную практику, особенно при определении размера штрафных санкций и компенсации морального

вреда, причитающихся потерпевшему, не являющемуся стороной договора ОСАГО. Нерешённость данного вопроса свидетельствует о необходимости более чёткого законодательного регулирования статуса потерпевшего в системе правоотношений ОСАГО.

Проведённое исследование позволяет констатировать, что договор ОСАГО представляет собой уникальную правовую конструкцию, сочетающую свойства гражданско-правового договора и инструмента реализации публичной функции государства. Он квалифицируется как возмездный, двусторонне обязывающий, публичный договор присоединения в пользу третьего лица, относящийся к подвиду имущественного страхования – страхованию ответственности за причинение вреда. Вопрос о реальности или консенсуальности разрешается в пользу консенсуальной модели с особым правилом о вступлении в силу, что подтверждается Концепцией развития ГК 2020 года.

Нетипичность ОСАГО как публичного договора состоит в двусторонней обязанности его заключения. Дуализм защищаемых интересов (страхователя и потерпевшего) порождает системное напряжение в судебной практике. Реформы 2017–2025 годов свидетельствуют о движении к более гибкой и технологичной модели, сохраняющей социальную функцию защиты потерпевших. Дальнейшее развитие будет определяться темпами тарифной либерализации, цифровизации контроля и пересмотра лимитов страхового возмещения, при неизменном сохранении основного предназначения – обеспечения гарантированного возмещения вреда потерпевшим.

Литература

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.05.2005 № 6-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»» // Российская газета. 2005. № 120.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.03.2017 № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2017. № 59.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 1.
4. Вязовская Т.Н. Юридическая природа договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств / Т.Н. Вязовская // Вестник Российского университета кооперации. – 2014. – № 3(17). – С. 85–88.
5. Дедиков С.В. Лица, гражданская ответственность которых застрахована по договору ОСАГО // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 9. С. 29–40.
6. Дешалыт Л.Б. Договор обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств // Право и экономика. 2006. № 8. С. 23–27.
7. Ковалевский С.М., Тимофеева Н.Н., Плотников А.В., Шманцарь А.А. Актуальные вопросы страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО) // Закон. 2024. № 1. С. 42–55.
8. Фогельсон Ю.Б. Правовое регулирование ОСАГО. Решённые и нерешённые проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 9. С. 10–28.
9. Фогельсон Ю.Б., Рассохин В.В. Гарантированность возмещения вреда в обязательном страховании ответственности и правовые средства её реализации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 11. С. 3–13.
10. Худяков А.И., Худяков А.А. Страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004. 387 с.

The legal nature of the CMTPL insurance contract in the system of civil law contracts

Galiev E.F.

Moscow University «Synergy»

The article provides a comprehensive analysis of the legal nature of the compulsory motor third-party liability (CMTPL) insurance contract within the system of civil law contracts in the Russian Federation. The classification features of this contract are examined: remunerativeness, bilateral binding nature, public character, features of an adhesion contract and a contract in favor of a third party. Special attention is given to the doctrinal discussion on the real or consensual nature of the insurance contract and the relationship between private and public law elements. The essential terms, the subject composition, and the role of the Russian Union of Motor Insurers are considered. Positions of the Constitutional Court and the Supreme Court are examined. The reforms of 2017–2025 are analyzed. It is concluded that the CMTPL contract represents a unique legal construction combining features of a private law contract and an instrument of the state's public function of protecting victims.

Keywords: CMTPL insurance, insurance contract, civil law contract, compulsory insurance, public contract, liability insurance, insurance compensation, legal nature, victim, insurer.

References

1. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 31, 2005 No. 6-P // Rossiyskaya Gazeta. 2005. No. 120.
2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 10, 2017 No. 6-P // Rossiyskaya Gazeta. 2017. No. 59.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 8, 2022 No. 31 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2023. No. 1.
4. Vyazovskaya T.N. Yuridicheskaya priroda dogovora obyazatel'nogo strakhovaniya grazhdanskoy otvetstvennosti vladel'tsev transportnykh sredstv [Legal nature of the compulsory civil liability insurance contract of vehicle owners] // Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii. 2014. No. 3(17). pp. 85–88.
5. Dedikov S.V. Litsa, grazhdanskaya otvetstvennost' kotorykh zastrakhovana po dogovoru OSAGO [Persons whose civil liability is insured under the CMTPL contract] // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2007. No. 9. pp. 29–40.
6. Deshalyt L.B. Dogovor obyazatel'nogo strakhovaniya grazhdanskoy otvetstvennosti vladel'tsev transportnykh sredstv [Compulsory civil liability insurance contract of vehicle owners] // Pravo i ekonomika. 2006. No. 8. pp. 23–27.
7. Kovalevsky S.M., Timofeeva N.N., Plotnikov A.V., Shmancar A.A. Aktual'nye voprosy strakhovaniya grazhdanskoy otvetstvennosti vladel'tsev transportnykh sredstv (OSAGO) [Current issues of civil liability insurance of vehicle owners (CMTPL)] // Zakon. 2024. No. 1. pp. 42–55.
8. Fogelson Yu.B. Pravovoe regulirovanie OSAGO. Reshyonnye i nereshyonnye problemy [Legal regulation of CMTPL insurance. Solved and unsolved problems] // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2007. No. 9. pp. 10–28.
9. Fogelson Yu.B., Rassokhin V.V. Garantirovannost' vozmeshcheniya vreda v obyazatel'nom strakhovanii otvetstvennosti i pravovye sredstva ee realizatsii [Guaranteed compensation for harm in compulsory liability insurance and legal means of its implementation] // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2010. No. 11. pp. 3–13.
10. Khudyakov A.I., Khudyakov A.A. Strakhovanie grazhdanskoy otvetstvennosti vladel'tsev transportnykh sredstv [Civil liability insurance of vehicle owners]. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press, 2004. 387 p.

Банкротство физических лиц: изменения механизма и его особенности

Глухова Оксана Юрьевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры цивилистического процесса, организации судебной и прокурорской деятельности, Тамбовский Государственный университет имени Г.Р. Державина

Статья направлена на изучение аспектов механизма банкротства и особенностей современного законодательства о банкротстве, изменений возникших в процедуре банкротства для физических лиц, подробное рассмотрение этапов банкротства и изучение влияния на финансовую, экономическую и правовую сферу в Российской Федерации. Особенно подробно рассмотрено влияние на процедуру банкротства касательно физических лиц в 2025 году.
Ключевые слова: банкротство, физические лица, право, законодательство, нормативные изменения, особенности процедуры банкротства, несостоятельность.

Для понимания банкротства необходимо начать с разбора понятийного аппарата. Само понятие банкротства можно понимать с различных сторон, ибо особенности кроются не только в субъектах, но и в самом процессе. В частности, банкротство можно понимать в широком смысле, так и в более узком.

В широком смысле, банкротство физического лица – это законный способ избавиться от финансовых обязанностей по кредитам, налогам, платежам, связанным с коммунальными платежами и иными видами задолженностями, которые могут настигнуть человека по всевозможным жизненным причинам. В узком же смысле, банкротство физического лица – это неспособность физического лица, установленная на законодательном уровне, внести, определённую договором или законом, плату, либо же обязательный платёж, в связи с его несостоятельностью. Отдельно необходимо рассмотреть правовое понятие несостоятельности, под которым предполагается «признанная арбитражным судом или наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объёме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей» [3].

Важно учитывать то, что достаточно большое количество людей не знакомы с процедурой банкротства, некоторые считают, что такой метод вовсе незаконный, однако каждый из граждан Российской Федерации имеет полное право подать на банкротство в том случае, если он не может исполнять свои кредитные обязательства. В 2025 году есть возможность получить банкротство с помощью двух вариантов: при обращении в суд (конкретно арбитражный суд занимается подобными делами) или же через многофункциональный центр (МФЦ).

Однако для того, чтобы оформить банкротство с помощью многофункционального центра необходимо входить в определённую категорию граждан. Второй способ, то есть с помощью арбитражного судопроизводства, представляет собой списание долгов гражданина, но существуют некоторые особенности и сложности, в которых сложно разобраться человеку без юридического образования и без практики в подобных делах. Если человек неграмотен в данной теме могут возникнуть неблагоприятные последствия, например, потеря имущества или даже уголовная ответственность в отдельных случаях. предусмотренных законодательством Российской Федерации. Исходя из вышеперечисленного необходимо сделать вывод, что самым проверенным и верным способом оформить банкротство является обращение к профессиональному юристу, деятельность которого основывается на сопровождении подробного рода дел.

В соответствии с ФЗ РФ «О несостоятельности (банкротстве)», «банкротство физических лиц подразумевает признание арбитражным судом неспособности гражданина исполнять финансовые обязательства и вести расчеты с кредиторами» [3]. Важно отметить, что в ранее указанном законе, чётко разграничено какие граждане могут получить банкротство, в каких случаях возможно банкротство по собственной воле, сроки и условия подачи заявлений.

Отметим условия необходимые для начала процедуры банкротства для физического лица. В сумме долг должен составлять более пятьсот тысяч рублей, а просрочка по долгам или долгу, должна достичь не менее трёх месяцев. Важно уточнить, что есть исключения и подать на банкротство гражданину возможно и без двух вышеуказанных условий. Законодательство Российской Федерации предусматривает возможность начать банкротство даже в случаях, когда сумма долга меньше 500000 тысяч. Подать на банкротство физического лица могут сами кредиторы, например, государственные органы (например, налоговая инспекция).

Сама по себе процедура банкротства достаточно затратна, за исключением государственной пошлины. Физическое лицо, подающее на банкротство должно предвидеть то, что оно самостоятельно оплачивает печать уведомления в газете под названием «Коммерсант», дополнительно к этому ещё и в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве. Также гражданин оплачивает дополнительно услуги финансового управляющего, отдельные затраты, связанные с судебным процессом.

Хотелось бы подробнее рассмотреть необходимые условия процедуры банкротства для физических лиц, перечислим их:

– официальный доход физического лица не может покрывать его задолженности, либо же не хватает для оплаты минимального платежа по кредиту;

– физическое лицо получило на руки постановление от федеральной службы судебный приставов, в котором содержится информация об прекращении исполнительного производства по причине отсутствия доступного для реализации имущества, касаемо гражданина с задолженностью;

– оценочная стоимость имущества физического лица меньше, чем сумма долга, включая пени, штрафы, проценты;

– наличие просрочки, так как физическое лицо продолжительный период времени не платило по долгам, включая обязательные платежи по кредитам;

– физическое лицо должно пытаться трудоустроиться или же быть трудоустроен официально, а точнее быть на учёте у официальной службы занятости;

– добросовестность должника, то есть гражданин должен самостоятельно пытаться решать проблемы с задолженностью, активно взаимодействовать с кредиторами. Доказательством предполагаемой «добросовестности должника» является переписка с банком, аудиозаписи звонков и прочее;

– открытость гражданина перед судом, выражается она в том, что должник требующий исполнения процедуры банкротства, не должен скрывать свои доходы, расходы или имущество перед судом.

Важно отметить, если у должника есть обстоятельства препятствующие исполнению обязательств по платежам, то он также может через суд подать заявление на банкротство. Приведём несколько примеров обстоятельств препятствующих исполнению обязательств:

– стихийные бедствия;

– увольнение с работы. В связи с тем, что гражданин остался без работы, а соответственно без заработной платы, он не может оплачивать кредиты, налоги и прочие расходы;

– должник пострадал от порчи собственного имущества и так далее.

Так как банкротство является достаточно сложной процедурой, необходимо подробнее разобраться в этом. Банкротство делится на определённые периоды,к ним относится:

1) Сбор необходимых документов для банкротства;

2) Физическое или юридическое лицо должно оплатить государственную пошлину в обязательном порядке;

3) Избрание финансового управляющего, который будет участвовать постоянно на протяжении всей процедуры банкротства;

4) После сбора полного пакета документации, их необходимо направить или самолично принести в суд;

5) Судебный процесс, в ходе которого судья принимает решение о проведении необходимой процедуры, либо реструктуризация долга, либо же реализацию имущества должника;

6) На итоговом этапе необходимо предоставить отчёт о том, что необходимая процедура была проведена и только после этого физическое лицо признаётся банкротом, вступают в силу различные ограничения, которые обязательны к соблюдению во избежание каких-либо санкций.

Касаемо изменений законодательства о банкротстве в 2025 году необходимо отметить, что они затронули процедуру банкротства для физических лиц. Перечислим главные изменения:

– нововведения касаемо ипотечного жилья физических лиц;

– новые арбитражные управляющие;

– защита покупателей при банкротстве юридического лица;

– процедура банкротства стала более удобной и понятной;

– физические лица, как кредиторы;

– изменение процедуры реструктуризации долгов для физических и юридических лиц;

– сокращение списка документов, которые предоставляет будущий банкрот, включая те, что получаются дистанционно;

– изменение надзора за протеканием процесса банкротства.

Для более полного понимания нововведений необходимо подробнее рассмотреть каждое из них. Помимо ранее известных кредиторов, участвующих в арбитражном процессе, теперь могут выступать и физические лица, которые предоставили займ должнику или даже нескольким. Процедура банкротства стала более удобной и понятной в связи с тем, что граждане Российской Федерации могут подать заявление на банкротство с помощью дистанционных и специализированных интернет-ресурсов и электронных порталов. То есть любое физическое лицо может не тратить времени на очереди, поездки в многофункциональный центр или же в суды, так как прямо в телефоне или дома, на работе, может подать заявление без особых манипуляций.

На законодательном уровне упростили механизм погашения задолженностей с помощью недвижимого имущества, а конкретно с помощью жилья. Например, у должника имеется собственное жильё, но погасить долг им он не может, так как у него оно единственное или приобретено в ипотеку, в таких случаях родственники могут оплатить его долги при согласии самого должника. Суммы государственных пошлин тоже претерпели изменения, в 2025 году при подаче заявления на банкротство в суд государственная пошлина для юридических лиц равна 100 тысяч рублей, однако для граждан, являющимся физическими лицами государственная пошлина выходит 10 тысяч рублей. Любопытным является то, что физическое лицо, которое самостоятельно подаёт заявление на банкротство, вовсе освобождается от уплаты государственной пошлины.

С недавнего времени многие люди начали инвестировать и покупать цифровые валюты, по данной причине законодатель ввёл норму, в которой указывается, что те-

перь обязательным является внесение данных гражданина о наличии цифровых валют и иных счетов, подобного характера. Физические лица подающие на реструктуризацию собственных долгов теперь могут столкнуться с тем, что срок самой процедуры реструктуризации увеличился с трёх лет до пяти. Также важно учитывать всем гражданам состоящим в браке, что в 2025 году при судебных прениях по делам, связанных с банкротством, супруги тоже считаются участниками процесса.

Важно учесть то, что банкротство как процедура предполагает то, что долги физического лица прекращает расти, включая всех входящих пеней, штрафов и процентов. В конце процедуры банкротства все долги списываются, но также накладываются конкретные ограничения на определённый срок, при их нарушении может наступить уголовная ответственность.

Также отметим, что после окончания процедуры банкротства физическое лицо прекращает любые контакты с сопутствующими субъектами такими, как коллекторы и судебными приставами. Так как обязательства перед данными субъектами исчезает, должник может не заботиться о возможных звонках и посещениях от них. Дополнительно к этому судебные приставы и коллекторы должны снять ограничения с физического лица, по выезду за границу и аресту имущества.

Упрощённая процедура банкротства представляет собой надёжную и законную возможность распрощаться с долгами, этот способ более удобен тем, что он бесплатен и доступен без необходимости идти в суд. При упрощённой процедуре банкротства необходимо соблюдать важные условия:

– сумма задолженности, «не включая неустойки, штрафы, пени, проценты и так далее, должна составлять не менее двадцати пяти тысяч рублей и не более миллиона рублей»;

– на дату подачи заявления в отношении должника окончено исполнительное производство в связи с возвращением исполнительного документа взыскателю на основании четвертого пункта первой части статьи 46 ФЗ от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (независимо от объема и состава требований взыскателя);

– не возбуждено иное исполнительное производство после возвращения исполнительного документа взыскателю» [4].

Учитывая, что такие нюансы важны, но не каждый гражданин с этим ознакомлен, лучше всего обращаться к юристам, которые хорошо ознакомлены с данной правовой областью.

Исходя из вышесказанного, хотелось бы подчеркнуть новшества и их цели, касаемо законодательства о банкротстве, так как многие люди в обществе прибегают к этой правовой процедуре. Некоторые аспекты, на которые необходимо обратить внимание:

– Разгруженность судебной ветви власти, благодаря нововведениям на законодательном уровне, так как банкротство можно сделать через многофункциональный центр, без затрат личного и судейского времени;

– Увеличение полномочий и возможностей арбитражных управляющих. Примером выступает возможность запрашивать информацию о супруге должника, дополнительную информации о собственности и так далее;

– Расширен список возможных лиц, которые могут подать документы на банкротство без обращения в органы судебной власти;

– Увеличены сроки составления плана реструктуризации долгов физического лица. Данное изменение характеризует положительное влияние на права самих кредиторов и должников;

В целом хочется отметить, что изменения в законодательстве Российской Федерации, касаемо банкротства, направлены на повышение эффективности процедуры, корректности и развитию экономической, финансовой и правовой политики.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: [Принята всенародным голосованием 12.12.1993] (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. - 2020. - № 144.

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ [Принят Государственной Думой 14 июня 2002 года; Одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 года] (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

3. Федеральный закон: «О несостоятельности (банкротстве)»: Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ [Принят Государственной Думой 27 сентября 2002 года; Одобрен Советом Федерации 16 октября 2002 года] (в ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. - №43. - Ст. 4190.

4. Федеральный закон «Об исполнительном производстве»: Федеральный закон от 02 октября 2007 года №229-ФЗ [Принят Государственной Думой 14 сентября 2007 года; Одобрен Советом Федерации 19 сентября 2007 года] (в ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. - 2007. - №1. - Ст. 30.

5. Розумович И.Н., Лузик А.А. Отдельные аспекты банкротства физических лиц / И.Н. Розумович, А.А. Лузик // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 1. – С. 208–212.

Personal Bankruptcy: Changes in the Mechanism and Its Features

Glukhova O.Yu.
Tambov State University named after G.R. Derzhavin

This article is aimed at studying the aspects of the bankruptcy mechanism and the specifics of modern bankruptcy legislation, changes that have arisen in the bankruptcy procedure for individuals, a detailed examination of the stages of bankruptcy and the study of the impact on the financial, economic and legal sphere in the Russian Federation. The impact on the bankruptcy procedure for individuals in 2025 is considered in particular detail.

Keywords: bankruptcy, individuals, law, legislation, regulatory changes, peculiarities of bankruptcy procedure, insolvency.

References

1. Constitution of the Russian Federation: [Adopted by popular vote on 12.12.1993] (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 No. 6-FKZ, of 30.12.2008 No. 7-FKZ, of 05.02.2014 No. 2-FKZ, of 21.07.2014 No. 11-FKZ, of 14.03.2020 No. 1-FKZ) // Rossiyskaya Gazeta. - 2020. - No. 144.
2. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of July 24, 2002 No. 95-FZ [Adopted by the State Duma on June 14, 2002; Approved by the Federation Council on July 10, 2002] (as amended on April 1, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2002. - No. 30. - Art. 3012.
3. Federal Law: "On Insolvency (Bankruptcy)": Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ [Adopted by the State Duma on September 27, 2002; [Approved by the Federation Council on October 16, 2002] (as amended on December 29, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2002. - No. 43. - Art. 4190.
4. Federal Law "On Enforcement Proceedings": Federal Law of October 2, 2007 No. 229-FZ [Adopted by the State Duma on September 14, 2007; Approved by the Federation Council on September 19, 2007] (as amended on July 31, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2007. - No. 1. - Art. 30.
5. Rozumovich I.N., Luzik A.A. Certain Aspects of Bankruptcy of Individuals / I.N. Rozumovich, A.A. Luzik // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky Legal Sciences. - 2018. - Vol. 4 (70). No. 1. - P. 208-212.

Гражданско-правовое регулирование оптового рынка электрической энергии и мощности

Калинина Амина Ренатовна
студент, инженер кафедры международных отношений и права, Национальный Исследовательский Университет «МЭИ», KalininaAR@mpei.ru

Букалерова Людмила Александровна
доктор юридических наук, профессор, Национальный Исследовательский Университет «МЭИ», BukalerovaLA@mpei.ru

В статье исследуется правовая природа отношений, складывающихся на оптовом рынке электрической энергии и мощности, в контексте соотношения гражданско-правового и публично-правового регулирования. Анализ действующего законодательства Российской Федерации, включая положения Федерального закона от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», а также подзаконных нормативных актов, показывает, что функционирование оптового рынка осуществляется в условиях высокой степени императивного регулирования. Вместе с тем имущественные отношения между участниками рынка сохраняют признаки гражданско-правовых обязательств, включая возмездный характер, договорную форму и имущественную ответственность сторон. Особое внимание уделено судебной практике, которая демонстрирует отсутствие четких критериев разграничения организационно-регламентного и имущественного воздействия на обязательства участников рынка. В статье обосновывается вывод о необходимости концептуального разграничения публичного и частного контуров регулирования и предлагается авторская модель, направленная на повышение правовой определенности и единообразия правоприменительной практики в сфере электроэнергетики.

Ключевые слова: оптовый рынок электрической энергии и мощности, ОРЭМ, гражданско-правовые отношения, публично-правовое регулирование, электроэнергетика, договор энергоснабжения.

Введение

Оптовый рынок электрической энергии и мощности (ОРЭМ) является ключевым элементом современной модели функционирования электроэнергетики Российской Федерации (РФ), обеспечивающим обращение электрической энергии и мощности как особых объектов гражданских прав в условиях сложного нормативного регулирования.

Согласно п. 7 ст. 3 Федерального закона от 26.03.2003 № 35-ФЗ (ред. от 27.10.2025)"Об электроэнергетике» - «оптовый рынок электрической энергии и мощности – это сфера обращения особых товаров - электрической энергии и мощности», данная сфера определяет наличие сложных, особенных гражданско-правовые отношений по ее регулированию. [6]

Оптовый рынок электрической энергии и мощности – сфера обращения особых товаров (электрической энергии и мощности) в рамках Единой энергетической системы России, участниками которого являются более 408 субъектов, как указано на сайте некоммерческого партнерства «АТС». [16]

Правовые основы функционирования ОРЭМ закреплены, в частности, в Федеральном законе от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», а также в нормах актов подзаконного регулирования, определяющих порядок организации торгов, допуска участников к обращению на рынке, расчетов и исполнения обязательств, включая Постановление Правительства РФ от 27.12.2010 № 1172 «Об утверждении Правил оптового рынка электрической энергии и мощности.

Несмотря на то, что отношения, складывающиеся на ОРЭМ, внешне оформляются через договорные конструкции и предполагают соглашение сторон в рамках договорного права, их правовой режим характеризуется значительным массивом императивных требований публично-правового характера. В результате возникает теоретически и практически значимый вопрос о соотношении мер гражданско-правового и публично-правового регулирования соответствующих отношений. В какой мере публично-правовые элементы, такие как, обязательность процедур торгов, нормативно предопределенные условия допуска и участия сторон, регламентированность расчетов и механизмов обеспечения исполнения, модифицируют гражданско-правовую природу рыночных обязательств и не приводят ли они к правоприменительным сложностям.

В научной литературе неоднократно указывалось, что электроэнергетика представляет собой сферу «повышенной нормативной плотности», в которой частноправовые механизмы функционируют в условиях значительных публичных ограничений.[18] Однако вопрос о том, при каких условиях такие публично установленные ограничения не трансформируют, не усложняют и не создают правоприменительных проблем гражданско-правовую природу обязательств, до настоящего времени не получил однозначного разрешения.

Научная проблема заключается в отсутствии четких критериев разграничения гражданско-правовых и публично-правовых начал в регулировании отношений на ОРЭМ, что приводит к неопределенности их правовой квалификации и неоднородности, проблемам в правоприменительной практике.

Актуальность указанной проблематики обусловлена тем, что правовая квалификация отношений на ОРЭМ

непосредственно влияет на выбор применимых правовых средств защиты, пределы свободы договора, допустимость односторонних механизмов изменения условий участия, распределение рисков, а также на подходы к разрешению споров. [11] Дополнительную сложность формирует институциональная архитектура рынка, где существенную роль играют организации инфраструктуры рынка и элементы саморегулирования, что усиливает смешанный характер регулирования и требует более точного разграничения частноправовых и публично-правовых начал.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы определить, в какой степени сохраняют отношения на ОРЭМ свою истинно гражданско-правовую природу при высокой степени их публично-правовой регламентации, а также выявить критерии разграничения частноправового и публично-правового регулирования в данной сфере.

Основная часть

Согласно ст. 3 Федерального закона от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» «оптовый рынок электрической энергии и мощности - сфера обращения особых товаров - электрической энергии и мощности, услуг по управлению изменением режима потребления электрической энергии в рамках Единой энергетической системы России в границах единого экономического пространства Российской Федерации» [7].

В юридическом смысле ОРЭМ выступает совокупностью регулируемых обязательственных отношений, формирующихся на основе норм гражданского законодательства и специфики энергетических отношений.

Одной из наиболее заметных черт ОРЭМ является предельно детализированное нормативное регулирование. «Правовые основы функционирования оптового рынка электрической энергии и мощности, включая регулирование отношений, связанных с оборотом электрической энергии и мощности на оптовом рынке» закреплены в Постановлении Правительства РФ от 27.12.2010 N 1172 (ред. от 19.12.2025) "Об утверждении Правил оптового рынка электрической энергии и мощности и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам организации функционирования оптового рынка электрической энергии и мощности». [3] Такая регламентация формирует особый правовой режим, при котором свобода усмотрения участников существенно ограничена заранее установленными правилами поведения.

С точки зрения структуры правоотношений ОРЭМ представляет собой многоэлементную систему обязательств, включающую:

- отношения по купле-продаже электрической энергии и мощности;
- отношения, связанные с участием в торговых процедурах;
- расчетные и обеспечительные обязательства;
- организационные отношения, обеспечивающие функционирование рынка;
- иные.

Указанные элементы не существуют изолированно, а образуют взаимосвязанную совокупность, в рамках которой реализация одного обязательства обусловлена соблюдением целого комплекса нормативно установленных требований. При этом большинство возникающих на ОРЭМ обязательств имеет договорную форму, однако содержание таких договоров во многом предопределено обязательными правилами рынка.

Особенностью правового регулирования ОРЭМ является то, что участие в нем возможно исключительно при соблюдении заранее установленных условий, включая «получение юридическим лицом статуса субъекта оптового рынка; совершение им всех установленных процедур, необходимых для начала работы на оптовом рынке» [9], что прямо закреплено в п. 1 ст. 35 ФЗ № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» и конкретизировано в правилах ОРЭМ. Тем самым отношения на оптовом рынке формируются не на основе индивидуально согласованных условий, а в рамках унифицированной нормативной модели, обязательной для всех участников.

Вместе с тем сама по себе регламентированность порядка заключения и исполнения договоров не исключает их гражданско-правовой природы. Нормативное предопределение существенных условий обязательств характерно и для иных сфер экономической деятельности, где действует режим специального регулирования, однако такие отношения традиционно квалифицируются как частноправовые. В этом контексте ключевым является вопрос не объема императивных требований, а их функционального назначения - направлены ли они на организацию рынка в публичных интересах либо подменяют собой гражданско-правовое содержание обязательств ряда субъектов рынка.

Поэтому при правовой квалификации отношений на ОРЭМ необходимо исходить прежде всего из их содержания. В соответствии со ст. 307 Гражданского кодекса РФ «обязательства возникают из договоров и других сделок» и направлены на установление имущественных прав и обязанностей сторон. [2]

Несмотря на значительный объем императивных предписаний, отношения на ОРЭМ по своей сути направлены на возмездное перемещение экономического блага - электрической энергии и мощности - между равноправными участниками гражданского оборота, что является ключевым признаком гражданско-правовых обязательств. Следует учитывать, что в гражданском законодательстве отсутствует развернутое самостоятельное определение энергии как объекта гражданских прав. Вместе с тем, по мнению Г.А. Могилевского, энергия упоминается в Гражданском кодексе Российской Федерации в качестве предмета обязательств по отчуждению имущества. [15] Так, в соответствии с пунктом 5 статьи 454 ГК РФ «к отдельным видам договора купли-продажи относится … энергоснабжение …» [1], что свидетельствует о распространении на отношения по поводу энергии правового режима, установленного для вещей.

Как отмечает О.В. Шведкова, включение энергии в сферу регулирования договора купли-продажи обусловлено не ее физической природой, а возможностью участия в гражданском обороте и отчуждения в рамках обязательственных правоотношений. [20] Аналогичную позицию высказывает С.А. Иванова, подчеркивая, что правовой режим энергии определяется ее экономической функцией как объекта оборота, а не материальными характеристиками. [13]

Несмотря на значительный объем императивных предписаний, отношения на ОРЭМ по своей сути направлены на возмездное перемещение экономического блага - электрической энергии и мощности - между равноправными участниками гражданского оборота. В основе функционирования ОРЭМ лежат обязательственные отношения, оформляемые посредством договорных конструкций, предполагающих эквивалентность встречных предоставлений и имущественную ответственность сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств.

Специфика договорного регулирования на ОРЭМ проявляется прежде всего в том, что существенные условия договоров купли-продажи электрической энергии и мощности во многом предопределены нормативными актами, а возможность индивидуального согласования условий сведена к минимуму. Однако данное обстоятельство само

по себе не исключает гражданско-правовую природу возникающих обязательств.

Существенным аргументом в пользу гражданско-правовой квалификации отношений на ОРЭМ является равенство участников в рамках обязательств по купле-продаже электрической энергии. Статья 35 Федерального закона от 26.03.2003 N 35-ФЗ (ред. от 27.10.2025) "Об электроэнергетике" определяет порядок получения юридическим лицом статуса субъекта оптового рынка, в частности вступление в члены совета рынка и подписание договора о присоединении к торговой системе оптового рынка. [6]

Ни один из контрагентов не наделен властными полномочиями по отношению к другому, а возникающие между ними разногласия подлежат разрешению в порядке гражданского судопроизводства с применением мер гражданско-правовой ответственности. Даже в условиях жесткой регламентации порядка участия в рынке стороны сохраняют статус самостоятельных субъектов предпринимательской деятельности, действующих в собственных имущественных интересах и на свой риск.

Особое значение для гражданско-правовой квалификации имеет и характер имущественной ответственности на ОРЭМ. Нарушение обязательств влечет применение штрафных санкций, взыскание убытков, начисление неустоек и иные последствия, типичные именно для частноправового регулирования. [17] Такие меры направлены не на наказание субъекта в публично-правовом смысле, а на компенсацию имущественных потерь и восстановление нарушенного баланса интересов сторон, что соответствует компенсационной функции гражданско-правовой ответственности.

В то же время нельзя игнорировать тот факт, что договорная модель ОРЭМ существенно отличается от классических двусторонних обязательств. Обязательства участников рынка реализуются в рамках сложной многосторонней системы, где исполнение договора одним участником зависит от надлежащего исполнения обязанностей другими субъектами рынка и от соблюдения процедур, установленных правилами рынка. [10]

Система договоров, действующая на оптовом рынке, включает несколько обязательных для отдельных категорий участников видов соглашений К ним относятся регулируемые договоры купли-продажи электрической энергии и мощности, договоры, заключаемые по результатам конкурентного отбора ценовых заявок на сутки вперед, соглашения, связанные с балансированием системы, договоры о предоставлении мощности, сделки в отношении новых атомных и гидрогенерирующих объектов, договоры по мощности вынужденной генерации, а также договоры, обслуживающие функционирование квалифицированных объектов на основе использования возобновляемых источников энергии. [14]

Однако подобная многосторонность и институциональная опосредованность не трансформируют данные отношения в публично-правовые, а лишь отражают специфику организации современного товарного рынка с высокой степенью технологической и экономической взаимозависимости.

Таким образом, отношения, складывающиеся на оптовом рынке электрической энергии, по своей правовой природе следует квалифицировать как гражданско-правовые обязательственные отношения, осложненные специальным публично-правовым регулированием. Императивные элементы правового режима ОРЭМ направлены на обеспечение устойчивости и надежности функционирования рынка, но не подменяют собой частноправовое содержание обязательств, возникающих между его участниками. Данный вывод служит теоретической основой для дальнейшего анализа пределов допустимого вмешательства публичного регулирования в сферу гражданского оборота электрической энергии.

Публично-правовое регулирование ОРЭМ следует рассматривать как инструмент обеспечения функционирования гражданского оборота электрической энергии и мощности, а не как основание для отказа от гражданско-правовой квалификации соответствующих отношений.

Ключевым критерием разграничения публично-правового и гражданско-правового регулирования выступает характер воздействия императивных норм на содержание имущественных обязательств. Пока публичное регулирование не подменяет собой волеизъявление сторон в части возникновения обязательств, не лишает их статуса равноправных субъектов гражданского оборота и не заменяет имущественную ответственность административными санкциями, оно не может рассматриваться как изменяющее гражданско-правовую природу отношений на ОРЭМ.

Несмотря на преобладающую позицию о гражданско-правовой природе отношений, складывающихся на оптовом рынке электрической энергии, действующая модель правового регулирования ОРЭМ содержит ряд противоречий, затрудняющих их однозначную квалификацию. Эти противоречия обусловлены прежде всего отсутствием четких критериев разграничения публично-правовых и частноправовых элементов в нормативных актах, регулирующих функционирование рынка.

Одной из ключевых проблем является нормативная неопределенность статуса инфраструктурных организаций оптового рынка, которые, с одной стороны, формально не наделены публичными властными полномочиями, а с другой - осуществляют функции, оказывающие существенное влияние на содержание и реализацию гражданско-правовых обязательств участников рынка. Ярким примером выступает Ассоциации «НП«Совет рынка». Советом рынка является некоммерческая организация - ассоциация (союз) в виде некоммерческого партнерства и объединяет на основе членства субъектов электроэнергетики и крупных потребителей электрической энергии. Согласно ФЗ от 29.12.2014 № 466-ФЗ «решено не относить его (Совет рынка) к саморегулируемым организациям (СРО), поскольку он не соответствует предъявляемым к ним требованиям». [8]

При этом, в работе Варламовой А.Н. указано «в деятельности "Совета рынка" большее, чем применительно к любой другой саморегулируемой организации, значение имеет публичная составляющая. Это выражается и в процедуре принятия регламентов, и в порядке формирования Наблюдательного совета, и в порядке рассмотрения споров. Имеются особенности в связи с составом участников. Члены "Совета рынка" - это лица с различными, порой противоположными бизнес-интересами. В отличие от других СРО "Совет рынка" отвечает не столько за объединение субъектов, работающих в одной профессиональной или предпринимательской сфере, сколько за эффективную работу рынка электроэнергии и мощности в целом. Это сближает его с органами государственной власти». [12]

В.В. Романова и С.С. Филь отмечают, что «после внесения изменений особые публичные полномочия Совета рынка были сохранены, и даже дополнены». [19]

Такая двойственность порождает ситуацию, при которой частноправовые отношения фактически опосредуются решениями субъектов, действующих вне классических договорных механизмов.

Дополнительную сложность представляет высокая степень императивности правил рынка, которая в отдельных случаях приводит к фактической подмене договорного регулирования нормативным. Участники ОРЭМ ли-

шены возможности влиять на существенные условия обязательств, а изменение регламентов рынка способно оказывать прямое воздействие на их имущественные интересы без использования гражданско-правовых инструментов согласования воли сторон. Это обстоятельство вступает в противоречие с принципами свободы договора и юридического равенства участников гражданского оборота.

Существенным недостатком также является отсутствие в действующем регулировании четкого разграничения организационных и имущественных элементов отношений на ОРЭМ. В результате нормы, призванные обеспечивать функционирование рынка, нередко затрагивают материальное содержание обязательств, что усложняет применение общих положений гражданского законодательства и создает предпосылки для неоднородной судебной практики.

По мнению И.А. Кашликовой «система договоров оптового рынка обеспечивает функционирование коммерческой инфраструктуры оптового рынка и определяет обязательную для субъектов оптового рынка совокупность договорных отношений, обеспечивающих куплю-продажу электрической энергии и (или) мощности и оказание услуг на оптовом рынке. Перечень, условия и порядок заключения, изменения и прекращения договоров, входящих в систему договоров оптового рынка, определяются нормативными правовыми актами и (или) положениями договора о присоединении». [14]

Обращение к судебной практике позволяет увидеть, как обозначенные теоретические проблемы проявляются в конкретных спорах. Рассмотренные ниже акты демонстрируют наиболее наглядные ситуации пересечения организационного публичного регулирования и имущественного содержания обязательств участников рынка.

1. Оспаривание нормативных положений Правил ОРЭМ: дело № ВАС-2243/12 и постановление Президиума ВАС РФ № 11696/12 [4]

Ключевым делом в рассматриваемой сфере является спор общества «РУСАЛ Красноярск» о признании недействующими отдельных положений Правил оптового рынка электрической энергии и мощности, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 27.12.2010 № 1172.

Заявитель оспаривал абзац пятый пункта 116 и абзац десятый пункта 123 Правил ОРЭМ, указывая, что установленный ими механизм расчета стоимости мощности во второй ценовой зоне приводит к формированию дополнительной финансовой нагрузки. В результате применения спорных норм общество, исполняя договор купли-продажи электрической энергии и мощности с ОАО «Красноярская ГЭС», было обязано доплатить более 914 млн руб. за обязательную покупку 1 МВт мощности за первое полугодие 2011 года.

Спор носил ярко выраженный имущественный характер, однако источником изменения экономического баланса обязательства выступал нормативный акт Правительства РФ. ВАС РФ в решении от 25.06.2012 № ВАС-2243/12 отказал в удовлетворении требований, сославшись на полномочия Правительства РФ, предусмотренные Федеральным законом от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике». Вместе с тем постановлением Президиума ВАС РФ от 22.01.2013 № 11696/12 решение было частично отменено, поскольку суд первой инстанции необоснованно отказался проверять оспариваемые положения на соответствие Закону о защите конкуренции.

Значение данного дела заключается в том, что оно демонстрирует влияние публично-регламентных норм на материальные параметры гражданско-правового обязательства. Судебная оценка концентрировалась преимущественно на вопросе компетенции органа и соответствия нормативного акта закону, тогда как проблема пределов допустимого вмешательства публичного регулирования в имущественное содержание обязательства не получила концептуального разрешения.

2. Современная практика Верховного Суда РФ: дело № АКПИ24-894 [5]

Решением Верховного Суда РФ от 19.11.2024 № АКПИ24-894 было отказано в удовлетворении заявления о признании недействующим положения Правил ОРЭМ, регулирующего условия допуска на оптовый рынок.

Заявитель оспаривал нормативное условие участия в ОРЭМ, полагая его чрезмерным и ограничивающим экономическую деятельность. Верховный Суд РФ подтвердил законность установленного механизма допуска, указав на полномочия Правительства РФ по утверждению правил функционирования оптового рынка во исполнение Федерального закона «Об электроэнергетике».

Данный акт демонстрирует устойчивую позицию высшей судебной инстанции: публичное регулирование допуска и функционирования рынка рассматривается как элемент организационного механизма обеспечения стабильности электроэнергетической системы. При этом влияние соответствующих норм на экономические возможности и договорную автономию субъектов оценивается опосредованно. Суд не формирует специальных критериев соразмерности публичного вмешательства в имущественную сферу, что подтверждает отсутствие методологического разграничения контуров регулирования.

Судебная практика подтверждает наличие смешанного характера регулирования на ОРЭМ, однако не предлагает концептуального инструментария для определения пределов допустимого влияния публичного контура на гражданско-правовое обязательство.

В целях устранения указанных противоречий представляется целесообразным формирование более последовательной модели разграничения публично-правового и гражданско-правового регулирования на оптовом рынке электрической энергии. Такая модель должна исходить из признания гражданско-правовой природы имущественных обязательств участников рынка при одновременном нормативном закреплении пределов публичного вмешательства, ограниченного задачами организации и обеспечения устойчивости рынка. Это позволит повысить правовую определенность, обеспечить баланс частных и публичных интересов и создать более предсказуемые условия для гражданского оборота электрической энергии и мощности.

Выявленные в ходе анализа признаки смешанного правового режима ОРЭМ обусловлены не столько двойственной природой самих отношений, сколько особенностями их нормативного оформления. Имущественные обязательства участников рынка реализуются внутри жестко регламентированной организационно-процедурной среды. При этом действующее регулирование не содержит достаточных критериев, позволяющих устойчиво разграничивать:

– организационные правила функционирования рынка, направленные на обеспечение надежности и устойчивости энергосистемы,

– гражданско-правовые обязательства по возмездному отчуждению электрической энергии и мощности.

Отсутствие такого разграничения повышает риски неоднородного правоприменения, поскольку одинаковые по экономическому содержанию ситуации могут квалифицироваться по-разному: либо как реализация договорного риска и договорной ответственности, либо как следствие обязательных регламентных решений, фактически влияющих на имущественный результат.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что отношения, складывающиеся на оптовом рынке электрической энергии и мощности, по своей правовой природе относятся к сфере гражданско-правовых обязательств, несмотря на высокую степень их нормативной регламентации и наличие значительного массива публично-правовых требований. Нормативная модель функционирования ОРЭМ, закрепленная в Федеральном законе № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» и подзаконных актах, формирует обязательную организационно-процедурную среду оборота, однако не изменяет имущественную сущность обязательств между участниками рынка.

Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики показал, что ключевыми признаками гражданско-правовой природы отношений на ОРЭМ являются их возмездный характер, равенство правового статуса участников, имущественная ответственность за нарушение обязательств и использование договорных конструкций в качестве основного механизма отчуждения электрической энергии и мощности. Нормативное предопределение существенных условий договоров и ограничение свободы усмотрения участников не трансформируют соответствующие отношения в публично-правовые, поскольку не устраняют их договорную природу и компенсационный характер ответственности.

Вместе с тем установлено, что действующая модель правового регулирования ОРЭМ характеризуется недостаточной четкостью разграничения организационных и имущественных элементов регулирования, что порождает риски смешения публично-правовых и частноправовых механизмов воздействия на участников рынка. Особую проблему представляет неопределенность правового статуса инфраструктурных организаций и отсутствие нормативно закрепленных критериев допустимого вмешательства в имущественное содержание обязательств.

Таким образом, оптовый рынок электрической энергии следует рассматривать как сферу гражданского оборота, функционирующую в условиях усиленного публичного регулирования, но не утрачивающую своей частноправовой природы. Дальнейшее развитие правового режима ОРЭМ должно быть направлено на повышение правовой определенности, уточнение пределов публичного вмешательства и укрепление баланса частных и публичных интересов в электроэнергетике.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 ст. 454 «Договор купли-продажи» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 ст. 307 «Понятие обязательства» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru
3. Постановление Правительства РФ от 27.12.2010 N 1172 (ред. от 19.12.2025) «Об утверждении Правил оптового рынка электрической энергии и мощности и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам организации функционирования оптового рынка электрической энергии и мощности» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru
4. Постановление Президиума ВАС РФ от 22.01.2013 N 11696/12 <Об отмене решения ВАС РФ от 25.06.2012 N ВАС-2243/12 // Правовой сайт КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/
5. Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 19.11.2024 N АКПИ24-894 // Юридическая информационная система «Легалакт» [Электронный ресурс]. URL: https://legalacts.ru/
6. «Собрание законодательства РФ", 31.03.2003, N 13, ст. 1177.
7. Федеральный закон от 26.03.2003 N 35-ФЗ (ред. от 25.10.2024) «Об электроэнергетике» // Правовой сайт КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru
8. Федеральный закон РФ от 29 декабря 2014 г. № 466-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон «Об особенностях функционирования электроэнергетики в переходный период и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об электроэнергетике» и отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Правовой сайт КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/.
9. Федеральный закон от 02.11.2023 N 516-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об электроэнергетике" и отдельные законодательные акты Российской Федерации" [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/
10. Бахтина Ю. С. Виды обязательств на оптовом рынке электроэнергии и мощности / Ю. С. Бахтина, - Проблемы экономики и юридической практики. 2024. №4.
11. Бахтина Ю. С. Электрическая энергия и мощность как объекты договоров на оптовом рынке электроэнергии и мощности / Ю. С. Бахтина, - Социально-политические науки. 2024. №4. - (дата обращения: 24.01.2026).
12. Варламова, А.Н. Некоммерческое партнерство «Совет рынка» как публичная саморегулируемая организация в электроэнергетике / А.Н. Варламова // Закон.— 2015 .— №2 .— С. 166-180.
13. Иванова С.А. Особенности правового режима энергетических ресурсов/ Иванова С.А. - Евразийская адвокатура. 2018. №1(32) - (дата обращения: 31.01.2026).
14. Кашликова И.А. Система договоров на оптовом рынке электрической энергии и мощности // Правовой энергетический форум. 2015. N 2. С. 36 - 40.
15. Могилевский Г.А. Энергия как объект гражданских прав: актуальные вопросы понятия и содержания / Могилевский Г.А. - Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. №2(77) - (дата обращения: 31.01.2026).
16. Оптовый рынок электрической энергии и мощности | Ассоциация «НП Совет рынка» URL: https://www.np-sr.ru - (дата обращения: 24.01.2026).
17. Официальный сайт. Ассоциация «НП Совет Рынка». Положение о применении санкций на оптовом рынке электрической энергии и мощности. Режим доступа: https://www.np-sr.ru (дата обращения: 02.02.2026).
18. Пшеничников, Д. Е. Актуальные проблемы правового регулирования в сфере энергетики в Российской Федерации / Д. Е. Пшеничников. - Текст : непосредственный // Молодой ученый. - 2024. - № 21 (520). - С. 566-569. - URL: https://moluch.ru/archive/520/114426 - (дата обращения: 24.01.2026).
19. Романова В.В., Филь С.С. Об особенностях правового положения некоммерческой организации - Совета рынка и тенденциях изменения энергетического законодательства в сфере электроэнергетики // Правовой энергетический форум. 2015. № 1. С. 37 - 38.
20. Шведкова О.В. Энергия как объект договорных отношений: к вопросу о понятии и правовой природе / Шведкова О.В. - Журнал российского права. 2016. №7(235) - (дата обращения: 31.01.2026).

Civil law regulation of the wholesale electricity and capacity market

Kalinina A.R., Bukalerova L.A.

National Research University "Moscow Power Engineering Institute"

The article examines the legal nature of relations arising in the wholesale electricity and capacity market within the framework of the correlation between civil law and public law regulation. The analysis of Russian

legislation, including the provisions of Federal Law No. 35-FZ “On Electric Power Industry” and subordinate regulatory acts, demonstrates that the functioning of the wholesale market is characterized by a high degree of mandatory regulation. At the same time, property relations between market participants retain the key features of civil law obligations, such as their remunerative nature, contractual form, and property liability of the parties. Particular attention is paid to judicial practice, which reveals the absence of clear criteria for distinguishing between organizational-regulatory and property-related impacts on obligations. The article substantiates the need for a conceptual separation of public and private regulatory frameworks and proposes an author’s model aimed at improving legal certainty and ensuring uniformity of law enforcement practice in the energy sector.
Keywords: wholesale electricity and capacity market, WECM, civil law relations, public law regulation, energy law, electricity supply contract.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated January 26, 1996, Article 454 “Contract of Sale” [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, Article 307 “Concept of Obligation” [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru
3. Resolution of the Government of the Russian Federation dated December 27, 2010 No. 1172 (as amended on December 19, 2025) “On Approval of the Rules of the Wholesale Electricity and Capacity Market and on Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation on Issues of Organizing the Functioning of the Wholesale Electricity and Capacity Market” [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru
4. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated January 22, 2013 No. 11696/12 “On отмена of the decision of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated June 25, 2012 No. VAS-2243/12” [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru
5. Decision of the Judicial Chamber for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 19, 2024 No. AKPI24-894 [Electronic resource]. Available at: https://legalacts.ru
6. Collection of Legislation of the Russian Federation, March 31, 2003, No. 13, Art. 1177.
7. Federal Law dated March 26, 2003 No. 35-FZ (as amended on October 25, 2024) “On Electric Power Industry” [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru
8. Federal Law of the Russian Federation dated December 29, 2014 No. 466-FZ “On Amendments to the Federal Law ‘On the Peculiarities of Functioning of the Electric Power Industry in the Transitional Period…’ and Certain Legislative Acts of the Russian Federation” [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru
9. Federal Law dated November 2, 2023 No. 516-FZ “On Amendments to the Federal Law ‘On Electric Power Industry’ and Certain Legislative Acts of the Russian Federation” [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru
10. Bakhtina, Yu. S. Types of Obligations in the Wholesale Electricity and Capacity Market. Problems of Economics and Legal Practice, 2024, No. 4.
11. Bakhtina, Yu. S. Electric Energy and Capacity as Objects of Contracts in the Wholesale Electricity and Capacity Market. Socio-Political Sciences, 2024, No. 4 (accessed: 24.01.2026).
12. Varlamova, A. N. Non-Commercial Partnership “Market Council” as a Public Self-Regulatory Organization in the Electric Power Industry. Zakon, 2015, No. 2, pp. 166–180.
13. Ivanova, S. A. Features of the Legal Regime of Energy Resources. Eurasian Advocacy, 2018, No. 1 (32) (accessed: 31.01.2026).
14. Kashlikova, I. A. System of Contracts in the Wholesale Electricity and Capacity Market. Legal Energy Forum, 2015, No. 2, pp. 36–40.
15. Mogilevsky, G. A. Energy as an Object of Civil Rights: Current Issues of Concept and Content. International Journal of Humanities and Natural Sciences, 2023, No. 2 (77) (accessed: 31.01.2026).
16. Wholesale Electricity and Capacity Market | Association “NP Market Council”. Available at: https://www.np-sr.ru (accessed: 24.01.2026).
17. Official Website of the Association “NP Market Council”. Regulation on the Application of Sanctions in the Wholesale Electricity and Capacity Market. Available at: https://www.np-sr.ru (accessed: 02.02.2026).
18. Pshenichnikov, D. E. Current Issues of Legal Regulation in the Energy Sector in the Russian Federation. Molodoy Ucheny (Young Scientist), 2024, No. 21 (520), pp. 566–569. Available at: https://moluch.ru/archive/520/114426 (accessed: 24.01.2026).
19. Romanova, V. V., Fil, S. S. On the Peculiarities of the Legal Status of the Non-Commercial Organization “Market Council” and Trends in Energy Legislation Development. Legal Energy Forum, 2015, No. 1, pp. 37–38.
20. Shvedkova, O. V. Energy as an Object of Contractual Relations: On the Concept and Legal Nature. Journal of Russian Law, 2016, No. 7 (235) (accessed: 31.01.2026).

Объективность компенсации репутационного вреда юридического лица в гражданском судопроизводстве

Криони Мария Валерьевна
магистр Московский университет имени С.Ю. Витте, m.krioni@mail.ru

Воронин Дмитрий Борисович
магистрант Московский университет имени С.Ю. Витте, voronindb@yandex.ru

В статье исследуется реальный размер компенсации репутационного вреда юридического лица, путем анализа судебной практики, взысканной на основании вступивших в силу решений арбитражных судов. Отмечается необходимость закрепления алгоритма вычисления размера репутационного вреда с учетом распределения компаний на микроорганизации, малое предприятие, средний и крупный бизнес. Авторами формируются критерии, по которым необходимо определять сумму размера компенсации; выявляются и обосновываются лимиты по исками о защите деловой репутации юридического лица, как финансовые, так и исковые; и приводится формула расчета компенсации репутационного вреда юридического лица.

Ключевые слова: репутационный вред, деловая репутация, компенсация морального вреда, размер компенсации морального вреда, защита деловой репутации, юридические лица, судебная практика, формула расчета компенсации репутационного вреда.

В современном обществе репутация играет важную роль. Многие страны принимают ряд законов направленные на защиту репутации и доброго имени, как отдельного гражданина, так и в отношении бизнеса. В Испании существует негласная профессия под названием «Взыскатель во фраке». Такой работник, одетый во фрак с цилиндром на голове, в белых перчатках и с чемоданом с надписью «Взыскание долгов», следует за должником по улице в общественных местах в полном молчании и без претензий, давая понять обществу, что данный человек является должником. Менталитет испанских жителей работает на стыд и неловкость без угроз. Репутация в Испании очень сильно влияет на общественность и на собственное чувство достоинства или дискомфорт. В Японии же наоборот, нашла себя в действии строгая и жесткая система наказаний за подрыв деловой репутации юридического или физического лица, в связи с чем ни один гражданин не осмеливается сделать публичное частное заявление в адрес такого же частного субъекта. Строгость в Японии за распространение сведений, порочащие деловую репутацию выражается в том, что, если в большинстве стран важным элементом является вопрос о «правдивости» заявления (например, как в Российской Федерации), то в Японии факт правдивости или ложности не имеет юридического значения, если оно носит оскорбительный или неприятный характер. Наказание в данном случае составляет 3 года лишение свободы или штраф до 500 000 иен [1] (около 255 000 рублей), что в свою очередь составляет в два раза больше среднего ежемесячного заработка японца, при идеальных условиях [2]. Сложно представить суровее наказание, чем в Японии, однако, в Республики Армения автор публикации может получить штраф за распространения сведений, порочащих деловую репутацию юридического лица до 6 000-кратного размера заработной платы [3], а это более внушительная сумма по сравнению с японским законодателем, однако без альтернативы в тюремный срок.

В России же нет каких-либо минимальных или максимальных значений по взысканию репутационного вреда юридического лица в гражданском судопроизводстве (их нет и для взыскания морального вреда гражданина). В данном случае размер компенсации репутационного вреда устанавливается судом субъективно, исходя из внутреннего убеждения конкретного судьи. В данной статье авторы предлагают избавиться от субъективности в вопросе о компенсации репутационного вреда.

Ранее, авторы уже излагали идею о создании формулы по компенсации морального вреда в гражданском судопроизводстве [4]. В настоящей статье авторы будут рассматривать возможность разработки конкретной формулы для определения размера компенсации репутационного вреда юридического лица в гражданском судопроизводстве.

Актуальность нашего исследования заключается в отсутствие точной формулы, пределов и уровней взысканной компенсации репутационного вреда юридическому лицу, в связи с чем судам приходится оценивать его субъективно исходя из внутреннего убеждения. Данный фактор способствует затягиванию судебных процессов, так как сторона истца, желающая получить как можно больше компенсации, предоставляет тонну доказательств, а сторона ответчика «обороняясь» предоставляет ту же массу документов в ответ. Судьи обязаны рассмотреть каждое

доказательство, оценить его относимость и допустимость, мотивированно отвергнуть то или иное доказательство стороны, в связи с чем такие простые дела, как о защите репутации юридического лица затягиваются на многие месяцы. Таким образом, определив критерии важных обстоятельств в аналогичных делах, судьям было бы удобнее ориентироваться в доказательствах, определяя их иерархию в присуждении конкретного размера компенсации, что способствовало бы оперативному рассмотрению дел в суде.

Правила о защите деловой репутации граждан, за исключением положений о компенсации морального вреда, применяются к защите деловой репутации юридических лиц (часть 11 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации) [5].

Следует отметить, что применение статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации по делам о защите деловой репутации юридических лиц в настоящее время является распространенной и общепринятой практикой [6]. В пункте 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации подтвердил правовую позицию о том, что правила о компенсации морального вреда за разглашение сведений, порочащих деловую репутацию граждан, распространяются и на разглашение таких сведений в отношении юридических лиц [6]. Однако действующее законодательство все еще несовершенно и постоянно реформируется.

В настоящем исследовании авторы рассмотрят гражданско-правовую защиту деловой репутации юридического лица без отягощения и применения уголовных норм права. В современных условиях каждое юридическое лицо стремится к формированию высокой деловой репутации, поскольку она оказывает решающее влияние на степень доверия партнеров, отражает конкурентоспособность и устойчивость развития. Успешное развитие любого государства, в частности России невозможно без наличия действенного механизма защиты деловой репутации, которая является одним из важных благ юридического лица.

Для выведения формулы разберем конкретное дело № А07-12906/2015, дошедшее до Верховного Суда Российской Федерации и размещенное в открытых источниках сети «Интернет», в частности, картотека арбитражных дел. Так, в Арбитражный суд Республики Башкортостан с исковым заявлением о защите деловой репутации обратилось Федеральное государственное унитарное предприятие «Российская телевизионная и радиовещательная сеть» (город Уфа) к Воробьевой С.Л.

Исковые требования содержали в себе признании сведений, распространенных Воробьевой С.Л. в сети «Интернет», порочащими деловую репутацию предприятия, обязании ответчика опровергнуть порочащие сведения путем размещения соответствующей информации в сети «Интернет» сроком на шесть месяцев, о взыскании убытков в размере 1 рубль и компенсации репутационного вреда в размере 50 000 рублей.

Основанием для иска послужило письменное высказывание Воробьевой С.Л. в сети «Интернет» в мессенджере «ВКонтакте» об истце и о его деятельности, по факту: В 2015-2016 годах на территории Республики Башкортостан должна была проводится Федеральная целевая программа, согласно которой жители Республики получат доступ к бесплатному цифровому телесигналу. Реализация данной программы было поручено истцу – ФГУП «Российская телевизионная и радиовещательная сеть», который является единственным исполнителем указанного проекта. Согласно программы строительные работы были запланированы на земельном участке с кадастровым номером 02:55:020115:171, расположенный по адресу: гор. Уфа, ул. Зорге (западнее радиостанции Алтай). У истца имелось в распоряжения вся разрешающая документация на строительные работы, в связи с чем был объявлен конкурс на поиск подрядчиков, которые смогут произвести строительные работы.

23.03.2015г. в 22:03 часов в социальной сети «ВКонтакте» на странице группы (сообщество «Новости Археологии») ответчиком была размещена следующая информация:

«Реальная стоимость работ занижена… является изначально демпинговой[18]… Подобная конкурсная документация свидетельствует либо о полной некомпетентности ее составителей, либо о наличии коррупционной составляющей в виде договоренности с потенциальными исполнителями… Не станьте пешкой в руках мошенников! <истец> выставляет на конкурс тендер с незаконными практически условиями, нашелся археолог (опустим его фамилию), который за откат берет это на себя».

В результате данной публикации ФГУП «Российская телевизионная и радиовещательная сеть» (далее по тексту – РТРС) признало конкурс на проведение строительных работ не состоявшимся, так как публикация привела к массовым отказам от потенциальных подрядных организаций от участия в конкурсе, что по мнению истца является умалением его деловой репутации и послужило основанием для подачи искового заявления в суд [7].

Как мы видим истец заявил размер убытков в сумме 1 рубля, что является символической суммой и принципиальной позицией отстоять свое доброе имя в суде и в глазах общественности.

Суд первой инстанции акцентировал внимание, что для удовлетворения иска необходимо соблюдения трех условий:

1. Факт распространения ответчиком сведений об истце;
2. Порочащий характер этих сведений;
3. Несоответствие их действительности [7].

При отсутствии хотя бы одного условия такой иск не может быть удовлетворен. Таким образом, суд первой инстанции констатировал, что факт распространения ответчиком сведений об истце не оспаривается сторонами и действительно подтверждается указанная публикация в «ВКонтакте», что и является по факту распространением, то есть предоставлена в открытом доступе неопределенному кругу лиц.

Касательно в вопросе порочащего характера, то суд первой инстанции выразил подробный анализ словесно-смыслового построения предложений публикации ответчика. Во-первых, суд пришел к выводу, что Воробьева С.Л. лишь описывает, что конкурсная документация была составлено не в соответствии с предусмотренными нормами и правилами. Во-вторых, строительные работы не будут соответствовать правилам проведения подобных работ, в виду малобюджетности. В-третьих, сам по себе негативный стиль изложения суждений не может свидетельствовать об их порочащем характере, поскольку отрицательное суждение о каком-либо событии является одним из проявлением свободы слова и мысли. Сделан прекрасный вывод о том, что «свобода распространяется не только на информацию или идеи, которые благосклонно принимаются или считаются безвредными или нейтральными, но также на оскорбляющие, шокирующие

[18] Демпинговая стоимость – это искусственно заниженная стоимость на услуги, которые устанавливаются значительно ниже среднерыночных, а иногда даже ниже себестоимости, с целью «выбить» конкурентов с рынка, завоевать долю или сбыть излишки.

или причиняющие беспокойство. Таковы требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых невозможно демократическое общество» (абз.1 стр.7 решения Арбитражного суда Республики Башкортостан от 30.11.2015г. по делу № А07-12906/2015). И, в-четвертых, суд принял довод ответчика о том, что указанная публикация – это всего лишь отзыв на компанию, который размещен в специальном сообществе, в котором имеется возможность публиковать отзывы на различные строительные, археологические, геологические и тому подобные компании. Указанный «отзыв» был признан судом субъективно-оценочным и реализующим право на свободу слова.

По вопросу несоответствия фактов действительности, суд первой инстанции определил, что раз это мнение оценочно-субъективное, то достоверность оценочного суждения доказать невозможно, в связи с чем требование о соотнесение сведений, изложенных в публикации действительности неисполнимо.

Таким образом в суде первой инстанции подтвердилось лишь одно условие из трех, в связи с чем исковые требования РТРС не было удовлетворено.

Истец не согласился с решением и подал жалобу в Восемнадцатый арбитражный апелляционный суд [8] (апелляционная инстанция) и в Арбитражный суд Уральского округа [9] (кассационная инстанция).

Апелляция и кассация своими Постановлениями оставили в силе решение суда первой инстанции, признали его законным и обоснованным.

Истец обратился в Верховный Суд Российской Федерации, который не согласился с нижестоящими судами и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Верховный Суд Российской Федерации обратил свое внимание на то, что действительно первое условие (факт распространения) не оспаривается сторонами и считается доказанным. Однако возразил, что указанная публикация носит исключительно субъективный характер и является мнением ответчика.

Верховный Суд Российской Федерации напомнил о Конвенции о защите прав человека и основных свобод (в настоящее время прекратила свое действие на территории Российской Федерации, при этом позиция Верховного Суда Российской Федерации не изменилась), согласно которой необходимо различать утверждения о фактах, действительность которых можно проверить; и оценочные суждения и мнения, действительность которых проверить невозможно.

Проанализировав содержание публикации, Верховный Суд Российской Федерации пришел к выводу о том, что данная публикация содержит информацию о незаконном и недобросовестном поведении истца, которая сформулирована в форме утверждения. Избранный автором стиль изложения указывает на наличие фактов в реальной действительности, а именно: факт занижения стоимости работ, факт установление демпинговой цены[19], факт некомпетентности составителей конкурсной документации, факта коррупционного и иного незаконного поведения, мошенничества.

Все указанные факты в действительности возможно проверить и установить степень их достоверности. Более того, как мы уже указывали, даже если факты являются оценочными и субъективными, как признал суд первой инстанции, то стиль их изложения все равно остается оскорбительным, а значит имеются основания об удовлетворении искового заявления истца, вне зависимости правдивые они или нет.

Таким образом отправляя дело на новое рассмотрение Верховный Суд Российской Федерации определил суду первой инстанции проверить указанные факты на предмет достоверности, а также решить вопрос о компенсации репутационного вреда с учетом осуществляемых функций истца, значения Федеральной целевой программы как для самого истца, так и для общества в целом [10]. То есть Верховный Суд российской Федерации дополнил условия для удовлетворения исков о защите деловой репутации пунктами 4 и 5:

4. даже если сведения соответствуют действительности и являются правдивыми, то факт оскорбительного изложения такой мысли дает право на защиту деловой репутации;

5. наличие сформированной репутации в той или иной сфере деловых отношений (значение для самого истца и для общества).

В виду изложенного, Верховный Суд Российской Федерации уже подразумевает возможность удовлетворения исковых требований, так как с акцентировал внимание на то, что даже вне зависимости от достоверности сведений, публикация носит оскорбительный характер, в связи с чем иск подлежит удовлетворению, и компенсация, так как проект истца носит общественно значимый характер для жителей региона.

Решением Арбитражного суда Республики Башкортостан от 24.08.2017г. по делу № А07-12906/2015 после возвращения его из Верховного Суда Российской Федерации, исковые требования истца были удовлетворены частично.

При новом рассмотрении дела, к участию был привлечен Бубнов В. (администратор группы «Новости Археологии»). Суд (тот же судья, что при первом рассмотрении дела в суде первой инстанции) после Определения Верховного Суда Российской Федерации, сделал вывод совершенно противоположный и установил, что фразы из публикации носят утвердительный характер и не являются оценочными/субъективными, а значит подлежат удостоверению на предмет достоверности. Доказательств сторона ответчика не предоставила ни по одному факту нечестного поступка и неэтической деятельности истца. В связи с чем суд пришел к выводу о том, что спорные сведения не соответствуют действительности (абз.6 стр.6 решения Арбитражного суда Республики Башкортостан от 24.08.2017г.).

С учетом смысловой конструкции спорных фраз, контекста, в котором они изложены, суд счел, что сведения, изложенные в отношении Истца, носят порочащий характер, то есть содержат утверждения о нарушении им действующего законодательства, а именно совершении мошенничества, совершении нечестного поступка, недобросовестности при осуществлении предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота. Был сделан вывод, что данные сведения умаляют деловую репутацию Истца. Суд счел, что распространение указанных выше сведений, нарушают права истца и препятствуют в осуществлении предпринимательской деятельности.

При этом, оценка каждой фразе, предложению дана судом не только в качестве отдельно взятого выражения, высказывания, но и исходя из смысловой словесной конструкции, контекста, в котором она употреблена.

[19] В Российской Федерации демпинговая стоимость сама по себе не является запрещенной, однако в большинстве случае может подпадать под антимонопольное законодательство, в частности ФЗ № 135 «О защите конкуренции», о недопущении доминирующего положения на рынке с целью вытеснения конкурентов.

По мнению суда, спорные фразы также носили оскорбительный характер.

Таким образом были доказаны недостающие условия защиты деловой репутации, а именно порочащих характер и несоответствие их действительности.

В результате, итогом данного спора стало:

- Признать не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию РТРС следующие сведения: <публикация>;
- Обязать Воробьеву С.Л. опровергнуть не соответствующие действительности и порочащие деловую репутацию РТРС следующие сведения <публикация> сроком на шесть месяцев;
- Взыскать с Воробьевой С.Л. в пользу истца сумму судебных расходов по оплате государственной пошлины в размере 11 000 рублей;
- Исковые требования о взыскании убытков в размере 1 рубль – отказано по причине недоказанности в возникновении убытков;
- Исковые требование о взыскании репутационного вреда в размере 50 000 рублей – отказано в виду отсутствия доказательств того, что опровержение порочащих сведений недостаточная мера для восстановления баланса прав участников спорных правоотношений.

Рассмотрев конкретное реальное дело и поведение судов, можно сделать исчерпывающий вывод об условиях защиты деловой репутации юридического лица и полной субъективности в рассмотрении дела. Таким образом, в настоящей практике используются пять условий защиты деловой репутации, а именно: факт распространения ответчиком сведений об истце; порочащий характер этих сведений; несоответствие их действительности; оскорбительный характер правдивому заявлению; и наличие сформированной репутации в конкретной сфере.

На основании анализа судебной практики арбитражных судов и с учетом необходимой базы доказательств, что требуют суды, мы считаем, что самые справедливые расчеты компенсации репутационного вреда будут зависеть от презумпции потери бизнеса при распространении не соответствующих действительности сведений, порочащих деловую репутацию юридического лица.

Исходя из вышеизложенного делаем вывод, о том, что вред должен возмещаться с тем расчетом, чтобы юридическое лицо могло и имело возможность создать новый бизнес. Разумеется, с некоторыми условиями:

во-первых, в расчет не должно включаться имущество и активы бизнеса. Данное условие логично, ведь при потери доброго имени и клиентов – имущество юридического лица остается в текущей рыночной стоимости, и оно также может быть использовано в построение нового бизнеса, без его обесценивания. Даже если юридическое лицо – является производителем товаров, то нереализованный товар на складе из-за подрыва деловой репутации и недоверия потенциальных клиентов – трактуется как упущенная выгода, то есть убытки, а значит юридическое лица вправе заявить такие убытки в отдельном производстве вне зависимости компенсации репутационного вреда;

во-вторых, необходимо ограничить стоимость компенсации верхнего предела для того, чтобы средний и крупный бизнес не злоупотребляли правом на судебную защиту, но так, чтобы каждая группа (микропредприятие, малый, средний и крупный бизнес) имела возможность воссоздать тот уровень, на котором была до подрыва деловой репутации. Однако нельзя обуславливать эту сумму по аналогии с предельными значениями дохода, полученного от осуществления предпринимательской деятельности для категорий субъектов малого и среднего бизнеса согласно Постановлению Правительства РФ от 04.04.2016г. № 265, для установления налогов и сборов. Поэтому здесь нужно учитывать разницу между рыночной стоимостью компании и чистыми активами, рыночной стоимостью собственного имущества, чистыми активами, финансовыми обязательствами, собственными вложениями (договоры на стороне займодавца, договор инвестирования на стороне инвестора), ограничив эту сумму до 1 000 000 рублей для микропредприятий, до 3 000 000 рублей – малых предприятий, до 5 000 000 рублей – средним предприятиям и до 10 000 000 рублей – крупным деятелям бизнеса.

в-третьих, для того, чтобы данная компенсация не носила регулярный характер и аналога для ежемесячного «пособия», ограничить обращение в суд за взысканием компенсации репутационного вреда в лимите указанных сумм выше, то есть если арбитражный суд взыскал 200 000 рублей к пользу микропредприятия, то в дальнейшем это же микропредприятие может заявить новое требование о взыскание репутационного вреда до суммы 800 000 рублей. Данное правило позволяет принять взвешенное решение о том, продолжать ли предпринимательскую деятельность компании (возрождать репутацию) либо создать новое. В случае неудачи в создании новом бизнесе или в обеление репутации старой компании – ответственность за действия лежит на самом учредители. С учетом такого ограничения именно руководство компании принимает решение на сколько целесообразно обращаться в суд за защитой деловой репутации, то есть его объективная оценка реально ли причинен репутационный вред юридическому лицу [11].

Разобравшись с условиями, можно приступить к созданию формулы.

Отталкиваться от рыночной стоимости бизнеса авторы считают верным началом. Рыночная стоимость считается тремя подходами:

1.Затратным (стоимость активов минус обязательства). Указанный способ в расчете репутационного вреда не подходит, так как противоречит первому условию для создания формулы, то есть в саму рыночную стоимость бизнеса уже заложена стоимость активов;

2.Сравнительным (сравнение с аналогами). Указанный способ в расчете репутационного вреда не подходит, так как учитываются аналоги. С учетом характера и цели репутационного вреда необходим индивидуальный подход с учетом всех обстоятельств.

3.Доходным (оценка будущей прибыли). Указанный способ самый подходящий в наших расчетах так как не учитывает текущие активы или обязательства. Данный подход учитывает текущие расходы (налоги и естественные расходы на введения бизнеса), что не исключает, а, наоборот, помогает при исчисления рыночной стоимости бизнеса в вопросе взыскания репутационного вреда. Доходный подход основан на базовом принципе, в соответствии с которым стоимость бизнеса предприятия равна текущей стоимости его будущих доходов.

Итак, формула выглядит следующим образом:

V_d до (рыночная стоимость бизнеса, исчисленная доходным методом, до события) – V_d после (рыночная стоимость бизнеса, исчисленная доходным методом, после события) – естественный рост бизнеса с периода «до события» по «после события» = размер компенсации репутационного вреда.

Следует также отметить, что указанная формула полностью поглощает условие о бремени доказывания, изложенное в примере дела № А07-12906/2015; будет согласоваться с наличием сформированной репутации в той или иной сфере деловых отношений (здесь необходимо сделать акцент на то, что сам факт репутации доказывать не нужно, она существует «по умолчанию», необходимо доказать именно нахождения этой репутации на высоком

уровне, то есть быть сформированной и конкурентноспособной с «аналогичными гигантами» в данной сфере); и наступления неблагоприятных последствий в результате распространения порочащих сведений (то есть факт утраты доверия к его репутации или ее снижения после публикации сведений). То есть, если формула выдает положительное значение, значит наличие сформированной репутации и наступление неблагоприятных последствий в результате распространения порочащих сведений будет установлен. Если показатель будет 0 (ноль) или минусовое значение, значит распространение порочащих сведений не нанесло репутационного вреда юридическому лицу, следовательно, компенсация не полагается.

Однако, при детальном изучении предложенной авторами формулы можно заподозрить, что значение, которое обозначает компенсацию репутационного вреда может стать тождественным убыткам в виде упущенной выгоды. Авторы в настоящем исследовании не нашли более логичного и правильного исчисления репутационного вреда (исходя из его понятия, характера и цели законодателя) как приравнять его к упущенной выгоде, которая возникла в результате распространения сведений, порочащие деловую репутацию юридического лица. Указанные убытки вполне доказуемы и имеют конкретный материальный показатель, однако причинно-следственная связь между возникновением упущенной выгодой и распространением порочащих сведений будет доказана и видна путем применения формулы, по данным экспертизы оценщика, который осуществляет деятельность в области оценки бизнеса с конкретным применением доходного метода.

Таким образом, при расчете репутационного вреда мы получим полностью объективную сторону в институте компенсации репутационного вреда, что облегчит объем работы судебной системы Российской Федерации.

К сожалению, авторы не смогли осуществить применение формулы для практического расчета для наглядного примера, в виду отсутствия в каждом подходящем деле в арбитражных судах сведений, необходимые для расчета. Истцы не оценивают и, соответственно, не предоставляют в суд для своей защиты независимую оценку, где могли бы содержаться указанные показатели. Самый распространенный отчет по оценки бизнеса – является Гудвилл, однако ранее в своих исследованиях о репутационном вреде юридического лица [11] авторы отказались от такого доказательства в вопросе определении компенсации на основании того, что данный подход не смог выдержать объективность для расчета компенсации репутационного вреда и включал в свой расчет активы компании в виде движимого и недвижимого имущества, в связи с чем и суды правомерно и справедливо по сей день относятся к такому расчету скептически.

Литература

1. Уголовный кодекс Японии (Закон № 45 от 1907 года) [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://tile.loc.gov/storage-services/service/ll/llglrd/2019670054/ 2019670054
2. Николаев Г., Уровень жизни в Японии. Статья [Электронный ресурс] // Доступ https://bespalov-finance.ru/media/articles/tpost/yei03da8m1-uroven-zhizni-v-yaponii?utm_source=seo&utm_medium=google
3. Гражданский кодекс Республики Армения. Принят Национальным Собранием 5 мая 1998 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.parliament.am/law_docs/050598HO239rus.html?lang=rus
4. Криони М.В., Воронин Д.Б. Объективность компенсации морального вреда в гражданском судопроизводстве. Современная наука: актуальные пролемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2021. №11. С. 171-178. [Электронный ресурс] // https://elibrary.ru/item.asp?id=47465558
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 25.03.2026) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 (ред. от 09.12.2025) "О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц". [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс»: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/
7. Решение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 30.11.2015г. по делу № А07-12906/2015. [Электронный ресурс] // Доступ из картотеки арбитражных дел: https://kad.arbitr.ru/Card/ec25385e-c017-47a2-a520-73b4adeb6694
8. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.02.2016г. по делу № А07-12906/2015. [Электронный ресурс] // Доступ из картотеки арбитражных дел: https://kad.arbitr.ru/Card/ec25385e-c017-47a2-a520-73b4adeb6694
9. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 31.05.2016г. по делу № А07-12906/2015. [Электронный ресурс] // Доступ из картотеки арбитражных дел: https://kad.arbitr.ru/Card/ec25385e-c017-47a2-a520-73b4adeb6694
10. Определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № 309-ЭС16-10730 от 16.12.2016г. по делу № А07-12906/2015. [Электронный ресурс] // Доступ из картотеки арбитражных дел: https://kad.arbitr.ru/Card/ec25385e-c017-47a2-a520-73b4adeb6694
11. Воронин Д.Б., Криони М.В. Репутационный вред юридического лица: стоимость компенсации // Экономика и безопасность. 2025. № 4. С. 224-228. [Электронный ресурс] // https://elibrary.ru/item.asp?id=82520881

Objectivity of compensation for reputational damage to a legal entity in civil proceedings

Krioni M.V., Voronin D.B.

Moscow University named after S.Yu. Witte

This article examines the actual amount of compensation for reputational damage to a legal entity through an analysis of judicial practice recovered based on final arbitration court decisions. It notes the need to establish an algorithm for calculating the amount of reputational damage, taking into account the classification of companies into micro-entities, small businesses, medium-sized businesses, and large businesses. The authors formulate criteria for determining the amount of compensation; identify and substantiate limits on claims to protect the business reputation of a legal entity, both financial and legal; and provide a formula for calculating compensation for reputational damage to a legal entity.

Keywords**:** reputational damage, business reputation, compensation for moral damage, amount of compensation for moral damage, protection of business reputation, legal entities, judicial practice, formula for calculating compensation for reputational damage.

References

1. The Criminal Code of Japan (Act No. 45 of 1907) [Electronic resource] // Access mode: https://tile.loc.gov/storage-services/service/ll/llglrd/2019670054/ 2019670054
2. Nikolaev G., Standard of Living in Japan. Article [Electronic resource] // Access https://bespalov-finance.ru/media/articles/tpost/yei03da8m1-uroven-zhizni-v-yaponii?utm_source=seo&utm_medium=google
3. The Civil Code of the Republic of Armenia. Adopted by the National Assembly on May 5, 1998 // [Electronic resource]. – Access mode: http://www.parliament.am/law_docs/050598HO239rus.html?lang=rus
4. Krioni M.V., Voronin D.B. Objectivity of compensation for moral damage in civil proceedings. Modern science: current problems of theory and practice. Series: Economics and Law. 2021. No. 11. Pp. 171-178. [Electronic resource] // https://elibrary.ru/item.asp?id=47465558
5. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on March 25, 2026) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 24, 2005 No. 3 (as amended on December 9, 2025) "On judicial practice in cases concerning the protection of the honor and dignity of citizens, as well as the business reputation of citizens and legal entities."

[Electronic resource] // Access from the ConsultantPlus legal reference system: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/
7. Decision of the Arbitration Court of the Republic of Bashkortostan of November 30, 2015 in case No. A07-12906/2015. [Electronic resource] // Access from the arbitration case file: https://kad.arbitr.ru/Card/ec25385e-c017-47a2-a520-73b4adeb6694
8. Resolution of the Eighteenth Arbitration Court of Appeal dated February 12, 2016, in case No. A07-12906/2015. [Electronic resource] // Access from the arbitration case file: https://kad.arbitr.ru/Card/ec25385e-c017-47a2-a520-73b4adeb6694
9. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated May 31, 2016, in case No. A07-12906/2015. [Electronic resource] // Access from the arbitration case file: https://kad.arbitr.ru/Card/ec25385e-c017-47a2-a520-73b4adeb6694
10. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation in case No. 309-ES16-10730 dated 16.12.2016 on case No. A07-12906/2015. [Electronic resource] // Access from the arbitration case file: https://kad.arbitr.ru/Card/ec25385e-c017-47a2-a520-73b4adeb6694
11. Voronin D.B., Krioni M.V. Reputational damage to a legal entity: cost of compensation // Economy and Security. 2025. No. 4. P. 224-228. [Electronic resource] // https://elibrary.ru/item.asp?id=82520881

Правовые коллизии при определении момента прекращения режима совместной собственности супругов в условиях фактического распада семьи

Мазка Евгения Юрьевна
Аспирант, Московский университет «Синергия», 89263238806@bk.ru

Рязанцева Екатерина Анатольевна
Кандидат юридических наук, доцент, кафедра правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства, Московский университет «Синергия», ERiazantseva@synergy.ru

Современная демографическая ситуация в Российской Федерации характеризуется устойчивым ростом числа расторжений браков, достигшего в 2024 году соотношения восьми разводов на десять заключённых браков, что порождает значительный массив имущественных споров. Предметом настоящего исследования выступают правовые коллизии, возникающие при определении момента прекращения режима совместной собственности супругов в ситуации фактического распада семьи, когда юридическое расторжение брака не совпадает по времени с прекращением семейных отношений. В работе используются методы формально-юридического анализа норм Семейного кодекса и Гражданского кодекса Российской Федерации, компаративный анализ зарубежного законодательства, систематизация правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации, а также доктринальный анализ научных публикаций ведущих российских цивилистических школ. Проведённый анализ позволил установить наличие существенного разрыва между правовым регулированием имущественных отношений супругов в период фактического распада семьи и реальными потребностями правоприменительной практики, систематизировать основные правовые коллизии, возникающие при применении пункта 4 статьи 38 Семейного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: совместная собственность супругов, фактическое прекращение брачных отношений, раздел имущества, правовая коллизия, раздельное проживание супругов, законный режим имущества, доказывание в семейных спорах, имущественные отношения супругов, судебная практика.

Введение

Имущественные отношения супругов представляют собой одну из наиболее значимых и одновременно наиболее проблемных сфер частноправового регулирования, затрагивающую интересы значительной части населения Российской Федерации[12]. Следует отметить, что по данным Росстата, за 2024 год в Российской Федерации было зарегистрировано около 880 тысяч браков и 644,5 тысячи разводов, что свидетельствует о беспрецедентно высоком уровне распада семей[20]. По данным ВЦИОМ, Россия вышла на третье место в мире по числу разводов[21]. Вместе с тем значительная часть семей переживает состояние фактического распада задолго до юридического оформления расторжения брака, что порождает существенную правовую неопределённость относительно режима имущества, приобретаемого каждым из супругов в период раздельного проживания[22]. Принципиально важным представляется тот факт, что согласно опросу ВЦИОМ за 2024 год, 26% россиян готовы расторгнуть брак, если семья фактически распалась, однако 58% определяют свои действия в зависимости от конкретных обстоятельств[23].

Объектом исследования выступают правоотношения, складывающиеся между супругами и бывшими супругами по поводу определения правового режима имущества, приобретённого в период фактического распада семьи.

Предметом исследования являются нормы семейного и гражданского законодательства Российской Федерации, регулирующие имущественные отношения супругов в период раздельного проживания, правовые позиции судебных инстанций, а также доктринальные подходы к разрешению выявленных коллизий.

Цель исследования состоит в выявлении и систематизации правовых коллизий, возникающих при определении момента прекращения режима совместной собственности супругов в условиях фактического распада семьи, и разработке предложений по их устранению.

Практическая значимость определяется возможностью использования полученных результатов законодательными органами при совершенствовании семейного и гражданского законодательства, а также судами при формировании единообразной практики рассмотрения дел о разделе имущества супругов.

1. Методы и материалы

Методологическую основу исследования формируют фундаментальные положения цивилистической доктрины о правовом режиме имущества супругов, концептуальные подходы к исследованию семейно-правовых коллизий, представленные в трудах П.В. Крашенинникова[12], Е.А. Усачевой[7], а также положения теории имущественных отношений супругов, развиваемые О.А. Поротиковой[11] и Е.А. Суханова[13].

В качестве основных методов исследования применены формально-юридический анализ норм Семейного кодекса Российской Федерации (в редакции от 23.11.2024) и Гражданского кодекса Российской Федерации, компаративный анализ зарубежного законодательства (Германия, Франция) в сфере регулирования имущественных отношений супругов в период раздельного проживания, систематизация правовых позиций Верховного

Суда Российской Федерации, а также доктринальный анализ научных публикаций 2020–2025 годов.

Нормативно-правовой основой послужили Семейный кодекс Российской Федерации[1], Гражданский кодекс Российской Федерации[2], Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.1998 № 15[3], Обзоры судебной практики Верховного Суда Российской Федерации [4;5], а также определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации[6]. Наряду с анализом российского законодательства были привлечены материалы сравнительно-правового характера, в том числе нормы Германского Гражданского Уложения о режиме общности приращений (Zugewinngemeinschaft) и институте раздельного проживания (Trennungsjahr), а также нормы Французского Гражданского кодекса о судебном разделении (séparation de corps)[26; 27; 28].

2. Результаты и обсуждение

Теоретический анализ проблемы определения момента прекращения режима совместной собственности супругов неразрывно связан с осмыслением правовой природы законного режима имущества супругов. Статья 33 Семейного кодекса РФ устанавливает режим совместной собственности как законный режим имущества супругов при отсутствии брачного договора[1]. Имущество, нажитое в браке, признаётся совместным независимо от того, на чьё имя оно приобретено (ст. 34 СК РФ, ст. 256 ГК РФ)[2]. Данный режим основан на презумпции общности интересов, доверительности и согласованности действий супругов[11]. О.А. Поротикова указывает на необходимость запрета продления режима совместной собственности после расторжения брака, поскольку утрата доверительности лишает смысла презумпцию согласия на сделку[11]. Эта аргументация распространима и на ситуации фактического прекращения семейных отношений при формальном сохранении брака, особенно когда один из супругов приобретает активы за счёт собственных средств, не связанных с ведением совместного хозяйства.

Ключевое значение имеет пункт 4 статьи 38 СК РФ, позволяющий суду признать имущество, нажитое в период раздельного проживания при прекращении семейных отношений, собственностью каждого из супругов[1]. Как отмечает Е.А. Усачева, в законодательстве отсутствует понятие «фактическое прекращение брачных отношений», а его правовое значение остаётся вне правотворческого внимания[7]. Автор фиксирует формирование устойчивой позиции Верховного Суда о компенсаторных правах супругов и переходе к гражданско-правовому регулированию при утрате доверительности — «девальвацию семейно-правового регулирования»[9]. Конструкция «суд может признать» означает право, а не обязанность суда[10], что создаёт правовую неопределённость. При этом норма содержит два кумулятивных условия: раздельное проживание и прекращение семейных отношений[1]. Верховный Суд в п. 16 Постановления Пленума от 05.11.1998 № 15 указал, что раздел производится лишь в отношении имущества, являвшегося совместным ко времени прекращения ведения общего хозяйства[3].

Систематизация правовых коллизий, выявленных в ходе исследования, представлена в таблице 1.

Данные таблицы 1 свидетельствуют о системном характере выявленных правовых коллизий, охватывающих нормативный, процессуальный и правоприменительный уровни регулирования.

Расхождение между формально-юридическим и фактическим прекращением брака является центральной проблемой рассматриваемой сферы. В соответствии со статьёй 25 Семейного кодекса, момент прекращения брака привязан к административному или судебному акту[1]. Вместе с тем реальная динамика семейных отношений свидетельствует о том, что период между фактическим распадом семьи и юридическим оформлением развода может составлять от нескольких месяцев до нескольких лет[24].

Таблица 1.
Классификация правовых коллизий при определении момента прекращения режима совместной собственности супругов

Группа коллизий	Содержание коллизии	Нормативная основа
Коллизия между формальным и фактическим прекращением брака	Режим совместной собственности формально действует до регистрации расторжения брака, тогда как фактически семейные отношения могут быть прекращены значительно ранее	Ст. 25, 34, 38 (п. 4) СК РФ
Коллизия диспозитивности судебного усмотрения	Суд «может», но не обязан признать имущество раздельной собственностью	Ст. 38 (п. 4) СК РФ
Коллизия доказывания	Отсутствие законодательных критериев прекращения семейных отношений возлагает на стороны непропорциональное бремя доказывания	Ст. 38 (п. 4) СК РФ, ст. 56 ГПК РФ
Коллизия гражданско-правового и семейно-правового регулирования	После фактического прекращения семейных отношений правила о согласии супруга на распоряжение имуществом утрачивают основание, но формально продолжают действовать	Ст. 35 СК РФ, ст. 253 ГК РФ
Коллизия защиты прав третьих лиц	Добросовестные приобретатели не могут проверить факт прекращения семейных отношений, не зафиксированный в реестре	Ст. 35 СК РФ, ст. 302 ГК РФ

Источник: составлено автором на основе анализа материалов [1; 7; 11].

Существенное значение приобретает проблема доказывания. В.А. Шульгина справедливо отмечает, что судебный процесс по установлению момента фактического прекращения брака является «довольно непредсказуемым»[10]. Верховный Суд в ряде определений выделил обстоятельства, свидетельствующие о прекращении семейных отношений. Первое из указанных обстоятельств связано с раздельным проживанием супругов, подтверждаемым выписками из домовой книги и свидетельскими показаниями. Второе обстоятельство состоит в прекращении ведения совместного хозяйства. Третье заключается в прекращении личных супружеских отношений[25]. Авторская модель взаимосвязи основных факторов, определяющих возникновение правовых коллизий, представлена на рисунке 1.

Представленная на рисунке 1 модель демонстрирует каскадный характер формирования правовых коллизий, при котором фактический распад семьи запускает цепочку юридически значимых последствий, не получающих адекватного отражения в действующем законодательстве.

Равным образом существенным является сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта. Германское гражданское уложение предусматривает институт обязательного раздельного проживания супругов (Trennungsjahr) продолжительностью не менее одного года как необходимую предпосылку для расторжения брака[26]. Законодательство Германии устанавливает чёткое правовое содержание раздельного проживания, понимая под ним раздельное ведение домашнего хозяйства, финансовую автономию каждого из супругов и территориальную обособленность[27]. Принципиально важным представляется то обстоятельство, что в германском праве период раздельного проживания является формализованным юридическим фактом, начало которого фиксируется и может быть подтверждено документально, что существенно упрощает определение правового режима имущества, приобретённого в данный период. В развитие

данного положения следует подчеркнуть, что законный режим имущества супругов в Германии (Zugewinngemeinschaft — режим общности приращений) предполагает, что каждый из супругов сохраняет самостоятельное право собственности, а при расторжении брака производится выравнивание приращений[28]. Подобная конструкция в значительной мере снимает проблему определения момента прекращения режима совместной собственности, поскольку каждый из супругов с самого начала является самостоятельным собственником приобретённого имущества. Французский Гражданский кодекс предусматривает возможность судебного разделения (séparation de corps), при котором брак формально сохраняется, но супруги освобождаются от обязанности совместного проживания, и имущественный режим трансформируется в режим раздельной собственности. Подобный подход позволяет чётко зафиксировать момент изменения правового режима имущества супругов, что является существенным преимуществом по сравнению с российской моделью. Сравнительный анализ представлен в таблице 2.

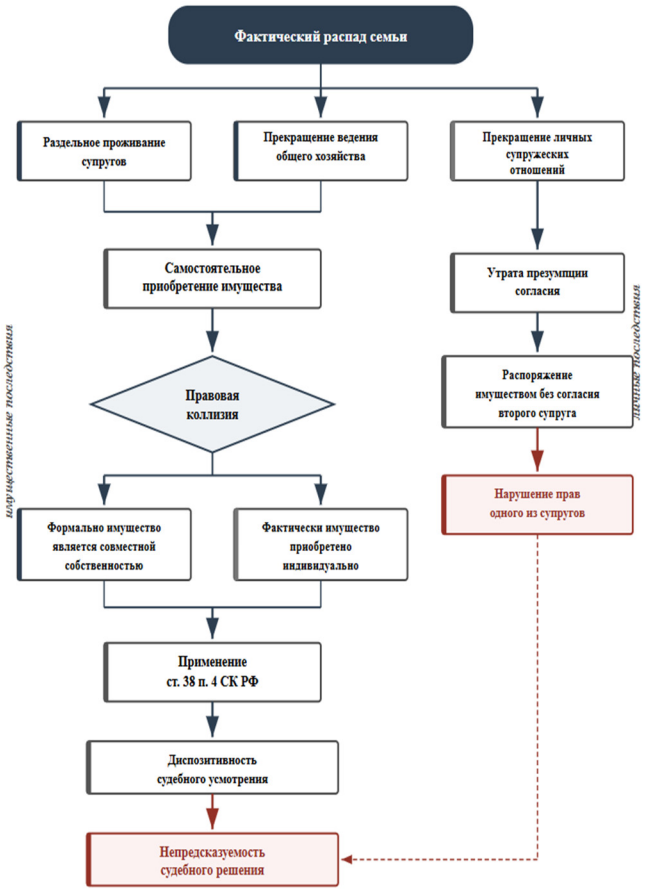

Рисунок 1. Авторская модель каскадного формирования правовых коллизий при фактическом распаде семьи [1; 7; 11].

Таблица 2.
Сравнительный анализ правового регулирования имущественных отношений супругов в период раздельного проживания

Критерий сравнения	Российская Федерация	Германия	Франция
Формализация раздельного проживания	Отсутствует	Обязательный институт Trennungsjahr (минимум 1 год)	Судебное разделение (séparation de corps)
Критерии прекращения семейных отношений	Не определены законодательно	Законодательно закреплены	Определяются судебным решением
Влияние раздельного проживания на режим имущества	Диспозитивное (суд «может» признать раздельной собственностью)	Императивное (выравнивание приращений на дату раздельного проживания)	Императивное (переход к режиму раздельной собственности)
Бремя доказывания	Возлагается на сторону, заявляющую о раздельном проживании	Формализовано	Формализовано (судебное решение)

Источник: составлено автором на основе анализа материалов [1; 26; 27; 28].

Данные таблицы 2 демонстрируют, что российская модель существенно уступает германской и французской по степени формализации и определённости правовых последствий.

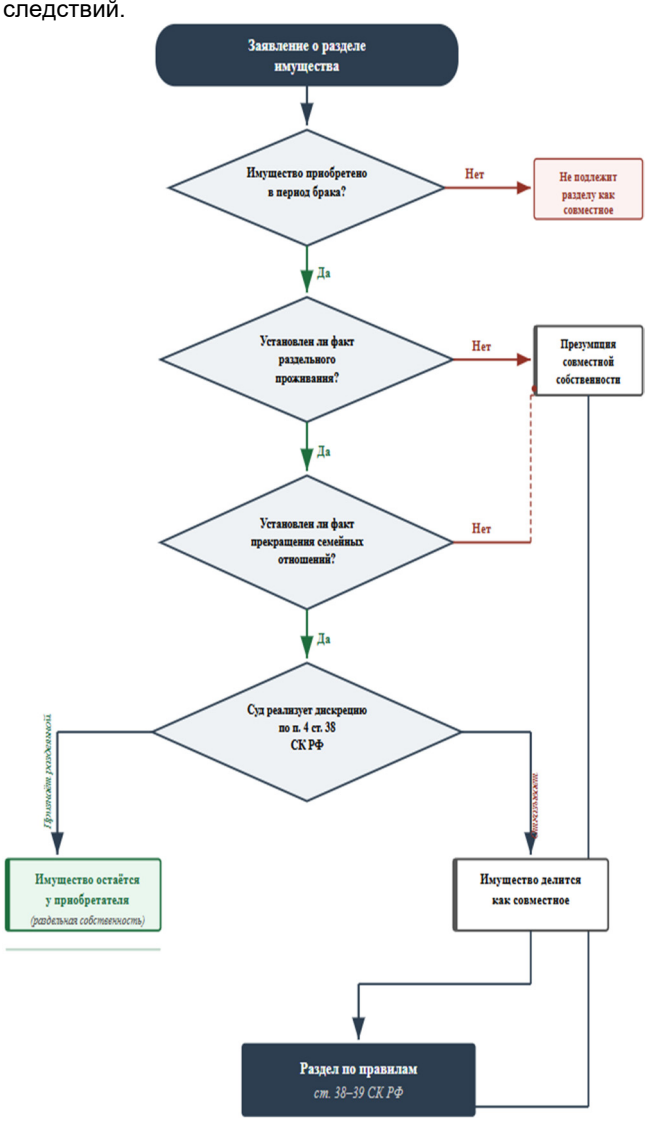

Рисунок 2. Алгоритм определения правового режима имущества, приобретённого в период фактического распада семьи [1; 3; 10]

Наряду с анализом нормативных коллизий существенное значение приобретает исследование правового статуса общего имущества после прекращения брака. Режим совместной собственности формально сохраняется до момента раздела имущества, что создаёт парадоксальную ситуацию, при которой бывшие супруги являются совладельцами на условиях, предполагающих доверительность отношений, фактически утраченную[29]. Обзор судебной практики Верховного Суда № 1 (2020) подтвердил, что фактическое перечисление денежных средств на счёт одного из супругов после расторжения брака не изменяет режим общего имущества[4].

Л.А. Емелина и С.А. Яворский обращают внимание на проблему презумпции общности долгов при разделе имущества[15]. Алгоритм определения правового режима имущества, приобретённого в период фактического распада семьи, представлен на рисунке 2.

Представленный на рисунке 2 алгоритм иллюстрирует многоступенчатый характер правовой оценки и наглядно демонстрирует точку возникновения ключевой коллизии, связанной с дискрецией суда.

Определение Верховного Суда от 16 июля 2024 года № 57-КГ24-1-К1 указало, что супруг, чьим общим имуществом распорядились без его согласия, вправе требовать учёта его стоимости при разделе[6].

Коллизия между семейно-правовым и гражданско-правовым регулированием проявляется особенно отчётливо. Как отмечает Р.А. Сакулин, судебные акты формируют правоположения, восполняющие пробелы законодательства[16]. Статья 35 СК РФ требует нотариального согласия супруга на сделки с недвижимостью[1], однако после прекращения брака имущественные отношения подчиняются гражданскому законодательству, не предусматривающему такой обязанности[29], что создаёт риски для добросовестного супруга. С.Ж. Соловых и З.И. Цыбуленко указывают на возникновение «корпоративно-семейных споров», где отсутствие нотариального согласия супруга используется для оспаривания корпоративных сделок, дестабилизируя гражданский оборот[17]. Эта проблема обостряется при фактическом распаде семьи, когда один из супругов злоупотребляет формальным сохранением режима совместной собственности.

Е.А. Усачева демонстрирует, что установление факта прекращения семейных отношений в одном деле может иметь преюдициальное значение для последующих споров[8], однако это не решает проблемы отсутствия законодательных критериев определения момента прекращения отношений. Дополнительную неопределённость создаёт п. 7 ст. 38 СК РФ о трёхлетнем сроке исковой давности, исчисляемом с момента, когда супруг узнал о нарушении права. Т.И. Нестерова подчёркивает, что Конституционный Суд оставил открытым вопрос своевременности действий супруга по оформлению имущества после расторжения брака. М.В. Ульянова анализирует позицию Верховного Суда, подтвердившего, что изменение режима общего имущества возможно лишь на основании брачного договора, соглашения о разделе или судебного решения, но не фактического прекращения отношений[14].

Л.А. Емелина и С.А. Яворский обосновывают переход от презумпции равенства к механизму долевой трансформации[15]. Е.Ю. Горская указывает на необходимость пересмотра оснований возникновения и прекращения совместной собственности[18]. С.Ю. Чашкова подчёркивает особую сложность споров о жилых помещениях при фактическом распаде семьи[19]. Т.В. Записная и С.Н. Загадаева обосновывают формирование самостоятельного правового института фактического прекращения брачных отношений[30]. Исследователи подчёркивают, что добросовестный супруг обязан доказывать семейственное происхождение имущества, а суды вынуждены заниматься нормотворчеством[30]. По данным Росстата, в 2024 году зарегистрировано около 644 тысяч разводов[20], при снижении числа браков на 7% и разводов на 6% по сравнению с 2023 годом. С 1 января 2025 года госпошлина за расторжение брака увеличена с 650 до 5000 рублей, что может увеличить период фактического распада без юридического оформления[22]. По данным ВЦИОМ, часть разводов связана с манипулированием семейным статусом для получения социальной поддержки[21].

На основании анализа предлагается три направления совершенствования.

1. Законодательное закрепление понятия «фактическое прекращение брачных отношений» в СК РФ с критериями его установления (раздельное проживание, прекращение совместного хозяйства, раздельный бюджет, прекращение личных отношений).
2. Трансформация диспозитивной нормы п. 4 ст. 38 СК РФ в императивную, признающую имущество, приобретённое в период раздельного проживания, собственностью каждого из супругов.
3. Введение по аналогии с германским Trennungsjahr формализованной фиксации раздельного проживания через нотариальное удостоверение или регистрацию в ЗАГС для определения момента изменения правового режима имущества.

Выводы

Систематизация доктринальных подходов и судебной практики показала, что в российской цивилистике сложилось устойчивое признание юридической значимости фактического прекращения семейных отношений для определения режима имущества супругов, однако адекватное законодательное закрепление данного института отсутствует. Работы Е.А. Усачевой, В.А. Шульгиной, О.А. Поротиковой, Л.А. Емелиной и С.А. Яворского подтверждают, что фактическое прекращение брака является самостоятельным юридическим фактом с существенными правовыми последствиями, но остаётся вне системного регулирования, что порождает правовую неопределённость и неоднородность судебной практики.

Выявлены пять основных групп правовых коллизий: между формальным и фактическим прекращением брака, в сфере судебного усмотрения, доказывания, межотраслевого регулирования и защиты прав третьих лиц. Их системный характер свидетельствует о необходимости реформирования правового регулирования имущественных отношений супругов в период фактического распада семьи.

На основе сравнительно-правового анализа зарубежного опыта (Германия, Франция) предложено законодательно закрепить понятие «фактическое прекращение брачных отношений» с критериями его установления, трансформировать диспозитивную норму п. 4 ст. 38 СК РФ в императивную и ввести институт формализованной фиксации раздельного проживания по аналогии с германским «Trennungsjahr». Реализация этих мер позволит устранить выявленные коллизии и обеспечить единообразие судебной практики без радикального пересмотра основ семейного законодательства.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 05.11.1998 № 15 (ред. от 06.02.2007) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 1999. — № 1.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2020. — № 10.

5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2024. — № 8.

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Рос. Федерации от 16.07.2024 № 57-КГ24-1-К1 // СПС «ГАРАНТ».

7. Усачева, Е. А. Правовые последствия фактического прекращения брачных отношений для имущественных отношений супругов / Е. А. Усачева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – № 4. – С. 91-111. – DOI 10.17323/2072-8166.2022.4.91.111. – EDN RGKRHB.

8. Усачева, Е. А. Использование преюдиции при определении момента фактического прекращения брачных отношений по спорам о разделе имущества супругов / Е. А. Усачева // Legal Bulletin. – 2022. – Т. 7, № 1. – С. 72-84. – EDN KYDTER.

9. Усачева, Е. А. Квалификация и правовые последствия гражданско-правовых сделок, заключаемых между супругами по поводу общей совместной собственности / Е. А. Усачева // Legal Bulletin. – 2025. – Т. 10, № 1. – С. 16-26. – DOI 10.5281/zenodo.15280942. – EDN WIBDIF.

10. Шульгина, В. А. Доказательства и доказывание в гражданском процессе по определению момента фактического прекращения брака: практические аспекты / В. А. Шульгина // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 23. – С. 527-534. – EDN FWNIJL.

11. Поротикова, О. А. Проблемы соотношения режимов общей долевой и общей совместной собственности супругов по законодательству РФ / О. А. Поротикова // Семейное и жилищное право. – 2020. – № 3. – С. 13-15. – DOI 10.18572/1999-477X-2020-3-13-15. – EDN QMDSPC.

12. Крашенинников, П. В. Взаимосвязь частноправовых отраслей законодательства (гражданское, семейное, жилищное и земельное) / П. В. Крашенинников // Закон. – 2017. – № 2. – С. 90-100. – EDN YJVSED.

13. Суханов, Е. А. Вещное право : Научно-познавательный очерк / Е. А. Суханов. – Москва : Статут, 2017. – 560 с. – ISBN 978-5-8354-1320-1. – EDN ZUYAUP.

14. Ульянова, М. В. Принцип равенства прав супругов и основания для отступления при разделе имущества супругов / М. В. Ульянова // Правосудие. – 2023. – Т. 5, № 4. – С. 59-75. – DOI 10.37399/2686-9241.2023.4.59-75. – EDN GDQZIM.

15. Емелина, Л. А. Правовые коллизии режимов собственности супругов: от презумпции равенства к долевой трансформации / Л. А. Емелина, С. А. Яворский // Арбитражный и гражданский процесс. – 2025. – № 9. – С. 14-18. – DOI 10.18572/1812-383X-2025-9-14-18. – EDN EIBSYP.

16. Сакулин, Р. А. Регулятивное воздействие индивидуально-правовых актов судов общей юрисдикции Российской Федерации на имущественные отношения супругов / Р. А. Сакулин // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17, № 10(143). – С. 148-157. – DOI 10.17803/1994-1471.2022.143.10.148-157. – EDN TRFQEM.

17. Соловых, С. Ж. Корпоративно-семейные споры: понятие, основания возникновения и компетенция судов / С. Ж. Соловых, З. И. Цыбуленко // Гражданское право. – 2024. – № 6. – С. 26-30. – DOI 10.18572/2070-2140-2024-6-26-30. – EDN IFNRFI.

18. Горская, Е. Ю. Вопросы, требующие актуализации и единообразия в сфере имущественных правоотношений супругов / Е. Ю. Горская // Семейное и жилищное право. – 2023. – № 5. – С. 14-16. – DOI 10.18572/1999-477X-2023-5-14-16. – EDN KXAPLR.

19. Чашкова, С. Ю. Жилое помещение как объект сделок, регулирующих имущественные отношения супругов, в свете изменений жилищного законодательства / С. Ю. Чашкова // Закон. – 2023. – № 3. – С. 41-50. – DOI 10.37239/0869-4400-2023-20-3-41-50. – EDN HTXXCF.

20. Естественное движение населения в Российской Федерации за 2024 год[Электронный ресурс] // Росстат. — Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/242508 (дата обращения: 28.03.2026).

21. Россия оказалась на третьем месте в мире по разводам [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. — 2024. — Режим доступа: https://snob.ru/news/vtsiom-rossiia-okazalas-na-tretem-meste-v-mire-po-razvodam/ (дата обращения: 28.03.2026).

22. 8 из 10 союзов распадаются: главное о браках и разводах в России [Электронный ресурс] // РБК Тренды. — 2025. — Режим доступа: https://trends.rbc.ru/trends/social/67eb9ba99a7947165b574ab9 (дата обращения: 28.03.2026).

23. Статистика разводов в России: как, почему и когда россияне прекращают браки [Электронный ресурс] // Журнал Совкомбанка. — 2025. — Режим доступа: https://journal.sovcombank.ru/zhizn/razvodi-v-rossii-statistika-tendentsii-i-osnovnie-prichini (дата обращения: 28.03.2026).

24. Фактическое прекращение брачных отношений [Электронный ресурс] // ЛКП Консалт. — Режим доступа: https://lkpconsult.ru/blog/stati/3403/ (дата обращения: 28.03.2026).

25. Доказывание фактического прекращения брака [Электронный ресурс] // ЛКП Консалт. — Режим доступа: https://lkpconsult.ru/blog/stati/3407/ (дата обращения: 28.03.2026).

26. Развод в Германии [Электронный ресурс] // Handbook Germany. — Режим доступа: https://handbookgermany.de/ru/divorce (дата обращения: 28.03.2026).

27. Семейное право в Германии[Электронный ресурс] // Адвокат Науманн. — Режим доступа: https://www.advokat-naumann.de/russisch/семейное-право/ (дата обращения: 28.03.2026).

28. Правовой режим имущества супругов в Германии, Франции и Великобритании [Электронный ресурс] // Молодой учёный. — Режим доступа: https://moluch.ru/archive/427/94409/ (дата обращения: 28.03.2026).

29. О правовом статусе общего имущества супругов после прекращения брака[Электронный ресурс] // Областная газета. — 2024. — Режим доступа: https://oblgazeta.ru/expert-comments/2024/05/50208/ (дата обращения: 28.03.2026).

30. Записная, Т. В. Раздел имущества после фактического прекращения семейных отношений / Т. В. Записная, С. Н. Загадаева // Российское государство и право: история и современность : Сборник статей преподавателей и студентов направления подготовки «Юриспруденция», Новочеркасск, 15 мая 2019 года. – Новочеркасск: Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, 2019. – С. 121-125. – EDN LELZNM.

Legal Conflicts in Determining the Termination of Marital Property in the Event of De facto Family Dissolution

Mazka E.Yu., Ryazantseva E.A.
Moscow University «Synergy»

The current demographic situation in the Russian Federation is characterized by a steady increase in the number of divorces, reaching a ratio of eight divorces for every ten marriages in 2024, giving rise to a significant number of property disputes. This study examines the legal conflicts that arise when determining the termination of marital property in the event of de facto family dissolution, when the legal dissolution of the marriage does not coincide with the termination of the family relationship. This study utilizes methods of formal legal analysis of the provisions of the Family Code and the Civil Code of the Russian Federation, a comparative analysis of foreign legislation, a systematization of the legal positions of the Supreme Court of

the Russian Federation, and a doctrinal analysis of scholarly publications from leading Russian civil law schools. The analysis revealed a significant gap between the legal regulation of marital property relations during the de facto dissolution of a family and the actual needs of law enforcement practice. It also systematized the main legal conflicts arising in the application of Article 38, Section 4, of the Family Code of the Russian Federation.

Keywords: joint property of spouses, de facto dissolution of a marital relationship, division of property, legal conflict, separation of spouses, legal property regime, proof in family disputes, marital property relations, judicial practice.

References

1. Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 No. 223-FZ (as amended on 23.11.2024, as amended on 30.10.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 1996. — No. 1. — Art. 16.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 24.07.2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 1994. — No. 32. — Art. 3301.
3. On the application of legislation by courts when considering divorce cases: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. Federation of 05.11.1998 No. 15 (as amended on 06.02.2007) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 1999. — No. 1.
4. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2020): approved. by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 10.06.2020 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2020. — No. 10.
5. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2024): approved. by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 29.05.2024 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2024. — No. 8.
6. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation. Federation of July 16, 2024, No. 57-KG24-1-K1 // SPS "GARANTEE".
7. Usacheva, E. A. Legal consequences of the actual termination of marital relations for the property relations of spouses / E. A. Usacheva // Law. Journal of the Higher School of Economics. - 2022. - No. 4. - Pp. 91-111. - DOI 10.17323/2072-8166.2022.4.91.111. - EDN RGKRHB.
8. Usacheva, E. A. Use of prejudice in determining the moment of actual termination of marital relations in disputes over the division of property of spouses / E. A. Usacheva // Legal Bulletin. - 2022. - Vol. 7, No. 1. - Pp. 72-84. – EDN KYDTER.
9. Usacheva, E. A. Qualification and legal consequences of civil transactions concluded between spouses regarding common joint property / E. A. Usacheva // Legal Bulletin. - 2025. - Vol. 10, No. 1. - Pp. 16-26. - DOI 10.5281/zenodo.15280942. - EDN WIBDIF.
10. Shulgina, V. A. Evidence and proof in civil proceedings to determine the moment of actual termination of marriage: practical aspects / V. A. Shulgina // Issues of Russian Justice. - 2023. - No. 23. - Pp. 527-534. - EDN FWNIJL.
11. Porotikova, O. A. Problems of the relationship between the regimes of common shared and common joint property of spouses under the legislation of the Russian Federation / O. A. Porotikova // Family and housing law. - 2020. - No. 3. - Pp. 13-15. - DOI 10.18572/1999-477X-2020-3-13-15. - EDN QMDSPC.
12. Krasheninnikov, P. V. The relationship of private law branches of legislation (civil, family, housing and land) / P. V. Krasheninnikov // Law. - 2017. - No. 2. - Pp. 90-100. - EDN YJVSED.
13. Sukhanov, E. A. Property law: Scientific and educational essay / E. A. Sukhanov. – Moscow : Statut, 2017. – 560 p. – ISBN 978-5-8354-1320-1. – EDN ZUYAUP.
14. Ulyanova, M. V. The Principle of Equal Rights of Spouses and Grounds for Derogation in the Division of Spousal Property / M. V. Ulyanova // Justice. – 2023. – Vol. 5, No. 4. – Pp. 59-75. – DOI 10.37399/2686-9241.2023.4.59-75. – EDN GDQZIM.
15. Emelina, L. A. Legal Conflicts of Spousal Property Regimes: From the Presumption of Equality to Share Transformation / L. A. Emelina, S. A. Yavorsky // Arbitration and Civil Procedure. – 2025. – No. 9. – P. 14-18. – DOI 10.18572/1812-383X-2025-9-14-18. – EDN EIBSYP.
16. Sakulin, R. A. Regulatory impact of individual legal acts of courts of general jurisdiction of the Russian Federation on the property relations of spouses / R. A. Sakulin // Actual problems of Russian law. – 2022. – Vol. 17, No. 10(143). – P. 148-157. – DOI 10.17803/1994-1471.2022.143.10.148-157. – EDN TRFQEM.
17. Solovykh, S. Zh. Corporate-family disputes: concept, grounds for occurrence and competence of the courts / S. Zh. Solovykh, Z. I. Tsybulenko // Civil law. - 2024. - No. 6. - Pp. 26-30. - DOI 10.18572/2070-2140-2024-6-26-30. - EDN IFNRFI.
18. Gorskaya, E. Yu. Issues requiring updating and uniformity in the sphere of property relations of spouses / E. Yu. Gorskaya // Family and housing law. - 2023. - No. 5. - Pp. 14-16. - DOI 10.18572/1999-477X-2023-5-14-16. - EDN KXAPLR.
19. Chashkova, S. Yu. Residential premises as an object of transactions regulating the property relations of spouses, in light of changes in housing legislation / S. Yu. Chashkova // Law. - 2023. - No. 3. - Pp. 41-50. - DOI 10.37239/0869-4400-2023-20-3-41-50. - EDN HTXXCF.
20. Natural population change in the Russian Federation for 2024 [Electronic resource] // Rosstat. - Access mode: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/242508 (date of access: 03/28/2026).
21. Russia ranked third in the world in divorces [Electronic resource] // VTsIOM. — 2024. — Available at: https://snob.ru/news/vtsiom-rossiia-okazalas-na-tretem-meste-v-mire-po-razvodam/ (Accessed: March 28, 2026).
22. 8 out of 10 unions break up: the main things about marriages and divorces in Russia [Electronic resource] // RBC Trends. — 2025. — Available at: https://trends.rbc.ru/trends/social/67eb9ba99a7947165b574ab9 (Accessed: March 28, 2026).
23. Divorce statistics in Russia: how, why, and when Russians end their marriages [Electronic resource] [c] // Sovcombank Journal. — 2025. — Access mode: https://journal.sovcombank.ru/zhizn/razvodi-v-rossii-statistika-tendentsii-i-osnovnie-prichini (accessed: March 28, 2026).
24. Actual Termination of Marital Relations [Electronic resource] // LKP Consult. — Access mode: https://lkpconsult.ru/blog/stati/3403/ (accessed: March 28, 2026).
25. Proving the Actual Termination of Marriage [Electronic resource] // LKP Consult. — Access mode: https://lkpconsult.ru/blog/stati/3407/ (accessed: March 28, 2026).
26. Divorce in Germany [Electronic resource] // Handbook Germany. — Access mode: https://handbookgermany.de/ru/divorce (date of access: 28.03.2026).
27. Family law in Germany [Electronic resource] // Advocate Naumann. — Access mode: https://www.advokat-naumann.de/russisch/семейное-право/ (date of access: 28.03.2026).
28. Legal regime of property of spouses in Germany, France and Great Britain [Electronic resource] // Young scientist. — Access mode: https://moluch.ru/archive/427/94409/ (date of access: 28.03.2026).
29. On the legal status of common property of spouses after the dissolution of marriage [Electronic resource] // Regional newspaper. — 2024. — Available at: https://oblgazeta.ru/expert-comments/2024/05/50208/ (Accessed: 28.03.2026).
30. Zapisnaya, T. V. Division of property after the actual termination of family relations / T. V. Zapisnaya, S. N. Zagadayeva // Russian state and law: history and modernity: Collection of articles by teachers and students majoring in Jurisprudence, Novocherkassk, May 15, 2019. – Novocherkassk: South-Russian State Polytechnical University (NPI) named after M.I. Platov, 2019. – Pp. 121-125. – EDN LELZNM.

Перспективы публично-правового регулирования цифровой информации

Азамов Владимир Александрович
аспирант, Московский финансово-юридический университет, abtf10@mail.ru

В статье рассматривается стремительный рост объёма и значения цифровой информации в публичной сфере, и недостаточная готовность существующих публично-правовых механизмов адекватно реагировать на связанные с этим риски и вызовы. Особое внимание уделяется анализу пробелов в законодательстве, регулирующем доступ к информации, защиту персональных данных и противодействие дезинформации, а также необходимости разработки новых подходов к обеспечению прозрачности и подотчетности в условиях цифровой трансформации.
В работе применены методы сравнительно-правового анализа, нормативно-правовой интерпретации и институционального анализа. Рассматриваются ключевые вопросы: правовой статус цифровой информации, критерии её охраны и использования государственными органами, баланс между публичными интересами и правами личности (конфиденциальность, доступ к информации), механизмы ответственности и контроля, а также проблемы трансграничного характера и технической реализации регулирования (стандарты, идентификация, безопасность).
Полученные результаты показывают наличие фрагментарного регулирования, рост роли отраслевых и технических стандартов, а также тренды на цифровой суверенитет, межгосударственную гармонизацию и применение инструментов «регуляторной гибкости» (песочницы, пилоты). В заключении предложены направления развития: разработка комплексной публично-правовой концепции цифровой информации, усиление механизмов прозрачности и подотчётности, создание межведомственных и международных платформ сотрудничества и внедрение технологически нейтральных правовых норм.
Ключевые слова: цифровая информация, цифровая грамотность, информационная безопасность, информационные ресурсы, государственное регулирование

Цифровая информация стала неотъемлемой частью нашей жизни, пронизывая все сферы – от личной переписки до государственных баз данных. Ее объем, скорость распространения и трансграничный характер создают беспрецедентные вызовы для традиционных систем публично-правового регулирования.

В то же время, цифровая информация открывает новые возможности для повышения эффективности государственного управления, обеспечения прозрачности и защиты прав граждан [5, с. 277]. Понимание этих перспектив является ключом к формированию адекватной и эффективной правовой базы.

Вызовы, стоящие перед публично-правовым регулированием:

1. Скорость и динамичность развития технологий, цифровые технологии развиваются экспоненциально, опережая темпы законодательного процесса. Это приводит к постоянному отставанию правовых норм от реалий, создавая неопределенность.

2. Трансграничный характер цифровой информации, так как информация легко пересекает государственные границы, что затрудняет применение национального законодательства и требует выработки международных стандартов и механизмов сотрудничества. Вопросы юрисдикции, применимого права и исполнения решений становятся особенно острыми.

3. Анонимность и псевдоанонимность, то есть возможность скрывать свою личность в цифровом пространстве создает проблемы для привлечения к ответственности за правонарушения, а также для обеспечения прозрачности и подотчетности.

4. Сложность определения правового статуса цифровой информации, поскольку необходимо определить является ли цифровая информация товаром, услугой, объектом интеллектуальной собственности или чем-то иным. Отсутствие четкого определения затрудняет ее регулирование в различных сферах.

5. Баланс между защитой прав и свобод и обеспечением безопасности. Государство стремится защитить граждан от киберпреступности, терроризма и дезинформации, но при этом должно гарантировать право на неприкосновенность частной жизни, свободу слова и доступ к информации. Нахождение этого баланса – одна из сложнейших задач.

6. Технологическая нейтральность и гибкость регулирования. Здесь необходимо отметить, что законодательство должно быть достаточно гибким, чтобы адаптироваться к новым технологиям, не привязываясь к конкретным техническим решениям. При этом оно должно быть достаточно конкретным, чтобы обеспечивать правовую определенность.

Несмотря на вызовы, существуют четкие перспективы для развития публично-правового регулирования цифровой информации, направленные на создание более безопасного, справедливого и эффективного цифрового пространства. К таким перспективам авторы (Захарцев С.И., Сальников В.П.) относят развитие комплексного законодательства о цифровой информации:

- единые принципы и определения, то есть создание унифицированных определений и принципов, применимых ко всем видам цифровой информации, независимо от ее формы и содержания;

- классификация цифровой информации – это разработка четкой классификации цифровой информации по ее правовому статусу (персональные данные, государственная тайна, общедоступная информация, коммерческая тайна и т.д.) с соответствующими режимами регулирования;

- регулирование жизненного цикла информации, сюда относится охват всех этапов жизненного цикла цифровой информации – от ее создания и сбора до хранения, обработки, передачи и уничтожения;

- расширение прав субъектов данных, т.е. предоставление гражданам большего контроля над их персональными данными, включая право на доступ, исправление, удаление и переносимость данных;

- ужесточение требований к операторам данных. Введение более строгих требований к сбору, хранению и обработке персональных данных, включая принципы минимизации данных, целевого использования и прозрачности;

- развитие механизмов принуждения, то есть усиление полномочий надзорных органов и повышение эффективности механизмов привлечения к ответственности за нарушения в сфере защиты персональных данных [3, с. 113].

Однако, на пути к этой цели лежит множество препятствий. Сложность технологических процессов, динамичность развития цифровых платформ и постоянное появление новых форм взаимодействия требуют от законодателя не только глубоких знаний, но и способности к предвидению [8, с.26]. Нельзя забывать и о глобальном характере цифрового пространства, где национальные границы теряют свою прежнюю значимость, а правовые системы разных стран сталкиваются с необходимостью гармонизации. Все это диктует потребность в постоянном диалоге между юристами, технологами, экономистами и представителями гражданского общества, чтобы совместно выработать решения, способные обеспечить баланс между инновациями и безопасностью, свободой и ответственностью.

Рыбаков О.Ю. отмечает, что перспективы для развития публично-правового регулирования цифровой информации включают в себя разработку гибких законодательных рамок, способных адаптироваться к стремительным технологическим изменениям, а также усиление международного сотрудничества для выработки единых стандартов и подходов к трансграничному обороту данных [7, с. 78].

«Важным направлением станет формирование механизмов защиты прав граждан в цифровой среде, включая право на забвение, конфиденциальность и защиту от дискриминации, обусловленной алгоритмическими решениями», - указывает Дьячкова О. Н. [2, с. 450].

Кроме того, акцент будет сделан на стимулировании инноваций при одновременном обеспечении подотчетности цифровых платформ и операторов данных, что потребует создания прозрачных процедур аудита и контроля за их деятельностью.

Ефимичев С.П. полагает, что это также подразумевает развитие цифровой грамотности населения и повышение осведомленности о рисках и возможностях, связанных с использованием цифровых технологий, что потребует инвестиций в образовательные программы и информационные кампании [4, с. 120].

Осмоловская С.М. акцентирует внимание на вопросах кибербезопасности, включая разработку и внедрение передовых технологий защиты данных и инфраструктуры, а также создание эффективных систем реагирования на кибератаки, подчеркивая важность комплексного подхода к обеспечению цифровой безопасности и необходимость постоянного совершенствования стратегий противодействия новым угрозам в киберпространстве [6, с. 48].

Наконец, «необходимо будет обеспечить баланс между государственным регулированием и саморегулированием отрасли, поощряя разработку этических кодексов и стандартов поведения для участников цифрового рынка, что позволит создать динамичную и ответственную цифровую экономику» [1].

Итак, публично-правовое регулирование цифровой информации находится на переломном этапе. Вызовы, связанные с быстрым развитием технологий, трансграничным характером информации и необходимостью балансирования различных интересов, требуют инновационных и гибких подходов. Перспективы развития этого регулирования связаны с созданием комплексной, технологически нейтральной и международно-скоординированной правовой базы, которая будет способна эффективно защищать права и свободы граждан, обеспечивать безопасность и способствовать развитию цифровой экономики. Успех в этом направлении будет зависеть от готовности государств к постоянному диалогу, сотрудничеству и адаптации к меняющимся реалиям цифрового мира.

Литература

1. Азамов В.А. Информационная безопасность и правовое регулирование / В.А. Азамов // Инновационные подходы в современной науке: сб. ст. по материалам CCIX Международной научно-практической конференции «Инновационные подходы в современной науке». – № 5 (209). – М., Изд. «Интернаука», 2026.

2. Дьячкова О. Н. Правовая культура как феномен современности // Науки о культуре в XXI веке: сб. материалов ежегодного семинара молодых ученых. М.: РИК, 2007. Т. 8. С. 450–455

3. Захарцев С.И., Сальников В.П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 2 (3). С. 113-121.

4. Ефимичев С.П. Обеспечение прав личности, интересов общества и государства приоритетная составляющая судебно-правовой реформы // Журнал российского права. 2001. № 11. С. 120–128.

5. Иванова М.Ю. Концептуальные рамки эволюции правовой системы общества // Миссия конфессий. Москва, Том 14. Ч.8 (№89). 2026. С. 277-282.

6. Осмоловская С.М. Современные модусы социальных медиа. Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2024. № 3 (51). С. 48-55

7. Рыбаков О.Ю. Правовая политика как юридическая категория: понятие и признаки // Журнал российского права. 2002. № 3. С. 78–86.

8. Туранин В.Ю. Проблемы и перспективы унификации терминологии // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 26–31.

Prospects for Public Law Regulation of Digital Information

Azamov V.A.
Moscow University of Finance and Law

The article examines the rapid growth in the volume and significance of digital information in the public sphere, and the insufficient readiness of existing public law mechanisms to adequately respond to the associated risks and challenges. Special attention is paid to the analysis of gaps in legislation regulating access to information, the protection of personal data, and countering disinformation, as well as the need to develop new approaches to ensuring transparency and accountability in the context of digital transformation.

The article uses methods of comparative legal analysis, regulatory legal interpretation, and institutional analysis. Key issues are being considered: the legal status of digital information, the criteria for its protection and use by government agencies, the balance between public interests and individual rights (privacy, access to information), mechanisms for accountability and control, as well as the challenges of cross-border nature and technical implementation of regulation (standards, identification, security).

The results show the presence of fragmented regulation, the growing role of industry and technical standards, as well as trends towards digital

sovereignty, interstate harmonization, and the use of "regulatory flexibility" tools (sandboxes, pilots). In conclusion, the directions of development are proposed: the development of a comprehensive public legal concept of digital information, strengthening transparency and accountability mechanisms, the creation of interdepartmental and international cooperation platforms and the introduction of technologically neutral legal norms.
Keywords: digital information, digital literacy, information security, information resources, and government regulation

References

1. Azamov, V.A. Information Security and Legal Regulation / V.A. Azamov // Innovative Approaches in Modern Science: Collection of Articles Based on the Materials of the CCIX International Scientific and Practical Conference "Innovative Approaches in Modern Science". – No. 5(209). – Moscow, Internauka Publishing House, 2026.
2. Dyachkova O. N. Legal Culture as a Modern Phenomenon // Cultural Studies in the 21st Century: Proceedings of the Annual Seminar for Young Scientists. Moscow: RIC, 2007. Vol. 8. Pp. 450–455
3. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. On Legal Progress as a Philosophical and Legal Issue // Russian Journal of Legal Studies. 2015. No. 2 (3). Pp. 113-121.
4. Efimichev S.P. Ensuring the Rights of the Individual, the Interests of Society and the State as a Priority Component of Judicial and Legal Reform // Journal of Russian Law. 2001. No. 11. Pp. 120–128.
5. Ivanova M.Yu. Conceptual Frameworks for the Evolution of the Legal System of Society // Mission of Confessions. Moscow, Vol. 14. Part 8 (No. 89). 2026. Pp. 277-282.
6. Osmolovskaya S.M. Modern Modes of Social Media. Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philosophical Sciences. 2024. No. 3 (51). Pp. 48-55
7. Rybakov O.Yu. Legal Policy as a Legal Category: Concept and Features // Journal of Russian Law. 2002. No. 3. Pp. 78–86.
8. Turanin V.Yu. Problems and Prospects of Terminology Unification // Journal of Russian Law. 2002. No. 11. Pp. 26–31.

Трансформационные процессы в управлении в закрытых административно-территориальных образованиях (ЗАТО) (на примере структуры ГК «Росатом»)

Большаков Андрей Олегович
Аспирант кафедры политологии Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

В рамках данной статьи объектом исследования является политическое и территориальное управление территорий, а именно муниципалитетов, в частности особое внимание уделяется моделям управления. В свою очередь предметом исследования являются модели политического и частично территориального управления закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО), входящих в структуру ГК «Росатом» на территории РФ. В связи с тем что закрытые города во многом отличаются от прочих муниципий, кратко описывается специфика данных территорий, которая в основном сопряжена с особым статусом ЗАТО с атомным профилем градообразующей деятельности. Поскольку в целом на протяжении последних лет мы можем наблюдать активную модернизацию управленческой сферы, то в рамках данной статьи ключевое внимание уделяется именно трансформационным процессам в управлении ЗАТО. В частности в рамках анализа исторического опыта и системного подхода анализируются существующие модели политического и территориального управления ЗАТО, входящих в структуру ГК «Росатом» начиная с периода образования данных ЗАТО и до наших дней. Базируясь на институциональном и неоинституциональном подходах определены трансформационные процессы в управлении ЗАТО. В итоге в рамках данной статьи была описана актуальная модель политического и территориального управления ЗАТО, входящих в структуру ГК «Росатом», которая учитывает опыт предыдущих исследователей, синтезируя его с актуальной картиной в менеджменте данных особых территорий. Также дана характеристика тех ключевых процессов и трансформаций, благодаря которым была сформирована выше указанная модель управления ЗАТО. Кроме того, с учетом текущей социально-политической и экономической ситуации в РФ, а также потенциала подобных закрытых городов атомного профиля и трендов в общественно-политическом пространстве описаны тенденции вероятной дальнейшей трансформации управленческих процессов в рамках ЗАТО, а также тренды модернизации и потенциального развития подобных закрытых административно-территориальных образований на территории РФ.

Ключевые слова: ЗАТО, закрытый город, управление ЗАТО, модели управления территориями, ЗАТО, входящие в структуру ГК «Росатом», население ЗАТО, атомные города, тенденции в управлении ЗАТО.

Введение

В последние годы во всех ключевых сферах жизни общества происходят процессы динамичной модернизации управленческих моделей, а также в целом подходов к управлению как явлению и отдельной важной сферы. На данном этапе уже можно говорить о глобальном характере данных процессов. Сфера политического управления также не является исключением, поскольку за последнее десятилетие в сферу политического менеджмента пришло множество заимствованных технологий и инструментов, которые позволяют адаптировать управление политическими процессами под современные реалии. Кроме того, подобные трансформационные процессы также затронули сферу управления территориями, что также является одной из форм политического управления. Все жители нашей страны почувствовали на себе эти процессы и вовлечены в них. Ярким примером этого является внедрение инструментов электронной демократии и более широкая доступность, открытость государственных и политических институтов для населения. Подобные процессы происходят во всей стране и как показывает практика (обращаясь к материалам СМИ, оценкам представителей экспертного сообщества, а также с учетом особенностей субъектов РФ) ситуация практически везде идентична. Особо интересным в данном ключе является то, как трансформировалось и продолжает модернизироваться политическое управление в ЗАТО на территории РФ. В рамках институционального и неоинституционального подхода при сравнительном анализе специфики управления в ЗАТО и в, условно, обычных муниципалитетах, можно отметить, что ЗАТО обладают особым статусом, в связи с чем в закрытых городах реализована иная модель территориального управления, действует другая структура процесса принятия решений с непосредственным участием негосударственных институтов. В рамках историко-описательного подхода при описании ключевых этапов функционирования ЗАТО атомного профиля в России, мы сможем проследить как менялась схема управления данными территориями и как все пришло к текущей управленческой модели. При анализе существующих типологий моделей управления ЗАТО, в рамках статьи выработана более актуальная классификация управленческих моделей, которая учитывает исторический опыт функционирования ЗАТО, специфику данных территорий, а также текущие тенденции в политическом и территориальном управлении закрытых городов. В итоге, помимо актуализации классификаций управленческих моделей для подобных особых территорий, можно построить прогнозы касательно наиболее вероятных тенденций в сфере управления и функционирования ЗАТО. Это в совокупности позволит сформировать базовое представление о политическом и территориальном управлении ЗАТО, входящих в структуру ГК «Росатом» на территории РФ, а также может быть использовано в деятельности органов власти подобных муниципалитетов, стать базисом для дальнейших научных исследований проблематики ЗАТО.

ЗАТО. Специфика организации управления данными территориями

Сперва необходимо установить несколько базовых позиций для понимания проблематики. Основополагающим

в данном ключе будет понимание того, что из себя представляют ЗАТО на территории РФ. Аббревиатура ЗАТО расшифровывается как закрытое административное территориальное образование. В Законе РФ от 14.07.1992 № 3297-1 (ред. от 15.04.2022) «О закрытом административно-территориальном образовании» приводится следующее определение данных территорий: Закрытым административно-территориальным образованием признается имеющее органы местного самоуправления административно-территориальное образование в целях обеспечения безопасного функционирования находящихся на его территории организаций, осуществляющих разработку, изготовление, хранение и утилизацию оружия массового поражения, переработку радиоактивных и других представляющих повышенную опасность техногенного характера материалов, военных и иных объектов, для которых в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства устанавливается особый режим безопасного функционирования и охраны государственной тайны, включающий специальные условия проживания граждан. Упрощая данную конструкцию можно сказать, что ЗАТО (Закрытое административное территориальное образование), представляет собой закрытый населенный пункт (в основном город), на территории которого расположены те или иные стратегические объекты, имеющие определенный уровень секретности. Помимо официального названия данные территории также именуют закрытыми городами.

В отличие от схожих моногородов, в которых управленческая структура мало чем отличается (в нормативном ключе) от любых других городов, за исключением сильных элит, связанных с градоформирующим сектором, в закрытых городах более сложная и многоуровневая система управления. В частности, на территории РФ ЗАТО входят в состав субъектов федерации и следовательно, подчиняются и подотчетны региональному центру по целому ряду вопросов. Также ЗАТО подотчетны градообразующим организациям, кроме того, ввиду закрытого статуса объекта такие территории подотчетны министерству обороны и федеральной службе безопасности, которые обеспечивают особый закрытый режим в таких муниципалитетах, и естественно, данные территории управляются федеральными властями, которые во основном и принимают какие-либо глобальные решения по подобным территориальным образованиям [Устав города Сарова (редакция от 28.04.2022)].

История функционирования ЗАТО

Можно выделить несколько периодов в истории функционирования и управления ЗАТО атомного профиля на территории РФ. В частности, это советский период, 1990-е – 2000-е годы, которые называют периодом кризиса ЗАТО, а также современный этап, который сопряжен с относительным подъемом закрытых городов. Многие исследователи проблематики ЗАТО, например, А.А. Редюшев, Н.В. Мельникова, А.Ю. Галузин, В.В. Иванов, Д.В. Сладков, довольно подробно описывают эти исторические периоды, характеризуя их как ключевые для истории функционирования ЗАТО атомного профиля.

Сперва мы рассмотрим советский период функционирования закрытых городов, образованных в рамках реализации атомного проекта СССР. В целом в СССР существовала следующая система городского управления, в рамках которой главой города был председатель исполнительного комитета партии, осуществлявший исполнительную власть. В свою очередь, законодательную ветвь на муниципальном уровне представлял городской совет депутатов, формирующий городские исполнительные структуры, а также принимающий нормативные акты местного уровня. Секретарь городского комитета коммунистической партии контролировал работу председателя городского исполкома и всех остальных городских органов власти. Изначально инициатива о формировании институтов местного самоуправления в ЗАТО была инициирована не государственными структурами, а населением, в частности научными специалистами, трудящимися на объектах в ЗАТО, ярким примером такого процесса можно привести инициативу коллектива КБ-11 в Арзамасе-16 [Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 10208. – Оп. 2. – Д. 1492. – Л. 282, 281]. В итоге в 1954 был подписан указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О преобразовании некоторых населенных пунктов в города областного подчинения и рабочие поселки» [Государственный архив Российской Федерации. – Ф. А-385. – Оп. 23. – Д. 1466. – Л. 1.]. Во всех этих поселениях образовывались советы депутатов трудящихся и их исполнительные комитеты. Благодаря этому первые «атомные» населенные пункты получили органы государственной власти, соответствующие Конституции, прошли первые выборы в местные городские советы. При этом городским властям отводилась вспомогательная роль, по сравнению с властью и возможностями руководства градообразующего предприятия. Неформальным главой города являлся директор градообразующего предприятия или научного центра. Практически вся инфраструктура от электростанций до детских садов, принадлежала градообразующему предприятию, а у местных органов власти не было действующих рычагов давления. При этом на всех уровнях партийных и правительственных кругов существовало так называемое «ядерное лобби», обладавшее значительным политическим ресурсом. Поэтому и руководство подобных центров обладало абсолютными полномочиями на принятие решений в научной и социальной сферах, а также в развитии инфраструктуры города. Закрытые города имели все необходимое обеспечение, которое разительно превосходило остальные муниципалитеты. ЗАТО существовали полностью в рамках дотаций и государственного обеспечения, а созданная в закрытых городах продовольственная и социальная инфраструктура полностью покрывала все необходимые запросы населения.

В конце 1990-х годов с распадом СССР сильно сократилось финансирование научных и производственных центров в ЗАТО, также снизились объемы государственных заказов на продукцию создаваемую в ЗАТО. Это спровоцировало отток научных кадров и населения из потенциально депрессивных территорий. Тогда с целью экономической стабилизации предприятий начались процессы передачи непрофильных активов администрациям муниципалитетов, что в итоге усиливало их роль на местном уровне. Также в данный период, поскольку ЗАТО становились дефицитными территориями в экономическом плане, муниципалитеты стали получать дотации от органов государственной власти, что в свою очередь также позволило им быть более независимыми от градообразующих предприятий. С целью стабилизации депрессивной ситуации в 1998 году ЗАТО были объявлены оффшорной зоной (Редакция закона о ЗАТО от 31.07.1998 года). Поскольку новые компании, обосновавшиеся в ЗАТО, платили существенно меньшие налоги предполагалось, что привлекательные для бизнеса зоны, позволят пополнять бюджеты закрытых городов. Привлеченные финансовые средства можно было использовать в качестве инвестиций, также в закрытых городах создавались новые рабочие места, которые помимо сдерживания оттока местного населения привлекали и новые кадры на такие территории. Следовательно, муниципалитеты стали обладать достаточно весомыми денежными ресурсами, получив дополнительные возможности для принятия и «продавлива-

ния» социальных, экономических и политических решений. В рамках этого периода одной из характерных черт считается отток кадров из научных центров и в целом из ЗАТО, эффект данного процесса ощущается и на текущем этапе. Кроме того, эта тенденция сохранилась, поскольку ввиду специфики территории активное население предпочитает покинуть закрытые города в поисках развития и лучшего уровня жизни. В начале 2000-х, в связи с изменением вектора государственной политики в данной сфере, были отменены, ранее описанные оффшорные зоны. Значительно изменилась социально-экономическая и политическая жизнь закрытых городов. Федеральные власти отказались от идеи развития новых источников дохода для городских бюджетов ЗАТО в пользу модели стимулирования градообразующих предприятий. Таким образом произошел откат к консервативной модели управления территориями, поскольку финансовые ресурсы вновь перешли градообразующим предприятиям. Но на этом этапе функционирования данные предприятия, в отличие от советского периода, формально вышли из государственных структур и оформились в коммерческом исполнении со значительным государственным участием.

На современном этапе закрытые города также отличаются от, условно, обычных муниципалитетов, что обусловлено особым режимом безопасного функционирования предприятий и объектов ЗАТО. Поскольку сейчас закрытые административно-территориальные образования продолжают быть научными и производственными центрами, преимущественно направленными на выпуск продукции и разработок в оборонной отрасли, что собственно и обуславливает их особый режим функционирования. После перехода государства от принципов плановой экономики на рыночную базу в уставы многих градообразующих предприятий и организаций, действующих на территории ЗАТО, были внесены поправки, где среди целей организаций стала фигурировать формулировка «получение прибыли». В связи с этим, на данных предприятиях начались процессы передачи и частично продажи непрофильных активов местным органам власти или частным компаниям. В целом, хотя ЗАТО по своей социально-экономической структуре и являются монопрофильными городами, властные отношения в закрытых городах имеют ряд отличительных особенностей, обусловленных особым статусом расположенных на территории объектов. Кроме того, федеральные власти, которые заинтересованы в стабильной социальной обстановке в закрытых городах, а также в стабильной работе ключевых для государства научных и производственных центров, расположенных в ЗАТО, проводят постоянный мониторинг социально-экономической и политической ситуации в таких территориях. ГК «Росатом» контролирует деятельность градообразующих предприятий городов, следовательно, в отличие от монопрофильных городов, на функционирование закрытых городов оказывается существенное государственное влияние.

Модели управления ЗАТО

Многие исследователи проблематики ЗАТО справедливо отмечают, что при наличии такого тяжеловесного экономического игрока, как градообразующее предприятие, закономерным, на первый взгляд, должно быть его широкое представительство в местных органах власти, следовательно, его неоспоримое влияние на муниципальную повестку дня. Во многих закрытых городах данная закономерность соблюдается, но все же такая форма организации городской власти не является повсеместной. В реальности в различных ЗАТО присутствует вариативность форм взаимодействия муниципальных органов власти и градообразующих предприятий в зависимости от различных факторов. В частности, Борисов И.В. в рамках своего исследования властных отношений на примере ЗАТО Снежинск справедливо выделил следующие варианты взаимодействия:

1. Полное доминирование муниципальных властей во всех сферах организации жизни,
2. Распределение влияния в различных сферах организации жизни между городскими властями и градообразующим предприятием (такие сферы, как политическая, социальная и экономическая),
3. Полное доминирование градообразующей организации во всех сферах организации жизни.

Если рассматривать данную классификацию форм взаимодействия и распределения полномочий между градообразующими предприятиями и местными администрациями мы видим, что ключевым фактором для дифференциации является уровень влияния градообразующего предприятия на местную политику, а также самостоятельность муниципальных властей. Это можно связать с уровнем экономической независимости муниципалитетов от градообразующего сектора, что мы можем добавить, как дополнительный фактор. В итоге есть две крайние формы, когда либо градообразующее предприятие полностью доминирует в решении внутренних вопросов муниципалитета, что является формой, сохранившейся еще с советского периода, то есть в данной проблематике эту модель можно охарактеризовать как консервативную или ориентированную на предприятие. Либо более привычную и схожую с остальными муниципалитетами нашей страны модель, при которой местные органы власти полностью контролируют внутренние вопросы муниципалитета, что можно охарактеризовать как прогрессивную или технократичную модель для ЗАТО. Данная модель характерна для более экономически независимых муниципалитетов, где эффективно себя показал механизм ТОР, например ЗАТО Лесной, ЗАТО Заречный и ЗАТО Снежинск. Также стоит отметить смешанную модель, которая сейчас встречается практически во всех ЗАТО, входящих в структуру ГК «Росатом» (базируясь на данных о составе городских парламентов и уставе муниципалитетов, которые практически унифицированы). В рамках данной модели мы видим, что и градообразующее предприятие, и местные органы власти участвуют в решении внутренних вопросов муниципалитета, распределив зоны ответственности или роли в управленческих процессах внутри ЗАТО, тем самым в некоторых вопросах дополняя друг друга. Но в рамках этой модели сразу может встать закономерный вопрос касательно разных позиций акторов на решение проблем и реализацию решений. В таком случае есть перспективы не только благополучного сотрудничества, но также и конфликтов интересов или противоречий на местном уровне. При этом необходимо учитывать и размеры градообразующего предприятия, то есть уровень зависимости городской экономики от доминирующей организации. Поскольку тут всплывает довольно простая корреляция: чем больше на предприятии задействовано городского населения, тем чаще в таких городах предприятие будет обладать большими возможностями, отстаивать свои интересы. В то же время в некоторых ЗАТО когда-то доминирующие организации уже более не играют той важной роли, поэтому их влияние на принятие решений значительно ниже. В целом описанные выше модели, а именно консервативная, технократическая и смешанная, вбирают в себя ключевую дифференциацию форм властных отношений в ЗАТО атомного профиля, учитывают исторический опыт функционирования данных территорий, а также учитывают современное состояние в сфере политического и территориального управления ЗАТО, входящих в структуру ГК «Росатом». В связи с этим в дальнейшем будем апеллировать именно к нашей классификации.

Если взглянуть на фактическую ситуацию в ЗАТО, то можно сказать, что на сегодняшний день мы имеем смесь из консервативной и смешанной моделей управления, поскольку бюджеты ЗАТО формируются в первую очередь за счет федеральных дотаций. При этом градообразующие предприятия финансово более независимы от муниципальных властей. Что в свою очередь, отражается на структуре муниципального управления, поскольку в последние годы на должности глав закрытых городов в основном назначаются представители градообразующих организаций. Если посмотреть на наиболее крупные закрытые города, а также ознакомившись с доступной информацией по депутатам городских дум и советов депутатов в ЗАТО, можно увидеть, что в большинстве случаев мы имеем подавляющее большинство сторонников партии «Единая Россия», а также широкий пул представителей градообразующих предприятий или структур так или иначе аффилированных с ними.

При рассмотрении актуального состава городским Дум ЗАТО атомного профиля, где прошли муниципальные выборы в 2025 году мы можем увидеть следующую ситуацию. В городской Думе ЗАТО Северск после муниципальных выборов 2025 года действует V созыв. В нем представлены три парламентские политические партии («Единая Россия», КПРФ и ЛДПР). Из 26 депутатов 24 входят в состав фракции «Единой России» и по одному мандату у представителей КПРФ и ЛДПР. Если сравнить с предыдущим созывом, то можно заметить существенное усиление позиций правящей партии, а также отсеивание представителей внесистемной оппозиции и беспартийных депутатов, которые могли сочувствовать оппозиции. Большая часть депутатов — это сотрудники градообразующего предприятия или учреждений образования и здравоохранения, которые являются представителями бюджетной сферы. Также присутствует группа представителей управляющих и эксплуатирующих организаций города. Состав Думы обновился на 53%, а именно на 14 человек. В городской Думе ЗАТО Саров после местных выборов 2025 года приступил к работе VIII созыв в рамках которого количество депутатов выросло с 32 до 34. Подавляющее большинство также представлено членами партии «Единая Россия», которые в рамках последних выборов получили 30 мандатов. Остальные 4 мандата поровну разделены между представителями партии ЛДПР и КПРФ. Сравнивая текущий состав депутатского корпуса с прошлым созывом можно также отметить усиление позиции правящей партии и парламентской оппозиции, в том числе за счет ранее беспартийных депутатов. Кроме того, в ходе избирательной компании 2025 года мы также видим отсев оппозиции. Состав Думы обновился на 37,5%, а именно на 12 человек. Подавляющее большинство депутатов заняты в структурах градообразующего предприятия. Совет депутатов ЗАТО Железногорск после выборов 2025 года насчитывает 24 депутата вместо 18 как было в предыдущем созыве. В рамках седьмого созыва 23 из 24 мандатов получили члены партии «Единая Россия» и один мандат получил представитель партии «Новые люди». В целом ситуация с распределением мандатов почти не изменилась, но с учетом увеличения количества мандатов, можно было предположить более сильную позицию оппозиции. Но в итоге мы, как и выше наблюдаем усиление позиции правящей партии. В ЗАТО Снежинск полномочия городской думы исполняет совет депутатов. Всего в данной структуре представлено 25 депутатов. В 2025 году приступил к работе седьмой созыв. Большая часть депутатов — это сотрудники градообразующего предприятия, или других крупных предприятий города, занятых в ключевой сфере экономической деятельности, а также представители социальных и правоохранительных структур. Текущий состав депутатского корпуса по итогам избирательной компании 2025 года обновился на 64% или на 16 человек.

С одной стороны, это можно объяснить тем, что большая часть населения ЗАТО трудится в данных структурах (исходя из данных представленных в отчетах глав администраций ЗАТО о результатах деятельности администрации за 2023-2024 годы), но с другой стороны, это также может говорить нам о том, что таким образом может осуществляться контроль и давление на местные исполнительные органы власти со стороны градообразующего предприятия. Кроме того, на примере составов городских парламентов с 2020 по 2025 годы, для ЗАТО была характерна относительно широкая представленность беспартийных депутатов. Это может говорить о высоком уровне гражданской ответственности населения и развитом политическом участии. Политическое и административное управление ЗАТО осуществляется несколькими структурами, в связи с чем возникают проблемы в плане разных источников распоряжений, что иногда негативно сказывается на принятии решений. В частности, непосредственное участие в местной политике принимают структуры ГК «Росатом», осуществляя политический и административный контроль территориями, за счет своих довлеющих позиций во всех институтах принятия решений, а также основной массы трудящегося населения закрытых городов. Так, например, применительно к ЗАТО Саров, прослеживается довольно устойчивая негативная оценка местных органов власти и большинства муниципальных парламентариев, которые связанны с градообразующим предприятием, как со стороны местных СМИ, так и со стороны населения [материалы ИА «Затоновости» и комментарии жителей за 2020-2025 годы]. Такая оценка во многом связанна с действиями и решениями местных органов власти в сфере городского хозяйства и строительства. С другой стороны, мы имеем положительный кейс такой модели управления, которая показала себя с хорошей стороны весной-летом 2020 года в разгар пандемии COVID-19 в нашей стране, на территории ЗАТО Саров довольно оперативно и эффективно была выстроена работа с населением для обеспечения работы как градообразующего предприятия так и сферы ЖКХ, что позволило большинству жителей в относительно короткий срок выйти на рабочие места и адаптироваться к изменившимся условиям. Конечно, в рамках данного примера были и свои минусы, поскольку в той ситуации предписания, указания и иные распоряжения для сокращения распространения вируса и нормализации ситуации исходили сразу из нескольких центров принятия решений, которые могли противоречить друг-другу, что в конечном счете приводило к путанице на местном уровне и утяжеляло (в первые три месяца пандемии) процесс выработки, принятия и реализации соответствующих решений. В рамках этого кейса население ЗАТО Саров и местные СМИ противоречиво оценивали многие действия руководства города, но в целом оценка была не так негативна, как например, в областном центре – Нижнем Новгороде и Нижегородской области в целом.

Заключение

В итоге говоря о трансформационных процессах в управлении в ЗАТО, входящих в структуру ГК «Росатом» на территории РФ, можно отметить, что модернизация их коснулась не так сильно по сравнению с обычными городами. Это связано в первую очередь со спецификой данных территорий, их назначением и историческим опытом, что в совокупности сохраняет ключевые аспекты консервативной модели управления, функционирующей в советский период. С другой стороны, многие тренды в управлении и политике так или иначе добрались до ЗАТО. Что вы-

ражается, например, в большей публичности и открытости органов власти, использовании инструментов вовлечения населения в общественно-политические процессы, инструменты электронной демократии, а также участие бизнеса в решении значимых вопросов, что в совокупности с влиянием ГК «Росатом» и контролем разных структур характерно для смешанной модели. С учетом текущей ситуации и того какую в основном позицию занимают управленцы в ЗАТО, перехода к прогрессивной для ЗАТО технократической модели ожидать не стоит и мы можем говорить о постепенной модернизации управления ЗАТО с сохранением государственного контроля на определенном уровне, который плавно будет снижаться по непрофильным вопросам. Также в виду текущих тенденций в обществе, ЗАТО, при использовании опыта деятельности НКО по объединению граждан и формированию бренда территории по образу многих городов, могут вновь стать привлекательными для молодого активного населения. Но для того необходимо обновить структуру управления и вновь вернуть данным территориям передовой уровень обеспечения, в том числе в цифровом, культурном и социальном профиле. Также стоит отметить, что ввиду формирования атомной идентичности и в целом высокой лояльности населения ЗАТО к правительству РФ, такие территории могут выступить прекрасным «полигоном» для социальных архитекторов.

Литература

1. Закон РФ от 14.07.1992 № 3297-1 (ред. от 15.04.2022) "О закрытом административно-территориальном образовании" [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_734/51a4172d67bb0dd16ac30805dcbfda8b22baf893/.

2. Федеральный закон от 22.11.2011 № 333-ФЗ (последняя редакция) "О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О закрытом административно-территориальном образовании" и статью 1 Федерального закона "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О закрытом административно-территориальном образовании" [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122004/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100012.

3. Борисов И.В. Некоторые аспекты властных отношений в городах ЗАТО (на примере г. Снежинска) // Бизнес. Общество. Власть: Издательство Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». 2011, №7. — С. 127-144.

4. Галузин А.Ю., Иванов В.В., Сладков Д.В. и др. «Закрытые» город: новые задачи государственного регулирования // Менеджмент и Бизнес Администрирование – М.: ИД «Экономическая газета», №3, 2008. – сс. 16-18.

5. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 10208. – Оп. 2. – Д. 1492. – Л. 282, 281.

6. Карачков С.М. Корпоративная модель социального управления закрытым «атомным» городом: дисс. … канд. социол. наук. Екатеринбург, 2014. 238 с.

7. Константинова А.Г. Эмиграция из закрытых административно-территориальных образований атомной промышленности в 1990-е годы: Тенденции и последствия // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2020. №4.

8. Круглов А.К., Петросьянц А.М. Краткие биографические данные ряда основных участников советского уранового проекта в начальный период его реализации: Создание первой советской ядерной бомбы. М., 1995.

9. Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа. М.: "Новый хронограф", 2012. 180 с.

10. Мельникова Н.В. «Атомная» идентичность жителей закрытых атомных городов России // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. №3 (84).

11. Мельникова Н.В. «Такая организация соответствует требованиям секретности...». предыстория появления органов советской власти в закрытых «атомных» поселениях СССР // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2022. №3.

12. Мельникова Н.В. Закрытый атомный город: особый статус и особая жизнь // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Сб. науч. ст. Всероссийской конференции с международным участием (г. Сургут, СурГУ, 14 ноября 2014 г.). Курган: Курганский дом печати, 2015. 820 с. С. 410-421.

13. Нарыков Д.Н. Исторический аспект создания в России закрытых административно-территориальных образований // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 1. С. 246-248.

14. Официальный сайт городской Думы Новоуральского городского округа [Электронный ресурс]. URL: https://duma-ngo.ru/

15. Официальный сайт собрания представителей города Заречного [Электронный ресурс]. URL: https://spzar.ru/.

16. Официальный сайт совета депутатов города Снежинска [Электронный ресурс]. URL: http://sd.snzadm.ru/.

17. Официальный сайт городской Думы города Сарова [Электронный ресурс]. URL: http://duma-sarov.ru/.

18. Редюшев А.А. Проблемы социально-экономического развития закрытых административно-территориальных образований // Менеджмент и Бизнес-Администрирование – М.: ИД «Экономическая газета», №3, 2008. – сс. 32-35.

19. Тихонов В.А. Закрытые города в открытой России // Проблемы прогнозирования. 1996. № 6. С. 77-96.

20. Шаврей Е.А. Исторический процесс формирования закрытых городов // Вестник ГУУ. 2013. № 9.

Transformational Processes in Governance in Closed Administrative-Territorial Entities (ZATOs) (Based on the Structure of Rosatom State Corporation)

Bolshakov A.O.

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

In this article, the subject of research is the political and territorial governance of areas, specifically municipalities, with a particular focus on management models. The object of the study is the models of political and partially territorial governance of closed administrative-territorial association (CATA) that are part of the structure of the State Corporation "Rosatom" in the territory of the Russian Federation. Since closed cities largely differ from other municipalities, the specifics of these areas are briefly described, mainly related to the special status of CATAs with atomic profile city-forming activities. Given that we have observed an active modernization of the management sphere in recent years, this article pays key attention to the transformational processes in the governance of CATAs. In particular, the existing models of political and territorial governance of CATAs included in the structure of the State Corporation "Rosatom" are analyzed through the lens of historical experience and a systematic approach, from the time of the formation of these CATAs to the present day. Based on institutional and neo-institutional approaches, transformational processes in the governance of CATAs are defined. As a result, the article describes the relevant model of political and territorial governance of CATAs within the structure of the State Corporation "Rosatom," which takes into account the experience of previous researchers, synthesizing it with the current landscape in the management of these special areas. The article also characterizes the key processes and transformations that led to the formation of this governance model for CATAs. Furthermore, considering the current socio-political and economic situation in the Russian Federation, as well as the potential of similar closed cities with an atomic profile and trends in the socio-political space, the article describes the trends of likely further transformation of management processes within CATAs, as well as trends in modernization and potential development of such closed administrative-territorial associations in the territory of the Russian Federation.

Keywords: CATA, closed city, management of CATA, management models for territories, CATA included in the Rosatom State Corporation, population of CATA, nuclear cities, trends in management of CATA.

References

1. Law of the Russian Federation of July 14, 1992 No. 3297-1 (as amended on April 15, 2022) "On a Closed Administrative-Territorial Entity" [Electronic resource] - Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_734/51a4172d67bb0dd16ac30805dcbfda8b22baf893/.
2. Federal Law of 22.11.2011 No. 333-FZ (latest revision) "On Amendments to the Law of the Russian Federation "On Closed Administrative-Territorial Entity" and Article 1 of the Federal Law "On Amendments and Additions to the Law of the Russian Federation "On Closed Administrative-Territorial Entity" [Electronic resource] - Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122004/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100012.
3. Borisov I.V. Some Aspects of Authority Relations in ZATO Cities (using Snezhinsk as an Example) // Business. Society. Authority: Publishing House of the National Research University Higher School of Economics. 2011, No. 7. — P. 127-144.
4. Galuzin A. Yu., Ivanov V. V., Sladkov D. V., et al. “Closed” city: new tasks of state regulation // Management and Business Administration – Moscow: Publishing House “Economic Newspaper”, No. 3, 2008. – pp. 16-18.
5. State Archives of the Russian Federation. – F. 10208. – Op. 2. – D. 1492. – L. 282, 281.
6. Karachkov S. M. Corporate model of social management of a closed “nuclear” city: diss. … Cand. of Sociological Sciences. Ekaterinburg, 2014. 238 p.
7. Konstantinova A. G. Emigration from Closed Administrative-Territorial Entities of the Nuclear Industry in the 1990s: Trends and Consequences // Bulletin of the Maikop State Technological University. 2020. No. 4.
8. Kruglov A.K., Petrosyants A.M. Brief Biographical Data of Some Key Participants in the Soviet Uranium Project in the Initial Period of Its Implementation: The Creation of the First Soviet Nuclear Bomb. Moscow, 1995.
9. Lappo G.M. Cities of Russia. A Geographer's View. Moscow: "Novy Khronograf", 2012. 180 p.
10. Melnikova N.V. "Atomic" Identity of Residents of Closed Nuclear Cities of Russia // Scientific Notes of OSU. Series: Humanitarian and Social Sciences. 2019. No. 3 (84).
11. Melnikova N.V. "Such an Organization Meets the Requirements of Secrecy..." Prehistory of the Emergence of Soviet Power Bodies in the Closed "Atomic" Settlements of the USSR // Bulletin of SUSU. Series: Social Sciences and Humanities. 2022. No. 3.
12. Melnikova N.V. Closed Nuclear City: Special Status and Special Life // Historical Urban Studies: Past and Present of the City. Coll. scientific. articles of the All-Russian Conference with International Participation (Surgut, Surgut State University, November 14, 2014). Kurgan: Kurgan House of Printing, 2015. 820 p. pp. 410-421.
13. Narykov D.N. Historical Aspect of the Creation of Closed Administrative-Territorial Entities in Russia // World of Science, Culture, Education. 2012. No. 1. pp. 246-248.
14. Official website of the City Duma of the Novouralsk Urban District [Electronic resource]. URL: https://duma-ngo.ru/
15. Official website of the meeting of representatives of the city of Zarechny [Electronic resource]. URL: https://spzar.ru/.
16. Official website of the Council of Deputies of the city of Snezhinsk [Electronic resource]. URL: http://sd.snzadm.ru/.
17. Official website of the City Duma of Sarov [Electronic resource]. URL: http://duma-sarov.ru/.
18. Redyushev A.A. Problems of socio-economic development of closed administrative-territorial entities // Management and Business Administration - Moscow: Publishing House "Economic Newspaper", No. 3, 2008. - pp. 32-35.
19. Tikhonov V.A. Closed cities in open Russia // Problems of forecasting. 1996. No. 6. pp. 77-96. 20. Shavrey E.A. Historical process of formation of closed cities // Bulletin of the State University of Management. 2013. No. 9.

Честь, достоинство и деловая репутация в цифровой среде: квалификация распространяемых сведений и выбор способа гражданско-правовой защиты

Кузнецов Никита Алексеевич
Соискатель кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), kuznetsov.nikita.alekseevich@gmail.com

Статья анализирует гражданско-правовую защиту чести, достоинства и деловой репутации в условиях цифровой коммуникации: от разграничения фактов и оценок до выбора оптимального способа защиты и построения доказательственной стратегии. Особое внимание уделено квалификации цифровых форм распространения (соцсети, блоги, форумы, мессенджеры, платформы отзывов, ИИ-контент/дипфейки), стандартам доказывания, ответственности посредников и трансграничным аспектам. Материал основан на нормах Конституции РФ и ГК РФ, профильных законах (в т. ч. Закон об информации и Закон о СМИ), судебной практике Конституционный Суд Российской Федерации и ВС РФ, а также на официальных политиках ключевых платформ.

Ключевые слова: честь; достоинство; деловая репутация; ст. 152 ГК РФ; «сведения» и оценочные суждения; Интернет-опровержение; электронные доказательства; нотариальный осмотр; лингвистическая экспертиза; deepfake; право на забвение; делистинг; ответственность платформ.

Цифровая среда радикально увеличила скорость и масштаб распространения информации, но одновременно усложнила юридическую квалификацию и доказывание: один и тот же репутационный ущерб может быть вызван постом в соцсети, серией отзывов на карте-сервисе, сообщениями в групповом чате, видеороликом, смонтированным с применением ИИ-технологий, или тем, что поисковик продолжает выдавать ссылки на старый материал. В российском праве рамка для защиты репутационных нематериальных благ задана сочетанием конституционных гарантий (достоинство личности; неприкосновенность частной жизни; свобода слова и запрет злоупотребления) и гражданско-правовых механизмов восстановления нарушенного положения и пресечения нарушения. В отличие от «классических» офлайн-споров, цифровые споры почти всегда требуют ответа на три методологических вопроса: 1) Что именно распространено: проверяемые «сведения» (о фактах) или оценочные высказывания (мнения/суждения)? 2) Кто распространил их? Кто должен быть ответчиком? Автор, репостер, владелец сайта/страницы, администратор, редакция сетевого издания, владелец платформы отзывов или оператор поисковой системы? 3) Как представить доказательства так, чтобы они отвечали требованиям относимости и допустимости? Современная российская доктрина в целом сходится в том, что «репутационные» споры в цифровой среде — это поле столкновения двух ценностей: свободы выражения мнения и охраны нематериальных благ. В исследованиях подчеркивается центральность разграничения фактических утверждений и оценочных суждений (как методологического фильтра применимости ст. 152 ГК РФ), а также роль процессуальных инструментов фиксации электронных доказательств[20]. Представляется, что «репутационные» споры в цифровой среде фактически разворачиваются в пространстве столкновения двух ценностей — свободы выражения мнения и охраны нематериальных благ. В этих условиях ключевое значение приобретает разграничение фактических утверждений и оценочных суждений как методологического критерия применимости ст. 152 ГК РФ, а также использование процессуальных инструментов фиксации электронных доказательств. Отдельный пласт литературы формируется вокруг «цифровой репутации» и механизмов удаления. Публикации о российском «праве на забвение» анализируют ст. 10.3 Закона об информации как способ исключения ссылок из поисковой выдачи, подчеркивая повышенную доказательственную нагрузку истца (необходимость показать незаконность/недостоверность/неактуальность информации) и процедурные «узкие места» для заявителя[21]. Цифровизация коммуникации (и рост ИИ-контента) добавила междисциплинарный компонент: репутационный вред может быть причинен не только текстом, но и синтетическим видео/аудио, «манипулированными медиа» или контентом, нарушающим право на изображение и право на неприкосновенность частной жизни. В этой связи значимы нормы о праве

[20] Рожкова М.А., Глазкова М.Е. Комментарий к Обзору практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Сайт М.А. Рожковой. URL: https://rozhkova.com/books_text/2016-08-p.pdf (дата обращения: 15.02.2026).

[21] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

на изображение (ст. 152.1 ГК РФ) и об охране частной жизни (ст. 152.2 ГК РФ), а также стандарты и практики контент-модерации крупных платформ, которые фактически выступают «первым уровнем» реагирования до суда[22]. Для целей гражданско-правового анализа целесообразно выделить несколько типичных моделей распространения сведений в цифровой среде: 1) Соцсети, блоги, форумы. Для публичных постов ключевой вопрос — аудитория (неопределённый круг лиц) и способ распространения (пост/репост/цитирование). Концептуально это укладывается в «распространение информации» как передачу неопределенному кругу лиц[23]. 2) Мессенджеры и чаты. Дискуссионность здесь чаще фактическая, чем правовая: проблема не столько в «распространении» как таковом (сообщение третьим лицам), сколько в доказательствах и идентификации автора/администратора группы, а также в безопасности источника доказательств (скриншоты, выгрузки чатов, нотариальное обеспечение). Возможность удалённого нотариального осмотра информации в сети Интернет и фиксации электронных доказательств прямо предусмотрена Основами законодательства о нотариате[24]. 3) Платформы отзывов и карты-сервисы. Автором сведений является сам пользователь, но инфраструктуру размещения контролирует владелец платформы. Кроме того, площадка применяет собственные правила модерации. Примером нормативно-организационной рамки являются официальные правила 2ГИС (требования к информационным материалам) и правила публикации отзывов Яндекс, запрещающие персональные данные и ряд форм злоупотреблений/манипуляций[25]. 4) Юридическая квалификация ИИ-ролика зависит от того, что именно имитируется и какой вред причинен: (а) как «сведения» (если ролик утверждает проверяемые факты); (б) как нарушение права на изображение (ст. 152.1 ГК РФ) и/или частной жизни (ст. 152.2 ГК РФ). По мнению автора, распространение сведений в цифровой среде не может рассматриваться как единообразное явление, поскольку конкретная правовая квалификация зависит от архитектуры коммуникационной платформы и особенностей распространения информации в ней. Различные цифровые сервисы формируют отличающиеся модели публичности, а также различный уровень управляемости контента со стороны владельцев платформ. В связи с этим представляется обоснованным выделение нескольких типичных ситуаций распространения сведений в сети Интернет, имеющих значение для гражданско-правовой квалификации соответствующих действий. Важной «практической реальностью» являются платформенные политики синтетического контента: Meta[26] прямо регулирует распространение дезинформации. TikTok требует маркировать ИИ-контент и допускает удаление вводящего в заблуждение или немаркированного ИИ-контента. Ст. 12 ГК РФ закрепляет широкий набор способов защиты гражданских прав, включая восстановление положения, существовавшего до нарушения, и пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения[27]. В репутационных спорах эта «общая матрица» конкретизируется ст. 152 ГК РФ. Помимо «классического» опровержения, ст. 152 ГК РФ предусматривает удаление информации и пресечение/запрещение дальнейшего распространения; специальное правило для сети Интернет дает истцу право требовать удаления соответствующей информации и опровержения способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети Интернет[28]. Как отмечает Д.Н. Латыпов, избранный способ защиты должен соответствовать содержанию нарушенного права и спорного правоотношения[29]. Е.К. Степанян, в свою очередь, рассматривает способы защиты, закрепленные в ст. 12 ГК, как открытую систему правовых средств[30]. Применительно к репутационным спорам данная общая конструкция конкретизируется специальными способами защиты, предусмотренными ст. 152 ГК, на что обращает внимание И.Н. Садриев[31]. Несмотря на различия в акцентах, приведенные доктринальные позиции в целом корректно отражают общую конструкцию гражданско-правовой защиты нарушенных прав. Данные тезисы представляются справедливыми и для репутационных споров, поскольку эффективность защиты в подобных делах во многом определяется правильным выбором между восстановительными и пресекательными мерами. Для граждан моральный вред компенсируется по ст. 151 ГК РФ; подходы к основаниям и размеру подробно разъяснены Постановлением Пленума ВС РФ № 33 от 15.11.2022[32]. Цифровая коммуникация часто делает спор трансграничным: площадка и ее юридическое лицо могут находиться за пределами РФ, а контент доступен в РФ. ГПК РФ прямо допускает рассмотрение дел с участием иностранных лиц, помимо общего критерия места жительства/нахождения ответчика, также при наличии ряда связей, включая распространение рекламы в сети Интернет, направленной на привлечение внимания потребителей на территории РФ[33]. Для экономических споров (в т. ч. деловая репутация бизнеса) применяются

[22] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (редакция от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

[23] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

[24] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате : утв. ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-I (ред. от 24.07.2023) // Российская газета. 1993. 13 марта.

[25] Администрация Тубинского муниципального образования Усть-Илимского района. Официальный сайт. URL: https://uiraion.ru/settlement1/tubinskoe_mo/164359/ (дата обращения: 13.02.2026).

[26] Запрещённая в Российской Федерации организация Meta Platforms Inc. признана экстремистской и ее деятельность запрещена на территории РФ (решение Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022, вступившее в законную силу).

[27] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (редакция от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

[28] Там же.

[29] Латыпов Д.Н. О надлежащем и ненадлежащем способе защиты гражданских прав // Закон и право. 2017. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nadlezhaschem-nenadlezhaschem-sposobe-zaschity-grazhdanskih-prav (дата обращения: 16.02.2026).

[30] Степанян Е.К. Правовое регулирование способов защиты гражданских прав: вопросы теории и практики // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-sposobov-zaschity-grazhdanskih-prav-voprosy-teorii-i-praktiki (дата обращения: 16.02.2026).

[31] Садриев И.Н. К вопросу о способах защиты деловой репутации юридических лиц в свете совершенствования российского гражданского законодательства // Евразийская адвокатура. 2016. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sposobah-zaschity-delovoy-reputatsii-yuridicheskih-lits-v-svete-sovershenstvovaniya-rossiyskogo-grazhdanskogo (дата обращения: 16.02.2026).

[32] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 1.

[33] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

правила компетенции арбитражных судов по делам с участием иностранных лиц[34]. Российская модель защиты чести, достоинства и деловой репутации в цифровой среде остаётся «нормативно стабильной» (ядро — Конституция РФ и ст. 150–152 ГК РФ), но «практически динамичной» из-за технологических форм распространения, анонимности авторов и платформенной модерации. При этом основная трансформация происходит не на уровне материальных норм, а на уровне их применения: изменяются способы распространения сведений, усложняется идентификация автора, возрастает роль цифровых посредников, а также повышается значение процессуальных механизмов фиксации и исследования электронных доказательств. В этих условиях особое значение приобретает выработка критериев квалификации распространяемых в сети сведений, а также определение круга лиц, способных нести ответственность за их распространение. Цифровая среда создает новые конфигурации участия в коммуникации, при которых непосредственный автор информации, администратор сообщества, владелец платформы и иные цифровые посредники могут играть различную роль в доведении сведений до неопределённого круга лиц. Таким образом, специфика цифровой среды проявляется прежде всего в усложнении фактической стороны «репутационных» споров. Нормативная конструкция защиты нематериальных благ сохраняет свою устойчивость, однако её применение требует адаптации к новым формам коммуникации и новым механизмам распространения информации. Наконец, цифровая специфика заставляет мыслить «многоканально»: модерация платформ (правила отзывов, политика синтетического контента, инструменты жалоб) всё чаще становится первым этапом, а судебная защита — этапом закрепления результата и компенсации.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.
4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.
5. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате : утв. ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-I (ред. от 24.07.2023) // Российская газета. 1993. 13 марта.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 1.
7. Рожкова М.А., Глазкова М.Е. Комментарий к Обзору практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Сайт М.А. Рожковой. URL: https://rozhkova.com/books_text/2016-08-p.pdf (дата обращения: 15.02.2026).
8. Латыпов Д.Н. О надлежащем и ненадлежащем способе защиты гражданских прав // Закон и право. 2017. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nadlezhaschem-nenadlezhaschem-sposobe-zaschity-grazhdanskih-prav (дата обращения: 16.02.2026).
9. Степанян Е.К. Правовое регулирование способов защиты гражданских прав: вопросы теории и практики // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-sposobov-zaschity-grazhdanskih-prav-voprosy-teorii-i-praktiki (дата обращения: 16.02.2026).
10. Садриев И.Н. К вопросу о способах защиты деловой репутации юридических лиц в свете совершенствования российского гражданского законодательства // Евразийская адвокатура. 2016. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sposobah-zaschity-delovoy-reputatsii-yuridicheskih-lits-v-svete-sovershenstvovaniya-rossiyskogo-grazhdanskogo (дата обращения: 16.03.2026).
11. Администрация Тубинского муниципального образования Усть-Илимского района. Официальный сайт. URL: https://uiraion.ru/settlement1/tubinskoe_mo/164359/ (дата обращения: 13.02.2026).

Honor, Dignity, and Business Reputation in the Digital Environment: Qualification of Disseminated Information and the Choice of Civil Protection

Kuznetsov N.A.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

This article analyzes the civil protection of honor, dignity, and business reputation in the context of digital communication: from distinguishing facts from assessments to choosing the optimal method of protection and building an evidentiary strategy. Particular attention is paid to the qualification of digital forms of dissemination (social media, blogs, forums, instant messaging apps, review platforms, AI content/deepfakes), evidentiary standards, intermediary liability, and cross-border aspects. This material is based on the provisions of the Constitution of the Russian Federation and the Civil Code of the Russian Federation, relevant laws (including the Law on Information and the Law on Mass Media), the case law of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation, as well as the official policies of key platforms.

Keywords: honor; dignity; business reputation; Article 152 of the Civil Code of the Russian Federation; "information" and value judgments; online refutation; electronic evidence; notarial examination; linguistic examination; deepfake; right to be forgotten; delisting; platform liability.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One): federal law of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on July 31, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
2. Civil Procedure Code of the Russian Federation: federal law of November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on December 15, 2025, as amended on December 22, 2025) (as amended and supplemented, entered into force on January 1, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Art. 4532.
3. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: federal Law of July 24, 2002 No. 95-FZ (as amended on December 15, 2025) (as amended and supplemented, entered into force on January 1, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3012.
4. On Information, Information Technologies and Information Protection: Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ (as amended on December 29, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (Part I). Art. 3448.
5. Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries: approved. Supreme Court of the Russian Federation, February 11, 1993, No. 4462-I (as amended on July 24, 2023) // Rossiyskaya Gazeta. March 13, 1993.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, November 15, 2022, No. 33, "On the Practice of Applying the Rules on Compensation for Moral Damage by Courts" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2023. No. 1.
7. Rozhkova, M.A., Glazkova, M.E. Commentary on the Review of the Practice of Considering Cases by Courts on Disputes over the Protection of Honor, Dignity, and Business Reputation // M.A. Rozhkova's Website. URL: https://rozhkova.com/books_text/2016-08-p.pdf (accessed on February 15, 2026).
8. Latypov, D.N. On the Proper and Inappropriate Method of Protecting Civil Rights // Law and Right. 2017. No. 3. URL:

[34] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

https://cyberleninka.ru/article/n/o-nadlezhaschem-nenadlezhaschem-sposobe-zaschity-grazhdanskih-prav (Accessed: 16.02.2026).
9. Stepanyan E.K. Legal Regulation of Methods of Protecting Civil Rights: Theoretical and Practical Issues // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2018. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-sposobov-zaschity-grazhdanskih-prav-voprosy-teorii-i-praktiki (Accessed: 16.02.2026).
10. Sadriev I.N. On the Issue of Methods of Protecting the Business Reputation of Legal Entities in Light of Improving Russian Civil Legislation // Eurasian Advocacy. 2016. No. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sposobah-zaschity-delovoy-reputatsii-yuridicheskih-lits-v-svete-sovershenstvovaniya-rossiyskogo-grazhdanskogo (accessed: 16.03.2026).
11. Administration of the Tubinsky Municipal Formation of the Ust-Ilimsky District. Official website. URL: https://uiraion.ru/settlement1/tubinskoe_mo/164359/ (accessed: 13.02.2026).

Налоговый мониторинг: перспективы развития в контексте вовлечения в его контур большего числа крупных налогоплательщиков

Кузнецов Артемий Александрович
Независимый исследователь, artemiikuznetsovv@gmail.com

В данной статье рассматриваются практические аспекты реализации налогового контроля в форме налогового мониторинга в Российской Федерации. Исследуются основные способы информационного взаимодействия между ФНС России и налогоплательщиками, вступившими в данный режим, оценивается их популярность и эффективность. Отдельно рассматриваются взаимосогласительные процедуры в рамках указанного режима – институт мотивированных мнений. Делаются предложения о дальнейшей корректировке режима для увеличения его популярности среди налогоплательщиков.
Ключевые слова: налоговый мониторинг, налоговый контроль, взаимосогласительные процедуры, мотивированное мнение, формы налогового контроля

На современном этапе развития экономики Российской Федерации, в эпоху информатизации и автоматизации, актуальной задачей является обеспечение эффективного налогового контроля за экономическими субъектами, на данный момент кардинально перестраивающих свою деятельность и внедряющих в нее новейшие технологические решения. Основная тенденция развития налогового контроля на современном этапе трансформации налоговой системы – переход от «доначислительного» принципа, направленного в первую очередь на поиск недоимок, к принципу недопущения их возникновения за счет взаимодействия налогоплательщика и налогового органа в рамках действующего налогового законодательства [2]. Для реализации данного принципа в российское законодательство о налогах и сборах выл внедрен новый институт налогового контроля - налоговый мониторинг.

Основная цель налогового мониторинга, как и любой другой формы налогового контроля - обеспечение соблюдения законодательства в области налогообложения, а также борьба с налоговыми правонарушениями и уклонением от уплаты налогов. Однако достигаются указанные цели по сравнению с классическими формами налогового контроля другими способами и методами.

Ключевая особенность налогового мониторинга в России, заключается в том, что практически полностью он проводится дистанционно путем использования специально разработанных для режима налогового мониторинга информационных систем либо прямого, непосредственного доступа налоговых инспекторов «вовнутрь» используемого налогоплательщиком программного обеспечения для целей бухгалтерского и налогового учета.

Так, законодателем выделяются два способа взаимодействия налогоплательщика и налогового органа в рамках налогового мониторинга:

1) Предоставление доступа к информационным системам организации;

В данном случае инспектору налогового органа, курирующего соответствующую организацию, предоставляется доступ непосредственно в информационные системы, предназначенные для ведения бухгалтерского и налогового учета в организации. Ему создается отдельный аккаунт, позволяющий получить доступ ко всему объему необходимой документации и данных.

Основным плюсом данного метода информационного взаимодействия являются относительно (по сравнению с дркгим методом информационного взаимодействия) небольшие затраты, необходимые для его осуществления и поддержания функционирования. Налогоплательщику, взаимодействующему с налоговыми органами данным способом, не нужно разрабатывать никакое дополнительное программное обеспечение и привлекать дополнительных специалистов. Достаточно только обеспечить доступ налогового инспектора к информационным системам учета организации.

Однако эффективность данного метода на современном этапе перекрывается присущими ему минусами. В первую очередь необходимо отметить, что при использовании указанного метода для организации неизбежно возникает необходимость доработки соответствующих информационных систем в части ее интеграции с АИС «Налог-3». Кроме того, возникают риски для информационной безопасности, связанные с включением в систему учета, хоть и в формате удаленного доступа, третьих для

организации лиц (налоговых инспекторов), что потенциально может привести к раскрытию коммерческой и налоговой тайны.

Кроме того, отдельно следует отметить возникающий при применении данного метода риск раскрытия нежелаемой или непроверенной информации налоговым органам, на основании которых может произойти доначисление налогов и сборов. Одно из основных преимуществ налогового мониторинга заключается в том, что налогоплательщик и налоговый орган могут договориться об объеме предоставляемых сведений еще до его начала, поэтому данный риск может существенно подорвать основы взаимодействия и взаимного доверия.

2) Предоставление доступа к аналитической витрине данных.

Аналитическая витрина данных- инструмент взаимодействия налоговых органов с налогоплательщиками, находящимися в режиме налогового мониторинга, представляющий из себя особый тип программного обеспечения. В автоматическом режиме она наполняется данными сразу же из множества информационных систем налогоплательщика: системы бухгалтерского и налогового учета, систем электронного документооборота и электронного хранилища документов, а также других систем, специфичных для участника налогового мониторинга при условии, что данные, содержащиеся в них, необходимы для осуществления налогового контроля. Инспектор налоговой службы, в свою очередь, получает к витрине данных и непосредственно в режиме онлайн проверяет полученную информацию и документы вплоть до бухгалтерских проводок и скан-образов первичных учетных документов.

Кроме того, также стоит отметить высокий уровень безопасности обмена данными в связи с использованием методов криптографического шифрования, перечень которых закреплен федеральной налоговой службой.

Таким образом, формат взаимодействия в виде витрины данных на данный момент является наиболее предпочтительным способом информационного взаимодействия в рамках налогового мониторинга как для налогоплательщика, так и для налогового органа. Однако он имеет и ряд минусов. В первую очередь, это высокая стоимость интеграции. В каждом случае цена выставляется индивидуально, с учетом особенностей информационных систем учета организации и особенностей ее бизнес-процессов, и зачастую составляет суммы более 5 миллионов рублей.

Вторым значимым минусом являются довольно продолжительные сроки внедрения витрины данных. Сам процесс разработки функциональных требований, самого программного обеспечения и обеспечение его интеграции с АИС «Налог 3» может занять более полугода.

Вместе с тем, указанные затраты налогоплательщик должен нести только лишь для того, чтобы обеспечить большее удобство для налоговых органов. В связи с этим представляется рациональным ввести различные формы государственной поддержки для организаций, готовящихся к вступлению в налоговый мониторинг. Таковыми могут быть, например, гранты или субсидии, предназначенные для покрытия затрат на подготовительную работу полностью или в части, а также изменение в НК РФ, позволяющие учитывать подобные расходы с коэффициентом 2. Представляется, что данные меры позволят привлечь к участию большее количество налогоплательщиков

Налоговый мониторинг, помимо расходов, дает налогоплательщикам также определенные преимущества.

Так, одним из ключевых преимуществ, предлагаемых налогоплательщикам в рамках режима налогового мониторинга, являются мотивированные мнения. Мотивированное мнение представляет собой позицию налогового органа по вопросам правильности исчисления, полноты и своевременности уплаты налогов и страховых взносов в бюджет.

Каждое вынесенное мнение применимо только для определенного участника налогового мониторинга и только к отдельной возникшей у него ситуации. Мотивированное мнение может выносится по инициативе как налогоплательщика, так и налогового органа, и при этом оно для обоих субъектов носит обязательный характер [1, ст. 105.30]. В связи с этим существуют определенные требования, предъявляемые к запросу мотивированного мнения (сам по себе запрос мотивированного мнения возможен только со стороны налогоплательщики): в нем должно содержаться указание на цель, преследуемую организацией в сложившейся ситуации, условий и сроков сделки, права и обязанности контрагентов, информацию о них, а также позицию самой организации по вопросам порядка исчисления и уплаты налогов и сборов в отношении сделки, а также прилагаемые документы.

Основанием для направления мотивированного мнения налоговым органом, в свою очередь, является выявление в ходе налогового мониторинга факта неправильного исчисления, удержания, неуплаты налога и сбора.

В течение определенного законодательством о налогах и сборах срока налоговые органы направляют мотивированное мнение налогоплательщику для ознакомления. Далее, если организация согласна с мнением, она уведомляет о его исполнении. В случае, если она имеет возражения, в течение месяца после получения мотивированного мнения, компания представляет разногласия непосредственно в ФНС.

На данном этапе начинаются взаимосогласительные процедуры. Руководитель ФНС или его заместитель совместно с представителями всех сторон спора рассматривает поступившие возражения и выносят по нему решение. Так, руководитель может либо оставить мотивированное мнение налогового органа без изменения, либо же изменить его, о чем налогоплательщик также уведомляется. При этом необходимо отметить, что порядок вынесения этого решения, порядок проведения самой взаимосогласительной процедуры, ее задачи, функции участников, а также их права и обязанности законодательно не определены.

После проведения взаимосогласительной процедуры у налогоплательщика также остается две опции: согласиться с решением ФНС и исполнить его (об этом также необходимо уведомить), либо же не согласиться. При этом последствия, возникающие в последнем случае, для налогоплательщика законодателем четко не установлены. В связи с сущностью самой концепции налогового мониторинга, раскрытой выше, у организации отсутствует право обжаловать решение ФНС в дальнейшем в административном или судебном порядке. В то же время, Налоговый кодекс РФ в статье 89 указывает, что, в случае неисполнения мотивированного мнения, у налоговых органов возникает право проведения выездной налоговой проверки. Предметом такой выездной налоговой проверки будет являться правильность исчисления и своевременность уплаты налогов в соответствии с невыполненным мотивированным мнением.

Таким образом, представляется, что право налогоплательщика-участника налогового мониторинга на обжалование мотивированных мнений сильно ограничено. По результатам выездной налоговой проверки, проведенной в связи с невыполнением организацией мотивированного мнения, неизбежно последуют доначисления налогов к уплате. Кроме того, представляется, что в данном случае

также может быть применен штраф в максимальном размере- 40% как за умышленное правонарушение, ведь налогоплательщик, зная позицию налоговых органов, сознательно отказывался заплатить налог.

Не стоит забывать о том, что решения, вынесенные по результатам рассмотрения материалов выездных налоговых проверок, можно обжаловать в вышестоящий налоговый орган, а впоследствии- и в суд, и участники налогового мониторинга в такой ситуации этого права не лишены. Однако, представляется, что такой порядок неэффективен, ведь вместо того, чтобы пройти процедуру налоговой проверки, налогоплательщик будет вынужден сначала пройти процедуру взаимосогласительной комиссии, затем находиться в состоянии правовой неопределенности довольно долгое время (ведь у налоговых органов, проводящих налоговый мониторинг право на проведение выездной проверки по данному основанию возникает только после 1 декабря года, следующего за периодом, за который проводился налоговый мониторинг) для того, чтобы впоследствии пойти общим порядком.

При этом судебная практика последних лет демонстрирует, что суды отказывают налогоплательщикам в возможности судебного оспаривания мотивированных мнений, ссылаясь на то, что такие мнения не имеют признаков ненормативных правовых актов и не могут быть обжалованы в судебном порядке [3, 4].

Правовая неопределенность в данном случае значительно снижает эффективность взаимосогласительных процедур- одного из основных преимуществ налогового мониторинга, в связи с чем она должна быть устранена. Представляется необходимым допустить возможность обжалования мотивированного мнения налогового органа в судебном порядке ведь отсутствие такой возможности не снизит количества налоговых споров, но создает дополнительную правовую неопределенность.

В связи с указанными выше недостатками на практике этот механизм используется редко: по состоянию на 2023 год за весь период налогового мониторинга было направлено лишь 189 мотивированных мнений при общем количестве организаций в режиме налогового мониторинга, равном 445 [5]. При этом данная цифра включает и мнения, вынесенные по просьбе налогоплательщиков, и мнения, направленные налоговым органом по собственной инициативе.

Таким образом, институт мотивированного мнения в совокупности с механизмами взаимосогласительной процедуры содержит в себе еще не реализованный большой потенциал как один из способов внесудебного разрешения налоговых споров для крупнейших налогоплательщиков, который может содействовать сглаживанию противоречий между финансовыми интересами государства и организаций на основе компромисса.

Представляется, что для полной реализации всего потенциала взаимосогласительных процедур налогового мониторинга необходимо сделать их менее времязатратными, в том числе за счет допущения обжалования их результатов и мотивированных мнений в целом в судебном порядке.

Представляется, что предложенные автором меры могут способствовать увеличения популярности налогового мониторинга, так как, с одной стороны, они ослабят финансовое давление на его потенциальных участников (за счет субсидий и повышенных коэффициентов расходов), а с другой стороны – предложат большую правовую определенность и создадут дополнительный механизм защиты прав налогоплательщиков.

Литература

1. "Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 31.07.1998 N 146-ФЗ // "Российская газета", N 148-149, 06.08.1998.
2. Налоговый мониторинг – новый уровень отношений между инспекцией и компанией. Интервью Д. В. Егорова и М. Крашенинниковой // СПС «Гарант», режим онлайн – доступа: https://www.garant.ru/interview/1124402/?ysclid=lupi0tep4z717237625 (дата обращения: 07.03.2026);
3. Определение Верховного Суда РФ от 13.05.2025 N 305-ЭС25-3153 // платформа legalacts.ru. Режим онлайн-доступа: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-13052025-n-305-es25-3153-po-delu-n-a40-3051192023/ (дата обращения: 07.03.2026);
4. Определение Верховного Суда РФ от 18.11.2024 N 305-ЭС24-21197 // платформа legalacts.ru. Режим онлайн-доступа: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-18112024-n-305-es24-21197-po-delu-n-a40-3060272023/ (дата обращения: 07.03.2026);
5. 445 компаний стали участниками налогового мониторинга в 2023 году // Официальны сайт ФНС России. Режим онлайн-доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/13059125/ (дата обращения: 07.03.2026).

Some aspects of taxation of personal funds in Russia.

Kuznetsov A.A.

This article discusses the practical aspects of the implementation of tax control in the form of tax monitoring in the Russian Federation. The main ways of information interaction between the Federal Tax Service of Russia and taxpayers who have entered this regime are investigated, their popularity and effectiveness are assessed. The mutually agreed procedures within the framework of the specified regime are considered separately – the institute of motivated opinions. Proposals are being made to further adjust the regime to increase its popularity among taxpayers.

Keywords: tax monitoring, tax control, mutual approval procedures, reasoned opinion, forms of tax control.

References

1. "Tax Code of the Russian Federation (Part One)" of July 31, 1998, No. 146-FZ // Rossiyskaya Gazeta, No. 148-149, August 6, 1998.
2. Tax Monitoring – a New Level of Relations between the Inspectorate and the Company. Interview with D. V. Egorov and M. Krasheninnikova // SPS "Garant", online access: https://www.garant.ru/interview/1124402/?ysclid=lupi0tep4z717237625 (accessed: March 7, 2026);
3. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of May 13, 2025, No. 305-ES25-3153 // legalacts.ru platform. Online access: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-13052025-n-305-es25-3153-po-delu-n-a40-3051192023/ (accessed: 07.03.2026);
4. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 18.11.2024 No. 305-ES24-21197 // legalacts.ru platform. Online access: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-18112024-n-305-es24-21197-po-delu-n-a40-3060272023/ (accessed: 07.03.2026);
5. 445 companies became participants in tax monitoring in 2023 // Official website of the Federal Tax Service of Russia. Online access mode: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/13059125/ (date of access: 07.03.2026).

К вопросу о классификации видов и форм потребительского экстремизма

Орлов Антон Денисович
Аспирант, кафедра гражданского права, Саратовская государственная юридическая академия», orlovad1994@mail.ru

В статье рассматривается актуальная проблема потребительского экстремизма как правового и социального феномена, характеризующегося злоупотреблением потребителями своих законных прав с целью извлечения необоснованной выгоды.
Цель исследования заключается в систематизации и классификации различных форм и видов потребительского экстремизма, а также в анализе механизмов его проявления в современных условиях.
В работе выделяются и подробно анализируются три основные формы потребительского экстремизма: индивидуальный, профессиональный и организованный. Для каждой формы определяются характерные признаки, механизмы реализации и способы противодействия.
Особое внимание уделяется правовым аспектам проблемы, включая анализ действующего законодательства и судебной практики. Автор рассматривает различные проявления потребительского экстремизма, такие как фальсификация доказательств, злоупотребление гарантийными обязательствами и использование пробелов в законодательстве.
Научная новизна исследования заключается в предложенной авторской классификации форм потребительского экстремизма и разработке мер по его предотвращению. В статье представлены конкретные рекомендации по минимизации рисков для предпринимателей, включая фотофиксацию, контроль бирок и пломб, проведение технической экспертизы и создание региональных баз недобросовестных потребителей.
Практическая значимость работы состоит в том, что предложенные меры могут быть использованы как в правоприменительной практике, так и в деятельности предпринимателей по защите своих законных интересов от проявлений потребительского экстремизма.
Ключевые слова: потребительский экстремизм, защита прав потребителе, злоупотребление правом, классификация форм, индивидуальный экстремизм, профессиональный экстремизм,организованный экстремизм.

Потребительский экстремизм, ввиду отсутствия легального определения, тем не менее является правовым и социальным феноменом, суть которого заключается в том, что потребитель, который являясь априори слабой стороной в гражданских правоотношениях, намеренно злоупотребляет предоставленным законодателем комплексом прав, преследует цель неправомерного извлечения выгоды из своего правового статуса, действуя под видом защиты своих законных интересов, посредством предъявления необоснованных требований контрагенту-предпринимателю.

С одной стороны, потребительский экстремизм мог быть порожден позицией законодателя, наделившего достаточно большим количеством прав граждан-участников правоотношений, которые стали использовать это в корыстных целях [1, с. 282].

С другой стороны, в настоящее время фактически отсутствует адекватное правовое регулирование изучаемого явления, что способствует возникновению различных проявлений потребительского экстремизма.

При этом в доктрине не содержится выработанных подходов к систематизации форм и видов потребительского экстремизма. Это существенно затрудняет определение действий, характеризующих проявления потребительского экстремизма, а также минимизирует возможность поиска эффективных путей преодоления таких проявлений.

Исходя из анализа правоприменительной практики можно выделить наиболее часто встречающиеся ситуации, в которых прослеживается намерение потребителя извлечь необоснованную выгоду из правоотношений с контрагентом, выступающим в роли продавца, производителя, подрядчика или исполнителя.

Представляется, что первостепенное значение имеет то, насколько конкретная ситуация может быть квалифицирована как проявление потребительского экстремизма. При этом единичность или массовость определенного поведения конкретного потребителя не всегда может определенно свидетельствовать о наличии признаков потребительского экстремизма.

Если предъявленное требование имеет единичное проявление, то не всегда правильно отрицать проявление злоупотребления правом.

Думается, что потребительский экстремизм определяется следующими признаками:

1. Характер предъявленного требования. Например, если предъявлено требование об обязании произвести безвозмездное устранение недостатков, то квалифицировать это требование как потребительский экстремизм не представляется возможным – это реализация права потребителя.

2. Личность потребителя или общественной организации по защите прав потребителей. Частота инициирования споров по защите прав потребителя одним и тем же субъектов может свидетельствовать о наличии недобросовестного поведения. Кроме того, значение имеет связь потребителя как участника спора с общественными организациями и недобросовестными экспертными организациями.

3. Поведение потребителя или его представителей в суде. Агрессивное поведение, игнорирование на досудебной экспертизы, лоббирование назначения по делу специ-

алистов, компетенция которых вызывает сомнения, зачастую являются показателями недобросовестного потребителя [2, с. 13].

Видится необходимым доктринальное осмысление форм и видов потребительского экстремизма. Формы проявления потребительского экстремизма, которые отличаются в зависимости от конечных целей потребителей-экстремистов:

1) шантаж как форма потребительского экстремизма, выражающийся в угрозах компрометирующих или клеветнических разоблачений с целью получить определенную выгоду или разного рода уступки;

2) инициирование внеплановой проверки со стороны уполномоченных государственных органов;

3) инициирование судебных разбирательств о компенсации имущественного и морального вреда.

Исходя из выделенных форм, можно обозначить различные целевые ориентиры потребительского экстремизма:

– финансовые цели, направленные на получение выгоды в результате досудебного и судебного урегулирования споров;

– нефинансовые цели, направленные на подрыв экономической деятельности юридического лица [3, с. 296].

Кроме выделенных можно обозначить и иные формы потребительского экстремизма.

1. Фальсификация доказательств: подмена товара, имитация дефектов, подделка чеков.

2. Злоупотребление гарантийными обязательствами: намеренная порча товара с последующим требованием замены/ремонта.

3. Использование пробелов в законе: предъявление требований, формально основанных на законе, но не соответствующих его духу (например, требование компенсации морального вреда за незначительное нарушение).

Нами предлагается также авторская классификация форм и видов потребительского экстремизма. Представляется, что можно выделить формы в зависимости от специфики субъектов, реализующих недобросовестное поведение. Так можно выделить:

Индивидуальный (бытовой) потребительский экстремизм. Проявляется в том, что покупатель хочет бесплатно попользоваться вещью или вернуть деньги за товар, которому он намеренно нанес ущерб.

К видам индивидуального потребительского экстремизма можно отнести следующие.

«Бесплатная аренда». Это самая массовая форма. Покупатель приобретает вещь для разового мероприятия, заранее планируя ее вернуть.

- Примеры: вечернее платье на выпускной, дорогой смокинг для свадьбы, телевизор с большой диагональю на время чемпионата мира по футболу или мощный перфоратор для разового ремонта в квартире.
- Механика: Товар используется аккуратно (бирки прячутся под одежду или аккуратно переклеиваются), а на 13-й день возвращается в магазин с формулировкой «не подошел по фасону/цвету/габаритам».

Намеренная порча товара перед концом гарантии Когда срок эксплуатации сложной техники подходит к концу, а владельцу хочется применить недобросовестный обмен товара.

Механика: технически сложный товар подвергается воздействию, которое трудно доказать как умышленное. Например, воздействие электрошокером на порты (выгорание платы без видимых следов). Цель — получить акт о неремонтопригодности и вернуть полную стоимость товара, которая за два года могла даже вырасти.

Потребительский «шантаж» в сфере услуг особенно развит в индустрии красоты, медицине и общественном питании, где результат часто субъективен.

- Механика: Клиент получает услугу (стрижку, сложную косметологическую процедуру, ужин в ресторане), после чего заявляет, что результат «не соответствует ожиданиям». Под угрозой скандала в зале или уничтожения репутации в соцсетях клиент требует обнуления счета или дополнительной денежной компенсации.

Подмена и обновление за счет магазина. Часто встречается в пунктах выдачи заказов (ПВЗ) маркетплейсов.

- Механика: покупатель заказывает новый оригинальный товар (например, кроссовки известного бренда), а в кабинке для примерки подменяет его на свою старую или дешевую подделку. После этого оформляется возврат по причине «не подошло».

Индивидуальный потребительский экстремизм возник, на наш взгляд, исключительно из законодательных предпосылок. А именно, – из ст. 25 Закона РФ «О защите прав потребителей», которая позволяет обменивать непродовольственный товар надлежащего качества в течение 14 дней. Кроме того, в российском законодательстве существует презумпция виновности продавца. В большинстве споров именно предприниматели должны доказывать, что дефект возник по вине клиента. Представляется, что в этом направлении можно принять ряд мер, которые смогут минимизировать риски. Однако такие меры могут потребовать глобальной модернизации не только законодательства, но и правил продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг. В частности, практически оправданными могут быть

- введение тотальной фотофиксации - съемка состояния товара при передаче клиенту и приеме возврата;
- жесткого контроля бирок и пломб: использование одноразовых пластиковых пломб на видных местах одежды, которые невозможно спрятать;
- принципиальное проведение глубокой технической экспертизы;
- репутационная гигиена: создание и ведение региональных баз недобросовестных потребителей.

Индивидуальный потребительский экстремизм опасен тем, что он размывает границы этики. То, что покупатель считает «маленькой хитростью», для малого бизнеса может стать серьезным финансовым ударом. Эффективная защита здесь строится не на агрессии, а на безупречном соблюдении процедур и знании того, где заканчиваются права потребителя и начинается злоупотребление правом.

Второй формой в этой классификации является **профессиональный потребительский экстремизм.** В этом случае субъектами являются профессиональные юристы, которые ищут технические ошибки в договорах или маркировке товаров.

Если бытовой экстремизм — это стихийная хитрость обычного покупателя, то профессиональный потребительский экстремизм — это выстроенная бизнес-модель. Здесь закон РФ «О защите прав потребителей» используется не для восстановления справедливости, а как инструмент достижения заведомо недобросовестных целей.

Реализация такой формы является более опасной для предпринимателей, чем ранее рассмотренная форма.

Профессиональный экстремизм осуществляется лицами с юридическим образованием или специализированными организациями. Их цель — не реальная защита прав потребителя, а процессуальные выплаты:

- Неустойка (пени): 1% от стоимости товара за каждый день просрочки (ст. 23 ЗоЗПП). За 100 дней сумма удваивается.
- Штраф: 50% от всей присужденной суммы в пользу истца (ст. 13 ЗоЗПП).

- Моральный вред и судебные издержки: дополнительные выплаты, которые ложатся на предпринимателей.

При реализации профессионального потребительского экстремизма лица, выступающие в интерех потребителей проводят мониторинг рынка в поисках мелких нарушений в маркировке, инструкциях или договорах купли-продажи, оказания услуг, выполнения работ.

Одним из примеров может служить отсутствие перевода на русский язык одного технического термина в инструкции. Иск подается на основании «непредоставления полной и достоверной информации о товаре», что дает право на возврат денег даже за исправный товар.

Кроме того, происходит искусственное создание просрочки, когда подается претензия, но прилагаются усилия, чтобы предприниматель не смог ее удовлетворить вовремя. Это происходит посредством указания в претензии неверного адреса для ответа, намеренное уклонение от передачи товара на экспертизу. Спустя два месяца подается иск с требованием неустойки за 60 дней, которая может превышать стоимость товара в несколько раз.

Реализовывать изучаемую форму могут так же и так называемые «Потребительские союзы»- организации, которые под видом защиты прав потребителей проводят «проверки» магазинов. Так, например, они находят просроченный товар на полке или ошибку в ценнике, фиксируют это и предлагают бизнесу «досудебное урегулирование», либо подают иск, получая до 25% от штрафа по закону.

Зачастую подобный механизм реализуется через договоры цессии, когда профессиональные участники получают уступку прав требования от потребителей к производителям.

Распространен механизм, в частности, в области продажи технически сложных товаров.

Любой повторяющийся мелкий дефект представляется как существенный недостаток, с целью возврата товара по цене нового с взысканием неустоек.

Мерами по предупреждению и пресечению таких проявлений потребительского экстремизма может быть безупречный документооборот, фиксация уклонения: если клиент не несет товар на экспертизу, нужно отправлять уведомления с описью вложения, приглашать свидетелей, снижение неустоек через ст. 333 ГК РФ: в суде крайне важно ходатайствовать о несоразмерности неустойки последствиям нарушения, что позволяет снизить выплаты в разы.

Профессиональный потребительский экстремизм — это необоснованное и искаженное применение защитных механизмов закона. Пока законодательство содержит ответственности за необоснованные иски и не ограничивает размер неустоек, потребительский экстремизм существует как явление.

Третьей формой можно назвать организованный (институциональный) потребительский экстремизм. По своему содержанию он схож с профессиональным, и заключается в том, что субъектом здесь выступают псевдообщественные организации по защите прав потребителей, которые инициируют иски ради получения части штрафа потребительского штрафа.

Если индивидуальный экстремист действует ради разовой выгоды, а профессиональный юрист ставит целью конкретную неустойку, то институциональный потребительский экстремизм — это высшее проявление потребительского экстремизма. Здесь действуют организации, которые превращают судебные иски в организованную систему и используют свой общественный или юридический статус как легальное прикрытие для системного давления на предпринимателей.

Основными субъектами этого вида деятельности выступают:

- Псевдообщественные организации по защите прав потребителей (ОЗПП). По закону они имеют право проводить проверки и подавать иски в интересах неопределенного круга лиц.
- Специализированные юридические компании, которые получают права требования у граждан по договорам цессии или работают за процент от выигрыша, делая подачу исков системой.
- Экспертные организации-сателлиты. Аффилированные с юристами организации, которые всегда находят «неисправимый производственный брак» там, где его нет.

Механика работы заключается в том, что основным источником получения прибыли становится получение потребительских штрафов.

Главный рычаг влияния институциональных игроков заложен в п. 6 ст. 13 Закона «О защите прав потребителей».Если общественное объединение потребителей обращается в суд с иском, то 50% от суммы штрафа, взысканного с предпринимателя, перечисляется не государству, а этому самому объединению. Это создает прямую финансовую мотивацию не договариваться мирно, а любой ценой доводить дело до максимального штрафа в суде.

Основные стратегии и схемы деятельности:

А. Массовые рейды («Контрольные закупки») Представители ОЗПП приходят в магазин и ищут малейшие формальные зацепки: отсутствие перевода состава на ценнике, просрочка на один день, отсутствие уголка потребителя.

- Цель: Не устранить нарушение, а составить акт и предложить «консультационные услуги» (скрытую форму откупа) либо подать иск и получить судебный штраф.

Б. Конвейерные иски в автопроме и строительстве Это сферы с самыми высокими суммами исков.

- Механика: Организация находит недовольных дольщиков (задержка сдачи дома) или владельцев авто с мелкими дефектами. Юристы берут на себя все расходы, обещая клиенту «золотые горы». В итоге за счет пеней и штрафов сумма иска к застройщику или дилеру может в 2–3 раза превышать реальную стоимость объекта.

В. Экспертный сговор.

Институциональные экстремисты работают в связке с «ручными» экспертами. При осмотре товара эксперт намеренно искажает методику исследования, чтобы признать поломку производственной. Противостоять такой «профессиональной» оценке в суде крайне сложно и дорого.

Институциональный экстремизм наносит вред не только конкретному предпринимателю, но и рынку в целом:

1. Рост цен: компании закладывают риски судебных издержек в стоимость товаров для добросовестных покупателей.
2. Инвестиционные риски: агрессивная юридическая среда отпугивает производителей и застройщиков.
3. Дискредитация идеи защиты прав: реально пострадавшим потребителям становится сложнее добиться справедливости, так как бизнес и суды начинают видеть подвох в каждом обращении.

Представляется необходимой системная защита предпринимателей в этих условиях, которая может принимать конфретные формы:

- Встречные иски о защите репутации, если ОЗПП распространяет порочащие сведения до решения суда.

• Ходатайства о назначении судебной экспертизы:требование проводить исследование в государственных центрах или у экспертов с безупречной репутацией, не связанных с истцом.

• Работа с профильными ассоциациями: крупные игроки рынка объединяются, чтобы вести «черные списки» одиозных юридических контор и обмениваться опытом защиты.

• Фиксация признаков злоупотребления: доказывание в суде, что целью истца является не защита права, а обогащение (ссылка на ст. 10 ГК РФ).

Институциональный потребительский экстремизм — это системный вызов для правовой системы. Пока закон позволяет общественным организациям напрямую зарабатывать на штрафах, стимул к давлению на предпринимателей будет сохраняться. Единственное спасение для компаний — абсолютная юридическая прозрачность и готовность к затяжным позиционным войнам в судах.

Судебная практика по делам о «потребительском экстремизме» основывается на статье 10 Гражданского кодекса РФ, которая запрещает злоупотребление правом. Хотя сам термин «потребительский экстремизм» не закреплен в законе, суды используют его для описания ситуаций, когда целью истца является получение материальной выгоды (неустоек, штрафов), а не защита нарушенного права.

Ниже приведены ключевые примеры и тенденции из практики 2022–2025 годов:

Примеры отказов в исках из-за злоупотребления правом

Суды встают на сторону бизнеса, если доказывается недобросовестность покупателя:

• Иски спустя долгий срок: Женщине отказали в выплате 2,5 млн ₽ (при цене пылесоса 111 тыс. рублей), так как она подала иск через 13 лет после покупки. Суд счел это попыткой нажиться на необоснованных претензиях.

• Манипуляции с информацией: Мужчина пытался вернуть деньги за прочистную машину (405 тыс. рублей) спустя 8 месяцев, мотивируя это отсутствием инструкции на русском языке. Суд отказал, так как продавец доказал отправку инструкции вскоре после покупки, а истец просто выжидал время для взыскания пеней.

• Необоснованные претензии к товару: Покупательница требовала 50 тыс. рублей за «обман» при покупке часов, утверждая, что хотела механические, а ей продали кварцевые. Суд отказал, так как тип механизма был четко указан на циферблате и в паспорте изделия.

• Отказ в возврате из-за подгонки: Суд признал правомерным отказ магазина принять пуховик, так как покупательница сначала согласилась на его индивидуальную подгонку, а затем передумала.

Таким образом, потребительский экстремизм представляет собой злоупотребление правами потребителя с целью получения необоснованной выгоды или давления на предпринимателей. Он не является единым однородным явлением, а проявляется в разнообразных формах и видах как отдельных действиях, так и в их сочетаниях. Правоприменительная практика требует доктринального осмысления форм и видов потребительского экстремизма.

Литература

1. Саломахина А.С. Формы проявления потребительского экстремизма // Актуальные проблемы частного права. Сборник статей о материалам межвузовского научно-практического круглого стола. Санкт-Петербург, 2025.

2. Валежников С.В., Жихарев Е.Г., Криулин А.А., Фурин В.А., Кононова А.Ю. Юристы vs потребительский экстремизм. Как защитить производителя и продавца в спорах с потребителями / Валежников С.В.// Актион цифровое издательство. 2025.

3. Файзрахманов Р.Р. Потребительский экстремизм: возможности уголовной ответственности // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56).

On the classification of types and forms of Consumer Extremism

Orlov A.D.
Saratov State Law Academy

The article examines the problem of consumer extremism as a legal and social phenomenon characterized by deliberate abuse of consumer rights to obtain unjustified benefits.

The **research objective** is to systematize and classify various forms and types of consumer extremism, as well as to analyze its manifestation mechanisms in modern conditions.

The study identifies and analyzes three main forms of consumer extremism: individual, professional, and organized. Each form is characterized by specific features, implementation mechanisms, and methods of counteraction.

The article focuses on legal aspects of the problem, including analysis of current legislation and judicial practice. The author examines various manifestations of consumer extremism such as falsification of evidence, abuse of warranty obligations, and exploitation of legislative gaps.

Keywords**:** consumer extremism, consumer rights protection, abuse of rights, classification of forms, individual extremism, professional extremism, organized extremism, judicial practice.

References

1. Salomakhina, A.S. “Forms of Consumer Extremism.” Current Issues of Private Law. A Collection of Articles Based on the Materials of the Interuniversity Scientific and Practical Round Table. St. Petersburg, 2025.
2. Valezhnikov, S.V., Zhikharev, E.G., Kriulin, A.A., Furin, V.A., Kononova, A.Yu. “Lawyers vs. Consumer Extremism. How to Protect Manufacturers and Sellers in Disputes with Consumers.” Valezhnikov, S.V., Aktion Digital Publishing House, 2025.
3. Fayzrakhmanov, R.R. “Consumer Extremism: Possibilities of Criminal Liability.” Business. Education. Law. 2021. No. 3 (56).

Особенности гражданско-правовой ответственности нотариуса при совершении электронных нотариальных действий: сравнительно-правовой аспект

Рогов Артур Александрович
аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», rogov.artur2010@yandex.ru

Статья посвящена актуальной проблеме цифровой трансформации института нотариата в Российской Федерации и зарубежных странах с точки зрения разграничения пределов гражданско-правовой ответственности нотариуса. Цель исследования заключается в выявлении правовых лакун и проблем распределения имущественных рисков при совершении дистанционных и удаленных нотариальных действий, а также в формировании оптимальной модели ответственности. В качестве методов исследования применялись формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы, позволившие сопоставить подходы латинского нотариата и системы общего права (на примере США). Литературный обзор базируется на анализе современных публикаций по вопросам электронного нотариата и гражданско-правовых деликтов. Результаты исследования демонстрируют, что в англо-американской правовой семье ответственность публичного нотариуса ограничивается деликтом профессиональной небрежности, тогда как технологические риски несут провайдеры цифровых платформ. Обсуждение результатов показывает, что в российском праве действует строгая имущественная ответственность нотариуса за реальный ущерб, что в условиях цифровизации ставит нотариуса в уязвимое положение при технических сбоях инфраструктуры. В заключении обосновывается необходимость законодательного закрепления презумпции отсутствия вины нотариуса в случаях причинения вреда исключительно вследствие компрометации государственных информационных систем.

Ключевые слова: электронный нотариат, дистанционные нотариальные действия, гражданско-правовая ответственность, возмещение вреда, латинский нотариат, англо-американское право, цифровизация.

Введение

Глобальная цифровизация экономики и переход гражданского оборота в виртуальную среду потребовали кардинальной модернизации правовых институтов. В авангарде этих изменений оказался нотариат, историческая функция которого заключается в обеспечении стабильности и бесспорности имущественных отношений. Как справедливо отмечает Д.Е. Вокуев, основой цифровизации в России явилось появление в 2013 году Единой информационной системы нотариата (ЕИС), принадлежащей на праве собственности Федеральной нотариальной палате [2, с. 2]. Внедрение электронного нотариата (в частности, возможности дистанционного удостоверения сделок) открыло новые горизонты для участников оборота. По статистике, только в 2021 году подобной интерференцией (переводом бумажного документа в цифровой вид и наоборот) на территории Российской Федерации граждане воспользовались более чем 4,6 млн раз [8, с. 61]. Однако перенос юридически значимых действий в онлайн-среду породил беспрецедентные риски, напрямую влияющие на механизм гражданско-правовой ответственности нотариусов.

Материалы и методы Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных (анализ, синтез, индукция, дедукция) и специальных юридических методов. Основным выступил сравнительно-правовой метод, позволивший сопоставить подходы к электронной нотариальной деятельности и распределению деликтной ответственности в странах континентальной (Российская Федерация) и англо-американской (США) правовых семей. Использовался также формально-догматический метод при анализе норм российского законодательства о нотариате и зарубежных актов, регулирующих процедуры удаленного нотариата.

Литературный обзор Проблематика внедрения цифровых технологий в нотариальную деятельность активно обсуждается в современной юридической доктрине. Концептуальный вопрос о том, является ли современный нотариат «цифровым» или «электронным», поднимается в исследованиях С.Г. Долгова [3, с. 42]. Практические аспекты и проблемы внедрения цифровых технологий, в том числе сложности согласования часовых поясов при дистанционном удостоверении договоров, подробно проанализированы С.Д. Пилясовой [7, с. 74]. Зарубежный опыт использования электронного нотариата, включая проект онлайн-резидентства «BitNation Public Notary» в Эстонии, освещен в работе С.В. Жучкова и Е.С. Смольянинова [4, с. 105]. Вопросы статуса нотариуса в англо-американском праве, свидетельствующего лишь подпись, но не законность документа, раскрываются в трудах О.А. Терновой [9, с. 24]. При этом важнейшая роль нотариуса в предотвращении фальсификации решений в корпоративной сфере подчеркивается М.Н. Илюшиной [5, с. 20]. Вместе с тем, вопросы трансформации гражданско-правовой ответственности нотариуса в условиях электронного оборота требуют дополнительного сравнительно-правового осмысления.

Результаты Сравнительно-правовой анализ показывает, что государства, принадлежащие к латинской и англо-американской правовым системам, по-разному подходят к интеграции цифровых технологий и распределению возникающих имущественных рисков.

Англо-американская правовая система стала пионером в области удаленного нотариата. Как отмечает М.Е. Бегларян, в США первым штатом, легализовавшим электронный нотариат с использованием средств удаленной видеофиксации совершения нотариальных действий, с 1 июля 2012 года стала Вирджиния [1, с. 145].

В рамках англо-американской модели публичный нотариус (notary public) не проводит глубокую правовую экспертизу документа. В его компетенцию не входит проверка полномочий сторон или законности содержания акта [9, с. 24]. В связи с этим гражданско-правовая ответственность американского нотариуса при совершении цифровых действий строится на доктрине профессиональной небрежности (negligence). Имущественная ответственность нотариуса в США часто ограничивается суммой нотариального залога. Тем не менее, за умышленное удостоверение ложных фактов предусмотрены строгие санкции. Так, согласно официальному руководству для публичных нотариусов штата Калифорния, нотариус, умышленно удостоверивший ложный материальный факт, подвергается гражданскому штрафу в размере до 10 000 долларов США [10, p. 11]. Для митигации рисков кражи личности при удаленных сделках американские нотариусы делегируют процесс верификации частным технологическим платформам, которые несут основную тяжесть ответственности за технические сбои.

В государствах латинского нотариата, к которым относится Российская Федерация, подход носит принципиально иной характер. Российский нотариус несет полную личную имущественную ответственность за вред, причиненный вследствие незаконного нотариального действия. При этом, как справедливо подчеркивает Е.Г. Негодаева, анализируя ст. 17 Основ законодательства РФ о нотариате, ущерб, подлежащий возмещению нотариусом, должен быть исключительно реальным [6, с. 77].

Обсуждение В условиях развития цифровой среды применение принципа строгой личной ответственности нотариуса вызывает серьезные вопросы. Как обоснованно указывают исследователи, одной из самых главных проблем при совершении электронных нотариальных действий остается обеспечение безопасности персональных данных лиц, обращающихся к нотариусу [4, с. 105]. Кроме того, цифровизация накладывает на нотариусов двойную нагрузку. Переход на электронный документооборот, как минимум, удваивает работу рядового нотариуса, так как от него одновременно требуется наполнение информацией Единой информационной системы (ЕИС) и параллельное ведение бумажного делопроизводства[7, с. 75]. Возникает сложнейшая проблема каузальности: кто должен нести ответственность за ущерб, причиненный сторонам сделки вследствие технического сбоя ЕИС или компрометации защищенных каналов связи? Государство, осуществляя функции контроля за нотариальной деятельностью через органы юстиции, не осуществляет непосредственного оперативного контроля за внебюджетным нотариатом [8, с. 63]. В отличие от американской системы, где ответственность распределяется между нотариусом и ИТ-платформой через призму оценки должной осмотрительности, российский нотариус рискует оказаться виновным в силу закона, отвечая всем своим имуществом за уязвимости государственной или корпоративной инфраструктуры, которую он не контролирует.

Заключение Цифровизация неизбежно трансформирует парадигму гражданско-правовой ответственности в нотариате. Если в англо-американской правовой семье электронные риски абсорбируются стандартами деликтного права и технологическими провайдерами, то в латинском нотариате принцип полной личной ответственности вступает в противоречие с объективной невозможностью нотариуса полностью контролировать безопасность цифровой среды и каналов связи. Для совершенствования отечественного законодательства представляется целесообразным закрепление презумпции отсутствия вины нотариуса в случаях, когда имущественный вред был причинен исключительно вследствие технического сбоя сертифицированных информационных систем (ЕИС нотариата, портала Госуслуг и др.), с субсидиарным возложением бремени возмещения вреда на операторов соответствующих цифровых инфраструктур.

Литература

1. Бегларян М. Е. Цифровизация вещных и иных отношений: проблемы и правовые решения // Общество и право. – 2021. – № 2 (76). – С. 144–149.
2. Вокуев Д. Е. Нотариат в эпоху цифровизации // Аллея Науки. – 2023. – Т. 1, № 5(80). – С. 1-6.
3. Долгов С. Г. Нотариат сегодня, цифровой или электронный? // Нотариус. – 2021. – № 2. – С. 42-45.
4. Жучков С. В., Смольянинов Е. С. Цифровизация нотариального производства: современное состояние и перспективы развития // Право и управление. – 2022. – № 11. – С. 103-106.
5. Илюшина М. Н. Новеллы законодательства и правоприменительной практики и вопросы нотариального сопровождения деятельности юридических лиц. – Москва: Фонд развития правовой культуры, 2023. – 104 с.
6. Негодаева Е. Г. Особенности привлечения нотариусов к гражданско-правовой ответственности // Юристъ-Правоведъ. – 2023. – № 3 (106). – С. 74–80.
7. Пилясова С. Д. Цифровая трансформация нотариальной деятельности: отдельные неоднозначные вопросы // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2023. – Vol. 1-3 (76). – С. 73-76.
8. Полякова Т. А., Троян Н. А. Тенденции развития единой информационной системы нотариата: цифровые новеллы // Правовая информатика. – 2022. – № 2. – С. 59-65.
9. Терновая О. А. Международные аспекты нотариальной деятельности: учебное пособие. – Москва: Фонд развития правовой культуры, 2021. – 80 с.
10. California Notary Public Handbook / Published by Alex Padilla, Secretary of State. – California, 2016. – 49 p.

Features of civil liability of a notary when performing electronic notarial acts: a comparative legal aspect

Rogov A.A.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

The article is devoted to the actual problem of digital transformation of the notary institution in the Russian Federation and foreign countries in terms of differentiating the limits of civil liability of a notary. The purpose of the study is to identify legal gaps and problems in the distribution of property risks when performing remote notarial acts, as well as to form an optimal liability model. Formal-legal, systemic-structural, and comparative-legal methods were used as research methods, which made it possible to compare the approaches of the Latin notary and the common law system (using the example of the USA). The literature review is based on the analysis of modern publications on the issues of electronic notaries and civil torts. The results of the study demonstrate that in the Anglo-American legal family, the liability of a notary public is limited to the tort of professional negligence, while technological risks are borne by digital platform providers. Discussion of the results shows that in Russian law there is strict property liability of a notary for actual damage, which in the context of digitalization places the notary in a vulnerable position in the event of technical infrastructure failures. In conclusion, the necessity of legislative consolidation of the presumption of the absence of the notary's guilt in cases of causing harm solely due to the compromise of state information systems is substantiated.

Keywords: electronic notary, remote notarial acts, civil liability, compensation for damages, Latin notary, Anglo-American law, digitalization.

References

1. Beglaryan M. E. Digitalization of real and other relations: problems and legal solutions. *Society and Law*, 2021, no. 2 (76), pp. 144-149. (In Russ.)
2. Vokuev D. E. Notary in the era of digitalization. *Alley of Science*, 2023, vol. 1, no. 5(80), pp. 1-6. (In Russ.)
3. Dolgov S. G. Notary today, digital or electronic? *Notary*, 2021, no. 2, pp. 42-45. (In Russ.)
4. Zhuchkov S. V., Smolyaninov E. S. Digitalization of notary production: current state and prospects of development. *Law and Management*, 2022, no. 11, pp. 103-106. (In Russ.)
5. Ilyushina M. N. Novelties of legislation and law enforcement practice and issues of notarial support for the activities of legal entities. Moscow, Legal Culture Development Fund Publ., 2023. 104 p. (In Russ.)
6. Negodaeva E. G. Features of involving notaries to civil liability. *Jurist-Pravoved*, 2023, no. 3 (106), pp. 74-80. (In Russ.)
7. Pilyasova S. D. Digital transformation of notary activity: some ambiguous issues. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2023, vol. 1-3 (76), pp. 73-76. (In Russ.)
8. Polyakova T. A., Troyan N. A. Tendencies in the development of the single notarial information system: digital novelties. *Legal Informatics*, 2022, no. 2, pp. 59-65. (In Russ.)
9. Ternovaya O. A. International aspects of notarial activity: study guide. Moscow, Legal Culture Development Fund Publ., 2021. 80 p. (In Russ.)
10. California Notary Public Handbook. Published by Alex Padilla, Secretary of State. California, 2016. 49 p. (In Eng.)

Правовое регулирование логистических услуг: соотношение договорных форм и отраслевой специфики

Рунова Елизавета Игоревна
Студент, кафедра гражданского права, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, elizaar.runova@mail.ru

Статья посвящена разграничению договорных конструкций, применяемых при оказании логистических услуг, и выявлению влияния отраслевых транспортных режимов на выбор правовой модели. Актуальность темы связана с тем, что логистика на практике оформляется через неоднородные договорные связи, тогда как в гражданском законодательстве отсутствует самостоятельный тип договора логистических услуг. Научная новизна состоит в построении схемы квалификации логистической деятельности по преобладающему обязательству и по отраслевому режиму перевозки. Цель исследования — установить, в каких случаях логистическая операция подлежит оформлению договором перевозки, транспортной экспедиции, возмездного оказания услуг либо фрахтования, а где требуется смешанная конструкция. Методическая база опирается на анализ научных публикаций, сравнительно-правовой разбор, классификацию и логико-юридическое толкование. Исследовательский корпус составили современные русскоязычные работы по транспортному и гражданскому праву, нормативные акты, транспортные уставы и кодексы. В аналитической части раскрыты критерии разграничения договоров, последствия цифровизации перевозочного документооборота и специфика ответственности участников логистической цепи. Практическая ценность полученных выводов связана с подготовкой договоров, квалификацией спорных отношений и снижением риска неверного выбора правовой формы.
Ключевые слова: логистические услуги, договор перевозки груза, договор транспортной экспедиции, возмездное оказание услуг, фрахтование, смешанный договор, транспортное право, электронные перевозочные документы, ответственность перевозчика, ответственность экспедитора.

Введение

Рост комплексных логистических сервисов обострил старую для частного права проблему: хозяйственный оборот давно использует категорию «логистическая услуга», а гражданское законодательство оперирует иным набором договорных моделей. Из-за такого расхождения один и тот же массив действий нередко описывается в договоре как единый сервис, хотя по юридической природе внутри него сосуществуют перевозка, экспедиционное сопровождение, фрахтование, информационное обслуживание, документооборот, координация маршрута и иные действия. Ошибка квалификации затрагивает порядок заключения договора, набор обязательных документов, пределы ответственности, правила привлечения третьих лиц и способ распределения рисков между участниками цепи поставки.

Цель исследования — установить соотношение договорных форм, применяемых при оказании логистических услуг, и показать, как отраслевой транспортный режим влияет на выбор правовой конструкции. Для достижения цели решаются три задачи: определить границы применения общегражданской модели возмездного оказания услуг в логистике; разграничить договор перевозки, транспортную экспедицию, фрахтование и смешанные конструкции по предмету и преобладающему обязательству; выявить воздействие отраслевой специфики перевозок и цифрового документооборота на содержание прав и обязанностей сторон.

Научная новизна работы состоит в том, что логистическая деятельность рассматривается не через хозяйственный термин, а через систему юридических критериев квалификации: фактическое перемещение груза, организация перевозки, предоставление вместимости транспортного средства, выполнение сопутствующих действий вне режима перевозки. Такая постановка вопроса позволяет устранить смешение гражданско-правовых форм и точнее выстроить договорную работу в транспортной сфере.

Материалы и методы

Материальную базу исследования составили современные русскоязычные публикации по гражданскому и транспортному праву, посвященные договорной квалификации перевозочных и логистических отношений. Е.Д. Агарелик, А.А. Гудман, А.Ю. Ломако [1] анализируют основания и формы ответственности сторон по договору транспортной экспедиции; Ю.А. Арестова и М.Ю. Артамонова [2] обращаются к цифровой инфраструктуре транспортно-логистической платформы и трудностям интеграции в ее сервисы; В.А. Бледных и А.А. Чульдум [3] рассматривают правовое регулирование международных автомобильных перевозок; Н.А. Бутакова [4] раскрывает узловые проблемы договора транспортной экспедиции; Ю.С. Гущин [5] исследует цифровые инструменты внешнеторговой логистики; Ю.А. Лончакова [6] проводит разграничение договора перевозки груза и договора транспортной экспедиции; Н.А. Пряхина и Е.В. Чуклова [7] изучают договор воздушной перевозки грузов; А.С. Рыжова [8] рассматривает государственное регулирование и контроль на автомобильном транспорте; Н.И. Соловяненко [9] сосредоточена на правовых вопросах цифрового взаимодействия при реализации транспортной стратегии; А.А. Чернов [10] анализирует правовое регулирование услуг в сфере грузовых автомобильных перевозок.

Методический инструментарий опирается на анализ научных публикаций, сравнительно-правовой разбор, классификацию договорных моделей, логико-аналитическое толкование норм гражданского и транспортного законодательства, синтез полученных положений для выработки схемы квалификации логистических услуг применительно к договорной практике.

Результаты

В российском праве логистическая услуга не оформлена как самостоятельный поименованный договор. По данной причине правовая квалификация строится не по коммерческому названию сервиса, а по содержанию преобладающего обязательства. Когда на первый план выходит совершение действий, направленных на фактическое перемещение груза и его выдачу управомоченному получателю, включается режим перевозки груза; когда предметом выступает организация перевозочного процесса и связанных с ним операций, действуют нормы о транспортной экспедиции; при оказании сопутствующих действий вне режима перевозки применяются положения гл. 39 ГК РФ о возмездном оказании услуг; предоставление вместимости транспортного средства либо его части для перевозки подводит отношения к фрахтованию. Данный подход прослеживается в работах Н.А. Бутаковой, Ю.А. Лончаковой и А.А. Чернова, где разграничение строится через предмет договора, структуру обязанностей и характер результата [4; 6; 10]. Нормативная опора для такого деления закреплена в ст. 779–783 ГК РФ, ст. 784–787 ГК РФ, ст. 801–806 ГК РФ.

Применение гл. 39 ГК РФ к логистике оправдано в тех случаях, когда исполнитель не принимает на себя обязанность перевезти груз либо организовать перевозку как экспедитор, а выполняет самостоятельные действия сервисного характера: диспетчеризацию, информационное сопровождение, мониторинг движения, подбор маршрута, обработку заявок, координацию взаимодействия участников доставки, подготовку отдельных документов, не образующих перевозочный или экспедиционный режим. Для такого блока отношений существенны ст. 779 и 783 ГК РФ, связывающие договорную модель с совершением определенных действий и с субсидиарным применением общих положений об обязательствах и подряде. А.А. Чернов прямо показывает, что практика автомобильного рынка склонна искусственно расширять сферу «услуг», подменяя ею перевозку, тогда как транспортное право требует точной квалификации [10]. В исследовании А.С. Рыжовой государственное регулирование автомобильного транспорта раскрыто через обязательность специальных требований к участникам отрасли, что усиливает границы между свободной сервисной моделью и специальным транспортным режимом [8].

Когда предмет договора образует именно перевозка груза, общегражданская конструкция уступает место специальному регулированию. Ст. 784 и 785 ГК РФ закрепляют общие положения о перевозке груза и о транспортной накладной как основном доказательстве заключения договора. Дальнейшая детализация распределена по транспортным уставам и кодексам. На автомобильном транспорте значение имеет ст. 8 Федерального закона от 08.11.2007 № 259-ФЗ, где транспортная накладная названа перевозочным документом; в железнодорожной сфере применяются ст. 25 и 26 Устава железнодорожного транспорта РФ, связывающие прием груза к перевозке с оформлением транспортной железнодорожной накладной; для морской перевозки опорное значение имеют ст. 115 и 117 КТМ РФ; в воздушной перевозке — ст. 103 и 105 ВК РФ; во внутреннем водном сообщении — ст. 67 КВВТ РФ. Литература последних лет подтверждает, что отраслевой документ здесь выступает не техническим приложением к сделке, а ее правовым ядром: такой вывод прослеживается у В.А. Бледных и А.А. Чульдум применительно к международной автомобильной перевозке, у Н.А. Пряхиной и Е.В. Чукловой — применительно к воздушной перевозке, у А.А. Чернова — в анализе автомобильного сообщения [3; 7; 10].

Отдельную линию образует фрахтование. Ст. 787 ГК РФ связывает договор фрахтования с предоставлением за плату всей либо части вместимости транспортного средства на один или несколько рейсов для перевозки грузов, пассажиров и багажа. Для автомобильного транспорта специальное закрепление дано в ст. 18 Закона № 259-ФЗ, где договор фрахтования оформляется в письменной форме, в том числе в электронном виде. В воздушном праве смежный режим закреплен в ст. 104 ВК РФ. Практическая ценность разграничения перевозки и фрахтования состоит в том, что в первом случае перевозчик обязуется доставить конкретный груз, а во втором акцент переносится на предоставление вместимости, распределение коммерческого риска загрузки и согласование использования транспортного ресурса. Такой нюанс прослеживается в работах по международной автоперевозке и по воздушной перевозке груза [3; 7].

Сфера транспортной экспедиции охватывает иной предмет. Ст. 801 ГК РФ описывает договор экспедиции через обязанность экспедитора за вознаграждение и за счет клиента выполнить либо организовать выполнение услуг, связанных с перевозкой груза. Уже из конструкции нормы следует, что экспедиторский договор не поглощает перевозку автоматически: он направлен на организацию, сопровождение, оформление и координацию перевозочного процесса. Закон от 30.06.2003 № 87-ФЗ конкретизирует состав отношений, а Правила транспортно-экспедиционной деятельности, утвержденные постановлением Правительства РФ от 08.09.2006 № 554, развивают порядок оказания услуг, требования к поручению экспедитору, экспедиторским документам и взаимодействию сторон. В научных публикациях Е.Д. Агарелик, А.А. Гудман, А.Ю. Ломако, Н.А. Бутаковой и Ю.А. Лончаковой экспедиция рассматривается как самостоятельная договорная форма с собственным распределением ответственности, отличным от классической перевозки [1; 4; 6].

Современная редакция Закона № 87-ФЗ усилила публично-правовую насыщенность экспедиционной деятельности. В тексте закона закреплены ст. 1.1, 2.1, 2.2, 2.3, посвященные ограничениям при работе с отдельными категориями грузов, условиям допуска к деятельности и сведениям реестрового характера. Такая эволюция меняет прежнее восприятие экспедитора как почти полностью диспозитивного посредника. Экспедитор превращается в профессионального участника рынка с более жестким нормативным профилем, а договорная свобода сторон получает дополнительные пределы, продиктованные безопасностью перевозок, контролем за участниками логистического оборота и прослеживаемостью операций. Для гражданско-правовой квалификации отсюда вытекает практический вывод: обозначение исполнителя в договоре как «логистического оператора» само по себе не снимает вопрос о соблюдении специальных требований закона к экспедитору.

Отраслевая специфика особенно заметна там, где хозяйствующий субъект предлагает клиенту комплексную доставку «под ключ». В таком случае внешняя целостность сервиса скрывает многослойную юридическую структуру. Первая группа обязанностей относится к перевозке и подчиняется транспортным уставам либо кодексам; вторая группа охватывает организацию доставки и оформляется через экспедицию; третья группа касается сервисных операций и подводится под гл. 39 ГК РФ. Ю.А.

Лончакова показывает, что смешение предмета перевозки и предмета экспедиции ведет к ошибкам в распределении ответственности [6]. Сходную мысль развивает Н.А. Бутакова, указывая на потребность в более жестком разграничении организационных и перевозочных действий [4]. Е.Д. Агарелик, А.А. Гудман и А.Ю. Ломако связывают корректную квалификацию с правильным выбором модели ответственности [1]. Внешнеторговая логистика, исследованная Ю.С. Гущиным, усиливает такую многослойность за счет электронного документооборота, участия нескольких посредников и стыка частноправовых и регуляторных процедур [5].

Значительное влияние на содержание логистических отношений оказывает цифровизация транспортной среды. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года ориентирует отрасль на переход к сквозному электронному взаимодействию. Постановление Правительства РФ от 21.05.2022 № 931 закрепило правила обмена электронными перевозочными документами и сведениями, содержащимися в них. Для автомобильной перевозки нормативную базу образует ст. 8 Закона № 259-ФЗ; на морском транспорте электронная форма прямо допущена ст. 117 КТМ РФ; в экспедиционной сфере электронный документооборот встроен в практику исполнения поручения. В научной литературе цифровой сдвиг раскрыт через разные исследовательские линии: Ю.А. Арестова и М.Ю. Артамонова сосредоточены на платформенной интеграции [2], Ю.С. Гущин — на внешнеторговых цифровых инструментах [5], Н.И. Соловяненко — на правовых вопросах цифрового взаимодействия в транспортной системе [9], А.А. Чернов — на влиянии цифровой среды на услуги в сфере автоперевозок [10]. Совокупно данные работы убеждают: электронная форма не создает новой договорной конструкции, а перестраивает доказательственную и организационную ткань уже существующих моделей.

Для международной и внешнеторговой логистики соотношение договорных форм приобретает еще более сложный характер. Здесь к внутреннему разграничению перевозки, экспедиции и сервисных операций добавляются вопросы стыковки национального перевозочного режима с международными правилами оформления документов, с трансграничным информационным обменом и с распределением ответственности между несколькими участниками цепи. У В.А. Бледных и А.А. Чульдум внимание сосредоточено на международной автомобильной перевозке [3]; Н.А. Пряхина и Е.В. Чуклова анализируют особенности воздушного договора [7]; Ю.С. Гущин связывает развитие внешнеторговой логистики с цифровыми инструментами [5]; Н.И. Соловяненко выводит на первый план правовую сторону цифровой координации транспортной системы [9]. Из сопоставления названных работ следует, что единый «логистический» договор для таких отношений в большинстве случаев правовой точности не обеспечивает: конструкция требует дробления на отдельные обязательственные блоки либо прямого использования смешанного договора с подробным распределением обязанностей.

Квалификация влияет и на режим ответственности. Для перевозчика опорное значение сохраняет ст. 796 ГК РФ, связывающая ответственность с утратой, недостачей и повреждением груза. В договоре транспортной экспедиции ст. 803 ГК РФ устанавливает самостоятельную основу ответственности экспедитора, а ст. 805 и 806 ГК РФ регулируют привлечение третьих лиц и односторонний отказ от исполнения договора. В научной литературе вопрос о распределении рисков занимает центральное место: Е.Д. Агарелик, А.А. Гудман, А.Ю. Ломако анализируют формы ответственности сторон [1], Н.А. Бутакова фиксирует проблемные зоны действующего регулирования [4], Ю.А. Лончакова показывает практическую значимость отделения экспедитора от перевозчика [6]. Для автомобильной отрасли А.С. Рыжова и А.А. Чернов подчеркивают, что специальное регулирование перевозочной деятельности не допускает произвольного переноса сервисной терминологии на отношения, где по существу имела место перевозка [8; 10].

Проведенный разбор позволяет выстроить следующую схему. Если доминирует обязанность доставить груз и выдать его получателю — применяется договор перевозки и соответствующий отраслевой транспортный режим. Если исполнитель организует доставку, оформляет документы, взаимодействует с перевозчиками и сопровождает грузопоток — надлежит обращаться к транспортной экспедиции. При предоставлении вместимости транспортного средства предмет договора смещается к фрахтованию. Когда же речь идет о самостоятельных логистических действиях сервисного типа вне режима перевозки и экспедиции, применяется возмездное оказание услуг. Комплексные логистические проекты требуют либо четкого дробления обязательств, либо смешанного договора с раздельным описанием предмета, документов, порядка исполнения и ответственности.

Обсуждение

Сопоставление научных работ и нормативного массива показывает устойчивое расхождение между языком рынка и языком права. Бизнес охотно оперирует универсальной формулой логистического сервиса, поскольку она удобна для коммерческого предложения и для сборки комплексного продукта. Юридическая квалификация устроена строже: она требует ответа на вопрос, какое обязательство образует правовое ядро сделки. Из-за такой разницы именно договорная техника, а не фирменное название услуги, получает определяющее значение для спора.

В научной литературе просматриваются две линии. Первая стремится максимально четко отделить перевозку от экспедиции и от сервисных действий. Вторая исходит из высокой степени переплетения операций в современной логистике и фактически подталкивает к расширенному применению смешанных конструкций. Первая линия лучше защищает предсказуемость ответственности и порядок доказывания. Вторая точнее описывает хозяйственную реальность, особенно при мультимодальной доставке и при работе цифровых платформ. Напряжение между этими линиями пока не снято.

Отдельного внимания заслуживает изменение правового профиля экспедитора. Ранее экспедиция воспринималась прежде всего как гибкая посредническая конструкция, удобная для договорной настройки. Нынешнее усиление специальных требований к участникам рынка показывает иной вектор: государство последовательно насыщает экспедиционную деятельность элементами допуска, учета и контроля. Для практики договорной работы из такого сдвига вытекает один прямой вывод: частноправовое оформление сделки уже нельзя анализировать в отрыве от специальных ограничений, адресованных профессиональному участнику логистического рынка.

Цифровой документооборот не устраняет разграничение договорных форм, а делает его еще более чувствительным. Электронная накладная, цифровой след поручения экспедитору, платформенный обмен сведениями и автоматизированная передача данных повышают прозрачность исполнения, но одновременно требуют точного ответа, какой именно договор лежит в основе конкретной операции. Без такого ответа цифровая среда не упрощает спор, а, напротив, фиксирует его с большей степенью детализации.

Слабым местом современной доктрины остается разработка многоступенчатых логистических связей, где один оператор фактически соединяет функции экспедитора, организатора платформенного сервиса и продавца комплексного продукта, а реальное перемещение груза выполняют иные лица. Здесь гражданско-правовая квалификация легко уходит в смешанные модели, но критерии распределения ответственности между звеньями цепи еще не получили достаточной глубины в научной разработке. По той же причине сохраняется запрос на более детальную правовую модель мультимодальной доставки, основанную не на хозяйственной терминологии, а на точном разграничении обязательств.

Заключение

Проведенное исследование показало, что общегражданская модель возмездного оказания услуг применима к логистике лишь при наличии самостоятельных сервисных действий, не образующих ни перевозку, ни транспортную экспедицию. Простое употребление в договоре выражений «логистическое обслуживание» или «комплексная логистика» не меняет юридической природы обязательства.

Разграничение договорных форм строится по предмету и по доминирующей обязанности стороны. Перемещение груза с выдачей получателю подводит отношения к перевозке; организация перевозочного процесса — к транспортной экспедиции; предоставление вместимости транспортного средства — к фрахтованию; сопутствующие сервисные операции вне специального транспортного режима — к возмездному оказанию услуг. При соединении нескольких блоков в одном проекте требуется смешанная договорная конструкция либо раздельное договорное оформление.

Отраслевая специфика транспорта и переход к электронному документообороту прямо влияют на содержание прав и обязанностей сторон, на набор обязательных документов и на режим ответственности. По данной причине правовое регулирование логистических услуг следует строить не вокруг хозяйственного термина, а вокруг точной квалификации конкретных обязательственных связей с учетом специального транспортного законодательства.

Литература

1. Агарелик Е. Д., Гудман А. А., Ломако А. Ю. Основания и формы ответственности сторон по договору транспортной экспедиции. Сравнительный анализ законодательства Республики Беларусь, Российской Федерации, Республики Казахстан // Universum: экономика и юриспруденция. 2025. № 12 (134). URL: https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21314 (дата обращения: 22.03.2026).
2. Арестова Ю. А., Артамонова М. Ю. Исследование вопросов внедрения НЦТЛП и проблемных вопросов интеграции в ее информационные сервисы // Вестник Академии знаний. 2024. № 6 (65). С. 47–54. EDN: VAYBOA.
3. Бледных В. А., Чульдум А. А. Правовое регулирование международных автомобильных перевозок // Молодой ученый. 2023. № 46 (493). С. 181–182.
4. Бутакова Н. А. Проблемы правового регулирования договора транспортной экспедиции // Проблемы частноправового и публично-правового регулирования транспортной деятельности: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 23 ноября 2022 года. Уфа: НИИ проблем правового государства, 2023. С. 59–65. DOI: 10.56777/pplaw.2023.30.71.008.
5. Гущин Ю. С. Цифровые инструменты внешнеторговой логистики в 2024 году: проблемы и решения // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 10. С. 126–134. DOI: 10.24412/2072-8042-2024-10-126-134.
6. Лончакова Ю. А. Анализ различий между договором перевозки груза и договором транспортной экспедиции // Образование и право. 2024. № 2. С. 283–288. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-2-283-288.
7. Пряхина Н. А., Чуклова Е. В. Договор воздушной перевозки грузов // Актуальные вопросы юридических наук: материалы XV Международной научной конференции, Казань, апрель 2022 года. Казань: Молодой ученый, 2022. С. 16–22.
8. Рыжова А. С. Государственное регулирование и контроль в отрасли автомобильного транспорта России // Вестник Академии знаний. 2024. № 3 (62). С. 679–682.
9. Соловяненко Н. И. Правовые вопросы цифрового взаимодействия, осуществляемого в целях реализации Транспортной стратегии Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 9. С. 125–130. DOI: 10.24412/2220-2404-2024-9-17.
10. Чернов А. А. Правовое регулирование оказания услуг в сфере перевозок грузов автомобильным транспортом // Молодой ученый. 2024. № 3 (502). С. 442–445.

Legal regulation of logistics services: the relationship between contractual forms and industry specificities

Runova E.I.

V.M. Lebedev Russian State University of Justice

This article distinguishes between contractual structures used in the provision of logistics services and identifies the influence of industry-specific transport regimes on the choice of legal model. The relevance of this topic stems from the fact that, in practice, logistics is formalized through heterogeneous contractual relationships, whereas civil law lacks a distinct type of contract for logistics services. The scientific novelty lies in developing a framework for classifying logistics activities based on prevailing obligations and industry-specific transportation regimes. The purpose of the study is to determine in which cases a logistics operation should be formalized by a contract for carriage, freight forwarding, paid services, or chartering, and where a mixed structure is required. The methodological framework is based on an analysis of scientific publications, comparative legal analysis, classification, and logical and legal interpretation. The research body comprises modern Russian-language works on transport and civil law, regulatory acts, transport charters, and codes. The analytical section explores the criteria for delineating contracts, the implications of the digitalization of transportation document flow, and the specific responsibilities of logistics chain participants. The practical value of the findings lies in contract drafting, dispute classification, and mitigating the risk of choosing the wrong legal form.

Keywords: logistics services, cargo transportation contract, freight forwarding contract, provision of services for a fee, chartering, mixed contract, transport law, electronic shipping documents, carrier liability, freight forwarder liability.

References

1. Agarelik E. D., Goodman A. A., Lomako A. Yu. Grounds and forms of liability of the parties under a freight forwarding agreement. Comparative analysis of the legislation of the Republic of Belarus, the Russian Federation, and the Republic of Kazakhstan // Universum: economics and jurisprudence. 2025. No. 12 (134). URL: https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21314 (date of access: 22.03.2026).
2. Arestova Yu. A., Artamonova M. Yu. Study of the issues of implementation of the NCLT and problematic issues of integration into its information services // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2024. No. 6 (65). pp. 47–54. EDN: VAYBOA.
3. Blednykh V. A., Chuldum A. A. Legal regulation of international road transport // Young scientist. 2023. No. 46 (493). Pp. 181–182.
4. Butakova N. A. Problems of Legal Regulation of the Freight Forwarding Contract // Problems of Private-Law and Public-Law Regulation of Transport Activities: Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference, Ufa, November 23, 2022. Ufa: Research Institute of Rule of Law Problems, 2023. Pp. 59–65. DOI: 10.56777/pplaw.2023.30.71.008.
5. Gushchin Yu. S. Digital Tools of Foreign Trade Logistics in 2024: Problems and Solutions // Russian Foreign Economic Bulletin. 2024. No. 10. Pp. 126–134. DOI: 10.24412/2072-8042-2024-10-126-134.
6. Lonchakova Yu. A. Analysis of the Differences between a Contract for the Carriage of Goods and a Contract for Freight Forwarding // Education and Law. 2024. No. 2. pp. 283–288. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-2-283-288.

Проблемы обеспечения баланса частных и публичных интересов при реализации инвестиционных проектов в сфере жилищного строительства

Сафин Виль Науфилевич
аспирант, Институт права, Уфимский университет науки и технологий, safinvn77@mai.ru.

В современных условиях активного жилищного строительства, важным аспектом градостроительной политики выступает не только возведение жилых зданий, но и параллельное (синхронное) создание сопутствующих объектов инфраструктуры. Данная задача осложняется ограниченными возможностями публично-правовых образований, что делает экономически необходимым их сотрудничество с частными инвесторами в целях их привлечения к созданию объектов инфраструктуры. В статье исследованы некоторые проблемы соотношения баланса частных и публичных интересов, возникающие при реализации инвестиционных проектов при осуществлении жилой застройки. Раскрываются основные научные подходы к понятиям «публичные интересы», «частные интересы», «баланс интересов». Рассмотрены основные правовые механизмы взаимодействия между инвесторами и публично-правовыми образованиями.
Цель: исследование проблемы баланса частных и публичных интересов при осуществлении инвестиционно-строительной деятельности на основе существующих правовых моделей взаимодействия публично-правовых образований с частными инвесторами.
Методы: для достижения поставленной цели использован эмпирический метод исследования, общенаучные методы: анализ, синтез, формально-логический, сравнительный и частнонаучные юридико-догматический, формально-юридический, сравнительно-правовой методы исследования.
Результаты: исследование позволило выявить, что баланс частных интересов и публичных интересов в сфере инвестиционно-строительной деятельности не найден. Существующие инструменты взаимодействия публично-правовых образований с частными инвесторами не обеспечивают достаточного равновесия между сторонами. Необходимые стимулы для инвестора, когда он сам заинтересован в строительстве объектов инфраструктуры при реализации инвестиционно-строительных проектов, действующим законодательством не выработаны. По мнению автора, баланс может быть найден посредством совершенствования действующего законодательства, институтов общественных обсуждений, публичных слушаний, а также использования института демократии – местного референдума.
Ключевые слова: законные интересы, частные интересы, публичные интересы, баланс интересов, инфраструктура, государственно-частное партнерство (муниципально-частное партнерство), комплексное развитие территории.

Введение. В современных условиях инвестиционная деятельность в сфере строительства требует тесного сотрудничества государства и частных инвесторов. Ограниченные возможности государства самостоятельной мобилизации финансовых ресурсов делает сотрудничество с частными инвесторами экономически целесообразным и становится одним из ключевых инструментов для улучшения уровня социального благосостояния населения.

Сотрудничество частного и публичного сегментов призвано обеспечить компромисс между коммерческими интересами инвесторов и потребностями публично-правовых образований. Однако процесс интеграции публичных и частных интересов сопровождается рядом проблем, возникающих вследствие различия целей и приоритетов сторон. В центре данного конфликта находятся две фундаментальные категории: частные интересы инвесторов, нацеленные на извлечение прибыли, оптимизацию издержек и публичные интересы, выражающиеся в строительстве инфраструктуры и соблюдении градостроительных регламентов (нормативов).

Актуальность исследования обусловлена необходимостью достижения оптимального соотношения частных и публичных интересов. Диспропорция в сторону усиления административного давления на инвесторов может привести к снижению инвестиционной привлекательности строительной отрасли. В то же время приоритет частной инициативы чреват деградацией городской среды, что на практике может выражаться в точечной застройке территории, строительстве жилых комплексов, не обеспеченных необходимой инфраструктурой, и нарушении градостроительных регламентов.

Целью настоящего исследования является изучение правовых механизмов взаимодействия публично-правовых образований и частных инвесторов, с помощью которых государство пытается достичь гармоничное сочетание коммерческих интересов и общественных потребностей, а также изучение законодательных аспектов их функционирования. Задачи работы включают комплексный анализ частных и публичных интересов, а также исследование препятствий, связанных с достижением оптимального баланса между ними. Понимание правовых механизмов и препятствий во взаимодействии частных инвесторов и публично-правовых образований позволит выработать пути преодоления существующих противоречий и оптимизировать эти механизмы.

Правовой основой обеспечения баланса частных и публичных интересов является Конституция Российской Федерации, которая закрепляет положение о создании условий для взаимного доверия государства и общества, об обеспечении социального партнерства, экономической, политической и социальной солидарности (статья 75.1)[35]. В развитие этого положения Е.П. Губин указывает, что важнейшими задачами государства являются, в том числе, обеспечение баланса реализации целей устойчивого развития, урегулирования возникающих конфликтов [1, с.42]. Аналогичное мнение высказывают А.М. Васильев

[35] О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ, 16.03.2020, № 11, ст. 1416.

и Н.А. Васильева указывая на то, что обеспечение баланса интересов – задача государства, поскольку на нем лежит ответственность за создание всех необходимых условий для свободного предпринимательства [2, с.100].

Функционирование рыночной экономики обусловлено стремлением ее участников к реализации собственных интересов. Чтобы побудить инвесторов к дополнительным расходам в пользу государства, важно создать такие стимулы, при которых эти траты будут соответствовать их собственным стратегическим или финансовым интересам.

Таким образом, поиск оптимального баланса интересов государства (публично-правовых образований) и частных лиц является важной задачей в условиях необходимости обеспечения населения необходимой инфраструктурой.

Интерес в обычном смысле слова отражает предпочтение, желание или стремление субъекта, которые не обязательно признаются и защищаются законом. Поэтому, интерес должен иметь легальное признание и защиту со стороны государства, тогда он становится законным интересом, обеспечивая субъекту юридические гарантии. Исходя из этого, в целях настоящего исследования далее под понятием «интересы» будут подразумеваться «законные интересы», что считаю правильным, поскольку каждый субъект стремясь к реализации собственного интереса, в случае его нарушения надеется на правовые последствия такого нарушения в виде судебной или административной защиты.

1. Теоретико-правовые основы баланса интересов. Для осуществления полноценного исследования проблемы баланса частных и публичных интересов в сфере строительства, считаю необходимым первоначально раскрыть содержание понятий «законные интересы», «частные интересы» и «публичные интересы», что будет являться фундаментом для дальнейшего исследования проблемы баланса интересов.

Понятие «законные интересы» широко используется в российском законодательстве, однако его легального определения действующее законодательство не содержит. Вместе с тем, научное сообщество уделило достаточное внимание этому явлению и им были предложены, в частности, следующие дефиниции данного понятия.

Так, Н.В. Витрук рассматривает законный интерес как возможность пользования социальными благами, которая отражается в правомочиях совершать конкретные действия, предъявлять требования к обязанным лицам, органам и учреждениям, а также получать защиту от уполномоченных государственных органов и общественных организаций [3, с.109].

А.В. Малько и В.В. Субочев указывают, что законный интерес – это юридически закрепленная государством возможность субъекта стремиться к использованию определенных социальных благ, а также в необходимых случаях прибегать к защите этих стремлений через компетентные государственные структуры для удовлетворения этих интересов, при условии их соответствия общегосударственным принципам и нормам [4, с.73].

И.И. Радионов формулирует законный интерес как гарантированные законом стремления участников правоотношений, основанные на юридических дозволениях, которые защищаются государством и представляют возможность для каждого правоспособного субъекта удовлетворять потребности, которые не всегда прямо закреплены в субъективных правах [5, с.129].

По мнению Ф. Н. Багаутдинова законными интересами являются личные интересы, для реализации которых в законе предусмотрены соответствующие способы и средства, а также интересы, которые хотя и не закреплены в законе, но не запрещены законом, не противоречат ему [6, с.29].

Сопоставляя вышеприведенные дефиниции, можно прийти к выводу, что в целом наблюдается единообразный подход научного сообщества к формулировке данного правового явления.

Таким образом, можно выделить следующие общие признаки, выделяемые учеными при формулировке понятия «законный интерес»: во-первых, это стремление субъекта к удовлетворению своих потребностей; во-вторых, стремление предоставляется и гарантируется законом; в-третьих, стремление может быть прямо не закреплено законом, но не должно ему противоречить (быть не противоправным); в-четвертых, стремление в случае необходимости защищается компетентными органами (принудительной силой).

Исходя из указанных признаков, для дальнейшего использования в целях настоящего исследования можно определить понятие «законные интересы» как предоставленные и гарантированные законом стремления субъекта права к удовлетворению своих потребностей, которые не противоречат действующему законодательству и, в случае необходимости, защищаются компетентными органами.

Понятие «частные интересы» также представлено в юридической литературе рядом формулировок, предлагаемых исследователями. Так, А.Я. Курбатов под «частными интересами» понимает – охраняемые правом интересы, присущие конкретным лицам и социальным группам [7, с.74]. М.В. Першин считает, что частноправовым интересом является жизненный интерес субъекта, урегулированный частноправовыми нормами, добровольно реализуемый с помощью юридических средств и охраняемый государством [8, с.44].

Руководствуясь изложенным, можно заключить, что частные интересы в своем общем смысле представляют собой индивидуальные стремления конкретного субъекта (физического или юридического лица) к удовлетворению своих не противоречащих закону материальных и (или) духовных потребностей, а в случае необходимости эти стремления защищаются компетентными органами.

В контексте инвестиционной деятельности в сфере жилищного строительства примерами частных интересов могут являться стремления инвесторов (застройщиков) осуществить строительство на наиболее выгодных земельных участках с хорошей инфраструктурой и перспективами развития; максимизировать прибыль от реализации проекта, что может заключаться в увеличении площади застройки, увеличении этажности возводимых объектов; снижении затрат на строительство, сокращении сроков строительства, получении максимального дохода от продажи возведенной недвижимости.

В реализации частных интересов преломляется принцип диспозитивности, который демонстрирует свойственный отрасли частного права метод правового регулирования. Согласно указанному принципу, частные субъекты приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе, а также по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права (пункт 2 статьи 1, пункт 1 статьи 9 Гражданского кодекса Российской Федерации[36]).

[36] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

Признание и защита частных интересов служит базисом для функционирования гражданского оборота и экономики в целом. Ввиду этого, частные интересы представляют собой не просто субъективные стремления (желания), а потребности, обладающие юридической значимостью, которые признаются законом и обеспечиваются его защитой. «Границей» осуществления частных интересов выступает институт злоупотребления правом (пункт 1 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации[37]).

Понятие «публичные интересы» в рамках правовой мысли также артикулируется посредством различных формулировок. Е.А. Белоусова считает, что публичными интересами являются интересы общества и государства, охраняемые правом [9, с.63]. По мнению Э. Талапиной публичными интересами являются признанные государством и обеспеченные правом потребности общества, удовлетворение которых является условием и гарантией его существования и развития [10, с.3].

Также, нельзя не сказать о позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в пункте 75 постановления от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», согласно которой под публичными интересами, в частности, следует понимать интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды[38].

Однако представленное судом разъяснение, как представляется, не в полной мере раскрывает объем и содержание понятия «публичный интерес» по сравнению с тем, как оно представлено в научной литературе. Указанное позволяет сделать вывод, что до настоящего времени единая формулировка понятия «публичный интерес» не выработана, что обуславливает наличие проблемы его неопределенности.

Со своей стороны, говоря о понятии «публичные интересы», считаю нужным согласиться с Ю. А. Тихомировым, который указывает, что государственные интересы тесно связаны с исполнением государственных функций, государственной безопасностью, охраной прав, свобод и законных интересов граждан [11, с.5].

Так, Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» в статье 32 закрепляет положение о том, что высший орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации обеспечивает исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, конституции (устава), законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации на территории субъекта Российской Федерации и согласованную деятельность иных исполнительных органов субъекта Российской Федерации[39]. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» определяет перечень вопросов местного значения, решение которых возложено на органы местного самоуправления (статья 14), а также определяет полномочия этих органов в целях решения вопросов местного значения (статья 17)[40].

Таким образом, публичные интересы, являясь выражением потребностей государства, закреплены в нормах права и заключаются в исполнении функций, возложенных законом на соответствующие компетентные органы.

Публичными интересами в отношениях, связанных с инвестиционной деятельностью в сфере жилищного строительства, являются создание условий для благоприятной среды жизнедеятельности человека, которое может выражаться, в частности, в недопущении неравномерного развития территории, недопущении строительства с нарушениями норм градостроительного проектирования (возведения жилых объектов, не обеспеченных социальной инфраструктурой: детскими садами, школами, поликлиниками, физкультурно-оздоровительными комплексами и т.п.), отказа от точечной застройки наиболее привлекательных участков, недопустимости строительства с нарушением комфортных условий проживания (загораживание солнца, отсутствие парковочных мест), недопустимости строительства, ухудшающего транспортную ситуацию, обеспечении сохранности объектов культурного наследия и недопущении негативного влияния строительства на историческую среду и особо охраняемые природные территории. Указанные интересы по своему смыслу и содержанию полностью согласуются с конституционным понятием «создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

Руководствуясь вышеизложенными формулировками и содержанием понятий частных и публичных интересов, можно прийти к заключению, что баланс частных и публичных интересов в общем смысле представляет собой оптимальное и справедливое соотношение стремлений частных субъектов к удовлетворению своих не противоречащих закону материальных и (или) духовных потребностей с публичными потребностями и целями. Это достижение такого уровня взаимного соответствия и согласованности интересов, при котором интерес ни одной из сторон не умаляется и не исключается, а каждый из них получает возможность для реализации.

По мнению В.А. Мальцева В.А. баланс интересов есть легальное справедливое соотношение конституционно обоснованных прав и обязанностей сторон с учетом приоритетов таких интересов [12, с.6]. А.Ф. Пьянкова считает, что баланс интересов – это такое состояние правоотношения, в котором права и обязанности сторон соразмерны и стороны имеют равные возможности для реализации своих законных интересов [13, с. 120].

Считаю следует согласиться с Л.В. Щенниковой, которая указывает, что баланс интересов является одной из идей гражданского права, которая подразумевает, что право должно стремиться к справедливому соотношению прав и обязанностей субъектов правоотношений, гарантировать им равные условия для осуществления своих законных интересов [14, с.27].

3. Баланс частных и публичных интересов при осуществлении инвестиционно-строительной деятельности. Как уже указывалось выше частными интересами инвесторов в сфере инвестиционно-строительной деятельности является стремление осуществить строительство объектов на наиболее выгодных для себя условиях, однако публичными интересами государства (муниципальных образований) является одновременное с этим создание сопутствующих социальных инфраструктурных

[37] Там же.

[38] О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ", № 8, август, 2015.

[39] Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 27.12.2021, № 52 (часть I), ст. 8973.

[40] Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 06.10.2003, № 40, ст. 3822.

объектов. Инвестор сталкивается с нежеланием вкладывать средства в строительство социальной инфраструктуры, поскольку такие расходы снижают (нивелируют) экономическую эффективность основного инвестиционного проекта. Таким образом, возникает противоречие между целями сторон – частный сектор стремится максимизировать прибыльность проекта, тогда как публично-правовые образования стремятся обеспечить удовлетворение общественных потребностей посредством развития социальной инфраструктуры.

Причиной такого дисбаланса являются ограниченные финансовые возможности публично-правовых образований. Публично-правовые образования ввиду возложенных на них законом соответствующих обязанностей несут ответственность за обеспечение населения необходимыми социальными объектами местного значения, а также необходимой транспортной и инженерной инфраструктурой, однако недостаток финансовых средств у публично-правовых образований препятствует своевременному строительству этих объектов параллельно с возведением жилых объектов.

Понимая указанные проблемы, государство пытается найти пути их решения посредством внедрения на основании закона таких механизмов как государственно-частное (муниципально-частное) партнерство и комплексное развитие территории.

Государственно-частное (муниципально-частное) партнерство, правовой основой которого является Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[41], представляет собой сотрудничество, оформленное соответствующим соглашением между публично-правовым образованием и частным инвестором, которое позволяет объединить ресурсы и возможности частных инвесторов и государственных (муниципальных) структур, направленное на создание и развитие необходимой социально-инженерной инфраструктуры.

Понятие «соглашение о государственно-частном (муниципально-частном) партнерстве является собирательным и включает в себя: концессионное соглашение, контракт со встречными инвестиционными обязательствами и другие договорные механизмы, обеспечивающие взаимодействие государства (муниципалитета) с частными лицами. Указанное соглашение в силу прямого указания закона является гражданско-правовым договором, что подразумевает его реализацию на принципах равноправия и равенства его сторон.

Здесь нельзя не отметить, что некоторыми учеными высказываются сомнения относительно равенства участников правоотношений в рамках государственно-частного (муниципально-частного) партнерства. Так, В.П. Мозолин отметил, что можно говорить о равенстве сторон при заключении соглашения, однако, когда встает вопрос об ответственности за нарушение договорных условий, равенство исчезает [15, с.161]. Р.М. Ушаков указывает, что публичный партнер осуществляет контроль за соблюдением условий соглашения, в то же время законодательство не содержат норм, регулирующих осуществление контроля частными субъектами за нарушениями соглашения со стороны органов публичной власти, а отношения государственно-частного партнерства имеют в основе своей публично-правовую природу [16, с.171].

Подтверждение мнения указанных авторов можно найти и в судебной практике, в частности Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в Постановлении от 03.04.2012 № 17043/1 (далее – Постановление Президиума ВАС РФ от 03.04.2012 № 17043/1) высказал правовую позицию, согласно которой споры, связанные с неисполнением или ненадлежащим исполнением публично-правовым образованием обязанностей, предусмотренных законодательством, хотя бы такие обязанности и были упомянуты в соглашениях, заключенных публичным образованием с частными лицами, не имеют частноправовой основы, а вытекают из публично-правовых отношений[42].

Исходя из изложенного, считаю, что осуществление сторонами соглашения о государственно-частном (муниципально-частном) партнерстве, независимо от отрасли его реализации, опосредуется как частноправовыми, так и публично-правовыми отношениями.

Инструменты концессии и государственно-частного партнерства находят широкое применение при строительстве отдельных объектов инфраструктуры (дорог, школ, больниц и т.п.). Тем не менее, в контексте застройки городских территорий жилыми объектами требуется соблюдение градостроительных регламентов, что обусловливает создание специализированных правовых инструментов, способных обеспечить осуществление строительства в соответствии с требованиями территориального планирования, градостроительного зонирования и планировки территории.

Таким инструментом выступает институт комплексного развития территории. Согласно легальному определению, комплексное развитие территорий – совокупность мероприятий, выполняемых в соответствии с утвержденной документацией по планировке территории и направленных на создание благоприятных условий проживания граждан, обновление среды жизнедеятельности и территорий общего пользования поселений, городских округов (пункт 34 статьи 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации)[43]. Целью комплексного развития территории является реорганизация неэффективно используемых муниципальных территорий, их комплексное развитие, что предполагает строительство не только жилых объектов, но и объектов социальной и инженерной инфраструктуры, а также объектов общественно-делового, производственного назначения.

Реализация комплексного развития территории осуществляется на основании заключенного договора между частным инвестором и публично-правовым образованием. Указанный договор по своей правовой природе, является формой государственно-частного (муниципально-частного) партнерства, поскольку он призван одновременно решать задачи публично-правового образования и удовлетворять интересы частных сторон, что характерно для механизма государственно-частного (муниципально-частного) партнерства. Указанный вывод соотносится с мнением большинства авторов, работавших над этой темой [17, с.31].

Говоря о комплексном развитии территории А.А. Друева подчеркивает, что при реализации комплексного раз-

[41] О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 20.07.2015, № 29 (часть I), ст. 4350.

[42] Постановление Президиума ВАС РФ от 03.04.2012 № 17043/11 по делу № А41-29131/10 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ, 2012, № 7.

[43] Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 03.01.2005, № 1 (часть 1), ст. 16.

вития территории важно обеспечить удовлетворение интересов и потребностей всех заинтересованных сторон [18, с.122].

Считаю правильным согласиться с мнением Н.Б. Косаревой о том, что с финансовой точки зрения реализация проектов комплексного развития территорий представляет собой многоаспектную инвестиционную деятельность, сопряженную с высоким уровнем неопределенности. Среди основных рисков выделяются потенциальная экономическая нерентабельность, обострение градостроительных конфликтов и дисбаланс интересов между заинтересованными сторонами, включая муниципальные власти, инвесторов, представителей бизнеса и жителей затрагиваемых территорий [19, с.29].

Помимо указанных, прямо предусмотренных законом правовых механизмов сотрудничества с частными инвесторами, публично-правовые образования на практике пытаются применять и другие юридические инструменты, побуждающие инвесторов к строительству объектов социально-инженерной инфраструктуры, такие как:

1) Заключение инвестиционных договоров, предметом которых могут являться обязательства инвестора-застройщика: а) осуществить строительство объектов инфраструктуры и безвозмездно передать их в собственность публично-правового образования либо б) безвозмездно передать публично-правовому образованию денежные средства в целях организации публично-правовым образованием строительства объектов инфраструктуры.

2) Включение в градостроительную документацию соответствующих требований об обеспечении застраиваемой территории объектами инфраструктуры. Например, в Правила землепользования и застройки Санкт-Петербурга включено положение о том, что жилые дома размещаются на земельных участках только при возможности их обеспечения объектами обслуживания жилой застройки (поликлиники, детские сады, школы)[44].

3) «Индивидуальный» подход, при котором инвестору в зависимости от реализации конкретного инвестиционно-строительного проекта предоставляются более выгодные возможности застройки в обмен на строительство инвестором объектов инфраструктуры.

Проанализировав градостроительное законодательство и правовые механизмы сотрудничества публично-правовых образований и инвесторов можно сделать вывод, что необходимые стимулы для частных инвесторов вкладывать собственные средства в создание инфраструктуры на данный момент отсутствуют. Данный вывод соотносится с мнением других исследователей, в частности Л.Е. Бандорин указывает, что в настоящее время единый механизм распределения «инфраструктурной нагрузки» между частными лицами и органами публичной власти пока не создан [20, с.3]. По мнению А.В. Башарина действующее градостроительное регулирование не содержит необходимых стимулов для частных лиц вкладывать собственные средства в создание инфраструктуры [21, с.13].

В научной литературе встречаются предложения, где авторы предлагают такие варианты стимулирования инвесторов как налоговые льготы, предоставление инвесторам дополнительных земельных участков и т.п. Со своей стороны, считаю, что эти меры не могут рассматриваться в качестве надлежащих стимулов, поскольку государство посредством встречного представления инвестору в той или иной форме преференций, по сути, «покупает» у инвестора элементы инфраструктуры. Мы же говорим о таких инструментах стимулирования, чтобы инвестор сам был заинтересован в строительстве объектов инфраструктуры при реализации инвестиционно-строительных проектов в сфере жилищного строительства.

Заключение. Таким образом, до настоящего времени баланс частных интересов и публичных интересов в сфере инвестиционно-строительной деятельности не найден. Государство и бизнес пытаются найти решение в рамках существующих правовых механизмов, однако на мой взгляд, данная проблема не может быть решена на этом уровне, ее разрешение требует обращения к фундаментальным принципам права, к его основополагающим концепциям. Попытка найти некий «волшебный» механизм, который бы решил проблему конфликта, подобна попытке изменить русло реки – задача, граничащая с невозможностью. Вместо этого, истинный путь к изменению русла реки лежит в воздействии на ее исток, где даже небольшие корректировки могут привести к кардинальным изменениям движения потока. Аналогично, для решения данной проблемы требуется спуститься на уровень истоков права.

Сущность права заключается в «регулировании» и «разграничении» жизненных интересов людей, оно призвано выражать их волю и создавать правила для жизни в обществе.

Как инструмент социального регулирования, право выражая стремления и интересы личности, общества и государства призвано обеспечить баланс между ними, обеспечивая их эффективное развитие. При этом достижение баланса не подразумевает директивное регулирование. Напротив, суть в том, чтобы сформировать такую систему, где интересы каждого человека естественным образом будут соответствовать интересам общества и государства, и наоборот. Как правильно замечает О.Н. Ермолова целью права является гармонизация интересов, поскольку представляет собой то идеальное состояние, к которому стремиться регламентация этого явления» [22, с. 261].

Публичный и частный интересы не являются взаимоисключающими понятиями, они тесно связаны и невозможно отделить один от другого.

Как справедливо отмечал известный цивилист Г.Ф. Шершеневич общее благо представляет собой совокупность частных интересов, и это дает основание утверждать, что общественные интересы охраняются правом настолько, насколько они в состоянии обеспечить благоденствие частных лиц [23, с.7]. Такого же мнения придерживается Ю.А. Тихомиров, который указывает, что публичный интерес – это интерес социальной общности, который признан государством и обеспечен правом, удовлетворение которого необходимо для ее существования и развития. Закон есть выражение воли общих интересов [24, с.55]. Аналогичную позицию выражает В.Ф. Яковлев, который понимает под публичными интересами совокупные интересы граждан этого государства [25, с.167].

Государство, согласно общей теории, является органом преодоления социальных противоречий и призвано своевременно и объективно предупреждать, выяснять и преодолевать возможные конфликты между публичными и частными интересами.

Кроме того, мы говорим о законных интересах, то есть об интересах, которые гарантированы и защищены законом. При этом мы понимаем, что существование закона не означает существование самого права, так как закон

[44] О Правилах землепользования и застройки Санкт-Петербурга : Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 21.06.2016 № 524 [Электронный ресурс] // Администрация Санкт-Петербурга : сайт URL: http://www.gov.spb.ru (дата обращения 27.02.2026).

может не выражать объективных устремлений субъектов и не иметь всеобщий характер справедливости. Следовательно, наличие закона, который будет являться не продуктом воли и субъективного усмотрения законодателя, а необходимой частью складывающегося в обществе права (правового закона)[45], то есть отражающего стремления всех субъектов, будет являться надлежащим инструментом для установления баланса между публичными и частными интересами.

С позиции такого закона общественное благо определяется совокупностью представлений о справедливости, равенстве и благополучии, сформированных индивидуальными ценностями отдельных участников общества. То есть, общественные предпочтения формируются совокупностью личных оценок и установок граждан.

Таким образом, механизм достижения баланса видится в наличие правовых законов, определяющих принципы устойчивого развития территории, наиболее четко и объективно отражающие интересы и потребности населения той или иной территории. Частные интересы формируют основу общих общественных стремлений развития территории. На основании этих интересов и стремлений, принимаются законы, в том числе градостроительные планы, правила землепользования и застройки, выражающие объективные запросы (желания) населения и определяющие направления развития территории. Застройщик, чья деятельность направлена на извлечение прибыли, стремиться («спрос рождает предложение») удовлетворить эти запросы, формируя необходимую социальную инфраструктуру, парковки и пр., что соответствует требованиям населения (потребителей) о соответствии стандартам и условий, которые в свою очередь закреплены в законе. В итоге, интересы застройщика и общества совпадают, жилье строится гармонично в соответствии с установленными градостроительными правилами, а общество улучшает условия своей жизни и комфорта, оба интереса оказываются удовлетворенными.

Помимо законов способом преодоления конфликта может являться совершенствование механизма общественных обсуждений, публичных слушаний, которые позволяют учитывать мнение населения. На данный момент их эффективность ограничена, поскольку их результаты носят рекомендательный характер. По мнению автора, целесообразно провести модернизацию этого механизма таким образом, чтобы итоговые рекомендации приобретали обязательную юридическую силу.

Кроме того, считаю возможным использование такого демократического института как местный референдум. Так, генеральный план, правила землепользования и застройки являются документами, на основе которых осуществляется развитие территории соответствующего поселения. При этом генеральный план утверждается на срок не менее чем 20 лет. В связи с этим, возникает мысль о том, чтобы утверждение указанных документов проходило через местный референдум

Считаю, что реализация указанных мер будет способствовать созданию атмосферы доверия и сотрудничества между участниками инвестиционно-строительного процесса, снижая вероятность возникновения конфликтов и обеспечивая удовлетворение как частных, так и публичных интересов.

Таким образом, баланс интересов возможен только при условии разумного сочетания индивидуального и публичного начал. Однако оба аспекта являются составляющими одной реальности – общего блага, которое служит основой стабильного и справедливого существования общества.

[45] См.: Право и закон : Из истории правовых учений / В. С. Нерсесянц. - Москва : Наука, 1983. – С. 342 – 353 с.

Литература

1. Губин Е.П. Устойчивое развитие рыночной экономики и предпринимательства: вопросы права // Журнал российского права. 2022. № 1. С. 36 – 46.

2. Васильев А.М., Васильева Н.А. Проблема обеспечения баланса публичных и частных интересов в сфере предпринимательской деятельности // Международный научный журнал «Инновационная наука», № 5, 2015, С. 99-102.

3. Права личности в социалистическом обществе // М. С. Строгович, В. А. Патюлин, Н. В. Витрук и др.; Отв. ред. В. Н. Кудрявцев, М. С. Строгович. – Москва : Наука, 1981. – 272 С.

4. Законные интересы как правовая категория // А. В. Малько, В. В. Субочев. - Санкт-Петербург : Изд-во Р. Асланова : Юрид. центр Пресс, 2004. – 357 С.

5. Радионов И.И. Категория «законный интерес» в «триаде» законодательных дефиниций «права, свободы и интересы» // «Теория государства и права», 2025, №1 (42), С. 126 – 139.

6. Багаутдинов Ф.Н. Публичные и личные интересы в российском уголовном судопроизводстве и гарантии их обеспечения на предварительном следствии : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.09 / Науч.-исслед. ин-т проблем укрепления законности и правопорядка при Генер. прокуратуре РФ. - Москва, 2004. – 56 С.

7. Сочетание частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности / А. Я. Курбатов. - Москва : Центр ЮрИнфоР, 2001. – 211 с.

8. Першин М. В. Частно правовой интерес: понятие, правообразование, реализация: дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2004. – С. 199;

9. Белоусова Е.А. Понятие публично-правового интереса в арбитражном процессе // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2014. № 6 (45). С. 61 – 65.

10. Талапина Э. Публичные функции в экономике / Э. Талапина, Ю. Тихомиров // Право и экономика. – М., 2002. – № 6. – С. 3 – 9.

11. Тихомиров Ю. А. Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал российского права. 2001. № 5. С.3 – 12.

12. Мальцев В. А. Баланс интересов в сфере обеспечения безопасности: понятие и механизм государственно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 18. С. 5-10.

13. Пьянкова, А. Ф. Концепция баланса интересов и ее место в гражданском праве России // Вестник Пермского университета. Серия «Юридические науки». – 2014. – № 2. – С. 117–130.

14. Щенникова, Л. В. Гражданское право в основных категориях науки и законодательства / Л. В. Щенникова. – Пермь : Зап.-Урал. ин-т экономики и права, 2005. – 274 с.

15. Хатаева М. А., Цирин А. М., Мозолин В. П. Законодательство о государственно-частном партнерстве в Российской Федерации: проблемы, тенденции, перспективы // Журнал российского права. 2008. № 10. С. 156–167.

16. Ушаков Р. М. Принцип баланса частных и публичных интересов как основа государственно-частного партнерства // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права: материалы XI междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 24 апр. 2025 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2025. В 2 т. Т. 2. С. 169–174.

17. Белицкая А. В., Кухаренко Л. В. Комплексное развитие территории как правовой инструмент государственно-частного партнерства // Юрист. 2023. № 2. С. 27 – 32.

18. Друева А.А. К вопросу о поиске баланса частных и публичных интересов при установлении зоны комплексного развития территории // Вестник университета имения О.Е. Кутафина (МГЮА) № 8, 2024 С. 116 – 123.

19. Косарева Н. Б. Жилищные гарантии при реализации проектов комплексного развития территорий жилой застройки // Закон. 2023. № 3. С. 27 – 40.

20. Бандорин Л.Е., Башарин А.В. Комплексное развитие территории как механизм распределения затрат на создание объектов инфраструктуры между органами публичной власти и частными лицами // Экологическое право. 2023. № 5. С. 16 - 23.

21. Башарин А.В. Инструменты градостроительного законодательства, обеспечивающие создание инфраструктуры за счет внебюджетных средств // Экологическое право. 2021. № 4. С. 13–19.

22. Ермолова О. Н. К вопросу о системе принципов правового регулирования предпринимательской деятельности // Пермский юридический альманах. – 2022. – № 5. – С. 259 – 273.

23. Шершеневич Г. Ф. Понятие о гражданском праве. Казань: тип. Имп. ун-та, 1898. С. 31.

24. Тихомиров Ю.А. Публичное право: Учебник для юридических факультетов и вузов / Ю.А. Тихомиров. Москва: Бек, 1995. 496 с.

25. Яковлев, В. Ф. Россия: экономика, гражданское право (вопросы теории и практики) / В.Ф. Яковлев; Акад. соц. наук. Фонд содействия развитию соц. и полит. наук. - Москва, 2000. – 221 с.

Problems of ensuring a balance between private and public interests when implementing investment projects in the housing sector

Safin V.N.
Ufa University of Science and Technology

In today's context of active housing construction, it is important for urban planning policies to focus not only on the construction of residential buildings, but also on the parallel (synchronous) development of related infrastructure. This challenge is further complicated by the limited capabilities of public entities, which necessitates their collaboration with private investors to create infrastructure. This article explores some of the challenges associated with balancing private and public interests in residential development projects. It delves into the fundamental concepts of "public interests," "private interests," and "balance of interests." The article discusses the main legal mechanisms of interaction between investors and public legal entities.

Objective: The study examines the problem of balancing private and public interests in investment and construction activities based on existing legal models of interaction between public legal entities and private investors.

Methods: To achieve this goal, we used the empirical research method, as well as general scientific methods such as analysis, synthesis, formal logic, and comparative analysis, as well as specific scientific methods such as legal-dogmatic, formal-legal, and comparative legal research methods.

Results: The study revealed that the balance between private and public interests in the field of investment and construction activities has not been achieved. The existing tools for interaction between public legal entities and private investors do not provide sufficient balance between the parties. The current legislation does not provide the necessary incentives for investors to be interested in building infrastructure during the implementation of investment and construction projects. According to the author, the balance can be achieved by improving the current legislation, institutions for public discussions and public hearings, as well as using the institution of democracy, such as local referendums.

Keywords**:** egitimate interests, private interests, public interests, balance of interests, infrastructure, public-private partnership (municipal-private partnership), and integrated territory development.

References

1. Gubin E.P. Sustainable Development of the Market Economy and Entrepreneurship: Legal Issues // Journal of Russian Law. 2022. No. 1. Pp. 36 – 46.
2. Vasilyev A.M., Vasilyeva N.A. The Problem of Ensuring a Balance of Public and Private Interests in the Field of Entrepreneurial Activity // International scientific journal "Innovative Science", No. 5, 2015, pp. 99-102.
3. Individual Rights in a Socialist Society // M. S. Strogovich, V. A. Patyulin, N. V. Vitruk, et al.; Ed. by V. N. Kudryavtsev, M. S. Strogovich. Moscow: Nauka, 1981. 272 p.
4. Legitimate Interests as a Legal Category // A. V. Malko, V. V. Subochev. - St. Petersburg: R. Aslanov Publishing House: Legal Center Press, 2004. - 357 p.
5. Radionov, I.I. The Category of "Legitimate Interest" in the "Triad" of Legislative Definitions of "Rights, Freedoms, and Interests" // Theory of State and Law, 2025, No. 1 (42), pp. 126-139.
6. Bagautdinov F.N. Public and personal interests in Russian criminal proceedings and guarantees of their protection during the preliminary investigation : abstract of dis. ... Doctor of Law : 12.00.09 / Research Institute of State and Law. Institute for the Strengthening of Legality and Law Enforcement under the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. - Moscow, 2004. - 56 pages.
7. The combination of private and public interests in the legal regulation of entrepreneurial activity / A. Ya. Kurbatov. - Moscow: Center for Legal Information, 2001. – 211 p.
8. Pershin, M. V. Private Legal Interest: Concept, Legal Formation, and Implementation: Dissertation. ... Candidate of Legal Sciences. Nizhny Novgorod, 2004. – P. 199;
9. Belousova E.A. The Concept of Public Law Interest in Arbitration Proceedings // Bulletin of the Volga Academy of Public Service. 2014. No. 6 (45). Pp. 61 – 65.
10. Talapina E. Public Functions in the Economy / E. Talapina, Yu. Tikhomirov // Law and Economics. – Moscow, 2002. – No. 6. – Pp. 3 – 9.
11. Tikhomirov Yu. A. Public Law Regulation: Dynamics of Spheres and Methods // Journal of Russian Law. 2001. No. 5. Pp. 3 – 12.
12. Maltsev V. A. The balance of interests in the sphere of security: the concept and mechanism of state and legal regulation // Constitutional and municipal law. 2007. No. 18. Pp. 5-10.
13. P'yankova, A. F. The Concept of the Balance of Interests and Its Place in Russian Civil Law // Bulletin of Perm University. Series "Legal Sciences". – 2014. – No. 2. – Pp. 117–130.
14. Shchennikova, L. V. Civil Law in the Main Categories of Science and Legislation / L. V. Shchennikova. – Perm : Zap.-Ural. Institute of Economics and Law, 2005. – 274 p.
15. Khatayeva M. A., Tsirin A. M., Mozolin V. P. Legislation on Public-Private Partnership in the Russian Federation: Problems, Trends, and Prospects // Journal of Russian Law. 2008. No. 10. Pp. 156–167.
16. Ushakov R. M. The Principle of the Balance of Private and Public Interests as the Basis of Public-Private Partnership // Actual Issues of the Development of Statehood and Public Law: Materials of the 11th International Scientific and Practical Conference. (Saint Petersburg, April 24, 2025). Saint Petersburg: Saint Petersburg Institute (branch) of the Russian State University for the Humanities (Russian Ministry of Justice), 2025. In 2 volumes. Vol. 2, pp. 169–174.
17. Belitskaya A.V., Kukharenko L. V. Integrated development of the territory as a legal instrument of public-private partnership // Lawyer. 2023. № 2. pp. 27-32.
18 . Drueva A.A. On the issue of finding a balance of private and public interests in establishing a zone of integrated development of the territory // Bulletin of the University of the Estate of O.E. Kutafina (MGUA) No. 8, 2024 Pp . 116-123.
19. Kosareva N. B. Housing guarantees in the implementation of projects for the integrated development of residential areas // Law. 2023. No. 3. pp. 27-40.
20. Bandorin L.E., Basharin A.V. Integrated development of the territory as a cost–sharing mechanism for creation of infrastructure facilities between public authorities and private individuals // Environmental Law. 2023. No. 5. Pp. 16 - 23.
21. Basharin A.V. Tools of urban planning legislation that ensure the creation of infrastructure at the expense of extra-budgetary funds // Environmental Law. 2021. No. 4. Pp. 13–19.
22. Ermolova O. N. On the System of Principles of Legal Regulation of Entrepreneurial Activity // Perm Legal Almanac. – 2022. – No. 5. – Pp. 259 – 273.
23. Shershenevich G. F. The Concept of Civil Law. Kazan: Tip. Imp. Univ., 1898. P. 31.
24. Tikhomirov Yu.A. Public Law: Textbook for Law Faculties and Universities / Yu.A. Tikhomirov. Moscow: Bek, 1995. 496 p.
25. Yakovlev, V. F. Russia: Economy, Civil Law (Issues of Theory and Practice) / V.F. Yakovlev; Academy of Social Sciences. Foundation for the Promotion of Social and Political Development. Sciences. - Moscow, 2000. – 221 p.

Признание обязательств супругов общими в деле о банкротстве: влияние дисбаланса презумпций общности активов и раздельности пассивов супругов на права кредиторов.

Сергеев Георгий Олегович
аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, georgysergeev1999@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы признания обязательств супругов общими в деле о банкротстве. Анализируются доктринальные подходы и судебная практика, а также дисбаланс презумпций общности активов и раздельности пассивов супругов, закрепленных в ст. 34 и 45 Семейного кодекса РФ, и влияние указанного дисбаланса на права кредиторов. Асимметрия правового регулирования, разрывающая связь между активом и источником его происхождения, создает существенные риски для кредиторов. В процедурах банкротства граждан обозначенная проблема приобретает особую остроту, поскольку конкуренция кредиторов за общее имущество супругов демонстрирует несогласованность закрепленных в законе правовых презумпций.
Ключевые слова: признание обязательств супругов общими, презумпции, активы, пассивы, банкротство, права кредиторов

Введение

Переход России к рыночной экономике обусловил возрождение ее неотъемлемого элемента - института несостоятельности (банкротства). Хорошо известный российскому дореволюционному праву институт не получил должного развития в советский период, в связи с чем, поспешно формируя отсутствующее правовое регулирование в области несостоятельности, преимущественно, осуществлялась рецепция зарубежных законодательных моделей. В свою очередь, фундаментальные вопросы об обоснованности избранной системы правового регулирования института несостоятельности и ее взаимосвязи с различными областями частного права, только ставятся в отечественной доктрине, что актуализирует рассмотрение проблем «на стыке» институтов и отраслей. Исследование таких вопросов представляется чрезвычайно актуальным направлением на любом этапе развития любого правопорядка.

Многие различные вопросы банкротства юридических лиц уже получили догматическое осмысление, а также законодательное и правоприменительное закрепление. При этом, потребительское банкротство, ввиду его недавнего имплементирования в отечественный правопорядок получает недостаточно доктринального внимания, несмотря на имеющийся спрос в судебной практике.

Подавляющее большинство процедур банкротства граждан тесно связано с правовым регулированием семейных отношений, в связи с чем, необходимо выработать непротиворечивые модели сохранения баланса конкурирующих интересов, с учетом специфики как банкротного, так и семейного права. Одним из самых спорных и актуальных вопросов банкротства граждан, пересекающийся с правовым регулированием семейных отношений, является вопрос общих обязательств супругов в банкротстве.

При этом, с догматической точки зрения, актуальность проблемы заключается не только в ответе на повышенный спрос правоприменительной практики, но и в стремлении к выстраиванию отношений формального равенства и обеспечению интересов противоборствующих сторон при несостоятельности граждан. Несмотря на то, что отечественное законодательство четверть века разграничивает обязательства супругов на личные и общие, действующее правовое регулирование констатирует очевидный дисбаланс презумпций общих активов и раздельных пассивов супругов. Проблема носит глубокий теоретический характер и особенно актуализируется при банкротстве граждан.

Влияние дисбаланса презумпций общности активов и раздельности пассивов супругов на права кредиторов

По личным обязательствам взыскание первостепенно обращается на личное имущество обязанного супруга, а затем субсидиарно (при недостаточности) на долю должника в общем имуществе супругов (п. 1 ст. 45 СК РФ). Должник отвечает исключительно своим имуществом и долей, причитающейся ему в совместном имуществе, нажитом в браке. По общим обязательствам положения п. 2 ст. 45 СК РФ разграничивают две ситуации: изначальную множественность лиц на стороне должника либо

установление общего характера долга судом, если все полученное по обязательству одним из супругов было использовано на нужды семьи. Обращение взыскания по общим обязательствам супругов первостепенно распространяется на их общее имущество, а при недостаточности, на личное имущество каждого солидарного должника. Положения п. 2 ст. 45 СК РФ ретранслированы в п. 7 ст. 213.26 Закона о банкротстве и разъяснены в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 №48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» [1]. Приведенные положения Закона о банкротстве и их разъяснения, направлены на обеспечение баланса интересов конкурсной массы и супруга должника, с учетом принципа равенства долей супругов в общем имуществе (п. 1 ст. 39 СК РФ).

Следует констатировать, что действующее правовое регулирование понижает правовую определенность прав кредиторов. Кредитор, осуществляя одностороннее предоставление актива должнику на этапе вступления в правоотношение, обоснованно рассчитывает на его возврат. Однако если происходит дефолт должника (неспособность отвечать по принятому на себя обязательству), то на полученное по обязательству (актив) распространяется режим совместной собственности, с учетом принципа равенства долей супругов в общем имуществе. Формально необязанный супруг вправе получить половину денежных средств из конкурсной массы от реализации актива, так как кредитору противопоставляется возражение относительно личного характера долга.

Таким образом, при вступлении в правоотношение с гражданином, кредиторы, видимо, должны предвидеть возможную неисправность должника по осуществлению встречного предоставления и выговорить себе изначальную множественность обязанных лиц, включающую в себя обоих супругов; в ином случае, защита их прав будет весьма условна. Такой подход опосредует удорожание кредита, что негативно сказывается на рыночной экономике, так как распространено мнение о том, что чем эффективнее возвратность кредита, тем он дешевле. При этом, обозначенная гипотеза подлежит отдельной научной проверке.

Однако даже в приведенном примере, кредиторы не защищены от ситуации возникновения долга из коммерческой деятельности и корпоративных оснований. Выработана обширная судебная практика, исходя из которой, общность долга можно установить только по расходам на улучшение имущественного положения семьи, не связанными с осуществлением предпринимательской деятельности [2-4]. Такой подход не столь однозначен и справедлив, вопреки распространенной судебной практике. Если обеспечение нужд и улучшение имущественного положения семьи осуществлялось на доходы от предпринимательской деятельности, которая реализовывалась на полученное по обязательству от кредитора, то такой долг подлежит признанию общим. Одностороннее предоставление косвенно пополняло имущественную массу супруга должника, а результаты развития коммерческого успеха являются совместной собственностью, что свидетельствует об общности экономических интересов в использовании полученного предоставления от кредитора. В этом случае, следует говорить о косвенном неосновательном обогащении.

Вопрос о том, какая презумпция установлена российским позитивным правом в отношении обязательств, возникших в период брака, длительное время остается дискуссионным как в доктрине, так и в судебной практике.

В науке сформировались два основных подхода к разрешению этого вопроса. Сторонники первого исходят из концепции семьи как единого субъекта, своеобразного единого имущественного комплекса. Логика такого подхода основывается на идее полноценной общности имущественной массы семьи и подразумевает, что в состав общего имущества входят не только активы, но и пассивы, возникшие в период брака. В таком случае презумпция совместного приобретения актива автоматически распространяется на пассивы, возникшие в браке, в силу чего закрепление в законе специальной презумпции общности обязательств не является обязательным - она вытекает из общности имущества супругов. Аналогичное толкование допустимо и через квалификацию брачных отношений как разновидности товарищества, в рамках которого супруги договорились вести семейное дело в общих интересах, неся при этом солидарную ответственность по связанным с этим делом обязательствам.

Противоположная позиция, получившая в настоящее время преобладание как в доктрине, так и в судебной практике, исходит из того, что буквальное толкование ст. 45 СК РФ не позволяет распространять презумпцию общности активов на пассивы [5, с. 193]. Судебная практика, включая разъяснения Верховного Суда РФ, последовательно придерживается данного подхода, что позволяет констатировать его устоявшийся характер.

Обращаясь к категории баланса, Р. Саватье указывал на неразрывную правовую связь между активом и пассивом как элементами единой имущественной массы [6, с. 440]. Именно баланс, по его мысли, отражает сущностное единство имущественного комплекса, демонстрируя, что пассивы не являются внешним по отношению к имуществу элементом, а представляют собой его неотъемлемую часть.

Применительно к семейным правоотношениям категория баланса приобретает особое значение. Имущественная масса семьи представляет собой сложный комплекс, в котором активы и пассивы находятся в состоянии постоянного взаимодействия. Приобретение любого актива в период брака практически всегда сопряжено либо с возникновением соответствующего долгового обязательства, либо с уменьшением иного актива, что также имеет экономические последствия для семьи. Игнорирование этой взаимосвязи в правовом регулировании приводит к искусственному разделению того, что по своей экономической сути является единым.

Вместе с тем признание единства активов и пассивов на теоретическом уровне не может автоматически преодолевать волю законодателя, выраженную в позитивном праве. В связи с этим необходимо признать, что в настоящее время российское законодательство исходит из разнонаправленных презумпций: активы, нажитые в браке, презюмируются общими, тогда как пассивы, возникшие в тот же период, презюмируются личными. Именно этот дисбаланс, как будет показано далее, порождает существенные проблемы, в первую очередь для кредиторов.

Изложенное позволяет поставить вопрос более принципиально: является ли существующее разграничение презумпций общности активов и раздельности пассивов следствием осознанного законодательного выбора, отражающего специфику семейных отношений, либо результатом отсутствия комплексного подхода к регулированию имущественной сферы супругов? Представляется, что раздельное регулирование активов и пассивов не учитывает экономическое единство семьи, которое проявляется не только в совместном накоплении имущества, но и в совместном несении расходов, включая обслуживание долгов.

К чему приводит такая расстановка презумпций? В доктрине такую ситуацию полагают катастрофической [7, с. 90-126].

Нами такое регулирование характеризуется как дисбаланс правовых презумпций, который выражается в искусственном разделении актива и пассива, по своей экономической природе представляющих собой неразрывное единство. Такая асимметрия не имеет под собой ни экономического, ни юридического обоснования.

Имущество не возникает из ниоткуда - всякому активу, как правило, корреспондирует источник его происхождения, то есть пассив. В юридическом смысле это означает, что приобретение любого имущества, за редкими исключениями, сопряжено с возникновением долгового обязательства либо с уменьшением иного актива, что также имеет экономические последствия для имущественной сферы семьи. Именно в игнорировании этой фундаментальной взаимосвязи и состоит суть дисбаланса. Действующее правовое регулирование, разделяя активы и пассивы супругов, позволяет перераспределять риски на третьих лиц - кредиторов супругов, ухудшая их положение.

Принцип справедливости предполагает, что участники гражданского оборота должны нести эквивалентные риски, соответствующие той выгоде, которую они извлекают из соответствующих правоотношений. В контексте семейных отношений это означает, что если оба супруга извлекают выгоду из предоставления кредитора, то и риски, связанные с невозвратом этого предоставления, должны распределяться между ними, а не возлагаться на кредитора. Действующее регулирование, напротив, разрывает экономическую связь между полученной выгодой и необходимостью нести ответственность: один из супругов может извлекать выгоду из обязательства, стороной которого он формально не является, не отвечая при этом по долгу.

Для понимания того, каким образом указанный дисбаланс презумпций приводит к прямым имущественным потерям кредитора, необходимо обратиться к конкретному примеру. Кредитор, вступая в обязательство с должником, обоснованно рассчитывает на его исполнение, а в случае неисполнения - на удовлетворение своих требований за счет имущества должника. Когда предоставление кредитора по обязательству поступает должнику, состоящему в браке, в силу закона оно презюмируется поступившим в общую имущественную массу супругов, вне зависимости от того, кто из супругов был стороной обязательства (п. 1 ст. 34 СК РФ).

Это означает, что уже на этапе получения исполнения предоставленное кредитором автоматически включается в состав общей совместной собственности супругов, независимо от воли кредитора. Впоследствии, когда кредитор востребует встречное предоставление, оно считается личным того из супругов, который был стороной обязательства (п. 1 ст. 45 СК РФ). Таким образом, кредитор оказывается в ситуации, когда его актив юридически «расщепляется» в общей собственности супругов.

При таком регулировании кредитор оказывается в заведомо невыгодном положении. Если рассмотреть упрощенную ситуацию, в которой на средства кредитора приобретено общее имущество и иного имущества у супругов нет, то, руководствуясь буквальным толкованием указанных норм, такой кредитор вправе претендовать только на половину от предоставленного актива.

Экономическая логика подсказывает, что актив, приобретенный за счет заемных средств, должен выступать источником погашения соответствующего долга. Однако действующее регулирование эту логику игнорирует, позволяя супругу должника претендовать на половину такого актива, не неся при этом ответственности по обязательству. Кредитор, таким образом, субсидирует внутрисемейные отношения, будучи лишенным возможности взыскать долг за счет того, что было на этот долг приобретено. Такая конструкция не только противоречит экономической логике, но и создает очевидные стимулы для злоупотреблений.

В деле о банкротстве должника правовая неопределенность для кредитора достигает своего предела. Процедура банкротства, призванная обеспечить соразмерное удовлетворение требований кредиторов и справедливое распределение конкурсной массы, в условиях дисбаланса презумпций оборачивается для кредитора дополнительными сложностями. Кредитору противопоставляются интересы не только супруга должника, но и интересы иных кредиторов, конкурирующих за ту часть имущества, которая остается в конкурсной массе. В этой многосубъектной процессуальной конструкции кредитор, чье требование основано на личном обязательстве должника, вынужден нести бремя доказывания общности долга в условиях, когда доступ к доказательствам ограничен, а супруг должника и иные кредиторы занимают естественную процессуально антагонистическую позицию.

Особенно остро эта проблема проявляется в ситуациях, когда приобретенное на заемные средства имущество было использовано в общих интересах семьи, но документального подтверждения этого не сохранилось либо оно не было оформлено надлежащим образом. Кредитор, не являясь участником внутрисемейных отношений, оказывается в заведомо проигрышном положении: он не может представить доказательства, которые находятся в сфере контроля супругов, а последние, действуя согласованно, могут ссылаться на личный характер долга, даже если экономически он являлся общим. В результате перспектива преодоления презумпции личного характера обязательства должника существенно понижается, равно как и размер потенциального удовлетворения требования кредитора.

Заключение

Презумпция личного характера обязательства одного из супругов исходит из лишения кредитора права на половину от осуществленного им предоставления и фактически перекладывает на кредитора внутрисемейные риски, лишая его возможности эффективно защитить свои интересы за счет той имущественной массы, которая этим долгом была приращена. Кредитор, предоставивший денежные средства или иной актив лицу, состоящему в браке, вынужден мириться с тем, что его предоставление может поступить в общую совместную собственность супругов, тогда как обязательство останется личным долгом лишь одного из них. О возможности такого развития событий кредитор может и не предполагать.

Недостаточность личного имущества должника и его доли в общем имуществе супругов для удовлетворения требования требует от кредитора активных действий по опровержению презумпции личного характера обязательства должника в судебном процессе против супруга должника, что сопряжено со значительными процессуальными трудностями, обусловленными ограниченным доступом к информации о внутрисемейных отношениях.

Такое регулирование существенно ухудшает положение кредитора, особенно в ситуации, когда предоставленный должнику актив презюмируется совместной собственностью должника и его супруга, а обязательство, за счет которого был приобретен актив, презюмируется личным обязательством должника. В результате возникает ситуация, при которой выгоды от использования предоставления кредитора распределяются между обоими супругами, тогда как риски, связанные с невозвратом долга, остаются исключительно на кредиторе и на том супруге, который формально выступал стороной обязательства.

Теория и правоприменительная практика по проблеме общих обязательств супругов в банкротстве противоре-

чива и дискуссионна по всем рассматриваемым положениям. Отсутствие единообразных подходов понижает правовую определенность прав кредиторов, а следовательно, опосредует удорожание кредита, что негативно сказывается на гражданском обороте в целом. Для преодоления насущных проблем разрешения споров об общности долга, которые на современном этапе развития правопорядка создают существенные препятствия для эффективной защиты прав кредиторов, предлагается решать поставленные проблемы не законодательными изменениями, а в общеобязательных разъяснениях - актах толкования правоприменителя.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.03.2023 № Ф05-26845/2022 по делу № А40-214471/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 07.03.2023 № Ф06-614/2023 по делу № А12-32627/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 04.06.2020 № Ф02-1712/2020 по делу № А33-29543/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Ломакина П.А. Правовое регулирование общих обязательств супругов: Диссертация кандидата юридических наук / П.А. Ломакина. Москва, 2021. 193 с.
6. Саватье Р. Теория обязательств: юридический и экономический очерк / Р. Саватье; Перевод с французского и вступительная статья Р.О. Халфиной. Москва: Прогресс, 1972. 440 с.
7. Будылин С. Л. Все мы делим пополам. Банкротство граждан и семейное имущество в России и за рубежом // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 4. С. 90 – 126. // СПС «КонсультантПлюс».

Recognition of spouses' obligations as common in bankruptcy proceedings: the impact of the imbalance between the presumptions of community of assets and separateness of spouses' liabilities on the rights of creditors.

Sergeyev G.O.

St. Petersburg State University

The article discusses the issues of recognizing the obligations of spouses as common in a bankruptcy case. The article analyzes doctrinal approaches and judicial practice, as well as the imbalance of presumptions of common assets and separate liabilities of spouses, enshrined in Articles 34 and 45 of the Family Code of the Russian Federation, and the impact of this imbalance on the rights of creditors. The asymmetry of legal regulation, which breaks the link between an asset and its source of origin, creates significant risks for creditors. In the bankruptcy proceedings of citizens, this problem becomes particularly acute, since the competition of creditors for the common property of the spouses demonstrates the inconsistency of the legal presumptions enshrined in the law.

Keywords: recognition of spouses' obligations in common, presumptions, assets, liabilities, bankruptcy, creditors' rights

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018, No. 48 "On Certain Issues Related to the Peculiarities of the Formation and Distribution of Bankruptcy Assets in Bankruptcy Cases of Individuals" // SPS "ConsultantPlus".
2. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of March 16, 2023, No. F05-26845/2022 in Case No. A40-214471/2021 // SPS "ConsultantPlus".
3. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District of March 7, 2023, No. F06-614/2023 in Case No. A12-32627/2021 // SPS "ConsultantPlus".
4. Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District dated June 4, 2020, No. F02-1712/2020 in case No. A33-29543/2017 // SPS "ConsultantPlus".
5. Lomakina, P.A. Legal regulation of the general obligations of spouses: Dissertation of a candidate of legal sciences / P.A. Lomakina. Moscow, 2021. 193 p.
6. Savatier, R. Theory of obligations: a legal and economic essay / R. Savatier; Translation from French and introductory article by R.O. Khalfina. Moscow: Progress, 1972. 440 p.
7. Budylin, S.L. We divide everything in half. Bankruptcy of citizens and family property in Russia and abroad // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2015. No. 4. P. 90–126. // SPS “ConsultantPlus”.

Роль принципов правового регулирования в деятельности органов конституционного контроля Китайской Народной Республики

Сорокина Елена Владимировна
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, halens@mail.ru

Шабашев Кирилл Александрович
студент факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридический факультет) Северо-Западного филиала, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева

Актуальность данной темы обусловлена тем, что в условиях стремительной трансформации правовой системы Китайской Народной Республики (далее КНР) вопрос обеспечения верховенства Конституции КНР приобретает фундаментальное значение. В этом контексте целью работы является определение и характеристика принципов правового регулирования в деятельности органов конституционного контроля Китайской Народной Республики как фундамента, гаранта устойчивости системы.
Авторы исходят из того, что хотя в традиционной юридической науке доминирует представление о конституционном контроле как о функции судебной власти (конституционное правосудие), но система конституционного контроля в КНР выстроена особым образом, и принципы правового регулирования играют здесь важную роль. Специфика заключается в модернизации механизма конституционного надзора, обусловлена несколькими факторами: 1)институциональной реформой, проводимой в КНР в последние годы, 2)действием конституционных поправок 2018 года, 3)созданием Комитета по Конституции и законодательству Всекитайского собрания народных представителей (далее ВСНП), а также 4)принятием новой редакции Закона КНР «О правотворчестве» в марте 2023 года. В работе приведены точки зрения отечественных и зарубежных теоретиков и практиков права, ведущих синологов.
Ключевые слова: принципы правового регулирования, конституционный контроль, конституция КНР, парламентский политико-правовой надзор в КНР.

Введение. Цель работы заключается в системном анализе роли принципов правового регулирования в деятельности органов конституционного контроля КНР, современного состояния института конституционного контроля в КНР, выявлении его институциональных особенностей и оценке эффективности процедурных механизмов. В этом контексте отражены теоретико-идеологические основы отказа КНР от модели конституционного правосудия в пользу парламентского надзора, проанализирована система органов конституционного контроля, включая роль Комитета по Конституции и законодательству и Комиссии по вопросам законодательства ПК ВСНП, изучена процедура «Записи и проверки» (备案审查), включая этапы инициации, рассмотрения и принятия решений об отмене актов, охарактеризованы новеллы законодательства 2023 года и их влияние на доступ граждан к механизмам защиты конституционных прав. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой и исторический методы. Изучение принципов правового регулирования в деятельности органов конституционного контроля Китайской Народной Республики (далее КНР) необходимо для глубокого понимания того как функционирует публичная власть в крупнейшей экономике Азии без использования классической модели разделения властей.

Результаты. В классической правовой доктрине конституционный контроль традиционно понимается как система юридических средств, с помощью которых обеспечивается верховенство конституции, соответствие ей правовых актов и практики государственных органов. В классической компаративистике выделяются судебная модель, где контроль осуществляет специализированный или высший суд (в таких странах, как Россия, США, Германия, Италия и Франция) и парламентская модель (редкий и во многом архаичный тип), где функции надзора за конституционностью закреплены за законодательным органом.

Китайский конституционализм рассматривался в трудах российских синологов и правоведов: К. А. Егоров, Л. М. Гудошников, Л. Д. Воеводин, А. Е. Лунев, Н. Г. Сударикова и др. Отмечено, что Китайская Народная Республика представляет собой классический пример функционирования системы парламентского политико-правового надзора, при котором монополия на толкование и контроль Конституции принадлежит высшему органу государственной власти – Всекитайскому собранию народных представителей (ВСНП) и его Постоянному комитету (ПК ВСНП). Эта система, известная так же, как «система записи и проверки» (备案审查, beian shencha) нормативных актов, являющаяся ключевым механизмом конституционного и правового надзора в Китайской Народной Республике. За последние 15-20 лет «система записи и проверки» эволюционировала от малозаметного механизма к активному инструменту унификации правового пространства и контроля и надзора за бюрократией. Значительные изменения произошли после 2018 года, когда была проведена конституционная реформа и создан Комитет по Конституции и законодательству ВСНП, а в 2023 году был обновлён Закон КНР «О правотворчестве», законодательно закрепивший функцию проверки конституционности.

Конституционный контроль в КНР основан на фундаментальном отказе от модели судебного конституционного контроля. Этот выбор основан на **принципах китайской государственности**, регулирующих деятельность органов конституционного контроля, имеющих идеологические, политические и исторические традиции:

1. ***Парламентский характер контроля:*** принцип верховенства законодательной власти. Это закреплено в полномочиях ключевых органов: Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) – осуществлять общий надзор за соблюдением Конституции. Постоянный комитет ВСНП наделен правом толкования Конституции и контроля за ее исполнением. Постоянный комитет также проверяет нормативные акты на соответствие основному закону [1].

2. ***Принцип единства государственной власти:*** создание независимого Конституционного суда, который мог бы отменять решения ВСНП, идеологически и конституционно неприемлемо. ВСНП провозглашается высшим органом государственной власти, которому подчинены все остальные виды власти (законодательная через себя, исполнительная через Госсовет, судебная через Верховный суд). Правовая система КНР отрицает классическое разделение властей. Судебные органы (народные суды) не имеют права признавать законы неконституционными. Весь контроль замыкается на законодательной вертикали, что соответствует концепции «социалистического правового государства с китайской спецификой».

3. Принцип предварительного и последующего контроля заключается в том, что 1)предварительный осуществляется в процессе разработки и принятия законопроектов профильными комитетами ВСНП; 2)последующий, реализованный в системе «Записи и проверки», состоит в наличии закрепленного права за Постоянным комитетом ВСНП отменять административные акты Государственного совета (правительства) и постановления местных органов власти, если они противоречат Конституции или национальным законам.

4. Партийный принцип организации государства или Принцип определяющей роли Коммунистической партии Китая (КПК) характеризуется тем, что КПК является руководящей силой, именно политический контроль партии обладает юридической силой над конституционными процессами, – демократический централизм, согласно которому Партия выражает единую волю народа, а поэтому её решения (облечённые в форму законов ВСНП) не могут быть неправильными, они могут быть лишь неправильно исполнены на местах. Конституционный контроль, таким образом, предназначен не для ограничения власти партии, а для обеспечения единства её исполнения по всей вертикали [2].

5. Принцип соблюдения дисциплины и законности государственными служащими: осуществление ревизионного и административного надзора органами публичной власти, в частности, органами конституционного контроля [3. С. 109–117].

6. ***Исторический опыт как принцип:*** травма периода «Культурной революции» (1966–1976), когда Конституция полностью утратила силу, привела к пониманию, что нужна не судебная защита прав, а внутреннее юридическое упорядочение государственного аппарата через парламентский механизм [4].

Отечественная юридическая синология в рамках изучения китайского права прошла путь от апологетики социалистического права (в 1950-е) через критику маоизма (в 1970-е) к взвешенному анализу современных реформ. Ключевой точкой дискуссии всегда оставалась китайская национальная идентичность, философия и, конечно же, роль ВСНП и функционирование (реальность) конституционных механизмов. Черниловский З.М., изучавший в большей степени историю государства и права, рассматривал право КНР через призму всеобщей истории: анализируя периоды «Большого скачка» и «Культурной революции», исследователь характеризовал конституционные механизмы того времени как «фиктивные». В своих учебниках он оценивал КНР периода власти Мао Цзэдуна как пример государства, где конституция существует, но конституционализм отсутствует полностью. Позднее, оценивая реформы 1982 года, он отмечал возврат к «нормальности», но сохранял скепсис относительно возможности реальной защиты прав личности без независимого суда [5. С. 114].

Гудошников Л.М., один из первых проанализировал социалистический Китай ещё в 20 веке [6]. В своих трудах он подчеркивал, что китайская модель – это не правосудие, а особая форма государственного надзора. Он указывал, что отсутствие Конституционного суда в КНР – это не «пробел», а сознательный выбор в пользу сохранения полновластия представительных органов (СНП), руководимых партией. Гудошников Л.М. первым ввел в широкий научный оборот анализ механизма работы постоянных комитетов ВСНП как органов, подменяющих сессии парламента в вопросах контроля. Гудошников Л.М. последовательно отстаивал тезис о том, что конституционный контроль в КНР — это не судебная функция, а политико-правовой и административный надзор, преследующий цель обеспечить единство исполнения партийных директив по всей вертикали власти.

Воеводин Л.Д. выделял функцию конституционного контроля, акцентируя идеологический аспект: контроль в КНР осуществляет воспитательную функцию чиновников и граждан в духе соблюдения не только закона, но и идеологии. Отмена актов – юридическая процедура, но закон должен соответствовать социалистической идеологической модели. Противоречия между законодателем и конституцией отсутствуют, так как оба выражают волю народа, поэтому внешний контроль (суд) не нужен – нужен лишь внутренний самоконтроль (ВСНП) [7. С. 234].

Если говорить о мнении современных российских учёных, можно привести мнение П.В. Трощинского, который полагает, что, несмотря на отсутствие Конституционного суда, в КНР сложилась эффективная «административно-бюрократическая» модель защиты права. Он призывает не мерить Китай западными мерками, утверждая, что традиционная китайская правовая культура (легизм + конфуцианство) органично воспринимает именно такой, «вертикальный» надзор, а не состязательный суд [8.С. 238].

Зарубежная (преимущественно англо-американская) наука традиционно рассматривала конституционный контроль в КНР через призму отсутствия разделения властей. Однако в последние 10-15 лет фокус сместился с критики отсутствия в КНР отдельного специализированного судебного конституционного на функциональный анализ системообразующих факторов и системы в целом.

Классики американского правоведения, начавшие изучать Китай еще в 1960-70-е годы, Коэн Дж. и Лубман Ст. характеризовали правовую систему КНР как «инструментальную». Конституция для них – это не ограничитель власти (как на Западе), а инструмент, с помощью которого партия управляет бюрократией. Лубман ввел понятие «Bird in a Cage» («Птица в клетке») – метафора того, что правовые институты (включая конституционный надзор) могут развиваться и летать, но только в пределах жесткой политической клетки, установленной партийной политической силой [9, 10].

Профессор Хэнд К., изучая систему конституционного контроля КНР, ввел понятие «Записи и проверки» (кит. «Beian Shencha»). В своих работах Хэнд доказывает, что китайское руководство использует этот механизм для разрешения конфликтов между Центром и регионами. Хэнд

ввел концепцию «Consultative Supervision» («Консультативный надзор»): система работает не через жесткие вердикты, а через мягкое убеждение и кулуарные переговоры, что соответствует китайской политической культуре [Цит. по: 9,10].

Китайские учёные, анализирующие конституционализма и конституционный контроль в КНР, приходят к двум противоположным мнениям.

Цяньфань Чж., профессор Пекинского университета, представляет воззрения китайского либерального конституционалиста. Он открыто критикует монополию ВСНП на толкование Конституции. В своих работах (часть из которых подверглась цензуре в КНР) он утверждает, что «парламентский надзор неэффективен», так как законодатель не может объективно судить самого себя. Цяньфань Чж поддержал создание специального конституционного комитета, наделенного реальными судебными полномочиями; его предложения были реализованы лишь частично и в урезанном виде (реформа 2018 г.)[11,12].

Чен А., профессор Гонконгского университета, в одного из своих работ вводит понятие «Confucian Constitutionalism» («Конфуцианский конституционализм»). Чен А. предполагает, что западная модель (основанная на недоверии к власти и судебном контроле) чужда китайской традиции. Китайская модель контроля, по его мнению, основана на идее «добродетельного управления» и самокоррекции власти, а не на внешнем сдерживании. Это объясняет, почему система «beian shencha» («внутренняя проверка») прижилась, а судебный контроль – нет [13].

В соответствии с вышеуказанными принципами рассмотрим систему органов конституционного контроля КНР. Основным нормативно-правовым актом, регулирующим конституционный контроль, является Конституция КНР 1982 года (с поправками 1988, 1993, 1999, 2004, 2018 гг.).

Так, например, в статье 62 Конституции КНР, установлены функции ВСНП, часть которых исполняет Постоянный комитет ВСНП. В частности, закреплено, что ВСНП: «Всекитайское собрание народных представителей осуществляет следующие функции и полномочия: ... контроль за соблюдением Конституции» [14].

Ст.67 Конституции КНР определяет полномочия Постоянного комитета ВСНП и устанавливает, что «Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей осуществляет следующие функции и полномочия: ... толкование Конституции и надзор за её соблюдением; ... отмена административных постановлений, решений или распоряжений Государственного совета, противоречащих Конституции или законам; ... отмена местных постановлений или решений органов государственной власти провинций, автономных районов и муниципалитетов, находящихся в непосредственном подчинении центрального правительства, противоречащих Конституции, законам или административным постановлениям» [14].

Следующим по иерархии нормативно-правовым актом следует считать Закон КНР «О правотворчестве» (2000, ред. 2015, 2023) [15]. Этот закон – основа всей системы «записи и проверки», его текст «пережил» несколько редакций (2000 г., 2015 г. , 2023 г.) В редакции 2023 г. в текст закона введен специальный термин «合宪性审查» («проверка конституционности»), тем самым дифференцирован простой контроль законности и контроль конституционности.

К актам, регулирующим взаимодействие между органами конституционного контроля, можно отнести Решение ПК ВСНП от 29 декабря 2023 года «Об улучшении и укреплении работы по записи и проверке нормативных документов»[16], где впервые в законодательно-подзаконной форме закреплены сроки рассмотрения предложений от граждан (обычно 60 дней для предварительного анализа); введена обязанность органов-авторов актов отвечать на запросы о проверке и, в случае необходимости, вносить изменения; расширен доступ граждан к онлайн-платформе для подачи жалоб.

Конституционный контроль в КНР реализуется через иерархическую четырёхуровневую систему органов:

- *ВСНП (Всекитайское собрание народных представителей):* высший орган государственной власти, подконтролен коммунистической партии КНР. Сессии ВСНП проводятся один раз в год, проведение чрезвычайных сессий возможны по необходимости. Функции в сфере конституционного контроля: 1)принимает поправки к Конституции (требуется квалифицированное большинство в 2/3); 2)принимает основные законы государства; 3)издаёт решения о толковании Конституции и отмене актов (хотя на практике это происходит редко). ВСНП служит легитимационным источником для решений Постоянного Комитета ВСНП. Если ПК принимает решение о толковании Конституции или отмене акта, это решение издаётся от имени (или с согласия) ВСНП.
- *Постоянный комитет ВСНП (ПК ВСНП)* обладает статусом фактического центра конституционного контроля. Действует между сессиями ВСНП, проводит заседания ежемесячно. ПК ВСНП сочетает в себе законодательные и квазисудебные функции, но остаётся полностью подконтрольным коммунистической партии КНР[46]. Ключевые полномочия ПК ВСНП, согласно ст. 67 Конституции КНР: 1)толкование Конституции (宪法解释): ПК ВСНП может издавать официальные толкования конституционных положений; толкования имеют статус официального источника права и обязательны для всех органов и граждан; толкование может быть издано либо по инициативе ПК, либо по запросу ВСНП, Госсовета, Верховного суда и Верховной прокуратуры; 2)надзор за исполнением Конституции (监督宪法的实施): ПК ВСНП осуществляет политический и правовой контроль над исполнением Конституции центральными и местными органами; этот контроль облечён в форму системы «Записи и проверки» (beian shencha); 3)отмена противоречащих актов (撤销): ПК ВСНП может отменять (полностью или частично) административные регламенты Госсовета, если они противоречат Конституции КНР или законам КНР; может отменять местные законы провинций и автономных районов; а также судебные толкования Верховного суда и Верховной прокуратуры.
- *Комитет по Конституции и законодательству ВСНП* ранее имел название «Комиссия по законодательству», которая в 2018 году была преобразована в Комитет по Конституции и законодательству как часть конституционной реформы, подчёркивающей приоритет конституционной функции. Комитет не издаёт собственных решений, имеющих силу закона; его заключения передаются в ПК ВСНП для принятия политического решения. В состав Комитета по Конституции и законодательству ВСНП входят депутаты ВСНП, в т.ч. профессиональные юристы, научные работники в области права, представители местных

[46] В состав ПК ВСНП входит 175 членов, включая председателя, вице-председателей, генерального секретаря и членов из представителей разных провинций, национальностей, социальных групп.

органов: 1)проводит экспертизу законопроектов перед внесением в ВСНП на соответствие Конституции и уже действующим законам; 2)участвует в системе «Записи и проверки»: рассматривает сложные или политически чувствительные вопросы о конституционности актов; 3)проводит подготовку проектов решений и толкований Конституции КНР для ПК ВСНП; 4)взаимодействует с Комиссией по вопросам законодательства (аппаратом ПК ВСНП).

Комиссия по вопросам законодательства ПК ВСНП КНР. Это рабочий аппарат ПК ВСНП, где концентрируется основная техническая и юридическая работа по проверке актов. Согласно регламенту, Комиссия по вопросам законодательства ПК ВСНП КНР исполняет функции: 1)организует систему «beian shencha», ведет регистрацию всех поступающих нормативных актов и их первичный анализ; 2)инициирует диалог – при выявлении нарушений Комиссия отправляет в орган-автор официальное письмо с просьбой объяснить свою позицию и предлагает внести изменения; 3)готовит рекомендации для ПК ВСНП об отмене или необходимости изменения акта, в случае если орган-автор не отвечает добровольно; 4)ежегодно (обычно в декабре) публикует подробный отчёт о работе по системе «Записи и проверки» за прошедший год.

На региональном и муниципальном уровнях функционируют аналогичные механизмы. Между ними и ПК ВСНП КНР выстроена вертикаль по линии информационного обмена и консультаций. В случае обнаружения акта, противоречащего Конституции КНР или национальным законам, местные комитеты могут направить рекомендацию в центр.

Реализация вышеуказанных принципов правового регулирования конституционного контроля, в частности, последующего контроля, лежит в основе системы «Записи и проверки», имеющей особое значение в исследуемой теме. Это система последующего (ex post) контроля, при которой все нормативные акты, изданные в КНР (кроме законов самого ВСНП), подлежат обязательной регистрации в ПК ВСНП КНР и подвергаются проверке на соответствие Конституции и законам КНР.

К объектам контроля относятся, согласно ст. 110 Закона о правотворчестве 2023: 1)административные акты Госсовета КНР; 2)нормативные документы министерств и ведомств (министерства иностранных дел, финансов, образования и т.д.);3)местные законодательные акты: законы, принятые собраниями народных представителей провинций, автономных районов и муниципалитетов Шанхая, Тяньцзиня, Пекина, Чунцина и т.д.; решения и регламенты собраний и их постоянных комитетов; 4)судебные толкования и нормативные акты судов: 5)иные нормативные документы.

Необходимо отметить, что НЕ подлежат контролю 1) сами законы ВСНП КНР, т.к. они считаются «верховными» и не могут быть пересмотрены никаким органом; 2) конституционные поправки, одобренные ВСНП КНР; 3) решения и толкования самого ПК ВСНП КНР, т.к. они уже изданы самим органом контроля.

Функционирование системы «Записи и проверки» условно можно разделить на несколько стадий:

1. «Запись»: любой орган, издавший нормативный акт (Госсовет, местное собрание, Верховный суд), обязан направить его в ПК ВСНП КНР через Комиссию по вопросам законодательства в течение установленного срока. Комиссия регистрирует акт в общей базе данных всех поступивших нормативных документов и начинает процесс классификации. На этой стадии не осуществляется проверка конституционности – акт просто учитывается в системе.

2. Начало проверки, которая может быть инициирована двумя путями: по запросу органов власти и по предложению граждан и организаций. Запрос от органа власти имеет высокий приоритет – его рассмотрение начинается незамедлительно. Предложения граждан имеют рекомендательный характер, а не формально-процессуальный.

3. Непосредственно проверка акта осуществляется Комиссией по вопросам законодательства, изучается текст спорного акта, проводятся консультации с экспертами, готовится аналитическое заключение. Затем комиссия направляет в орган-автор спорного акта официальное письмо с описанием выявленных замечаний. Орган-автор в установленный срок (обычно 20–30 дней) должен подготовить письменный ответ. Часто Комиссия организует переговоры с представителем органа-автора спорного акта. Комиссия на данной стадии выступает не как карающий орган, а как консультант и помощник, и предлагает варианты изменений, в которых противоречие может быть устранено. В большинстве случаев (примерно в 85–90% дел) орган-автор соглашается, и начинает процесс изменения или отмены спорного акта;

4. Отмена акта существует, если стадия 3 не привела к результатам. В этом случае Комиссия по вопросам законодательства готовит проект Решения Постоянного комитета ВСНП КНР об отмене акта. Затем он рассматривается в Комитете по Конституции и законодательству, проходит голосование в ПК ВСНП КНР.

Чтобы понять, насколько эффективна эта система, нужно обратиться к примерам и статистике. Так, например, в 2023 году во многих городах Китая (Пекине, Шанхае, Ханчжоу и др.) были введены полные запреты на запуск фейерверков в течение всего года [17], исключение составил Новый год. Это делалось ради сохранности экологических норм, улучшения качества воздуха. Тысячи людей подали предложения в систему «Записи и проверки» через онлайн-платформу, утверждая, что полный запрет: противоречит Конституции КНР (право на культурную деятельность), ущемляет традиционные народные обычаи и несоразмерен поставленной цели. Комиссия по вопросам законодательства в своем годовом отчёте за 2023 год согласилась с критикой и указала, что закон КНР о защите окружающей среды разрешает ограничение (限制), но не полный запрет и рекомендовала местным властям пересмотреть свои решения и заменить полные запреты на более мягкие ограничения (например, разрешить фейерверки в определённые дни или в определённых места) [18].

Заключение

Принципы правового регулирования, являющиеся основой доктрины конституционного контроля в Китайской Народной Республике, - это уникальный философский, идеологический, исторический и правовой феномен, который нельзя механически сравнивать не с судебным контролем Запада, не с российской моделью. Систему конституционного контроля КНР представляют высшие представительные органы (ВСНП КНР и ПК ВСНП КНР), а не суд. Роль принципов правового регулирования Она ориентирована на обеспечение внутреннего единства партийно-государственного аппарата, а не на защиту прав граждан в либеральном смысле. В ней доминируют переговоры и добровольное исправление ошибок, а не конфликтные судебные вердикты. Хотя участие граждан в этом процессе и не столь велико, значительно уступает роли органов власти, однако система в последние годы становится более открытой. Данная система конституционного контроля выявляет и исправляет противоречия в законодательстве, защищает граждан от произвола местной бюрократии в определённых границах. Реформы 2018-2023 годов свидетельствуют о том, что партийное руководство КНР стремится укреплять и профессионализировать систему конституционного контроля, но без изменения её парламентского и политического характера.

Любое значительное расширение полномочий (например, создание независимого Конституционного суда) остаётся политически неприемлемым.

Литература

1. Трощинский П. В. 70 лет парламенту Нового Китая: форма государственного устройства и особенности парламентаризма // Власть. 2024. –Том 32. – № 4. – С. 17-25.
2. Hand, Keith J. Constitutional Supervision in China after the 2018 Amendment of the PRC Constitution. Asian Journal of Comparative Law, 2019. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3431293.
3. Алексеенко А.П. Регулирование государственной гражданской службы в КНР // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2018. – № 4. – С. 109–117.
4. Margaret Y.K.Woo and Mary E.Gallagher, eds., Chinese Justice: Civil Dispute Resolution in Contemporary China (New Yorl, NY: Cambridge University Press, 2013). – URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s11366-016-9407-1.
5. Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права. – М.: ЮРИСТ, 1996. – С.114.
6. Гудошников Л.М. Высшие органы государственной власти КНР. М.: Институт права АН СССР, 1960.
7. Воеводин Л.Д. «Государственное право стран народной демократии». – М.: Изд-во ИМО, 1960. – С. 234.
8. Трощинский П.В., «Правовая система Китая» – М. : ИДВ. РАН, 2016. – С. 238.
9. Lubman, Stanley B. Bird in a Cage: Legal Reform in China after Mao. Stanford University Press, 1999. – URL: https://archive.org/details/birdincagelegalr0000lubm/page/n5/mode/2upT
10. Cohen, Jerome A. "The Criminal Process in the People's Republic of China, 1949-1963: An Introduction", Harvard University Press, 1968.— URL: https://www.cambridge.org/core/journals/china-quarterly/article/abs/criminal-process-in-the-peoples-republic-of-china-19491963-an-introduction-by-jerome-alan-cohen-cambridge-harvard-university-press-1968-706-pp-15/D1451B7E043156FA3DDF5F7D923C8098.
11. Zhang, Qianfan. The Constitution of China: A Contextual Analysis. Hart Publishing, 2012. – URL: https://www.semanticscholar.org/paper/The-Constitution-of-China%3A-A-Contextual-Analysis-Zhang/0a889f428c1649f3ebdbb6059f7481ae8d02c011.
12. Zhang, Qianfan. "A Constitution without Constitutionalism? The Paths of Constitutional Development in China", International Journal of Constitutional Law, 2012 – URL: https://www.cambridge.org/core/books/abs/constitutionalism-in-context/constitutions-and-constitutionalism-china/BF19507CC095F1E2FC376231ED4DC96F.
13. Chen, Albert H.Y. "An Introduction to the Legal System of the People's Republic of China", LexisNexis, 2019, 5th ed. – URL: https://vstudy.ruc.edu.cn/mystudy/search/detail/m55c1b3ab09a335c676b4d7106e0e509a.
14. Конституция КНР (1982) в редакции от 11.03.2018. – URL: https://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution.
15. Закон КНР «О правотворчестве» (принят на на 3-й сессии Всекитайского собрания народных представителей девятого созыва 15 марта 2000 года; 2023 г. редакция). – URL: https://chinalawinfo.ru/other/law_legislation.
16. Решение ПК ВСНП от 29 декабря 2023 г. об улучшении работы по записи и проверке. – URL: https://russian.news.cn/20231231/b1042fdbe0f4466e90ec2e7bb7708c82/c.html.
17. В Китае запретили новогодние фейерверки. – URL: https://rg.ru/2018/02/15/v-kitae-zapretili-novogodnie-fejerverki.html.
18. December 2023: Overview of New Amendments to China's Criminal Law & Charity Law. – URL: https://newsletter.npcobserver.com/p/december-2023-overview-of-new-amendments.

The role of the principles of legal regulation in the activities of the constitutional control bodies of the People's Republic of China

Sorokina E.V., Shabashev K.A.

North-Western Branch Lebedev Russian State University of Justice

The relevance of this topic is due to the fact that in the context of the rapid transformation of the legal system of the People's Republic of China (hereinafter PRC), the issue of ensuring the supremacy of the Constitution of the People's Republic of China is of fundamental importance. In this context, the purpose of the work is to identify and characterize the principles of legal regulation in the activities of the constitutional control bodies of the People's Republic of China as the foundation and guarantor of the stability of the system.

The authors proceed from the fact that although the traditional legal science is dominated by the idea of constitutional control as a function of judicial power (constitutional justice), the system of constitutional control in the PRC is built in a special way, and the principles of legal regulation play an important role here. This specificity lies in the modernization of the mechanism of constitutional supervision, due to several factors: 1) the institutional reform carried out in the People's Republic of China in recent years, 2) the constitutional amendments of 2018, 3) the establishment of the Committee on Constitution and Legislation of the National People's Congress (hereinafter NPC), and 4) the adoption of a new version of the Law of the People's Republic of China "On Lawmaking" in March 2023. The paper presents the points of view of domestic and foreign legal theorists and practitioners, leading sinologists.

Keywords: principles of legal regulation, constitutional control, Constitution of the People's Republic of China, parliamentary political and legal supervision of the People's Republic of China.

References

1. Troshchinsky P. V. 70 years of the Parliament of New China: the form of government and the features of parliamentarism // Power. 2024. –Volume 32. – No. 4. – pp. 17-25.
2. Hand, Kate J. Constitutional supervision in China after the amendment of the Constitution of the People's Republic of China in 2018. Asian Journal of Comparative Law, 2019. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3431293
3. Alekseenko A.P. Regulation of the state civil service in China // Ecumena. Regional studies. - 2018. – No. 4. – pp. 109-117.
4. Margaret Y.K.Wu and Mary E.Gallagher, eds., Chinese Justice: Civil Dispute Resolution in Modern China (New York, Cambridge University Press, 2013). – URL:

https://link.springer.com/article/10.1007/s11366-016-9407-1 5. Chernilovsky Z.M. Universal history of the state and law. – M.: LAWYER, 1996. – p.114.
6. Gudoshnikov L.M. The supreme organs of state power of the PRC. Moscow: Institute of Law of the USSR Academy of Sciences, 1960.
7. Voevodin L.D. "State law of the countries of people's democracy". – M.: IMO Publishing House, 1960. – P. 234.
8. Troshchinsky P.V., "The legal system of China", Moscow: IDV. RAS, 2016. – p. 238.
9. Lubman, Stanley B. Bird in a cage: legal reform in China after Mao. Stanford University Press, 1999. – URL: https://archive.org/details/birdincagelegalr0000lubm/page/n5/mode/2upT
10. Cohen, Jerome A. "Criminal Procedure in the People's Republic of China, 1949-1963: An Introduction," Harvard University Press, 1968. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/china-quarterly/article/abs/criminal-process-in-the-peoples-republic-of-china-19491963-an-introduction-by-jerome-alan-cohen-cambridge-harvard-university-press-1968-706-pp-15/D1451B7E043156FA3DDF5F7D923C8098.
11. Zhang, Qianfan. The Constitution of China: a contextual analysis. Hart Publishing, 2012. – URL: https://www.semanticscholar.org/paper/The-Constitution-of-China%3A-A-Contextual-Analysis - Zhang/0a889f428c1649f3ebdbb6059f7481ae8d02c011.
12. Zhang, Qianfan. "A constitution without constitutionalism? Ways of State Development in China", International Journal of Public Administration, 2012 – URL: <url> https://www.cambridge.org/core/books/abs/constitutionalism-in-context/constitutions-and-constitutionalism-china/BF19507CC095F1E2FC376231ED4DC96F.

Правовой режим объектов авторского и патентного права, созданных искусственным интеллектом

Ткач Максим Юрьевич
аспирант кафедры интеллектуальных прав, МГЮА «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, TkachM99@mail.ru

Развитие технологий не стоит на месте, этому процессу сопутствуют определенные процессы, а именно накапливание новых знаний, появление новых областей знания, открытие новых технологий, модернизация существующих технологий и угасание старых технологий Главной технологией, которая широко сейчас обсуждается — это технология искусственный интеллект (ИИ). Сейчас его применение охватывает большую сферу нашей жизни, в том числе творческую и научно-техническую сферы, — произведения литературы, науки, искусства, архитектурные концепции, музыкальные сочинения, технические инновации и изобретения. Художественно-конструкторские решения все чаще создаются самостоятельно или при помощи ИИ. Пока что ни российская, ни европейская, ни американская правовые системы не выработали однозначных и полноценных подходов и решений для определения правового статуса результатов интеллектуальной деятельности, созданных ИИ.
Ввиду этого в юридической сфере очень часто сейчас возникают сложности, связанные с определением правовой сущности созданных ИИ результатов интеллектуальной деятельности это характерно как для авторского права, так и для патентного права. Для анализа существующей проблематики и рассмотрения путей для ее решения будут проанализированы действующие нормативно-правовое регулирование законодательства права интеллектуальной собственности, связанного с использованием ИИ, позиции ученых по теме исследования, а также судебная практика. Приведенный перечень анализируемых источников подчеркивает серьёзность и актуальность выбранной темы, поскольку научно-технический прогресс опережает юриспруденцию на несколько шагов, что порождает не малое количество казусов и спорных ситуаций, решение для которых приходится искать нетрадиционным путем.
Ключевые слова: Искусственный интеллект, отечественная доктрина, зарубежная доктрина, нормативное-правовое регулирование, судебная практика, автономные системы, законодательство в сфере искусственного интеллекта, патентное право, авторское право, правовой режим, цифровые технологии, интеллектуальная собственность.

Введение

Актуальность данного исследования обоснована сложностью, многогранностью и динамичностью того, что сегодня называют ИИ. Действительно вопреки тому, что сам термин «искусственный интеллект» существует более полувека, динамика его развития и внедрения в нашу повседневную жизнь заставляет многих юристов проводить общие исследования в поисках решения проблемы определения правосубъектности ИИ. Особенно много дискуссий возникает в отношении того, как следует относиться к его деятельности и создаваемым им результатам, отдельные признаки которых подпадают под определение результатов интеллектуальной деятельности, монополия на создание которых, согласно доктринам и законодательству большинства стран, принадлежит физическому лицу.

В связи с этим представляется особенно важным разобрать существующие подходы и точки зрения ученых по описанной проблеме, посмотреть сложившуюся судебную практику и предложить вариант решения этой проблемы.

Материалы и методы

Настоящая работа базируется на анализе подходов к решению вопроса о принадлежности результатов интеллектуальной деятельности , созданных ИИ, а также на подборе наиболее подходящей схемы закрепления принадлежности прав на объекты интеллектуальной деятельности, созданные ИИ. Методологическую основу данной статьи составляют такие методы, как анализ, синтез, обобщение, исторический, диалектический и индуктивный.

Литературный обзор

Теоретической основой для написания настоящего исследования послужили научные работы таких ученых как: П. Блок, В.С. Витко, Дж. Гриммельманн, М.А. Егоров, Г.П. Ивлиев, В.О. Калятин, В.Н. Кастальский, О.В. Ровинский, Б.А. Шахназаров, Р. Эбботт. Помимо этого, были использованы законодательные акты России, США, Европейского союза, КНР, а также отечественная судебная арбитражная практика.

Результат

В данной статье автор на основе проведенного анализа научной литературы представленных ученых, нормативно-правового регулирования и судебной практики, предлагают одну из моделей закрепления прав на результаты созданные совместно ИИ и человеком.

Обсуждение

Искусство и новаторство сопровождают человечество на протяжении всей его истории, где человек всегда играл решающую роль. Но с появлением ИИ его распространение и внедрение заставило многих усомниться в сохранении такого положения и натолкнуло на мысль о том, что теперь не только человек будет творцом и изобретателем. Трудно представить, что наука об ИИ как и сам термин «искусственный интеллект», были сформированы еще в 1956 году американскими учеными Джоном МакКарти и Марвином Мински, но наивысший пик его популярности и востребованности мы переживаем последние пять лет. За это время сложилась сильная потребность в законодательном урегулировании.

Согласно статье 2 Федерального закона от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» под ИИ понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение, (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений[47].

Существует также второе определение, зафиксированное[48] в Указе Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» само по себе оно повторяет общий смысл первого определения, хоть и имеет незначительные отличия, но для полноты понимания считаю важным его упомянуть. В нем под ИИ понимается — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений. Помимо этого, с 1 января 2025 года вступили в силу приказы Росстандарта[49], закрепляющие национальные стандарты в области применения и использования ИИ, такие как, например: ГОСТ Р 8.933-2024 «Государственная система обеспечения единства измерений. Нормы точности измерений и приемочные значения в области использования атомной энергии. Порядок назначения и применения», ГОСТ Р 71476-2024 (ИСО/МЭК 22989:2022) «Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта».

Также технологии ИИ нашли применение в медицине: теперь врачам допускается в работе использовать системы ИИ при осуществлении медицинских консультаций, то есть дистанционном лечении. Приказ Минздрава России от 11 апреля 2025 г. № 193н[50] достаточно подробно описывает проведение соответствующих процедур.

Таким образом, национальное законодательство, пусть и медленно, но верно пополняется свежими нормативно-правовыми и подзаконными актами, тем самым все больше охватывая новые и ранее не регулируемые аспекты, связанные с использованием ИИ. Далее логичным было бы провести сравнение с тем, как обстоят дела с законодательным регулированием у иностранных государств.

Так, например в законодательстве Европейского союза не давно был принят первый в мире закон – «Регламент (ЕС) 2024/1689 (Artificial Intelligence Act»[51], который затронул регулирование применения ИИ, а также ввел контроль за деятельностью, связанной с использованием ИИ в различных сферах.

В США Ведомством по авторскому праву придерживаются тех же выводов: в своем своде практик оно прямо указывает, что регистрации подлежат только произведения, которые соответствуют критерию оригинальности, и созданы человеком[52]. Этот свод отдельно регулируют вопросы, связанные с объектами интеллектуальной деятельности, созданными ИИ. Исходя из анализа его положений становится ясно, что ведомство не будет регистрировать объекты интеллектуальной собственности, которые были созданы ИИ без участия в нем человека как автора.

В мае 2025 года этим же ведомством был выпущен полный отчет об авторском праве и ИИ. В нем утверждалось, что про изведение, созданное при помощи ИИ, будет соответствовать условиям, необходимым для получения авторско-правовой охраны, только в случае значительного, существенного вклада человека при его создании. Таким образом, позиция законодателя США основывается на необходимости участия человека в создании произведения, если при его создании используется ИИ.

В Японии также, относительно недавно, в марте 2025 года был принят закон «О продвижении исследований, разработок и использования технологий в области искусственного интеллекта»[53]. В положениях приведенного закона прописано, что государство будет содействовать исследованиям и развитию использования ИИ и готово в рамках закона к сотрудничеству с университетами и предприятиями.

Несмотря на все это, ни один описанных документов не содержит в себе положений, затрагивающих использование ИИ в рамках права интеллектуальной собственности.

В Китае в 2025 году был принят закон «Об искусственном интеллекте». Еще в проекте 2024 года существовала

[47] Федеральный закон "О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных" от 24.04.2020 N 123-ФЗ (ред. от 01.09.2025) // Справочно-правовая система «Гарант» (дата обращения 09.03.2026).

[48] Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" (вместе с "Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года") // Справочно-правовая система «Гарант» (дата обращения 09.03.2026).

[49] Технический комитет по стандартизации №164 «Искусственный интеллект»
(ТК 164) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://tc164.ru/

[50]Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 11 апреля 2025 г. № 193н "Об утверждении Порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий"// Справочно-правовая система «Гарант» (дата обращения 09.03.2026).

[51] Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 г., устанавливающий согласованные правила в отношении искусственного интеллекта и вносящий изменения в Регламенты (ЕС) № 300/2008, (ЕС) № 167/2013, (ЕС) № 168/2013, (ЕС) 2018/858, (ЕС) 2018/1139 и (ЕС) 2019/2144, а также Директивы 2014/90/ЕС, (ЕС) 2016/797 и (ЕС) 2020/1828 (Закон об искусственном интеллекте) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng (дата обращения 09.03.2026).

[52] U.S. Copyright Office, Compendium of U.S. Copyright Office Practices § 101 (3d ed. 2017), с. 4. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: https://ssrn.com/abstract=3884159. (дата обращения 09.03.2026).

[53] закон «О продвижении исследований, разработок и использования технологий в области искусственного интеллекта» // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: https://www.jimin.jp/news/information/210063.html // (дата обращения 09.03.2026).

отдельная глава, посвященная защите интересов пользователей, в числе прочего в ней есть положение касающееся объектов интеллектуальной деятельности, созданных ИИ совместно с человеком, как это указано в статье 36 «право интеллектуальной собственности пользователя на контент, созданный ИИ, на основе вклада пользователя[54]».

Анализируя законодательные акты разных стран, складывается впечатление, что помимо проработки вопросов установления контроля за использованием ИИ и определения уровней возможных рисков, связанных с его применением, также рассматриваются вопросы использования ИИ в области права интеллектуальной собственности. Более того мы можем наблюдать достижение общих точек зрения законодателей разных стран по схожим вопросам, что не может не вызывать оптимизма.

Проанализировав законодательные акты и их положения в отношении принадлежности результатов интеллектуальной деятельности, созданных при помощи ИИ, можно перейти к рассмотрению и анализу положений, касающихся критериев правовой охраны объектов авторского права с точки зрения науки.

В соответствие с нормами гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), касающиеся авторства на результаты интеллектуальной деятельности п.1 ст. 1228 ГК РФ[55], авторства на произведения ст.1257 ГК РФ и авторства на изобретения, полезную модель и промышленный образец ст. 1347 ГК РФ, субъектом перечисленных объектом права интеллектуальной собственности будет везде является человек.

Однако, в связи популяризацией технологий ИИ в качестве полезных инструментов, в том числе в творческой сфере, становится очевидным, что сама трактовка понимания творческой деятельности и труда будет подвержена трансформации. Ведь существование права интеллектуальной собственности, направлено на стимулирование инноваций и уравновешивания прав, а частое применение ИИ при создании результатов интеллектуальной деятельности будет заметно выделяться на фоне произведений, созданных только человеком. При этом обязательно возникнет вопрос о составляющей творческого вклада в произведение, созданное с помощью ИИ, или созданное ИИ самостоятельно.

Согласно энциклопедическому словарю, «творчество» подразумевает деятельность, порождающую нечто качественно новое и отличающуюся неповторимостью, оригинальностью и общественно-исторической уникальностью. Творчество свойственно человеку, так как всегда предполагает творца — субъекта творческой деятельности[56]. Схожей точки зрения, о том, что творчество является спецификой исключительно человека, придерживаются многие ученые. Так, например, по совместному мнению Г.П. Ивлиева и М.А. Егоровой, «программа (программное обеспечение системы ИИ) не может быть автором как по действующему законодательству, так и по сути вопроса»[57]. Схожего мнения придерживается В.С. Витко, он считает, что «в деятельности искусственного интеллекта по созданию результатов, похожих на объекты авторского права, отсутствует творчество, поэтому созданные им результаты не могут быть квалифицированы в качестве объектов авторского права и не подлежат охране правом интеллектуальной собственности»[58]. Интересную точку зрения также высказывали иностранные ученые – специалисты. Так Дж. Гриммельманн утверждает, что «авторское право не признает и не должно признавать компьютер в качестве автора»[59]. П. Блок также считает, что, несмотря на соблазны предоставить системе искусственного интеллекта, принимая во внимание определенную степень ее автономности, те же права, что и изобретателю-человеку, она все же должна рассматриваться не как автономный изобретатель, а в качестве инструмента в руках изобретателя-человека[60]. И в заключение хочу снова обратить внимание на точку зрения В.О. Калятина: он утверждал, что участие ИИ в создании результата интеллектуальной деятельности может варьироваться от простых расчетов задаваемых человеком параметров до сложного построения конструкции по заложенным в него алгоритмам, но он считал, что ИИ все равно в обоих этих ситуациях оставался инструментом. Вследствие того, что включение ИИ в качестве автора произведения или изобретения, не будет соответствовать общим положениям авторского права, так как он не нуждается в авторском вознаграждении, что само по себе является одной из целей авторско-правовой охраны[61].

Не могу не согласиться с мнениями вышеупомянутых ученых, поскольку ИИ в настоящее время действительно не может являться субъектом авторства по нескольким причинам. Во-первых, это объективная невозможность ИИ самостоятельно воспроизводить и создавать произведения науки, литературы, искусства и изобретения, поскольку все его существование, по крайней мере на данный момент, состоит в копировании и подражании, из-за чего в созданных произведениях нет частички души и воли их автора. Во-вторых, поскольку ИИ на сегодняшний день не может создать творческим трудом оригинальное произведение, то, соответственно, не могут быть достигнуты цели авторского права, а именно: защита интересов автора, стимулирование творчества в предотвращение распространения плагиата. Перед тем как сделать вывод относительно этой части исследования, стоит обратить внимание на мнение О.В. Ровинского, который считал, что создание любого результата интеллектуальной деятельности невозможно без участия человека как личности автора и что только физическое лицо может стать творцом чего-то нового.

Подводя итог, считаю, что на сегодняшний день присвоение авторско-правовой охраны произведениям, со-

---

[54] Шейкин Артем Геннадьевич ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ, СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОПРОЕКТНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ (ЧАСТЬ 2) // Пролог: журнал о праве. 2025. №2 (46). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-kitayskoy-narodnoy-respublike-sostoyanie-perspektivy-sravnitelnyy-analiz-1 (дата обращения: 16.03.2026).

[55] "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)" от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 04.01.2026) // Справочно-правовая система «Консультант» (дата обращения 09.03.2026).

[56] Толковый словарь Glosum // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: https://glosum.ru/ (дата обращения 09.03.2026).

[57] *Ивлиев Г.П., Егорова М.А.* Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2022. № 6. С. 32 – 46. (дата обращения 09.03.2026).

[58] *Витко В.С.* Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // ИС. Авторское право и смежные права. 2019. № 2. С. 5 —20; № 3. С. 5 — 22. (дата обращения 09.03.2026).

[59] *Grimmelmann J.* There's No Such Thing as a Computer-Authored Work – And It's a Good Thing, Too // Columbia Journal of Law and the Arts. 2016. Vol. 39, N 3. P. 403. (дата обращения 09.03.2026).

[60] *Blok P.* The Invetor's New Tool: Artificial Intelligence. How Does It Fit in The European Patent System? // European Intellectual Property Review. 2017. Vol. 39, No°2. P. 73. (дата обращения 09.03.2026).

[61] *Калятин В. О.* Объекты авторского права, созданные с использованием компьютера // Патенты и лицензии. 2011. № 5. С. 22, 24. (дата обращения 09.03.2026).

зданным ИИ, не является целесообразным исходя из вышеописанного. Несмотря на то, что ИИ является полезным инструментом, стоит отметить, что во многих пользовательских соглашениях моделей ИИ отмечается противоположное мнение. В пользовательском соглашении ИИ ChatGPT не разделяет владельца промта и исключительного между двумя субъектами и гласит следующее: «между вами и OpenAI, и в пределах, разрешенных применимым законодательством, вы (a) сохраняете свои права собственности на вводимую информацию и (b) являетесь владельцем выведенной информации. Мы настоящим передаем вам все наши права, титулы и интересы, если таковые имеются, в отношении выведенной информации[62]». Интересная трактовка есть у отечественной модели искусственного интеллекта YaGPT относительно промта и конечного результата. Согласно ей, пользователь согласен с тем, что Яндекс вправе использовать запросы и сгенерированный контент для любых целей и любыми способами по своему усмотрению на территории всего мира без ограничения по сроку, в том числе в целях совершенствования работы алгоритмов и технологий Яндекса, для размещения в сервисах Яндекса, в рекламных и маркетинговых материалах для привлечения внимания к технологии и сервисам Яндекса, их отдельным функциям, а также на иных ресурсах, каналах и страницах принадлежащих, Яндексу и его аффилированным лицам.[63]

Важно отметить, что если итоговый объект, даже созданный моделью ИИ, впоследствии будет подвергнут критически важным правкам со стороны человека, то есть весьма вероятно, что такой результат интеллектуальной деятельности будет обладать всеми критериями необходимыми для авторско-правовой охраны. Это связано с тем, что в нем присутствует индивидуальной отпечаток человека – автора, и вопрос сводится только в степени его участия.

Поэтому поводу имеются два судебных решения. Первое это дело № А40 200471/23[64]. Фабула дела следующая – спор произошел между двумя компаниями. Истец обратился в суд с требованием о взыскании компенсации с ответчика за неправомерное использование видеоролика, принадлежащего истцу, созданного с помощью, технологии дипфейк. Ответчик утверждал, что авторское право не распространяется на созданный видеоролик. Однако суд встал на сторону истца, мотивировав это тем, что сама технология дипфейка была лишь инструментом для обработки видеоролика, а не способом его создания, кроме того, группа авторов, входящая в кампанию – истца осуществила съемку самого ролика и добавила аудио сопровождение, что было воспринято судом как внесение личного вклада в создание видеоролика. Последующее постановление апелляционного суда подтвердило выводы решения суда первой инстанции и отклонило жалобу ответчика[65].

Другой спор № А42-3966/2023 был связан с оспариванием кампанией – ответчиком исключительного права на фотографическое произведение, созданное профессиональным фотографом. Ответчик разместил фотографию на своем сайте без согласия истца, руководствуясь тем, что, по его мнению, сгенерированное через модель ИИ изображение не обладает авторско-правовой охраной. Тем не менее, суд удовлетворил исковые требования, мотивировав это тем, что истец как автор произведения, у которого был изначальный файл, использовал модель ИИ только как инструмент для его улучшения.

Таким образом, из складывающейся российской судебной практики можно сделать вывод, что суды присоединяются к позиции о необходимости наличия творческого вклада человека как необходимого условия получения правовой охраны при создании произведения, где участвует ИИ.

Поэтому, на мой взгляд, в ближайшем будущем законодательство и судебная практика придут к единому мнению относительно того, что присваивание авторско-правовой охраны результатам интеллектуальной деятельности, созданным ИИ, будет нарушать устоявшуюся концепцию авторского права. В то же время развитие законодательства в области создания ИИ результатов интеллектуальной деятельности с творческим участием человека видится перспективным на ближайшие годы. В целях упрощения и разделения деятельности человека и ИИ считаю полезным и перспективным создание системы градации деятельности при создании произведения с помощью ИИ. В ее основе будет несколько уровней:

Первый этап — концепция или идея. В нем будет отражена основная задумка произведения, которая будет содержать название, вид произведения (произведение живописи, музыкальное, литературное произведение и т.д.), жанр. Если это произведение живописи — цветовые характеристики; в случае музыкального произведения — стиль, текст, ритм и прочие тонкости и нюансы, которые будут использоваться при создании произведения. Деятельность на этом этапе создания предполагается закрепить исключительно за человек, так как он выступает инициатором и творцом будущего произведения.

Второй этап — исполнение или реализация. Он заключается непосредственно в создании того или иного произведения. Здесь раскрывается деятельность ИИ в качестве полезного инструмента ввиду того, что он имеет больше знаний, умений и ресурсов в той области искусства и творчества, с которой человек принял решение связать свое произведение. Однако человек так же может принимать участие в этом процессе.

Третий, заключительный этап — модернизация или доработка. На нем человек перепроверяет и модернизирует произведение, которое система ИИ ему выдала. Сама доработка или модернизация может происходить как самостоятельно человеком, так и при помощи ИИ путем внесения корректировок, или дополнительных данных в систему ИИ для доведения произведения до удовлетворительного для человека состояния.

Проанализировав и сделав выводы в части созданных ИИ результатов интеллектуальной деятельности в авторском праве, важно сравнить и проанализировать, как обстоят дела с объектами патентного права. На сегодняшний день уже существует несколько зарегистрированных патентов на изобретения, где применяется ИИ. К примеру, патент по свидетельству Российской Федерации № 2792329 на изобретение «Объектовая коммуникационно-информационная система и способ её проектирования». Целью изобретения является повышение безопасности

62 Сайт компании OpenAI // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: https://openai.com/policies/eu-terms-of-use/ (дата обращения 09.03.2026).

63 Сайт компании Яндекс // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: https://yandex.ru/legal/yagpt_termsofuse/ (дата обращения 09.03.2026).

64 Постановление от 7 апреля 2024 г. по делу № А40-200471/2023 // Справочно-поисковая система «Консультант» (дата обращения 09.03.2026).

65 Постановление от 7 апреля 2024 г. по делу № А40-200471/2023 // Справочно-поисковая система «Консультант» (дата обращения 09.03.2026).

на объектах; ИИ используется в целях обеспечения обработки данных и связи[66]. Следующий патент по свидетельству Российской Федерации № 2791415 на изобретение «Способ аудиовизуального распознавания средств индивидуальной защиты на лице человека», направляется на предотвращение вспышек эпидемий посредством мониторинга уровня безопасности людей через анализ их голоса и лицевых характеристик с помощью датчиков со встроенным ИИ[67]. Таким образом, внедрение изобретений, использующих ИИ, имеет место. Но, как в случае с объектами авторского права встает вопрос о статусе объектов, созданных ИИ самостоятельно. В рамках программы NASA «Space Technology 5 Mission» при создании антенны для спутников был использован ИИ с системой планирования. Конечный результат оправдал себя, благодаря этой антенне улучшились технические характеристики[68]. Этот пример натолкнул многих на мысль что ИИ является более совершенным изобретателем чем человек, обосновывая это тем что ИИ не обременен теми представлениями о вещах как представленная антенна , что позволяет ему создавать и находить решения, выходящие за рамки устоявшейся парадигмы. Вдобавок к этому Шахназаров Б.А. и Р. Эбботт считают, что изобретениям, если они удовлетворяют критерии патентоспособности, нужно предоставлять патентную охрану. Это несет в себе некоторые плюсы, связанные с коммерциализацией и популяризацией таких технологий, повышением мотивации людей разрабатывать новые и совершенствовать существующие модели технологий ИИ для развития новых инновационных технологий[69]. Получается замкнутый круг, хотя и есть в нем некоторые нюансы.

Первый и ключевой, касается законодательного регулирования. Как и в авторском праве, так и в патентном, автором создаваемых результатов интеллектуальной деятельности является человек. Этот доктринальный подход установился достаточно давно, еще в Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г[70]. Хотя конвенция и не содержит определения автора, но учитывая год ее принятия и содержание статей, никто, кроме физического лица, не может являться автором изобретения.

Следовательно, исходя из этой трактовки, которая отразилась в законодательстве многих стран, ИИ не может являться автором изобретения несмотря на то, что многие из них вполне удовлетворяют установленным в законодательстве критериям правовой охраны. В этой связи стоит разобраться с вопросами творческой деятельности при создании ИИ изобретения и возможной моделью предоставления правовой охраны такому изобретению.

Если сравнить с объектами авторского права, то напрямую «творческий характер» как один из необходимых критериев не указывается, однако многие ученые высказывают мнение, что под творческим критерием понимается изобретательский уровень как показатель того, что изобретатель подошел к созданию изобретения не только с точки зрения точного расчета, но и как оригинальный творец. Такую точку зрения поддерживает О.В. Ревинский, изобретательский уровень – это «свидетельство творческого подхода человека к возникшей перед ним задаче, свидетельство выхода автора за рамки известного, свидетельство оригинальности его мышления или даже озарения».[71] Схожего мнения придерживается В.И. Еременко, изобретательский уровень используется для «оценки творческой деятельности автора, отличной от простой инженерной деятельности, материализованной в патентоспособном решении, результат которой должен обладать определенным качественным уровнем»[72]. Некоторые, как, например В.Н. Кастальский, говорят об изобретательском уровне как о ключевом элементе патентного права, который служит для разграничения творческих технических решений и обычных инженерных разработок[73].

Таким образом можно провести параллель между авторским и патентным правом в обоих институтах несмотря на их отличия сходы в необходимости наличия творческого вклада человека в создаваемый объект.

В целях решения можно предложить вариант, связанный с изобретениями, которые созданными ИИ с участием человека. Например, применение модели договора оказания услуг, который был бы смешанным, содержащим в себе элементы договора оказания услуг и лицензионного договора. От договора оказания услуг он содержал бы положения регулирующие, вопросы предмета, сроков, а от лицензионного договора —положение о передаче исключительных прав исполнителем заказчику, после того как будет создан результат интеллектуальной деятельности. Помимо этого, подробно была бы описана оказываемая услуга, содержащая описание того, какой конечный результат должен быть достигнут при помощи модели ИИ. Это позволило бы отделить работу, которую выполнял бы ИИ от той, которую выполнял только человек. Последнее играло бы крайне важную роль, поскольку помогло бы сопоставить в процентном соотношении долю выполненной работы каждого участника.

Заключение

Подводя итог проведенного исследования, нельзя не отметить сложность поставленной перед юридическим сообществом задачи. При решении новой проблемы зачастую сложно подходить к ее решению, оперируя старыми методами. Поэтому, особенно в условиях отставания в регулировании, приходится действовать нетрадиционно.

Важным выводом, сделанным по итогам исследования, является невозможность, на мой взгляд, предоставления правовой охраны результатам, созданным ИИ

---

[66] Патент: «Объектовая коммуникационно-информационная система и способ её проектирования» пат. 2792329 Рос. Федерация. № 2022111505 / Бездетко Алексей Леонардович , Марковский Михаил Владимирович , Иванов Александр Геннадьевич ,Куртов Сергей Михайлович , Ляпин Руслан Фуадович ,Капранов Дмитрий Анатольевич ,Егоров Иван Викторович ,Тронин Иван Дмитриевич , Синельниченко Александр Николаевич ,Борисов Александр Константинович ,Вишняков Дмитрий Александрович; заявл. 27.04.2022; опубл. 21.03.23, Бюл. № 9. (дата обращения 10.03.2026).

[67] Патент: «Способ аудиовизуального распознавания средств индивидуальной защиты на лице человека» пат. 2791415 Рос. Федерация. № 2022114638 / Рюмина Елена Витальевна ,Маркитантов Максим Викторович, Рюмин Дмитрий Александрович, Карпов Алексей Анатольевич; заявл. 31.05.2022; опубл. 07.03.23, Бюл. № 7. (дата обращения 10.03.2026).

[68] *Hornby G. S., Lohn J. D., Linden D. S.* Computer-Automated Evolution of an X-Band Antenna for NASA's Space Technology 5 Mission // Evolutionary Computation. 2011. Vol. 19, N 1. P. 1–23. (дата обращения 10.03.2026).

[69] Шахназаров Б.А. Применение технологий искусственного интеллекта при создании вакцин и иных объектов интеллектуальной собственности (правовые аспекты) // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 7. – С. 76 – 90. (дата обращения 10.03.2026).

[70] Конвенция по охране промышленной собственности (Заключена в Париже 20.03.1883) (ред. от 02.10.1979) // Закон. – 1999. – № 7. (дата обращения 10.03.2026).

[71] Ревинский О. В. Указ. соч. С. 155. (дата обращения 10.03.2026).

[72] Джермакян В. Ю. Патентное право по Гражданскому кодексу Российской Федерации. М., 2011. С 9–10. (дата обращения 10.03.2026).

[73] *Кастальский В. Н.* Изобретательский уровень как условие патентоспособности // Патенты и лицензии. 2017.№ 11. С. 24. (дата обращения 10.03.2026).

в рамках текущей господствующей доктрины, требующей наличия в работе творческого начала в виде участия человека.

В качестве альтернативы был представлен вариант с применением модели смешанного договора, сочетающего элементы договора оказания услуг и лицензионного договора. В рамках такого договора все права на создаваемые объекты принадлежали бы заказчику. Также в нем была бы обозначена оказываемая услуга, а именно деятельность ИИ и выполняемая им функция, а также конечный результат. Описываемые в договоре детали позволят прояснить роль каждого из его участников, что, в свою очередь должно обезопасить добросовестного автора от сомнений, касающихся его уровня его творчества в созданном произведении.

Литература

1. Блок П. Новый инструмент изобретателя: Искусственный интеллект. Как он вписывается в Европейскую патентную систему? // Европейское обозрение интеллектуальной собственности. 2017. Том 39, № 2. С. 73.
2. Витко В.С. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // ИС. Авторское право и смежные права. 2019. № 2. С. 5 —20; № 3. С. 5 — 22.
3. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)" от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 04.01.2026) // Справочно-правовая система «Консультант».
4. Гриммельман Дж. Не существует такой вещи, как произведение, созданное компьютером, и это хорошо // Колумбийский журнал права и искусств, 2016. Том 39, № 3. С. 403.
5. Джермакян В. Ю. Патентное право по Гражданскому кодексу Российской Федерации. М., 2011. С 9–10.
6. закон Японии «О продвижении исследований, разработок и использования технологий в области искусственного интеллекта» // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: https://www.jimin.jp/news/information/210063.html.
7. Ивлиев Г.П., Егорова М.А. Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2022. № 6. С. 32 – 46.
8. Конвенция по охране промышленной собственности (Заключена в Париже 20.03.1883) (ред. от 02.10.1979) // Закон. – 1999. – № 7.
9. Калятин В. О. Объекты авторского права, созданные с использованием компьютера // Патенты и лицензии. 2011. № 5. С. 22, 24.
10. Постановление от 7 апреля 2024 г. по делу № А40-200471/2023 // Справочно-поисковая система «Консультант».
11. Постановление от 7 апреля 2024 г. по делу № А40-200471/2023 // Справочно-поисковая система «Консультант».
12. Патент: «Объектовая коммуникационно-информационная система и способ её проектирования» пат. 2792329 Рос. Федерация. № 2022111505 / Бездетко Алексей Леонардович , Марковский Михаил Владимирович , Иванов Александр Геннадьевич ,Куртов Сергей Михайлович , Ляпин Руслан Фуадович ,Капранов Дмитрий Анатольевич ,Егоров Иван Викторович ,Тронин Иван Дмитриевич , Синельниченко Александр Николаевич ,Борисов Александр Константинович ,Вишняков Дмитрий Александрович; заявл. 27.04.2022; опубл. 21.03.23, Бюл. № 9.
13. Патент: «Способ аудиовизуального распознавания средств индивидуальной защиты на лице человека» пат. 2791415 Рос. Федерация. № 2022114638 / Рюмина Елена Витальевна ,Маркитантов Максим Викторович, Рюмин Дмитрий Александрович, Карпов Алексей Анатольевич; заявл. 31.05.2022; опубл. 07.03.23, Бюл. № 7.
14. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 11 апреля 2025 г. № 193н "Об утверждении Порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий"// Справочно-правовая система «Гарант».
15. Ревинский О. В. Указ. соч. С. 155.
16. Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 г., устанавливающий согласованные правила в отношении искусственного интеллекта и вносящий изменения в Регламенты (ЕС) № 300/2008, (ЕС) № 167/2013, (ЕС) № 168/2013, (ЕС) 2018/858, (ЕС) 2018/1139 и (ЕС) 2019/2144, а также Директивы 2014/90/ЕС, (ЕС) 2016/797 и (ЕС) 2020/1828 (Закон об искусственном интеллекте) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng.
17. Сайт компании OpenAI // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: https://openai.com/policies/eu-terms-of-use/.
18. Сайт компании Яндекс // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: https://yandex.ru/legal/yagpt_termsofuse/.
19. Технический комитет по стандартизации №164 «Искусственный интеллект»
20. (ТК 164) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://tc164.ru/.
21. Толковый словарь Glosum // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: https://glosum.ru/
22. Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" (вместе с "Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года") // Справочно-правовая система «Гарант».
23. Управление авторского права США, Сборник практики Управления авторского права США, § 101 (3-е издание, 2017), с. 4.
24. Федеральный закон "О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных" от 24.04.2020 N 123-ФЗ (ред. от 01.09.2025) // Справочно-правовая система «Гарант»
25. Хорнби Г. С., Лон Дж. Д., Линден Д. С. Автоматизированная разработка антенны X-диапазона для миссии NASA Space Technology 5 // Эволюционные вычисления. 2011. Том 19, номер 1. С. 1-23.
26. Шейкин А.Г. Правовое регулирование искусственного интеллекта в китайской народной республике: состояние, перспективы, сравнительный анализ законопроектных предложений (часть 2) // Пролог: журнал о праве. 2025. №2 (46). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-kitayskoy-narodnoy-respublike-sostoyanie-perspektivy-sravnitelnyy-analiz-1.
27. Шахназаров Б.А. Применение технологий искусственного интеллекта при создании вакцин и иных объектов интеллектуальной собственности (правовые аспекты) // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 7. – С. 76 – 90.

The Legal Regime of Copyright and Patent Rights Created by Artificial Intelligence

Tkach M.Yu.
Moscow State Law University named after O.E. Kutafin

Technological development is constantly evolving, accompanied by certain processes, namely, the accumulation of new knowledge, the emergence of new fields of knowledge, the discovery of new technologies, the modernization of existing technologies, and the decline of old technologies. The main technology being widely discussed today is artificial intelligence (AI). Its application now encompasses a wide range of our lives, including creative and scientific and technical fields—works of literature, science, art, architectural concepts, musical compositions, technical innovations, and inventions. Artistic and design solutions are increasingly being created independently or with the help of AI. So far, neither the Russian, European, nor American legal systems have developed unambiguous and comprehensive approaches and solutions for determining the legal status of intellectual property created by AI.

Therefore, difficulties frequently arise in the legal field related to determining the legal nature of AI-generated intellectual property, a characteristic of both copyright and patent law. To analyze these issues and explore possible solutions, this article will examine current intellectual property legislation related to the use of AI, scholarly positions on the research topic, and judicial practice. This list of sources underscores the seriousness and relevance of the chosen topic, as scientific and technological progress is several steps ahead of jurisprudence, giving rise to numerous cases and disputes that require unconventional solutions.

Keywords: Artificial intelligence, domestic doctrine, foreign doctrine, legal regulation, judicial practice, autonomous systems, artificial intelligence legislation, patent law, copyright, legal regime, digital technologies, intellectual property.

References

1. Blok P. New tool of the inventor: Artificial intelligence. How does it fit into the European Patent system? // European Intellectual Property Review. 2017. Volume 39, No. 2. p. 73.
2. Vitko V. S. Analysis of scientific ideas about the author and rights to the results of artificial intelligence activities // IS. Copyright and related rights. 2019. No. 2. pp. 5 -20; No. 3. pp. 5 — 225-22.
3. "The Civil Code of the Russian Federation (part four)" of 18.12.2006 N 230-FZ (as amended on 04.01.2026) / / Reference and legal system "Consultant".
4. ГриммельманJ. Grimmelman There is no such thing as a computer-generated work, and that's a good thing // Columbia Journal of Law and the Arts, 2016. Volume 39, No. 3. p. 403.
5. Jermakyan V. Y. Patentnoe pravo po Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii [Patent Law under the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow, 2011, pp. 9-10.
6. The Law of Japan "On the promotion of research, development and use of technologies in the field of artificial intelligence" / / [Electronic resource] - Access mode: URL: https://www.jimin.jp/news/ information/210063.html.
7. Ivliev, G. P., Egorova M. A. Legal problems legal status of artificial intelligence and the products created by the artificial intelligence systems // Journal of Russian law. 2022. No. 6. pp. 32-46.
8. Convention for the Protection of Industrial Property (Concluded in Paris on 20.03.1883) (as amended on 02.10.1979) / / Law. - 1999. - No. 7.
9. Kalyatin V. O. Ob " ekty avtorskogo prava, sozdannye s ispol'zovaniem kompyutera [Copyright objects created using a computer]. 2011. No. 5. pp. 22, 24.
10. Resolution of April 7, 2024 on the case No. A40-200471/2023 / / Reference and search system "Consultant".
11. Resolution of April 7, 2024 on the case No. A40-200471/2023 / / Reference and search system "Consultant".
12. Patent: "Object communication and information system and method of its design" pat. 2792329 Russian Federation. Federation. No.2022111505 / Bezdetko Alexey Leonardovich, Markovsky Mikhail Vladimirovich, Ivanov Alexander Gennadyevich, Kurtov Sergey Mikhailovich, Lyapin Ruslan Fuadovich, Kapranov Dmitry Anatolyevich, Yegorov Ivan Viktorovich, Tronin Ivan Dmitrievich, Sinelnichenko Alexander Nikolaevich, Borisov Alexander Konstantinovich, Vishnyakov Dmitry Alexandrovich; заявл. 27.04.2022; опубл. 21.03.23, application No. 27.04.2022; published No. 21.03.23, Bul. No. 9.
13. Patent: "Method of audiovisual recognition of personal protective equipment on the human face" pat. 2791415 Russian Federation. Federation. No.2022114638 / Ryumina Elena Vitalievna, Markitantov Maxim Viktorovich, Ryumin Dmitry Alexandrovich, Karpov Alexey Anatolyevich; declared. on 31.05.2022; опубл. 07published on 07.03.23, Bul. No. 7. 7.
14. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation No. 193n of April 11, 2025 "On approval of the Procedure for organizing and providing medical care using telemedicine technologies "/ / Reference and legal system"Garant".
15. Revinsky O. V. Edict. op. P. 155.
16. Regulation (EC) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 establishing harmonized rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EC) No 167/2013, (EC) No 168/2013, (EC) 2018/858, (EC) 2018/1139 and (EC) 2019/2144, as well as Directives 2014/90/EC, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) [Electronic resource]. - Access mode: URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng.
17. Сайт компании OpenAI company website / / [Electronic resource] - Available at: URL: https://openai.com/policies/eu-terms-of-use/.
18. Yandex company website / / [Electronic resource] - Available at: URL: https://yandex.ru/legal/yagpt_termsofuse://yandex.ru/legal/yagpt_termsofuse/.
19. Technical Committee for Standardization No. 164 "Artificial Intelligence"
20. (TC 164) [Electronic resource]. - Access mode: URL: https://tc164.ru/.
21. Толковый словарь Tolkovyi slovar ' Glosum [Explanatory dictionaryof Glosum]. https://glosum.ru/URL: https://glosum.ru/
22. Decree of the President of the Russian Federation No. 490 of 10.10.2019 "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation "(together with the "National Strategy for the development of Artificial Intelligence for the period up to 2030") / / Reference and legal system "Garant".
23. U.S. Copyright Office, Collection of U.S. Copyright Office Practices, § 101 (3rd Edition, 2017), p.4.
24. Federal Law "On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in the subject of the Russian Federation – the Federal city of Moscow and introducing amendments to Articles 6 and 10 of the Federal Law" On Personal Data " of 24.04.2020 N 123-FZ (as amended on 01.09.2025) / / Reference- Garant legal system
25. Hornby G. S., Lon J. D., Linden D. S. Automated X-band antenna development for the NASA Space Technology 5 mission // Evolutionary calculations. 2011. Volume 19, number 1. pp. 1-23.
26. Artem G. Sheikin Legal regulation of artificial intelligence in the people's republic of china: status, perspective, a comparative analysis of legislative proposals (part 2) // prologue: the journal on the right. 2025. №2 (46). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-kitayskoy-narodnoy-respublike-sostoyanie-perspektivy-sravnitelnyy-analiz-1.
27. Shakhnazarov B. A. Application of artificial intelligence technologies in the development of vaccines and other intellectual property (legal aspects) // Actual problems of Russian law. 2020, No. 7, pp. 76-90. 76 – 90.

О вопросах оспаривания сделок должника (физического лица) в процедуре несостоятельности (банкротства): проблемы теории и правоприменения

Филиппова Анастасия Игоревна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского ордена Почета университета МВД России имени В.Я. Кикотя, fipovaa@mail.ru

Егоров Никита Дмитриевич
курсант 751 учебного взвода ФПСПЭБиПК Московского ордена Почета университета МВД России имени В.Я. Кикотя, nikitaegorovNIRmvd@yandex.ru

В статье исследуется институт оспаривания сделок должника в делах о банкротстве физических лиц. Анализируются проблемы соотношения общих оснований недействительности сделок и механизмов их оспаривания, предусмотренных законодательством о банкротстве. Особое внимание уделяется вопросам квалификации подозрительных сделок и сделок с предпочтением, а также проблеме доказывания недобросовестности должника. Выявляются противоречия и пробелы правоприменительной практики, возникающие при определении пределов применения общих норм гражданского права в процедурах несостоятельности. Целью исследования является выявление теоретических и практических проблем применения института оспаривания сделок должника и формулирование предложений по совершенствованию правоприменительной практики.
Ключевые слова: банкротство физических лиц, оспаривание сделок должника, недействительность сделок, злоупотребление правом, конкурсная масса, судебная практика.

Введение процедур банкротства физических лиц Федеральным законом от 29.12.2014 №476-ФЗ обусловило существенную трансформацию механизма оспаривания сделок должника и придало данному институту самостоятельное значение в системе средств защиты интересов кредиторов.

Масштабность соответствующих процедур подтверждается статистикой: по данным ЕФРСБ, в 2025 году банкротами в судебном порядке признано более 568 тыс. граждан.74 Рост числа дел о несостоятельности сопровождается усложнением моделей вывода активов должниками, что существенно повышает значение института оспаривания сделок как механизма восстановления конкурсной массы.

Теоретический анализ института оспаривания сделок должника позволяет говорить о его двойственной правовой природе. В цивилистической доктрине отмечается, что данный механизм сочетает традиционные конструкции недействительности сделок гражданского права и специальные средства защиты интересов кредиторов, сформированные законодательством о банкротстве.

В статье на основе правового анализа норм Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) и Федерального закона о несостоятельности (банкротстве) (далее – закон о банкротстве), а также правоприменительной практики рассматриваются проблемы разграничения оснований недействительности сделок, доказывания недобросовестности должника и оценки подозрительных сделок. Научная новизна состоит в выявлении коллизий и пробелов между общими и специальными нормами при квалификации сделок с целью причинения вреда кредиторам.

Как отмечает профессор В.В. Витрянский: «…Ключевая сложность состоит в том, что законодатель, формулируя основания оспаривания, вынужден балансировать между двумя крайностями: необходимостью эффективно восстанавливать конкурсную массу и обязательностью обеспечивать стабильность гражданского оборота, защищая добросовестных приобретателей»75. Этот баланс в делах о банкротстве физических лиц достигается с трудом, что подтверждается противоречивостью судебной практики.

Для оспаривания сделок в процедуре несостоятельности, ключевое значение имеют общие положения ГК РФ о недействительности (ст.166-168), реституции (ст.167) и пределах осуществления гражданских прав (ст.10).

В делах о банкротстве принцип добросовестности (ст.10 ГК РФ) приобретает особую функциональную нагрузку. В классическом гражданском праве он выступает как общий предел осуществления субъективных прав, направленный на предотвращение злоупотребления правом. Однако в процедурах несостоятельности данный принцип трансформируется в инструмент оценки поведения должника в преддверии банкротства. В этой связи презумпция добросовестности участников гражданского оборота вступает в определенное напряжение со

[74] https://bankrot.fedresurs.ru/
[75] Витрянский В.В. «О недействительности сделок по законодательству о банкротстве» // Закон. – 2016. – № 2. – С. 84–95.

специальными презумпциями закона о банкротстве, исходящего из повышенной вероятности недобросовестных действий должника.

При этом, ГК устанавливает презумпцию добросовестности участников оборота и общие правила исчисления сроков исковой давности (ст.200), которые вступают в противоречие с нормами закона о банкротстве.

Принцип добросовестности, закрепленный в ст. 10 ГК РФ, выступает связующим элементом между общегражданскими конструкциями недействительности сделок и механизмами оспаривания, сформированными законодательством о банкротстве. Тем самым нормы ГК РФ формируют общую цивилистическую основу регулирования, на которой строится специальный механизм оспаривания сделок в банкротстве.

Процедуры несостоятельности формируют особый правовой режим распоряжения имуществом должника, в рамках которого приоритетное значение приобретает защита коллективных имущественных интересов кредиторов.

Указанные особенности правовой природы института находят отражение в системе специальных оснований оспаривания сделок, предусмотренных законодательством о банкротстве.

Законодательство о банкротстве формирует специальный механизм регулирования, существенно отклоняющийся от классической гражданско-правовой модели. Достижение целей процедуры обеспечивается прежде всего применением реструктуризации долгов гражданина и процедуры реализации имущества. При выявлении недобросовестного поведения должника суд вправе отказать в освобождении гражданина от дальнейшего исполнения обязательств. Законодательство о банкротстве предусматривает несколько групп сделок, подлежащих оспариванию.

1. Подозрительные сделки (ст. 61.2 ФЗ №127), представляют собой сделки, совершенные с целью умышленного причинения ущерба имущественным правам кредиторов. При этом данная правовая норма разграничивает подозрительную сделку на общую и заинтересованную. Указанная классификация отражает попытку законодателя дифференцировать различные формы недобросовестного поведения должника в преддверии банкротства. Однако на практике разграничение данных категорий нередко вызывает затруднения, поскольку одна и та же сделка может одновременно содержать признаки как подозрительной сделки, так и сделки с предпочтением.

2. Сделки с предпочтением - регулируются ст.61.3 ФЗ №127, предполагают случаи, когда лицо оказывает предпочтение в удовлетворении требований только одного из кредиторов в ущерб интересам остальных. Данные сделки являются проявлением нарушения баланса прав заинтересованных лиц и имеют ряд специфических отличий, например, согласно ст.61.3 ФЗ №127, сделки с предпочтением оспариваются, если они совершены не раннее, чем за 1 или 6 месяцев до даты принятия заявления о банкротстве (несостоятельности) к производству.

При рассмотрении вышеуказанных классификаций, обратим внимание на жесткое разграничение между «подозрительными» сделками (ст.61.2 ФЗ №127) и сделками с предпочтением (ст.61.3 ФЗ №127). Нередко в практике встречаются случаи, когда одна и та же операция имеет признаки обоих составов, что приводит к возникновению коллизий при выборе основания иска и сроков оспаривания.

3. Ничтожные сделки в конкурсном производстве - регулируются ст.61.1 ФЗ №127, подразумевают в себя распоряжение имуществом должником после возбуждения дела о банкротстве или введения в конкурсное производство.

М.В. Телюкина справедливо отмечает, что при выводе активов до начала процедуры несостоятельности, реализация имущества становится формальностью, а механизмы оспаривания - запаздывающими и сложными в доказывании. Это подтверждает, что проблема доказывания недобросовестности должника является ключевой.

Закон о банкротстве дифференцирует сроки оспаривания, которые в зависимости от близости сделки к банкротству меняют суть и условия доказывания:

1. Период подозрительности для сделок с неравноценностью составляет 1 год (п.1, ст.61.2)

2. Период для сделок с целью причинения вреда составляет 3 года (п.2, ст.61.2) Однако, необходимо доказать осведомленность о цели должника.

3. Период для сделок с предпочтением составляет 1 или 6 месяцев (ст.61.3) - презумпция недействительности – 1 месяц; - при доказывании осведомленности кредитора о неплатежеспособности должника – 6 месяцев.

Следует отметить, что указанная конструкция существенно отличается от общего механизма исковой давности, закрепленного в гражданском законодательстве. Если в соответствии со ст.200 ГК РФ течение срока исковой давности связывается с моментом, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права, то в законодательстве о банкротстве сроки оспаривания привязаны к моменту возбуждения дела о несостоятельности.

Кроме того, закон о банкротстве ввел специальные презумпции. Указанные презумпции представляют собой существенное отступление от традиционной конструкции гражданско-правовой ответственности. К основным относят презумпцию цели причинения вреда (освобождение конкурсного управляющего (или кредиторов) от обязанности прямого доказывания субъективного намерения должника), презумпцию знания контрагента о цели (контрагент считается знающим о цели должника, если он является аффилированным лицом).

Соответственно, механизм банкротства исходит из презумпции, что в преддверии несостоятельности должник действует недобросовестно, в отличии от подхода ГК, где действует презумпция добросовестности участников оборота (ст.10 ГК РФ). Таким образом, законодательство о банкротстве фактически формирует особый режим оценки поведения участников гражданского оборота, в рамках которого традиционная презумпция добросовестности подвергается существенной модификации. Тем самым, расширяет временные рамки (до 3 лет), облегчает бремя доказывания за счет презумпций и меняет имущественные последствия. Именно это делает институт оспаривания мощным инструментом пополнения конкурсной массы и инструментом высокого риска для кредиторов.

А.Г. Лисников указывает, что презумпция добросовестности участников гражданского оборота (ст.10, п.5 ГК РФ) в делах о несостоятельности сталкивается с необходимостью выявлять реальное намерение должника.

В результате возникает нормативное напряжение между презумпцией добросовестности участников гражданского оборота, закрепленной в ст. 10 ГК РФ, и специальными презумпциями законодательства о банкротстве, исходящими из повышенной вероятности недобросовестного поведения должника. Отсутствие единых методик оценки добросовестности его поведения приводит к тому, что исход дела зависит от субъективного усмотрения суда и активности финансового управляющего.

Гражданское законодательство и нормы законодательства о банкротстве предусматривают широкий перечень оснований оспаривания сделок должника. Сделками, которые могут быть оспорены в процедуре банкротства физического лица являются любые действия должника,

приводящие к изменению (уменьшению) конкурсной массы.

Однако, отчуждение активов должника в пользу аффилированных лиц до возбуждения процедуры банкротства стало одним из основных способов защиты активов от кредиторов и привело к злоупотреблению со стороны лиц, проходящих процедуру банкротства.

Вследствие этого в правоприменительной практике особое значение приобретают общие цивилистические нормы о недействительности сделок (ст. 10 и 168 ГК РФ). Их применение осуществляется в системной связи со специальными основаниями оспаривания, предусмотренными ст. 61.1–61.9 Закона о банкротстве. Данные нормы применяются и как правовое обоснование при квалификации сделки физического лица (в частности ст.61.2 ФЗ №127), так и в рамках исков кредиторов, чьи права были нарушены сделкой должника, выходящих за рамки процессуальных сроков закона о банкротстве, причем частное использование вышеуказанных норм остается за кредиторами, а применение их судом осуществляется в совокупности с нормами ФЗ №127.

Таким образом, практика расширяет возможность противодействия недобросовестному поведению должника. Однако, при применении данных правовых норм, в судебной практике, возникли трудности, как со стороны кредиторов и должников, так и со стороны судов. Постановление Пленума ВАС от 23.12.2010 №63 разъяснило важные моменты, заложившие основу для современной практики оспаривания сделок в банкротстве.

В качестве основного признака недействительности сделок по специальным нормам ФЗ №127 был закреплен критерий причинения вреда имущественным правам кредиторов, выражающийся в несоразмерном выбытии активов либо в оказании необоснованного предпочтении со стороны лица, проходящего процедуру банкротства (п.1 Постановления Пленума ВАС №63). Пленум прямо указал, что сделки, совершенные с целью причинения вреда кредиторам, то есть злоупотребление правом, могут быть оспорены по ст. 168 ГК как противоречащие законодательству, несмотря на истечение специальных сроков, установленные ст. 61.2 и ст. 61.3 ФЗ №127. Разграничилось понятие и сущность подозрительных сделок и сделок с предпочтением. Данные разъяснения дали возможности для кредиторов, пропустивших процессуальные сроки, но позволяющий им подать самостоятельный иск в общем порядке.

Указанная позиция фактически закрепила возможность применения общегражданских механизмов противодействия злоупотреблению правом в рамках процедур банкротства, что существенно расширило инструментарий защиты интересов кредиторов.

Дальнейшие разъяснения, которые касаются общим нормам ГК РФ, сузило их применение в делах о банкротстве (Постановление Пленума ВС от 23.06.2015 №25). К примеру, получил свое подтверждение и развитие принцип презумпции действительности: сделка может быть оспорена строго по основаниям, установленным законом, тем самым, совершение сделки не является доказательством ее неправомерности (п.70 Постановления), тем самым, требуется установление конкретного состава, предусмотренного ст.61.2 или ст.61.3 Закона о банкротстве.

Далее, п. 71 Постановления разъяснил, что бремя доказывания лежит на истце, а также подтвердил приоритет норм закона о банкротстве.

Вместе с тем допускается применение ст. 10 и 168 ГК РФ в случаях, когда при совершении сделки допущено злоупотребление правом, выходящее за пределы гипотезы специальных норм (ст. 61.2 - 61.3 закона о банкротстве).

Отсутствие закрепленной границы между сделками, целью которых служит причинение вреда кредитору и сделками, совершаемые при злоупотреблении правом, привело к невозможности применения общих норм гражданского права, а следовательно, защите таких сделок от оспаривания.

Для решения вышеуказанной проблемы и противоречия представляется целесообразным на уровне Пленума ВС РФ дать исчерпывающие разъяснения о критериях разграничения злоупотребления правом со стороны банкрота (ст.10 ГК РФ) и специальных составов в рамках ФЗ №127, разъяснив, что применение общих норм возможно не только при исчерпывании специальных, но в случаях, когда поведение должника выходит за рамки гипотезы специального закона, но очевидно нарушает коллективные права кредиторов, то есть, применение ст.10 ГК РФ допустить только в случаях, когда сделка совершена за пределами трехлетнего периода подозрительности, но ее условия носят явно умышленный характер, что свидетельствует о реализации другого, более глубокого порока воли, чем тот, который охватывается гипотезой ст.61.2 ФЗ №127.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости дальнейшего развития правового регулирования института оспаривания сделок должника и формирования единых подходов судебной практики.

Вместе с тем действующее регулирование сохраняет ряд теоретических и практических противоречий, связанных с разграничением оснований недействительности сделок, распределением бремени доказывания и пределами применения общих норм гражданского права.

Достижение целей законодательства о банкротстве сопровождается возникновением ряда правоприменительных проблем.

Специальный механизм существенно отклоняется от общегражданского подхода ГК, вводя иные сроки исковой давности, особые презумпции и ориентируясь на защиту коллективного интереса кредиторов. Ключевыми проблемами правоприменения остаются сложность доказывания недобросовестности поведения и умысла физического лица и коллизии квалификации его действий.

Таким образом, действующее регулирование института оспаривания сделок должника сохраняет ряд концептуальных и практических противоречий. Их преодоление возможно посредством уточнения критериев разграничения общегражданских и специальных оснований недействительности сделок, а также выработки единых подходов судебной практики.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.10.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 44. – Ст. 4314.

3. Федеральный закон от 29.12.2014 № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 1 (ч. I). – Ст. 29.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

5. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. – М.: Статут, 2018. – 528 с.

6. Телюкина М.В. Оспаривание подозрительных сделок в законодательстве о банкротстве России и Казахстана // Государственное управление и государственная служба. – 2015. – № 3. – С. 158–166.

7. Лисникова А.Г. Проблемы доказывания недобросовестности должника в делах о банкротстве. – 2023. – С. 45–52.

8. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 3.

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ» // Бюллетень ВС РФ. – 2015. – № 8.

10. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.2013 № 59 «О внесении изменений и дополнений в постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 10.

On the issues of challenging the debtor's (individual's) transactions in the insolvency (bankruptcy) procedure: problems of theory and law enforcement

Filippova A.I., Egorov N.D.

Moscow Order of Honor of the V.Ya. Kikot University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot

The article examines the institution of contesting debtor transactions in bankruptcy cases of individuals. Based on the analysis of the norms of the Civil Code of the Russian Federation and the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)", the problems of the correlation of the general civil grounds for the invalidity of transactions and special mechanisms for challenging them provided for by the bankruptcy legislation are considered. Special attention is paid to the issues of qualifying suspicious transactions and preference transactions, as well as the problem of proving the debtor's dishonesty. The contradictions and gaps in law enforcement practice that arise when determining the limits of the application of general norms of civil law in insolvency proceedings are identified. The purpose of the study is to identify theoretical and practical problems of applying the institution of contesting debtor transactions and to formulate proposals for improving law enforcement practice.

Keywords: bankruptcy of individuals, contesting debtor's transactions, invalidity of transactions, abuse of law, bankruptcy estate, judicial practice.

References:

1. Civil Code of the Russian Federation dated 30.10.1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
2. Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” dated 26.10.2002 No. 127-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – №. 44. – Art. 4314.
3. Federal Law dated 29.12.2014 No. 476-FZ “On Amendments to the Federal Law ‘On Insolvency (Bankruptcy)’ and Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Regulation of Rehabilitation Procedures Applied to Individual Debtors” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2015. – No. 1 (Part I). – Art. 29.
4. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 29.12.2014) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – №. 25. – Art. 2954.
5. Vitryansky V.V. Reform of Russian Civil Legislation: Interim Results. – Moscow: Statut, 2018. – 528 p.
6. Telyukina M.V. Contesting Suspicious Transactions in the Bankruptcy Legislation of Russia and Kazakhstan // State Administration and Public Service. – 2015. – №. 3. – P. 158–166.
7. Lisnikova A.G. Problems of Proving Debtor’s Bad Faith in Bankruptcy Cases. – 2023. – P. 45–52.
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 23.12.2010 №. 63 “On Certain Issues Related to the Application of Chapter III.1 of the Federal Law ‘On Insolvency (Bankruptcy)’” // Bulletin of the SAC of the Russian Federation. – 2011. – No. 3.
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23.06.2015 №. 25 “On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I, Part One of the Civil Code of the Russian Federation” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2015. – №. 8.
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 30.07.2013 No. 59 “On Amendments and Additions to the Resolution of the Plenum of the SAC of the Russian Federation dated 23.12.2010 No. 63 ‘On Certain Issues Related to the Application of Chapter III.1 of the Federal Law ‘On Insolvency (Bankruptcy)’” // Bulletin of the SAC of the Russian Federation. – 2013. – №. 10.

Особенности действий правоохранительных органов России в зоне специальной военной операции

Пантелеев Виктор Александрович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации режима и надзора юридического факультета, ВЮИ ФСИН России, anteleev.victor2015@yandex.ru,

Пантелеев Денис Викторович
старший оперуполномоченный по особо важным делам, Главное управление уголовного розыска (ГУУР) МВД России, deinispanteleev@mail.ru

Статья посвящена анализу организационных аспектов служебной деятельности правоохранительных органов Российской Федерации в зоне специальной военной операции (СВО). Цель: рассмотреть особенности действий в условиях СВО подразделений МВД России, Росгвардии, Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) и других правоохранительных структур, затронув следующие элементы: особенности осмотра места происшествия в условиях боевых действий; миграция местного населения, потоки беженцев, оказавшихся в зоне боевых действий, проведение паспортного контроля; борьба с незаконным оборотом оружия, особенности службы специальных подразделений уголовно-исполнительной системы (УИС) по конвоированию. Методы: сравнительно-правовой, эмпирические методы описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Результаты: Успешное проведение осмотра места происшествия в условиях боевых действий обеспечивается слаженным взаимодействием всех участников, их профессиональной подготовкой и неукоснительным соблюдением установленных процедур безопасности. В сфере миграционной политики России в отношении граждан Украины произошли существенные изменения. Выводы: Особое значение имеет оперативность принимаемых решений и способность сотрудников к быстрой адаптации в меняющейся обстановке. Современные тенденции в сфере незаконного оборота оружия характеризуются ростом организованности преступных групп, активным использованием интернет-площадок для распространения оружия, применением новых технологий, включая 3D-печать, а также увеличением количества преступлений, связанных со взрывчатыми веществами.

Ключевые слова: специальная военная операция; осмотр мест происшествий; зона боевых действий; незаконный оборот оружия; миграция населения; конвоирование; военнопленные.

Введение

Специальная военная операция (СВО) продолжается четыре года. За это время многое изменилось как в стратегии и тактике действий Вооруженных Сил России, так и в практике выполнения поставленных целей и задач российскими правоохранительными органами. Фактические цели операции – прекращение украинской агрессии на территории ДНР и ЛНР, прекращение геноцида русских и пророссийски мыслящих граждан на юго-востоке Украины, установление мирной жизни на Донбассе, денацификация и демилитаризация Украины, защита России от очевидных военных угроз на ее границах [5].

Обзор научной литературы, посвященной рассматриваемой теме показывает, что большинство авторов в качестве объекта исследования рассматривают правовые основания проведения СВО и современные правовые основы действий сотрудников полиции МВД России в условиях военного и чрезвычайного положения. Это направление исследуют: Батырь В.А., Винокуров В.В., Волосюк П.В., Грищенко Л.Л., Земсков Ю.В., Ильин Ю.И., Модестов С.А., Соломатина Е.А., Цветков А.О.

Другое направление исследований по указанной теме предусматривает изучение организационных, психологических и социальных аспектов применения сил и средств правоохранительных органов в зоне СВО. Этот сегмент представляют: Кикнадзе В.Г., Моисеев И.Н., Пивоваров Д.А. и др. отечественные ученые.

В данном материале авторы не ставят целью анализ действий всех правоохранительных органов страны в зоне СВО. Речь идет об особенностях повседневной работы подразделений уголовного розыска, экспертно-криминалистических структур МВД России и сотрудников ФСИН России непосредственно в зоне СВО и в прилегающих к ней в силу географического положения регионах нашей страны.

Обозначим основные особенности оперативной обстановки, состояния правопорядка и законности в зоне СВО по сравнению с обычной, мирной жизнью на остальной территории России:

1. Вооруженные силы Украины (ВСУ, далее – противник) ведут обстрелы из всех видов оружия, имеющегося в их распоряжении: стрелковое вооружение, ствольная и реактивная артиллерия, беспилотные летательные аппараты (БПЛА), бомбометание и обстрелы пилотируемой авиации, дистанционное минирование местности.

2. В зоне действий правоохранительных органов, на маршрутах выдвижения сотрудников могут быть заминированные участки, различные взрывоопасные предметы, неразорвавшиеся боеприпасы и т.д.

3. Миграция местного населения, потоки беженцев, оказавшихся в зоне боевых действий, сложности с проведением паспортного контроля.

4. Борьба с незаконным оборотом оружия.

5. Охрана и конвоирование лиц, оказавших сопротивление Вооруженным Силам и правоохранительным органам России.

6. Противодействие диверсионно-разведывательным группам (ДРГ) противника.

7. Передислокация учреждений уголовно-исполнительной системы (УИС), оказавшихся в зоне боевых действий.

Особенности осмотра места происшествия в условиях боевых действий

В современных условиях осмотр места происшествия в зоне боевых действий приобретает особую специфику, обусловленную комплексом факторов повышенной опасности для участников проведения следственных действий.

Особое значение приобретает подготовка к выезду следственно-оперативной группы (СОГ). Руководитель группы обязан заблаговременно получить исчерпывающую информацию об оперативной обстановке, включая данные о расположении потенциально опасных участков, наличии минных полей и зон возможного обстрела. На основании этих сведений разрабатывается подробный (детальный) план действий с учетом особенностей местности и транспортных коммуникаций.

Организация работы на месте происшествия осуществляется с соблюдением всех мер безопасности. Предварительная разведка территории проводится с привлечением специалистов соответствующих профилей. Особое внимание уделяется обеспечению защиты участников осмотра от возможных угроз, включая любые возможные угрозы: нападения беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), артиллерийские обстрелы, мины, неразорвавшиеся боеприпасы и т.д.

При проведении осмотра учитываются специфические факторы: возможность внезапного изменения обстановки, неблагоприятные погодные условия и сложности с доступом к месту происшествия. В случае невозможности немедленного изъятия вещественных доказательств организуется их временная охрана до стабилизации ситуации.

В этой обстановке в состав СОГ включаются специалисты различного профиля: следователи, криминалисты, военные эксперты, саперы, сотрудники **Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (**МЧС) и медицинские работники. Такое комплектование обеспечивает всестороннее исследование места происшествия и своевременное реагирование на возникающие угрозы.

При осмотре мест происшествий, документировании действий противника, кроме остальных криминалистических действий, необходимо осматривать фрагменты БПЛА, фиксировать биологические следы (потожировые следы перевозчиков данных аппаратов, их операторов) и т.д.

Техническое оснащение группы включает современные средства разведки, криминалистическую технику, средства индивидуальной защиты (СИЗ) и специализированное оборудование для обнаружения взрывоопасных предметов. Применяются легкие разведывательные БПЛА для предварительной оценки ситуации и обследования труднодоступных участков.

Документальное оформление результатов осмотра требует тщательности и оперативности. Все процессуальные документы составляются незамедлительно, с максимальной детализацией. Обязательным является проведение фото- и видеофиксации, позволяющей зафиксировать обстановку места происшествия в динамике.

Таким образом, успешное проведение осмотра места происшествия в условиях боевых действий обеспечивается слаженным взаимодействием всех участников, их профессиональной подготовкой и соблюдением установленных процедур безопасности. Особое значение имеет оперативность принимаемых решений и способность сотрудников к быстрой адаптации в меняющейся обстановке.

Миграция населения, потоки беженцев, оказавшихся в зоне боевых действий, проведение паспортного контроля

Ситуация с украинскими мигрантами требует особого рассмотрения. После 2022 года наблюдается существенный рост числа граждан Украины, прибывающих на территорию России. Отмечается тенденция определенной стабилизации правового статуса данной категории лиц. Российское гражданство они получают в упрощенном порядке. В регионах нашей страны создаются условия для их размещения и социализации.

В период с 2022 по 2025 год действовал особый порядок регулирования пребывания граждан Украины в России. Значительным шагом в этой сфере стало подписание Президентом Российской Федерации Указа от 27 августа 2022 года № 585 «О временных мерах по урегулированию правового положения лиц, состоявших в гражданстве Донецкой Народной Республики или Луганской Народной Республики, и граждан Украины в Российской Федерации» [6]. Согласно данному документу, украинцам предоставлялись существенные послабления: возможность находиться в России без ограничения срока и право осуществлять трудовую деятельность без оформления патента вне зависимости от цели въезда в страну. Однако для получения этих преференций необходимо было пройти ряд процедур, включающих медицинское освидетельствование; дактилоскопическую регистрацию и фотографирование.

В рассматриваемом вопросе имеются негативные моменты. Дело в том, что в условиях боевых действий, внезапного наступления и прорыва противника на российскую территорию, проверку беженцев по различным учетам провести сложно, а в целом невозможно. Ведется лишь количественный учет взрослых (мужчин, женщин), детей, наличия транспорта для их перемещения в российские регионы и их конечного расселения.

В миграционном потоке возможно наличие лиц, завербованных спецслужбами противника для проведения диверсионных, террористических актов против российских военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, объектов жизнеобеспечения и критической инфраструктуры, например на железных дорогах Российской Федерации.

С сентября 2023 года вступил в силу новый нормативно-правовой акт, который кардинально изменил порядок пересечения государственной границы Российской Федерации для украинских граждан [7]. Основным нововведением стал усовершенствованный механизм регулирования въезда и выезда, построенный на принципах безвизового режима. Граждане Украины получили возможность беспрепятственно пересекать границу при наличии действительных документов. К ним относятся: стандартные удостоверения личности (национальный и заграничный паспорта); специальные документы: дипломатические и служебные удостоверения; свидетельства о рождении для несовершеннолетних; морские удостоверения личности; документы для возвращения на Украину; удостоверения летного состава.

Особое внимание в новом регламенте уделено защите прав несовершеннолетних лиц. Разработан детальный механизм их перемещения через границу, предусматривающий как сопровождение законными представителями, так и возможность поездки с третьими лицами при наличии нотариально заверенного согласия. Важным требованием является обязательное внесение данных ребенка в документы сопровождающего лица. Документ содержит ряд специфических положений, учитывающих различные жизненные ситуации. Разрешается въезд по документам с истекшим сроком действия, а для лиц без необходимых документов предусмотрена возможность выезда через сухопутную границу при наличии специального заключения МВД России.

Октябрь 2023 года принес дополнительные изменения в систему контроля. Распоряжением Правительства Российской Федерации были введены ограничения на въезд для граждан Украины, прибывающих в Российскую Федерацию из третьих стран. Теперь въезд возможен только через международный аэропорт Шереметьево и автомобильный пункт пропуска «Лудонка» (Псковская область). Данное ограничение не распространяется на детей до 14 лет, которые могут въезжать в сопровождении граждан Российской Федерации [8].

20 марта 2025 года Президент Российской Федерации принял решение о прекращении действия Указа от 27 августа 2022 года № 585 [9]. В связи с этим украинцам, находящимся в России без законных оснований для пребывания, таких как, разрешение на временное проживание, вид на жительство, статус беженца или имеющего право на временное убежище, было предписано выбрать один из двух вариантов: либо самостоятельно покинуть территорию Российской Федерации, либо до 10 сентября 2025 года урегулировать свой правовой статус. На период до указанной даты МВД России получило полномочия: не привлекать к ответственности за нарушение миграционного законодательства тех граждан Украины, которые ранее прошли все необходимые процедуры, включая дактилоскопию, фотографирование и медицинское обследование.

Граждане Украины, не успевшие легализовать свое пребывание в России, привлекаются к административной ответственности и подлежат принудительному выдворению за пределы страны на общих основаниях с другими нелегальными мигрантами. Это означает, что им грозит не только депортация, но и внесение в реестр лиц, нарушивших миграционное законодательство, что существенно осложнит возможность последующего въезда в Российскую Федерацию.

Борьба с незаконным оборотом оружия

За последние годы в России наблюдается сложная динамика преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. В 2022 году было зарегистрировано 22,2 тысячи таких преступлений, что на 30 % превысило показатели предыдущего периода. Однако уже в 2023 году удалось достичь снижения количества указанных преступлений до 19,4 тысяч (-12,8 %), а в 2024 году показатель уменьшился до 18,6 тысячи преступлений (-4,2 %) [10].

Судебная статистика показывает, что количество осужденных по статье 222 «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов» Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) постепенно снижается: если в 2022 году был осужден 3361 человек, то в 2024 году этот показатель уменьшился до 3246 человек (-3,4 %).

При этом структура приговоров судов выглядят следующим образом: 80 % осужденных привлекаются по части 1 статьи 222 (УК РФ), 12,6 % – по части 7 (взрывчатые вещества), а 1,79 % – по части 5 (организованные группы) [11].

Региональная специфика также влияет на уровень указанной преступности. Так, в Курской области зафиксирован рост на 720 %, в Москве – на 247,2 %, в Белгородской области – на 218,8 %. При этом максимальное снижение отмечено в Севастополе (-83,3 %) [10].

За последние 30 лет в мире наблюдается огромный научно-технический скачок, который открыл дорогу для создания новых и развития имеющихся технологий, среди которых наиболее перспективными являются информационные технологии. Однако этот научно-технологический прорыв дал огромное поле действий для преступной деятельности, в частности, стали усиленно развиваться способы и методы совершения «классических» преступлений, таких как кражи, убийства, мошенничества и т.п., а также злоумышленники начали изучать и применять новые способы и средства для сокрытия следов своей незаконной деятельности, что становилось серьезным препятствием для правоохранительных органов [3].

Современные тенденции в сфере незаконного оборота оружия характеризуются ростом организованности преступных групп, активным использованием интернет-площадок для распространения оружия, применением новых технологий, включая 3D-печать, а также увеличением количества преступлений, связанных с взрывчатыми веществами. Реагируя на эти вызовы, правоохранительные органы усиливают контроль через ужесточение медицинских требований к владельцам оружия, проведение дополнительных проверок, усиление контроля за оборотом взрывчатых веществ и развитие методов выявления преступлений в интернет-пространстве.

Несмотря на общее снижение количества зарегистрированных преступлений, наблюдается тенденция к усложнению форм незаконного оборота оружия и росту организованности преступных групп. Система контроля показывает определенную результативность, однако требуется дальнейшее совершенствование методов выявления правонарушений и усиление профилактических мер. Особую озабоченность вызывает рост организованной преступности в данной сфере и увеличение числа преступлений, связанных с применением взрывчатых веществ.

Результаты

Руководствуясь вышеизложенным, представляется возможным сформулировать основные выводы:

1. Действия сотрудников правоохранительных органов в условиях СВО имеют особую специфику, отличающуюся от обычной, штатной обстановки.

2. Проведение осмотра места происшествия в условиях боевых действий обеспечивается слаженным взаимодействием всех участников, их профессиональной подготовкой и соблюдением установленных процедур безопасности.

3. Ситуация с украинскими мигрантами требует особого рассмотрения. В территориальных органах МВД России созданы специальные подразделения, занимающиеся этим направлением, наделенные функциями оперативно-розыскной деятельности (ОРД) и дознания. Вместе с тем, штаты этих структур укомплектованы еще недостаточно, кроме того необходимо повышать уровень профессиональной подготовки сотрудников.

4. Наибольшую опасность в сфере нелегального оборота представляет боевое оружие, оставленное на полях боёв СВО как противником, так и подразделениями российских вооруженных сил. В дальнейшем это оружие может собираться местным населением, военнослужащими, выводимыми из зоны боевых действий, представителями преступных группировок и подпольно «растекается» по стране.

Заключение

Правовая основа участия сотрудников полиции Министерства внутренних дел России в специальных военных операциях определена в ряде нормативных документов. Одним из основных документов, регулирующих данную сферу, является Указ Президента Российской Федерации от 29 декабря 2022 года № 968. Согласно Указу в период проведения специальной военной операции военнослужащие и сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации имеют право участвовать в этих операциях,

выполняя различные задачи на определенных территориях, включая Донецкую и Луганскую Народные Республики, Запорожскую и Херсонскую области Украины [1].

Как утверждал Карл Маркс, «практика это – критерий истины» [2], и именно в условиях СВО появились и используются новые компетенции в служебной деятельности российских правоохранительных структур, которые описаны в данном материале. Полицейские сталкиваются со следующими задачами: провести специальные мероприятия; спасти раненых сослуживцев под обстрелом; ликвидировать диверсантов; вынести из пылающих домов детей; раскрыть убийства, кражи, грабежи; выявить террористов, найти спрятанные объекты с оружием, крупные арсеналы с боеприпасами и др. [4].

Во второй части исследования, в контексте анализа действий правоохранительных органов России в условиях СВО, будут рассмотрены: передислокация исправительных учреждений и осужденных, оказавшихся в зоне боевых действий; охрана и конвоирование лиц, оказавших сопротивление вооруженным силам и правоохранительным органам России; борьба с ДРГ противника.

Литература

1. Ильин Ю.И. Правовые основы участия сотрудников полиции МВД России в специальной военной операции // Закон и власть. 2023. № 5. С. 56–60.

2. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К. Собрание сочинений в 30 томах. Том 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 1–4.

3. Пивоваров Д.А. Современные возможности применения технических средств и программных комплексов при расследовании преступлений // Роль правоохранительных органов в защите прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства: межвузовский студенческий научный круглый стол, 17 марта 2023 года / Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации; под общ. ред. Г.В. Дытченко. Санкт-Петербург: СПбЮИ (ф) УП РФ, 2024. С. 62–69.

4. Соломатина Е.А. Реализация новых задач МВД России и осуществление государственной службы сотрудниками органов внутренних дел за год проведения специальной военной операции // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 5. С. 201–212. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-5-201-212.

5. Специальная военная операция. Меры социальной и правовой поддержки участников, членов их семей и другие актуальные вопросы: информационно-методические материалы. Иркутск: Иркутский национальный исследовательский технический университет (ИРНИТУ), 2024. 104 с.

6. О временных мерах по урегулированию правового положения лиц, состоявших в гражданстве Донецкой Народной Республики или Луганской Народной Республики, и граждан Украины в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 27.08.2022 № 585. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О порядке въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации граждан Украины: Указ Президента Российской Федерации от 29.09.2023 № 734. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О временном ограничении въезда в Российскую Федерацию граждан Украины, прибывающих в Российскую Федерацию с территорий третьих государств: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.10.2023 № 2723-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Об особенностях правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, изменении и признании утратившими силу некоторых указов Президента Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 20.03.2025 № 159. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Портал правовой статистики. URL: https://crimestat.ru (дата обращения: 02.12.2025

11. Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 17.11.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Features of the actions of russian law enforcement agencies in the special military operation zone

Panteleev V.A., Panteleev D.V.

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary, Main Directorate of Criminal Investigation (GUUR)

The article is devoted to the analysis of organizational aspects of the official activities of law enforcement agencies of the Russian Federation in the zone of a special military operation (SVO). Aim: to consider the specifics of actions in the conditions of the SVO, units of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rosgvardia, the Federal Penitentiary Service (FSIN of Russia) and other law enforcement agencies, affecting the following elements: features of the inspection of the scene in combat; migration of the local population, flows of refugees in the combat zone, passport control; combating illegal arms trafficking, the peculiarities of the service of special units of the penal system (penal system) for escort. Methods: comparative legal, empirical methods of description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. Results: Successful inspection of the scene in combat conditions is ensured by well-coordinated interaction of all participants, their professional training and strict observance of established safety procedures. In the field of migration policy of Russia in relation to citizens of Ukraine, significant changes have occurred. Conclusions: Of particular importance is the speed of decisions and the ability of employees to quickly adapt to a changing environment. Current trends in arms trafficking are characterized by an increase in the organization of criminal groups, the active use of Internet sites for the distribution of weapons, the use of new technologies, including 3D printing, as well as an increase in the number of crimes related to explosives.

Keywords: special military operation; inspection of accident sites; combat zone; arms trafficking; population migration; escort; prisoners of war.

References

1. Ilyin Yu.I. Legal Basis for the Participation of the Police Officers of the Ministry of Internal Affairs of Russia in a Special Military Operation // Law and Power. 2023. No. 5. pp. 56–60.
2. Marx K. Theses on Feuerbach // Marx K. Collected Works in 30 Volumes. Vol. 3. Moscow: Gospolitizdat, 1955. pp. 1–4.
3. Pivovarov D.A. Modern Possibilities of Using Technical Means and Software Packages in Crime Investigation // The Role of Law Enforcement Agencies in Protecting the Rights and Freedoms of Man and Citizen, the Interests of Society and the State: Inter-University Student Scientific Round Table, March 17, 2023 / St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation; edited by G.V. Dytchenko. Saint Petersburg: SPbYuI (f) UP RF, 2024. pp. 62–69.
4. Solomatina, E.A. Implementation of New Tasks of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Performance of Civil Service by Employees of Internal Affairs Bodies During the Year of the Special Military Operation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 5. pp. 201–212. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-5-201-212.
5. Special Military Operation. Measures of Social and Legal Support for Participants, Their Family Members, and Other Topical Issues: Information and Methodological Materials. Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University (IRNITU), 2024. 104 pp.
6. On temporary measures to regulate the legal status of persons who were citizens of the Donetsk People's Republic or the Luhansk People's Republic, and citizens of Ukraine in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of August 27, 2022, No. 585. Accessible from the ConsultantPlus legal reference system.
7. On the procedure for entry into and exit from the Russian Federation of citizens of Ukraine: Decree of the President of the Russian Federation of September 29, 2023, No. 734. Accessible from the ConsultantPlus legal reference system.
8. On temporary restrictions on entry into the Russian Federation for citizens of Ukraine arriving in the Russian Federation from third countries: Order of the Government of the Russian Federation of October 6, 2023, No. 2723-r. Accessible from the ConsultantPlus legal reference system.
9. On the specifics of the legal status of certain categories of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation, amendments to and repeal of certain decrees of the President of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of March 20, 2025, No. 159. Accessed from the ConsultantPlus legal reference system.
10. Legal Statistics Portal. URL: https://crimestat.ru (accessed: December 2, 2025).
11. Criminal Code of the Russian Federation: of June 13, 1996, No. 63-FZ: as amended on November 17, 2025. Accessed from the ConsultantPlus legal reference system.

Проблема определения правовой природы демереджа, экономические аспекты демереджа

Ермолин Владимир Константинович
морской юрист группы компаний Adele Shipping and Freight, vladimir.k.ermolin@gmail.com

В статье анализируется экономическая составляющая демереджа, на основе которой определяется правовая природа демереджа в зависимости от юрисдикции. С учетом того, что правовая природа демереджа определяется в той или иной юрисдикции по-разному экономическая составляющая демереджа по сути остается неизменной в любом рейсовом фрахтовании в целом. Анализ экономической составляющей демереджа во многом помогает юристам разобраться в важных правовых особенностях правовой природы демереджа в той или иной стране.
Ключевые слова: демередж, рейсовый чартер, сталийное время, английское договорное право, заранее оцененные убытки.

Вопросы определения правовой природы демереджа носят не только теоретический, но и сугубо практический характер. В зависимости от той или иной юрисдикции спорная ситуация, возникшая в связи с простоем судна под погрузкой/выгрузкой сверх согласованного сталийного времени, и, как следствие, требованием судовладельца о взыскании демереджа с фрахтователя, может быть разрешена судом или арбитражем совершенно разным образом.

Так, например, в Англии демередж относится к институту заранее оцененных убытков (liquidated damages). При этом возможность взыскание каких-либо иных убытков (unliquidated damages) в дополнение к демереджу у судовладельца по английскому праву существенно ограничена.

Во Франции сложившаяся судебная практика относит демередж к дополнительному вознаграждению судовладельцу за время, необходимое фрахтователю для завершения операций по погрузке/выгрузке груза.

В Германии же немецкие ученые склоняются к идее, что требования об уплате демереджа ближе по своему характеру к требованиям об уплате фрахта[76].

В российском праве, в статье 132 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации, содержится общее определение демереджа, не раскрывающее его правовую природу. На данный момент российские суды пока не выработали единообразного подхода в определении правовой природы демереджа, предпочитая анализировать само понятие демереджа, исходя из условий рейсового чартера, заключенного между судовладельцем и фрахтователем. Так, в судебной практике встречаются позиции, где судьи признают уплату демереджа в качестве охранительного обязательства, основанием возникновения которого служит превышение фрахтователем согласованного сталийного времени на погрузку/выгрузку и которое демонстрирует неординарную, не ожидаемую динамику правоотношений[77].

В некоторых случаях одни судьи приходят к выводу, что демередж является штрафом/неустойкой, которые подлежат взысканию ввиду неисполнения фрахтователем своих обязательств[78].

В российской доктрине автору настоящей статьи не удалось отыскать больших исследований, касающихся правовой природы демереджа.

Более того, отсутствуют даже исследования об экономической составляющей демереджа, из которой по сути и должна определяться правовая природа демереджа. По всей видимости, юристам в России еще предстоит определить свой подход к интерпретации демереджа с учетом особенностей российского правопорядка. На сегодняшний день доктрина определяет демередж в качестве исключительной неустойки[79].

В рамках настоящей статьи будет предпринята попытка проанализировать экономическую составляющую

[76] В частности, к такому выводу о правовой природе демереджа во Франции и Германии приходит H. Tiberg в своем фундаментальном труде «The Law of Demurrage». См. подробнее: Tiberg Hugo. The Law of Demurrage. 5-th ed. London, Sweet & Maxwell, 2013. P. 514-516.

[77] См. подробнее: Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 14.11.2023 № Ф03-4527/2023 по делу № А51-19414/2022.

[78] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.06.2022 № Ф05-10923/2022 по делу № А40-128757/2021.

[79] Комментарий к Кодексу торгового мореплавания /Под. ред. Г.Г. Иванова. – М.:Спарк, 2000, с. 231; Калпин А.Г. Договор фрахтования судна (чартер) как институт морского права: теоретические и практические проблемы: Дис. … док. юрид. наук. М., 1989, с.339.

демереджа, на которой основывается правовая природа демереджа в той или иной юрисдикции.

Общее понятие демереджа. Экономические аспекты демереджа.

Так, с экономической точки зрения основную прибыль (за вычетом расходов на бункер и экипаж) судно получает непосредственно во время рейса в море, в то время как пребывание в порту погрузки/выгрузки создает для судовладельца значительные риски возможных потерь, а также риски упустить более выгодные коммерческие возможности на фрахтовом рынке. Именно поэтому в частном морском праве существует ряд правовых институтов, которые позволяют судовладельцу уменьшить риски возможных экономических потерь, возникающих в связи со сверхнормативным простоем судна под погрузкой/выгрузкой. Одним из таких институтов является демередж за сверхнормативный простой судна под погрузкой/выгрузкой.

С этимологической точки зрения понятие «демередж» происходит от английского глагола «demur» (устар.), что означает «медлить», «отсрочить», «задерживаться». Иной вариант происхождения относится к французскому глаголу «demeurer», что может быть переведено как «медлить», «оставаться на месте». Но, как уже известно, понятие демереджа в современном правовом контексте не относится к категории времени, но относится к финансовой категории (плата за простой судна).

Появление такой финансовой категории в мировом рейсовом фрахтовании, как демередж, далеко не случайно. Как известно, большая часть морских перевозок осуществляется в рамках так называемого нелинейного («трампового») судоходства. Каждый следующий рейс для судовладельца несет труднопредсказуемые риски, связанные с простоем судна под погрузкой/выгрузкой в том или ином порту.

Для каждого рейса судовладелец заранее определяет бюджет, исходя из которого ставка фрахта, предлагаемая фрахтователю, должна, как минимум, покрывать все стандартные расходы на содержание судна в течение рейса. В ставке фрахта в частности учитываются расходы на экипаж, бункер, снабжение судна, а также и портовые расходы (портовые сборы, услуги лоцманов и т.д.).

Учитывая, что сверхнормативный простой судна под погрузкой/выгрузкой трудно спрогнозировать, ставка демереджа считается отдельно от ставки фрахта и направлена по большей части на компенсацию возможных убытков судовладельца при простое судна свыше согласованного по рейсовому чартеру времени для погрузочно-разгрузочных операций.

Если бы ставка фрахта также учитывала риски возможного сверхнормативного простоя судна под погрузкой/выгрузкой, морская перевозка грузов стала бы одной из самых дорогостоящих в мире. Но учитывая большую конкуренцию между судовладельцами, а также общее стремление судоходных компаний организовать перевозку с меньшими затратами для грузовладельца, риски возможных убытков от сверхнормативного простоя судна приходится учитывать за рамками ставки фрахта – то есть в ставке демереджа.

В этой связи демередж играет, безусловно, важную роль, создавая определенный баланс интересов судовладельца и фрахтователя на этапе, когда судно пребывает в порту погрузки и порту выгрузки (судовладелец заинтересован в том, чтобы судно в кратчайшие сроки завершило операции по погрузке/выгрузке и вышло в рейс, а фрахтователь заинтересован в том, чтобы груз был в сохранности погружен в порту погрузки и доставлен в порт выгрузки в пределах оговоренных сроков для перевозки). Если бы не существовало такой категории, как демередж, то баланс интересов участников морской перевозки в порту погрузки/выгрузки был бы смещен в пользу фрахтователя, что неминуемо ослабляло бы экономическую позицию судовладельца. В этом случае судовладельцы вынуждены были бы увеличивать разрешенное время на погрузку/выгрузку (сталийное время), что закономерно приводило бы к увеличению ставки фрахта. Именно ставка демереджа позволяет уменьшить возможные риски убытков судовладельца и, как следствие, позволяет сохранить ставку фрахта на конкурентном уровне.

В свете вышеизложенного можно выделить такие функции демереджа, как функция балансирования интересов судовладельца и фрахтователя в порту погрузки/выгрузки, а также функция компенсации понесенных убытков судовладельца в случае длительной задержки судна под погрузкой/выгрузкой.

Безусловно, это не исчерпывающий перечень функций, которые включает в себя демередж с экономической точки зрения, но именно на этих функциях в многом основывается правовая природа демереджа в отдельных юрисдикциях.

Общее понятие демереджа содержится в Определениях, используемых в чартерах и относящихся к сталийному времени 2013 года (англ. «Laytime Definitions for Charter Parties 2013») (**далее – Определения от 2013 года**)[80], где указывается, что демереджем является сумма, уплачиваемая судовладельцем по истечении сталийного времени в связи с задержкой судна, возникшей не по вине судовладельца. К демереджу не применяются какие-либо исключения до тех пор, пока иное не предусмотрено в чартере[81].

В то же время надо учитывать, что вышеуказанные Определения от 2013 года не являются каким-либо источником права и применяются в рейсовых чартерах только в том случае, если на них сделана прямая отсылка, т.е. по соглашению сторон. Тем не менее, указанные правила позволяют определить экономическую составляющую демереджа в рейсовом чартере.

Представленное в Определениях от 2013 года понятие демереджа не позволяет сделать вывод о его правовой природе – является ли плата за сверхнормативный простой судна дополнительным вознаграждением, или же штрафом, или убытками, возникшими ввиду простоя судна под погрузкой/выгрузкой сверх согласованного сталийного времени.

Указанные Определения от 2013 года являются лишь попыткой унифицировать используемую терминологию в заключаемых судовладельцами и фрахтователями рейсовых чартерах, уменьшить правовую неопределенность и создать некое единообразие правовой терминологии в рейсовом фрахтовании.

Резюмируя вышесказанное представляется возможным обозначить свое общее, экономическое определение демереджа как платы, предусмотренной договором или законом (если договором такая плата не установлена) за использование судна фрахтователем за период времени,

[80] С текстом указанных правил можно ознакомиться на сайте Балтийского и международного морского совета (BIMCO): https://www.bimco.org/contractual-affairs/bimco-contracts/contracts/laytime-definitions-for-charter-parties-2013/. Ссылка приводится по состоянию на 25.03.2025.

[81] Англ. «*DEMURRAGE shall mean an agreed amount payable to the owner in respect of delay to the Vessel once the Laytime has expired, for which the owner is not responsible. Demurrage shall not be subject to exceptions which apply to Laytime unless specifically stated in the Charter Party*».

который превышает необходимый, согласованный сторонами срок для погрузки/выгрузки груза и для осуществления иных сопутствующих погрузке/выгрузке операций.

Литература

1. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 14.11.2023 № Ф03-4527/2023 по делу № А51-19414/2022.
2. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.06.2022 № Ф05-10923/2022 по делу № А40-128757/2021.
3. Tiberg Hugo. The Law of Demurrage. 5-th ed. London, Sweet & Maxwell, 2013.
4. Комментарий к Кодексу торгового мореплавания /Под. ред. Г.Г. Иванова. – М.:Спарк, 2000.
5. Калпин А.Г. Договор фрахтования судна (чартер) как институт морского права: теоретические и практические проблемы: Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 1989.
6. Laytime Definitions for Charter Parties 2013, BIMCO. С текстом указанных правил можно ознакомиться на сайте Балтийского и международного морского совета (BIMCO). URL: https://www.bimco.org/contractual-affairs/bimco-contracts/contracts/laytime-definitions-for-charter-parties-2013/ (дата обращения: 25.03.2026).

The problem of determining the legal nature of demurrage, economic aspects of demurrage

Ermolin V.K.

Adele Shipping and Freight

This article analyses the economic component of demurrage, on the basis of which the legal nature of demurrage is determined depending on the jurisdiction. Given that the legal nature of demurrage is defined differently in different jurisdictions, the economic component of demurrage essentially remains unchanged in any voyage charter as a whole. An analysis of the economic component of demurrage greatly assists lawyers in understanding the key legal characteristics of the legal nature of demurrage in a particular country.

Keywords: demurrage, voyage charter, laytime, English contract law, liquidated damages.

References

1. Resolution of the Far Eastern District Arbitration Court dated 14.11.2023 No. F03-4527/2023 in case No. A51-19414/2022.
2. Resolution of the Moscow District Arbitration Court dated 07.06.2022 No. F05-10923/2022 in case No. A40-128757/2021.
3. Tiberg Hugo. The Law of Demurrage. 5th ed. London, Sweet & Maxwell, 2013.
4. Commentary on the Merchant Shipping Code / Ed. by G.G. Ivanov. – Moscow: Spark, 2000.
5. Kalpin A.G. The Charter Party Agreement as a Maritime Law Institution: Theoretical and Practical Problems: Dissertation for the Degree of Doctor of Law. Moscow, 1989.
6. Laytime Definitions for Charter Parties 2013, BIMCO. The text of these rules is available on the website of the Baltic and International Maritime Council (BIMCO). URL: https://www.bimco.org/contractual-affairs/bimco-contracts/contracts/laytime-definitions-for-charter-parties-2013/ (accessed: 25.03.2026).

Международно-правовые стандарты охраны авторских прав в условиях глобальной цифровизации

Смольников Денис Андреевич
аспирант, Московский финансово-промышленный университет "Синергия", denssmolnikov@yandex.ru

Интенсивная децентрализация цифровых экосистем обнажила фундаментальный конфликт между экстерриториальной природой сети Интернет и классической конвенционной моделью охраны. По сути, правовые институты, которые исторически опираются на жесткий принцип территориальности, оказываются малоэффективными в реалиях практически нулевых трансакционных издержек на дистрибуцию контента. Именно этот системный дисбаланс детерминирует острую актуальность переосмысления «архитектуры» глобального авторского права. Наиболее глубокое научное и практическое противоречие сегодня пролегает между объективной потребностью креативных индустрий в универсальной защите и фрагментарностью национальных юрисдикций. На практике это провоцирует массовое злоупотребление процессуальными механизмами. Вдобавок, правовая природа невзаимозаменяемых токенов (NFT) и статус произведений, автономно сгенерированных алгоритмами машинного обучения, по-прежнему остаются в «серой» зоне, порождая критическую правовую неопределенность. Цель состоит в комплексном институциональном анализе эволюции международных стандартов и выработке рекомендаций по адаптации права к вызовам Web 3.0 и генеративного искусственного интеллекта. Резюмировано, что парадигмы Бернской конвенции и «Интернет-договоров» ВОИС 1996 года в значительной мере исчерпали свой первоначальный регуляторный потенциал. В статье отмечается безальтернативность перехода к доктрине коммерческой направленности при разрешении кросс-бордерных деликтных споров, смещающей фокус с места доступности сайта на целенаправленную активность нарушителя. Сформулированные выводы и рекомендации будут полезны цивилистам, специалистам по международному частному праву, законодателям, разработчикам LegalTech-продуктов, которые проектируют логику управления нематериальными активами.

Ключевые слова: блокчейн-инфраструктура, генеративный искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, международно-правовые стандарты, охрана авторских прав, трансакционные издержки, трансграничные споры, цифровизация экономики, экстерриториальность

Введение

Глобальная цифровизация фундаментально трансформировала архитектуру современной экономики и права, переместив центр создания добавленной стоимости в сферу интеллектуального капитала, информационных технологий. По сути, сегодня наблюдается беспрецедентный переход от аналоговых способов фиксации и распространения результатов интеллектуальной деятельности к децентрализованным digital-экосистемам.

Как представляется, характеризуемый переход порождает глубокий институциональный конфликт: традиционное авторское право, которое исторически базируется на принципе территориальности (lex loci protectionis) и материальной фиксации произведения, сталкивается с экстерриториальной, трансграничной, мгновенной природой сети Интернет. В условиях, когда трансакционные издержки на копирование и дистрибуцию цифрового контента стремятся к нулю, а инструменты искусственного интеллекта (ИИ) способны автономно генерировать творческие объекты, существующие международно-правовые стандарты демонстрируют определенную ограниченность.

По-видимому, классические конвенционные механизмы, заложенные еще в конце XIX столетия, нуждаются не просто в точечной адаптации, а в концептуальном переосмыслении. В увязке с этим отметим, что научное сообщество и правоприменители стоят перед необходимостью поиска нового баланса между защитой исключительных прав авторов и обеспечением общественного доступа к знаниям в глобальной сети. Впрочем, невзирая на принятие «Интернет-договоров» Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), уровень нарушений в digital-среде остается весьма высоким [4].

Предположительно, интеграция экономико-управленческого инструментария с правовым анализом позволит выработать наиболее релевантные механизмы адаптации международного права к вызовам четвертой промышленной революции.

Материалы и методы

В современных источниках международно-правовые стандарты охраны авторских прав в условиях цифровизации рассматриваются, главным образом, через международно-правовой, сравнительно-правовой, институциональный подходы. Так, Ю.Ф. Беспалов, В.В. Любинецкий, И.В. Тимофеева анализируют трансформацию механизмов осуществления и защиты рассматриваемых прав в цифровой среде, в том числе, проблемы распространения произведений в сети Интернет [2, 3, 8]. А.И. Питулина и А.И. Тиунова исследуют вопросы международного частного права, включая источники регулирования, коллизионные нормы, определение применимого права при трансграничных нарушениях [6, 9]. И.А. Москаленко рассматривает эволюцию характеризуемого института через призму новых форм лицензирования. Также автор поднимает вопрос о возможном участии искусственного интеллекта в трансграничных авторских отношениях [4, 5]. В.А. Сырбо и Д.А. Крапивина анализируют институциональную трансформацию системы авторского и смежного права в реалиях диджитализации [7]. Аналитические публикации дополняют научные исследования оценкой влияния цифровизации на развитие правовых институтов и судебной практики в трансграничных спорах [1, 10].

Выбор упомянутых выше материалов объясняется тем, что они охватывают ключевые направления развития международно-правовой охраны авторских прав (от теоретических основ, механизмов лицензирования до проблем юрисдикции, защиты в digital-среде). Однако в литературе сохраняются пробелы, которые сопряжены с недостаточным анализом унификации международных стандартов в условиях глобальных цифровых платформ. Противоречия проявляются между подходами, ориентированными на расширение свободного распространения цифрового контента посредством гибких лицензий, и позициями, высвечивающими необходимость усиления защиты правообладателей.

В рамках данной статьи использованы методы контент-анализа, обобщения научных работ, систематизации. Применены сравнительно-правовой и формально-юридический подходы. Все это в совокупности дает возможность выявить основные тенденции в рассматриваемой области.

Результаты и обсуждение

Исторически международная система охраны авторских прав выстраивалась вокруг Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 года. Рассматриваемый «фундамент» закрепил ключевые принципы:

- национальный режим охраны;
- автоматическое возникновение прав (без соблюдения формальностей);
- независимость охраны от страны происхождения произведения.

Между тем, в отличие от предшествующих подходов, которые были ориентированы на физические носители, появление Интернета потребовало экстренной выработки новых регуляторных ответов.

Весьма значимым этапом стала имплементация Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) в 1994 году (в рамках Всемирной торговой организации). Оно впервые связало стандарты охраны интеллектуальной собственности с международной торговлей. Государства обязывались применять эффективные механизмы правоприменения. Впрочем, истинным ответом на цифровизацию стало принятие в 1996 году двух ключевых документов ВОИС: Договора по авторскому праву (WCT) и по исполнениям и фонограммам (WPPT).

Указанные выше акты внедрили в международный оборот важнейшие концепции для digital-среды. Во-первых, была закреплена правовая защита против обхода технических средств защиты авторских прав (DRM – Digital Rights Management), которые правообладатели задействуют для контроля доступа к своим произведениям. Во-вторых, с помощью договоров установлены строгие санкции за удаление или изменение электронной информации об управлении правами (Rights Management Information):

- цифровые водяные знаки;
- метаданные.

Уместно предположить, что описанные выше нормы заложили основу для коммерциализации интеллектуальных продуктов в сети. Вместе с тем, их реализация на национальном уровне столкнулась с проблемой разрозненности правоприменительной практики.

В таблице 1 представлена систематизация подходов к охране авторских прав на различных этапах технологического развития. С помощью нее демонстрируется усложнение правовых конструкций.

Таблица 1

Эволюция парадигм международно-правовой охраны авторских прав (составлено на основе [3, 6, 8])

Историко-технологический этап	Ключевые международные акты	Базовый принцип охраны	Основные вызовы, проблемы	Экономико-правовой эффект
Индустриальный (до 1990-х гг.)	Бернская конвенция, Всемирная конвенция об авторском праве	Lex loci protectionis, национальный режим	Пиратство на физических носителях, разница в сроках охраны	Снижение издержек на трансграничный экспорт физических копий
Информационный (1990-е – 2010-е гг.)	Соглашение ТРИПС, Договоры ВОИС (WCT, WPPT)	Защита технических средств (DRM) и метаданных	P2P-сети, файлообменники, экстерриториальность Интернета	Увеличение трансакционных издержек на мониторинг нарушений в сети
Цифровой (2010-е – настоящее время)	Директивы ЕС (в том числе, DSM Directive), Регламент «Рим II»	Платформенная ответственность, алгоритмическая фильтрация	Децентрализация, стриминг, юрисдикционные коллизии	Монополизация данных крупными IT-платформами. Дисбаланс рыночной власти

Одной из наиболее острых проблем современной юриспруденции является определение применимого права и подсудности при нарушении авторских прав в глобальной сети. Учитывая трансграничный характер Интернета, одно загруженное произведение может быть одновременно доступно в сотнях юрисдикций. И это порождает так называемые «деликтные коллизии». Классический принцип lex loci protectionis (право страны, где испрашивается охрана), хотя и остается доминирующим, требует существенной доработки.

Европейский союз демонстрирует наиболее передовые попытки кодификации данных отношений. В Регламенте «Рим II» (ЕС) № 864/2007 в статье 8(1) прямо указывается, что к внедоговорным обязательствам, которые возникают из нарушения прав интеллектуальной собственности, применяется право страны, в отношении которой испрашивается защита. Между тем, на практике это приводит к тому, что истец может инициировать судебные разбирательства во множестве стран, выбирая юрисдикции с наиболее строгими компенсационными механизмами.

Судебная практика Суда Европейского союза (CJEU) вносит важные коррективы. К примеру, в деле Nintendo Co. Ltd v BigBen Interactive GmbH (2017) суд разъяснил, что в условиях цифровой торговли местом совершения нарушения следует считать не страну, откуда доступен веб-сайт, а государство, где нарушающее действие было изначально инициировано (как правило, место нахождения ответчика или сервера). Подобный подход также отражен в деле Coty. Там акцент смещается на первоисточник нарушения. Это помогает оптимизировать судебные издержки. Вероятно, именно такой подход (концепция «направленной деятельности») станет «золотым стандартом» для международного частного права в ближайшие десятилетия [9, 10].

Современный этап цифровизации характеризуется внедрением технологий блокчейн, невзаимозаменяемых токенов (NFT), систем генеративного искусственного интеллекта. Как представляется, эти инновации создают новые рынки, но также подрывают классические догмы авторского права.

В частности, смарт-контракты и технология распределенных реестров (блокчейн) предлагают альтернативную, децентрализованную инфраструктуру для фиксации авторства, управления правами. Блокчейн позволяет создавать неизменяемые записи о времени создания произведения и его авторе. На практике это заменяет традиционные национальные реестры и Общества по коллективному управлению правами. Вдобавок, NFT выступают в качестве уникальных цифровых сертификатов, которые

обладают товарными свойствами и производным характером по отношению к базовому интеллектуальному активу. Впрочем, правовая природа NFT до сих пор не получила единого международного толкования. В итоге создаются риски мошенничества, отчуждения прав без ведома реального автора.

Отдельную категорию проблем формирует развитие ИИ. Алгоритмы машинного обучения генерируют тексты, музыку, изображения, используя колоссальные массивы защищенных авторским правом данных. Возникает двойственная проблема. Во-первых, правомерность использования чужих произведений для обучения нейросетей; во-вторых, вопрос о наделении самого ИИ статусом субъекта авторского права. Очевидно, что в текущей парадигме большинство ведомств (например, Бюро авторского права США) отказывают в регистрации произведений, которые созданы исключительно машиной, требуя доказательств существенного творческого вклада человека [1, 5].

Из соображений наглядности в таблице 2 приведено сравнение традиционных юрисдикционных механизмов и инновационных подходов, базирующихся на распределенных реестрах.

Таблица 2
Сравнительный анализ механизмов защиты авторских прав (составлено на основе [2, 3, 6-8])

Параметр	Традиционные государственные и международные механизмы	Децентрализованные варианты (блокчейн, Web3)
Регистрация и фиксация прав	Добровольное депонирование, национальные реестры (затратно по времени, высокие трансакционные издержки)	Мгновенная фиксация через хеширование, выдача токенов (неизменяемость, таймстемпинг)
Управление лицензиями, выплатами	Общества по коллективному управлению правами (непрозрачность распределения роялти, высокие комиссии)	Смарт-контракты (автоматическое, прозрачное, мгновенное распределение роялти авторам)
Юрисдикция, коллизии	Зависимость от *lex loci protectionis.* Сложная процедура признания иностранных решений	Экстерриториальность программного кода («Code is Law»). Независимость от национальных судов
Доказывание авторства в суде	Требует экспертизы, свидетельских показаний, предоставления исходных файлов	Криптографическая подпись выступает в качестве неопровержимого (математического) доказательства первенства

Следует сформулировать ряд рекомендаций, которые нацелены на преодоление институциональных и правовых пробелов. Их назначение заключается в сокращении трансакционных издержек правообладателей, в повышении правовой определенности в трансграничном цифровом пространстве.

Во-первых, рекомендуется создание унифицированного международного блокчейн-реестра объектов интеллектуальной собственности под эгидой ВОИС. Существующие национальные базы данных фрагментированы. Интеграция технологии распределенных реестров на наднациональном уровне поможет создать единую, доверенную платформу для автоматической фиксации авторства (цифрового таймстемпинга) и метаданных. В итоге решится проблема доказывания в судах разных стран, поскольку запись в таком реестре будет признаваться презумпцией авторства странами-участницами ВОИС в соответствии с обновленными протоколами Бернской конвенции.

Во-вторых, видится целесообразным внедрение доктрины «цифровой локализации» в международное частное право. В отличие от классического принципа lex loci protectionis, который в Интернете позволяет судиться практически в любой стране, предлагается закрепить в международных конвенциях жесткий критерий коммерческой направленности. Суды должны принимать юрисдикцию лишь в том случае, если нарушитель целенаправленно адаптировал контент, рекламу либо валюту платежа под конкретное государство. В результате будут предотвращены злоупотребления процессуальными правами и обеспечится защита добросовестных провайдеров от непредсказуемых судебных исков.

В-третьих, рациональным шагом представляется разработка стандарта «Ограниченного смежного права» для произведений, сгенерированных ИИ. Полный отказ в правовой охране объектов, которые созданы с помощью ИИ, дестимулирует инвестиции в высокотехнологичные креативные индустрии. Рекомендуется ввести особый режим охраны (по аналогии с правами изготовителей баз данных), который будет защищать не творческий характер, а организационные, финансовые инвестиции оператора ИИ, со сроком охраны не более 10-15 лет. Это даст возможность легализовать оборот такого контента без обесценивания традиционного человеческого творчества.

Заключение

Международно-правовые стандарты охраны авторских прав пребывают в состоянии глубоких структурных преобразований, детерминированных глобальной цифровизацией. Проведенный анализ показывает, что классический инструментарий, который был сформирован Бернской конвенцией и соглашением ТРИПС, обеспечил надежный базис; однако он объективно не справляется с экстерриториальной, высокоскоростной, децентрализованной природой современных digital-платформ. Научное значение выполненной работы выражается в систематизации юрисдикционных коллизий и экономико-правовой оценке новых технологических сущностей (блокчейн, смарт-контракты, искусственный интеллект) сквозь призму трансакционных издержек, защиты интеллектуального капитала.

Продемонстрировано, что правоприменительная практика (в частности, прецеденты Суда ЕС) вынуждена ситуативно адаптировать коллизионные нормы (к примеру, принцип lex loci protectionis) к реалиям виртуального пространства, смещая фокус на место инициации правонарушения либо концепцию коммерческой направленности. Тем не менее, фрагментарность судебной практики на международном уровне создает существенные барьеры для коммерциализации инноваций и свободного обмена знаниями.

Мировое сообщество нуждается в разработке принципиально новых конвенционных механизмов (условно – «цифровых договоров ВОИС 2.0»). Полученные в рамках статьи результаты и предложенные авторские рекомендации могут быть использованы в дальнейших научных изысканиях при моделировании наднациональных digital-экосистем.

Литература

1. Авакян Е. Под влиянием цифровизации право глобально меняется // URL: https://fparf.ru/polemic/opinions/pod-vliyaniem-tsifrovizatsii-pravo-globalno-menyaetsya/ (дата обращения: 16.03.2026).

2. Беспалов Ю.Ф. Права автора произведения науки в условиях цифровизации: некоторые аспекты их осуществления, охраны и защиты // Копирайт (Вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2021. – № 1. – С. 107-115.

3. Любинецкий В.В. Актуальные проблемы защиты авторских прав в условиях цифровизации и способы их решения // Проблемы права: теория и практика. – 2022. – № 59. – С. 263-273.

4. Москаленко И.А. Значение лицензий Creative Commons для эволюции авторских прав в трансграничных

отношениях // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 9 (130). – С. 141-148.

5. Москаленко И.А. О возможности наделить искусственный интеллект статусом субъекта трансграничных авторских отношений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 3 (79). – С. 203-211.

6. Питулина А.И. Регулирование прав авторов в международном частном праве: правовые источники и коллизионные привязки // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2022. – № 8. – С. 62-69.

7. Сырбо В.А., Крапивина Д.А. Трансформации институтов авторского и смежного права в условиях цифровизации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2025. – Т. 9. – № 1 (33). – С. 161-172.

8. Тимофеева И.В. Основные проблемы правовой охраны интеллектуальной собственности в сети Интернет и пути их решения // Закон. Право. Государство. – 2021. – № 4 (32). – С. 224-232.

9. Тиунова А.И. Нарушение исключительных прав в сети интернет: сравнительный анализ регулирования по вопросу применимого права // Цифровое право. – 2022. – Т. 3. – № 2. – С. 8-24.

10. Хусаинов Р.И. Международная юрисдикция в спорах о нарушении национальных и унитарных прав на товарные знаки в интернете. Опыт Европейского союза // URL: https://ipcmagazine.garant.ru/articles/1729055/ (дата обращения: 16.03.2026).

International Legal Standards for Copyright Protection in the Context of Global Digitalization

Smolnikov D.A.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

The intensive decentralization of digital ecosystems has exposed a fundamental conflict between the extraterritorial nature of the Internet and the classical convention-based model of copyright protection. In essence, legal institutions historically grounded in the strict principle of territoriality have proven insufficiently effective in conditions where the transaction costs of content distribution are virtually zero. This systemic imbalance determines the acute relevance of reconsidering the “architecture” of global copyright protection. One of the most profound theoretical and practical contradictions today lies between the objective need of creative industries for universal protection and the fragmentation of national jurisdictions. In practice, this situation often leads to the widespread abuse of procedural mechanisms. Moreover, the legal nature of non-fungible tokens (NFTs) and the status of works autonomously generated by machine learning algorithms remain within a regulatory “grey zone,” generating substantial legal uncertainty. The purpose of the article is to conduct a comprehensive institutional analysis of the evolution of international copyright standards and to develop recommendations for adapting legal frameworks to the challenges of Web 3.0 and generative artificial intelligence. The study concludes that the regulatory paradigms of the Berne Convention and the WIPO “Internet Treaties” of 1996 have largely exhausted their original regulatory potential. The article emphasizes the necessity of transitioning toward the doctrine of commercial targeting in resolving cross-border tort disputes, shifting the analytical focus from the mere accessibility of a website to the deliberate commercial activity of the infringer. The conclusions and recommendations formulated in the study may be useful for civil law scholars, specialists in private international law, legislators, and developers of LegalTech solutions designing mechanisms for the management of intangible assets.

Keywords: blockchain infrastructure; generative artificial intelligence; intellectual property; international legal standards; copyright protection; transaction costs; cross-border disputes; digitalization of the economy; extraterritoriality

References

1. Avakyan E. Under the Influence of Digitalization, Law Is Changing Globally // URL: https://fparf.ru/polemic/opinions/pod-vliyaniem-tsifrovizatsii-pravo-globalno-menyaetsya/ (accessed: 16.03.2026).
2. Bespalov Yu.F. Rights of the Author of a Scientific Work in the Context of Digitalization: Some Aspects of Their Exercise, Protection and Enforcement // Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property). – 2021. – No. 1. – Pp. 107–115.
3. Lyubinetsky V.V. Current Problems of Copyright Protection in the Context of Digitalization and Ways to Solve Them // Problems of Law: Theory and Practice. – 2022. – No. 59. – Pp. 263–273.
4. Moskalenko I.A. The Significance of Creative Commons Licenses for the Evolution of Copyright in Cross-Border Relations // Actual Problems of Russian Law. – 2021. – Vol. 16. – No. 9 (130). – Pp. 141–148.
5. Moskalenko I.A. On the Possibility of Granting Artificial Intelligence the Status of a Subject of Cross-Border Copyright Relations // Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). – 2021. – No. 3 (79). – Pp. 203–211.
6. Pitulina A.I. Regulation of Authors’ Rights in Private International Law: Legal Sources and Conflict-of-Law Connecting Factors // Patents and Licenses. Intellectual Rights. – 2022. – No. 8. – Pp. 62–69.
7. Syrbo V.A., Krapivina D.A. Transformations of the Institutions of Copyright and Related Rights in the Context of Digitalization // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. – 2025. – Vol. 9. – No. 1 (33). – Pp. 161–172.
8. Timofeeva I.V. Main Problems of Legal Protection of Intellectual Property on the Internet and Ways to Solve Them // Law. Right. State. – 2021. – No. 4 (32). – Pp. 224–232.
9. Tiunova A.I. Infringement of Exclusive Rights on the Internet: A Comparative Analysis of Regulation Regarding the Applicable Law // Digital Law. – 2022. – Vol. 3. – No. 2. – Pp. 8–24.
10. Khusainov R.I. International Jurisdiction in Disputes over Infringement of National and Unitary Trademark Rights on the Internet. The Experience of the European Union // URL: https://ipcmagazine.garant.ru/articles/1729055/ (accessed: 16.03.2026).

Особенности правового регулирования статуса руководителей территориальных органов федеральной власти в Соединенных Штатах Америки

Фирсов Максим Валерьевич
Заместитель директора по управлению федеральным имуществом, ФГБУ «Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», marshall85@yandex.ru

Данная статья посвящена исследованию административно-правовых аспектов прохождения руководителями региональных органов федеральной власти Соединенных Штатов Америки государственной службы. Актуальность проблем, рассмотренных в статье, обусловлена постоянно растущими требованиями к качеству государственного управления в России. Своевременный сравнительный и правовой анализ современных методов организации государственной службы США позволяет выявить наиболее успешные практики и приемы для совершенствования системы государственной службы России. Сформулированы конкретные предложения по интеграции отдельных механизмов мотивации и назначения руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти России.
Ключевые слова: государственная служба, федеральная служба, руководитель регионального органа, руководитель территориального органа, патронажная система, меритократическая система, система заслуг, федеральные органы исполнительной власти.

В научных исследованиях пяти-десятилетней давности считались бесспорными утверждения, что тенденции децентрализации и деконцентрации власти являются преобладающими в современном мире. Объяснялся этот фактор возрастанием значимости эффективной организации территориальных органов для социально-экономического развития регионов и обеспечения единства государства. В качестве подтверждений приводятся, как правило, опыт США, как пример «сбалансированной федеральной децентрализации»82 и Европейского Союза как «модели многоуровневой демократии»83.

Однако и в научной, и в экспертной литературе последних лет все настойчивее прослеживается подход, что и американская, и европейская модели все чаще дают сбои и демонстрируют примеры снижающейся эффективности. Достаточно привести ситуацию с введением президентом США Д.Трампом в 2025 г. войск в столицу Вашингтон (округ Колумбия), Чикаго, Лос-Анджелес, ряд других ведущих мегаполисов страны. В данном контексте наибольший интерес привлекает реакция властей штатов, которые пытались блокировать решения федеральных властей и противодействовать им84.

В это же время в России и Китае процессы децентрализации заменяются процессами деконцентрации. Именно деконцентрация становится преобладающим фактором во взаимодействии центральных и региональных властей. Так, Китай сочетает ограниченную децентрализацию с очень сильной деконцентрацией. При деконцентрации центральное руководство оставляет за собой полномочия контроля через прежде всего инструменты кадровой политики. В Китае преимущественно посредством возможностей Коммунистической партии Китая85. В России86 – через механизмы деятельности полномочных представителей Президента в федеральных округах, обеспечением централизованной кадровой политики. Это все более наглядно стало наблюдаться в последние годы при анализе выдвижения руководителей регионов с последующим их избранием, с ротацией региональных министров и иных должностных лиц регионального уровня.

---

[82] Pagano M., Leonardi R., The Dynamics of Federalism in National and Supranational Political Systems**,** Palgrave Macmillan. 2007. 346 p.; Inman R, Rubinfeld, D. Democratic Federalism: The Economics, Politics, and Law of Federal Governance**,** Princeton University Press, 2020.

[83] Evas, T.; Liebelt, U.; Lord, Ch. Multilayered Representation in the European Union: Parliaments, courts and the public sphere. 2012; The European Union as Exemplary But Imperfect Multilevel Democracy (*in* The Human Right to Democracy in Multilevel Systems at a Time of Democratic Backsliding. 2025; Романова Т.А. Методология оценки политической эволюции Европейского Союза // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 2013. № 2. С. 80-100.

[84] Губернатор штата Иллинойс назвал решения президента США «отвлекающим маневром», направленным на «провоцирование страха» и подрыв доверия к местным властям. Власти Калифорнии обвинили в «показной демонстрации силы». Суть возражений сводится к законности введения федеральных войск в штаты без согласия местных властей. Это - споры о правовых пределах полномочий федеральной власти.

[85] См., напр.: Зуенко И.Ю. Трансформация региональной системы управления в КНР в 1977-1997 годах: на примере провинции Хэйлунцзян: автореф. дис. канд. ист. наук. Владивосток, 2021. 278 с.; Гончаров В.В. Современные проблемы и перспективы построения эффективной системы государственного управления в Китайской Народной Республике» // Современное право, 2011. № 3. С. 127-131; Андреева Е.Л, Лосева Е.Ю., Ратнер А.В. поисках концепции неосинтеза: опыт государственного управления Китая // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2011. № 5.

[86] См., напр.: Романовская О.В. Деконцентрация публичного управления: право и административная реформа // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 1. С.4-24. *Она же.* Принцип деконцентрации государственной власти в конституционном праве// Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 2. С. 85-93; Поборцев Е.И. Централизация и децентрализация государственного управления в России // Эпомен. 2021. № 57. С. 322-329; Басиев М.С. К вопросу о теории деконцентрации власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 2.

Сами процессы деконцентрации и децентрализации находятся за пределами предмета настоящего исследования, но выше обозначенные позиции важны для характеристики процессов организации территориальных органов государственной власти. Совершенствование различных аспектов административно-правового регулирования порядка прохождения государственной службы, является актуальным объектом исследования российских и зарубежных ученых. При этом анализ международной юридической практики организации государственной службы в странах Северной и Южной Америки, Европы, СНГ и Азии демонстрирует многогранность правовых подходов и научных взглядов[87].

Применение «в чистом виде» той или иной модели кадровой политики, реализуемой в секторе государственного управления иностранных государств, в России невозможно в силу различных юридических, географических, исторических и национальных особенностей. В то же время всестороннее изучение этих моделей, их сравнительный анализ и исследование предоставляют возможность найти наиболее подходящие правовые инструменты для исправления существующих недостатков в системе государственной службы России, а также способы ее совершенствования.

Руководители территориальных органов ФОИВ в России, как и руководители государственных органов различного уровня в других странах, являются по своему административно-правовому статусу государственными служащими. Это обуславливает, с одной стороны, применение к ним общих правил и норм законодательства и положений о прохождении государственной службы, с другой стороны, имеет ряд особенностей.

В целях проведения объективного сравнительного анализа необходимо определить фокус группу иностранных госслужащих схожих в своем правовом статусе с руководителями территориальных органов ФОИВ России (руководитель ТО ФОИВ).

Стоит сразу оговориться, что термин «руководитель ТО ФОИВ» неприменим в отношении исследуемых зарубежных систем государственной службы в силу применения в них иных юридических терминов и понятий, иной административно-правовой структуры и иерархии государственных органов. Обозначим исследуемую категорию иностранных государственных служащих термином «руководитель регионального органа центральной государственной власти» (руководитель РО ЦГВ).

Для отнесения к этой группе руководителей целесообразно определить ключевые признаки, присущие и руководителям ТО ФОИВ России:

а) руководитель РО ЦГВ является государственным служащим;

б) руководитель РО ЦГВ возглавляет региональное структурное подразделение центрального органа государственной власти, его представительство или иной аналогичный орган;

в) руководитель РО ЦГВ назначается и подчиняется центральному органу государственной власти или иному высшему должностному лицу государства.

Для анализа современного состояния и перспектив развития российской модели целесообразно и необходимо исследовать особенности организации государственной службы в Соединенных Штатах Америки[88].

В Соединенных Штатах Америки (США) особую роль в регулировании правовых отношений играет Конгресс США. Это обусловлено тем, что Конгресс является в данном вопросе не только федеральным законодательным органом, но и высшим государственным органом, осуществляющим контрольные и финансовые функции в сфере государственной службы. На президента США как главу государства и высшее должностное лицо, возглавляющее исполнительную ветвь власти, возлагаются в числе прочих вопросы государственной кадровой политики.

В стране служащие отбираются по принципу конкурсной и патронажной систем. Патронажная система существует со времен президентства Джорджа Вашингтона, который на высшие должности руководителей РО ЦГВ назначал исключительно приближенных лиц. На текущий момент к данной системе относятся государственные служащие, которые были назначены на должность президентом, либо по рекомендации и с согласия Сената.

Принято считать, что конкурсная система назначения кадров на государственную службу появилась в связи с принятием в 1883 г. «Закона о регулировании и совершенствовании государственной службы Соединенных Штатов» (более известен как «*Pendleton Civil Service Reform Act*», в честь сенатора Ч. Пенделтона). При принятии нового законодательства процент служащих, попадающих под его требования, составлял 10 %, но впоследствии меритократические принципы вытесняли принципы патронажной системы.

В то же время в США восстановили действие Комиссии по государственной службе, а также установили предельное количество служащих и руководителей РО ЦГВ, которые принимаются на службу на основе их профессиональных способностей (меритократии), независимо от их социального положения и финансового благосостояния. Кроме того, было запрещено увольнять служащих из-за их политических убеждений или лояльности. Это позволило сформировать систему, в рамках которой органы власти получили на службе квалифицированных специалистов с политической нейтральностью.

С конца 1950-х годов в США началась масштабная реформа государственной службы, направленная на создание гибкой системы продвижения по карьерной лестнице. С 1959 года действует программа, законодательно закрепленная Сводом законов США, получившая название «Система заслуг» («Merit system»), основными принципами которой является координация и отбор кадров, основывающиеся на их компетентности и заслугах. В связи с принятием в 1978 году Закона о реформе гражданской службы США положения о работе с кадрами были уточнены и конкретизированы. Вышеупомянутая система изменила подход к продвижению государственных служащих.

---

[87] Атаманчук Г.В. Государственная служба в современном мире. М.: Русская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 224 с.; Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Публичная служба: мировой опыт и российская практика. М., Норма. 304 с.; Лунеев В.В., Кравец И.А. Государственная служба: зарубежные модели и российская практика. М.: Аспект-Пресс, 2011. 256 с.; Мамитова Н.В. Особенности правового регулирования института государственной службы в зарубежных странах //Общество и право. 2017. № 1; Керамова С.Н. Государственная служба России и зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ. М.: Юрлитинформ, 2017. 272 с.; Гольтяпина И.Ю. О совершенствовании нормативно-правового регулирования порядка прохождения государственной службы // Право и государство: теория и практика, 2020. № 4 и др.

[88] Сравнительный анализ проведен в докладах *ОЭСР (*OECD. Public Service Leadership and Capability Review Framework, 2019*),* ряде работ ведущих российских и зарубежных исследователей: Ноздрачев А. Ф. Государственная служба зарубежных стран. *М.*: Норма, 2013. 512 с.; Watts, R. L. Comparing Federal Systems. McGill-Queen's University Press, 2008. 320 p.; Hood, C., Peters, B. G. Rewards at the Top: A Comparative Study of High-Level Public Officials, 2004.

Основными принципами такой системы являются прозрачность при отборе кандидатов на вакантные должности, равные возможности у всех кандидатов без дискриминации по какому-либо признаку, а также объективность оценки в соответствии со строгими критериями. При этом многие методы и принципы оценки деятельности основывались на административной практике предпринимателей.

В 1978 г. произошла крупнейшая реформа, которая определила, имеющийся в современном мире облик гражданской службы США, был принят Закона о реформе гражданской службы США (*«Civil Service Reform Act of 1978»*)89. Попытки реформирования происходили в большинстве случаев по вопросам, связанным с безопасностью страны и возможностями односторонней отмены коллективных соглашений со стороны руководства органов власти, что обусловлено событиями 11 сентября 2001 года. Однако в 2008 году данные инициативы были отменены.

Наличие действующих положений, регулирующих прием государственных служащих на должности, не предотвратило внесение изменений со стороны власти, что с течением временем значительно уменьшило процент служащих, которые занимали должности на основе конкурсной системы.

В 2018 году президентом Дональдом Трампом (2017-2021 гг. и с 2025 г.) были упрощены и узаконены основания для увольнения служащих по уважительной причине. А также было выведено из-под действия конкурсной системы большое количество должностей с дальнейшим применением к ним правил исключительной службы, что противоречило принципам, установленным законом в 1883 г.

К одной из первых особенностей прохождения государственной службы в качестве руководителей РО ЦГВ можно отнести классификацию претендентов по процедуре назначения:

– претенденты, продвигающиеся по государственной службе в порядке карьерного роста в соответствии с «системой заслуг»;

– претенденты, нанимаемые на государственную службу по срочному контракту на срок до трех лет;

– претенденты, нанимаемые на государственную службу ввиду чрезвычайных обстоятельств на срок до полутора лет;

– претенденты на замещение резервируемых должностей, перечень которых устанавливается Управлением по делам государственной службы;

– претенденты на замещение патронажных должностей («не карьерные» государственные служащие).

В системе государственной службы США существует классификация, применяемая ко всем уровням служащих, включая руководителей РО ЦГВ, благодаря которой устанавливается взаимосвязь между показателями эффективности и денежными вознаграждениями. Также установлена детальная классификация видов работ, осуществляемых руководителями РО ЦГВ, равно как и всем государственным служащим. В соответствии с данной классификацией строго коррелируются ставки денежного вознаграждения. Все должности государственной службы, замещаемые на конкурсной основе, делятся на 18 категорий, схожих по квалификационным признакам с системой деления на категории и группы должностей государственной службы в Российской Федерации. В соответствии с данной классификацией руководители РО ЦГВ занимают должности категорий с 15-й по 18-ю.

В США, как и в Российской Федерации, при федеральных органах власти существуют кадровые службы, однако, следует отметить существенные различия. В США высшую силу имеет Федеральное управление кадров, которое отвечает за вопросы отбора, приема и управления кадрами государственной службы, однако отдельное место в системе государственной службы отведено двум ведомствам: Управление по делам государственной службы и кадров и Совет по вопросам защиты системы заслуг.

К полномочиям Совета относится рассмотрение жалоб и трудовых споров, оценка дифференцированной системы заслуг, устанавливаемой в каждом государственном органе, его региональных органах (в первую очередь для руководителей) и организациях, в которых предусмотрена государственная служба. Важно отметить, что к государственным служащим США можно отнести всех сотрудников организаций и учреждений, чья заработная плата выплачивается их средств бюджета. Одним из важных направлений деятельности Совета является наблюдение за соблюдением всех требований положений законодательства в случае привлечения руководителей РО ЦГВ к дисциплинарной ответственности, либо в случаях их дискриминации

Федеральное управление кадров США играет ключевую роль в координации деятельности кадровых подразделений различных ведомств США, обеспечивая методологическую поддержку и осуществляя контроль за единым стандартом работы с персоналом по принципу меритократии. Деятельность управления позволяет обеспечить высокий уровень компетентности служащих и справедливость при назначении на должности.

Руководители РО ЦГВ принимаются на должности Федеральным управлением кадров. К кандидатам не предъявляются требования по возрасту, а также разрешено поступление на любую ступень, если служащий компетентен и обладает требуемым стажем работы. Определение уровня квалификации осуществляется Управлением путем проведения экзамена в письменной и/или устной форме, с помощью которого оценивается соответствие кандидата требованиям к должности. В случае успешной сдачи экзамена, кандидат назначается на должность условно с испытательным сроком, который не должен превышать одного года.

Одновременно стоит отметить, что компетентные сотрудники, полностью отвечающие требованиям, могут быть повышены на усмотрение руководителя ФОИВ без привязки к принципам «системы заслуг». Помимо этого, основания для повышения государственных служащих в системе заслуг различны. Экзамены не проводятся для замещения высших административных постов по перечню президента, поскольку решение по замещению должностей принимает специальная отборочная комиссия Федерального управления кадров, основываясь на наличии требуемых знаний и опыта у кандидата на должность.

Этот опыт организации государственной службы сыграл важную роль в развитии гражданской службы в России, где «система заслуг» была официально признана одним из принципов формирования кадров. Однако на данный момент механизм реализации этого принципа еще не утвержден и не закреплен законодательно.

Федеральный закон от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» устанавливает перечень обязательных требований, предъявляемых к должностным регламентам государственных служащих в целом и руководителей территориальных органов в частности.

[89] https://www.congress.gov/95/statute/STATUTE-92/STATUTE

Помимо четко определенных прав, обязанностей и ответственности, подробным образом должны быть указаны вопросы, относящиеся к компетенции руководителя, и сроки выполнения стоящих перед ним задач. А в заключительных положениях регламента устанавливаются показатели эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности руководителя территориального органа.

При этом указанный закон предусматривает, что утверждение примерных должностных регламентов возлагается на специальный орган по управлению государственной службой. Такой орган до настоящего времени не учрежден. Роль такого регулятора мог бы принять на себя Минтруд России, но он пока ограничивается выпуском различных методических рекомендаций по разработке показателей эффективности в различных сферах государственного и муниципального управления.

Отсутствие в базовых регламентах норм, прямо предусматривающих установление плановых и целевых показателей деятельности территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, приводит к тому, что оценка их результативности носит фрагментарный и производный характер и осуществляется преимущественно через показатели деятельности центральных аппаратов либо в рамках отдельных ведомственных методик.

В результате в системе прохождения государственной гражданской службы руководителями территориальных органов ФОИВ формируется специфическая управленческая логика, при которой активное использование предоставленных полномочий и проявление инициативы не всегда коррелируют с системой поощрений, тогда как риски ответственности за активные управленческие действия воспринимаются как значительно более высокие, чем риски, связанные с пассивным поведением.

Данный дисбаланс порождает феномен институциональной безынициативности, проявляющийся в ориентации руководителя территориального органа ФОИВ на стратегию минимизации персональных рисков. В рамках этой стратегии предпочтение отдается формальному соблюдению процедур, переносу ответственности на вышестоящий уровень, избеганию нестандартных управленческих решений и отказу от инициатив, потенциально способных вызвать проверочные либо дисциплинарные последствия.

Залог эффективного государственного управления зачастую зависит от своевременного анализа как положительного, так и отрицательного опыта организации и работы иностранного государственного аппарата, в различных отраслях публичного управления.

Интеграция успешных практик и методик, применяемых США в организации государственной службы руководителей региональных органов федеральной власти, дает реальные предпосылки для их всестороннего юридического исследования и внедрения в законодательство о государственной службе и нормативные правовые акты ФОИВ.

Создание федеральной кадровой службы, в ведении которой будет регулирование вопросов приема, прохождения, аттестации, ротации, проведения служебных проверок и увольнения с государственной службы руководителей территориальных органов ФОИВ, позволит обеспечить:

1. Объективный и беспристрастный подход к каждому субъекту служебных правоотношений, нивелировать «кумовство» (протежирование, патронаж) при назначениях и повышениях, минимизировать коррупционные составляющие открытостью и публичностью кадровых процедур.

2. Позволит выработать единую методологию решения вопросов, связанных с прохождением государственной службы, при этом обеспечить индивидуальный отраслевой подход при внутриведомственном регулировании ключевых показателей эффективности;

3. Путем привлечения независимых экспертов из научных и образовательных организаций, отраслевых практиков проводить и давать как объективную оценку профессиональным навыкам и компетенциям, так и давать рекомендации по их совершенствованию, в случае недостаточности квалификации претендентов для назначения или повышения по службе.

На рассмотренном примере нельзя однозначно утверждать, что практика организации системы прохождения государственной службы в США не имеет юридических и управленческих изъянов, лучше или хуже, чем в других передовых правовых государствах. Однако, именно всесторонний, взвешенный, объективный, правовой и сравнительный анализ различных аспектов организации всех административных процессов и процедур, связанных с прохождением государственной службы, позволяет нам учиться на чужих ошибках, используя только положительный опыт для выработки и внедрения эффективных методов государственного управления.

Литература

1. Андреева Е.Л, Лосева Е.Ю., Ратнер А.В. поисках концепции неосинтеза: опыт государственного управления Китая // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2011. № 5.
2. Атаманчук Г.В. Государственная служба в современном мире. М.: Русская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003-224 с.
3. Басиев М.С. К вопросу о теории деконцентрации власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 2.
4. Гольтяпина И.Ю. О совершенствовании нормативно-правового регулирования порядка прохождения государственной службы // Право и государство: теория и практика, 2020. № 4.
5. Гончаров В.В. Современные проблемы и перспективы построения эффективной системы государственного управления в Китайской Народной Республике» // Современное право, 2011. № 3. С. 127-131.
6. Зуенко И.Ю. Трансформация региональной системы управления в КНР в 1977-1997 годах: на примере провинции Хэйлунцзян: автореф. дис. канд. ист. наук. Владивосток, 2021-278 с.
7. Керамова С.Н. Государственная служба России и зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ. М.: Юрлитинформ, 2017-272 с.
8. Лунеев В.В., Кравец И.А. Государственная служба: зарубежные модели и российская практика. М.: Аспект-Пресс, 2011-256 с.
9. Мамитова Н.В. Особенности правового регулирования института государственной службы в зарубежных странах //Общество и право. 2017. №1.
10. Ноздрачев А. Ф. Государственная служба зарубежных стран. М.: Норма, 2013- 512 с.; Watts, R. L. Comparing Federal Systems. McGill-Queen's University Press, 2008. 320 p.; Hood, C., Peters, B. G. Rewards at the Top: A Comparative Study of High-Level Public Officials, 2004.
11. Поборцев Е.И. Централизация и децентрализация государственного управления в России // Эпомен. 2021. № 57. С.322-329.
12. Романова Т.А. Методология оценки политической эволюции Европейского Союза // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 2013. № 2. С. 80-100.
13. Романовская О.В. Деконцентрация публичного управления: право и административная реформа //

Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 1. С.4-24.

14. Романовская О.В. Принцип деконцентрации государственной власти в конституционном праве// Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 2. С. 85-93.

15. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Публичная служба: мировой опыт и российская практика. М., Норма-304 с.

16. Pagano M., Leonardi R., The Dynamics of Federalism in National and Supranational Political Systems, Palgrave Macmillan. 2007. 346 p.; Inman R, Rubinfeld, D. Democratic Federalism: The Economics, Politics, and Law of Federal Governance, Princeton University Press, 2020.

17. Evas, T.; Liebelt, U.; Lord, Ch. Multilayered Representation in the European Union: Parliaments, courts and the public sphere. 2012; The European Union as Exemplary But Imperfect Multilevel Democracy (in The Human Right to Democracy in Multilevel Systems at a Time of Democratic Backsliding. 2025;

18. https://www.congress.gov/95/statute/STATUTE-92/STATUTE

Features of the legal regulation of the status of heads of territorial federal authorities in the United States of America

Firsov M.V.

National Research Center Kurchatov Institute

This article examines the administrative and legal aspects of public service for heads of regional federal government bodies in the United States. The relevance of the issues discussed in the article stems from the ever-increasing demands on the quality of public administration in Russia. A timely comparative and legal analysis of modern methods of organizing the US civil service allows us to identify the most successful practices and techniques for improving the Russian civil service system. Specific proposals have been formulated for integrating specific incentive and appointment mechanisms for heads of territorial bodies of federal executive bodies in Russia.

Keywords: civil service, federal service, head of a regional body, head of a territorial body, patronage system, meritocratic system, merit system, federal executive bodies.

References

1. Andreeva E.L., Loseva E.Yu., Ratner A.V. The search for the concept of neosynthesis: the experience of public administration in China // Problem analysis and public management design. 2011. № 5.
2. Atamanchuk G.V. Public service in the modern world. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2003-224 p.
3. Basiev M.S. On the issue of the theory of deconcentration of power // State power and local self-government. 2024. № 2.
4. Goltyapina I.Yu. On improving the legal regulation of the procedure for public service // Law and the State: theory and practice, 2020. № 4.
5. Goncharov V.V. Modern problems and prospects of building an effective system of public administration in the People's Republic of China" // Modern Law, 2011. № 3. pp. 127-131.
6. Zuenko I.Y. Transformation of the regional management system in China in 1977-1997: on the example of Heilongjiang province: abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Vladivostok, 2021-278 p.
7. Keramova S.N. The State Service of Russia and foreign countries: a comparative legal analysis. Moscow: Yurlitinform, 2017-272 p.
8. Luneev V.V., Kravets I.A. Public service: foreign models and Russian practice. Moscow: Aspect-Press, 2011-256 p
. 9. Mamitova N.V. Features of legal regulation of the institute of public service in foreign countries //Society and law. 2017. №1.
10. Nozdrachev A. F. The State Service of foreign countries. Moscow: Norma, 2013- 512 p.; Watts, R. L. Comparing Federal Systems. McGill-Queen's University Press, 2008. 320 p.; Hood, C., Peters, B. G. Rewards at the Top: A Comparative Study of High-Level Public Officials, 2004.
11. Pobortsev E.I. Centralization and decentralization of public administration in Russia // The epoch. 2021. No. 57. pp.322-329.
12. Romanova T.A. Methodology for assessing the political evolution of the European Union // Political expertise: POLITEX, 2013. No. 2. pp. 80-100.
13. Romanovskaya O.V. Deconcentration of public administration: law and administrative reform. Journal of the Higher School of Economics. 2019. No. 1. pp.4-24.
14. Romanovskaya O.V. The principle of deconcentration of state power in constitutional law// News of higher educational institutions. The Volga region. Social sciences. 2016. No. 2. pp. 85-93.
15. Khabrieva T.Ya., Chirkin V.E. Public service: world experience and Russian practice. Moscow, Norm-304 p.
16. Pagano M., Leonardi R., The Dynamics of Federalism in National and Supranational Political Systems, Palgrave Macmillan. 2007. 346 p.; Inman R, Rubinfeld, D. Democratic Federalism: The Economics, Politics, and Law of Federal Governance, Princeton University Press, 2020.
17. Evas, T.; Liebelt, U.; Lord, Ch. Multilayered Representation in the European Union: Parliaments, courts and the public sphere. 2012; The European Union as Exemplary But Imperfect Multilevel Democracy (in The Human Right to Democracy in Multilevel Systems at a Time of Democratic Backsliding. 2025;
18. https://www.congress.gov/95/statute/STATUTE-92/STATUTE

Институт условно-досрочного освобождения: теория и практика реализации

Синицина Марина Вячеславовна
магистр уголовного, гражданского и административного судопроизводства, Военный комиссариат Тульской обл., marina151722@ya.ru

Институты условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания занимают особое место в системе мер уголовно-правового воздействия. Выступая ключевыми элементами гуманизации уголовной политики, они призваны стимулировать правопослушное поведение осуждённых, способствовать их исправлению и ресоциализации, а также обеспечивать экономию мер государственного принуждения и снижение нагрузки на учреждения уголовно-исполнительной системы. Эффективное применение данных институтов позволяет не только достичь целей наказания без дальнейшей изоляции лица от общества, но и возвращать обществу полноценных граждан, утративших криминогенные установки.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, гуманизация уголовной политики, изоляция лица от общества, уголовно-исполнительная система

В условиях реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, расширения практики применения наказаний, не связанных с лишением свободы, и внедрения института пробации вопросы совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики в сфере досрочного освобождения приобретают особую значимость. Вместе с тем, как свидетельствуют доктринальные источники и материалы судебной практики, применение норм статей 79 и 80 Уголовного кодекса Российской Федерации сопряжено с многочисленными проблемами: неоднозначностью толкования оценочных критериев исправления, отсутствием единообразных подходов к оценке поведения осуждённых, формализмом при подготовке материалов, противоречивостью судебных решений и недостаточной эффективностью постпенитенциарного контроля.

Степень разработанности темы. Теоретические и прикладные аспекты институтов досрочного освобождения от наказания неоднократно становились предметом научного анализа. Существенный вклад в разработку данной проблематики внесли такие учёные, как В. Б. Боровиков, А. В. Бриллиантов, В. Ю. Голубовский, В. С. Комиссаров, А. И. Рарог, А. И. Чучаев и другие. В их трудах исследованы понятие, юридическая природа, основания и условия применения УДО и замены наказания, а также отдельные аспекты правоприменительной практики. Проблемы толкования критериев исправления, учёта мнения администрации и потерпевших, а также вопросы совершенствования законодательства поднимаются в статьях О. Р. Афанасьевой, А. О. Бекетова, М. Б. Глазкова, И. А. Давыдовой, Ю. Н. Мехтидиса, С. А. Пимантьевой, К. Н. Радченко и других авторов. Вместе с тем, многие вопросы остаются дискуссионными, а комплексный анализ теоретических основ и практики применения рассматриваемых институтов в их взаимосвязи, с учётом последних изменений законодательства и современных тенденций судебной практики, предпринят недостаточно полно, что подтверждает необходимость дальнейшего исследования.

1. Уточнённая авторская трактовка юридической природы условно-досрочного освобождения и замены наказания, которая в отличие от существующих подходов (рассматривающих их исключительно как право суда или как субъективное право осуждённого) обосновывает их комплексную правовую природу, сочетающую элементы субъективного права осуждённого на инициирование процедуры и дискреционных полномочий суда, реализуемых на основе всесторонней оценки совокупности формальных и материальных критериев, что обеспечивает баланс интересов личности, общества и государства.

2. Разработанная авторская классификация критериев оценки степени исправления осуждённого, интегрирующая формально-статистические показатели (наличие поощрений и взысканий, трудоустройство) и качественно-личностные характеристики (отношение к содеянному, динамика психологических изменений, социальные связи, прогноз поведения), позволяющая дифференцированно подходить к решению вопроса о досрочном освобождении и минимизировать риск судебного субъективизма.

3. Обоснованная система проблемных факторов, препятствующих эффективному применению замены неотбытой части наказания более мягким видом, основными из которых являются: недоверие судов к эффективности

контроля за исполнением альтернативных наказаний; недостаточное развитие инфраструктуры исправительных центров и уголовно-исполнительных инспекций; пробелы в правовом регулировании порядка выбора конкретного вида наказания при замене; что в совокупности приводит к недоиспользованию потенциала данного института как инструмента постепенной ресоциализации.

4. Доказанная необходимость и предложенная модель интеграции институтов досрочного освобождения с системой пробации, включающая: внедрение научно обоснованных методик прогнозирования риска рецидива на этапе подготовки к освобождению; создание единого информационного ресурса для обмена данными между судами, исправительными учреждениями и службой пробации; законодательное закрепление механизма социального сопровождения освобождённых, что позволит повысить эффективность постпенитенциарного контроля и снизить уровень рецидивной преступности.

5. Разработанный комплекс научно-практических рекомендаций по совершенствованию уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, включающий предложения по конкретизации в ст. 79 и 80 УК РФ перечня обстоятельств, подлежащих обязательному учёту судом; унификации порядка исчисления сроков возникновения права на обращение; регламентации единого стандарта характеристики осуждённого; уточнению процессуального статуса потерпевших; применение которого позволит обеспечить единообразие судебной практики и повысить обоснованность решений об УДО и замене наказания.

Теоретическая значимость исследования заключается в приращении научного знания о правовой природе, содержании и проблемах реализации институтов условно-досрочного освобождения и замены наказания, в систематизации теоретических подходов к определению критериев исправления, а также в выявлении и обосновании направлений дальнейших научных исследований в данной сфере.

Практическая значимость исследования состоит в том, что сформулированные в работе выводы и предложения могут быть использованы в законотворческой деятельности при совершенствовании норм УК РФ и УИК РФ; в практике судов общей юрисдикции и органов уголовно-исполнительной системы для обеспечения единообразного и обоснованного применения законодательства; в учебном процессе образовательных организаций юридического профиля при преподавании курсов уголовного права, уголовно-исполнительного права и криминологии; а также в дальнейших научных исследованиях по данной проблематике.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования и включает введение, три главы, объединяющие шесть параграфов, заключение, список использованных источников и приложения. Последовательность изложения материала отражает логику исследования: от анализа теоретико-правовых основ и исторического развития институтов к исследованию правового регулирования и практики применения, и далее – к выявлению проблем и формулированию предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной деятельности.

Институты досрочного освобождения от наказания, в частности условно-досрочное освобождение (УДО) и замена неотбытой части наказания более мягким видом, представляют собой одни из наиболее значимых и динамично развивающихся механизмов в системе уголовного права. Их существование неразрывно связано с эволюцией философской мысли о целях наказания, переходом от идей простого возмездия к принципам гуманизма, исправления осужденного и экономии мер государственного принуждения. Изучение генезиса данных институтов позволяет не только проследить логику законодателя, но и выявить глубинные причины современных проблем правоприменения, а сравнительно-правовой анализ открывает перспективы для заимствования наиболее эффективных моделей регулирования. Формирование рассматриваемых правовых явлений проходило сложный путь от единичных актов помилования до системного законодательного регулирования, отражая уровень правовой культуры и общественных отношений в конкретный исторический период [29, с. 390].

Зарождение идей о досрочном освобождении в европейской правовой мысли традиционно связывают с деятельностью пенитенциарных систем конца XVIII - начала XIX века. Однако первые прообразы такого освобождения можно обнаружить и в более ранние периоды, когда они существовали в виде привилегий для отдельных сословий или как результат монаршего милосердия. Переломным моментом стало распространение идей классической школы уголовного права, провозгласившей, что наказание должно быть не только справедливым, но и целесообразным. Практическая реализация этих идей впервые была осуществлена в Англии с введением системы «прогрессивной тренировки» капитана Маконочи, а затем и в Ирландии Уолтером Крофтоном, где заключенные могли переходить из строгих условий содержания к более мягким и, в конечном счете, к освобождению под честное слово. Именно опыт английской и ирландской тюремных систем стал фундаментом для законодательного закрепления института УДО [9, с. 210; 14, с. 450].

Французский законодатель одним из первых в континентальной Европе воспринял эту практику, закрепив в 1885 году в Законе об условном осуждении и условно-досрочном освобождении («Либерте»). Данный акт предусматривал возможность освобождения осужденного, отбывшего определенную часть срока, при условии его примерного поведения и доказанного исправления, однако освобожденный оставался под надзором администрации и мог быть возвращен в тюрьму в случае нарушения условий. Эта модель, основанная на идее доверия к осужденному и контроля за ним, оказала колоссальное влияние на развитие законодательства других стран, включая Российскую империю [10, с. 520]. Германское уголовное уложение 1871 года также содержало положения об условном освобождении, хотя и с определенными особенностями, связанными с федеративным устройством и разнообразием земельных пенитенциарных систем. Таким образом, к концу XIX века в ведущих европейских державах сложилось понимание того, что цель исправления может быть достигнута не только внутри тюремных стен, но и за их пределами, под угрозой возврата к реальному отбыванию наказания.

В дореволюционной России институт условно-досрочного освобождения был официально введен Уголовным уложением 1903 года, которое, хотя и не было введено в действие в полном объеме, содержало прогрессивные для своего времени нормы. Статья 18 Уложения предусматривала, что приговоренный к заключению в исправительном доме или тюрьме, отбывший установленные законом сроки (как правило, три четверти назначенного срока), мог быть освобожден от дальнейшего заключения, если его поведение давало основание предполагать, что он вступил на путь исправления. Примечательно, что решение об освобождении принималось судом по месту заключения по представлению тюремной администрации. Данная норма стала результатом глубокой теоретической проработки вопроса российскими правоведами, которые

внимательно изучали западный опыт и предлагали адаптировать его к отечественным реалиям [29, с. 393]. Несмотря на то, что полноценная реализация этих норм была прервана революционными событиями 1917 года, сама по себе кодификация УДО в Российской империи свидетельствовала о высоком уровне развития юридической техники и гуманистических тенденций в отечественной науке уголовного права.

Советский период ознаменовался кардинальным пересмотром отношения к институтам досрочного освобождения. Первые декреты советской власти, отменяя старые законы, ввели новые, классовые подходы к наказанию. Однако идея досрочного освобождения не исчезла, а трансформировалась, приобретя ярко выраженную политическую и воспитательную окраску. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 года закрепил такие формы, как условно-досрочное освобождение и замена наказания более мягким, связывая их с выполнением осужденными производственных норм и участием в общественной жизни. При этом доминировала концепция «воспитания трудом», и досрочное освобождение рассматривалось как мощный стимул для исправления и ударного труда [1, ст. 2954 (в исторической ретроспективе)]. Однако непоследовательность и частая смена политического курса приводили к тому, что применение этих норм было крайне нестабильным: периоды относительного либерализма (1920-е годы) сменялись годами тотального ужесточения репрессий (1930-1950-е), когда о массовом применении УДО не могло быть и речи.

Значительным шагом вперед стало принятие Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года и последовавших за ними Уголовного и Исправительно-трудового кодексов РСФСР 1960 года. Именно в этот период институты досрочного освобождения получили детальную регламентацию, во многом определившую современную российскую модель. Статья 53 УК РСФСР устанавливала, что к лицу, отбывающему наказание в виде лишения свободы или исправительных работ, может быть применено условно-досрочное освобождение или замена наказания более мягким, если оно примерным поведением и честным отношением к труду доказало свое исправление. Важно отметить формальный признак - отбытие определенной части срока (от половины до двух третей в зависимости от тяжести преступления), а также особые условия для особо опасных рецидивистов и лиц, осужденных за тяжкие преступления [2; 11, с. 320]. Законодатель того времени стремился к балансу между стимулированием исправления и обеспечением безопасности общества, что выражалось в дифференциации сроков фактического отбытия наказания, необходимых для возникновения права на освобождение. Эта модель просуществовала с незначительными изменениями вплоть до распада СССР и заложила основу для современного понимания данных институтов.

Постсоветский этап развития российского уголовного законодательства, начавшийся с принятием Уголовного кодекса РФ 1996 года, ознаменовался новой кодификацией норм об УДО и замене наказания. Законодатель, восприняв многие принципы советского права, одновременно расширил диспозитивные начала и усилил судейское усмотрение. Так, часть 1 статьи 79 УК РФ сформулировала условие применения УДО как признание судом того, что для своего исправления лицо не нуждается в полном отбывании назначенного наказания. Категория «исправление», носившая в советском праве более формализованный характер, стала оцениваться судом на основе совокупности данных о поведении осужденного [12, с. 680]. Аналогичным образом была пересмотрена и статья 80 УК РФ, регулирующая замену неотбытой части наказания более мягким видом. В 2000-х и 2010-х годах в эти статьи неоднократно вносились изменения, касавшиеся как круга лиц, к которым могут быть применены данные меры, так и сроков фактического отбытия наказания. В частности, ужесточались требования к лицам, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления, а также преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, что отражало реакцию законодателя на изменения криминогенной обстановки и общественные настроения [5; 6].

Сравнительно-правовой анализ институтов досрочного освобождения в современном мире демонстрирует многообразие подходов к их регулированию, обусловленное различиями в правовых системах, уголовной политике и национальных традициях. В странах англо-саксонской правовой семьи (США, Великобритания) широко распространена система «пароля» (parole), которая, как правило, является прерогативой не суда, а специализированных административных органов - комиссий по условно-досрочному освобождению. Эти комиссии оценивают готовность осужденного к выходу на свободу, опираясь на прогностические методики оценки риска рецидива, психологические тесты и отчеты тюремной администрации. В США, помимо федеральной системы, существуют различные модели в каждом штате: где-то комиссии обладают широкой свободой усмотрения, а где-то их полномочия ограничены жесткими законодательными предписаниями, например, правилом обязательного освобождения после отбытия определенной, четко установленной части срока («mandatory release») [9, с. 215; 10, с. 525].

В континентальной Европе, как и в России, доминирует судебный порядок применения досрочного освобождения. Это подчеркивает значимость судебного контроля за исполнением приговоров и рассматривается как дополнительная гарантия прав осужденных. Например, во Франции и Германии суды (или специализированные судьи по исполнению наказаний) принимают решение об УДО, оценивая поведение осужденного, его социальные связи, наличие жилья и работы после освобождения. Важной особенностью многих европейских систем является широкое использование пробационных служб, которые не только готовят материалы на осужденного к моменту рассмотрения вопроса об освобождении, но и осуществляют интенсивный надзор за ним в течение испытательного срока [14, с. 455]. Именно европейская модель, основанная на сочетании судебного контроля и профессионального социального сопровождения, рассматривается сегодня как наиболее сбалансированная, позволяющая минимизировать риски рецидива и успешно ресоциализировать осужденного.

Анализ постсоветского пространства показывает, что большинство стран СНГ сохранили преемственность с советским законодательством, однако также проводят собственные реформы. Например, Уголовный кодекс Республики Казахстан предусматривает не только УДО и замену наказания, но и такие специфические формы, как пробационный контроль, который может назначаться после освобождения. Украинское законодательство, несмотря на сложный политический контекст, также сохраняет традиционные институты досрочного освобождения, связывая их с «сумлінною поведінкою» (добросовестным поведением) и отношением к труду. При этом в ряде стран наблюдается тенденция к усилению роли администрации исправительных учреждений в подготовке материалов и формировании первичного вывода о степени исправления осужденного [11, с. 325; 15, с. 120].

Возвращаясь к российской правовой системе, необходимо отметить, что институты УДО и замены наказания, будучи тесно связанными, имеют различную юридическую природу и целевое назначение, что подтверждается

и историческим опытом. УДО, как правило, означает полное освобождение от дальнейшего отбывания основного наказания, но с возможностью возложения на осужденного определенных обязанностей, предусмотренных частью 5 статьи 73 УК РФ. В этом смысле оно носит поощрительный характер, но сопровождается испытательным сроком, равным неотбытой части наказания. Замена наказания более мягким видом, напротив, не освобождает от уголовной ответственности, а лишь заменяет один вид карательно-воспитательного воздействия другим, менее строгим. Как отмечается в юридической литературе, данная мера является промежуточным этапом между строгими условиями изоляции и полной свободой, позволяя адаптировать осужденного к жизни в обществе [12, с. 682; 16, с. 290].

Эволюция этих институтов в отечественном праве демонстрирует постепенный отход от чисто формальных критериев (например, отбытие определенного срока, перевыполнение норм выработки) к более сложным, оценочным категориям, таким как «степень исправления», «поведение в период отбывания наказания», «отношение к учебе и труду». Однако этот процесс порождает и новые проблемы, связанные с неоднородностью судебной практики, отсутствием четких критериев оценки этих категорий, что нередко приводит к субъективизму и ошибкам. Как справедливо указывают современные исследователи, суды зачастую формально подходят к оценке личности осужденного, ориентируясь преимущественно на наличие или отсутствие взысканий, игнорируя более глубокие изменения в ценностных ориентациях индивида [18, с. 10; 20; 27, с. 216].

Сравнение с зарубежными аналогами позволяет выявить ряд перспективных направлений для совершенствования российского законодательства. В частности, заслуживает внимания опыт использования специализированных структур, подобных комиссиям по паролю, которые могли бы на более раннем этапе подключаться к процессу подготовки осужденного к освобождению. Однако в условиях российской правовой реальности передача этих полномочий от суда административным органам представляется маловероятной и не вполне соответствующей конституционным принципам правосудия [6; 8]. Более реалистичным выглядит внедрение в уголовно-исполнительную практику научно обоснованных методик прогнозирования поведения осужденных после освобождения, что могло бы стать дополнительным инструментом для судей при принятии решений [19, с. 188; 36, с. 100].

Еще одним важным историко-правовым аспектом является изменение подходов к определению минимальных сроков, необходимых для возникновения права на досрочное освобождение. Если в ранних советских кодексах эти сроки были относительно небольшими (половина срока), что отражало веру в быструю перековку человека, то современный УК РФ, особенно после ужесточений последних лет, устанавливает дифференцированные сроки вплоть до четырех пятых от назначенного наказания для наиболее тяжких категорий преступлений [1, ст. 79, 80]. Эта тенденция отражает общемировую практику дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, но при этом вызывает дискуссии о ее соответствии принципу гуманизма. Ряд авторов, таких как А. С. Аветисян и Э. К. Боташев, в своих работах подчеркивают, что чрезмерное удлинение сроков «отсидки» до возможности освобождения снижает стимулирующую роль этих институтов и ведет к деморализации осужденных, которые теряют надежду на скорое освобождение [17; 20].

Нельзя обойти вниманием и историческую трансформацию социально-правового значения рассматриваемых институтов. Изначально они воспринимались как акт милости, затем - как инструмент исправления и перевоспитания, а в современном понимании - как неотъемлемый элемент системы сдержек и противовесов, обеспечивающий динамическую безопасность пенитенциарной системы. Они позволяют администрации исправительных учреждений эффективно управлять поведением осужденных, предоставляя им позитивную мотивацию, а обществу - снижать издержки на содержание заключенных и получать адаптированного к жизни на свободе гражданина [21; 28, с. 19]. При этом, как показывает анализ зарубежной практики, эффективность этих институтов напрямую зависит от развитости системы постпенитенциарного контроля и помощи. Во многих странах условно-досрочно освобожденный не просто «выбрасывается» на улицу, а становится под надзор специализированной службы, которая помогает ему с трудоустройством, жильем, лечением от зависимостей [9, с. 217; 14, с. 458].

В российском законодательстве вопросы постпенитенциарного контроля регулируются нормами уголовно-исполнительного кодекса и ведомственными приказами, в частности, возложением обязанностей, контролем уголовно-исполнительных инспекций. Однако, как справедливо отмечают исследователи И. А. Давыдова и А. Ю. Альбеева, механизм реализации этого контроля зачастую носит формальный характер и не подкреплен реальными ресурсами для оказания социальной помощи [25]. В отличие от, например, скандинавских стран, где пробационные службы обладают широкими полномочиями и бюджетом для организации работы с освобожденными, российская система сталкивается с кадровым дефицитом и перегруженностью инспекторов. Это существенно снижает эффективность УДО как средства предупреждения новых преступлений.

Таким образом, историческое развитие институтов досрочного освобождения представляет собой маятникообразное движение между идеями гуманизма и социальной защиты, между формальными и оценочными критериями. Сравнительно-правовой анализ демонстрирует, что, несмотря на различия в процедурах и субъектах принятия решений, все развитые правопорядки приходят к пониманию необходимости наличия гибких механизмов корректировки назначенного наказания в зависимости от поведения осужденного и изменений его личности. Российская модель, вобравшая в себя как дореволюционные традиции судебного контроля, так и советский опыт стимулирования правопослушного поведения, продолжает развиваться, сталкиваясь с вызовами современности. Изучение генезиса норм об УДО и замене наказания позволяет сделать вывод о том, что данные институты являются неотъемлемой частью любой прогрессивной уголовно-правовой системы, стремящейся не только карать, но и исправлять преступника, возвращая обществу полноценного гражданина. Заложенные в прошлом принципы продолжают влиять на современное правоприменение, требуя от законодателя и правоприменителя глубокого понимания природы этих явлений для выработки взвешенных и эффективных решений, способных гармонизировать интересы личности, общества и государства. Именно такой историко-компаративный подход позволяет сформировать целостное представление о предмете дальнейшего исследования и выявить те проблемные узлы, которые будут подвергнуты детальному анализу в последующих главах настоящей работы.

Проведенное в рамках настоящей работы исследование институтов условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение. Актуальность темы обусловлена

той ключевой ролью, которую данные институты играют в системе уголовно-правовых мер, выступая важнейшими инструментами стимулирования правопослушного поведения осужденных, их ресоциализации и гуманизации уголовной политики. Одновременно с этим, как показал анализ, правовое регулирование и практика применения УДО и замены наказания сопряжены с многочисленными проблемами, требующими осмысления и выработки научно обоснованных рекомендаций по их разрешению.

Историко-правовой анализ, проведенный в первой главе, позволил установить, что институты досрочного освобождения прошли длительный путь эволюции от единичных актов помилования до системного законодательного регулирования. Их развитие неразрывно связано с изменением философии наказания, отказом от исключительно карательного подхода в пользу идей исправления и гуманизма. Российское законодательство, вобрав в себя как дореволюционные традиции судебного контроля, так и советский опыт стимулирования правопослушного поведения, сформировало собственную модель, основанную на сочетании формальных критериев (отбытие определенной части срока) и материального основания – убеждения суда в том, что для исправления лицо не нуждается в полном отбывании наказания. Сравнительно-правовой анализ продемонстрировал многообразие подходов к регулированию данных институтов в зарубежных правопорядках, что открывает возможности для заимствования наиболее эффективных механизмов, в частности, в части использования прогностических методик оценки риска рецидива и развития системы пробации.

Исследование юридической природы УДО и замены наказания позволило сделать вывод о комплексном характере данных институтов, сочетающих элементы субъективного права осужденного и дискреционных полномочий суда. Осужденный имеет право инициировать процедуру после отбытия установленной части срока, но окончательное решение принимается судом на основе оценки всей совокупности данных о личности и поведении. Социально-правовое значение рассматриваемых мер раскрывается в их стимулирующей функции, направленности на ресоциализацию осужденных, экономии мер уголовной репрессии и реализации принципа гуманизма. Однако реализация этого потенциала напрямую зависит от четкости законодательных формулировок и качества правоприменительной деятельности.

Анализ оснований, условий и критериев применения УДО, проведенный во второй главе, выявил ключевую проблему – оценочный характер понятия «исправление» и отсутствие его легальной дефиниции. Это порождает неединообразие судебной практики, субъективизм при принятии решений и зависимость результата от множества факторов, не всегда связанных с действительной степенью исправления осужденного. Особую остроту приобретают проблемы учета дисциплинарных взысканий, оценки отношения к труду, возмещения вреда, а также определения роли администрации исправительных учреждений и потерпевших. Практика демонстрирует, что суды нередко ориентируются на формальные показатели, игнорируя необходимость глубинного анализа личности и динамики ее изменений.

Исследование процедурных аспектов замены неотбытой части наказания более мягким видом показало, что данный институт, обладая значительным потенциалом для постепенной адаптации осужденных к жизни в обществе, используется недостаточно активно. Основные причины этого – недоверие судов к эффективности контроля за исполнением альтернативных наказаний, недостаточное развитие инфраструктуры исправительных центров и уголовно-исполнительных инспекций, а также пробелы в правовом регулировании порядка выбора конкретного вида наказания при замене. Кроме того, процедура замены страдает от тех же проблем, что и УДО: формализма при оценке поведения осужденного, зависимости от немотивированного мнения администрации, сложностей с учетом возмещения вреда и мнения потерпевших.

Анализ судебной и уголовно-исполнительной практики, проведенный в третьей главе, подтвердил наличие устойчивых негативных тенденций: снижение доли удовлетворяемых ходатайств об УДО, значительные региональные различия в подходах судов, формализм при оценке критериев исправления, недостаточное использование потенциала психологической службы, низкую эффективность постпенитенциарного контроля. Выявленные противоречия носят системный характер и не могут быть устранены путем точечных изменений. Они свидетельствуют о необходимости комплексного реформирования как законодательства, так и правоприменительной практики.

Исходя из этого, в работе предложены основные направления совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства и правоприменительной деятельности. К числу приоритетных относятся: конкретизация в законе критериев исправления, подлежащих учету судом; совершенствование правового регулирования сроков, по истечении которых возникает право на обращение с ходатайством; уточнение перечня наказаний, на которые может быть произведена замена, и порядка действий суда при невозможности исполнения избранного вида наказания; развитие института пробации и его интеграция с механизмами досрочного освобождения; внедрение единых стандартов подготовки характеристик на осужденных и обеспечение их объективности; совершенствование процессуальных норм, регулирующих участие потерпевших; внедрение научно обоснованных методик прогнозирования поведения осужденных; расширение применения электронных средств контроля; повышение квалификации судей и сотрудников уголовно-исполнительной системы; обобщение судебной практики и подготовка новых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Важно подчеркнуть, что предлагаемые меры должны реализовываться комплексно, с учетом необходимости соблюдения баланса между интересами осужденного, потерпевшего и общества в целом. Недопустимо как неоправданное ужесточение практики, блокирующее возможность досрочного освобождения для лиц, доказавших свое исправление, так и необоснованное смягчение, создающее угрозу общественной безопасности. Ключевым условием эффективности институтов УДО и замены наказания является создание полноценной системы ресоциализации и постпенитенциарного контроля, которая позволит не только принимать обоснованные решения об освобождении, но и обеспечивать реальную поддержку освобожденным, минимизируя риски рецидива.

Проведенное исследование не претендует на исчерпывающий анализ всех аспектов столь сложной и многогранной темы. Дальнейшей научной разработки требуют вопросы дифференциации применения УДО и замены наказания к отдельным категориям осужденных (несовершеннолетним, женщинам, лицам с психическими расстройствами), проблемы внедрения и использования прогностических методик, совершенствование механизмов взаимодействия судов с органами пробации и общественными организациями, а также анализ эффективности уже принятых законодательных изменений. Вместе с тем, сформулированные в работе выводы и предложения могут быть использованы в законотворческой деятельности, в практике судов и уголовно-исполнительной системы, а также в учебном процессе при подготовке специалистов в

области уголовного права и криминологии. Только последовательное движение по пути совершенствования правового регулирования и правоприменительной деятельности позволит реализовать заложенный в институтах досрочного освобождения огромный гуманистический и профилактический потенциал.

Литература

1. Боровиков В. Б. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / В. Б. Боровиков, А. А. Смердов ; под ред. В. Б. Боровикова. - 8-е изд., перераб. и доп. - Москва : Юрайт, 2026. - 263 с.
2. Бриллиантов А. В. Уголовное право России (Общая и Особенная части) / А. В. Бриллиантов. - Москва : Проспект, 2015. - 1184 с.
3. Голубовский В. Ю. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / В. Ю. Голубовский, М. Ф. Костюк, Е. В. Кунц. - Москва : Проспект, 2020. - 736 с.
4. Комиссаров В. С. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / В. С. Комиссаров, Н. Е. Крылова, И. М. Тяжкова. - 2-е изд., стереотип. - Москва : Статут, 2014. - 879 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. - 12-е изд., перераб. и доп. - Москва : Юрайт, 2012. - 1359 с.
6. Рарог А. И. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / А. И. Рарог. - Москва : Проспект, 2017. - 896 с.
7. Четвертакова Е. Ю. Уголовное право Российской Федерации в схемах : учебное пособие / Е. Ю. Четвертакова. - Москва : Юрайт, 2024. - 286 с.
8. Чучаев А. И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. И. Чучаев. - Москва : Контракт ; ИНФРА-М, 2013. - 672 с.
9. Научные статьи и периодические издания
10. Аветисян А. С. Актуальные проблемы применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и возможные пути их решения / А. С. Аветисян // Вестник магистратуры. - 2024. - № 7 (154). - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-primeneniya-uslovno-dosrochnogo-osvobozhdeniya-ot-otbyvaniya-nakazaniya-i-vozmozhnye-puti-ih-resheniya (дата обращения: 28.02.2026).
11. Афанасьева О. Р. О некоторых аспектах применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания / О. Р. Афанасьева // Ведомости уголовно-исполнительной системы. - 2021. - № 4 (227). - С. 6–17. - DOI: 10.51522/2307-0382-2021-227-4-6-17.

Institute of Parole: Theory and Practice of Implementation

Sinitsina M.V.

Tula Region Military Commissariat

Parole and parole institutions occupy a special place in the system of criminal law measures. As key elements of humanizing criminal policy, they are designed to encourage law-abiding behavior in convicts, promote their rehabilitation and resocialization, and reduce the burden on penal institutions by using state coercion. Effective implementation of these institutions not only achieves the goals of punishment without further isolating the individual from society but also returns them to society as full-fledged citizens who have lost their criminal tendencies.

Keywords: parole, humanization of criminal policy, isolating the individual from society, penal system

References

1. Borovikov VB Criminal Law. General Part: textbook for universities / VB Borovikov, AA Smerdov; edited by VB Borovikov. - 8th ed., revised and enlarged. - Moscow: URAYT, 2026. - 263 p.
2. Brilliantov AV Criminal Law of Russia (General and Special Parts) / A. V. Brilliantov. - Moscow: Prospect, 2015. - 1184 p.
3. Golubovsky VY Criminal Law of Russia. General and Special Parts: textbook / VY Golubovsky, MF Kostyuk, EV Kunts. - Moscow: Prospect, 2020. - 736 p.
4. Komissarov VS Criminal Law of the Russian Federation. General Part / V. S. Komissarov, N. E. Krylova, I. M. Tyazhkova. - 2nd ed., stereotype. - Moscow: Statut, 2014. - 879 p.
5. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / ed. V. M. Lebedev. - 12th ed., revised and enlarged. - Moscow: Yurait, 2012. - 1359 p.
6. Rarog, A. I. Criminal Law of Russia. General and Special Parts / A. I. Rarog. - Moscow: Prospect, 2017. - 896 p.
7. Chetvertakova, E. Yu. Criminal Law of the Russian Federation in Diagrams: a study guide / E. Yu. Chetvertakova. - Moscow: Yurait, 2024. - 286 p.
8. Chuchaev A. I. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article by article) / A. I. Chuchaev. - Moscow: Contract; INFRA-M, 2013. - 672 p.
9. Scientific articles and periodicals
10. Avetisyan A. S. Actual problems of applying parole and possible solutions / A. S. Avetisyan // Bulletin of the Magistracy. - 2024. - No. 7 (154). - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-primeneniya-uslovno-dosrochnogo-osvobozhdeniya-ot-otbyvaniya-nakazaniya-i-vozmozhnye-puti-ih-resheniya (date of access: 02/28/2026).
11. Afanasyeva O. R. On some aspects of the application of parole from serving a sentence / O. R. Afanasyeva // Bulletin of the criminal-executive system. - 2021. - No. 4 (227). - P. 6–17. - DOI: 10.51522/2307-0382-2021-227-4-6-17.

Цифровая трансформация правоприменения: вызовы для уголовно-правовой практики в условиях электронного государства

Горлова Даная Михайловна
Студент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Денисов Сергей Иванович
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, теории и истории государства и права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Статья посвящена комплексному анализу трансформации правоприменительной деятельности под влиянием цифровых технологий в рамках становления электронного государства. Актуальность выбранной темы заключается в том, что стремительная цифровая трансформация правоприменения в условиях электронного государства порождает новые вызовы для уголовно-правовой практики, требующие теоретико-правового исследования основ и уголовно-правовых последствий цифровизации, включая проблемы защиты персональных данных и процессуальную адаптацию, что выступает необходимым условием обеспечения эффективности, легитимности и защиты прав граждан в цифровой среде. Целью исследования является комплексный анализ цифровизации правоприменения как элемента электронного государства, выявление ее теоретико-правовых моделей, а также специфики уголовно-правового регулирования и правоприменительной практики в новых условиях. Методологию работы составляет совокупность общенаучных и частноправовых методов: диалектический, формально-правовой, системно-структурный, сравнительно-правовой анализ, а также исследование судебной практики и элементы правотворческого анализа. Сделан вывод, что цифровая трансформация правоприменения в условиях электронного государства выступает объективным фактором, требующим системной перестройки уголовно-правовой практики. Проведенный анализ показывает, что внедрение цифровых технологий порождает не только новые возможности для повышения эффективности предварительного расследования и судебного разбирательства, но и существенные риски. Преодоление выявленных вызовов возможно лишь при условии опережающего нормативного регулирования, сохранения принципа состязательности и обеспечения цифровой безопасности участников процесса.

Ключевые слова: цифровизация правоприменения, правовое регулирование, электронное государство, цифровая трансформация права, искусственный интеллект, информационно-коммуникационные технологии, электронное правосудие, электронное правительство, автоматизация управленческих процессов.

В современном мире одним из основных факторов, оказывающих влияние на общественные отношения и их правовое регулирование, выступают процессы, обозначаемые словом «цифровизация». Под цифровизацией понимается процесс внедрения цифровых технологий и инноваций во все сферы государственной и общественной жизни [1]. Данный процесс применяется в различных отраслях: производство, право, образование, здравоохранение, финансы и многие другие. Но, одним из главных преимуществ цифровизации является возможность автоматизации процессов.

Взаимосвязь цифровизации и права, проявляется в двух ключевых аспектах. С одной стороны, право вынуждено реагировать на вызовы цифровой эпохи, создавая новые нормы для регулирования технологически трансформированных общественных отношений. С другой – сами цифровые технологии становятся инструментом модернизации правовой системы, изменяя традиционные формы права, его источники и правовые механизмы.

Многогранность и масштабность влияния цифровых технологий на право обусловливают потребность в его комплексном междисциплинарном изучении. В настоящее время отечественная правовая наука активно включилась в этот процесс. Первые результаты исследований уже позволяют обозначить основные перспективы развития правового регулирования в цифровую эпоху.

Исследуя явления, происходящие в самом праве, ученые отмечают, что одним из следствий цифровизации выступает появление в нем так называемых циклических правовых массивов, которые не входят ни в одну отрасль права, но вместе с тем пронизывают своими нормами целый ряд отраслей [2: с. 90–91]. Полагается, что одной из ключевых задач современной теоретико-правовой науки является анализ и понимание этого нового явления, которое может трансформировать наши текущие представления о праве.

Современные исследователи отмечают, что цифровизация оказывает многоаспектное влияние на правовую систему, которое развивается по нескольким ключевым направлениям.

Во-первых, изменяется структура права. Цифровые процессы трансформируют внутреннее строение права, что ставит под сомнение традиционные критерии выделения отраслей права и классическое деление на публичное и частное право.

Во-вторых, трансформируются системы источников права. Меняется иерархия и соотношение между законами и подзаконными актами, а также их формальные характеристики. В будущем можно прогнозировать возникновение принципиально нового источника — электронного нормативного акта.

В-третьих, возникают и получают широкое практическое применение новые, технологически продвинутые формы систематизации правового материала. Зачастую они оказываются более эффективными и удобными для пользователей, чем классические методы.

В-четвёртых, цифровые технологии активно внедряются в правоприменительную, в том числе судебную деятельность. Процесс принятия решений становится всё бо-

лее автоматизированным, а в мировой практике уже известны случаи проведения судебных процессов с участием роботов в роли судьи.

В частности, с 2015 года в Китае действует система «Умный суд», которая не только помогает судье, но и выступает в роли виртуального судьи по несложным делам, например, по спорам о нарушении авторских прав. Китайских судей обязали консультироваться с ИИ по каждому делу, а в случае отклонения его рекомендаций — письменно мотивировать своё решение.

Также в конце января 2023 года в городе Картахена (Колумбия) судья обратился к чат-боту ChatGPT при вынесении решения о компенсации выплат по страховке. Чат-бот сформулировал для судьи решение, снабдив его ссылками на практику и разъяснения местного Верховного суда.

В Белгородской области, например, впервые в России в судах протестировали робота-стенографиста. Проект получил название "Нестор. Правосудие". Электронный помощник фиксирует каждый звук в зале заседаний и превращает его в текст. Система позволяет сократить время подготовки протокола заседания в два раза [3].

На XX Совещании председателей верховных судов государств — членов Шанхайской организации сотрудничества председатель Верховного суда России Ирина Подносова сообщила, что в судейском сообществе обсуждается возможность применения искусственного интеллекта в судебной работе. При этом активно изучается соответствующий зарубежный опыт.

По её словам, автоматизация правосудия может значительно упростить труд судей и сотрудников аппаратов судов. Однако использование технологий допустимо лишь по бесспорным, техническим вопросам, не требующим анализа правоотношений сторон. Искусственный интеллект способен взять на себя рутинные задачи, например, анализ документов [4].

Для разработки концептуальных подходов к внедрению ИИ в судах Совет судей России уже создал специальную рабочую группу. Эту тему также затронул заместитель генерального директора Судебного департамента при Верховном суде России Алмаз Ибрагимов. В своём выступлении он подчеркнул, что цифровая трансформация судебных систем невозможна без внедрения передовых технологий [4].

В-пятых, цифровые технологии порождают целые новые области общественных отношений и социальные механизмы, которые пока в полной мере не охвачены правовым регулированием. На современном этапе развития права значительная часть этих отношений может оставаться за его пределами.

Также, важно отметить, что цифровизация служит катализатором формирования информационного общества, это ведёт к трансформации отношений между государством и личностью и, как следствие, — к необходимости изменения сложившихся моделей правового регулирования, тем самым порождая формирование электронного государства и транснационального гражданского общества.

Электронное государство представляет собой современную модель организации и осуществления государственной власти, основанную на комплексном использовании информационных технологий для трансформации принципов управления, которые направлены на повышение эффективности и прозрачности власти, а также создание более ориентированной на граждан среды. Таким образом, ключевым элементом цифровизации является переход от социально-экономических и управленческих систем на цифровой уровень. В данном случае, цифровизация выступает как движущая сила и технологическая основа, а электронное государство представляет собой институциональную и организационную форму, в которую воплощается эта сила.

Термин «электронное государство» возник в 1997 году, когда Национальным научным фондом США было введено в оборот понятие «цифровое правительство». 17 сентября 2002 года в США был принят закон «Об электронном государстве», согласно которому под данным термином понимается использование государством Интернета и других информационных технологий в целях расширения доступа общественности и государственных структур к информации и службам, а также для повышения эффективности и качества работы информационных технологий [5].

Тема взаимодействия транснационального гражданского общества и электронного государства в эпоху цифровизации является одной из ключевых для понимания современной трансформации управления.

Цифровизация наделяет граждан новыми инструментами и возможностями, превращая их из простых потребителей государственных услуг в активных соавторов политических процессов. Формируется фигура "глобального цифрового гражданина", который мобилизуется через национальные границы, используя цифровые платформы для выдвижения новых требований. Это находит отражение в функция, которые выполняет электронное гражданское общество (далее ЭГО).

Одной из ключевых функций ЭГО является информационно- аналитическая, посредством которой граждане через жалобы и сообщения передают проблемы на местах. Эта информация используется властью для мониторинга ситуации и принятия точечных управленческих решений.

Другой функцией является контроль за эффективностью работы муниципальных и региональных органов. Таким образом, граждане косвенно участвуют в надзоре за нижестоящими уровнями управления.

Коммуникационная функция обеспечивает прямой канал для решения конкретных проблем граждан без участия посредников, тем самым повышается эффективность государственного управления.

Также, на муниципальном уровне реализуются проекты по обучению граждан цифровой грамотности и навыкам взаимодействия с государством онлайн. Например, проект «Виртуальный кабинет электронного гражданина» в Омске, который помогает осваивать цифровые сервисы. Также постепенно внедряются чат-баты для автоматизации ответов на типовые запросы жителей.

Анализ сильных и слабых сторон электронного гражданского общества позволяет увидеть, как цифровые инструменты одновременно расширяют возможности граждан и создают новые риски.

Из преимуществ, можно выделить то, что цифровые технологии делают гражданскую активность доступной для людей с ограниченными возможностями здоровья, жителей отдаленных регионов и тех, у кого нет физической возможности посещать собрания. Для участия достаточно иметь доступ в интернет. Электронные жалобы позволяют мгновенно собирать информацию о локальных проблемах (например, яма на дороге) и быстро доносить ее до ответственных лиц. Государство получает возможность просматривать ситуацию в режиме реального времени. Электронные голосования по вопросам благоустройства или развития территорий позволяют властям опираться на мнение жителей при выборе приоритетных проектов.

Из недостатков, можно отметить, что не у всех социальных групп (пожилые люди, малообеспеченные слои, жители мест с плохим интернетом) есть равный доступ к цифровым технологиям или навыки их использования.

Это создает риск, что их голос не будет услышан, а решения будут приниматься в интересах более "цифровой" части населения. Возможность "лайкнуть" или "подписать петицию" одним кликом создает иллюзию гражданской активности, которая часто не перерастает в реальные действия и не требует от человека глубокого погружения в проблему. Также, онлайн-голосования и обсуждения могут быть подвержены накруткам с помощью ботов, что искажает реальную картину общественного мнения. Ключевыми дискуссионными проблемами электронного гражданского общества остаются, во-первых, проблема цифрового неравенства, ограничивающая доступ к участию, и, во-вторых, вопрос о способности виртуальной солидарности заместить традиционные, требующие физического присутствия формы коллективного действия. Кроме того, Ю. Хабермас в своей поздней работе «Новая структурная трансформация публичной сферы» (2022) дает негативный прогноз развитию публичной сферы в условиях доминирования социальных медиа: по его мнению, коммерческая природа платформ ведет к деградации рациональной дискуссии. Стирание границ между приватным и публичным, отсутствие профессиональной фильтрации информации провоцируют рост дезинформации и замыкание пользователей в «эхо-камерах», что фундаментально подрывает основы демократического дискурса [6, с. 45-50].

В конечном счете, электронное гражданское общество предстает перед нами как неизбежный и закономерный этап эволюции гражданского активизма, его новая институциональная форма, адаптированная к вызовам и возможностям цифровой эпохи. Это не параллельная реальность, а органичное продолжение традиционных практик, интегрирующее их в современные технологические ландшафты. Его ключевая функция — не замена живого общения или коллективных действий, а их оптимизация и расширение за счет цифровых инструментов. Однако успешность этой интеграции напрямую зависит от способности государства и общества ответить на фундаментальные вопросы: как обеспечить равный доступ к участию для всех социальных групп, как защитить публичную сферу от деструктивного влияния и дезинформации, и как превратить электронные платформы из инструментов сбора жалоб в механизмы подлинного диалога.

Цифровое право: уголовно-правовой аспект

Стремительная трансформация общественных отношений является ключевым фактором, дестабилизирующим классическую систему уголовного права. Традиционные институты и составы преступлений, рассчитанные на материальный мир, зачастую не позволяют адекватно квалифицировать деяния, совершенные с использованием высоких технологий.

В контексте цифровизации уголовно-правовой сферы особое значение приобретает адаптация законодательства к вызовам киберпространства. Как отмечается в Будапештской конвенции о киберпреступности 2001 года, под киберпреступлениями понимаются деяния, посягающие на конфиденциальность, целостность и доступность компьютерных систем, сетей и данных, а также иные формы злоупотребления ими [7].

Киберпреступность представляет собой феномен, при котором цифровая среда выступает одновременно и средством совершения правонарушения, и объектом преступного посягательства. Процессы цифровой трансформации придают этому виду криминальной активности качественно новые характеристики, отличающие её от традиционной преступности. К числу таких особенностей относятся: трансграничный характер деяний, объективные сложности в установлении геолокации субъекта и места правонарушения, затруднённость визуальной фиксации и процессуального закрепления следов, недостаточная эффективность контрольных механизмов, анонимность в сети, высокая скорость и автоматизация противоправных операций, нетривиальность способов совершения преступлений, а также низкие показатели раскрываемости [8].

Указанные особенности порождают комплекс проблем правоприменения, напрямую связанных с процессом цифровизации уголовного судопроизводства. Ключевыми из них являются трудности собирания и процессуального закрепления электронных доказательств, относительная простота уничтожения или маскировки цифровых следов, сложности идентификации личности и местонахождения злоумышленника, а также отсутствие территориальных границ в виртуальном пространстве.

Практика применения уголовного законодательства в условиях цифровизации свидетельствует, что среди составов, сопряжённых с киберпреступностью, наиболее востребованными остаются статьи, предусматривающие ответственность за нарушение тайны переписки и неприкосновенности частной жизни (ст. 137, 138 УК РФ), хищения с использованием электронных средств платежа и информационных систем (ст. 158, 159.3, 159.6 УК РФ), разглашение коммерческой, налоговой и банковской тайны (ст. 183 УК РФ), преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемые с применением цифровых технологий (ст. 228, 228.1 УК РФ), противоправный контент (ст. 242, 242.1 УК РФ), а также традиционные компьютерные преступления, предусмотренные главой 28 УК РФ (ст. 272–274 УК РФ).

Кроме того, в 2024 году Кодекс дополнили новой статьёй 272.1, которая вводит ответственность за незаконное использование, передачу, сбор или хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные [9].

Цифровизация всех сфер общественной жизни оказывает противоречивое влияние на состояние преступности и требует осмысления в уголовно-правовом ключе. Известный российский криминолог Я.И. Гилинский обращает внимание на парадоксальный эффект виртуализации досуга: снижение уличной преступности среди молодежи он связывает с уходом криминально активных подростков в цифровую среду, где они находят альтернативные способы самоутверждения и самореализации, ранее нередко достигавшиеся противоправным поведением в физическом пространстве [10].

Схожие выводы демонстрируют зарубежные исследования. Ученые университетов Вилланова и Рутгерса (США) зафиксировали корреляцию между пиковыми продажами видеоигр жанра «шутер» и снижением уровня насильственных преступлений, включая убийства. Гипотетически это объясняется тем, что виртуальная среда выполняет функцию «клапана» для сублимации агрессивных импульсов, позволяя лицам, предрасположенным к насилию, высвобождать деструктивную энергию в цифровом пространстве без перехода в реальное противоправное поведение [11, с.57-58].

Однако процессы цифровизации несут и обратную, криминогенную сторону. Согласно официальным данным МВД РФ, за январь–август 2021 года зарегистрировано 358,8 тыс. преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что на 12,7% превышает показатели предыдущего года. Удельный вес таких деяний достиг 26% от общего массива преступности, причем более половины (56,7%) из них относятся к категориям тяжких и особо тяжких. Динамика цифровой преступности демонстрирует устойчивый рост: с 2015 по 2020 год доля IT-преступлений увеличилась с 2% до 25%. Статистика Следственного комитета свидетельствует о более чем двадцатикратном росте киберпреступности за последние семь лет [12].

В контексте цифровизации уголовно-правовой сферы принципиально новым этапом становится разработка так называемого «цифрового закона» — перевода правовых предписаний в форму, доступную для восприятия и исполнения роботами и системами искусственного интеллекта. Как отмечают Д.А. Пашенцев и Д.Р. Алимова, подобный закон, утрачивая текстуальную форму, гипотетически освобождается от необходимости толкования, лишается внутренних противоречий и снимает многовековую дихотомию естественного и позитивного права [13]. Более того, его формирование может осуществляться при непосредственном участии широких слоёв населения, чьи позиции способен анализировать искусственный интеллект.

Тема внедрения искусственного интеллекта в юриспруденцию сегодня вызывает множество дискуссий. Озвучиваются прогнозы о том, что в скором времени расследование преступлений станет кабинетной работой, а приговоры будут выноситься в виртуальной реальности. Однако, по мнению заслуженного юриста России Роберта Абдулина, подобная автоматизация правосудия вступает в непреодолимое противоречие с его фундаментальными принципами. Эксперт напоминает о статье 17 УПК РФ, где ключевым критерием оценки доказательств выступает «внутреннее убеждение», основанное на законе и совести. Профессор подчеркивает: никакой, даже самый совершенный алгоритм не способен испытывать совесть или иметь личные убеждения. Искусственному разуму безразлична человеческая судьба и мотивы преступника, а значит, он не может заменить живого участника процесса.

Показательна в этом отношении проблема квалификации преступлений против жизни. Предположим, обнаружен труп со следами насильственной смерти. Автоматизированная система, обученная распознавать формальные составы, с высокой долей вероятности классифицирует деяние по части 1 статьи 105 УК РФ как «простое» убийство. Однако в ходе расследования могут открыться обстоятельства, кардинально меняющие юридическую оценку: выяснится, что смерть наступила вследствие неосторожности или тяжкого вреда здоровью (ч. 4 ст. 111 УК РФ), либо убийство было совершено в состоянии аффекта, вызванного противоправным поведением самого потерпевшего (ст. 107 УК РФ). Разница в санкциях этих статей колоссальна и напрямую влияет на судьбу человека.

Искусственный интеллект, оперирующий исключительно формальными признаками и запрограммированными алгоритмами, окажется неспособен учесть всю совокупность психологических и ситуационных нюансов. Ему недоступно то «внутреннее убеждение», которое формируется у следователя или судьи на основе изучения мотивов, обстановки, личности участников событий. Окончательное и взвешенное решение здесь требует именно человеческого участия — знаний психологии, жизненного опыта, способности к эмпатии и тонкому анализу доказательств в их взаимосвязи. Только человек может обеспечить ту необходимую гибкость правосудия, которая позволяет за формальными признаками состава разглядеть реальную картину произошедшего.

Вместе с тем, признавая ограниченность ИИ в принятии стратегических решений, нельзя отрицать его потенциал в решении задач тактических и технических. Наиболее перспективной сферой внедрения автоматизации представляется ведение протокола судебного заседания — то самое «зеркало процесса», от полноты которого зависит качество последующего контроля. Сегодня эта функция возложена на секретарей, чья работа осложняется высокой нагрузкой и текучестью кадров, что неизбежно ведет к ошибкам и пропускам. Автоматическая система цифровой фиксации, основанная на технологиях распознавания речи, способна обеспечить абсолютную полноту, аутентичность и точность протокола, освободив человека для выполнения тех задач, где он незаменим, — для разбирательства по существу и принятия справедливого решения».

Однако внедрение цифрового закона в уголовно-правовую материю сопряжено с серьёзными теоретическими и прикладными вызовами. Юридические тексты изначально полисемичны: одни и те же термины способны наполняться различным содержанием даже в пределах одного нормативного акта, не говоря уже о межотраслевых расхождениях. Преодоление этого барьера требует масштабной унификации понятийного аппарата уголовного права. Не менее сложной представляется задача алгоритмизации квалификации преступлений. Современная доктрина уголовного права так и не выработала единой, формализованной теории квалификации: на практике данный процесс нередко основывается на правовой интуиции, а не на строгом следовании алгоритмам [14, с.42]. Отсутствие чётких правил, пригодных для машинной обработки, ставит под сомнение возможность создания полноценной автоматизированной системы квалификации деяний.

Единственным отечественным проектом в данной области остаётся концепция «цифрового квалификатора», позволяющего осуществлять поиск судебных прецедентов не по ключевым словам, а на основе описания фактических обстоятельств дела [15]. Схожий функционал уже частично реализован в системе «КонсультантПлюс» в модуле специального поиска судебной практики.

Особого внимания в рамках цифровизации уголовного судопроизводства заслуживает запатентованная разработка профессора Х.Д. Аликперова — компьютерная программа «Электронные весы правосудия». Данный инструмент предназначен для подбора оптимальной меры наказания с учётом индивидуализированных обстоятельств совершённого преступления и формализованных правил назначения наказания. Программа функционирует в четырёх режимах: единичное преступление, рецидив, совокупность преступлений и соучастие. Как полагает автор, внедрение «Электронных весов правосудия» способно минимизировать влияние коррупциогенных факторов на судейское усмотрение и выступить эффективным вспомогательным инструментом при определении справедливой меры ответственности [16, с. 64].

Таким образом, цифровизация в уголовно-правовом аспекте предстает как сложный, многоплановый процесс. С одной стороны, виртуальная среда способна выступать социальным амортизатором, снижая потенциал традиционной насильственной преступности. С другой — она сама генерирует масштабный пласт новых угроз, требующих адекватной уголовно-правовой охраны и эффективных механизмов противодействия. В условиях цифровой среды киберпреступления утрачивают привязку к территории конкретного государства: правонарушитель, физически находясь в одной стране, способен одновременно поражать информационные системы и причинять вред гражданам множества других государств. Виртуальное пространство нивелирует значение государственных границ, делая преступный инструментарий доступным любому лицу вне зависимости от его местонахождения.

Проведенный в рамках настоящей статьи анализ цифровой трансформации правоприменения в условиях формирования электронного государства позволяет сформулировать ряд итоговых положений, имеющих значение как для развития теории права, так и для совершенствования уголовно-правовой практики.

Исследование подтверждает, что внедрение информационно-коммуникационных технологий в правоприменительную деятельность носит двойственный характер. С

одной стороны, цифровизация открывает новые возможности для оптимизации процессуальных механизмов: электронный документооборот, автоматизация рутинных процедур, использование систем видео-конференц-связи и технологий искусственного интеллекта для аналитической поддержки способны существенно повысить эффективность правоприменения, сократить временные и организационные издержки. С другой стороны, как справедливо отмечают исследователи, «цифровизация влияет на форму процесса, но не меняет сущности правосудия, основным содержанием которого является защита прав и охраняемых законом интересов.

Также, наблюдается пробел между алгоритмической природой искусственного интеллекта и сущностными характеристиками правоприменения как вида человеческой деятельности. Правоприменение, особенно в уголовно-правовой сфере, не сводится к формально-логическим операциям с нормативным материалом. Оно включает в себя этические и психологические компоненты, важнейшим из которых выступает категория «внутреннего убеждения», основанного не только на законе, но и на совести. Искусственному интеллекту, по меткому выражению Р. Абдулина, «неведомо, что такое совесть», ему «абсолютно все равно, кто перед ним сидит и почему он совершил преступление». Следовательно, любые попытки делегирования машине функций, связанных с оценкой доказательств, по внутреннему убеждению, или постановлением приговора, разрушают саму антропологическую основу правосудия.

Счетная палата РФ констатирует отсутствие единой стратегии цифровизации судебной системы, фрагментарность финансирования, технологическую неоднородность различных звеньев судебной власти и риски утраты контроля над судебной информацией в связи с использованием частных информационных систем. Наблюдается «ориентация не на эффективность, а на легитимность», когда внедрение технологий «носит ритуальный характер» и служит демонстрации современности и социальной ответственности. Электронное государство в целом не функционирует надлежащим образом из-за несовместимости информационных систем, созданных в отсутствие единых форматов данных.

Таким образом, цифровая трансформация правоприменения должна развиваться эволюционно, а не революционно. Технологии призваны не заменять человека в правоприменительном процессе, а служить вспомогательным инструментом, повышающим качество его работы. Перспективными направлениями могут быть: развитие электронного документооборота и межведомственного взаимодействия, совершенствование систем видеоконференц-связи, внедрение технологий искусственного интеллекта для подготовки проектов судебных актов по бесспорным категориям дел (судебные приказы), аналитической обработки судебной практики и информационно-справочного обеспечения правоприменителей.

При этом принципиально важным остается сохранение за человеком права на окончательное решение, основанное на свободной оценке доказательств по внутреннему убеждению. Это необходимо для того, чтобы базовые принципы правосудия, такие как независимость судей, состязательность, непосредственность исследования доказательств, право на справедливое судебное разбирательство, сохраняли свое значение в качестве нормативных пределов цифровизации.

Таким образом, цифровая трансформация правоприменения в условиях электронного государства представляет собой сложный, многомерный процесс, успешность которого зависит от способности найти баланс между технологической модернизацией и сохранением гуманистической сущности права, между эффективностью и справедливостью, между инновациями и правовыми традициями. Тем самым, использовать технологии, не подменяя живое правосудие алгоритмами.

Литература

1. Словарь терминов и понятий цифровой дидактики / Рос. гос. проф.-пед. ун-т; авт.- сост.: Ломовцева Н. В., Заречнева К. М., Ушакова О. В., Ярина С. Ю., – Екатеринбург: РГППУ: Ажур, 2021. – 84 с.
2. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 89–94.
3. Сможет ли робот заменить судью//Российская газета - Неделя - Урал: 21.11 2019 URL:https://rg.ru/2019/11/12/reg-urfo/smozhet-li-robot zamenit.sudiu.html?ysclid=mldqf6i0jg509449953&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F. (дата обращения: 08.02.2026).
4. Верховный суд России изучает опыт применения искусственного интеллекта URL:https://www.vsrf.ru/press_center/mass_media /34359/?ysclid=mlh1ur9tvv493348971. (дата обращения: 08.02.2026).
5. E-Government Act of 2002: Закон США «О цифровом (электронном) государстве» от 17.12.2002. Pub. L. No. 107-347, 116 Stat. 2899. URL: https://www.justice.gov/opcl/e-government-act-2002 (дата обращения: 08.02.2026).
6. Хабермас Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика / пер. с нем. Т. Атнашева. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 104 с.
7. Кочкина Э. Л. Определение понятия «киберпреступление». Отдельные виды киберпреступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2017. № 3 (17). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-ponyatiya-kiberprestuplenie-otdelnye- vidy-kiberprestupleniy (дата обращения: 12.02.2026). — Текст: электронный.
8. Винкерт В. В., Клочкова А. Л. Понятие и особенности киберпреступлений // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего. — 2021. № 5. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-osobennosti-kiberprestupleniy (дата обращения: 12.02.2026). — Текст: электронный.
9. **Уголовный кодекс Российской Федерации:** Федеральный закон от 13 июня 1996 года №63-ФЗ: в ред. от 29 июля 2018 года. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 12.02.2026). - Текст: электронный.
10. Гилинский Я.И. Преступность в постсовременном мире // Независимая газета, 9 октября 2015 // https://www.ng.ru/ideas/2015-10- 09/5_criminal.html. (дата обращения: 12.02.2026). - Текст: электронный.
11. Гилинский Я.И. Молодежь в обществе постмодерна: взгляд криминолога // Семейная медиация в ювенальной политике. Сборник материалов международной научно-практической конференции/ под ред. В.Ю. Сморгуновой. – СПб., Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2014. с.54-62.
12. Соловьева О. Доля цифрового криминала в России превысила 25% //Независимая газета, 3 августа 2021 // https://www.ng.ru/economics/2021-08-03/1_8215_economics2.html. (дата обращения: 12.02.2026). - Текст: электронный.
13. Пашенцев Д.А., Алимова Д.Р. Новации правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений // Государство и право. 2019. № 6. С. - 102-106.

14. Пашенцев Д.А. Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений // Вестник СПбГУ. Право. 2020. Т. 11. Вып. 1. (с. 35-49).

15. Яни П.С. О кибернетизации процесса квалификации преступлений // Законность. 2019. № 12 (1022). С. 42-45.

16. Аликперов Х.Д. оглы. Электронная технология определения оптимальной меры наказания ("электронные весы правосудия") // Российский судья. 2020. № 4. С. 59 - 64

Digital transformation of law enforcement: challenges for criminal law practice in the context of an electronic state

Gorlova D.M., Denisov S.I.

I.G. Petrovsky Bryansk State University

This article provides a comprehensive analysis of the transformation of law enforcement under the influence of digital technologies within the context of the development of an e-government. The relevance of this topic lies in the fact that the rapid digital transformation of law enforcement in the context of an e-government creates new challenges for criminal law practice, requiring a theoretical and legal study of the foundations and criminal law consequences of digitalization, including issues of personal data protection and procedural adaptation, which are necessary for ensuring the effectiveness, legitimacy, and protection of citizens' rights in the digital environment. The purpose of the study is a comprehensive analysis of the digitalization of law enforcement as an element of an e-government, identifying its theoretical and legal models, as well as the specifics of criminal law regulation and law enforcement practice in this new environment. The methodology of the work consists of a combination of general scientific and specific legal methods: dialectical, formal legal, systemic-structural, and comparative legal analysis, as well as the study of judicial practice and elements of law-making analysis. It is concluded that the digital transformation of law enforcement in the context of the e-government is an objective factor requiring a systemic restructuring of criminal law practice. The analysis shows that the introduction of digital technologies not only creates new opportunities for improving the effectiveness of preliminary investigations and trials, but also poses significant risks. Overcoming these challenges is only possible through proactive regulation, maintaining the principle of adversarial proceedings, and ensuring the digital security of trial participants.

Keywords: digitalization of law enforcement, legal regulation, e-government, digital transformation of law, artificial intelligence, information and communication technologies, e-justice, e-government, automation of management processes.

References

1. Glossary of Terms and Concepts in Digital Didactics / Russian State Prof.-Pedagogical University; compiled by: Lomovtseva N.V., Zarechneva K.M., Ushakova O.V., Yarina S.Yu., – Yekaterinburg: RSPPU: Azhur, 2021. – 84 p.
2. Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. Law in the Context of Digital Reality // Journal of Russian Law. 2018. No. 1. pp. 89–94.
3. Can a robot replace a judge?//Rossiyskaya Gazeta - Nedelya - Ural: 21.11 2019 URL:.https.://.rg.ru/.2019/11./12./.reg-urfo/smozhet-li-robot zamenit.sudiu.html?ysclid=mldqf6i0jg509449953&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F. (Accessed: 08.02.2026).
4. The Supreme Court of Russia is studying the experience of using artificial intelligence. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/mass_media /34359/?ysclid=mlh1ur9tvv493348971. (Accessed: 08.02.2026).
5. E-Government Act of 2002: US Law "On Digital (Electronic) Government" of 17.12.2002. Pub. L. No. 107-347, 116 Stat. 2899. URL: https://www.justice.gov/opcl/e-government-act-2002 (date of access: 08.02.2026).
6. Habermas Yu. New Structural Transformation of the Public Sphere and Deliberative Policy / translated from German by T. Atnasheva. - Moscow: New Literary Review, 2023. - 104 p.
7. Kochkina E. L. Definition of the Concept of "Cybercrime". Certain Types of Cybercrimes // Siberian Criminal Procedure and Forensic Readings. - 2017. No. 3 (17). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-ponyatiya-kiberprestuplenie-otdelnye-vidy-kiberprestupleniy (date of access: 12.02.2026). — Text: electronic.
8. Vinkert V. V., Klochkova A. L. Concept and characteristics of cybercrime // Interdisciplinary studies: experience of the past, possibilities of the present, strategies of the future. — 2021. No. 5. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-osobennosti-kiberprestupleniy (date of access: 12.02.2026). — Text: electronic.
9. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996 No. 63-FZ: as amended. July 29, 2018. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed: February 12, 2026). - Text: electronic.
10. Gilinsky Ya.I. Crime in the post-modern world // Nezavisimaya Gazeta, October 9, 2015 // https://www.ng.ru/ideas/2015-10-09/5_criminal.html. (accessed: February 12, 2026). - Text: electronic.
11. Gilinsky Ya. I. Young People in Postmodern Society: A Criminologist's View // Family Mediation in Juvenile Policy. Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference / edited by V. Yu. Smorgunova. - St. Petersburg, Publishing House "Alef-Press", 2014. pp. 54-62.
12. Solovieva O. The Share of Digital Crime in Russia Exceeded 25% // Nezavisimaya Gazeta, August 3, 2021 // https://www.ng.ru/economics/2021-08-03/1_8215_economics2.html. (Accessed: 12.02.2026). - Text: electronic.
13. Pashentsev D. A., Alimova D. R. Innovations in Lawmaking in the Context of Digitalization of Public Relations // State and Law. 2019. No. 6. Pp. - 102-106.
14. Pashentsev D.A. Features of Law Enforcement in the Context of the Digitalization of Public Relations // Bulletin of St. Petersburg State University. Law. 2020. Vol. 11. Issue. 1. (pp. 35-49).
15. Yani P.S. On the Cybernetization of the Crime Qualification Process // Legality. 2019. No. 12 (1022). Pp. 42-45.
16. Alikperov Kh.D. oglu. Electronic Technology for Determining the Optimal Punishment ("Electronic Scales of Justice") // Russian Judge. 2020. No. 4. Pp. 59-64.

Проблемы квалификации легализации преступных доходов по ст. 174 и 174.1 УК РФ

Катников Игорь Игоревич
Аспирант, кафедра уголовного и публичного права, Московский университет «Синергия», katnikov_igor@mail.ru

Статья посвящена квалификации легализации преступных доходов по ст. 174 и 174.1 УК РФ. Актуальность темы связана с устойчивыми трудностями правоприменения при разграничении легализации и распоряжения преступно полученным имуществом, при установлении специальной цели придания правомерного вида, при определении предмета преступления и при оценке операций с цифровыми активами. Цель исследования состоит в выработке системного подхода к толкованию признаков составов, закрепленных в названных нормах. Научная новизна работы связана с объединением уголовно-правового, правоприменительного и цифрового направлений анализа в единой схеме квалификации. В исследовании использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, логико-аналитический методы, приемы обобщения и классификации. Источниковую базу образуют современные русскоязычные публикации по вопросам предмета легализации, специальной цели, доказывания, цифровых форм сокрытия преступного происхождения имущества и разграничения смежных составов. В аналитической части раскрыты спорные признаки объективной и субъективной стороны, показаны типичные ошибки квалификации, предложены ориентиры для разграничения ст. 174 и 174.1 УК РФ. Практическая полезность результатов связана с их применением в следственной, прокурорской и судебной работе.

Ключевые слова: легализация преступных доходов, отмывание денежных средств, квалификация преступлений, ст. 174 УК РФ, ст. 174.1 УК РФ, предмет преступления, специальная цель, цифровые активы, доказывание, смежные составы.

Введение

Проблематика легализации преступных доходов сохраняет высокую научную и прикладную значимость по нескольким причинам. Первая связана с тем, что диспозиции ст. 174 и 174.1 УК РФ формально близки, но строятся на различном субъектном основании, из-за чего в следственной и судебной работе регулярно возникает смешение двух составов. Вторая причина обусловлена трудностью установления специальной цели придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению преступно полученным имуществом. Третья причина связана с усложнением способов сокрытия происхождения имущества, прежде всего через многоступенчатые расчеты, фиктивные договорные конструкции, цифровую валюту и иные инструменты, создающие видимость законного оборота. Нормативная база при этом задает широкую рамку уголовной ответственности, а граница между легализацией и иными формами обращения с преступным имуществом в ряде ситуаций остается дискуссионной.

Цель исследования состоит в выявлении и систематизации проблем квалификации легализации преступных доходов по ст. 174 и 174.1 УК РФ с последующей выработкой критериев разграничения данных составов между собой и со смежными деяниями.

Для достижения поставленной цели решаются три задачи: во-первых, уточнить содержание признаков предмета, объективной стороны и специальной цели в конструкциях ст. 174 и 174.1 УК РФ; во-вторых, определить типичные ошибки правоприменения при разграничении легализации, предикатного преступления и иных форм обращения с преступным имуществом; в-третьих, оценить влияние цифровых способов сокрытия происхождения имущества на квалификацию и доказывание.

Научная новизна исследования связана с тем, что спорные вопросы квалификации рассматриваются через связь предмета преступления, способа обращения имущества, структуры умысла и доказательственного материала.

Материалы и методы

Материальную базу исследования образуют нормы уголовного и специального законодательства, разъяснения Верховного Суда РФ, наряду с корпусом современных научных публикаций. Нормативную основу составляют ст. 174 и 174.1 УК РФ, Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ и постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 в редакции от 9 декабря 2025 г. Научный массив сформирован из работ, посвященных отдельным узлам рассматриваемой проблемы. Е.Г. Быкова [1] исследует трудности квалификации легализации доходов, возникающих из мошенничества. Я.Ю. Васильева [2] анализирует криптовалюту как предмет преступлений по ст. 174 и 174.1 УК РФ. В.В. Векленко и А.Р. Акиев [3] рассматривают общие вопросы квалификации легализации преступно приобретенного имущества. Т.Г. Жукова [4] сосредоточена на современных способах легализации имущества. А.В. Иванов [5] раскрывает спорные подходы к определению предмета преступления в составах ст. 174 и 174.1 УК РФ. В.С. Киргизова [6] изучает проблему доказывания легализации денежных средств. С.М. Кочои [7] подвергает критическому анализу конструкцию ст. 174.1 УК РФ и ее применение. К.А. Лубенцева, Е.О. Яковлева и

П.И. Иванов [8] обобщают трудности квалификации и формулируют предложения по корректировке уголовно-правового регулирования. А.И. Малыгин [9] раскрывает объективные признаки легализации имущества, связанного с организованной преступной деятельностью. О.В. Харченко [10] рассматривает противодействие легализации доходов в условиях цифровизации.

Методический инструментарий опирается на формально-юридический анализ для толкования признаков составов, сравнительно-правовой анализ для разграничения ст. 174 и 174.1 УК РФ со смежными деяниями, логико-аналитический разбор для выявления внутренних противоречий правоприменения, а приемы обобщения и классификации – для построения системы квалификационных критериев, соотносимых с целью статьи.

Результаты

Нормативная конструкция ст. 174 и 174.1 УК РФ строится на общем наборе объективных признаков – финансовые операции и иные сделки с денежными средствами либо имуществом, сопровождаемые специальной целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению. Разграничение между двумя составами проходит по субъектному признаку: в ст. 174 речь идет об имуществе, преступно приобретенном другими лицами, в ст. 174.1 – самим виновным. Для квалификации решающее значение получает наличие маскирующего действия, направленного на разрыв внешней связи между имуществом и преступным источником его происхождения. Пленум Верховного Суда РФ прямо указывает, что под финансовыми операциями понимаются любые операции с денежными средствами, а оконченный состав допустим уже при одной операции либо сделке, если доказана специальная цель. Та же позиция закрепляет требование приводить в судебном решении доказательства преступного происхождения имущества и доказательства названной цели.

Научные публикации показывают, что именно специальная цель образует наиболее уязвимое звено квалификации. В работах [3; 7; 8] подчеркивается: без установления стремления придать имуществу правомерный вид состав легализации распадается и уступает место квалификации по предикатному деянию либо по иным нормам. Отсюда вытекает практический вывод: расходование преступно полученных средств на личные нужды, простое хранение, физическое перемещение наличности, равно как разовая бытовая трата без маскирующей оболочки, сами по себе еще не образуют легализацию. Для применения ст. 174 или 174.1 требуется операция, из содержания которой усматривается попытка встроить имущество в легальный оборот, создать фиктивное основание владения либо скрыть подлинный источник происхождения [3; 7; 8].

Следующий спорный узел связан с предметом преступления. В научной литературе [5; 7; 9] прослеживается общая линия: предмет легализации не сводится к имуществу, прямо фигурировавшему в предикатном составе. Речь идет и о деньгах, полученных как вознаграждение за преступление, и о средствах, извлеченных в результате преобразования первоначально добытого имущества, и о стоимостных эквивалентах, встроенных в новые хозяйственные цепочки. Позиция Верховного Суда РФ соответствует такому подходу: предметом преступлений по ст. 174 и 174.1 выступают не только денежные средства или имущество, незаконное приобретение которых образует признак конкретного состава, но и материальное вознаграждение за совершенное преступление либо плата за сбыт предметов, ограниченных в гражданском обороте; при смешении преступных средств с правомерно приобретенными последующая квалификация проводится в размере суммы преступного компонента.

Отсюда вытекает и более точное понимание границы между легализацией и прикосновенностью к преступлению. В работах [1; 3; 8] подчеркивается, что суду и следствию требуется отделять маскирующую финансово-правовую форму от последствий предикатного деяния. Когда обвинение подменяет доказательство специальной цели ссылкой на сам факт обладания преступным доходом, квалификация теряет опору. Особенно отчетливо проблема проявляется в делах о мошенничестве, где получение денег, их перевод между связанными счетами и дальнейшее использование внешне напоминают легализацию, но по существу нередко продолжают схему хищения. Е.Г. Быкова [1] показывает, что при таком предикатном основании требуется особо тщательная проверка того, появилось ли новое действие по сокрытию происхождения средств или обвинение лишь повторно описывает способ доведения хищения до результата.

Заметное место в современных исследованиях заняла цифровая среда. Я.Ю. Васильева [2], Т.Г. Жукова [4] и О.В. Харченко [10] связывают рост квалификационных трудностей с использованием криптовалюты, многоступенчатых цифровых переводов, анонимизирующих сервисов и иных технологических форм сокрытия происхождения активов. С уголовно-правовой точки зрения существенен не технический формат актива как таковой, а его участие в схеме маскировки преступного источника. Разъяснения Верховного Суда РФ подтверждают допустимость такого подхода: предметом преступлений по ст. 174 и 174.1 признаются и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов, приобретенных в результате преступления. Следовательно, цифровая валюта не выводит деяние за пределы существующей уголовно-правовой модели, но усложняет установление цепочки превращений, идентификацию бенефициара и доказательство умысла на сокрытие происхождения имущества. Параллельно профилактический контур, закрепленный в законе № 115-ФЗ, усиливает мониторинг подозрительных операций, что создает дополнительный информационный массив для уголовно-правовой оценки.

В работах [6; 8; 10] в центр анализа поставлено доказывание. В.С. Киргизова [6] акцентирует связь квалификационной ошибки с недостаточностью доказательств специальной цели. К.А. Лубенцева, Е.О. Яковлева и П.И. Иванов [8] обращают внимание на расхождение между числом выявляемых преступлений и числом лиц, привлекаемых к ответственности, связывая такую картину с высокой сложностью доказательственного процесса. О.В. Харченко [10] показывает, что в цифровой среде затруднения усиливаются за счет трансграничности расчетов и технологической фрагментации следов. Из указанного массива вытекает общий вывод: доказательство по делам о легализации строится на совокупности обстоятельств – происхождении имущества, характере операции, фиктивности документов, экономической бессодержательности сделки, согласованности поведения участников, последовательности переводов и связи операции с задачей сокрытия источника дохода.

При исследовании объективной стороны особое значение получает вопрос о том, какие действия образуют самостоятельное деяние, а какие лишь продолжают предикатное преступление. А.И. Малыгин [9] показывает, что при организованной преступной деятельности легализация обычно выстраивается как отдельный блок действий с собственной экономико-правовой оболочкой. По данной причине признаки фиктивного договора, использования подконтрольных лиц, многоступенчатого перечисления, дробления суммы, смены формы актива или вывода

средств в легальный бизнес приобретают самостоятельное значение при квалификации [4; 9; 10]. Там, где подобная конструкция отсутствует, отнесение содеянного к ст. 174 либо 174.1 рискует превратиться в расширительное толкование.

Исследование предмета преступления позволяет уточнить еще одну линию спора. А.В. Иванов [5] и С.М. Кочои [7] критически оценивают неопределенность правового объема понятий «денежные средства», «иное имущество» и производные экономические формы, возникающие после преобразования первичного преступного актива. Данная неопределенность повышает риск неодинаковой судебной оценки сходных ситуаций. При соединении названной проблемы с цифровыми активами вопрос приобретает особую остроту: следствию требуется доказывать не абстрактную принадлежность виртуального инструмента к имуществу, а его фактическое место в схеме сокрытия преступного происхождения средств [2; 4; 10].

Сопоставление публикаций [1; 3; 6; 8] позволяет выделить типичные ошибки квалификации. Первая – подмена легализации распоряжением преступным имуществом без маскирующей направленности. Вторая – неполное разграничение ст. 174 и 174.1 по субъектному признаку. Третья – выведение специальной цели из самого факта перевода денег без анализа экономического содержания операции. Четвертая – игнорирование преобразованных форм имущества, когда преступный доход проходит через несколько стадий смены правовой оболочки. Пятая – недостаточная связь между предикатным деянием и последующей операцией, из-за чего в приговоре не раскрывается, каким именно образом совершенное действие придавало имуществу внешнюю правомерность.

Наконец, научный массив 2024–2025 гг. [7; 8; 10] фиксирует тенденцию к обсуждению законодательной корректировки. В литературе ставится вопрос о более четком описании признаков легализующего действия, о предельном снижении риска двойного учета элементов предикатного преступления, о включении в анализ трансграничных цифровых операций и о доработке доказательственных ориентиров для оценки малых сумм и фрагментированных переводов. Для правоприменения решающее значение здесь получает уточнение того, какие действия свидетельствуют о сокрытии происхождения имущества, а какие остаются в пределах последствий основного преступления.

Обсуждение

Проведенный анализ позволяет увидеть внутреннее напряжение между широкой нормативной формулой легализации и требованием точной уголовно-правовой оценки. С одной стороны, действующая модель сознательно охватывает большой круг операций, поскольку преступный доход способен проходить через разные формы преобразования, а узкая конструкция неизбежно оставляла бы значительную часть маскирующих схем вне уголовно-правового регулирования. С другой стороны, чрезмерно свободное толкование порождает риск подмены легализации любым последующим обращением с преступным имуществом.

Именно по данной линии расходятся научные подходы. Одна группа авторов делает упор на расширительное понимание предмета преступления и способов сокрытия его происхождения, поскольку современная преступная практика опирается на юридически и технологически сложные конструкции. Другая группа концентрируется на гарантийной стороне вопроса и настойчиво проводит мысль о том, что без внятного доказывания специальной цели квалификация по ст. 174 либо 174.1 превращается в механическое «дублирование» предикатного состава. На уровне правоприменения обе линии нуждаются в согласовании: широкое понимание предмета и формы операции допустимо, но лишь при строгом установлении маскирующей направленности действия.

Отдельного внимания заслуживает разница между формальным и содержательным подходом к сделке. Формальный подход опирается на внешнюю юридическую оболочку: договор, перевод, регистрационное действие, смену актива. Содержательный подход проверяет хозяйственный смысл операции, поведение контрагентов, экономическую оправданность платежа, последовательность шагов и связь операции с задачей сокрытия преступного источника. Второй путь представляется более убедительным, поскольку именно он удерживает квалификацию в пределах уголовного закона и не допускает автоматического переноса признаков легализации на любую финансовую активность виновного лица.

Литература, посвященная цифровой среде, выводит дискуссию на новый уровень. Криптовалюта, токенизированные объекты и иные электронные формы актива не разрушают классическую конструкцию легализации, но заметно меняют доказательственную картину. При цифровых операциях слабым местом становится не столько описание предмета преступления, сколько реконструкция цепочки владения и доказательство того, что последовательность конвертаций служила задаче сокрытия происхождения имущества. По данной причине вопрос о квалификации все чаще смещается в плоскость доказывания.

Ограничения существующих подходов заметны в нескольких пунктах. Во-первых, научные публикации нередко сосредоточены либо на предмете преступления, либо на цифровых способах легализации, либо на доказательственном материале, тогда как единая модель квалификации разрабатывается редко. Во-вторых, далеко не все работы одинаково отчетливо разграничивают последствия предикатного деяния и самостоятельное маскирующее действие. В-третьих, пока недостаточно разработаны критерии оценки дробных, многозвенных и трансграничных операций, где отдельный шаг внешне нейтрален, но в общей последовательности образует схему сокрытия.

Исследовательская лакуна просматривается и в вопросе соотношения уголовно-правовых и профилактических механизмов. Законодательство о противодействии легализации формирует массив сведений о подозрительных операциях, но переход от финансового мониторинга к уголовно-правовому выводу о наличии специальной цели остается методически сложным. На наш взгляд, дальнейшая разработка темы требует уточнения критериев содержательной оценки операций, прежде всего для цифровых форм обращения имущества и для ситуаций, где обвинение строится на серии внешне допустимых действий.

Заключение

Исследование позволило уточнить содержание спорных признаков ст. 174 и 174.1 УК РФ. Разграничение двух составов проходит по субъектному основанию, тогда как общими для них остаются финансовая операция либо сделка, преступное происхождение имущества и специальная цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению. Предмет легализации охватывает не только первоначально добытое имущество, но и его преобразованные формы, если сохраняется связь с преступным источником.

По второй задаче установлено, что основные ошибки квалификации связаны с подменой легализации последующим обращением с преступным имуществом, с неполным разграничением ст. 174 и 174.1 УК РФ, с формальным выводом о специальной цели без анализа экономического содержания операции и с недостаточным раскрытием

связи между предикатным деянием и маскирующим действием.

По третьей задаче выявлено, что цифровые формы обращения активов не требуют отказа от действующей уголовно-правовой конструкции, но резко повышают сложность доказывания. При операциях с криптовалютой и иными цифровыми инструментами центр квалификационной работы смещается к установлению цепочки преобразований имущества, бенефициарного контроля и направленности действий на сокрытие преступного происхождения дохода.

Литература

1. Быкова Е. Г. Некоторые проблемы квалификации легализации доходов, полученных в результате совершения мошенничества // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3 (43). С. 92–98.
2. Васильева Я. Ю. Криптовалюта как предмет преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 9. С. 118–121.
3. Векленко В. В., Акиев А. Р. Проблемы квалификации легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём (ст. 174, 174.1 УК РФ) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4 (96). С. 98–105.
4. Жукова Т. Г., Долгополов К. А. К вопросу о современных способах легализации имущества, добытого преступным путём // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11, № 3. С. 551–556. DOI: 10.37493/2409-1030.2024.3.17.
5. Иванов А. В. Предмет преступления, предусмотренный статьями 174 и 174.1 УК РФ // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 4А. С. 295–305. DOI: 10.34670/AR.2022.58.79.026.
6. Киргизова В. С. Проблема доказывания легализации (отмывания) денежных средств в Российской Федерации // Universum: экономика и юриспруденция. 2025. Т. 1, № 6 (128). С. 48–51. DOI: 10.32743/UniLaw.2025.128.6.20191.
7. Кочои С. М. Уголовно-правовая норма о легализации имущества, приобретенного лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1 УК РФ): инструмент борьбы с преступностью или «дубина» в руках правоприменителя? // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20, № 6 (175). С. 119–129. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.119-129.
8. Лубенцева К. А., Яковлева Е. О., Иванов П. И. К вопросу о квалификации легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 1. С. 132–138.
9. Малыгин А. И. Объективные признаки легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного в результате организованной преступной деятельности // Право и управление. 2025. № 1. С. 297–301.
10. Харченко О. В. О противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, в условиях цифровизации // Аграрное и земельное право. 2024. № 5 (233). С. 325–327. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_5_325.

Problems of qualifying money laundering under Articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

Katnikov I.I.

Synergy University of Moscow

This article examines the classification of money laundering under Articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The relevance of this topic stems from persistent difficulties in law enforcement in distinguishing between the legalization and disposal of criminally obtained property, in establishing the specific purpose of giving it a legitimate appearance, in determining the subject of the crime, and in assessing transactions with digital assets. The purpose of this study is to develop a systematic approach to interpreting the elements of the offenses enshrined in these provisions. The scientific novelty of this work lies in its integration of criminal law, law enforcement, and digital analysis into a single classification framework. The study utilizes formal legal, comparative legal, logical-analytical, and generalization techniques. The source base consists of modern Russian-language publications on the subject of money laundering, special purpose, proof, digital forms of concealing the criminal origin of property, and the distinction between related offenses. The analytical section explores the controversial elements of the objective and subjective aspects, demonstrates typical classification errors, and proposes guidelines for distinguishing between Articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The practical utility of the results lies in their application in investigative, prosecutorial, and judicial work.

Keywords: money laundering, money laundering, crime classification, Article 174 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, subject of the crime, special purpose, digital assets, proof, related offenses.

References

1. Bykova E. G. Some Problems of Qualification of Legalization of Income Obtained as a Result of Fraud // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3 (43). Pp. 92–98.
2. Vasilyeva Ya. Yu. Cryptocurrency as the Subject of Crimes Provided for by Articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences. 2022. No. 9. Pp. 118–121.
3. Veklenko V. V., Akiev A. R. Problems of Qualification of Legalization (Laundering) of Funds or Other Property Acquired by Criminal Means (Articles 174, 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4 (96). Pp. 98–105.
4. Zhukova T. G., Dolgopolov K. A. On the Issue of Modern Methods of Legalizing Property Obtained by Criminal Means // Humanitarian and Legal Studies. 2024. Vol. 11, No. 3. pp. 551–556. DOI: 10.37493/2409-1030.2024.3.17.
5. Ivanov A. V. The Subject of the Crime Provided for in Articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Issues of Russian and International Law. 2022. Vol. 12, No. 4A. pp. 295–305. DOI: 10.34670/AR.2022.58.79.026.
6. Kirgizova V. S. The Problem of Proving the Legalization (Laundering) of Funds in the Russian Federation // Universum: Economics and Jurisprudence. 2025. Vol. 1, No. 6 (128). Pp. 48–51. DOI: 10.32743/UniLaw.2025.128.6.20191.
7. Kochoi S. M. Criminal Law Norm on the Legalization of Property Acquired by a Person as a Result of Committing a Crime (Article 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): A Tool for Fighting Crime or a “Cudgel” in the Hands of a Law Enforcement Officer? // Actual Problems of Russian Law. 2025. Vol. 20, No. 6 (175). Pp. 119–129. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.119-129.
8. Lubentseva K. A., Yakovleva E. O., Ivanov P. I. On the Issue of Qualification of Legalization (Laundering) of Funds or Other Property Acquired by Criminal Means // Police and Investigative Activity. 2025. No. 1. pp. 132–138.
9. Malygin A. I. Objective Features of Legalization (Laundering) of Funds or Other Property Acquired as a Result of Organized Criminal Activity // Law and Management. 2025. No. 1. pp. 297–301.
10. Kharchenko O. V. On Combating the Legalization of Criminally Obtained Incomes in the Context of Digitalization // Agrarian and Land Law. 2024. No. 5 (233). pp. 325–327. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_5_325.

Процессуальные и организационные проблемы обеспечения явки трудовых мигрантов при расследовании преступлений

Мустаев Тимур Ильдарович
аспирант Уфимского университета науки и технологий, институт права

В статье исследуются процессуальные и организационные проблемы обеспечения явки трудовых мигрантов при расследовании преступлений. Анализируются нормы уголовно-процессуального законодательства, а также судебная практика по делам, связанным с неявкой иностранных граждан, отсутствием сведений об их фактическом месте проживания, нарушением подписки о невыезде и последующим объявлением в розыск. Автором обосновывается, что ключевые трудности обусловлены неопределённостью места пребывания трудовых мигрантов, ограниченной эффективностью привода, отсутствием действенного контроля за исполнением обязанностей при избрании подписки о невыезде и надлежащем поведении. Делается вывод о том, что правовая конструкция подписки о невыезде и надлежащем поведении не всегда обеспечивает достижение целей уголовного судопроизводства применительно к данной категории лиц. В качестве направлений совершенствования предлагаются более строгий стандарт установления фактического места пребывания и способов связи с лицом, дифференцированный подход к выбору меры пресечения и более активное применение мер, предусматривающих элементы контроля за поведением подозреваемого или обвиняемого.

Ключевые слова: трудовые мигранты, уголовное судопроизводство, обеспечение явки, меры пресечения, подписка о невыезде и надлежащем поведении, запрет определённых действий, привод, розыск, фактическое место пребывания, миграционный контроль, судебная практика.

В действующей редакции Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) прямо указаны как «место жительства», так и «место пребывания» [10]. На наш взгляд, в отношении иностранных граждан, в частности трудовых мигрантов, которые нередко проживают по месту временного пребывания – например, в общежитиях, арендованном жилье, гостиницах и т.д. – такая формулировка расширяет возможности применения данной меры.

Процедура вызова на допрос и правовые последствия неявки регламентированы уголовно-процессуальным законодательством. Согласно ст. 188 УПК РФ, повестка должна содержать сведения о лице, его процессуальном статусе, указание на орган или должностное лицо, осуществляющее вызов, адрес явки, а также дату и время, к которым лицо должно прибыть, и предупреждение о последствиях неявки. Закон допускает различные способы вручения повестки: под расписку, с использованием средств связи, а при временном отсутствии вызываемого лица – через совершеннолетнего члена семьи, администрацию по месту работы либо через иные организации и лиц, обязанных передать повестку. Однако вручение повестки через администрацию по месту работы предполагает наличие стабильных трудовых отношений, тогда как для значительной части мигрантов характерна нестабильная либо неформальная занятость.

В случае неявки по вызову без уважительных причин законодательство предусматривает возможность применения привода как меры процессуального принуждения. Однако его применение предполагает процессуально надлежащее подтверждение факта вызова лица и отсутствия уважительных причин неявки. При отсутствии таких подтверждений привод может быть признан необоснованным либо фактически неисполнимым, поскольку для его реализации необходимы достоверные сведения о месте нахождения вызываемого лица (ст. 113 УПК РФ).

Розыск подозреваемого или обвиняемого осуществляется на основании постановления следователя и реализуется органами дознания в случаях, когда лицо скрылось от следствия либо его местонахождение не установлено. Данная процедура связана с приостановлением предварительного следствия. Вместе с тем уголовно-процессуальное законодательство обязывает следователя до принятия решения о приостановлении предварительного следствия выполнить все возможные следственные действия, не требующие участия разыскиваемого лица, а также принять необходимые меры к установлению его местонахождения.

Срок предварительного следствия по общему правилу ограничен двумя месяцами со дня возбуждения уголовного дела (ст. 162 УПК РФ). При этом на практике могут возникать ситуации, связанные с невозможностью обеспечить участие лица в производстве по делу и необходимостью принятия вслед за этим дополнительных процессуальных решений. Подобное развитие расследования требует от следователя сосредоточения на принятии решений, связанных с продлением сроков, розыском лица, приостановлением и возобновлением предварительного следствия, в результате чего возрастает нагрузка на механизмы ведомственного контроля и прокурорского надзора за соблюдением процессуальных сроков.

Применительно к вопросу об избрании меры пресечения **в отношении мигранта**, статья 108 УПК РФ допускает избрание заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлений в случаях и на условиях, прямо предусмотренных законом. При этом по делам о преступлениях средней тяжести без применения насилия либо угрозы его применения такая мера пресечения возможна лишь в исключительных случаях, в том числе при отсутствии у лица места жительства или места пребывания на территории Российской Федерации, нарушении ранее избранной меры пресечения либо сокрытии от органов расследования или суда. Однако заметим, что отдельные фактические особенности положения мигрантов могут совпадать с обстоятельствами, которые статья 108 УПК РФ связывает с возможностью избрания заключения под стражу. В результате возникает риск того, что миграционный статус лица будет восприниматься как косвенный показатель ненадежности, тогда как закон требует установления фактических обстоятельств, подтверждающих невозможность применения иной меры пресечения.

Показательной является ситуация, отраженная в апелляционном постановлении Калужского областного суда от 30 января 2025 г. № 22К-143/2025 УК-22-143/2025 по делу № 3/3-15/2025 [1]. Как следует из материалов дела, следователь неоднократно направлял обвиняемому повестки для предъявления обвинения и участия в следственных действиях. В связи с неявкой без уважительных причин следователем было принято решение о приводе. Впоследствии в отношении обвиняемого была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, однако от подписания соответствующего документа обвиняемый отказался. Несмотря на вручение повестки с указанием конкретной даты явки, обвиняемый вновь не явился. Исполнить очередной привод также не представилось возможным. После чего обвиняемый был объявлен в розыск. На наш взгляд, данный пример наглядно показывает, что при отсутствии реального контроля за местонахождением обвиняемого подписка о невыезде оказывается недостаточно эффективной, а обеспечение его явки фактически сводится к применению мер процессуального принуждения и розыска.

В ряде случаев судебная практика иллюстрирует, что подписка о невыезде утрачивает обеспечительное значение практически сразу после ее избрания. Так, согласно апелляционному постановлению от 4 сентября 2024 г. № 22К-2880/2024 по делу № 3/1-205/2024, данная мера пресечения была избрана 19 августа 2024 года, а уже на следующий день лицо было объявлено в розыск, в том числе международный [8]. В дальнейшем подписка о невыезде была отменена, а орган предварительного расследования обратился в суд с ходатайством об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В подобной динамике нам видится системная проблема, заключающаяся в том, что избрание подписки о невыезде без надлежащего установления фактического места пребывания лица и без учета его высокой мобильности (в данном примере – возможности выезда за пределы Российской Федерации) приводит к необходимости оперативного обращения к механизмам международного розыска.

В делах с участием иностранных граждан судом также оценивается полнота установления фактического места проживания обвиняемого. Так, в апелляционном постановлении Московского областного суда от 18 апреля 2024 г. № 22-3076/2024 по делу в отношении гражданина Республики Таджикистан суд согласился с возвращением уголовного дела прокурору, указав на нарушение требований уголовно-процессуального закона, выразившееся в отсутствии в обвинительном заключении сведений о месте фактического проживания обвиняемого [6]. Суд признал это обстоятельство препятствующим постановлению обоснованного итогового решения по делу. Иными словами, отсутствие надлежащим образом установленного и зафиксированного адреса фактического проживания ставит под сомнение законность последующих процессуальных действий, а в дальнейшем – и с рассмотрением уголовного дела судом.

Другой аспект, связанный с трудовой миграцией, прослеживается в делах об административных правонарушениях, когда нарушение миграционного законодательства сочетается с параллельным уголовным преследованием иностранного гражданина. Так, в постановлении Выборгского районного суда г. Санкт-Петербурга от 27 июня 2024 г. № 5-1145/2024 по делу № 5-1145/2024 гражданин Республики Таджикистан пояснил, что прибыл на территорию Российской Федерации с целью трудоустройства, однако патент на осуществление трудовой деятельности не оформлял. Одновременно он сообщил, что в отношении него возбуждено уголовное дело и избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении [7]. Несмотря на это, суд исходил из того, что само по себе наличие уголовного дела и применение указанной меры пресечения не образуют законного основания для дальнейшего пребывания иностранного гражданина на территории Российской Федерации.

С точки зрения обеспечения процессуальных гарантий особое значение имеют дела, в которых сторона защиты ставит под сомнение факт надлежащего уведомления лица о вызове. Так, в апелляционном постановлении от 13 марта 2025 г. № 10-5593/2025 по делу № 3/1-0059/2025, вынесенном по материалу о заочном избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, защита указывала на отсутствие доказательств направления и вручения обвиняемому повесток, а также на наличие длительных временных промежутков между процессуальными решениями, связанными с объявлением лица в розыск. Несмотря на доводы, суд оставил решение об избрании меры пресечения без изменения, обосновав его совокупностью обстоятельств: тяжестью предъявленного обвинения, иностранным гражданством обвиняемого, отсутствием у него постоянной либо временной регистрации на территории Российской Федерации и фактом объявления его в международный розыск. Однако для рассматриваемой нами проблематики принципиально важно, что судебные органы связывают риск уклонения от следствия не только с фактом неявки по вызову, но и с особенностями миграционного статуса лица, отсутствием регистрации и потенциальной возможностью выезда за пределы страны [9].

В апелляционном постановлении Приморского краевого суда от 15 января 2025 г. № 22-148/2025 22-6663/2024 22К-148/2025 22К-6663/2024 по делу № 3/10-40/2024 было установлено, что лицо не являлось по вызовам в орган дознания, при этом указанный им абонентский номер телефона был отключен либо находился вне зоны доступа. В судебном заседании сторона защиты подтвердила, что после ожидания процессуальных решений обвиняемый покинул территорию Российской Федерации и на момент рассмотрения жалобы проживал в Таиланде. В данном деле были выявлены и дополнительные организационные проблемы, сопровождавшие длительный розыск лица: прокурором было отменено постановление о приостановлении предварительного расследования, а материалы уголовного дела оказались утраченными и впоследствии подлежали восстановлению. Схожая проблема прослеживается и в судебной практике, касающейся обеспечения явки иных участников уголовного процесса. К примеру, в апелляционном постановлении от 20 марта 2024 г. № 10-2/2024 по делу № 10-2/2024 суд ука-

зал, что установить местонахождение свидетелей –иностранных гражданам, не представилось возможным. В связи с этим суд апелляционной инстанции согласился с решением мирового судьи об отказе от применения принудительного привода, отметив, что его осуществление в данной ситуации привело бы лишь к необоснованному затягиванию сроков рассмотрения дела [4].

Совокупность обстоятельств отражает характер исследуемой проблемы, а именно тот факт, что избрание подписки о невыезде при отсутствии действенного механизма контроля за исполнением возложенных обязанностей может повлечь длительное осуществление розыскных мероприятий [2]. Кроме того, проблема обеспечения явки не сводится исключительно к факту неявки лица по вызову. Например, в апелляционном постановлении от 27 марта 2024 г. № 22К-1824/2024 по делу № 3/1-46/24 отмечено, что подозреваемому в день проведения допроса была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. Впоследствии он скрылся от органа предварительного расследования и был объявлен в розыск, в связи с чем производство дознания было приостановлено. После установления местонахождения подозреваемого и его задержания постановление о приостановлении расследования было отменено прокурором, а дознаватель обратился в суд с ходатайством об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Среди обстоятельств, положенных в обоснование необходимости применения более строгой меры пресечения, указывались отсутствие регистрации и постоянного места жительства на территории Российской Федерации, нарушение ранее избранной меры пресечения, а также нарушение условий административного надзора [5].

На основании материалов судебной практики можно сделать вывод, что организационные и процессуальные трудности обеспечения явки трудовых мигрантов обусловлены совокупностью обстоятельств: неопределённостью их фактического места проживания, затрудняющей надлежащее вручение повесток и применение подписки о невыезде; отсутствием устойчивых каналов коммуникации, ограниченной эффективностью такой меры процессуального принуждения, как привод, который при отсутствии достоверных сведений о местонахождении лица часто не приводит к обеспечению явки и лишь предшествует объявлению розыска; зависимостью принимаемых решений от процессуальных сроков расследования; отсутствием действенного механизма постоянного контроля за исполнением обязанностей при избрании подписки о невыезде; а также недостаточной согласованностью между органами предварительного расследования и органами миграционного контроля, из-за чего иностранный гражданин может одновременно находиться в поле разных режимов государственного контроля, но при этом становиться недоступным для дальнейшего участия в уголовном процессе.

В этой связи совершенствование практики обеспечения явки трудовых мигрантов предполагает изменение подхода к применению подписки о невыезде уже на этапе выбора меры пресечения. По мнению автора, решение о ее избрании должно основываться не столько на формальной допустимости данной меры, сколько на реальной возможности контролировать поведение лица. Судебная практика демонстрирует, что такие обстоятельства, как отсутствие регистрации на территории Российской Федерации, неподтвержденное место пребывания, ранее допущенные нарушения процессуальных обязанностей, а также явное нежелание лица подписывать подписку о невыезде, могут свидетельствовать о высокой вероятности уклонения. Игнорирование подобных факторов приводит к тому, что избрание подписки о невыезде утрачивает свою обеспечительную функцию и фактически становится этапом, предшествующим объявлению лица в розыск.

Важным направлением повышения эффективности обеспечения явки видится применение мер пресечения, предусматривающих контроль за поведением лица, в случаях, когда высок риск уклонения. В отличие от подписки о невыезде, запрет определённых действий (ст. 105.1 УПК РФ) не ограничивается обязанностью явки по вызовам, а предполагает установление конкретных запретов, исполнение которых подлежит контролю. В условиях отсутствия у трудового мигранта устойчивого места проживания и высокой вероятности перемещения такая мера представляется нам более эффективной, поскольку изначально предусматривает контрольный компонент.

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2026 г. № 9-П, посвященном анализу части 5 статьи 108 УПК РФ, было отмечено, что возможность разрешения судом вопроса о мере пресечения без участия скрывшегося обвиняемого, объявленного в розыск, в т.ч. федеральный розыск, соответствует конституционным целям уголовного судопроизводства [3]. Такая процедура направлена на предотвращение повторного сокрытия лица, а также на обеспечение возможности оперативного использования механизмов международного сотрудничества в случаях установления его нахождения за пределами Российской Федерации. Для нашей темы данная правовая позиция имеет двоякое значение. С одной стороны, она расширяет возможности реагирования на уклонение обвиняемого от участия в уголовном процессе, в том числе при осуществлении розыска на территории страны. Однако с другой – повышает значение последующего судебного контроля и обеспечения возможности доведения позиции обвиняемого до суда после его задержания.

Таким образом, вывод автора заключается в том, что возникающие трудности нельзя объяснить исключительно недобросовестным поведением отдельных участников процесса. Во многом они обусловлены несоответствием правовой конструкции подписки о невыезде и надлежащем поведении специфике правового статуса и фактического положения трудовых мигрантов. Судебная практика подтверждает это обстоятельство. В ряде случаев отсутствие сведений о фактическом месте проживания обвиняемого рассматривается судами как существенное процессуальное нарушение, тогда как неявка и последующее исчезновение лица приводят к объявлению его в розыск, приостановлению расследования и последующему ужесточению меры пресечения. Перспективное решение обозначенной проблемы видится в подходе, предполагающем сочетание нескольких элементов: более строгий стандарт установления фактического места пребывания лица и способов связи с ним, дифференцированный подход к выбору меры пресечения, включающий более активное использование мер, предусматривающих элементы контроля. Сформулированная Конституционным Судом позиция по вопросу заочного заключения под стражу, на наш взгляд, расширяет возможности правовой реакции государства на уклонение обвиняемого, одновременно повышая требования к обоснованности принимаемых.

Литература

36. Апелляционное постановление от 30 января 2025 г. № 22К-143/2025 УК-22-143/2025 по делу № 3/3-15/2025 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/9jnaJGM5Mnl8/ (дата обращения: 10.02.2026).

37. Апелляционное постановление от 15 января 2025 г. № 22-148/2025, 22-6663/2024, 22К-148/2025, 22К-6663/2024 по делу № 3/10-40/2024 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/jzvRAoRz7i4/ (дата обращения: 10.02.2026).

38. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2026 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Малиновского Ярослава Степановича» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_527303/ (дата обращения: 10.02.2026).

39. Апелляционное постановление от 20 марта 2024 г. № 10-2/2024 по делу № 10-2/2024 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/bGnEd60ia86j/ (дата обращения: 10.02.2026).

40. Апелляционное постановление от 27 марта 2024 г. № 22К-1824/2024 по делу № 3/1-46/24 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/iFXqUWHEJaUl/ (дата обращения: 10.02.2026).

41. Апелляционное постановление от 18 апреля 2024 г. № 22-3076/2024 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ud1yEyZyzv6K/ (дата обращения: 10.02.2026).

42. Постановление от 27 июня 2024 г. № 5-1145/2024 по делу № 5-1145/2024 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/DvM7aPG9ZVQ/ (дата обращения: 10.02.2026).

43. Апелляционное постановление от 4 сентября 2024 г. № 22К-2880/2024 по делу № 3/1-205/2024 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/3dLzChEqqX6b/ (дата обращения: 10.02.2026).

44. Апелляционное постановление от 13 марта 2025 г. № 10-5593/2025 по делу № 3/1-0059/2025 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/CfcyJYB6RCJh/ (дата обращения: 10.02.2026).

45. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 10.02.2026).

Procedural and organizational problems of ensuring the appearance of labor migrants in criminal investigations

Mustaev T.I.

Ufa university of science and technology, institute of law

The article examines the procedural and organizational problems of ensuring the appearance of labor migrants during criminal investigations. It analyzes the provisions of criminal procedure legislation, as well as judicial practice in cases involving the failure of foreign nationals to appear, the absence of information about their actual place of residence, violations of a recognizance not to leave and proper conduct, and their subsequent placement on a wanted list. The author argues that the key difficulties are обусловлены by the uncertainty of the place of stay of labor migrants, the limited effectiveness of compulsory conveyance, and the lack of effective control over compliance with obligations imposed under a recognizance not to leave and proper conduct. It is concluded that the legal framework of a recognizance not to leave and proper conduct does not always ensure the achievement of the aims of criminal proceedings with respect to this category of persons. As areas for improvement, the author proposes a stricter standard for establishing the actual place of stay of a person and the means of communication with them, a differentiated approach to the choice of a preventive measure, and a more active use of measures providing for elements of control over the behavior of the suspect or the accused.

Keywords: labor migrants, criminal proceedings, ensuring appearance, preventive measures, recognizance not to leave and proper conduct, prohibition of certain actions, compulsory conveyance, wanted search, actual place of stay, migration control, judicial practice.

References

1. Appeal ruling of January 30, 2025 No. 22K-143/2025 UK-22-143/2025 in case No. 3/3-15/2025 // Database of judicial acts, court decisions, and regulatory documents "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/9jnaJGM5Mnl8/ (date accessed: February 10, 2026).
2. Appeal ruling of January 15, 2025 No. 22-148/2025, 22-6663/2024, 22K-148/2025, 22K-6663/2024 in case No. 3/10-40/2024 // Database of judicial acts, court decisions, and regulatory documents "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/jzvRAoRz7i4/ (date of access: February 10, 2026).
3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 25, 2026 No. 9-P "On the Case of Verifying the Constitutionality of Part Five of Article 108 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of Citizen Yaroslav Stepanovich Malinovsky" // SPS "ConsultantPlus" [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_527303/ (date of access: February 10, 2026).
4. Appellate Resolution of March 20, 2024 No. 10-2/2024 in Case No. 10-2/2024 // Database of Judicial Acts, Court Decisions, and Regulatory Documents "Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/bGnEd60ia86j/ (accessed: 10.02.2026).
5. Appellate ruling of March 27, 2024 No. 22K-1824/2024 in case No. 3/1-46/24 // Database of judicial acts, court decisions, and regulatory documents "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/iFXqUWHEJaUl/ (accessed: 10.02.2026).
6. Appellate ruling of April 18, 2024, No. 22-3076/2024 // Database of judicial acts, court decisions, and regulatory documents "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ud1yEyZyzv6K/ (accessed: February 10, 2026).
7. Ruling of June 27, 2024, No. 5-1145/2024 in case No. 5-1145/2024 // Database of judicial acts, court decisions, and regulatory documents "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/DvM7aPG9ZVQ/ (accessed on February 10, 2026).
8. Appellate ruling of September 4, 2024, No. 22K-2880/2024 in case No. 3/1-205/2024 // Database of judicial acts, court decisions, and regulatory documents "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/3dLzChEqqX6b/ (accessed on February 10, 2026).
9. Appellate ruling of March 13, 2025, No. 10-5593/2025 in case No. 3/1-0059/2025 // Database of judicial acts, court decisions, and regulatory documents "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/CfcyJYB6RCJh/ (accessed on February 10, 2026).
10. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001, No. 174-FZ // Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (accessed on February 10, 2026).

Факторы увеличения сроков предварительного расследования преступлений с участием иностранных граждан

Мустаев Тимур Ильдарович
Аспирант, кафедра криминалистики, Институт права, Уфимского университета науки и технологий,

В статье исследуются факторы увеличения сроков предварительного расследования преступлений с участием иностранных граждан. Рассматриваются процессуальные и организационно-правовые обстоятельства, влияющие на продолжительность расследования. На основе анализа положений уголовно-процессуального законодательства и судебной практики автором делается вывод, что увеличение сроков расследования в данной категории дел обусловлено прежде всего спецификой процессуального обеспечения прав участников, а не только сложностью самого преступления. Обосновывается, что наиболее проблемными являются завершающие стадии расследования, связанные с выполнением требований статьи 217 УПК РФ, а также этапы проверки иностранных документов и межгосударственного взаимодействия. В качестве направлений снижения сроков предварительного расследования предлагаются своевременное выявление потребности в переводе, совершенствование документирования процедуры ознакомления с материалами дела, а также использование современных криминалистических и цифровых средств проверки иностранных документов.

Ключевые слова: предварительное расследование, иностранные граждане, разумный срок уголовного судопроизводства, языковые гарантии, переводчик, ознакомление с материалами уголовного дела, международная правовая помощь, иностранные документы, криминалистическая экспертиза.

Современные миграционные процессы приводят к тому, что иностранные граждане все чаще участвуют в российском уголовном судопроизводстве в качестве подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей. В то же время участие иностранного гражданина требует обеспечения языковых гарантий, проверки документов иностранного происхождения, получения сведений из иностранных государств, что влечет не только увеличение объема следственных и иных процессуальных действий, но и требует иного подхода к планированию расследования [4, с. 74].

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) устанавливает конкретные сроки предварительного расследования и закрепляет принцип разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 162 УПК РФ) [4]. По общему правилу срок предварительного следствия не должен превышать двух месяцев со дня возбуждения уголовного дела. В указанный срок включается период до направления уголовного дела прокурору с обвинительным заключением либо до принятия иных решений, предусмотренных уголовно-процессуальным законом. Одновременно законодатель устанавливает случаи, когда отдельные периоды не подлежат включению в общий срок, в частности время приостановления предварительного расследования.

В то же время уголовно-процессуальное законодательство исходит из необходимости соблюдения разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6.1. УПК РФ). Оценка его соблюдения зависит не только от продолжительности производства как таковой, но и от поведения участников процесса, достаточности принимаемых государством организационных мер, сложности уголовного дела и иных обстоятельств. Законом также предусмотрен специальный механизм ускорения рассмотрения дела, позволяющий заинтересованным лицам обратиться к председателю суда с заявлением об ускорении производства.

В делах с участием иностранных граждан значительная часть времени неизбежно расходуется на осуществление процедур, необходимых для обеспечения процессуальных гарантий: перевода процессуальных документов и показаний, удостоверения и проверки документов иностранного происхождения, подготовки и направления запросов о правовой помощи и др. Ст. 18 УПК РФ закрепляет, что лицам, не владеющим или недостаточно владеющим языком уголовного судопроизводства, должно быть разъяснено и обеспечено право пользоваться родным языком или иным языком, которым они владеют, знакомиться с материалами уголовного дела и бесплатно пользоваться помощью переводчика. Согласно ст. 59 УПК РФ, переводчик определяется как лицо, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для осуществления перевода, и привлекается к участию в деле на основании постановления следователя или дознавателя либо определения суда.

Из содержания указанных норм следует, что перевод неизбежно становится частью общего процессуального времени расследования. Если участнику процесса обеспечивается право на ознакомление с материалами уголовного дела с помощью переводчика, то при значительном объеме материалов увеличение продолжительности

этой процедуры выступает закономерным следствием реализации соответствующей гарантии. Практика показывает, что существенную часть объема уголовного дела могут составлять переводы процессуальных документов, что увеличивает как объем материалов, так и время, необходимое для их изучения [2].

Однако реализация права на защиту не означает допустимости неограниченного затягивания процессуальных сроков. В разъяснениях высших судебных инстанций отмечается, что суд вправе не признавать право на защиту нарушенным в тех случаях, когда ограничение отдельных процессуальных возможностей обусловлено недобросовестным использованием соответствующих правомочий в ущерб интересам других участников процесса [7].

Наиболее отчетливо сложности, влияющие на продолжительность предварительного расследования по уголовным делам с участием иностранных граждан, возникают на завершающей стадии, связанной с ознакомлением стороны защиты с материалами уголовного дела. Уголовно-процессуальное законодательство исходит из того, что обвиняемому и его защитнику должно быть предоставлено достаточное время для изучения материалов дела, в связи с чем они не подлежат ограничению во времени, объективно необходимом для ознакомления (ст. 217 УПК РФ). Вместе с тем закон допускает судебное вмешательство в случае явного затягивания данной процедуры. Так, по решению суда, принятому в порядке судебного контроля, может быть установлен конкретный срок для завершения ознакомления с материалами уголовного дела.

При этом практическая проблема заключается в отсутствии четких критериев т.н. «явного затягивания». Закон не содержит признаков, которые позволяли бы однозначно разграничить добросовестное осуществление права на ознакомление и злоупотребление им. Вследствие этого соответствующие ориентиры вырабатываются судебной практикой на основе оценки совокупности обстоятельств, характеризующих поведение участников процесса. К таким обстоятельствам относятся нерегулярная явка для ознакомления, несоразмерно малый объем изученных материалов при значительном количестве предоставленного времени, необоснованные перерывы и иные признаки, свидетельствующие о намеренном затягивании процедуры. Наряду с этим суды оценивают и действия следователя, прежде всего в части того, были ли созданы условия для ежедневной работы стороны защиты с материалами уголовного дела [11, с. 485].

Дополнительную сложность в делах, по которым обвиняемым является иностранный гражданин, создает языковой фактор. Темп ознакомления в подобных случаях определяется возможностями устного перевода, согласованностью графиков обвиняемого, защитника и переводчика, а также качеством самого перевода. Последнее обстоятельство может становиться основанием для ходатайств о замене переводчика, что также влияет на продолжительность процедуры. **Характерным примером является подход, отражённый в апелляционном постановлении Иркутского областного суда от 11 февраля 2025 года [1]. При объёме уголовного дела в 70 томов сторона защиты ссылалась на недостатки в организации перевода, отсутствие переводчика в отдельные дни и ограниченную скорость перевода. Несмотря на это, суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции о явном затягивании ознакомления с материалами дела и признал установленный срок законным и разумным. Значение при этом имели фактические обстоятельства, свидетельствующие о наличии у стороны защиты реальной возможности знакомиться с материалами дела, в том числе получать их копии.**

Участие переводчика может использоваться как дополнительный процессуальный инструмент уже на стадии выполнения требований статьи 217 УПК РФ. Подобные ситуации нередко возникают в тех случаях, когда на предшествующих этапах расследования обвиняемый не заявлял о необходимости перевода либо фактически общался на русском языке. При ознакомлении с материалами уголовного дела сторона защиты вправе пользоваться помощью переводчика и заявлять соответствующие ходатайства в пределах языковых гарантий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом. Если же реализация этих прав сопровождается явным затягиванием процедуры, суды могут учитывать разъяснения Верховного Суда РФ о недопустимости недобросовестного использования процессуальных прав в ущерб интересам других участников процесса [7].

Признание злоупотребления правом на участие переводчика возможно лишь при условии, что организация ознакомления с материалами уголовного дела со стороны органов расследования была процессуально безупречной [11, с. 486]. Если суд установит нарушение языковых гарантий, соответствующие решения подлежат отмене, а уголовное дело может быть возвращено на предыдущие стадии производства. В таком случае общая продолжительность расследования окажется значительно большей, чем при допустимом и объективно обусловленном увеличении срока ознакомления с материалами дела.

Судебная практика показывает, что проверка документов, происхождение которых связано с иностранной юрисдикцией, может требовать направления запросов в компетентные органы иностранного государства и проведения криминалистических исследований. Так, в деле об использовании поддельного водительского удостоверения Республики Узбекистан подложность документа была установлена на основании ответа компетентного органа Узбекистана, сведений консульских и официальных источников, а также результатов экспертного исследования бланка и его защитных элементов [10].

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает, что в случаях, когда для установления обстоятельств дела требуется производство процессуальных действий на территории иностранного государства, следователь либо иное уполномоченное лицо направляет запрос о правовой помощи (ст. 453 УПК РФ). Уже на стадии подготовки запроса возникает дополнительная задержка, обусловленная необходимостью составления процессуально надлежащего документа, перевода материалов и направления запроса. Следует учитывать и то, что международные договоры о взаимной правовой помощи, закрепляя общий принцип сотрудничества государств в сфере уголовного судопроизводства, не гарантируют оперативного исполнения направленных запросов. На практике сроки их исполнения зависят от внутренних процедур запрашиваемого государства, особенностей его национального законодательства, необходимости дополнительного перевода документов, полноты и точности реквизитов запроса и иных организационных обстоятельств. Эти факторы учитываются и в криминалистических рекомендациях, посвященных взаимодействию с иностранными компетентными органами, где подчеркивается необходимость заранее предусматривать в планировании расследования временные издержки, связанные с исполнением международных поручений [5]. **Судебная практика показывает, что направление международных поручений и ожидание ответов на них могут рассматриваться судами как объективная причина невозможности завершить предварительное расследование в ранее установленные сроки** [8]**.**

Наглядно влияние проверки документов иностранного происхождения на продолжительность расследования

прослеживается в судебной практике по делам о поддельных документах. Так, в приговоре от 14 октября 2024 года по делу № 1-788/2024 суд подробно отразил последовательность действий, предпринятых после выявления водительского удостоверения иностранного государства, вызвавшего сомнения в его подлинности [10]. С целью проверки документа орган расследования направил запрос в компетентный орган государства выдачи для установления факта его оформления и принадлежности конкретному лицу. Полученный ответ был приобщен к материалам дела, после чего сам документ направили на криминалистическое исследование. В ходе проверки было установлено, что удостоверение выдано на имя другого лица, а экспертное исследование показало несоответствие защитных элементов документа установленным образцам.

Другой аспект данной проблемы отражен в приговоре от 24 декабря 2024 года по делу № 1-54/2024, где ключевое значение имела проверка отметок о пересечении государственной границы и сведений миграционной карты [9]. В этом случае обращение в иностранное государство не потребовалось, однако следствие назначило технико-криминалистическое исследование документов. Согласно заключению эксперта, содержащиеся в документах даташтампы не соответствовали оригинальным штампам, используемым в контрольных пунктах пропуска через государственную границу. Иными словами, даже при отсутствии международного запроса проверка документов иностранного происхождения может потребовать проведения экспертизы, подготовка и выполнение которой занимают значительное время.

Криминалистическая проверка документов иностранного происхождения в ходе расследования уголовных дел сочетает правовую и техническую составляющие. Прежде всего правовая проверка иностранного документа обычно начинается с установления его происхождения и соблюдения процедуры легализации. В рамках консульских процедур уполномоченное должностное лицо вправе потребовать представления нотариально удостоверенного перевода документа на русский язык. Отсутствие надлежащей легализации либо наличие сомнений в ее достоверности может рассматриваться как самостоятельный признак возможной подложности документа. Одновременно подобные обстоятельства влекут необходимость дополнительных проверочных действий, связанных с получением перевода, подтверждением полномочий должностных лиц и обращением в компетентные органы иностранного государства, что неизбежно увеличивает продолжительность расследования [14].

Самостоятельное значение при правовой проверке иностранных документов имеет применение режима апостиля. В соответствии с международной практикой документы, предназначенные для использования на территории другого государства, могут удостоверяться апостилем как упрощенной формой подтверждения их подлинности [6]. В последние годы данная система развивается в направлении использования электронных апостилей и электронных реестров их проверки. В ряде случаев это дает возможность получить необходимые сведения значительно быстрее, чем при использовании традиционных механизмов межгосударственного взаимодействия и обмена запросами.

Техническая проверка иностранных документов основывается на применении средств технико-криминалистической экспертизы документов и иных экспертных исследований. В методических материалах подчеркивается, что исследование документов как вещественных доказательств осуществляется на основе стандартизированных методик, позволяющих установить способ изготовления документа, выявить признаки внесения изменений в его содержание, а также сопоставить защитные элементы с установленными образцами [12, с. 50]. Однако иностранное происхождение документа осложняет применение традиционных методов технико-криминалистической экспертизы. В этих условиях экспертное исследование не может ограничиваться анализом самого представленного документа, а требует сопоставления его признаков с подлинными образцами документов государства происхождения и с информацией о технологии их изготовления. Об этом, в частности, свидетельствует судебная практика по делу № 1-788/2024, в рамках которого экспертное исследование строилось на сравнительном анализе способов воспроизведения изображений и защитных элементов представленного документа с аналогичными документами соответствующего иностранного государства [10].

Ускорить проверку документа и в ряде случаев избежать направления длительных международных запросов позволяет оперативное обращение к международным базам данных об утраченных и похищенных документах. Например, международная полицейская организация ведет базу данных SLTD (Stolen and Lost Travel Documents), в которой сосредоточены сведения о проездных и удостоверяющих личность документах, заявленных как похищенные, утраченные, аннулированные либо признанные недействительными [3].

На основе рассмотренных факторов увеличения сроков предварительного расследования преступлений с участием иностранных граждан можно выделить некоторые направления их сокращения.

Так, для снижения риска процессуальных ошибок и последующего возвращения уголовных дел представляется необходимым совершенствование порядка документирования процедуры ознакомления с материалами уголовного дела. В частности, целесообразно фиксировать график ознакомления с материалами дела, причины неявки участников процесса, обстоятельства, связанные с отсутствием переводчика, объем фактически переведенного материала, а также сведения о предоставлении стороне защиты копий томов уголовного дела. На наш взгляд, стандартизация позволила бы обеспечить более объективную оценку действий участников процесса при разрешении вопроса о наличии признаков затягивания ознакомления с материалами уголовного дела.

Второй важной проблемой мы видим необходимость своевременного установление потребности в переводе. Если участник уголовного процесса фактически не владеет языком судопроизводства, обеспечение перевода ключевых процессуальных документов и разъяснение ему процессуальных прав уже на ранних стадиях расследования позволяет снизить вероятность последующих заявлений о непонимании существа процессуальных действий, ходатайств о замене переводчика и иных ситуаций, способных фактически привести к повторному выстраиванию процессуального взаимодействия на завершающем этапе расследования.

Подводя итог, отметим, что, увеличение сроков предварительного расследования по уголовным делам с участием иностранных граждан во многом обусловлено не столько сложностью самого преступления, сколько особенностями процессуального обеспечения расследования. При таких условиях основные меры по сокращению сроков расследования связаны с совершенствованием организационных механизмов проведения завершающих стадий расследования, прежде всего процедуры ознакомления с материалами дела, а также с развитием криминалистических средств проверки иностранных документов и обязательном соблюдении языковых гарантий участников уголовного процесса.

Литература

1. Апелляционное постановление № 22-301/2025 от 10 февраля 2025 г. по делу № 3/14-62/2024 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/LB0vFWiixpO/ (дата обращения: 10.02.2026).

2. Апелляционное постановление № 22К-1450/2025 от 7 августа 2025 г. по делу № 3/14-36/2025 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/gC9BuIlJWZQ/ (дата обращения: 10.02.2026).

3. База данных похищенных и утраченных проездных и удостоверяющих личность документов (SLTD) // Интерпол [Электронный ресурс]. URL: https://www.interpol.int/How-we-work/Border-management/SLTD-database-travel-and-identity-documents (дата обращения: 10.02.2026).

4. Беспамятнов Р. В. Расследование преступлений, совершенных иностранными гражданами и в отношении них: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2024. 238 с.

5. Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (Страсбург, 20 апреля 1959 г.) // Совет Европы [Электронный ресурс]. URL: https://rm.coe.int/1680065706 (дата обращения: 10.02.2026).

6. Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов (Апостиль) // Гаагская конференция по международному частному праву [Электронный ресурс]. URL: https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/specialised-sections/apostille (дата обращения: 10.02.2026).

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181898 / (дата обращения: 10.02.2026).

8. Постановление № 3/2-0109/2025, 3/2-109/2025 от 26 марта 2025 г. по делу № 3/2-0109/2025 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/GEvnfoJmBumK/ (дата обращения: 10.02.2026).

9. Приговор № 1-54/2024 от 23 декабря 2024 г. по делу № 1-54/2024 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/tZRu34wy4pmS/ (дата обращения: 10.02.2026).

10. Приговор № 1-788/2024 от 14 октября 2024 г. по делу № 1-788/2024 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/0HnpZxLkIO1R/ (дата обращения: 10.02.2026).

11. Тарасова К. В. Неопределенность понятия «явное затягивание времени ознакомления с материалами уголовного дела» в статье 217 Уголовно-процессуального кодекса РФ как возможность злоупотребления правом на защиту // Экономика и социум. 2016. № 7 (26). С. 483-487.

12. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / под ред. Ю. М. Дильдина; общ. ред. В. В. Мартынова. М.: ЭКЦ МВД России, 2010. 568 с.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 10.02.2026).

14. Федеральный закон от 05 июля 2010 г. № 154-ФЗ «Консульский устав Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 10.02.2026).

Factors contributing to prolonged preliminary investigations in criminal cases involving foreign citizens

Mustaev T.I.
Ufa university of science and technology

The article examines the factors contributing to the extension of the duration of pre-trial investigation in criminal cases involving foreign nationals. It considers the procedural, organizational, and legal circumstances affecting the length of the investigation. Based on an analysis of criminal procedure legislation and judicial practice, the author concludes that the increased duration of investigations in this category of cases is обусловлено прежде всего спецификой процессуального обеспечения прав участников, а не только сложностью самого преступления. It is argued that the most problematic stages are the final phases of the investigation related to compliance with Article 217 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as the stages involving verification of foreign documents and interstate cooperation. As possible ways to reduce the duration of pre-trial investigation, the article proposes timely identification of the need for translation, improvement of the documentation of the procedure for familiarization with case materials, and the use of modern forensic and digital tools for verifying foreign documents.

Keywords: pre-trial investigation, foreign nationals, reasonable time in criminal proceedings, language guarantees, interpreter, familiarization with criminal case materials, international legal assistance, foreign documents, forensic examination.

References

1. Appellate Ruling No. 22-301/2025 of February 10, 2025 in Case No. 3/14-62/2024 // Database of Judicial Acts, Court Decisions, and Regulatory Documents "Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/LB0vFWiixpO/ (accessed: February 10, 2026).
2. Appellate Ruling No. 22K-1450/2025 of August 7, 2025 in Case No. 3/14-36/2025 // Database of Judicial Acts, Court Decisions, and Regulatory Documents "Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/gC9BuIlJWZQ/ (accessed on 10 February 2026).
3. Stolen and Lost Travel and Identity Documents Database (SLTD) // Interpol [Electronic resource]. URL: https://www.interpol.int/How-we-work/Border-management/SLTD-database-travel-and-identity-documents (accessed on 10 February 2026).
4. Bespamyatnov R. V. Investigation of Crimes Committed by and Against Foreign Citizens: Dis. ... Cand. of Law. St. Petersburg, 2024. 238 p.
5. European Convention on Mutual Assistance in Criminal Matters (Strasbourg, 20 April 1959) // Council of Europe [Electronic resource]. URL: https://rm.coe.int/1680065706 (accessed: 10.02.2026).
6. Convention Abolishing the Requirement of Legalization for Foreign Public Documents (Apostille) // The Hague Conference on Private International Law [Electronic resource]. URL: https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/specialised-sections/apostille (accessed: 10.02.2026).
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 30, 2015 No. 29 "On the Practice of Applying Legislation Ensuring the Right to Defense in Criminal Proceedings by Courts" // SPS "ConsultantPlus" [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181898/ (accessed: 10.02.2026).
8. Resolution No. 3/2-0109/2025, 3/2-109/2025 of March 26, 2025 in case No. 3/2-0109/2025 // Database of judicial acts, court decisions, and regulatory documents "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/GEvnfoJmBumK/ (accessed: 10.02.2026).
9. Verdict No. 1-54/2024 of December 23, 2024 in Case No. 1-54/2024 // Database of Judicial Acts, Court Decisions, and Regulatory Documents "Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/tZRu34wy4pmS/ (accessed: February 10, 2026).
10. Verdict No. 1-788/2024 of October 14, 2024 in Case No. 1-788/2024 // Database of Judicial Acts, Court Decisions, and Regulatory Documents "Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/0HnpZxLkIO1R/ (accessed: 10.02.2026).

Сравнение модели криминализации деяний, связанных с государственной изменой в уголовном законодательстве Франции и России

Никушкин Роман Александрович
аспирант Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), roma.nikushkin@mail.ru.

В статье рассматривается модель криминализации деяний, связанных с государственной изменой в уголовном законодательстве Франции. Проводиться сравнительный анализ криминализации деяний, связанных с государственной изменой в уголовном законодательстве Французской Республики и Российской Федерации. Выделяются проблема самой криминализации деяний, связанных с государственной изменой в России, а именно: установление гражданином России связи с иностранным государством, которое осуществляет деятельность направленное против безопасности государства. Также выделены два неизвестных российскому законодательству действия, связанных с государственной изменой – ложное донесение до государственной власти сведений, которые могут причинить ущерб безопасности государства, и провокация к совершению государственной измене или действиям, влекущим ущерб безопасности государства.
Ключевые слова: государственная измена, измена, шпионаж, модель криминализации действий, безопасность государства, национальные интересы.

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации предусматривается уголовная ответственность за государственную измену и за сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, иностранной либо международной организации или с их представителями. По сути, статья 275.1 Уголовного кодекса предусматривает приготовление к совершению государственной измены [6, с. 124-125]. Сама статья 275 УК РФ, предусматривающая ответственность за государственную измену, включает в себя шпионаж, совершенный гражданином Российской Федерации по заданию специальных служб иностранных либо международных организаций, выдачу государственной тайны этим спецслужбам, оказание финансовой, материально-технической, консультационной и иной помощи в деятельности против безопасности России, переход на сторону противника [1].

Следует отметить, что совершение государственной измены в форме «оказания иной помощи» может включать в себя множество различных деяний. В связи с чем на практике может возникнуть проблема в квалификации деяний, совершаемых при государственной измене в форме «оказания иной помощи», поскольку некоторые деяния могут подлежать самостоятельной квалификации по иным статьям Уголовного кодекса России. В связи с этим, предлагается сравнить модели криминализации деяний, связанных с государственной изменой в уголовном законодательстве Франции и России, и выявить наличие или отсутствие такой же проблемы.

В юридической литературе выделяются следующие понятия модели в праве: состав преступления и правонарушения как идеальная модель [10, с. 237-238], как информационная модель преступления [11, с. 78] и как типическая модель (схема) [12, с. 27]. Есть учёные, которые говорят, что отношения к моделям в правовых науках пока ещё не сформировалось [13, с. 10] и видят в правовой модели только прогнозирование будущих правовых явлений [13, с. 11], с помощью которых можно определить вектор развития государственно-правовых процессов. Касаемо уголовного права, учёные видят в модели создание образа статей уголовного закона [14, с. 108], а А.Д. Нечаев приводит термин «теоретическое моделирования (де)криминализации деяний», под которым понимается «метод познания (де)криминализации деяний, основанный на их изучении путем построения соответствующей модели» [14, с. 109]. Есть учёные, которые выделяют нормативную модель, под которой понимают состав преступления [15, с. 191-192]. Исходя из всех предложенных вариантов понимания модели, можно сказать, что под моделью криминализации деяний будут пониматься всевозможные деяния, за которые предусматривается уголовно-правовая ответственность. Соответственно, при рассмотрении модели криминализации деяний, связанных с государственной изменой, необходимо обратить внимание на следующие аспекты: какие деяния, связанные с государственной изменой, криминализированы в уголовном законодательстве; имеется ли криминализация деяний, связанных с государственной изменой, в других статьях уголовного законодательства; какие составы преступлений образуют те или иные деяния, связанные с государственной изменой.

Большинство законодателей относят «государственную измену» к группе преступлений, направленных против национальных интересов, основ конституционного

строя и безопасности государства. Получается, что государственная измена как преступное деяние, преследуемое уголовным законодательством, является одним из особо опасных преступлений, направленных против общественных отношений, возникающих из основ государственного строя и безопасности государства. В связи с чем предлагается рассмотреть вопрос наличия криминализации деяний, связанных с государственной изменой, в других статьях раздела уголовного законодательства, охраняющего отношения, возникающие из основ государственного строя и безопасности государства.

В Уголовном кодексе Франции, преступления против государственной безопасности закреплены в книге 4, а уголовная ответственность за измену сосредоточена «в разделе первом "Посягательства на основополагающие интересы нации", который открывается главой, предусматривающей ответственность за самые тяжкие политические преступления – измену и шпионаж» [5, с. 111].

В разделе первом УК Франции, во-первых, даётся понятие основополагающим интересам нации, что подразумевает собой независимость, территориальную целостность, республиканскую форму организации её институтов, средства обороны и дипломатии, защиту населения в том числе и за границей, сохранение природной и окружающей среды, основные элементы научного и экономического потенциала, а также культурное достояние [9, с. 337]. В данном случае законодателем чётко выделяется объект преступных посягательств.

И так, рассмотрим криминализацию деяний, связанных с государственной изменой. Глава первая «Об измене и шпионаже» раздела первого книги четвертой УК Франции содержит в себе 6 отделов, 11 статей. Первой статьёй является 411-1, которая даёт определение терминам «измена» и «шпионаж». Так изменой признается совершение деяний, определённых статьями с 411-2 по 411-11, если такие деяния совершены гражданином Франции или военнослужащим, состоящим на службе Франции [9, с. 337-338]. Представляется весьма интересным, что если эти же деяния совершаются иными лицами, то они будут составлять шпионаж.

Перейдём к рассмотрению непосредственно криминализированных деяний, связанных с «изменой». Отдел первый главы первой раздела первого книги четвертой УК Франции «О сдаче всей или части национальной территории, вооруженных сил или военной техники иностранному государству» закрепляет две статьи (411-2, 411-3), в которых криминализированы следующие деяния: сдача территорий, принадлежащей французским вооружённым силам; сдача техники, сооружений, снаряжения, установок, аппаратуры, предназначенных для национальной обороны [9, с. 338-339]. Последние деяния, по Российскому законодательству, можно отнести к совершению государственной измены в форме оказания материально-технической помощи иностранному государству. Оказание материально-технической помощи также включает в себя снабжение иностранных государств, международных организаций, представителей таких государств и организаций в оборудовании, вооружении, запчастями для военной техники, компьютерными устройствами, различными деталями, транспортными средствами [3, 4], т.е. все объекты материального мира, которые могут оказать существенную помощь в проведение действий, направленных против безопасности России.

Далее перейдём ко второму отделу первой главы раздела первого книги четвертой УК Франции «О связях с иностранным государством». В ней содержатся две статьи (411-4 и 411-5) об установлении связи с иностранными государствами, их организациями с целью вызвать военные действия или акты агрессии против Франции или, если установление такой связи может причинить вред основополагающим интересам нации [9, с. 339-340]. Если говорить о первом случае, то в Российском понимании установление связи с иностранными государствами, их организациями с целью вызвать военные действия или акты агрессии против России будет являться совершением государственной измены. Во втором же случае – установление связи с иностранными государствами, их организациями, если такая связь может причинить вред основополагающим интересам государства, – будет подготовкой к совершению государственной измены либо же расцениваться как сотрудничество на конфиденциальной основе, за что предусмотрена уголовная ответственность в ст. 275.1 УК РФ.

Также как и в уголовном законодательстве России, в УК Франции криминализированы действия связанные с передачей информации иностранному государству. В отделе третьем главы первой раздела первого книги четвертой УК Франции «О передаче информации иностранному государству» содержаться статьи 411-6, 411-7 и 411-8 [9, с. 340-341]. Статья 411-6 УК Франции регулирует ответственность за передачу какому-либо иностранному государству либо его организации сведений, технологий, предметов, документов, информационных данных или данных картотек, использование которых может причинить ущерб основополагающим интересам нации. В передачу также включается и предоставление доступа к такой информации. Статья 411-7 УК Франции криминализирует собирание или сосредоточение с целью передачи какому-либо иностранному государству либо его организации сведений, технологий, предметов, документов, информационных данных или данных картотек, использование которых может причинить ущерб основополагающим интересам нации. По сути, эта статья предусматривает ответственность за подготовку либо покушение на ст. 411-6 УК Франции. Статья 411-8 УК Франции сильно конкурирует со ст. 411-7, поскольку содержит ответственность за осуществление деятельности, имеющей целью получить или передать какому-либо иностранному государству либо его организации сведений, технологий, предметов, документов, информационных данных или данных картотек, использование которых может причинить ущерб основополагающим интересам нации. Эти же деяния уже изложены в статье 411-7 УК Франции. Разница заключается только в формулировке текста статей: в 411-7 – «собирание или сосредоточение с целью передачи», а в 411-8 – «имеющую цель получить или передать». Так как в ст. 411-8 УК Франции употребляется слово «получить», то, скорее всего, эту статью стоит отнести к шпионажу, чем к «измене».

Отметим, что и в УК РФ осуществление передачи сведений, составляющих государственную тайну, иных сведений криминализировано в ст. 275 и 276 УК РФ. Последняя предусматривает ответственность за шпионаж. Также в Российском законодательстве к преступлениям против безопасности государства и основ конституционного строя относят и разглашение государственной тайны (ст. 283 УК РФ). Дифференциация ответственности будет происходить по адресату [7, с. 586]; полагаем, что также дифференцируется ответственность и в уголовном законодательстве Франции.

В Уголовном кодексе Франции к государственной измене относится уничтожение, повреждение или похищение любого документа, оборудования, сооружения, снаряжения, установки, аппарата, технического устройства или системы автоматизированной обработки информации либо внесение неполадок в их работу, если такие действия способны причинить ущерб основополагающим интересам нации. Кроме того, присутствует квалифицированный состав – если такие действия совершены с целью

служить интересам иностранного государства или его организациям. Данные действия криминализированы в ст. 411-9 УК Франции [9, с. 341-342]. По законодательству Российской Федерации данные действия могут быть квалифицированы как совершение государственной измены в форме оказания иной помощи или же как конфиденциальное сотрудничество, за которое ответственность гораздо ниже.

Экзотическим для российского уголовного законодательства криминализированным деянием, связанным с государственной изменой, будет являться предоставление гражданским или военным органам власти Франции с целью службы в иностранном государстве или её организации ложных сведений, которые могут повлечь ущерб интересам Франции [9, с. 342-343]. Предоставление ложных сведений, скорее всего, будет преступлением, если оно совершено в военное время и эти сведения могут иметь стратегическое значение либо могут оказать влияние на последующее ведение военных действий. В данном случае, в российском уголовном законодательстве нет ответственности за такое деяние, хотя его можно отнести к совершению государственной измены в форме оказания иной помощи иностранному государству либо международной организации или их организациям.

Последним криминализированным деянием, связанным с государственной изменой в уголовном законодательстве Франции, является провокация совершения государственной измены. Так, статья 411-11 закрепляет: «Деяние, совершенное путем обещаний, предложений, давления, угроз или побоев, выразившееся в непосредственном провоцировании совершения какого-либо из преступлений, предусмотренных в настоящей главе, если провокация не привела к результату в силу обстоятельств, не зависящих от воли провокатора». Данная норма представляется также весьма интересной для уголовного законодательства России, поскольку описываемые действия в ст. 411-11 УК Франции будут относиться, в российском уголовном понимании, к подстрекательству, которое предусмотрено ст. 33 УК РФ [1]. При этом, подстрекатель может нести другую ответственность, по самостоятельным статьям Уголовного кодекса России, в случае если ему не удастся склонить лицо к совершению преступления. Однако, если рассматривать действия гражданина России, являющимся подстрекателем, который будет склонять другого гражданина России к совершению государственной измены, то в случае неудавшейся попытке подстрекатель может подлежать ответственности за государственную измену.

Рассмотрев модель криминализации деяний, связанных с государственной изменой в уголовном законодательстве Франции, можно сказать, что деяния и уголовная ответственность за них достаточно дифференцированы и конкретны в отличие от российского уголовного законодательства, предусматривающего уголовную ответственность за государственную измену. По российскому законодательству большая часть возможных действий могут быть квалифицированы как совершение государственной измены в форме оказания иной помощи, либо как конфиденциальное сотрудничество (по ст. 275.1 УК РФ). Однако, в УК Франции возможны проблемы при квалификации передачи, собирания с целью передачи информации, документов и т.п. иностранному государству, иностранной организации, международной организации. В данном случае в Российской Федерации в ст. 275 УК РФ данные деяния могут относиться к форме «выдачи государственной тайны» либо «оказание иной помощи», либо «оказание консультационной помощи». Также представляется новым для Российской модели криминализации действий, связанных с государственной изменой, предоставление ложных сведений органам государственной власти, которые могут причинить вред безопасности России, и провокация к совершению государственной измене, которая может быть квалифицирована со ссылкой на ч.4 ст. 33, 275 УК РФ.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ № 25 от 17 июня 1996 г., ст. 2954.
2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверки конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова.
3. Борисов С.В., Чугунов А.А. Государственная измена и шпионаж как один из наиболее опасных преступлений против безопасности Российской Федерации // Алтайский юридический вестник. 2016. № 3 (15). С. 89-90.
4. Галеев Э.А., Лабошова Д.П. Материально-техническая помощь иностранному государству должностным лицом // Вести научных достижений. Экономика и право. 2021. № 9. С. 145.
5. Крылова Н.Е. Основные черты нового уголовного кодекса Франции. М.: Изд. «СПАРК», 1996. С. 111.
6. Пономаренко Е.В., Копшева К.О. Обоснованность изменений уголовного законодательства, касающихся отдельных составов преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства // Правовая политика и правовая жизнь, 2023. № 1. С. 124-125.
7. Рябчук В.Н. Государственная измена и шпионаж. Уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007. С. 586.
8. Сравнительное уголовное право. Особенная часть: Монография. под. общ. и науч. ред. С.П. Щербы. М.: изд. «Юрлитиформ», 2010. с. 398-403.
9. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головко, Н.Е. Крыловой. СПб: Изд. «Юридический центр Пресс», 2002. С. 337-343.
10. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. С. 237-238.
11. Кудрявцев В.Н. Право и правоведение. –М.: Юрид. лит., 1978. С. 78.
12. Алексеев С.С. Общая теория права. – М.: Юрид. лит., 1982. Т. 2. С. 27.
13. Правовые модели и реальность: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.Е. Рафалюк, Н.И. Хлуденева. – М., 2020. С. 10.
14. Нечаев А.Д. Концептуальные основы криминализации и декриминализации деяний: монография / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Изд. «Юрлитинформ», 2018. С. 108.
15. Уголовное право России: Общая часть: учебник /под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. М.: Статут, 2016. С.191-192

Comparison of the model of criminalization of acts related to high treason in the criminal legislation of france and russia

Nikushkin R.A.

Russian University of Transport (MIIT)

The article examines the model of criminalization of acts related to high treason in the criminal legislation of France. A comparative analysis of the criminalization of acts related to high treason in the criminal legislation of the French Republic and the Russian Federation is carried out. The problem of criminalization of acts related to high treason in Russia itself is highlighted, namely, the establishment by a Russian citizen of a connection with a foreign state that carries out activities directed against the security of the state. Two actions related to high treason, unknown to Russian legislation, have also been identified: false reporting to state authorities of information that could harm the security of the state, and provocation to commit high treason or actions that harm the security of the state.

Keywords: high treason, treason, espionage, model of criminalization of actions, state security, national interests.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation No. 25 of June 17, 1996, Article 2954.
2. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation on the case concerning the verification of the constitutionality of certain provisions of paragraph "a" of Article 64 of the Criminal Code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen V.A. Smirnov.
3. Borisov S.V., Chugunov A.A. High treason and espionage as one of the most dangerous crimes against the security of the Russian Federation // Altai Legal Bulletin. 2016. No. 3 (15). P. 89-90.
4. Galeev E.A., Laboshova D.P. Material and technical assistance to a foreign state by an official // News of scientific achievements. Economics and Law. 2021. No. 9. P. 145.
5. Krylova N.E. Main Features of the New Criminal Code of France. Moscow: SPARK Publishing House, 1996. P. 111.
6. Ponomarenko E.V., Kopsheva K.O. Validity of Amendments to Criminal Legislation Concerning Certain Elements of Crimes against the Foundations of the Constitutional System and State Security // Legal Policy and Legal Life, 2023. No. 1. Pp. 124-125.
7. Ryabchuk V.N. High Treason and Espionage. Criminal-Law and Criminological Research. St. Petersburg: Legal Center Press, 2007. P. 586.
8. Comparative Criminal Law. Special Part: Monograph. under. general. and scientific. ed. S.P. Shcherba. Moscow: Publishing House. "Yurlitiform", 2010. pp. 398-403.
9. Criminal Code of France / scientific ed. L.V. Golovko, N.E. Krylova. St. Petersburg: Publ. "Legal Center Press", 2002. pp. 337-343.
10. Cherdantsev A.F. Logical and linguistic phenomena in jurisprudence: monograph. - Moscow: Norma: INFRA-M, 2023. pp. 237-238.
11. Kudryavtsev V.N. Law and jurisprudence. - Moscow: Juridical lit., 1978. p. 78.
12. Alekseev S.S. General theory of law. - Moscow: Juridical lit., 1982. Vol. 2. P. 27.
13. Legal Models and Reality: Monograph / edited by Yu. A. Tikhomirov, E. E. Rafalyuk, N. I. Khlyudeneva. – Moscow, 2020. P. 10.
14. Nechaev A. D. Conceptual Foundations of Criminalization and Decriminalization of Acts: Monograph / edited by N. A. Lopashenko. – Moscow: Yurlitinform Publishing House, 2018. P. 108.
15. Criminal Law of Russia: General Part: Textbook / edited by F. R. Sundurov, I. A. Tarkhanov. Moscow: Statut, 2016. Pp. 191-192

Проблемы реализации положений, предусмотренных п. 2 ч. 2 ст. 27 УПК РФ

Романов Эдуард Артёмович
Аспирант факультета подготовки научных кадров, ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»

В статье исследуются теоретические и правоприменительные проблемы реализации пункта 2 части 2 статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с частью 2.2 той же статьи, введенной Федеральным законом от 13 июня 2023 года № 220-ФЗ во исполнение постановления Конституционного Суда РФ от 18 июля 2022 года № 33-П. На основе анализа следственной и судебной практики автором выявлены системные недостатки правового регулирования: отсутствие единообразного подхода к применению нормы, ошибки в исчислении предельных сроков уголовного преследования, возможность злоупотреблений путем неоднократного приостановления и возобновления производства, нарушение прав потерпевших, а также коллизия, при которой лицо, фактически причастное к преступлению, вынуждено добиваться прекращения преследования по реабилитирующему основанию. Обосновывается вывод о том, что часть 2.2 статьи 27 УПК РФ, будучи призванной обеспечить правовую определенность, порождает новые противоречия, подменяет фактические обстоятельства процессуальной фикцией и вступает в противоречие с назначением уголовного судопроизводства. В качестве решения предлагается исключение указанной нормы из уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова: сроки давности, прекращение уголовного преследования, непричастность к преступлению, реабилитация, потерпевший, разумный срок, Конституционный Суд РФ.

Институт давности в уголовном судопроизводстве традиционно выступает правовым компромиссом между неотвратимостью ответственности и стабильностью правопорядка, исключающим бессрочную угрозу уголовного преследования. Однако практика реализации оснований прекращения уголовного дела, предусмотренных пунктом 2 части 2 статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), выявила комплекс системных проблем, требующих не только доктринального осмысления, но и законодательного вмешательства.

Принятие Федерального закона от 13 июня 2023 года № 220-ФЗ, дополнившего статью 27 УПК РФ частью 2.2, стало реакцией законодателя на правовую позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в Постановлении от 18 июля 2022 года № 33-П . Указанным постановлением взаимосвязанные положения части второй статьи 27 УПК РФ и пункта «в» части первой статьи 78 УК РФ были признаны не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой они допускают продолжение уголовного преследования после истечения срока давности без определения предельных временных границ такого преследования. Введение части 2.2 статьи 27 УПК РФ, предписывающей по истечении определенного срока (от 2 до 12 месяцев в зависимости от тяжести деяния) прекращать уголовное преследование в связи с непричастностью подозреваемого или обвиняемого, должно было устранить правовую неопределенность . Тем не менее, правоприменительная практика столкнулась с новыми вызовами, порождающими противоречия с назначением уголовного судопроизводства, закрепленным в статье 6 УПК РФ[1, 2].

Анализ следственной и судебной практики свидетельствует об отсутствии сформировавшегося единообразного подхода к применению части 2.2 статьи 27 УПК РФ. Ключевой проблемой выступает неверное исчисление сроков, по истечении которых уголовное преследование подлежит прекращению по пункту 1 части 1 статьи 27 УПК РФ. С одной стороны, толкование закона позволяет утверждать, что течение указанного в законе срока (2, 3 или 12 месяцев) начинается с момента истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности, установленного статьей 78 УК РФ. С другой - исчисление данного срока не от даты истечения давности, а от момента возобновления производства по делу или от даты заявления подозреваемым (обвиняемым) возражений против прекращения дела по нереабилитирующему основанию.

Такая ошибка влечет за собой существенное превышение предельных сроков, установленных Конституционным Судом РФ как гарантия определенности правового положения лица. Вместо того чтобы выступать механизмом, ограничивающим длительность преследования, норма начинает работать как инструмент его необоснованного продления. Подобное правоприменение нивелирует саму суть постановления Конституционного Суда РФ № 33-П, который прямо указывал на необходимость прекращения дела по истечении предельного срока даже при отсутствии согласия лица. Кроме того, наблюдается несогласованность между предписаниями части 2.2 статьи 27 УПК РФ и общими нормами о сроках предварительного расследования. Законодатель, установив предельный срок существования уголовного преследования после истечения давности, не урегулировал должным образом вопрос о соотношении этого срока со сроками, предусмотренными статьей 162 УПК РФ. Это порождает ситуацию,

когда при формальном соблюдении сроков следствия (путем их неоднократного продления вышестоящим руководителем) игнорируется императивное требование части 2.2 статьи 27 УПК РФ о недопустимости преследования за пределами установленного периода.

Конструкция части 2.2 статьи 27 УПК РФ, будучи формально направленной на защиту прав лица, чье уголовное преследование формально продолжается, на практике создает условия для злоупотреблений со стороны органов предварительного расследования. По смыслу закона, производство по делу продолжается «в обычном порядке», что предполагает возможность применения всех предусмотренных УПК РФ институтов, включая приостановление предварительного следствия по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 208 УПК РФ[3].

Возникает парадоксальная ситуация: с одной стороны, закон устанавливает предельный срок существования уголовного преследования, с другой — допускает его приостановление, в период которого течение сроков расследования, а следовательно, и срока, предусмотренного частью 2.2 статьи 27 УПК РФ, фактически останавливается. Это позволяет органам следствия, манипулируя основаниями для приостановления (например, в связи с временным тяжелым заболеванием обвиняемого или неустановлением его местонахождения), искусственно продлевать период преследования на неопределенный срок. Такая практика вступает в прямое противоречие с правовой позицией Конституционного Суда РФ, который настаивал на необходимости достижения определенности правового положения лица в разумные сроки. Возможность бесконечного чередования решений о приостановлении и возобновлении следствия по делам данной категории превращает гарантию, предоставленную частью 2.2 статьи 27 УПК РФ, в фикцию. Подозреваемый или обвиняемый, отказавшийся от прекращения дела по истечении срока давности в целях доказывания своей невиновности, вновь попадает в состояние правовой неопределенности, но уже под видом действия специальной нормы[4, 5].

Дискуссионным остается вопрос о соблюдении баланса интересов в уголовном судопроизводстве при применении исследуемой нормы. Прекращение уголовного преследования по пункту 1 части 1 статьи 27 УПК РФ в связи с непричастностью лица к совершению преступления является реабилитирующим основанием. Это означает, что за лицом признается право на реабилитацию, включая возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием.

Однако применение данной нормы в контексте истечения сроков давности порождает юридический конфликт с правами и законными интересами потерпевших. В соответствии с частью 4 статьи 24 УПК РФ, уголовное дело подлежит прекращению в случае прекращения уголовного преследования в отношении всех подозреваемых или обвиняемых. Следовательно, после прекращения преследования конкретного лица по реабилитирующему основанию уголовное дело в целом не прекращается, если не истекли сроки давности или не установлено иное основание. Преступление считается нераскрытым, а лицо, его совершившее, — неустановленным[6].

Для потерпевшего это оборачивается двойным негативным последствием. С одной стороны, он утрачивает возможность требовать возмещения вреда от конкретного лица, в отношении которого имелись доказательства причастности (пусть даже не полученные в установленный срок), поскольку это лицо официально признано непричастным. С другой стороны, предварительное расследование по делу формально продолжается, но его перспективы в условиях истечения давности становятся призрачными. Особенно остро данная проблема стоит по так называемым «преступлениям прошлых лет», где раскрытие преступления напрямую связано с личностью привлекаемого лица, а альтернативные версии следствием не отрабатывались. В результате потерпевший, чьи права нарушены преступлением, фактически лишается доступа к правосудию и компенсации причиненного вреда[7, 8].

Наиболее глубоким противоречием анализируемого правового института выступает ситуация, при которой следователь, убежденный в причастности лица к совершению преступления (располагая соответствующими доказательствами), вынужден прекращать уголовное преследование в связи с непричастностью. Согласно пункту 20 статьи 5 УПК РФ, непричастность означает либо неустановленную причастность, либо установленную непричастность. Однако в контексте применения части 2.2 статьи 27 УПК РФ речь идет о принципиально иной ситуации: причастность лица установлена, доказательства собраны, но они не были направлены в суд в установленный законом предельный срок. Данная коллизия порождает ситуацию процессуального абсурда: орган предварительного расследования выносит процессуальный акт, содержание которого (указание на непричастность) прямо противоречит внутреннему убеждению следователя и материалам дела. Это не только дискредитирует саму идею предварительного расследования как деятельности по установлению обстоятельств преступления, но и создает опасный прецедент подмены фактических обстоятельств процессуальной фикцией[9].

Лицо, фактически совершившее преступление, получает возможность добиться прекращения уголовного преследования по реабилитирующему основанию, что влечет за собой возникновение права на реабилитацию, включая право на возмещение вреда от государства. Такое положение дел противоречит не только смыслу и назначению уголовно-процессуального закона, но и принципу справедливости, поскольку ставит жертву преступления и государство в положение, при котором они вынуждены компенсировать последствия процессуальной деятельности лицу, виновному в совершении преступления, но не привлеченному к ответственности в силу формальных обстоятельств.

Не менее серьезной проблемой, дискредитирующей саму идею части 2.2 статьи 27 УПК РФ, является неверное исчисление сроков, необходимых для принятия решения о прекращении уголовного преследования. Анализ правоприменительной практики показывает, что следователи и дознаватели зачастую учитывают лишь сам факт истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности, установленных статьей 78 УК РФ, полностью игнорируя требование о непрерывности предварительного расследования, проводимого после наступления этого момента. Норма части 2.2 статьи 27 УПК РФ устанавливает предельный период (от 2 до 12 месяцев), в течение которого допускается продолжение производства по делу в обычном порядке. Однако на практике этот срок нередко исчисляется фрагментарно: после каждого возобновления производства отсчет начинается заново, либо в него не включаются периоды приостановления следствия. Подобная практика приводит к необоснованному затягиванию уголовного преследования и возрождает ту самую правовую неопределенность, которую законодатель стремился устранить во исполнение предписаний Конституционного Суда РФ. Лицо, в отношении которого истекли сроки давности, оказывается в состоянии перманентного ожидания итогового решения, что противоречит принципу правовой определенности и стабильности правового статуса личности[10].

Нельзя обойти вниманием и проблему процессуального давления на подследственных, которое стало тре-

вожным трендом в практике применения рассматриваемой нормы. Поскольку часть 2.2 статьи 27 УПК РФ предоставляет лицу возможность дождаться прекращения преследования по реабилитирующему основанию, следователи, заинтересованные в скорейшем завершении производства и снижении статистики нераскрытых преступлений, нередко прибегают к тактике принуждения. Подозреваемому или обвиняемому фактически дают понять, что отказ от согласия на прекращение дела по нереабилитирующему основанию (за истечением сроков давности) повлечет за собой не прекращение преследования по истечении срока, предусмотренного частью 2.2, а сохранение на неопределенный срок мер процессуального принуждения. Речь идет об ограничениях свободы (подписка о невыезде, запрет определенных действий), сохранении арестов на имущество и банковские счета, а также о фактической невозможности для лица вести полноценную экономическую деятельность, включая получение кредитов и занятие определенных должностей. Такое давление подрывает саму суть диспозитивности в уголовном процессе, превращая право лица на защиту от уголовного преследования по нереабилитирующему основанию в фикцию, уступающую место административному и ведомственному интересу следствия[11, 12].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что механизм, заложенный в части 2.2 статьи 27 УПК РФ, не достиг цели, поставленной Конституционным Судом РФ. Вместо обеспечения определенности правового положения лица, в отношении которого истекли сроки давности, законодатель создал конструкцию, порождающую новые, еще более сложные противоречия. Применение данной нормы приводит к подмене оснований прекращения уголовного преследования, девальвации института реабилитации, нарушению прав потерпевших и формированию практики, при которой уголовно-процессуальный закон начинает работать не на установление истины, а на формальное завершение процесса любой ценой. Возможность манипуляции сроками через институт приостановления, неверное исчисление временных пределов и вынужденное признание виновных лиц непричастными свидетельствуют о глубокой концептуальной ошибке законодателя. Выход из сложившейся ситуации видится в исключении части 2.2 из статьи 27 УПК РФ как нормы, грубо противоречащей назначению уголовного судопроизводства. В качестве альтернативного решения проблемы неопределенности правового положения лица предлагается вернуться к модели, при которой истечение сроков давности является безусловным основанием для прекращения уголовного дела, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом (части 4 и 5 статьи 78 УК РФ), но с обязательным разъяснением лицу правовых последствий такого решения и предоставлением возможности обжалования в суд для установления невиновности. Такой подход позволил бы соблюсти баланс между интересами личности, потерпевшего и государства, не принося в жертву процессуальной целесообразности фундаментальные принципы уголовного судопроизводства.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от ...) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.2023 № 220-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 25. – Ст. 4412.

4. По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта "в" части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Рудникова : Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2022 № 33-П // Российская газета. – 2022. – 5 авг.

5. Елена Борисовна Кургузкина, Наталья Анатольевна Власова Спорные вопросы прекращения уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования // Вестник Московского университета МВД России. 2025. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spornye-voprosy-prekrascheniya-ugolovnogo-dela-v-svyazi-s-istecheniem-sroka-davnosti-ugolovnogo-presledovaniya (дата обращения: 09.03.2026).

6. Кудряшов, Р. В. Основания отказа государственного обвинителя от обвинения и их применение на практике / Р. В. Кудряшов. — Текст : непосредственный // Государство и право: теория и практика : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, июль 2014 г.). — Т. 0. — Чита : Издательство Молодой ученый, 2014. — С. 67-69. — URL: https://moluch.ru/conf/law/archive/115/5957.

7. По делу о проверке конституционности части первой статьи 151 и статьи 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.Г. Байгускаровой и М.Г. Мухаметчина : Постановление Конституционного Суда РФ от 29.05.2025 № 24-П // Российская газета. – 2025.

8. По делу о проверке конституционности пункта "д" части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.А. Андриановой : Постановление Конституционного Суда РФ от 30.05.2025 № 25-П // Российская газета. – 2025.

9. Фильченко А.П. Непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления в механизме прекращения отношения уголовной ответственности // Российский следователь. – 2012. – № 14. – С. 27–30.

10. Камчатов К.В., Аристархов А.Л. О правилах применения ч. 2.2 ст. 27 УПК в условиях необходимости достижения назначения уголовного судопроизводства // Законность. – 2024. – № 6. – С. 51–55.

11. Дулкарнаев М.С. Прекращение уголовного преследования за пределами срока давности: вопросы правоприменения // Уголовный процесс. – 2024. – № 8 (236). – С. 42–49.

12. Согоян В.Л. Проблемы предъявления гражданского иска к лицу, в отношении которого уголовное преследование прекращено в связи с непричастностью к совершению преступления // Академическая публицистика. – 2025. – № 1-1. – С. 283–288.

Problems of implementation of the provisions stipulated in paragraph 2, part 2, article 27 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation

Romanov E.A.
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

The article examines the theoretical and law enforcement problems of the implementation of paragraph 2 of Part 2 of Article 27 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in conjunction with Part 2.2 of the same article, introduced by Federal Law No. 220-FZ of June 13, 2023 pursuant to the resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 18, 2022 No. 33-P. Based on the analysis of investigative and judicial practice, the author identified systemic shortcomings in legal regulation: the lack of a uniform approach to the application of the norm, errors in calculating the deadlines for criminal prosecution, the possibility of abuse by repeatedly suspending and resuming proceedings, violation of the rights of victims, as well as a conflict in which a person actually involved in a crime is forced to seek termination of prosecution for a rehabilitating foundation. The conclusion is substantiated that Part 2.2 of Article 27 of the Code of Criminal Procedure, being designed to provide legal certainty, generates new contradictions, replaces factual circumstances with procedural fiction and contradicts the purpose of criminal proceedings. As a solution, it is proposed to exclude this provision from the criminal procedure law.

Keywords: statute of limitations, termination of criminal prosecution, non-involvement in crime, rehabilitation, victim, reasonable time, Constitutional Court of the Russian Federation.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 17.11.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on ...) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 52 (Part I). – Art. 4921.
3. On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of 13.06.2023 No. 220-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2023. – No. 25. – Art. 4412.
4. In the case concerning the verification of the constitutionality of Part Two of Article 27 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Clause "c" of Part One of Article 78 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.A. Rudnikov: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 18, 2022, No. 33-P // Rossiyskaya Gazeta. – 2022. – August 5.
5. Elena Borisovna Kurguzkina, Natalya Anatolyevna Vlasova, Controversial Issues of Termination of Criminal Cases Due to the Expiration of the Statute of Limitations for Criminal Prosecution // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spornye-voprosy-prekrascheniya-ugolovnogo-dela-v-svyazi-s-istecheniem-sroka-davnosti-ugolovnogo-presledovaniya (date of access: 09.03.2026).
6. Kudryashov, R. V. Grounds for the public prosecutor's withdrawal of charges and their application in practice / R. V. Kudryashov. - Text: direct // State and Law: Theory and Practice: Proc. III Int. Scientific Conf. (Chita, July 2014). - Vol. 0. - Chita: Young Scientist Publishing House, 2014. - Pp. 67-69. - URL: https://moluch.ru/conf/law/archive/115/5957.
7. In the case concerning the verification of the constitutionality of Part One of Article 151 and Article 1112 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizens A.G. Bayguskarova and M.G. Mukhametchin: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 29, 2025, No. 24-P // Rossiyskaya Gazeta. – 2025.
8. In the case concerning the verification of the constitutionality of paragraph "d" of Part One of Article 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen O.A. Andriyanova: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 30, 2025, No. 25-P // Rossiyskaya Gazeta. – 2025.
9. Filchenko A.P. Non-involvement of a suspect or accused in the commission of a crime in the mechanism for terminating criminal liability // Rossiyskaya Investigator. – 2012. – No. 14. – P. 27–30.
10. Kamchatov K.V., Aristarkhov A.L. On the Rules for Applying Part 2.2 of Article 27 of the Criminal Procedure Code in the Context of the Need to Achieve the Purpose of Criminal Proceedings // Legality. – 2024. – No. 6. – P. 51–55.
11. Dulkarnaev M.S. Termination of Criminal Prosecution Outside the Statute of Limitations: Law Enforcement Issues // Criminal Procedure. – 2024. – No. 8 (236). – P. 42–49.
12. Sogoyan V.L. Problems of Filing a Civil Claim against a Person in Relation to Whom Criminal Prosecution Has Been Terminated Due to Non-Involvement in the Commission of a Crime // Academic Journalism. – 2025. – No. 1-1. – P. 283–288.

Организация профилактической работы с осужденными за преступления террористического характера и экстремистской направленности в учреждениях, исполняющих наказания, не связанные с изоляцией от общества

Таптыков Алексей Владимирович
научный сотрудник, научно-исследовательский институт ФСИН России, commoncontacts@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности организации профилактической работы с осужденными за преступления террористического характера и экстремистской направленности, состоящих на учетах в уголовно-исполнительных инспекциях и в исправительных центрах. На основе официальной судебной статистики и ведомственных аналитических материалов анализируются динамика осужденности по соответствующим составам, социально-демографический и культурно-мировоззренческий портрет осужденных, а также их уголовно-правовой статус. Отмечается, что большинство осужденных данной категории имеют достаточный уровень образования, устойчивые социальные связи и жилищное обеспечение, что отличает их от традиционно выделяемых «групп риска» и требует акцентирования профилактической работы на идеологических, мотивационных и поведенческих факторах. Раскрываются основные направления взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций, исправительных центров, психологических подразделений, субъектов профилактики и пробации, а также общественных и религиозных организаций при осуществлении контроля и надзора за указанной категорией осужденных. Описывается система организационно-практических мер, направленных на предупреждение повторной преступности и повышение эффективности ресоциализации и социальной адаптации осужденных за террористические и экстремистские преступления.

Ключевые слова: преступления террористического характера, преступления экстремистской направленности, профилактическая работа, ресоциализация, социальная адаптация, психологическое сопровождение, субъект профилактики, повторная преступность, пробация.

Введение

Террористические и экстремистские преступления представляют собой одну из наиболее высоких форм общественной опасности, подрывающую основы национальной безопасности и конституционного строя государства. Согласно международным и национальным правовым актам такие деяния характеризуются не только прямым насилием или угрозой жизни, но и идеологическим воздействием, способствующим радикализации общества.

Опираясь на секторальный подход Организации Объединенных Наций (разработка ряда отдельных конвенций, каждая из которых относится к определенным преступлениям (общественно опасным деяниям), недопустимость которых признается всеми государствами), можно также определить «терроризм» как преступный акт насилия, направленный на создание состояния страха в обществе, принуждение государственных органов к действиям (или бездействию) с целью достижения политических, идеологических, религиозных или иных целей. Экстремизм выступает предпосылкой и идеологической базой терроризма: экстремистская пропаганда радикализирует, вербует и оправдывает террористические акты.

С ростом политической напряженности в мире, проведением специальной военной операции, а также учитывая развитие информационно-телекоммуникационных технологий, способствующих распространению идеологии насилия и расширению форм и методов вербовочных мероприятий, повышается значение профилактики и противодействия со стороны государства и общества.

Актуальность заявленной темы обусловлена спецификой работы с осужденными за террористические и экстремистские преступления в учреждениях, исполняющих наказания, не связанных с изоляцией от общества: в уголовно-исполнительных инспекциях и в исправительных центрах. В отличие от осужденных к лишению свободы, где применяются строгие меры изоляции и надзора, осужденные, состоящие на учетах УИИ и ИЦ, сохраняют значительную свободу передвижения и контактов. Они могут учится и работать, посещать общественные мероприятия (если это не ограничено решением суда), активно общаться с гражданами, которым в большинстве случаев неизвестно об их судимости. Это повышает риски распространения экстремистской идеологии и вовлечения новых участников в противоправную деятельность, а также требует от сотрудников, осуществляющих контроль и надзор за осужденными, эффективного исполнения своих служебных обязанностей.

Отдельного внимания заслуживает вопрос взаимодействия субъектов профилактики, субъектов пробации, а также привлечения к работе с осужденными рассматриваемой категории общественных и религиозных организаций.

Важно отметить влияние воспитательной, социальной и психологической работы с осужденными. Так, социальная помощь устраняет внешние источники дезадаптации, но сама по себе не гарантирует внутреннего принятия законопослушной модели поведения. Психологическая кор-

рекция снимает часть поведенческих рисков, но без материальной опоры быстро упирается в жизненные обстоятельства, которые разрушают даже положительную установку на перемены. Воспитательное воздействие связывает общественные нормы поведения и личную мотивацию, закрепляя новую поведенческую модель. Из такого соотношения следует, что профилактика рецидива теряет устойчивость, когда хотя бы одно звено выпадает.

Целью данного исследования является изучение организации работы с осужденными за террористические и экстремистские преступления в УИИ и ИЦ. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи. Первая задача связана с анализом криминогенного состава осужденных за преступления террористического характера и экстремистской направленности. Вторая задача состоит в раскрытии основных этапов работы и практических мероприятий, осуществляемых в рамках контроля и надзора за осужденными.

Новизна исследования состоит в комплексном анализе работы с осужденными рассматриваемой категории вне их изоляции от общества. Кроме того, она обусловлена общественно-политической ситуацией, проведением специальной военной операции, а также расширением сети исправительных центров, что в совокупности приводит к увеличению численности осужденных данной категории, состоящих на учетах УИИ и ИЦ.

Источники исследования представляют собой современные русскоязычные публикации, данные официальной статистики, нормативные правовые акты и ведомственные приказы (указания).

Исследование носит аналитико-обзорный характер и основано на вторичном анализе официальной статистики и ведомственных аналитических материалов.

Результаты

Уголовное право относит к преступлениям террористического характера и экстремистской направленности деяния, предусмотренные статьями 205–205.6, 208, ч.4 ст. 211, 277, 280, 280.1, 280.2, 282–282.4, 357, 360–361 Уголовного кодекса Российской Федерации. Часть указанных составов предусматривает наказания, не связанные с лишением свободы, включая штраф, ограничение свободы, принудительные работы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Кроме того, данные наказания также назначаются лицам, отбывающим лишение свободы, путем замены в порядке применения статьи 80 УК РФ неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

При повторном совершении преступлений террористического характера и экстремистской направленности наступают правовые последствия, в т.ч. признание рецидива преступлений (ст. 18 УК РФ). В ряде случаев не применяется условное осуждение или назначение более мягкого наказания. Кроме того, не применяются освобождение от уголовной ответственности и освобождение от отбывания наказания в связи с истечением срока давности преступления и обвинительного приговора (ч. 5 ст. 78 и 4 ст. 83 УК РФ), а также освобождение от уголовной ответственности в порядке ст. 78.1 УК РФ или от отбывания наказания в рамках ст. 80.2 УК РФ, т.е. в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время.

Осужденные рассматриваемой категории составляют незначительную часть от общего числа осужденных, состоящих на учетах в УИИ и ИЦ. Однако в последние несколько лет наметилась тенденция значительного процентного прироста. Так, В.А. Авдеев и О.А. Авдеева провели детальный анализ статистики Судебного департамента по Верховном Суде Российской Федерации [1]. Согласно полученным результатам в 2024 году преступления террористического характера достигли «максимальной отметки абсолютных и относительных показателей – 3714 преступлений (0,194%)» за предшествующий десятилетний период.

В целом официальная статистика показывает, что в первом полугодии 2025 года [3] за создание экстремистских или террористических сообществ и продолжение деятельности организаций, которые были запрещены как экстремистские или террористические (ст. 282^1, 282^2, 282^3, 205^4, 205^5) были осуждены в первом полугодии 334 человека (прирост 51% к аналогичному периоду 2024 года). Отталкиваясь от данных по основному обвинению, следует, что из 243 осужденных по статье 205^2 УК (публичные призывы к терроризму, оправдание или пропаганда терроризма) 134 человека были приговорены к штрафу (55,1%).

Из 97 человек, осужденных по статье 280 УК (публичные призывы к экстремистской деятельности), 62 человека были приговорены к условному сроку лишения свободы, 19 – к прочим наказаниям, не связанным с лишением свободы (в сумме 83,5%). Из 42 осужденных по ст. 354.1 УК РФ (реабилитация нацизма) как по основной 12 были приговорены к условным срокам лишения свободы, 4 – к принудительным работам, по 3 – к исправительным работам и штрафам (в сумме 52,4%).

Возросло число осужденных по статье 280^3 УК РФ (дискредитация использования вооруженных сил России и деятельности госорганов за рубежом). В первой половине 2025 года по основному и дополнительному обвинениям по ней были осуждены 39 человек (за весь 2024 год было осуждено 68 человек). Из 28 человек, осужденных по основному обвинению за повторную дискредитацию (по ч. 1 ст. 280 УК РФ) 10 человек получили условные сроки, 5 – принудительные работы, 2 – штрафы, в отношении 4 лиц дела прекратили, 1 – направили на лечение. Таким образом, 61% осужденных встали на учет УИИ и ИЦ.

Также с 4 до 15 за первую половину 2025 года возросла численность осужденных по ст. 280^4 УК РФ о публичных призывах к деятельности, направленной против безопасности государства. С 33 до 63 человек увеличилось число осужденных по ст. 282.3 УК (финансирование экстремизма), из которых 21 человек приговорен к штрафу, 3 – к условному сроку, 1 приговорен к принудительным работам (в сумме 39,7%).

Уголовно-исполнительное законодательство не выделяет осужденных за террористические и экстремистские преступления в отдельную категорию, однако в отношении них применяются усиленные меры контроля и надзора, организуются дополнительные профилактические мероприятия. Например, указание ФСИН России (от 13.10.2023 № исх-04-83730) «О повышении эффективности профилактической работы с осужденными за преступления террористического характера и экстремистской направленности» прямо указывает на ведение в УИИ и ИЦ отдельного учета лиц указанной категории, а также разделяющих радикальные и (или) экстремистские взгляды или вовлеченных в деятельность подобных групп (организаций). Данная мера коррелирует с положениями Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [6], согласно которым противодействие терроризму и экстремистской деятельности определяется одним из основных направлений деятельности по профилактике правонарушений.

В ходе проведенного Научно-исследовательским институтом ФСИН России изучения социально-демографической, культурно-мировоззренческой и уголовно-право-

вой характеристики осужденных за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности, состоящих на учетах в УИИ и ИЦ, были проанализированы сведения о 1973 осужденных (в УИИ – 98,1%, в ИЦ – 1,9%) [2].

Согласно полученным результатам 58,5% состояли на учете за преступления террористического характера, 41,5% – за преступления экстремистского характера. Примерно равная численность осужденных находились в возрастном диапазоне от 26 до 55 лет (75,4% и 74% соответственно), подавляющее большинство имели завершенное среднее или высшее образование (87% и 83,7% соответственно), подавляющее большинство осужденных были обеспечены жильем (97% и 94,5% соответственно). Являлись родителями 48% осужденных обеих категорий, 52% детей не имели.

Среди лиц, осужденных за терроризм, ранее судимыми было 13,2%, из которых 18,3% были ранее судимы за преступления террористического характера и экстремистской направленности. Среди лиц, осужденных за экстремизм, ранее судимыми было 9%, из которых 20% – за преступления террористического характера и экстремистской направленности.

27% преступлений террористического характера и 25% экстремистской направленности были совершены по политическим мотивам. Относительно высокая доля преступлений за экстремизм носила националистический характер – 27%.

При определении религиозной принадлежности православие указали 45% и 43%, мусульманство – 31% и 21,8%, атеизм – 6,5% и 21,5%, «иное» – остальные участники. Отметим, что из числа осужденных за терроризм, участвовавших в исследовании, 1,2% имели религиозное образование.

Таким образом, подавляющее большинство осужденных рассматриваемой категории представляют собой взрослых (обладают жизненным опытом), образованных людей, обладающих социальными связями и обеспеченных жильем.

В целом исследование показало, что данная категория не относится к «группе риска», как нуждающиеся в удовлетворении первичных, биологических потребностей (питание, жилье и т.д.), отсутствие которых может подтолкнуть к совершению преступления. Значительную часть данной группы составили лица, совершившие преступления из хулиганских побуждений (в т.ч. в состоянии алкогольного опьянения).

Состоят на учетах в УИИ и ИЦ по приговору суда 92,5% осужденных за терроризм и 93% – за экстремизм. С точки зрения поведения 62% осужденных за терроризм и 68% осужденных за экстремизм характеризовались нейтрально, 30% и 27% – положительно, 8% и 5% – отрицательно. За период отбывания наказания 19,8% и 12% допустили нарушение установленного порядка и условий отбывания наказания, 80,2% и 88% нарушений не допускали.

Вместе с тем работа с осужденными за преступления террористическо характера и экстремистской направленности является наиболее ресурсозатратным направлением деятельности работников УИИ, ИЦ требующей максимальной консолидация усилий руководства УИИ (филиалов), ИЦ, инспекторского состава, психологов. Учитывая, что в ИЦ состоят на учете в том числе осужденные, ранее отбывавшие наказание в исправительных учреждениях, особое значение имеют преемственность ранее применявшегося профилактического воздействия и принцип последовательности в его дальнейшем применении. Информационный обмен должен быть оперативным и постоянным.

Взаимодействие должностных лиц УИИ, ИЦ и психологов осуществляется по следующим основным направлениям: контроль за соблюдением специальных ограничений, обеспечение исполнения дополнительных запретов (посещение мест массового скопления, использование интернета и т.д.), установленных судом; предоставление информации: ежемесячное информирование начальника подразделения психологического обеспечения о лицах, состоящих на учете в филиалах за преступления террористического характера и экстремистской направленности; организационная поддержка: обеспечение графика работы, планирование времени для проведения групповых занятий, минимизация отвлечения психолога на несвойственные функции; административный ресурс: обязательное включение посещения психолога в индивидуальные планы работы с осужденными, применение мер воздействия к осужденным, уклоняющимся от психологической работы.

В соответствии с Алгоритмом психологического сопровождения осужденных, состоящих на учете в УИИ, при поступлении приговора суда начальник филиала УИИ в течение 3-х дней направляет на имя начальника ФКУ УИИ территориального органа ФСИН России заявку для организации психологического сопровождения осужденного. Ознакомление осужденных с возможностью получения психологической помощи осуществляется в ходе первоначальной беседы при постановке осужденных на учет, расписка об ознакомлении с указанной информацией приобщается к личным делам осужденных.

Аналогичная ситуация наблюдается в ИЦ при ознакомлении осужденного с порядком и условиями отбывания наказания, о своих правах и обязанностях (п. 80 Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы) [5]. На основании результатов ознакомительной беседы с осужденным к принудительным работам, а также с учетом предложений подразделений ИЦ в течение 3 рабочих дней со дня проведения ознакомительной беседы составляется план индивидуально-воспитательной работы с осужденным к принудительным работам на год, который утверждается начальником учреждения, либо лицом, его замещающим [4].

Отметим необходимость учитывать особенности возраста, пола, уровня образования, религиозной принадлежности, культурных, национальных и других особенностей.

По своей форме профилактическая работа может осуществляться индивидуально или в группе.

Индивидуальная форма работы является приоритетной и наиболее эффективной для изучения личности осужденного, выявления устойчивых радикальных установок и оказания адресного профилактического воздействия. Она предполагает комплексное изучение личности как гласными, так и негласными методами.

Групповая форма работы реализуется через лекции, беседы, консультации, встречи с теологами, религиоведами, психологами и общественными деятелями, а также участие в культурно-массовых и спортивных мероприятиях, занятиях по социально-правовым вопросам, аутотренингах.

Воспитательная работа с осужденными к принудительным работам осуществляется по следующим направлениям: нравственное, правовое, трудовое, физическое, духовное, патриотическое.

При осуществлении данной работы кроме индивидуального (беседы, аттестации, прием по личным вопросам и воспитательные мероприятия, проводимые с каждым осужденным к принудительным работам) и группового (мероприятия, проводимые с отдельными категориями

(группами) осужденных к принудительным работам) подходов применяются также массовые формы работы (просветительская работа, культурно-массовая работа, физкультурно-спортивная работа).

Индивидуальные беседы с осужденным к принудительным работам проводятся не реже, чем 1 раз в 3 месяца. Индивидуально-воспитательная работа с осужденным к принудительным работам, находящимся в помещении для нарушителей, проводится администрацией ИЦ не реже 1 раза в неделю. Индивидуально-воспитательная работа с осужденным к принудительным работам, которому предоставлено право проживания за пределами ИЦ, проводится при посещении места жительства осужденного к принудительным работам или места его работы.

Заключение

Эффективность проводимой работы определяется многими критериями. В соответствии с Федеральным законом от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (который противодействие терроризму и экстремистской деятельности определяет одним из основных направлений деятельности по профилактике правонарушений) [6] профилактическая работа должна быть системной (все профилактические мероприятия должны носить регулярный, в т.ч. плановый, характер), комплексной (качественная профилактическая работа включает взаимодействие с другими заинтересованными службами и организациями), адресной (необходимо учитывать особенности возраста, пола, уровня образования, религиозной принадлежности, культурных, национальных и других особенностей).

Актуальной является так же разработка региональных программ, подлежащих реализации на уровне субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Следует отметить организационно-практических меры, направленные на привлечение институтов гражданского общества и религиозных организаций. Кроме того, с учетом реализации пробации, готовит обращения в соответствующие социальные службы, организации и учреждения о необходимости оказания помощи для социальной адаптации.

Таким образом, в целях организации работы по предупреждению совершения новых преступлений среди подучетных лиц работник УИИ, ИЦ, осуществляющий непосредственное исполнение судебного решения о наказании, мере уголовно-правового характера, не связанной с изоляцией от общества, условно-досрочном освобождении от отбывания наказания при проведении работы по предупреждению совершения подучетными лицами новых преступлений:

обеспечивает постановку на профилактический учет лиц, склонных к совершению новых преступлений, осуществление за ними усиленного контроля;

выявляет среди подучетных лиц, нуждающихся в получении социальной и иной помощи;

анализирует материалы, отражающие результаты работы в сфере профилактики правонарушений;

осуществляет оперативное информационное взаимодействие с субъектами профилактики правонарушений;

изучает сообщения, поступающие от должностных лиц, представителей общественности, письма и заявления граждан;

принимает меры превентивного характера: проводит разъяснительную работу среди подучетных лиц, их близких родственников и лиц, способных оказывать положительное влияние на подучетное лицо, о недопустимости нарушения условий исполнения наказания, мер уголовно-правового характера, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, а также совершения новых преступлений;

проводит мероприятия, в том числе комплексного характера совместно с субъектами профилактики правонарушений, общественными объединениями и организациями правоохранительной направленности, по выявлению и пресечению нарушений условий исполнения наказаний, мер уголовно-правового характера, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания со стороны подучетных лиц;

проводит индивидуальные профилактические мероприятия в отношении лиц, допускающих нарушения условий исполнения наказаний, мер уголовно-правового характера, в установленных случаях информируя заинтересованные субъекты профилактики правонарушений.

Только комплексная реализация указанных мероприятий способствует успешному исправлению осужденных за преступления террористического характера и экстремистской направленности, и недопущению совершения повторных преступлений.

Литература

1. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Ключевые направления обеспечения безопасности в условиях многополярного мира // Обеспечение безопасности современного общества и государства в условиях многополярного мира : Сборник материалов X Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 17–19 апреля 2025 года. – Чебоксары: Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, 2025. – 830 с. – ISBN 978-5-7677-3911-0.

2. Анализ проводимой работы в отношении осужденных за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности, состоящих на учетах уголовно-исполнительных инспекций, исправительных центров: аналитический обзор // Ю.Е. Суслов, С.С. Оганесян, П.Н. Казберов, Д.С. Мальцев (УОИНИО ФСИН России), ФКУ НИИ ФСИН России, УОИНИО ФСИН России. – М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2024. – 150 с.

3. Данные судебной статистики : Сводные статистические сведения о деятельности за 1 полугодие 2025 года // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерациию. URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения – 02.02.2026).

4. Порядок осуществления социальной и воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ или лишения свободы, оказания им психологической помощи, утвержденный приказом Минюста России от 29.11.2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // СПС «Гарант». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408001585/?ysclid=mn5w6t4o2b31125759 (дата обращения – 14.02.2026).

5. Приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110 (ред. от 30.09.2025) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // СПС «Консультант». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421232/?ysclid=mn5wdv1bnb9781635 (дата обращения – 17.02.2026).

6. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/71428030/ (дата обращения – 13.02.2026).

Organization of preventive work with condemned persons for terrorist and extremist crimes in institutions that impose punishments other than isolation from society

Taptykov A.V.
Research Institute of the Federal Penitentiary Service

The article discusses the features of the organization of preventive work with convicts for crimes of a terrorist nature and extremist orientation, who are registered in the penal inspection and correctional centers. Based on official judicial statistics and departmental analytical materials, the dynamics of conviction for the relevant crimes, the socio-demographic and cultural-ideological portrait of the convicts, as well as their criminal-legal status are analyzed. It is noted that the majority of convicts in this category have a sufficient level of education, stable social connections, and housing, which distinguishes them from the traditionally identified "risk groups" and requires focusing preventive work on ideological, motivational, and behavioral factors. The article reveals the main areas of interaction between penal inspections, correctional centers, psychological units, prevention and probation agencies, as well as public and religious organizations, in the process of monitoring and supervising this category of convicts. The article describes a system of organizational and practical measures aimed at preventing recidivism and increasing the effectiveness of resocialization and social adaptation of convicts for terrorist and extremist crimes.

Keywords: Crimes of a terrorist nature, crimes of an extremist orientation, preventive work, resocialization, social adaptation, psychological support, subject of prevention, repeated criminality, probation.

References

1. Avdeev V.A., Avdeeva O.A. Key Directions of Ensuring Security in a Multipolar World // Ensuring the Security of Modern Society and the State in a Multipolar World: Collection of Materials of the 10th International Scientific and Practical Conference, Cheboksary, April 17–19, 2025. – Cheboksary: I.N. Ulyanov Chuvash State University, 2025. – 830 p. – ISBN 978-5-7677-3911-0.
2. Analysis of the work carried out in relation to convicts for committing crimes of a terrorist and extremist nature, who are registered with the penal inspection services and correctional centers: analytical review // Yu.E. Suslov, S.S. Oganesyan, P.N. Kazberov, D.S. Maltsev (UOINIO of the Federal Penitentiary Service of Russia), Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, UOINIO of the Federal Penitentiary Service of Russia. – Moscow: Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2024. – 150 p.
3. Judicial Statistics Data: Summary Statistical Information on Activities for the First Half of 2025 // Official Website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://cdep.ru/?id=79 (date of application – 02.02.2026).
4. The procedure for carrying out social and educational work with those sentenced to forced labor or imprisonment, providing them with psychological assistance, approved by Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 29.11.2023 No. 350 «On the re-socialization, social adaptation and social rehabilitation of persons subject to probation in accordance with Federal Law No. 10-FZ dated 02/06/2023 «On Probation in the Russian Federation» // SPS Garant. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408001585/?ysclid=mn5w6t4o2b31125759 (accessed on 14.02.2026).
5. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 110 dated 04.07.2022 (as amended on 30.09.2025) «On Approval of the Rules of Internal Discipline for Detention Centers of the Penitentiary System, the Rules of Internal Discipline for Correctional Facilities, and the Rules of Internal Discipline for Correctional Centers of the Penitentiary System» // SPS Consultant. consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421232/?ysclid=mn5wdv1bnb9781635 (accessed on 17.02.2026).
6. Federal Law No. 182-FZ of 23.06.2016 «On the Fundamentals of the System of Crime Prevention in the Russian Federation» // SPS Garant. URL: https://base.garant.ru/garant.ru/71428030/ (accessed on 13.02.2026).